

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ВОСЬМОЙ

1964

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии и рисунки из архива Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, Михаила Лемхина, Андрея Тужилкина, в том числе фотографии Александра Копылова

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1964, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Понедельник начинается в субботу

Сказка для научных работников младшего возраста

Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю.

Н. В. Гоголь

История первая. Суета вокруг дивана

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодарю! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ

зашемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсохло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка randevу».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — воскликнул горбоносый. — Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» — «А что у вас есть?» — «Что у нас есть?» — спросил горбоносый, поворачиваясь. «Алдан-3», — сказал бородатый. «Богатая машина, — сказал я. — И хорошо работает?» — «Да как вам сказать...» — «Понятно», — сказал я. «Собственно, ее еще не отладили, — сказал бородатый. — Оставайтесь у нас, отладите...» — «А перевод мы вам в два счета устроим», — добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» — спросил я. «Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем человеческим». — «Понятно, — сказал я. — Что-нибудь с космосом?» — «И с космосом тоже», — сказал горбоносый. «От добра добра не ищут», — сказал я. «Столичный город и приличная зарплата», — сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо, — сказал я. — Не надо мерять на деньги». — «Да нет, я пошутил», — сказал бородатый. «Это он так шутит, — сказал горбоносый. — Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». — «Почему вы так думаете?» — «Уверен». — «А я не уверен». Горбоносый усмехнулся. «Мы еще поговорим на эту тему, — сказал он. — Вы долго пробудете в Соловце?» — «Дня два максимум». — «Вот на второй день и поговорим». Бородатый заявил: «Лично я вижу в этом перст судьбы — шли по лесу и встретили программиста. Мне кажется, вы обречены». — «Вам действительно так нужен программист?» — спросил я. «Нам позарез нужен программист». — «Я поговорю с ребятами, — пообещал я. — Я знаю недовольных». — «Нам нужен не всякий программист, — сказал горбоносый. — Программисты — народ дефицитный, избаловались, а нам нужен небалованный». — «Да, это сложнее», — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — доброволец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии...» — «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей». — «А как насчет крылышек? —

спросил я. — Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девять десятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подъедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоносый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу околесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не поработаешь — забываешь про все эти штуки». — «А может быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. А ты не Кристобаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Переночую в машине, не первый раз.

Мне вдруг страшно захотелось поспать на простынях. Я уже четыре ночи спал в спальном мешке.

— Слушай, — сказал горбоносый, — хо-хо! Изнакурнож!

— Правильно! — воскликнул бородатый. — На Лукоморье его!

— Ей-богу, я переночую в машине, — сказал я.

— Вы переночуете в доме, — сказал горбоносый, — на относительно чистом белье. Должны же мы вас как-то отблагодарить...

— Не полтинник же вам совать, — сказал бородатый.

Мы въехали в город. Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петушками на крышах. Попалось несколько грязных кирпичных строений с железными дверями, вид которых вынес у меня из памяти полужнакомое слово «лабаз». Улица была прямая и широкая и называлась проспектом Мира. Впереди, ближе к центру, виднелись двухэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками.

— Следующий переулок направо, — сказал горбоносый.

Я включил указатель поворота, притормозил и свернул направо. Дорога здесь заросла травой, но у какой-то калитки стоял, приткнувшись, новенький «Запорожец». Номера домов висели над воротами, и цифры были едва заметны на ржавой жести вывесок. Переулок назывался изящно: «Ул. Лукоморье». Он был неширок и зажат между тяжелых старинных заборов, поставленных, наверное, еще в те времена, когда здесь шастали шведские и норвежские пираты.

— Стоп, — сказал горбоносый. Я тормознул, и он снова стукнулся носом о ствол ружья. — Теперь так, — сказал он, потирая нос. — Вы меня подождите, а я сейчас пойду и все устрою.

— Право, не стоит, — сказал я в последний раз.

— Никаких разговоров. Володя, держи его на мушке.

Горбоносый вылез из машины и, нагнувшись, протиснулся в низкую калитку. За высоченным серым забором дома видно не было. Ворота были совсем уже феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом. Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестя толстым стеклом синяя солидная вывеска с серебряными буквами:

НИИЧАВО

изба на куриных ногах

памятник

соловецкой старины

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

КОТ НЕ РАБОТАЕТ
Администрация

— Какой КОТ? — спросил я. — Комитет Оборонной Техники?

Бородатый хихикнул.

— Вы, главное, не беспокойтесь, — сказал он. — Тут у нас забавно, но все будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завопили. Я поглядел. На воротах умахивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский — я таких никогда не видел — черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он сыто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», — сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

— Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

— Благодетель! — позвал он. — Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

— Вот вы и дома, — сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

— А вот и хозяйка! — вскричал бородатый. — По здорову ли, баушка Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

— Здравствуй, здравствуй, внучек, — произнесла она неожиданно звучным басом. — Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одетая была бабка в ватную безрукавку и черное суконное платье.

— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— А не надо, — сказала старуха, пристально меня рассматривая. — Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской,

русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

— Гхм! — громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

— Можно звать просто Сашей... — выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

— И где же я его положу? — осведомилась бабка.

— В запаснике, конечно, — несколько раздраженно сказал горбоносый.

— А отвечать кто будет?

— Наина Киевна!.. — раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» — «...А ежели он что-нибудь стибрит?..» — «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» — «А ежели он цыкать будет?..»

Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

— Неловко как-то, — сказал я.

— Не беспокойтесь — все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

— Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

— Не может быть и речи! — решительно сказал Володя. — Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

— Я заплачу, — сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

— Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

— Ну, все устроилось. Пошли.

— Слушайте, неудобно как-то, — сказал я. — Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

— Обязана, обязана, — приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

— А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписавшемуся...

Роман тихонько взвыл, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. Роман сказал напряженным голосом:

— Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

— А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

— Не цыкают! Говорят вам — зубов нет.

— Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы и потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом — колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей

побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскоблен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался. «Скатерть, инвентарный номер двести сорок пять...» — «Вы еще каждую половицу запишите!..» — «Стол обеденный...» — «Печь вы тоже запишете?..» — «Порядок нужен... Диван...»

Я подошел к окну и отдернул занавеску. За окном был дуб, больше ничего не было видно. Я стал смотреть на дуб. Это было, видимо, очень древнее растение. Кора была на нем серая и какая-то мертвая, а чудовищные корни, вылезшие из земли, были покрыты красным и белым лишайником. «И еще дуб запишите!» — сказал за стеной Роман. На подоконнике лежала пухлая засаленная книга, я бездумно полистал ее, отошел от окна и сел на диван. И мне сейчас же захотелось спать. Я подумал, что вел сегодня машину четырнадцать часов, что не стоило, пожалуй, так торопиться, что спина у меня болит, а в голове все путается, что плевать мне, в конце концов, на эту нудную старуху, и скорей бы все кончилось и можно было бы лечь и заснуть...

— Ну вот, — сказал Роман, появляясь на пороге. — Формальности окончены. — Он помотал рукой с растопыренными пальцами, измазанными чернилами. — Наши пальчики устали: мы писали, мы писали... Ложитесь спать. Мы уходим, а вы спокойно ложитесь спать. Что вы завтра делаете?

— Жду, — вяло ответил я.

— Где?

— Здесь. И около почтамта.

— Завтра вы, наверное, не уедете?

— Завтра вряд ли... Скорее всего — послезавтра.

— Тогда мы еще увидимся. Наша любовь впереди. — Он улыбнулся, махнул рукой и вышел. Я лениво подумал, что надо было бы его проводить и попрощаться с Володей, и лег. Сейчас же в комнату вошла старуха. Я встал. Старуха некоторое время пристально на меня глядела.

— Боюсь я, батюшка, что ты зубом цыкать станешь, — сказала она с беспокойством.

— Не стану я цыкать, — сказал я утомленно. — Я спать стану.

— И ложись, и спи... Денежки только вот заплати и спи...

Я полез в задний карман за бумажником.

— Сколько с меня?

Старуха подняла глаза к потолку.

— Рубль положим за помещение... Полтинничек за постельное белье — мое оно, не казенное. За две ночи выходит три рубли... А сколько от щедрот накинешь — за беспокойство, значит, — я уж и не знаю...

Я протянул ей пятерку.

— От щедрот пока рубль, — сказал я. — А там видно будет.

Старуха живо схватила деньги и удалилась, бормоча что-то про сдачу. Не было ее довольно долго, и я уже хотел махнуть рукой и на сдачу, и на белье, но она вернулась и выложила на стол пригоршню грязных медяков.

— Вот тебе и сдача, батюшка, — сказала она. — Ровно рублик, можешь не пересчитывать.

— Не буду пересчитывать, — сказал я. — Как насчет белья?

— Сейчас постелю. Ты выйди во двор, прогуляйся, а я постелю.

Я вышел, на ходу вытаскивая сигареты. Солнце наконец село, и наступила белая ночь. Где-то лаяли собаки. Я присел под дубом на вросшую в землю скамеечку, закурил и стал смотреть на бледное беззвездное небо. Откуда-то бесшумно появился кот, глянул на меня флюоресцирующими глазами, затем быстро вскарабкался на дуб и исчез в темной листве. Я сразу забыл о нем и вздрогнул, когда он завозился где-то наверху. На голову мне посыпался мусор. «Чтоб тебя...» — сказал я вслух и стал отряхиваться. Спать

хотелось необычайно. Из дому вышла старуха, не замечая меня, побрела к колодцу. Я понял это так, что постель готова, и вернулся в комнату.

Вредная бабка постелила мне на полу. Ну уж нет, подумал я, запер дверь на щеколду, перетащил постель на диван и стал раздеваться. Сумрачный свет падал из окна, на дубе шумно возился кот. Я замотал головой, вытряхивая из волос мусор. Странный это был мусор, неожиданный: крупная сухая рыба чешуя. Колко спать будет, подумал я, повалился на подушку и сразу заснул.

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хриловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

— Не хрипи, — шептал раздраженный. — Ты можешь не хрипеть?

— Могу, — отозвался сдавленный и заперхал.

— Да тише ты... — прошипел раздраженный.

— Хрипунец, — объяснил сдавленный. — Утренний кашель курильщика... — Он снова заперхал.

— Удались отсюда, — сказал раздраженный.

— Да все равно он спит...

— Кто он такой? Откуда свалился?

— А я почему знаю?

— Вот досада... Ну просто феноменально не везет.

Опять соседям не спится, подумал я спросонья. Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

— Подушку верните, — сказал я, — и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно храпела старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала храпеть. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хрустело и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и захрапела снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлядь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала храпеть, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, — отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. — Плескаться больше не будешь сегодня?» — «Холодно что-то. Давай баиньки». Стало тихо. Бабка зарычала и заворчала, и я осторожно вернулся на диван. Утром встану пораньше и все поправлю как следует...

Я лег на правый бок, натянул одеяло на ухо, закрыл глаза и вдруг понял, что спать мне совершенно не хочется — хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» — «У меня с сыром и колбасой». С польской полукопченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты, с чесночком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленых огурчика. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьким бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьким бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленькими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечись бы, подумал я и взял книгу с подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмурое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не пробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуя складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом... Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштексы с соусом пикан. Большие и средние бифштексы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито забормотала, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

— Откушай-ко, батюшка Александр Иванович. Откушай, чем бог послал, со мной переслал...

— Что вы, что вы, Наина Киевна, — забормотал я, — зачем же было так беспокоить себя...

Но в руке у меня уже откуда-то оказалась вилка с костяной ручкой, и я стал есть, а бабка стояла рядом, кивала и приговаривала:

— Кушай, батюшка, кушай на здоровьице...

Я съел все. Это была горячая картошка с топленным маслом.

— Наина Киевна, — сказал я истово, — вы меня спасли от голодной смерти.

— Поел? — сказала Наина Киевна как-то неприветливо.

— Великолепно поел. Огромное вам спасибо! Вы себе представить не можете...

— Чего уж тут не представить, — перебила она уже совершенно раздраженно. — Поел, говорю? Ну и давай сюда тарелку... Тарелку, говорю, давай!

— По... пожалуйста, — проговорил я.

— «Пожалуйста, пожалуйста»... Корми тут вас за пожалуйста...

— Я могу заплатить, — сказал я, начиная сердиться.

— «Заплатить, заплатить»... — Она пошла к двери. — А ежели за это и не платят вовсе? И нечего врать было...

— То есть как это — врать?

— А так вот и врать! Сам говорил, что цыкать не будешь... — Она замолчала и скрылась за дверь.

Что это она? — подумал я. Странная какая-то бабка... Может быть, она вешалку заметила? Было слышно, как она скрипит пружинами, ворочаясь на кровати и недовольно ворча. Потом она запела негромко на какой-то варварский мотив: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши...» Из окна потянуло ночным холодом. Я поежился, поднялся, чтобы вернуться на диван, и тут меня осенило, что дверь я перед сном заперал. В растерянности я подошел к двери и протянул руку, чтобы проверить щеколду, но едва пальцы мои коснулись холодного железа, как все поплыло у меня перед глазами. Оказалось, что я лежу на диване, уткнувшись носом в подушку, и пальцами ощупываю холодное бревно стены.

Некоторое время я лежал, обмирая, пока не осознал, что где-то рядом храпит старуха, а в комнате разговаривают. Кто-то наставительно вещал вполголоса:

— Слон есть самое большое животное из всех живущих на земле. У него на рыле есть большой кусок мяса, который называется хоботом потому, что он пуст и протянут, как труба. Он его вытягивает и сгибает всякими образами и употребляет его вместо руки...

Холодея от любопытства, я осторожно повернулся на правый бок. В комнате было по-прежнему пусто. Голос продолжал еще более наставительно:

— Вино, употребляемое умеренно, весьма хорошо для желудка; но когда пить его слишком много, то производит пары, унижающие человека до степени несмысленных скотов. Вы иногда видели пьяниц и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымели...

Я рывком поднялся и спустил ноги с дивана. Голос умолк. Мне показалось, что говорили откуда-то из-за стены. В комнате все было по-прежнему, даже вешалка, к моему удивлению, висела на месте. И, к моему удивлению, мне опять очень хотелось есть.

— Тинктура экс витро антимонии, — провозгласил вдруг голос. Я вздрогнул. — Магифтериум антимон ангелий салаэ. Бафилии олеум витри антимонии алекситериум антимониалэ! — Послышалось явственное хихиканье. — Вот ведь бред какой! — сказал голос и продолжал с завыванием: — Вскоре очи сии, еще отверзаемые, не узрят более солнца, но не попусти закрыться оным без благоутробного извещения о моем прощении и блаженстве... Сие есть «Дух или Нравственные Мысли Славного Юнга, извлеченные из ночных его размышлений». Продается в Санкт-Петербурге и в Риге в книжных лавках Свешникова по два рубля в папке. — Кто-то всхлипнул. — Тоже бредятина, — сказал голос и произнес с выражением:

Чины, краса, богатства,
Сей жизни все приятства,
Летят, слабеют, исчезают,
Се тлен, и щастье ложно!
Заразы сердце угрызают,
А славы удержать не можно...

Теперь я понял, где говорили. Голос раздавался в углу, где висело туманное зеркало.

— А теперь, — сказал голос, — следующее. «Все — единое Я, это Я — мировое Я. Единение с неведением, происходящее от затмения света Я, исчезает с развитием духовности».

— А эта бредятина откуда? — спросил я. Я не ждал ответа. Я был уверен, что сплю.

— Изречения из «Упанишад», — ответил с готовностью голос.

— А что такое «Упанишады»? — Я уже не был уверен, что сплю.

— Не знаю, — сказал голос.

Я встал и на цыпочках подошел к зеркалу. Я не увидел своего отражения. В мутном стекле отражалась занавеска, угол печи и вообще много вещей. Но меня в нем не было.

— В чем дело? — спросил голос. — Есть вопросы?

— Кто это говорит? — спросил я, заглядывая за зеркало. За зеркалом было много пыли и дохлых пауков. Тогда я указательным пальцем нажал на левый глаз. Это было старинное правило распознавания галлюцинаций, которое я вычитал в увлекательной книге В. В. Битнера «Верить или не верить?». Достаточно надавить пальцем на глазное яблоко, и все реальные предметы — в отличие от галлюцинаций — раздвоятся. Зеркало раздвоилось, и в нем появилось мое отражение — заспанная, встревоженная физиономия. По ногам дуло. Поджимая пальцы, я подошел к окну и выглянул.

За окном никого не было, не было даже дуба. Я протер глаза и снова посмотрел. Я отчетливо видел прямо перед собой замшелый колодезный сруб с воротом, ворота и свою машину у ворот. Все-таки сплю, успокоенно подумал я. Взгляд мой упал на подоконник, на растрепанную книгу. В прошлом сне это был третий том «Хождений по мукам», теперь на обложке я прочитал: «П. И. Карпов. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники». Постукивая зубами от озноба, я перелистал книжку и просмотрел цветные вклейки. Потом я прочитал «Стих № 2»:

В кругу облаков высоко
Чернокрылый воробей
Трепеща и одиноко
Парит быстро над землей.
Он летит ночной порой,
Лунным светом освещенный,
И, ничем не удрученный,
Все он видит под собой.
Гордый, хищный, разъяренный
И летая, словно тень,
Глаза светятся как день.

Пол вдруг качнулся под моими ногами. Раздался пронзительный протяжный скрип, затем, подобно гулу далекого землетрясения, раздалось рокочущее: «Ко-о... Ко-о... Ко-о...» Изба заколебалась, как лодка на волнах. Двор за окном сдвинулся в сторону, а из-под окна вылезла и вонзилась когтями в землю исполинская куриная нога, провела в траве глубокие борозды и снова скрылась. Пол круто накренился, я почувствовал, что падаю, схватился руками за что-то мягкое, стукнулся боком и головой и свалился с дивана. Я лежал на половиках, вцепившись в подушку, упавшую вместе со мной. В комнате было совсем светло. За окном кто-то обстоятельно откашливался.

— Ну-с, так... — сказал хорошо поставленный мужской голос. — В некотором было царстве, в некотором государстве жил-был царь, по имени... мнэ-э... ну, в конце концов, неважно. Скажем, мнэ-э... Полуэкт... У него было три сына-царевича. Первый... мнэ-э-э... Третий был дурак, а вот первый?..

Пригибаясь, как солдат под обстрелом, я подобрался к окну и выглянул. Дуб был на месте. Спиною к нему стоял в глубокой задумчивости на задних лапах кот Василий. В зубах у него был зажат цветок кувшинки. Кот смотрел себе под ноги и тянул: «Мнэ-э-э...» Потом он тряхнул головой, заложил передние лапы за спину и, слегка сутулясь, как доцент Дубино-Княжицкий на лекции, плавным шагом пошел в сторону от дуба.

— Хорошо... — говорил кот сквозь зубы. — Бывали-живали царь да царица. У царя, у царицы был один сын... Мнэ-э... Дурак, естественно...

Кот с досадой выплюнул цветок и, весь сморщившись, потер лоб.

— Отчаянное положение, — проговорил он. — Ведь кое-что помню! «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин...» Откуда бы это? А Иван, сами понимаете — дурак, отвечает: «Эх ты, поганое чудище, не уловивши бела лебедя, да кушаешь!» Потом, естественно — каленая стрела, все три головы долой, Иван вынимает три сердца и привозит, кретин, домой матери... Каков подарочек! — Кот сардонически засмеялся, потом вздохнул. — Есть еще такая болезнь — склероз, — сообщил он.

Он снова вздохнул, повернул обратно к дубу и запел: «Кря-кря, мои деточки! Кря-кря, голубяточки! Я... мнэ-э... я слезой вас отпаивала... вернее — выпаивала...» Он в третий раз вздохнул и некоторое время шел молча. Поравнявшись с дубом, он вдруг немзыкально заорал: «Сладок кус не доедала!..»

В лапах у него вдруг оказались массивные гусли — я даже не заметил, где он их взял. Он отчаянно ударил по ним лапой и, цепляясь когтями за струны, заорал еще громче, словно бы стараясь заглушить музыку:

Дасс им таннвальд финстер ист,
Дас махт дас хольте,
Дас... мнэ-э... майн шатц... или катц?..

Он замолк и некоторое время шагал, молча стуча по струнам. Потом тихонько, неуверенно запел:

Ой, бував я в тим садочку,
Та скажу вам всю правдочку:
Ото так
Копают мак.

Он вернулся к дубу, прислонил к нему гусли и почесал задней ногой за ухом.

— Труд, труд и труд, — сказал он. — Только труд!

Он снова заложил лапы за спину и пошел влево от дуба, бормоча:

— Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил-был портной, по имени... — Он встал на четвереньки, выгнул спину и злобно зашипел. — Вот с этими именами у меня особенно отвратительно! Абу... Али... Кто-то ибн чей-то... Н-ну хорошо, скажем, Полуэкт. Полуэкт ибн... мнэ-э... Полуэктович... Все равно не помню, что было с этим портным. Ну и пес с ним, начнем другую...

Я лежал животом на подоконнике и, млея, смотрел, как злосчастный Василий бродит около дуба то вправо, то влево, бормочет, откашливается, подвывает, мычит, становится от напряжения на четвереньки — словом, мучается несказанно. Диапазон знаний его был грандиозен. Ни одной сказки и ни одной песни он не знал больше чем наполовину, но зато это были русские, украинские, западнославянские, немецкие, английские, по-моему, даже японские, китайские и африканские сказки, легенды, притчи, баллады, песни, романсы, частушки и припевки. Склероз приводил его в бешенство, несколько раз он бросался на ствол дуба и драл кору когтями, он шипел и плевался, и глаза его при этом горели, как у дьявола, а пушистый хвост, толстый, как полено, то смотрел в зенит, то судорожно подергивался, то хлестал его по бокам. Но единственной песенкой, которую он допел до конца, был «Чижик-пыжик», а единственной сказочкой, которую он связно рассказал, был «Дом, который построил Джек» в переводе Маршака, да и то с некоторыми купюрами. Постепенно — видимо, от утомления — речь его обретала все более явственный кошачий акцент. «А в поли, поли, — пел он, — сам плужок ходэ, а... мнэ-э... а... мнэ-а-а-у!.. а за тым плужком сам... мья-а-у-а-у!.. Сам господь ходэ... Или бродэ?..» В конце концов он совершенно изнемог, сел на хвост и некоторое время сидел так, понуриив голову. Потом тихо, тоскливо мяукнул, взял гусли под мышку и на трех ногах медленно уковывлял по росистой траве.

Я слез с подоконника и уронил книгу. Я отчетливо помнил, что в последний раз это было «Творчество душевнобольных», я был уверен, что на пол упала именно эта книга. Но подобрал я и положил на подоконник «Раскрытие преступлений» А. Свенсона и О. Венделя. Я тупо раскрыл ее, пробежал наудачу несколько абзацев, и мне сейчас же почудилось, что на дубе висит удавленник. Я опасно поднял глаза. С нижней ветки дуба свешивался мокрый серебристо-зеленый акулий хвост. Хвост тяжело покачивался под порывами утреннего ветерка.

Я шарахнулся и стукнулся затылком о твердое. Громко зазвонил телефон. Я огляделся. Я лежал поперек дивана, одеяло сползло с меня на пол, в окно сквозь листву дуба било утреннее солнце.

Глава третья

Мне пришло в голову, что обычное интервью с дьяволом или волшебником можно с успехом заменить искусным использованием положений науки.

Г. Дж. Уэллс

Телефон звонил. Я протер глаза, посмотрел в окно (дуб был на месте), посмотрел на вешалку (вешалка тоже была на месте). Телефон звонил. За стеной в комнате у старухи было тихо. Тогда я соскочил на пол, отворил дверь (щеколда была на месте) и вышел в прихожую. Телефон звонил. Он стоял на полочке над большой кадучкой — очень современный аппарат белой пластмассы, такие я видел только в кино и в кабинете нашего директора. Я взял трубку.

— Алло...

— Это кто? — спросил пронзительный женский голос.

— А кого вам надо?

— Это Знакурнож?

— Что?

— Я говорю, это изба на курногах или нет? Кто говорит?

— Да, — сказал я. — Изба. Кого вам нужно?

— О дьявол, — сказал женский голос. — Примите телефонограмму.

— Давайте.

— Записывайте.

— Одну минутку, — сказал я. — Возьму карандаш и бумагу.

— О дьявол, — сказал женский голос.

Я принес записную книжку и цанговый карандаш.

— Слушаю вас.

— Телефонограмма номер двести шесть, — сказал женский голос. — Гражданке Горыныч Наине Киевне...

— Не так быстро... Киевне... Дальше?

— «Настоящим... предлагается вам... прибыть сегодня... двадцать седьмого июля... сего года... в полночь... на ежегодный республиканский слет...» Записали?

— Записал.

— «Первая встреча... состоится... на Лысой Горе. Форма одежды парадная. Пользование механическим транспортом... за свой счет. Подпись... начальник канцелярии... Ха... Эм... Вий».

— Кто?

— Вий! Ха Эм Вий.

— Не понимаю.

— Вий! Хрон Монадович! Вы что, начальника канцелярии не знаете?

— Не знаю, — сказал я. — Говорите по буквам.

— Дьявольщина! Хорошо, по буквам: Вервольф — Инкуб — Ибикус краткий...
Записали?

— Кажется, записал, — сказал я. — Получилось — Вий.

— Кто?

— Вий!

— У вас что, полипы? Не понимаю!

— Владимир! Иван! Иван краткий!

— Так. Повторите телефонограмму.

Я повторил.

— Правильно. Передала Онучкина. Кто принял?

— Привалов.

— С приветом, Привалов! Давно служишь?

— Собачки служат, — сердито сказал я. — Я работаю.

— Ну-ну, работай. На слете встретимся.

Раздалась гудки. Я повесил трубку и вернулся в комнату. Утро было прохладное, я торопливо сделал зарядку и оделся. Происходящее казалось мне чрезвычайно любопытным. Телефонограмма странно ассоциировалась в моем сознании с ночными событиями, хотя я и представления не имел, каким образом. Впрочем, кое-какие идеи уже приходили мне в голову, и воображение мое было возбуждено.

Все, чему мне случилось быть здесь свидетелем, не было мне совершенно незнакомым, о подобных случаях я где-то что-то читал и теперь вспомнил, что поведение людей, попадавших в аналогичные обстоятельства, всегда представлялось мне необычайно, раздражающе нелепым. Вместо того чтобы полностью использовать увлекательные перспективы, открывшиеся для них счастливым случаем, они пугались, терялись, торопились вернуться в обыденное. Какой-то герой даже заклинал читателей держаться подальше от завесы, отделяющей наш мир от неведомого, пугая духовными и физическими увечьями. Я еще не знал, как развернутся события, но уже был готов с энтузиазмом окунуться в них.

Бродя по комнате в поисках ковша или кружки, я продолжал рассуждать. Эти пугливые люди, думал я, похожи на некоторых ученых-экспериментаторов, очень упорных, очень трудолюбивых, но начисто лишенных воображения и поэтому очень осторожных. Получив нетривиальный результат, они шарахаются от него, поспешно объясняют его нечистотой эксперимента и фактически уходят от нового, потому что слишком сжились со старым, уютно уложенным в пределы авторитетной теории... Я уже обдумывал кое-какие эксперименты с книгой-перевертышем (она по-прежнему лежала на подоконнике и была теперь «Последним изгнанником» Олдриджа), с говорящим зеркалом и с цыканьем. У меня было несколько вопросов к коту Василию, да и русалка, живущая на дубе, представляла определенный интерес, хотя временами мне казалось, что она-то мне все-таки приснилась. Я ничего не имею против русалок, но не представляю себе, как они могут лазить по деревьям... хотя, с другой стороны, чешуя?..

Ковшик я нашел на кадучке под телефоном, но воды в кадучке не оказалось, и я направился к колодцу. Солнце поднялось уже довольно высоко. Где-то гудели машины, послышался милицейский свисток, в небе с солидным гулом проплыл вертолет. Я подошел к колодцу и, с удовлетворением обнаружив на цепи мятую жестяную бадью, стал раскручивать ворот. Бадья, постукивая о стены, пошла в черную глубину. Раздался плеск, цепь натянулась. Я крутил ворот и смотрел на свой «Москвич». У машины был усталый, запыленный вид, ветровое стекло было заляпано разбившейся о него вдребезги мошкаррой. Надо будет воды долить в радиатор, подумал я. И вообще...

Бадья показалась мне очень тяжелой. Когда я поставил ее на сруб, из воды высунулась огромная щучья голова, зеленая и вся какая-то замшелая. Я отскочил.

— Опять на рынок поволочешь? — сильно окая, сказала щука. Я ошарашенно молчал. — Дай же ты мне покоя, ненасытная! Сколько можно?.. Чуть успокоюсь,

приткнусь отдохнуть да подремать — ташшит! Я ведь не молодая уже, постарше тебя буду... жабры тоже не в порядке...

Было очень странно смотреть, как она говорит. Совершенно как щука в кукольном театре, она вовсю открывала и закрывала зубастую пасть в неприятном несоответствии с произносимыми звуками. Последнюю фразу она произнесла, судорожно сжав челюсти.

— И воздух мне вреден, — продолжала она. — Вот подохну, что будешь делать? Все скупость твоя, бабья да дурья... Все копишь, а для чего копишь — сама не знаешь... На последней реформе-та как погорела, а? То-то! А екатериновками? Сундуки оклеивала! А керенками-та, керенками! Ведь печку топила керенками...

— Видите ли, — сказал я, немного оправившись.

— Ой, кто это? — испугалась щука.

— Я... Я здесь случайно... Я намеревался слегка помыться.

— Помыться! А я думала — опять старуха. Не вижу я: старая. Да и коэффициент преломления в воздухе, говорят, совсем другой. Воздушные очки было себе заказала, да потеряла, не найду... А кто ж ты будешь?

— Турист, — коротко сказал я.

— Ах, турист... А я думала — опять бабка. Ведь что она со мной делает! Поймает меня, волочит на рынок и там продает, якобы на уху. Ну что мне остается? Конечно, говоришь покупателю: так и так, отпусти меня к малым детушкам — хотя какие у меня там малые детушки — не детушки уже, которые живы, а дедушки. Ты меня отпустишь, а я тебе послужу, скажи только «по щучьему велению, по моему, мол, хотению». Ну и отпускают. Одни со страху, другие по доброте, а которые и по жадности... Вот поплаваешь в реке, поплаваешь — холодно, ревматизм, заберешься обратно в колодезь, а старуха с бадьей опять тут как тут... — Щука спряталась в воду, побулькала и снова высунулась. — Ну что просить-то будешь, служивый? Только попроще чего, а то просят телевизоры какие-то, транзисторы... Один совсем обалдел: «Выполни, говорит, за меня годовой план на лесопилке». Года мои не те — дрова пилить...

— Ага, — сказал я. — А телевизор вы, значит, все-таки можете?

— Нет, — честно призналась щука. — Телевизор не могу. И этот... комбайн с проигрывателем тоже не могу. Не верю я в них. Ты чего-нибудь попроще. Сапоги, скажем, скороходы или шапку-невидимку... А?

Возникшая было у меня надежда отвертеться сегодня от смазки «Москвича» погасла.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Мне ничего, в общем, не надо. Я вас сейчас отпущу.

— И хорошо, — спокойно сказала щука. — Люблю таких людей. Давеча вот тоже... Купил меня на рынке какой-то, пообещала я ему царскую дочь. Плыву по реке, стыдно, конечно, глаза девать некуда. Ну сослепу и въехала в сети. Ташшат. Опять, думаю, врать придется. А он что делает? Он меня хватает поперек зубов, так что рот не открыть. Ну, думаю, конец, сварят. Ан нет. Защемляет он мне чем-то плавник и бросает обратно в реку. Во! — Щука высунулась из бадьи и выставила плавник, схваченный у основания металлическим зажимом. На зажиме я прочитал: «Запущен сей экземпляр в Солове-реке 1854 года. Доставить в Е. И. В. Академию наук, СПб». — Старухе не говори, — предупредила щука. — С плавником оторвет. Жадная она, скупая.

«Что бы у нее спросить?» — лихорадочно думал я.

— Как вы делаете ваши чудеса?

— Какие такие чудеса?

— Ну... исполнение желаний...

— Ах, это? Как делаю... Обучена сызмальства, вот и делаю. Откуда я знаю, как я делаю... Золотая Рыбка вот еще лучше делала, а все одно померла. От судьбы не уйдешь.

Мне показалось, что щука вздохнула.

— От старости? — спросил я.

— Какое там от старости! Молодая была, крепкая... Бросили в нее, служивый, глубинную бомбу. И ее вверх брюхом пустили, и корабль какой-то подводный рядом случился, тоже потонул. Она бы и откупилась, да ведь не спросили ее, увидели и сразу бомбой... Вот ведь как оно бывает. — Она помолчала. — Так отпускаешь меня или как? Душно что-то, гроза будет...

— Конечно, конечно, — сказал я, встрепенувшись. — Вас как — бросить или в бадье?..

— Бросай, служивый, бросай.

Я осторожно запустил руки в бадью и извлек щуку — было в ней килограммов восемь. Щука бормотала: «Ну, а ежели там скатерть-самобранку или, допустим, ковер-самолет, то я здесь буду... За мной не пропадет...» — «До свидания», — сказал я и разжал руки. Раздался шумный плеск.

Некоторое время я стоял, глядя на свои ладони, испачканные зеленью. У меня было какое-то странное ощущение. Временами, как порыв ветра, налетало сознание, что я сижу в комнате на диване, но стоило тряхнуть головой, и я снова оказывался у колодца. Потом это прошло. Я умылся отличной ледяной водой, залил радиатор и побрился. Старуха все не показывалась. Хотелось есть, и надо было идти в город к почтамту, где меня уже, может быть, ждали ребята. Я запер машину и вышел за ворота.

Я неторопливо шел по улице Лукоморье, засунув руки в карманы серой гэдээровской курточки и глядя себе под ноги. В заднем кармане моих любимых джинсов, исполосованных «молниями», брякали старухины медяки. Я размышлял. Тощие брошюрки общества «Знание» приучили меня к мысли, что разговаривать животные не способны. Сказки с детства убеждали в обратном. Согласен я был, конечно, с брошюрками, потому что никогда в жизни не видел говорящих животных. Даже попугаев. Я знал одного попугая, который мог рычать, как тигр, но по-человечески он не умел. И вот теперь — щука, кот Василий и даже зеркало. Впрочем, неодушевленные предметы как раз разговаривают часто. И, между прочим, это соображение никогда не пришло бы в голову, скажем, моему прадеду. С его, прадеда, точки зрения, говорящий кот — вещь куда менее фантастическая, нежели деревянный полированный ящик, который хрипит, воет, музицирует и говорит на многих языках. С котом тоже более или менее ясно. А вот как разговаривает щука? У щуки нет легких. Это верно. Правда, у нее должен быть плавательный пузырь, функция коего, как мне известно, ихтиологам еще не окончательно ясна. Мой знакомый ихтиолог Женька Скороматов полагает даже, что эта функция неясна совершенно, и, когда я пытаюсь аргументировать доводами из брошюрок общества «Знание», Женька рычит и плюется. Совершенно утрачивает присущий ему дар человеческой речи... У меня такое впечатление, что о возможностях животных мы знаем пока еще очень мало. Только недавно выяснилось, что рыбы и морские животные обмениваются под водой сигналами. Очень интересно пишут о дельфинах. Или, скажем, обезьяна Рафаил. Это я сам видел. Разговаривать она, правда, не умеет, но зато у нее выработали рефлекс: зеленый свет — банан, красный свет — электрический шок. И все было хорошо до тех пор, пока не включили красный и зеленый свет одновременно. Тогда Рафаил повел себя так же, как Женька, например. Он страшно обиделся. Он кинулся к окошечку, за которым сидел экспериментатор, и принялся, визжа и рыча, плевать в это окошечко. И вообще есть анекдот — одна обезьяна говорит другой: «Знаешь, что такое условный рефлекс? Это когда зазвонит звонок, и все эти квазиобезьяны в белых халатах побегут к нам с бананами и конфетами». Конечно, все это чрезвычайно непросто. Терминология не разработана. Когда в этих условиях пытаешься решать вопросы, связанные с психикой и потенциальными возможностями животных, чувствуешь себя совершенно бессильным. Но, с другой стороны, когда тебе дают, скажем, ту же систему интегральных уравнений типа звездной статистики с неизвестными функциями под интегралом, то самочувствие не лучше. А поэтому главное — думать. Как Паскаль: «Будем же учиться хорошо мыслить — вот основной принцип морали».

Я вышел на проспект Мира и остановился, привлеченный необычным зрелищем. По мостовой шел человек с детскими флажками в руках. За ним, шагах в десяти, с натужным ревом медленно полз большой белый «МАЗ» с гигантским дымящимся прицепом в виде серебристой цистерны. На цистерне было написано «огнеопасно», справа и слева от нее так же медленно катились красные пожарные «газики», оцетиненные огнетушителями. Время от времени в ровный рев двигателя вмешивался какой-то новый звук, неприятно леденивший сердце, и тогда из люков цистерны вырывались желтые языки пламени. Лица пожарных под нахлобученными касками были мужественны и суровы. Вокруг кавалькады тучей носились ребяташки. Они пронзительно вопили: «Тилили-тилили, а дракона повезли!» Взрослые прохожие опасливо жались к заборам. На их лицах было написано явственное желание уберечь одежду от возможных повреждений.

— Повезли родимого, — произнес у меня над ухом знакомый скрипучий бас.

Я обернулся. Позади стояла, пригорюнившись, Наина Киевна с кошелкой, наполненной синими пакетами сахарного песка.

— Повезли, — повторила она. — Каждую пятницу возят...

— Куда? — спросил я.

— На полигон, батюшка. Все экспериментируют... Делать им больше нечего.

— А кого повезли, Наина Киевна?

— То есть как это — кого? Сам не видишь, что ли?..

Она повернулась и пошла прочь, но я догнал ее.

— Наина Киевна, вам тут телефонограмму передали.

— Это от кого же?

— От Ха Эм Вя.

— А насчет чего?

— У вас слет какой-то сегодня, — сказал я, пристально глядя на нее. — На Лысой Горе. Форма одежды — парадная.

Старуха явно обрадовалась.

— Вправду? — сказала она. — Вот хорошо-то!.. А где телефонограмма?

— В прихожей на телефоне.

— А насчет членских взносов там ничего не говорится? — спросила она, понизив голос.

— В каком смысле?

— Ну, что, мол, надлежит погасить задолженность с одна тысяча семьсот... — Она замолчала.

— Нет, — сказал я. — Ничего такого не говорилось.

— Ну и хорошо. А с транспортом как? Машину подадут или что?

— Дайте я вам кошелку поднесу, — предложил я.

Старуха отпрянула.

— Это тебе зачем? — спросила она подозрительно. — Ты это оставь — не люблю... Кошелку ему!.. Молодой, да, видно, из ранних...

Не люблю старух, подумал я.

— Так как же с транспортом? — повторила она.

— За свой счет, — сказал я злорадно.

— Ах, скопидомы! — застонала старуха. — Метлу в музей забрали, ступу не ремонтируют, взносы дерут по пять рубликов на ассигнации, а на Лысую Гору за свой счет! Счет-то не малый, батюшка, да пока такси ждет...

Бормоча и кашляя, она отвернулась от меня и пошла прочь. Я потер руки и тоже пошел своей дорогой. Мои предположения оправдывались. Узел удивительных происшествий затягивался все туже. И стыдно признаться, но это казалось мне сейчас более интересным, чем даже моделирование рефлекторной дуги.

На проспекте Мира было уже пусто. У перекрестка крутилась стая ребяташек — играли, по-моему, в чижа. Увидев меня, они бросили игру и стали приближаться.

Предчувствуя недоброе, я торопливо миновал их и двинулся к центру. За моей спиной раздавался сдавленный восторженный возглас: «Стиляга!» Я ускорил шаг. «Стиляга!» — завопили сразу несколько голосов. Я почти побежал. Позади визжали: «Стиля-ага! Тонконогий! Папина «Победа»!..» Прохожие смотрели на меня сочувственно. В таких ситуациях лучше всего куда-нибудь нырнуть. Я нырнул в ближайший магазин, оказавшийся гастрономом, походил вдоль прилавков, убедился в том, что сахар есть, выбор колбас и конфет не богат, но зато выбор так называемых рыбных изделий превосходит все ожидания. Там была такая семга и такой лосось!.. Я выпил стакан газированной воды и выглянул на улицу. Мальчишек не было. Тогда я вышел из магазина и двинулся дальше. Скоро лабазы и бревенчатые избы-редуты кончились, пошли современные двухэтажные дома с открытыми сквериками. В сквериках копошились младенцы, пожилые женщины вязали что-то теплое, а пожилые мужчины резались в домино.

В центре города оказалась обширная площадь, окруженная двух- и трехэтажными зданиями. Площадь была асфальтирована, посередине зеленел садик. Над зеленью возвышался большой красный щит с надписью «Доска почета» и несколько щитов поменьше со схемами и диаграммами. Почта я обнаружил здесь же, на площади. Мы договорились с ребятами, что первый, кто прибудет в город, оставит до востребования записку со своими координатами. Записки не было, и я оставил письмо, в котором сообщил свой адрес и объяснил, как дойти до избы на курногах. Затем я решил позавтракать.

Обойдя площадь, я обнаружил: кинотеатр, где шла «Козара»; книжный магазин, закрытый на переулет; горсовет, перед которым стояло несколько основательно пропыленных «газиков»; гостиницу «Студеное море» — как обычно, без свободных мест; два киоска с газированной водой и мороженым; магазин (промтоварный) № 2 и магазин (хозтоваров) № 18; столовую № 11, открывающуюся с двенадцати часов, и буфет № 3, закрытый без объяснений. Потом я обнаружил городское отделение милиции, возле открытых дверей которого побеседовал с очень юным милиционером в чине сержанта, объяснившим мне, где находится бензоколонка и какова дорога до Лежнева. «А где же ваша машина?» — осведомился милиционер, озирая площадь. «У знакомых», — ответил я. «Ах, у знакомых...» — сказал милиционер значительно. По-моему, он взял меня на заметку. Я робко откланялся.

Рядом с трехэтажной громадой «Солрыбснабпромпотребсоюза ФЦУ» я наконец нашел маленькую опрятную чайную № 16/27. В чайной было хорошо. Народу было не очень много, пили действительно чай и разговаривали о вещах понятных: что под Коробцом завалился наконец мостик и ехать теперь приходится вброд; что пост ГАИ уже неделю как с пятнадцатого километра убрали; что «искра — зверь, слона убьет, а ни шиша не схватывает...» Пахло бензином и жареной рыбой. Не занятые разговорами люди пристально разглядывали мои джинсы, и я радовался, что на зад у меня имеет место профессиональное пятно — позавчера я очень удачно сел на шприц с солидолом.

Я взял себе полную тарелку жареной рыбы, три стакана чаю и три бутерброда с балыком, расплатился кучей старухиных медяков («На паперти стоял...» — проворчала буфетчица), устроился в укромном углу и принялся за еду, с удовольствием наблюдая за этими хриплоголосыми, прокуренными людьми. Приятно было смотреть, какие они загорелые, независимые, жилистые, все повидавшие, как они с аппетитом едят, с аппетитом курят, с аппетитом рассказывают. Они до последней капли использовали передышку перед долгими часами тряской скучной дороги, раскаленной духоты кабины, пыли и солнца. Если бы я не был программистом, я бы обязательно стал шофером и уж работал бы не на плюгавенькой легковушке, и не на автобусе даже, а на каком-нибудь грузовом чудовище, чтобы в кабину надо было забираться по лестнице, а колесо чтобы менять с помощью небольшого подъемного крана.

За соседним столиком сидели два молодых человека, не похожих на шоферов, и поэтому сначала я на них внимания не обратил. Так же, впрочем, как и они на меня. Но когда я допивал второй стакан чаю, до меня долетело слово «диван». Затем кто-то из них произнес: «...А тогда непонятно, зачем она вообще существует, эта Изнакурнож...» — и я стал слушать. К сожалению, говорили они негромко, да и сидел я к ним спиной, так что слышно было плохо. Но голоса показались мне знакомыми: «...никаких тезисов... только диван...», «...такому волосатому?...», «...диван... шестнадцатая степень...», «...при трансгрессии только четырнадцать порядков...», «...легче смоделировать транслятор...», «...мало ли кто хихикает!...», «...бритву подарю...», «...не можем без дивана...». Тут один из них заперхал, да так знакомо, что я сразу вспомнил сегодняшнюю ночь и обернулся, но они уже шли к выходу — два здоровенных парня с крутыми плечами и спортивными затылками. Некоторое время я еще видел их в окно, они перешли площадь, обогнули садик и скрылись за диаграммами. Я допил чай, доел бутерброды и тоже вышел. Диван их, видите ли, волнует, думал я. Русалка их не волнует. Говорящий кот их не интересуется. А без дивана они, видите ли, не могут... Я попытался вспомнить, какой же у меня там диван, но ничего особенного вспомнить не мог. Диван как диван. Хороший диван. Удобный. Только странная действительность на нем снится.

Теперь хорошо было бы вернуться домой и заняться всеми этими диванными делами вплотную. Поэкспериментировать с книгой-перевертышем, поговорить с котом Василием начистоту и посмотреть, нет ли в избе на куриных ногах еще чего-нибудь интересного. Но дома меня ждал мой «Москвич» и необходимость делать как ЕУ, так и ТО. С ЕУ еще можно было примириться, это всего-навсего Ежедневный Уход, всякое там вытряхивание ковриков и обмыв кузова струей воды под давлением, каковой обмыв, впрочем, можно заменить при нужде поливанием из садовой лейки или ведра. Но вот ТО... Чистоплотному человеку в жаркий день страшно подумать о ТО. Потому что ТО есть не что иное, как Техническое Обслуживание, а техническое обслуживание состоит в том, что я лежу под автомобилем с масляным шприцем в руках и постепенно переношу содержимое шприца как в колпачковые масленки, так и себе на физиономию. Под автомобилем жарко и душно, а днище его, покрытое толстым слоем засохшей грязи... Короче говоря, мне не очень хотелось домой.

Глава четвертая

Кто позволил себе эту дьявольскую шутку?
Схватить его и сорвать с него маску, чтобы мы знали,
кого нам поутру повесить на крепостной стене!

Э. А. По

Я купил позавчерашнюю «Правду», выпил газированной воды и устроился на скамье в садике, в тени Доски почета. Было одиннадцать часов. Я внимательно просмотрел газету. На это ушло семь минут. Тогда я прочитал статью о гидропонике, фельетон о хапугах из Канска и большое письмо рабочих химического завода в редакцию. Это заняло всего-навсего двадцать две минуты. Не сходить ли в кино, подумал я. Но «Козару» я уже видел — один раз в кино и один раз по телевизору. Тогда я решил попить воды, сложил газету и встал. Из всей старухиной меди в кармане у меня остался всего один пятак. Пропью, решил я, выпил воды с сиропом, получил копейку сдачи и купил в соседнем ларьке коробок спичек. Больше делать мне в центре города было решительно нечего. И я пошел куда глаза глядят — в неширокую улицу между магазином № 2 и столовой № 11.

Прохожих на улице почти не было. Меня обогнал большой пыльный грузовик с грохочущим трейлером. Шофер, высунув в окно локоть и голову, устало смотрел на булыжную мостовую. Улица, понижаясь, круто заворачивала направо, у поворота рядом с тротуаром торчал из земли ствол старинной чугунной пушки, дуло ее было забито землей

и окурками. Вскоре улица кончилась обрывом к реке. Я посидел на краю обрыва и полюбовался пейзажем, затем перешел на другую сторону и побрел обратно.

Интересно, куда девался тот грузовик? — подумал вдруг я. Спуска с обрыва не было. Я стал оглядываться, ища ворота по сторонам улицы, и тут обнаружил небольшой, но очень странный дом, стиснутый между двумя угрюмыми кирпичными лабазами. Окна нижнего этажа его были забраны железными прутьями и до половины замазаны мелом. Дверей же в доме вообще не было. Я заметил это сразу потому, что вывеска, которую обычно помещают рядом с воротами или рядом с подъездом, висела здесь прямо между двумя окнами. На вывеске было написано: «АН СССР НИИЧАВО». Я отошел на середину улицы: да, два этажа по десяти окон и ни одной двери. А справа и слева, вплотную, лабазы. НИИЧАВО, подумал я. Научно-исследовательский институт... Чаво? В смысле — чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных Ассоциаций Восточной Океании? Изба на курногах, подумал я, — музей этого самого НИИЧАВО. Мои попутчики, наверное, тоже отсюда. И те, в чайной, тоже... С крыши здания поднялась стая ворон и с карканьем закружилась над улицей. Я повернулся и пошел назад, на площадь.

Все мы наивные материалисты, думал я. И все мы рационалисты. Мы хотим, чтобы все было немедленно объяснено рационалистически, то есть сведено к горсточке уже известных фактов. И ни у кого из нас ни на грош диалектики. Никому в голову не приходит, что между известными фактами и каким-то новым явлением может лежать море неизвестного, и тогда мы объявляем новое явление сверхъестественным и, следовательно, невозможным. Вот, например, как бы мэтр Монтескье принял сообщение об оживлении мертвеца через сорок пять минут после зарегистрированной остановки сердца? В штывки бы, наверное, принял. Так сказать, в багинеты. Объявил бы это обскурантизмом и поповщиной. Если бы вообще не отмахнулся от такого сообщения. А если бы это случилось у него на глазах, то он оказался бы в необычайно затруднительном положении. Как я сейчас, только я привычнее. А ему пришлось бы либо счесть это воскрешение жульничеством, либо отречься от собственных ощущений, либо даже отречься от материализма. Скорее всего, он счел бы воскрешение жульничеством. Но до конца жизни воспоминание об этом ловком фокусе раздражало бы его мысль, подобно соринке в глазу... Но мы-то дети другого века. Мы всякое повидали: и живую голову собаки, пришитую к спине другой живой собаки; и искусственную почку величиной со шкаф; и мертвую железную руку, управляемую живыми нервами; и людей, которые могут небрежно заметить: «Это было уже после того, как я скончался в первый раз...» Да, в наше время у Монтескье было бы не много шансов остаться материалистом. А мы вот остаемся, и ничего! Правда, иногда бывает трудно — когда случайный ветер вдруг доносит до нас через океаны неизвестного странные лепестки с необозримых материков непознанного. И особенно часто так бывает, когда находишь не то, что ищешь. Вот скоро в зоологических музеях появятся удивительные животные, первые животные с Марса или Венеры. Да, конечно, мы будем глазеть на них и хлопать себя по бедрам, но ведь мы давно уже ждем этих животных, мы отлично подготовлены к их появлению. Гораздо более мы были бы поражены и разочарованы, если бы этих животных не оказалось или они оказались бы похожими на наших кошек и собак. Как правило, наука, в которую мы верим (и зачастую слепо), заранее и задолго готовит нас к грядущим чудесам, и психологический шок возникает у нас только тогда, когда мы сталкиваемся с непредсказанным, — какая-нибудь дыра в четвертое измерение, или биологическая радиосвязь, или живая планета... Или, скажем, изба на куриных ногах... А ведь прав был горбоносый Роман: здесь у них очень, очень и очень интересно...

Я вышел на площадь и остановился перед киоском с газированной водой. Я точно помнил, что мелочи у меня нет, и знал, что придется разменивать бумажку, и уже готовил заискивающую улыбку, потому что продавщицы газированной воды терпеть не могут менять бумажные деньги, как вдруг обнаружил в кармане джинсов пятак. Я удивился и

обрадовался, но обрадовался больше. Я выпил газированной воды с сиропом, получил мокрую копейку сдачи и поговорил с продавщицей о погоде. Потом я решительно направился домой, чтобы скорее покончить с ЕУ и ТО и заняться рационал-диалектическими объяснениями. Копейку я сунул в карман и остановился, обнаружив, что в том же кармане имеется еще один пятак. Я вынул его и осмотрел. Пятак был слегка влажный, на нем было написано «5 копеек 1961», и цифра «6» была замята неглубокой выщерблинкой. Может быть, я даже тогда не обратил бы внимания на это маленькое происшествие, если бы не то самое мгновенное ощущение, уже знакомое мне, — будто я одновременно стою на проспекте Мира и сижу на диване, тупо разглядывая вешалку. И так же, как раньше, когда я тряхнул головой, ощущение исчезло.

Некоторое время я еще медленно шел, рассеянно подбрасывая и ловя пятак (он падал на ладонь все время «решкой»), и пытался сосредоточиться. Потом я увидел гастроном, в котором утром спасался от мальчишек, и вошел туда. Держа пятак двумя пальцами, я направился прямо к прилавку, где торговали соками и водой, и без всякого удовольствия выпил стакан без сиропа. Затем, зажав сдачу в кулаке, я отошел в сторонку и проверил карман.

Это был тот самый случай, когда психологического шока не происходит. Скорее я удивился бы, если бы пятака в кармане не оказалось. Но он был там — влажный, 1961 года, с выщерблинкой на цифре «6». Меня подтолкнули и спросили, не сплю ли я. Оказывается, я стоял в очереди в кассу. Я сказал, что не сплю, и выбил чек на три коробка спичек. Встав в очередь за спичками, я обнаружил, что пятак находится в кармане. Я был совершенно спокоен. Получив три коробка, я вышел из магазина, вернулся на площадь и принялся экспериментировать.

Эксперимент занял у меня около часа. За этот час я десять раз обошел площадь кругом, разбух от воды, спичечных коробков и газет, перезнакомился со всеми продавцами и продавщицами и пришел к ряду интересных выводов. Пятак возвращается, если им платить. Если его просто бросить, обронить, потерять, он останется там, где упал. Пятак возвращается в карман в тот момент, когда сдача из рук продавца переходит в руки покупателя. Если при этом держать руку в одном кармане, пятак появляется в другом. В кармане, застегнутом на «молнию», он не появляется никогда. Если держать руки в обоих карманах и принимать сдачу локтем, то пятак может появиться где угодно на теле (в моем случае он обнаружился в ботинке). Исчезновение пятака из тарелочки с медью на прилавке заметить визуально не удастся: среди прочей меди пятак сейчас же теряется, и никакого движения в тарелочке в момент перехода пятака в карман не происходит.

Итак, мы имели дело с так называемым неразменным пятаком в процессе его функционирования. Сам по себе факт неразменности не очень заинтересовал меня. Воображение мое было потрясено прежде всего возможностью внепространственного перемещения материального тела. Мне было совершенно ясно, что таинственный переход пятака от продавца к покупателю представляет собой не что иное, как частный случай пресловутой нуль-транспортировки, хорошо известной любителям научной фантастики также под псевдонимами: гиперпереход, репагулярный скачок, феномен Тарантоги... Открывающиеся перспективы были ослепительны.

У меня не было никаких приборов. Обыкновенный лабораторный минимальный термометр мог бы дать очень много, но у меня не было даже его. Я был вынужден ограничиваться чисто визуальными субъективными наблюдениями. Свой последний круг по площади я начал, поставив перед собой следующую задачу: «Кладя пятак рядом с тарелочкой для мелочи и по возможности препятствуя продавцу смешать его с остальными деньгами до вручения сдачи, проследить визуально процесс перемещения пятака в пространстве, одновременно пытаюсь хотя бы качественно определить изменение температуры воздуха вблизи предполагаемой траектории перехода». Однако эксперимент был прерван в самом начале.

Когда я приблизился к продавщице Мане, меня уже ждал тот самый молоденький милиционер в чине сержанта.

— Так, — сказал он профессиональным голосом.

Я искательно посмотрел на него, предчувствуя недоброе.

— Попрошу документики, гражданин, — сказал милиционер, отдавая честь и глядя мимо меня.

— А в чем дело? — спросил я, доставая паспорт.

— И пятак попрошу, — сказал милиционер, принимая паспорт.

Я молча отдал ему пятак. Маня смотрела на меня сердитыми глазами. Милиционер оглядел пятак и, произнеся с удовлетворением: «Ага...», раскрыл паспорт. Паспорт он изучал, как библиофил изучает редкую инкунабулу. Я томительно ждал. Вокруг медленно росла толпа. В толпе высказывались разные мнения на мой счет.

— Придется пройти, — сказал наконец милиционер.

Мы прошли. Пока мы проходили, в толпе сопровождающих было создано несколько вариантов моей нелегкой биографии и был сформулирован ряд причин, вызвавших начинающееся у всех на глазах следствие.

В отделении сержант передал пятак и паспорт дежурному лейтенанту. Тот осмотрел пятак и предложил мне сесть. Я сел. Лейтенант небрежно произнес: «Сдайте мелочь», и тоже углубился в изучение паспорта. Я выгреб из кармана медяки. «Пересчитай, Ковалев», — сказал лейтенант и, отложив паспорт, стал смотреть мне в глаза.

— Много накопили? — спросил он.

— Много, — ответил я.

— Тоже сдайте, — сказал лейтенант.

Я выложил перед ним на стол четыре номера позавчерашней «Правды», три номера местной газеты «Рыбак», два номера «Литературной газеты», восемь коробков спичек, шесть штук ирисок «Золотой ключик» и уцененный ершик для чистки примуса.

— Воду сдать не могу, — сказал я сухо. — Пять стаканов с сиропом и четыре без сиропа.

Я начинал понимать, в чем дело, и мне было чрезвычайно неловко и муторно при мысли, что придется оправдываться.

— Семьдесят четыре копейки, товарищ лейтенант, — доложил юный Ковалев.

Лейтенант задумчиво созерцал кучу газет и спичечных коробков.

— Развлекались или как? — спросил он меня.

— Или как, — сказал я мрачно.

— Неосторожно, — сказал лейтенант. — Неосторожно, гражданин. Расскажите.

Я рассказал. В конце рассказа я убедительно попросил лейтенанта не рассматривать мои действия как попытку скопить денег на «Запорожец». Уши мои горели. Лейтенант усмехнулся.

— А почему бы и не рассматривать? — осведомился он. — Были случаи, когда накапливали.

Я пожал плечами.

— Уверяю вас, такая мысль не могла бы прийти мне в голову... То есть что я говорю — не могла бы, она действительно не приходила!..

Лейтенант долго молчал. Юный Ковалев взял мой паспорт и снова принялся его рассматривать.

— Даже как-то странно предположить... — сказал я растерянно. — Совершенно бредовая затея... Копить по копейке... — Я снова пожал плечами. — Тогда уж лучше, как говорится, на паперти стоять...

— С нищенством мы боремся, — значительно сказал лейтенант.

— Ну правильно, ну естественно... Я только не понимаю, при чем тут я, и... — Я поймал себя на том, что очень много пожимаю плечами, и дал себе слово впредь этого не делать.

Лейтенант снова изнуряюще долго молчал, разглядывая пятак.

— Придется составить протокол, — сказал он наконец.

Я пожал плечами.

— Пожалуйста, конечно... хотя... — Я не знал, что, собственно, «хотя».

Некоторое время лейтенант смотрел на меня, ожидая продолжения. Но я как раз соображал, под какую статью уголовного кодекса подходят мои действия, и тогда он придвинул к себе лист бумаги и принялся писать.

Юный Ковалев вернулся на свой пост. Лейтенант скрипел пером и часто со стуком макал его в чернильницу. Я сидел, тупо рассматривая плакаты, развешанные на стенах, и вяло размышлял о том, что на моем месте Ломоносов, скажем, схватил бы паспорт и выскочил в окно. В чем, собственно, суть? — думал я. Суть в том, чтобы человек сам не считал себя виновным. В этом смысле я не виновен. Но виновность, кажется, бывает объективная и субъективная. И факт остается фактом: вся эта медь в количестве семидесяти четырех копеек юридически является результатом хищения, произведенного с помощью технических средств, в качестве каковых выступает неразменный пятак...

— Прочтите и подпишите, — сказал лейтенант.

Я прочел. Из протокола явствовало, что я, нижеподписавшийся Привалов А. И., неизвестным мне способом вступил в обладание действующей моделью неразменного пятака образца ГОСТ 718–62 и злоупотребил ею; что я, нижеподписавшийся Привалов А. И., утверждаю, будто действия свои производил с целью научного эксперимента без каких-либо корыстных намерений; что я готов возместить причиненные государству убытки в размере одного рубля пятидесяти пяти копеек; что я, наконец, в соответствии с постановлением Соловецкого горсовета от 22 марта 1959 года, передал указанную действующую модель неразменного пятака дежурному по отделению лейтенанту Сергиенко У. У. и получил взамен пять копеек в монетных знаках, имеющих хождение на территории Советского Союза. Я подписался.

Лейтенант сверил мою подпись с подписью в паспорте, еще раз тщательно пересчитал медяки, позвонил куда-то с целью уточнить стоимость ирисок и примусного ершика, выписал квитанцию и отдал ее мне вместе с пятью копейками в монетных знаках, имеющих хождение. Возвращая газеты, спички, конфеты и ершик, он сказал:

— А воду вы, по собственному вашему признанию, выпили. Итого с вас восемьдесят одна копейка.

С гигантским облегчением я рассчитался. Лейтенант, еще раз внимательно пролистав, вернул мне паспорт.

— Можете идти, гражданин Привалов, — сказал он. — И впредь будьте осторожнее. Вы надолго в Соловец?

— Завтра уеду, — сказал я.

— Вот до завтра и будьте осторожнее.

— Ох, постараюсь, — сказал я, пряча паспорт. Затем, повинувшись импульсу, спросил, понизив голос: — А скажите мне, товарищ лейтенант, вам здесь, в Соловце, не странно?

Лейтенант уже смотрел в какие-то бумаги.

— Я здесь давно, — сказал он рассеянно. — Привык.

Глава пятая

— А вы сами-то верите в привидения? — спросил лектора один из слушателей.

— Конечно, нет, — ответил лектор и медленно растаял в воздухе.

Правдивая история

До самого вечера я старался быть весьма осторожным. Прямо из отделения я отправился домой на Лукоморье и там сразу же залез под машину. Было очень жарко. С запада медленно ползла грозная черная туча. Пока я лежал под машиной и обливался маслом, старуха Наина Киевна, ставшая вдруг очень ласковой и любезной, дважды подъезжала ко мне с тем, чтобы я отвез ее на Лысую Гору. «Говорят, батюшка, машине вредно стоять, — скрипуче ворковала она, заглядывая под передний бампер. — Говорят, ей ездить полезно. А уж я бы заплатила, не сомневайся...» Ехать на Лысую Гору мне не хотелось. Во-первых, в любую минуту могли прибыть ребята. Во-вторых, старуха в своей воркующей модификации была мне еще неприятнее, нежели в сварливой. Далее, как выяснилось, до Лысой Горы было девяносто верст в одну сторону, а когда я спросил бабку насчет качества дороги, она радостно заявила, чтобы я не беспокоился, — дорога гладкая, а в случае чего она, бабка, будет сама машину выталкивать. («Ты не смотри, батюшка, что я старая, я еще очень даже крепкая».) После первой неудачной атаки старуха временно отступилась и ушла в избу. Тогда ко мне под машину зашел кот Василий. С минуту он внимательно следил за моими руками, а потом произнес вполголоса, но явственно: «Не советую, гражданин... мнэ-э... не советую. Съедят», после чего сразу удалился, подрагивая хвостом. Мне хотелось быть очень осторожным, и поэтому, когда бабка вторично пошла на приступ, я, чтобы разом со всем покончить, запросил с нее пятьдесят рублей. Она тут же отстала, посмотрев на меня с уважением.

Я сделал ЕУ и ТО, с величайшей осторожностью съездил заправиться к бензоколонке, пообедал в столовой № 11 и еще раз подвергся проверке документов со стороны бдительного Ковалева. Для очистки совести я спросил у него, какова дорога до Лысой Горы. Юный сержант посмотрел на меня с большим недоверием и сказал: «Дорога? Что это вы говорите, гражданин? Какая же там дорога? Нет там никакой дороги». Домой я вернулся уже под проливным дождем.

Старуха отбыла. Кот Василий исчез. В колодце кто-то пел на два голоса, и это было жутко и тоскливо. Вскоре ливень сменился скучным мелким дождиком. Стало темно.

Я забрался в свою комнату и попытался экспериментировать с книгой-перевертышем. Однако в ней что-то застопорило. Может быть, я делал что-нибудь не так или влияла погода, но она как была, так и оставалась «Практическими занятиями по синтаксису и пунктуации» Ф. Ф. Кузьмина, сколько я ни ухищрялся. Читать такую книгу было совершенно невозможно, и я попытал счастья с зеркалом. Но зеркало отражало все, что угодно, и молчало. Тогда я лег на диван и стал лежать.

От скуки и шума дождя я уже начал было дремать, когда вдруг зазвонил телефон. Я вышел в прихожую и взял трубку.

— Алло...

В трубке молчало и потрескивало.

— Алло, — сказал я и подул в трубку. — Нажмите кнопку.

Ответа не было.

— Постучите по аппарату, — посоветовал я. Трубка молчала. Я еще раз подул, подергал шнур и сказал: — Перезвоните с другого автомата.

Тогда в трубке грубо осведомились:

— Это Александр?

— Да. — Я был удивлен.

— Ты почему не отвечаешь?

— Я отвечаю. Кто это?

— Это Петровский тебя беспокоит. Сходи в засольный цех и скажи мастеру, чтобы мне позвонил.

— Какому мастеру?

— Ну, кто там сегодня у тебя?

— Не знаю...

— Что значит — не знаю? Это Александр?

— Слушайте, гражданин, — сказал я. — По какому номеру вы звоните?

— По семьдесят второму... Это семьдесят второй?

Я не знал.

— По-видимому, нет, — сказал я.

— Что же вы говорите, что вы Александр?

— Я в самом деле Александр!

— Тьфу!.. Это комбинат?

— Нет, — сказал я. — Это музей.

— А... Тогда извиняюсь. Мастера, значит, позвать не можете...

Я повесил трубку. Некоторое время я стоял, оглядывая прихожую. В прихожей было пять дверей: в мою комнату, во двор, в бабкину комнату, в туалет и еще одна, обитая железом, с громадным висячим замком. Скучно, подумал я. Одиноко. И лампочка тусклая, пыльная... Волоча ноги, я вернулся в свою комнату и остановился на пороге.

Дивана не было.

Все остальное было совершенно по-прежнему: стол, и печь, и зеркало, и вешалка, и табуретка. И книга лежала на подоконнике точно там, где я ее оставил. А на полу, где раньше был диван, остался только очень пыльный, замусоренный прямоугольник. Потом я увидел постельное белье, аккуратно сложенное под вешалкой.

— Только что здесь был диван, — вслух сказал я. — Я на нем лежал.

Что-то изменилось в доме. Комната наполнилась невнятным шумом. Кто-то разговаривал, слышалась музыка, где-то смеялись, кашляли, шаркали ногами. Смутная тень на мгновение заслонила свет лампочки, громко скрипнули половицы. Потом вдруг запахло аптекой, и в лицо мне пахнуло холодом. Я попятился. И тотчас же кто-то резко и отчетливо постучал в наружную дверь. Шумы мгновенно утихли. Оглядевываясь на то место, где раньше был диван, я вновь вышел в сени и открыл дверь.

Передо мной под мелким дождем стоял невысокий изящный человек в коротком кремовом плаще идеальной чистоты с поднятым воротником. Он снял шляпу и с достоинством произнес:

— Прошу прощения, Александр Иванович. Не могли бы вы уделить мне пять минут для разговора?

— Конечно, — сказал я растерянно. — Заходите...

Этого человека я видел впервые в жизни, и у меня мелькнула мысль, не связан ли он с местной милицией. Незнакомец шагнул в прихожую и сделал движение пройти прямо в мою комнату. Я заступил ему дорогу. Не знаю, зачем я это сделал, — наверное, потому, что мне не хотелось расспросов насчет пыли и мусора на полу.

— Извините, — пролепетал я, — может быть, здесь?.. А то у меня беспорядок. И сесть негде...

Незнакомец резко вскинул голову.

— Как — негде? — сказал он негромко. — А диван?

С минуту мы молча смотрели друг другу в глаза.

— М-м-м... Что — диван? — спросил я почему-то шепотом.

Незнакомец опустил веки.

— Ах, вот как? — медленно произнес он. — Понимаю. Жаль. Ну что ж, извините...

Он вежливо кивнул, надел шляпу и решительно направился к дверям туалета.

— Куда вы? — закричал я. — Вы не туда!

Незнакомец, не оборачиваясь, пробормотал: «Ах, это безразлично», и скрылся за дверью. Я машинально зажег ему свет, постоял немного, прислушиваясь, затем рванул дверь. В туалете никого не было. Я осторожно вытащил сигарету и закурил. Диван, подумал я. При чем здесь диван? Никогда не слыхал никаких сказок о диванах. Был ковер-самолет. Была скатерть-самобранка. Были: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, гусли-самогуды. Было чудо-зеркальце. А чудо-дивана не было. На диванах сидят или лежат, диван — это нечто прочное, очень обыкновенное... В самом деле, какая фантазия могла бы вдохновиться диваном?..

Вернувшись в комнату, я сразу увидел Маленького Человечка. Он сидел на печке под потолком, скорчившись в очень неудобной позе. У него было сморщенное небритое лицо и серые волосатые уши.

— Здравствуйте, — сказал я утомленно.

Маленький Человечек страдальчески скривил длинные губы.

— Добрый вечер, — сказал он. — Извините, пожалуйста, занесло меня сюда — сам не понимаю как... Я насчет дивана.

— Насчет дивана вы опоздали, — сказал я, садясь к столу.

— Вижу, — тихо сказал Человечек и неуклюже заворочался. Посыпалась известка.

Я курил, задумчиво его разглядывая. Маленький Человечек неуверенно заглядывал вниз.

— Вам помочь? — спросил я, делая движение.

— Нет, спасибо, — сказал Человечек уныло. — Я лучше сам...

Пачкаясь в мелу, он подобрался к краю лежанки и, неловко оттолкнувшись, нырнул головой вниз. У меня ёкнуло внутри, но он повис в воздухе и стал медленно опускаться, судорожно растопырив руки и ноги. Это было не очень эстетично, но забавно. Приземлившись на четвереньки, он сейчас же встал и вытер рукавом мокрое лицо.

— Совсем старик стал, — сообщил он хрипло. — Лет сто назад или, скажем, при Гонзасте за такой спуск меня лишили бы диплома, будьте уверены, Александр Иванович.

— А что вы кончали? — осведомился я, закуривая вторую сигарету.

Он не слушал меня. Присев на табурет напротив, он продолжал горестно:

— Раньше я левитировал, как Зекс. А теперь, простите, не могу вывести растительность на ушах. Это так неопратно... Но если нет таланта? Огромное количество соблазнов вокруг, всевозможные степени, звания, лауреатские премии, а таланта нет! У нас многие обрастают к старости. Корифеев это, конечно, не касается. Жиан Жиакомо, Кристобаль Хунта, Джузеппе Бальзамо или, скажем, товарищ Киврин Федор Симеонович... Никаких следов растительности! — Он торжествующе посмотрел на меня. — Ни-ка-ких! Гладкая кожа, изящество, стройность...

— Позвольте, — сказал я. — Вы сказали — Джузеппе Бальзамо... Но это то же самое, что граф Калиостро! А по Толстому, граф был жирен и очень неприятен на вид...

Маленький Человечек с сожалением посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

— Вы просто не в курсе дела, Александр Иванович, — сказал он. — Граф Калиостро — это совсем не то же самое, что великий Бальзамо. Это... как бы вам сказать... Это не очень удачная его копия. Бальзамо в юности сматрицировал себя. Он был необычайно, необычайно талантлив, но вы знаете, как это делается в молодости... Побыстрее, посмешнее — тяп-ляп, и так сойдет... Да-с... Никогда не говорите, что Бальзамо и Калиостро — это одно и то же. Может получиться неловко.

Мне стало неловко.

— Да, — сказал я. — Я, конечно, не специалист. Но... Простите за нескромный вопрос, но при чем здесь диван? Кому он понадобился?

Маленький Человечек вздрогнул.

— Непростительная самонадеянность, — сказал он громко и поднялся. — Я совершил ошибку и готов признаться со всей решительностью. Когда такие гиганты... А тут еще наглые мальчишки... — Он стал кланяться, прижимая к сердцу бледные лапки. — Прошу прощения, Александр Иванович, я вас так обеспокоил... Еще раз решительно извиняюсь и немедленно вас покидаю. — Он приблизился к печке и боязливо поглядел вверх. — Старый я, Александр Иванович, — сказал он, тяжело вздохнув. — Старенький...

— А может быть, вам было бы удобнее... через... э-э... Тут перед вами приходил один товарищ, так он воспользовался.

— И-и, батенька, так это же был Кристоаль Хунта! Что ему — просочиться через канализацию на десяток лье... — Маленький Человечек горестно махнул рукой. — Мы попроще... Диван он с собой взял или трансгрессировал?

— Н-не знаю, — сказал я. — Дело-то в том, что он тоже опоздал.

Маленький Человечек ошеломленно пощипал шерсть на правом ухе.

— Опоздал? Он? Невероятно... Впрочем, разве можем мы с вами об этом судить? До свидания, Александр Иванович, простите великодушно.

Он с видимым усилием прошел сквозь стену и исчез. Я бросил окурок в мусор на полу. Ай да диван! Это тебе не говорящая кошка. Это что-то посolidнее — какая-то драма. Может быть, даже драма идей. А ведь, пожалуй, придут еще... опоздавшие. Наверняка придут. Я посмотрел на мусор. Где это я видел веник?

Веник стоял рядом с кадкой под телефоном. Я принялся подметать пыль и мусор, и вдруг что-то тяжело зацепило за веник и выкатилось на середину комнаты. Я взглянул. Это был блестящий продолговатый цилиндрик величиной с указательный палец. Я потрогал его веником. Цилиндрик качнулся, что-то сухо затрещало, и в комнате запахло озоном. Я бросил веник и поднял цилиндр. Он был гладкий, отлично отполированный и теплый на ощупь. Я пощелкал по нему ногтем, и он снова затрещал. Я повернул его, чтобы осмотреть с торца, и в ту же секунду почувствовал, что пол уходит у меня из-под ног. Все перевернулось перед глазами. Я преобильно ударился обо что-то пятками, потом плечом и макушкой, выронил цилиндр и упал. Я был здорово ошарашен и не сразу понял, что лежу в узкой щели между печью и стеной. Лампочка над головой раскачивалась, и, подняв глаза, я с изумлением обнаружил на потолке рубчатые следы своих ботинок. Кряхтя, я выбрался из щели и осмотрел подошвы. На подошвах был мел.

— Однако, — подумал я вслух. — Не просочиться бы в канализацию!..

Я поискал глазами цилиндрик. Он стоял, касаясь пола краем торца, в положении, исключающем всякую возможность равновесия. Я осторожно приблизился и опустился возле него на корточки. Цилиндрик тихо потрескивал и раскачивался. Я долго смотрел на него, вытянув шею, потом подул на него. Цилиндрик качнулся сильнее, наклонился, и тут за моей спиной раздался хриплый клекот и пахнуло ветром. Я оглянулся и сел на пол. На печке аккуратно складывал крылья исполинский гриф с голой шеей и зловещим загнутым клювом.

— Здравствуйте, — сказал я. Я был убежден, что гриф говорящий.

Гриф, склонив голову, посмотрел на меня одним глазом и сразу стал похож на курицу. Я приветственно помахал рукой. Гриф открыл было клюв, но разговаривать не стал. Он поднял крыло и стал искаться у себя под мышкой, щелкая клювом. Цилиндрик все покачивался и трещал. Гриф перестал искаться, втянул голову в плечи и прикрыл глаза желтой пленкой. Стараясь не поворачиваться к нему спиной, я закончил уборку и выбросил мусор в дождливую тьму за дверь. Потом я вернулся в комнату.

Гриф спал, пахло озоном. Я посмотрел на часы: было двадцать минут первого. Я немного постоял над цилиндриком, размышляя над законом сохранения энергии, а заодно и вещества. Вряд ли грифы конденсируются из ничего. Если данный гриф возник здесь, в Соловце, значит, какой-то гриф (не обязательно данный) исчез на Кавказе или где они там водятся. Я прикинул энергию переноса и опасно посмотрел на цилиндрик. Лучше его не

трогать, подумал я. Лучше его чем-нибудь прикрыть и пусть стоит. Я принес из прихожей ковшик, старательно прицелился и, не дыша, накрыл им цилиндрок. Затем я сел на табурет, закурил и стал ждать еще чего-нибудь. Гриф отчетливо сопел. В свете лампы его перья отливали медью, огромные когти впились в известку. От него медленно распространялся запах гнили.

— Напрасно вы это сделали, Александр Иванович, — сказал приятный мужской голос.

— Что именно? — спросил я, оглянувшись на зеркало.

— Я имею в виду умклайдет...

Говорило не зеркало. Говорил кто-то другой.

— Не понимаю, о чем речь, — сказал я. В комнате никого не было, и я чувствовал раздражение.

— Я говорю про умклайдет, — произнес голос. — Вы совершенно напрасно накрыли его железным ковшом. Умклайдет, или как вы его называете — волшебная палочка, требует чрезвычайно осторожного обращения.

— Потому я и накрыл... Да вы заходите, товарищ, а то так очень неудобно разговаривать.

— Благодарю вас, — сказал голос.

Прямо передо мной неторопливо сконденсировался бледный, весьма корректный человек в превосходно сидящем сером костюме. Несколько склонив голову набок, он осведомился с изысканнейшей вежливостью:

— Смею ли надеяться, что не слишком обеспокоил вас?

— Отнюдь, — сказал я, поднимаясь. — Прошу вас, садитесь и будьте как дома. Угодно чайку?

— Благодарю вас, — сказал незнакомец и сел напротив меня, изящным жестом поддернув штанины. — Что же касается чаю, то прошу извинения, Александр Иванович, я только что отужинал.

Некоторое время он, светски улыбаясь, глядел мне в глаза. Я тоже улыбался.

— Вы, вероятно, насчет дивана? — сказал я. — Дивана, увы, нет. Мне очень жаль, и я даже не знаю...

Незнакомец всплеснул руками.

— Какие пустяки! — сказал он. — Как много шума из-за какого-то, простите, вздора, в который никто к тому же по-настоящему не верит... Посудите сами, Александр Иванович, устраивать склоки, безобразные кинопогоны, беспокоить людей из-за мифического — я не боюсь этого слова, — именно мифического Белого Тезиса... Каждый трезво мыслящий человек рассматривает диван как универсальный транслятор, несколько громоздкий, но весьма добротный и устойчивый в работе. И тем более смешны старые невежды, болтающие о Белом Тезисе... Нет, я и говорить не желаю об этом диване.

— Как вам будет благоугодно, — сказал я, сосредоточив в этой фразе всю свою светскость. — Поговорим о чем-нибудь другом.

— Суеверия... Предрассудки... — рассеянно проговорил незнакомец. — Лениность ума и зависть, зависть, поросшая волосами зависть... — Он прервал самого себя. — Простите, Александр Иванович, но я бы осмелился все-таки просить вашего разрешения убрать этот ковш. К сожалению, железо практически непрозрачно для гиперполя, а возрастание напряженности гиперполя в малом объеме...

Я поднял руки.

— Ради бога, все, что вам угодно! Убирайте ковшик... Убирайте даже этот самый... ум... ум... эту волшебную палочку... — Тут я остановился, с изумлением обнаружив, что ковшика больше нет. Цилиндрок стоял в луже жидкости, похожей на окрашенную ртуть. Жидкость быстро испарялась.

— Так будет лучше, уверяю вас, — сказал незнакомец. — Что же касается вашего великодушного предложения убрать умклайдет, то я, к сожалению, не могу им

воспользоваться. Это уже вопрос морали и этики, вопрос чести, если угодно... Условности так сильны! Я позволю себе посоветовать вам больше не прикасаться к умклайдету. Я вижу, вы ушиблись, и этот орел... Я думаю, вы чувствуете... э-э... некоторое амбре...

— Да, — сказал я с чувством. — Воняет гадостно. Как в обезьяннике.

Мы посмотрели на орла. Гриф, нахололившись, дремал.

— Искусство управлять умклайдетом, — сказал незнакомец, — это сложное и тонкое искусство. Вы ни в коем случае не должны огорчаться или упрекать себя. Курс управления умклайдетом занимает восемь семестров и требует основательного знания квантовой алхимии. Как программист вы, вероятно, без особого труда освоили бы умклайдет электронного уровня, так называемый УЭУ-17... Но квантовый умклайдет... гиперполя... трансгрессивные воплощения... обобщенный закон Ломоносова — Лавуазье... — Он виновато развел руками.

— О чем разговор! — поспешно сказал я. — Я ведь и не претендую... Конечно же, я абсолютно не подготовлен.

Тут я спохватился и предложил ему закурить.

— Благодарю вас, — сказал незнакомец. — Не употребляю, к великому моему сожалению.

Тогда, пошевелив от вежливости пальцами, я осведомился — не спросил, а именно осведомился:

— Не позволено ли мне будет узнать, чему я обязан приятностию нашей встречи?

Незнакомец опустил глаза.

— Боюсь показаться нескромным, — сказал он, — но, увы, я должен признаться, что уже довольно давно нахожусь здесь. Мне не хотелось бы называть имена, но, я думаю, даже вам, как вы ни далеки от всего этого, Александр Иванович, ясно, что вокруг дивана возникла некоторая нездоровая суэта, назревает скандал, атмосфера накаляется, напряженность растет. В такой обстановке неизбежны ошибки, чрезвычайно нежелательные случайности... Не будем далеко ходить за примерами. Некто — повторяю, мне не хотелось бы называть имена, тем более что это сотрудник, достойный всяческого уважения, а говоря об уважении, я имею в виду если не манеры, то большой талант и самоотверженность, — так вот, некто, спеша и нервничая, теряет здесь умклайдет, и умклайдет становится центром сферы событий, в которые оказывается вовлеченным человек, совершенно к оным не причастный... — Он поклонился в мою сторону. — А в таких случаях совершенно необходимо воздействие, как-то нейтрализующее вредные влияния... — Он значительно посмотрел на отпечатки ботинок на потолке. Затем он улыбнулся мне. — Но я не хотел бы показаться абстрактным альтруистом. Конечно, все эти события меня весьма интересуют как специалиста и как администратора... Впрочем, я не намерен более мешать вам, и поскольку вы сообщили мне уверенность в том, что больше не будете экспериментировать с умклайдетом, я попрошу у вас разрешения откланяться.

Он поднялся.

— Ну что вы! — вскричал я. — Не уходите! Мне так приятно беседовать с вами, у меня к вам тысяча вопросов!..

— Я чрезвычайно ценю вашу деликатность, Александр Иванович, но вы утомлены, вам необходимо отдохнуть...

— Нисколько! — горячо возразил я. — Наоборот!

— Александр Иванович, — произнес незнакомец, ласково улыбаясь и пристально глядя мне в глаза. — Но ведь вы действительно утомлены. И вы действительно хотите отдохнуть.

И тут я почувствовал, что действительно засыпаю. Глаза мои слипались. Говорить больше не хотелось. Ничего больше не хотелось. Страшно хотелось спать.

— Было исключительно приятно познакомиться с вами, — сказал незнакомец негромко.

Я видел, как он начал бледнеть, бледнеть и медленно растворился в воздухе, оставив после себя легкий запах дорогого одеколона. Я кое-как расстелил матрас на полу, ткнулся лицом в подушку и моментально заснул.

Разбудило меня хлопанье крыльев и неприятный клекот. В комнате стоял странный голубоватый полумрак. Орел на печке шуршал, гнусно орал и стучал крыльями по потолку. Я сел и огляделся. На середине комнаты парил в воздухе здоровенный детина в тренировочных брюках и в полосатой гавайке навыпуск. Он парил над цилиндром и, не прикасаясь к нему, плавно помавал огромными костистыми лапами.

— В чем дело? — спросил я.

Детина мельком взглянул на меня из-под плеча и отвернулся.

— Не слышу ответа, — сказал я зло. Мне все еще очень хотелось спать.

— Тихо, ты, смертный, — сипло произнес детина. Он прекратил свои пассы и взял цилиндр с пола. Голос его показался мне знакомым.

— Эй, приятель! — сказал я угрожающе. — Положи эту штуку на место и очисти помещение.

Детина смотрел на меня, выпячивая челюсть. Я откинул простыню и встал.

— А ну, положи умклайдет! — сказал я в полный голос.

Детина опустился на пол и, прочно упершись ногами, принял стойку. В комнате стало гораздо светлее, хотя лампочка не горела.

— Детка, — сказал детина, — ночью надо спать. Лучше ляг сам.

Парень был явно не дурак подражаться. Я, впрочем, тоже.

— Может, выйдем во двор? — деловито предложил я, подтягивая трусы.

Кто-то вдруг произнес с выражением:

— «Устремив свои мысли на высшее Я, свободный от вожделения и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!»

Я вздрогнул. Парень тоже вздрогнул.

— «Бхагават-Гита»! — сказал голос. — Песнь третья, стих тридцатый.

— Это зеркало, — сказал я машинально.

— Сам знаю, — проворчал детина.

— Положи умклайдет, — потребовал я.

— Чего ты орешь, как больной слон? — сказал парень. — Твой он, что ли?

— А может быть, твой?

— Да, мой!

Тут меня осенило.

— Значит, диван тоже ты уволок?

— Не суйся не в свои дела, — посоветовал парень.

— Отдай диван, — сказал я. — На него расписка написана.

— Пошел к черту! — сказал детина, озираясь.

И тут в комнате появились еще двое: тощий и толстый, оба в полосатых пижамах, похожие на узников Синг-Синга.

— Корнеев! — завопил толстый. — Так это вы воруете диван?! Какое безобразие!

— Идите вы все... — сказал детина.

— Вы грубиян! — закричал толстый. — Вас гнать надо! Я на вас докладную подам!

— Ну и подавайте, — мрачно сказал Корнеев. — Займитесь любимым делом.

— Не смейте разговаривать со мной в таком тоне! Вы мальчишка! Вы дерзец! Вы забыли здесь умклайдет! Молодой человек мог пострадать!

— Я уже пострадал, — вмешался я. — Дивана нет, сплю как собака, каждую ночь разговоры... Орел этот вонючий...

Толстый немедленно повернулся ко мне.

— Неслыханное нарушение дисциплины, — заявил он. — Вы должны жаловаться... А вам должно быть стыдно! — Он снова повернулся к Корнееву.

Корнеев угрюмо запихивал умклайдет за щеку. Тощий вдруг спросил тихо и угрожающе:

— Вы сняли Тезис, Корнеев?

Детина мрачно ухмыльнулся.

— Да нет там никакого Тезиса, — сказал он. — Что вы все сепетите? Не хотите, чтобы мы диван воровали — дайте нам другой транслятор...

— Вы читали приказ о неизъятии предметов из запасника? — грозно осведомился тощий.

Корнеев сунул руки в карманы и стал смотреть в потолок.

— Вам известно постановление Ученого совета? — осведомился тощий.

— Мне, товарищ Демин, известно, что понедельник начинается в субботу, — угрюмо сказал Корнеев.

— Не разводите демагогию, — сказал тощий. — Немедленно верните диван и не смейте сюда больше возвращаться.

— Не верну я диван, — сказал Корнеев. — Эксперимент закончим — вернем.

Толстый устроил безобразную сцену. «Самоуправство!.. — визжал он. — Хулиганство!..» Гриф опять взволнованно заорал. Корнеев, не вынимая рук из карманов, повернулся спиной и шагнул сквозь стену. Толстяк устремился за ним с криком: «Нет, вы вернете диван!» Тощий сказал мне:

— Это недоразумение. Мы примем меры, чтобы оно не повторилось.

Он кивнул и тоже двинулся к стене.

— Погодите! — вскричал я. — Орла! Орла заберите! Вместе с запахом!

Тощий, уже наполовину войдя в стену, обернулся и поманил орла пальцем. Гриф шумно сорвался с печки и втянулся ему под ноготь. Тощий исчез. Голубой свет медленно померк, стало темно, в окно снова забарабанил дождь. Я включил свет и оглядел комнату. В комнате все было по-прежнему, только на печке зияли глубокие царапины от когтей грифа да на потолке дико и нелепо темнели рубчатые следы моих ботинок.

— Прозрачное масло, находящееся в корове, — с идиотским глубокомыслием произнесло зеркало, — не способствует ее питанию, но оно снабжает наилучшим питанием, будучи обработано надлежащим способом.

Я выключил свет и улегся. На полу было жестко, тянуло холодом. Будет мне завтра от старухи, подумал я.

Глава шестая

— Нет, — произнес он в ответ настойчивому вопросу моих глаз, — я не член клуба, я — призрак.

— Хорошо, но это не дает вам права расхаживать по клубу.

Г. Дж. Уэллс

Утром оказалось, что диван стоит на месте. Я не удивился. Я только подумал, что так или иначе старуха добилась своего: диван стоит в одном углу, а я лежу в другом. Собирая постель и делая зарядку, я размышлял о том, что существует, вероятно, некоторый предел способности к удивлению. По-видимому, я далеко шагнул за этот предел. Я даже испытывал некоторое утомление. Я пытался представить себе что-нибудь такое, что могло бы меня сейчас поразить, но фантазии у меня не хватало. Это мне очень не нравилось, потому что я терпеть не могу людей, неспособных удивляться. Правда, я был далек от психологии «подумаешьэканевидаль», скорее мое состояние напоминало состояние Алисы в Стране Чудес: я был словно во сне и принимал и готов был принять любое чудо за должное, требующее более развернутой реакции, нежели простое разевание рта и хлопанье глазами.

Я еще делал зарядку, когда в прихожей хлопнула дверь, зашаркали и застучали каблуки, кто-то закашлял, что-то загремело и упало, и начальственный голос позвал: «Товарищ Горыныч!» Старуха не отозвалась, и в прихожей начали разговаривать: «Что это за дверь?.. А, понятно. А это?» — «Тут вход в музей». — «А здесь?.. Что это — все заперто, замки...» — «Весьма хозяйственная женщина, Янус Полуэктович. А это телефон». — «А где же знаменитый диван? В музее?» — «Нет. Тут должен быть запасник».

— Это здесь, — сказал знакомый угрюмый голос.

Дверь моей комнаты распахнулась, и на пороге появился высокий худошавый старик с великолепной снежно-белой сединой, чернобровый и черноусый, с глубокими черными глазами. Увидев меня (я стоял в одних трусах, руки в стороны, ноги на ширине плеч), он приостановился и звучным голосом произнес:

— Так.

Справа и слева от него заглядывали в комнату еще какие-то лица. Я сказал: «Прошу прощения», и побежал к своим джинсам. Впрочем, на меня не обратили внимания. В комнату вошли четверо и столпились вокруг дивана. Двоих я знал: угрюмого Корнеева, небритого, с красными глазами, все в той же легкомысленной гавайке, и смуглого, горбоносого Романа, который подмигнул мне, сделал непонятный знак рукой и сейчас же отвернулся. Седовласого я не знал. Не знал я и полного, рослого мужчину в черном, лоснящемся со спины костюме и с широкими хозяйскими движениями.

— Вот этот диван? — спросил лоснящийся мужчина.

— Это не диван, — угрюмо сказал Корнеев. — Это транслятор.

— Для меня это диван, — заявил лоснящийся, глядя в записную книжку. — Диван мягкий, полуторный, инвентарный номер одиннадцать двадцать три. — Он наклонился и пощупал. — Вот он у вас влажный, Корнеев, таскали под дождем. Теперь считайте: пружины проржавели, обшивка сгнила.

— Ценность данного предмета, — как мне показалось, издевательски произнес горбоносый Роман, — заключается отнюдь не в обшивке и даже не в пружинах, которых нет.

— Вы это прекратите, Роман Петрович, — предложил лоснящийся с достоинством. — Вы мне вашего Корнеева не выгораживайте. Диван проходит у меня по музею и должен там находиться...

— Это прибор, — сказал Корнеев безнадежно. — С ним работают...

— Этого я не знаю, — заявил лоснящийся. — Я не знаю, что это за работа с диваном. У меня вот дома тоже есть диван, и я знаю, как на нем работают.

— Мы это тоже знаем, — тихонько сказал Роман.

— Вы это прекратите, — сказал лоснящийся, поворачиваясь к нему. — Вы здесь не в пивной, вы здесь в учреждении. Что вы, собственно, имеете в виду?

— Я имею в виду, что это не есть диван, — сказал Роман. — Или, в доступной для вас форме, это есть не совсем диван. Это есть прибор, имеющий внешность дивана.

— Я попросил бы прекратить эти намеки, — решительно сказал лоснящийся. — Насчет доступной формы и все такое. Давайте каждый делать свое дело. Мое дело — прекратить разбазаривание, и я его прекращаю.

— Так, — звучно сказал седовласый. Сразу стало тихо. — Я беседовал с Крестобалем Хозевичем и с Федором Симеоновичем. Они полагают, что этот диван-транслятор представляет лишь музейную ценность. В свое время он принадлежал королю Рудольфу Второму, так что историческая ценность его неоспорима. Кроме того, года два назад, если память мне не изменяет, мы уже выписывали серийный транслятор... Кто его выписывал, вы не помните, Модест Матвеевич?

— Одну минутку, — сказал лоснящийся Модест Матвеевич и стал быстро листать записную книжку. — Одну минуточку... Транслятор двухходовой ТДХ-80Е Китежградского завода... По заявке товарища Бальзамо.

— Бальзамо работает на нем круглосуточно, — сказал Роман.

— И барахло этот ТДХ, — добавил Корнеев. — Избирательность на молекулярном уровне.

— Да-да, — сказал седовласый. — Я припоминаю. Был доклад об исследовании ТДХ. Действительно, кривая селективности не гладкая... Да. А этот... э... диван?

— Ручной труд, — быстро сказал Роман. — Безотказен. Конструкции Льва Бен Бецалеля. Бен Бецалель собирал и отлаживал его триста лет...

— Вот! — сказал лоснящийся Модест Матвеевич. — Вот как надо работать! Старик, а все делал сам.

Зеркало вдруг прокашлялось и сказала:

— Все оне помолодели, пробыв час в воде, и вышли из нея такими же красивыми, розовыми, молодыми и здоровыми, сильными и жизнерадостными, какими были в двадцать лет.

— Вот именно, — сказал Модест Матвеевич. Зеркало говорило голосом седовласого. Седовласый досадливо поморщился.

— Не будем решать этот вопрос сейчас, — произнес он.

— А когда? — спросил грубый Корнеев.

— В пятницу на Ученом совете.

— Мы не можем разбазаривать реликвии, — вставил Модест Матвеевич.

— А мы что будем делать? — спросил грубый Корнеев.

Зеркало забубнило угрожающим замогильным голосом:

Видел я сам, как, подобравши черные платья,
Шла босая Канидия, простоволосая, с воем,
С ней и Сагана, постарше годами, и бледные обе.
Страшны были на вид. Тут начали землю ногтями
Обе рыть и черного рвать зубами ягненка...

Седовласый, весь сморщившись, подошел к зеркалу, запустил в него руку по плечо и чем-то щелкнул. Зеркало замолчало.

— Так, — сказал седовласый. — Вопрос о вашей группе мы тоже решим на совете. А вы... — По лицу его было видно, что он забыл имя-отчество Корнеева, — вы пока воздержитесь... э... от посещения музея.

С этими словами он вышел из комнаты. Через дверь.

— Добились своего, — сказал Корнеев сквозь зубы, глядя на Модеста Матвеевича.

— Разбазаривать не дам, — коротко ответил тот, засовывая во внутренний карман записную книжку.

— Разбазаривать! — сказал Корнеев. — Плевать вам на все это. Вас отчетность беспокоит. Лишнюю графу вводить неохота.

— Вы это прекратите, — сказал непреклонный Модест Матвеевич. — Мы еще назначим комиссию и посмотрим, не повреждена ли реликвия...

— Инвентарный номер одиннадцать двадцать три, — вполголоса добавил Роман.

— В таком вот аксепте, — величественно произнес Модест Матвеевич, повернулся и увидел меня. — А вы что здесь делаете? — осведомился он. — Почему это вы здесь спите?

— Я... — начал я.

— Вы спали на диване, — провозгласил ледяным тоном Модест, сверля меня взглядом контрразведчика. — Вам известно, что это прибор?

— Нет, — сказал я. — То есть теперь известно, конечно.

— Модест Матвеевич! — воскликнул горбоносый Роман. — Это же наш новый программист, Саша Привалов!

— А почему он здесь спит? Почему не в общежитии?

— Он еще не зачислен, — сказал Роман, обнимая меня за талию.

— Тем более!

— Значит, пусть спит на улице? — злобно спросил Корнеев.

— Вы это прекратите, — сказал Модест. — Есть общежитие, есть гостиница, а здесь музей, госучреждение. Если все будут спать в музеях... Вы откуда?

— Из Ленинграда, — сказал я мрачно.

— Вот если я приеду в Ленинград и пойду спать в Эрмитаж?

— Пожалуйста, — сказал я, пожимая плечами.

Роман все держал меня за талию.

— Модест Матвеевич, вы совершенно правы, непорядок, но сегодня он будет ночевать у меня.

— Это другое дело. Это пожалуйста, — великодушно разрешил Модест. Он хозяйским взглядом окинул комнату, увидел отпечатки на потолке и сразу же посмотрел на мои ноги. К счастью, я был босиком. — В таком вот аксепте, — сказал он, поправил рухлядь на вешалке и вышел.

— Д-дубина, — выдавил из себя Корнеев. — Пень. — Он сел на диван и взялся за голову. — Ну их всех к черту. Сегодня же ночью опять утащу.

— Спокойно, — ласково сказал Роман. — Ничего страшного. Нам просто немножко не повезло. Ты заметил, какой это Янус?

— Ну? — сказал Корнеев безнадежно.

— Это же А-Янус.

Корнеев поднял голову.

— Откуда ты знаешь?

— Огромный опыт, — сказал Роман и подмигнул. — А главное — У-Януса вызвал Келдыш. Он вчера улетел и еще не вернулся. Понял, расхититель музейных ценностей?

— Слушай, ты меня спасаешь, — сказал Корнеев, и я впервые увидел, как он улыбается.

— Дело в том, Саша, — сказал Роман, обращаясь ко мне, — что у нас идеальный директор. Он един в двух лицах. Есть А-Янус Полуэктович и У-Янус Полуэктович. У-Янус — это крупный ученый международного класса. Что же касается А-Януса, то это довольно обыкновенный администратор.

— Близнецы? — осторожно спросил я.

— Да нет, это один и тот же человек. Только он един в двух лицах.

— Ясно, — сказал я и стал надевать ботинки.

— Ничего, Саша, скоро все узнаешь, — сказал Роман ободряюще.

Я поднял голову.

— То есть?

— Нам нужен программист, — проникновенно сказал Роман.

— Мне очень нужен программист, — сказал Корнеев, оживляясь.

— Всем нужен программист, — сказал я, возвращаясь к ботинкам. — И прошу без гипноза и всяких там заколдованных мест.

— Он уже догадывается, — сказал Роман.

Корнеев хотел что-то сказать, но за окном грянули крики.

— Это не наш пятак! — кричал Модест.

— А чей же это пятак?

— Я не знаю, чей это пятак! Это не мое дело! Это ваше дело — ловить фальшивомонетчиков, товарищ сержант!..

— Пятак изъят у некоего Привалова, каковой проживает здесь у вас, в Изнакурноже!..

— Ах, у Привалова? Я сразу подумал, что он ворюга!

Укоризненный голос А-Януса произнес:

— Ну-ну, Модест Матвеевич!..

— Нет, извините, Янус Полуэктович! Этого нельзя так оставить! Товарищ сержант, пройдите!.. Он в доме... Янус Полуэктович, встаньте у окна, чтобы он не выскочил! Я докажу! Я не позволю бросать тень на товарища Горыныч!..

У меня нехорошо похолодело внутри. Но Роман уже оценил положение. Он схватил с вешалки засаленный картуз и нахлобучил мне на уши.

Я исчез.

Это было очень странное ощущение. Все осталось на месте, все, кроме меня. Но Роман не дал мне насытиться новыми переживаниями.

— Это кепка-невидимка, — прошипел он. — Отойди в сторонку и помалкивай.

Я на цыпочках отбежал в угол и сел под зеркало. В ту же секунду в комнату ворвался возбужденный Модест, волоча за рукав юного сержанта Ковалева.

— Где он? — завопил Модест, озираясь.

— Вот, — сказал Роман, показывая на диван.

— Не беспокойтесь, стоит на месте, — добавил Корнеев.

— Я спрашиваю, где этот ваш... программист?

— Какой программист? — удивился Роман.

— Вы это прекратите, — сказал Модест. — Здесь был программист. Он стоял в брюках и без ботинок.

— Ах, вот что вы имеете в виду, — сказал Роман. — Но мы же пошутили, Модест Матвеевич. Не было здесь никакого программиста. Это было просто... — Он сделал какое-то движение руками, и посередине комнаты возник человек в майке и в джинсах. Я видел его со спины и ничего о нем сказать не могу, но юный Ковалев покачал головой и сказал:

— Нет, это не он.

Модест обошел призрак кругом, бормоча:

— Майка... штаны... без ботинок... Он! Это он.

Призрак исчез.

— Да нет же, это не тот, — сказал сержант Ковалев. — Тот был молодой, без бороды...

— Без бороды? — переспросил Модест. Он был сильно сконфужен.

— Без бороды, — подтвердил Ковалев.

— М-да... — сказал Модест. — А по-моему, у него была борода...

— Так я вручаю вам повестку, — сказал юный Ковалев и протянул Модесту листок бумаги казенного вида. — А вы уж сами разбирайтесь со своим Приваловым и со своей Горыныч...

— А я вам говорю, что это не наш пятак! — заорал Модест. — Я про Привалова ничего не говорю, может быть, Привалова и вообще нет как такового... Но товарищ Горыныч наша сотрудница!..

Юный Ковалев, прижимая руки к груди, пытался что-то сказать.

— Я требую разобраться немедленно! — орал Модест. — Вы мне это прекратите, товарищи милиция! Данная повестка бросает тень на весь коллектив! Я требую, чтобы вы убедились!

— У меня приказ... — начал было Ковалев, но Модест с криком: «Вы это прекратите! Я настаиваю!» — бросился на него и поволок из комнаты.

— В музей повлек, — сказал Роман. — Саша, где ты? Снимай кепку, пойдём посмотрим...

— Может, лучше не снимать? — сказал я.

— Снимай, снимай, — сказал Роман. — Ты теперь фантом. В тебя теперь никто не верит — ни администрация, ни милиция...

Корнеев сказал:

— Ну, я пошел спать. Саша, ты приходи после обеда. Посмотришь наш парк машин и вообще...

Я снял кепку.

— Вы это прекратите, — сказал я. — Я в отпуске.

— Пойдем, пойдем, — сказал Роман.

В прихожей Модест, вцепившись одной рукой в сержанта, другой отпирает мощный висячий замок. «Сейчас я вам покажу наш пятак! — кричал он. — Все заприходовано... Все на месте». — «Да я ничего не говорю, — слабо защищался Ковалев. — Я только говорю, что пятаков может быть не один...» Модест распахнул дверь, и мы все вошли в обширное помещение.

Это был вполне приличный музей — со стендами, диаграммами, витринами, макетами и муляжами. Общий вид более всего напоминал музей криминалистики: много фотографий и неаппетитных экспонатов. Модест сразу уволок сержанта куда-то за стенды, и там они вдвоем загудели, как в бочку: «Вот наш пятак...» — «А я ничего и не говорю...» — «Товарищ Горыныч...» — «А у меня приказ!..» — «Вы мне это прекратите!..»

— Полюбопытствуй, любопытствуй, Саша, — сказал Роман, сделал широкий жест и сел в кресло у входа.

Я пошел вдоль стены. Я ничему не удивлялся. Мне было просто очень интересно. «Вода живая. Эффективность 52 %. Допустимый осадок 0,3» (старинная прямоугольная бутылка с водой, пробка залита цветным воском). «Схема промышленного добывания живой воды». «Макет живоводоперегонного куба». «Зелье приворотное Вешковско-Траубенбаха» (аптекарская баночка с ядовито-желтой мазью). «Кровь порченная обыкновенная» (запаянная ампула с черной жидкостью)... Над всем этим стендом висела табличка: «Активные химические средства. XII — XVIII вв.». Тут было еще много бутылочек, баночек, реторт, ампул, пробирок, действующих и недействующих моделей установок для возгонки, перегонки и сгущения, но я пошел дальше.

«Меч-кладенец» (очень ржавый двуручный меч с волнистым лезвием, прикован цепью к железной стойке, витрина тщательно опечатана). «Правый глазной (рабочий) зуб графа Дракулы Задунайского» (я не Кювье, но, судя по этому зубу, граф Дракула Задунайский был человеком весьма странным и неприятным). «След обыкновенный и след вынутый. Гипсовые отливки» (следы, по-моему, не отличались друг от друга, но одна отливка была с трещиной). «Ступа на стартовой площадке. IX век» (мощное сооружение из серого пористого чугуна)... «Змей Горыныч, скелет, 1/25 nat. вел.» (похоже на скелет диплодока с тремя шеями)... «Схема работы огнедышащей железы средней головы»... «Сапоги-сорокоходы гравигенные, действующая модель» (очень большие резиновые сапоги)... «Ковер-самолет гравизащитный. Действующая модель» (ковер примерно полтора на полтора с черкесом, обнимающим младую черкешенку на фоне соплеменных гор)...

Я дошел до стенда «Развитие идеи философского камня», когда в зале вновь появились сержант Ковалев и Модест Матвеевич. Судя по всему, им так и не удалось сдвинуться с мертвой точки. «Вы это прекратите», — вяло говорил Модест. «У меня приказ», — так же вяло отвечивал Ковалев. «Наш пятак на месте...» — «Вот пусть старуха явится и даст показания...» — «Что же мы, по-вашему, фальшивомонетчики?...» — «А я этого и не говорил...» — «Тень на весь коллектив...» — «Разберемся...» Ковалев меня не заметил, а Модест остановился, мутно осмотрел с головы до ног, а затем поднял глаза, вяло прочитал вслух: «Го-мунку-лус лабораторный, общий вид», — и пошел дальше.

Я двинулся за ним, предчувствуя нехорошее. Роман ждал нас у дверей.

— Ну как? — спросил он.

— Безобразия, — вяло сказал Модест. — Бюрократы.

— У меня приказ, — упрямо повторил сержант Ковалев уже из прихожей.

— Ну, выходите, Роман Петрович, выходите, — сказал Модест, позвякивая ключами.

Роман вышел. Я сунулся было за ним, но Модест остановил меня.

— Я извиняюсь, — сказал он. — А вы куда?

— Как — куда? — спросил я упавшим голосом.

— На место, на место идите.

— На какое место?

— Ну, где вы там стоите? Вы, извиняюсь, это... хам-мункулс? Ну и стойте, где положено...

Я понял, что погиб. И я бы, наверное, погиб, потому что Роман, по-видимому, тоже растерялся, но в эту минуту в прихожую с топотом и стуком ввалилась Наина Киевна, ведя на веревке здорового черного козла. При виде сержанта милиции козел взмемкнул дурным голосом и рванулся прочь. Наина Киевна упала. Модест кинулся в прихожую, и поднялся невообразимый шум. С грохотом покатила пустая кадушка. Роман схватил меня за руку и, прошептал: «Ходу, ходу!..» — бросился в мою комнату. Мы захлопнули за собой дверь и навалились на нее, тяжело дыша. В прихожей кричали:

— Предъявите документы!

— Батюшки, да что же это!

— Почему козел?! Почему в помещении козел?!

— Мэ-э-э-э-э...

— Вы это прекратите, здесь не пивная!

— Не знаю я ваших пятаков и не ведаю!

— Мэ-э-э!..

— Гражданка, уберите козла!

— Прекратите, козел заприходован!

— Как заприходован?!

— Это не козел! Это наш сотрудник!

— Тогда пусть предъявит!..

— Через окно — и в машину! — приказал Роман.

Я схватил куртку и выпрыгнул в окно. Из-под ног моих с мявом шарахнулся кот Василий. Пригибаясь, я подбежал к машине, распахнул дверцу и вскочил за руль. Роман уже откатывал воротину. Мотор не заводился. Терзая стартер, я увидел, как дверь избы распахнулась, из прихожей вылетел черный козел и гигантскими прыжками помчался прочь куда-то за угол. Мотор взревел. Я развернул машину и вылетел на улицу. Дубовая воротина с треском захлопнулась. Роман вынырнул из калитки и с размаху сел рядом со мной.

— Ходу! — сказал он бодро. — В центр!

Когда мы поворачивали на проспект Мира, он спросил:

— Ну, как тебе у нас?

— Нравится, — сказал я. — Только очень шумно.

— У Наины всегда шумно, — сказал Роман. — Вздорная старуха. Она тебя не обижала?

— Нет, — сказал я. — Мы почти и не общались.

— Подожди-ка, — сказал Роман. — Притормози.

— А что?

— А вон Володька идет. Помнишь Володю?

Я затормозил. Бородатый Володя влез на заднее сиденье и, радостно улыбаясь, пожал нам руки.

— Вот здорово! — сказал он. — А я как раз к вам иду!

— Только тебя там и не хватало, — сказал Роман.

— А чем все кончилось?

— Ничем, — сказал Роман.

— А куда вы теперь едете?

— В институт, — сказал Роман.

— Зачем? — спросил я.

— Работать, — сказал Роман.

— Я в отпуске.
 — Это неважно, — сказал Роман. — Понедельник начинается в субботу, а август на этот раз начнется в июле!
 — Меня ребята ждут, — сказал я умоляюще.
 — Это мы берем на себя, — сказал Роман. — Ребята абсолютно ничего не заметят.
 — С ума сойти, — сказал я.
 Мы проехали между магазином № 2 и столовой № 11.
 — Он уже знает, куда ехать, — заметил Володя.
 — Отличный парень, — сказал Роман. — Гигант!
 — Он мне сразу понравился, — сказал Володя.
 — Видимо, вам позарез нужен программист, — сказал я.
 — Нам нужен далеко не всякий программист, — возразил Роман.
 Я затормозил возле странного здания с вывеской «НИИЧАВО» между окнами.
 — Что это означает? — спросил я. — Могу я по крайней мере узнать, где меня вынуждают работать?
 — Можешь, — сказал Роман. — Ты теперь все можешь. Это Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства... Ну, что же ты стал? Загоняй машину!
 — Куда? — спросил я.
 — Ну неужели ты не видишь?
 И я увидел.
 Но это уже совсем другая история.

История вторая. Суета сует

Глава первая

Среди героев рассказа выделяются один-два главных героя, все остальные рассматриваются как второстепенные.

«Методика преподавания литературы»

Около двух часов дня, когда в «Алдане» снова перегорел предохранитель вводного устройства, раздался телефонный звонок. Звонил заместитель директора по административно-хозяйственной части Модест Матвеевич Камноедов.

— Привалов, — сурово сказал он, — почему вы опять не на месте?

— Как это не на месте? — обиделся я. День сегодня выдался хлопотливый, и я все позабыл.

— Вы это прекратите, — сказал Модест Матвеевич. — Вам уже пять минут назад надлежало явиться ко мне на инструктаж.

— Елки-палки, — сказал я и повесил трубку.

Я выключил машину, снял халат и велел девочкам не забыть вырубить ток. В большом коридоре было пусто, за полузамерзшими окнами мела пурга. Надевая на ходу куртку, я побежал в хозяйственный отдел.

Модест Матвеевич в лоснящемся костюме величественно ждал меня в собственной приемной. За его спиной маленький гном с волосатыми ушами уныло и старательно возил пальцами по обширной ведомости.

— Вы, Привалов, как какой-нибудь этот... хам-мункулс, — произнес Модест. — Никогда вас нет на месте.

С Модестом Матвеевичем все старались поддерживать только хорошие отношения, поскольку человек он был могучий, непреклонный и фантастически невежественный. Поэтому я рывкнул: «Слушаюсь!» — и щелкнул каблуками.

— Все должны быть на своих местах, — продолжал Модест Матвеевич. — Всегда. У вас вот высшее образование, и очки, и бороду вот отрасли, а понять такой простой теоремы не можете.

— Больше не повторится! — сказал я, выкатив глаза.

— Вы это прекратите, — сказал Модест Матвеевич, смягчаясь. Он извлек из кармана лист бумаги и некоторое время глядел в него. — Так вот, Привалов, — сказал он наконец, — сегодня вы заступаете дежурным. Дежурство по учреждению во время праздников — занятие ответственное. Это вам не кнопки нажимать. Во-первых — противопожарная безопасность. Это первое. Не допускать самовозгорания. Следить за обесточенностью вверенных вам производственных площадей. И следить лично, без этих ваших фокусов с раздваиваниями и растраиваниями. Без этих ваших дубелей. При обнаружении фактора горения немедленно звонить по телефону 01 и приступать к принятию мер. На этот случай получите сигнальную дудку для вызова авральной команды... — Он вручил мне платиновый свисток с инвентарным номером. — А также никого не пускать. Вот это список лиц, которым разрешено пользование лабораториями в ночной период, но все равно тоже не пускать, потому что праздник. Во всем институте чтобы ни одной живой души. Всякие там другие души — пусть, но живой души чтобы ни одной. Демонов на входе и выходе заговорить. Понимаете обстановку? Живые души не должны входить, а все прочие не должны выходить. Потому что уже был прен-цен-дент: сбежал черт и украл луну. Широко известный прен-цен-дент, даже в кино отражен. — Он значительно на меня посмотрел и вдруг спросил документы.

Я повиновался. Он внимательно исследовал мой пропуск, вернул его и произнес:

— Все верно. А то было у меня подозрение, что вы все-таки дубель. Вот так. Значит, в пятнадцать ноль-ноль в соответствии с трудовым законодательством рабочий день закончится, и все сдадут вам ключи от своих производственных помещений. После чего вы лично осмотрите территорию. В дальнейшем производите обходы каждые три часа на предмет самовозгорания. Не менее двух раз за период дежурства посетите виварий. Если надзиратель пьет чай — прекратите. Были сигналы: не чай он там пьет. В таком вот аксепте. Пост ваш в приемной у директора. На диване можете отдыхать. Завтра в шестнадцать ноль-ноль вас сменит Почкин Владимир из лаборатории товарища Ойры-Ойры. Доступно?

— Вполне, — сказал я.

— Я буду звонить вам ночью и завтра днем. Лично. Возможен контроль и со стороны товарища завкадрами.

— Вас понял, — сказал я и проглядел список.

Первым в списке значился директор института Янус Полуэктович Невструев с карандашной пометкой «два экз.». Вторым шел лично Модест Матвеевич, третьим — товарищ завкадрами гражданин Демин Кербер Псович. А дальше шли фамилии, которых я никогда и нигде не встречал.

— Что-нибудь недоступно? — осведомился Модест Матвеевич, ревниво за мной следивший.

— Вот тут, — сказал я веско, тыча пальцем в список, — наличествуют товарищи в количестве... м-м-м... двадцати двух экземпляров, лично мне неизвестные. Эти фамилии я хотел бы с вами лично провентилировать. — Я посмотрел ему прямо в глаза и добавил твердо: — Во избежание.

Модест Матвеевич взял список и оглядел его на расстоянии вытянутой руки.

— Все верно, — сказал он снисходительно. — Просто вы, Привалов, не в курсе. Лица, поименованные с номера четвертого по номер двадцать пятый и последний

включительно, занесены в списки лиц, допущенных к ночным работам посмертно. В порядке признания их заслуг в прошлом. Теперь вам доступно?

Я слегка обалдел, потому что привыкнуть ко всему этому было все-таки очень трудно.

— Занимайте свой пост, — величественно сказал Модест Матвеевич. — Я со своей стороны и от имени администрации поздравляю вас, товарищ Привалов, с наступающим Новым годом и желаю вам в новом году соответствующих успехов как в работе, так и в личной жизни.

Я тоже пожелал ему соответствующих успехов и вышел в коридор.

Узнавши вчера о том, что меня назначили дежурным, я обрадовался: я намеревался закончить один расчет для Романа Ойры-Ойры. Однако теперь я чувствовал, что дело обстоит не так просто. Перспектива провести ночь в институте представилась мне вдруг в совершенно новом свете. Я и раньше задерживался на работе допоздна, когда дежурные из экономии уже гасили четыре лампы из пяти в каждом коридоре и приходилось пробираться к выходу мимо каких-то шарахающихся мохнатых теней. Первое время это производило на меня сильнейшее впечатление, потом я привык, а потом снова отвык, когда, возвращаясь однажды по большому коридору, услышал сзади мерное цок-цок-цок когтей по паркету и, оглянувшись, обнаружил некое фосфоресцирующее животное, бегущее явно по моим следам. Правда, когда меня сняли с карниза, выяснилось, что это была обыкновенная живая собачка одного из сотрудников. Сотрудник приходил извиняться, Ойра-Ойра прочел мне издевательскую лекцию о вреде суеверий, но какой-то осадок у меня в душе все-таки остался. Первым делом заговорю демонов, подумал я.

У входа в приемную директора мне повстречался мрачный Витька Корнеев. Он хмуро кивнул и хотел пройти мимо, но я поймал его за рукав.

— Ну? — сказал грубый Корнеев, останавливаясь.

— Я сегодня дежурю, — сообщил я.

— Ну и дурак, — сказал Корнеев.

— Грубый ты все-таки, Витька, — сказал я. — Не буду я с тобой больше общаться.

Витька оттянул пальцем воротник свитера и с интересом посмотрел на меня.

— А что же ты будешь? — спросил он.

— Да уж найду что, — сказал я, несколько растерявшись.

Витька вдруг оживился.

— Постой-ка, — сказал он. — Ты что, в первый раз дежуришь?

— Да.

— Ага, — сказал Витька. — И как ты намерен действовать?

— Согласно инструкции, — ответил я. — Заговорю демонов и лягу спать. На предмет самовозгорания. А ты куда денешься?

— Да собирается там одна компания, — неопределенно сказал Витька. — У Верочки... А это у тебя что? — Он взял у меня список. — А, мертвые души...

— Никого не пушу, — сказал я. — Ни живых, ни мертвых.

— Правильное решение, — сказал Витька. — Архивное. Только присмотри у меня в лаборатории. Там у меня будет работать дубль.

— Чей дубль?

— Мой дубль, естественно. Кто мне своего отдаст? Я его там запер, вот, возьми ключ, раз ты дежурный.

Я взял ключ.

— Слушай, Витька, часов до десяти пусть он поработает, но потом я все обесточу. В соответствии с законодательством.

— Ладно, там видно будет. Ты Эдика не встречал?

— Не встречал, — сказал я. — И не забивай мне баки. В десять часов я все обесточу.

— А я разве против? Обесточивай, пожалуйста. Хоть весь город.

Тут дверь приемной отворилась, и в коридор вышел Янус Полуэктович.

— Так, — произнес он, увидев нас.

Я почтительно поклонился. По лицу Януса Полуэктовича было видно, что он забыл, как меня зовут.

— Прошу, — сказал он, подавая мне ключи. — Вы ведь дежурный, если я не ошибаюсь... Кстати... — Он поколебался. — Я с вами не беседовал вчера?

— Да, — сказал я, — вы заходили в электронный зал.

Он покивал.

— Да-да, действительно... Мы говорили о практикантах...

— Нет, — возразил я почтительно, — не совсем так. Это насчет нашего письма в Центракадемнаб. Про электронную приставку.

— Ах вот как, — сказал он. — Ну хорошо, желаю вам спокойного дежурства... Виктор Павлович, можно вас на минутку?

Он взял Витьку под руку и увел по коридору, а я вошел в приемную. В приемной второй Янус Полуэктович запирает сейфы. Увидев меня, он сказал: «Так», и снова принялся позвякивать ключами. Это был А-Янус, я уже немножко научился различать их. А-Янус выглядел несколько моложе, был неприветлив, всегда корректен и малоразговорчив. Рассказывали, что он много работает, и люди, знавшие его давно, утверждали, что этот посредственный администратор медленно, но верно превращается в выдающегося ученого. У-Янус, напротив, был всегда ласков, очень внимателен и обладал странной привычкой спрашивать: «Я с вами не беседовал вчера?» Поговаривали, что он сильно сдал в последнее время, хотя и оставался ученым с мировым именем. И все-таки А-Янус и У-Янус были одним и тем же человеком. Вот это у меня никак не укладывалось в голову. Была в этом какая-то условность. Я даже подозревал, что это просто метафора.

А-Янус замкнул последний замок, вручил мне часть ключей и, холодно попрощавшись, ушел. Я уселся за стол референта, положил перед собой список и позвонил к себе в электронный зал. Никто не отозвался — видимо, девочки уже разошлись. Было четырнадцать часов тридцать минут.

В четырнадцать часов тридцать одну минуту в приемную, шумно отдуваясь и треща паркетом, ввалился знаменитый Федор Симеонович Киврин, великий маг и кудесник, заведующий отделом Линейного Счастья. Федор Симеонович славился неисправимым оптимизмом и верой в прекрасное будущее. У него было очень бурное прошлое. При Иване Васильевиче — царе Грозном опричники тогдашнего министра государственной безопасности Малюты Скуратова с шутками и прибаутками сожгли его по доносу соседа-дядяка в деревянной бане как колдуна; при Алексее Михайловиче — царе Тишайшем его били батогами нещадно и спалили у него на голой спине полное рукописное собрание его сочинений; при Петре Алексеевиче — царе Великом он сначала возвысился было как знаток химии и рудного дела, но не потрафил чем-то князю-кесарю Ромодановскому, попал в каторгу на тульский оружейный завод, бежал оттуда в Индию, долго путешествовал, кусан был ядовитыми змеями и крокодилами, нечувствительно превзошел йогу, вновь вернулся в Россию в разгар пугачевщины, был обвинен как врачеватель бунтовщиков, обезноздрен и сослан в Соловецк навечно. В Соловце опять имел массу всяких неприятностей, пока не прибился к НИИЧАВО, где быстро занял пост заведующего отделом и последнее время много работал над проблемами человеческого счастья, беззаветно сражаясь с теми коллегами, которые базой счастья полагали довольство.

— П-приветствую вас! — пробасил он, кладя передо мною ключи от своих лабораторий. — Б-бедняга, к-как же вы это? В-вам веселиться надо в т-такую ночь, я п-позвоню Модесту, что за г-глупости, я сам п-подежурю...

Видно было, что мысль эта только что пришла ему в голову, и он страшно ею загорелся.

— Н-ну-ка, где здесь его т-телефон? П-проклятье, н-никогда не п-помню т-телефонов... Один-п-пятнадцать или п-пять-одиннадцать...

— Что вы, Федор Симеонович, спасибо! — вскричал я. — Не надо! Я тут как раз поработать собрался!

— Ах, п-поработать! Это д-другое дело! Эт' х-хорошо, эт' здорово, вы м-молодец!.. А я, ч-черт, электроники н-ни черта не знаю... Н-надо учиться, а т-то вся эта м-магия слова, с-старье, ф-фокусы-покусы с п-психополями, п-примитив... Д-дедовские п-приемчики...

Он тут же, не сходя с места, сотворил две большие антоновки, одну вручил мне, а от второй откусил сразу половину и принялся сочно хрустеть.

— П-проклятье, опять ч-червивое сделал... У вас как — х-хорошее? Эт' хорошо... Я к в-вам, Саша, п-попозже еще загляну, а то я н-не совсем п-понимаю все-таки систему к-команд... В-водки только выпью и з-зайду... Д-двадцать д-девятая к-команда у вас там в м-машине... Т-то ли машина врет, то ли я н-не понимаю... Д-детективчик вам п-принесу, Г-гарднера. В-вы ведь читаете по-аглицки? Х-хорошо, шельма, пишет, з-здорово! П-перри Мейсон у него там, з-зверюга-адвокат, з-знаете?.. А п-потом еще что-нибудь д-дам, с-сайнс-фикшн к-какую-нибудь... Аз-зимова там, или Б-брэдбери...

Он подошел к окну и сказал восхищенно:

— П-пурга, черт возьми, л-люблю!..

Вошел, кутаясь в норковую шубу, тонкий и изящный Кристобаль Хозевич Хунта. Федор Симеонович обернулся.

— А, К-кристо! — воскликнул он. — П-полюбуйся, Камноедов этот, д-дурак, засадил м-молодого п-парня дежурить н-на Новый год. Д-давай отпустим его, вдвоем останемся, в-вспомынем старину, в-выпьем, а? Ч-что он тут будет мучиться?.. Ему п-плясать надо, с д-девушками...

Хунта положил на стол ключи и сказал небрежно:

— Общение с девушками доставляет удовольствие лишь в тех случаях, когда достигается через преодоление препятствий...

— Н-ну еще бы! — загремел Федор Симеонович. — М-много крови, много п-песней за п-прелестных льется дам... К-как это там у вас?.. Только тот д-достигнет цели, кто не знает с-слова «страх»...

— Именно, — сказал Хунта. — И потом — я не терплю благотворительности.

— Б-благотворительности он не терпит! А кто у меня выпросил Одихмантьева? П-переманил, п-понимаешь, такого лаборанта... Ставь теперь б-бутылку шампанского, н-не меньше... С-слушай, не надо шампанского! Амонтильядо! У т-тебя еще осталось от т-толедских запасов?

— Нас ждут, Теодор, — напомнил Хунта.

— Д-да, верно... Надо еще г-галстук найти... и валенки, такси же не д-достанешь... Мы пошли, Саша, н-не скучайте тут.

— В новогоднюю ночь в институте дежурные не скучают, — негромко сказал Хунта. — Особенно новички.

Они пошли к двери. Хунта пропустил Федора Симеоновича вперед и, прежде чем выйти, косо глянул на меня и стремительно вывел пальцем на стене Соломонову звезду. Звезда вспыхнула и стала медленно тускнеть, как след пучка электронов на экране осциллографа. Я трижды плюнул через левое плечо.

Кристобаль Хозевич Хунта, заведующий отделом Смысла Жизни, был человек замечательный, но, по-видимому, совершенно бессердечный. Некогда, в ранней молодости, он долго был Великим Инквизитором, но потом впал в ересь, хотя и по сию пору сохранил тогдашние замашки, весьма, впрочем, пригодившиеся ему, по слухам, во время борьбы против пятой колонны в Испании. Почти все свои неудобопонятные эксперименты он производил либо над собой, либо над своими сотрудниками, и об этом уже при мне возмущенно говорили на общем профсоюзном собрании. Занимался он изучением смысла жизни, но продвинулся пока не очень далеко, хотя и получил интересные результаты, доказав, например, теоретически, что смерть отнюдь не является

непременным атрибутом жизни. По поводу этого последнего открытия тоже возмущались — на философском семинаре. В кабинет к себе он почти никого не пускал, и по институту ходили смутные слухи, что там масса интересных вещей. Рассказывали, что в углу кабинета стоит великолепно выполненное чучело одного старинного знакомого Кристобая Хозевича, штандартенфюрера СС, в полной парадной форме, с моноклем, кортиком, железным крестом, дубовыми листьями и прочими причиндалами. Хунта был великолепным таксидермистом. Штандартенфюрер, по словам Кристобая Хозевича, — тоже. Но Кристобаль Хозевич успел раньше. Он любил успевать раньше — всегда и во всем. Не чужд ему был и некоторый скептицизм. В одной из его лабораторий висел огромный плакат: «Нужны ли мы нам?» Очень незаурядный человек.

Ровно в три часа, в соответствии с трудовым законодательством, принес ключи доктор наук Амвросий Амбрузович Выбегалло. Он был в валенках, подшитых кожей, в пахучем извозчицком тулупе, из поднятого воротника торчала вперед седоватая нечистая борода. Волосы он стриг под горшок, так что никто никогда не видел его ушей.

— Эта... — сказал он, приближаясь. — У меня там, может, сегодня кто вылупится. В лаборатории, значить. Надо бы, эта, присмотреть. Я ему там запасов наложил, эта, хлеба, значить, буханок пять, ну там отрубей пареных, два ведра обрату. Ну, а как все, эта, поест, кидаться начнет, значить. Так ты мне, мон шер, того, брякни, милый.

Он положил передо мной связку амбарных ключей и в каком-то затруднении открыл рот, уставясь на меня. Глаза у него были прозрачные, в бороде торчало пшено.

— Куда брякнуть-та? — спросил я.

Очень я его не любил. Был он циник, и был он дурак. Работу, которой он занимался за триста пятьдесят рублей в месяц, можно было бы смело назвать егеникой, но никто ее так не называл — боялись связываться. Этот Выбегалло заявлял, что все беды, эта, от неудовольствия проистекают и ежели, значить, дать человеку все — хлеба, значить, отрубей пареных, — то и будет не человек, а ангел. Нехитрую эту идею он пробивал всячески, размахивая томаами классиков, из которых с неописуемым простодушием выдирали с кровью цитаты, нещадно опуская и вымарывая все, что ему не подходило. В свое время Ученый совет дрогнул под натиском этой неудержимой, какой-то даже первобытной демагогии, и тема Выбегаллы была включена в план. Действуя строго по этому плану, старательно измеряя свои достижения в процентах выполнения и никогда не забывая о режиме экономии, увеличении оборачиваемости оборотных средств, а также о связи с жизнью, Выбегалло заложил три экспериментальные модели: модель Человека, неудовлетворенного полностью, модель Человека, неудовлетворенного желудочно, и модель Человека, полностью удовлетворенного. Полностью неудовлетворенный антропоид поспел первым — он вывелся две недели назад. Это жалкое существо, покрытое язвами, как Иов, полуразложившееся, мучимое всеми известными и неизвестными болезнями, невероятно голодное, страдающее от холода и от жары одновременно, вывалилось в коридор, огласило институт серией нечленораздельных жалоб и издохло. Выбегалло торжествовал. Теперь можно было считать доказанным, что ежели человека не кормить, не поить, не лечить, то он, эта, будет, значить, несчастлив и даже, может, помрет. Как вот этот помер. Ученый совет ужаснулся. Затея Выбегаллы оборачивалась какой-то жуткой стороной. Была создана комиссия для проверки работы Выбегаллы. Но тот, не растерявшись, представил две справки, из коих следовало, во-первых, что трое лаборантов его лаборатории ежегодно выезжают работать в подшефный совхоз, и, во-вторых, что он, Выбегалло, некогда был узником царизма, а теперь регулярно читает популярные лекции в городском лектории и на периферии. И пока ошеломленная комиссия пыталась разобраться в логике происходящего, он неторопливо вывез с подшефного рыбозавода (в порядке связи с производством) четыре грузовика селедочных голов для созревающего антропоида, неудовлетворенного желудочно. Комиссия писала отчет, а институт в страхе ждал дальнейших событий. Соседи Выбегаллы по этажу брали отпуска за свой счет.

— Куда брякнуть-та? — спросил я.

— Брякнуть-та? А домой, куда же еще в Новый год-та. Мораль должна быть, милай. Новый год дома встречать надо. Так это выходит по-нашему, нес па?¹

— Я знаю, что домой. По какому телефону?

— А ты, эта, в книжечку посмотри. Грамотный? Вот и посмотри, значить, в книжечку. У нас секретов нет, не то что у иных прочих. Ан масс².

— Хорошо, — сказал я. — Брякну.

— Брякни, мон шер, брякни. А кусаться он начнет, так ты его по сусалам, не стесняйся. Се ля ви³.

Я набрался храбрости и буркнул:

— А ведь мы с вами на брудершафт не пили.

— Пардон?

— Ничего, это я так, — сказал я.

Некоторое время он смотрел на меня своими прозрачными глазами, в которых ничегошеньки не выразилось, потом проговорил:

— А ничего, так и хорошо, что ничего. С праздником тебя с наступающим. Бывай здоров. Аривуар⁴, значить.

Он напялил ушанку и удалился. Я торопливо открыл форточку. Влетел Роман Ойра-Ойра в зеленом пальто с барашковым воротником, пошевелил горбатым носом и осведомился:

— Выбегалло забегалло?

— Забегалло, — сказал я.

— Н-да, — сказал он. — Это селедка. Держи ключи. Знаешь, куда он один грузовик свалил? Под окнами у Жиана Жиакомо. Прямо под кабинетом. Новогодний подарочек. Выкурю-ка я у тебя здесь сигарету.

Он упал в огромное кожаное кресло, расстегнул пальто и закурил.

— А ну-ка, займись, — сказал он. — Дано: запах селедочного рассола, интенсивность шестнадцать микропоров, кубатура... — Он оглядел комнату. — Ну, сам сообразишь, год на переломе, Сатурн в созвездии Весов... Удаляй!

Я почесал за ухом.

— Сатурн... Что ты мне про Сатурн... А вектор магистатум какой?

— Ну, брат, — сказал Ойра-Ойра, — это ты сам должен...

Я почесал за другим ухом, прикинул в уме вектор и произвел, запинаясь, акустическое воздействие (произнес заклинание). Ойра-Ойра зажал нос. Я выдрал из брови два волоска (ужасно больно и глупо) и поляризовал вектор. Запах опять усилился.

— Плохо, — с упреком сказал Ойра-Ойра. — Что ты делаешь, ученик чародея? Ты что, не видишь, что форточка открыта?

— А, — сказал я, — верно. — Я учел дивергенцию и ротор, попытался решить уравнение Стокса в уме, запутался, вырвал, дыша через рот, еще два волоска, принялся, пробормотал заклинание Ауэрс и совсем уже собрался было вырвать еще волосок, но тут обнаружилось, что приемная проветрилась естественным путем, и Роман посоветовал мне сэкономить брови и закрыть форточку.

— Посредственно, — сказал он. — Займемся материализацией.

Некоторое время мы занимались материализацией. Я творил груши, а Роман требовал, чтобы я их ел. Я отказывался есть, и тогда он заставлял меня творить снова. «Будешь работать, пока не получится что-нибудь съедобное, — говорил он. — А это

¹ Не так ли? (*фр.*) Выбегалло обожает вкраплять в свою речь отдельные словосочетания на французском, как он выражается, диалекте. Никак не отвечая за его произношение, мы взяли на себя труд обеспечить перевод. (*Примечание авторов.*)

² В массе, у большинства (*фр.*).

³ Такова жизнь (*фр.*).

⁴ До свидания (*фр.*).

отдашь Модесту. Он у нас Камноедов». В конце концов я сотворил настоящую грушу — большую, желтую, мягкую, как масло, и горькую, как хина. Я ее съел, и Роман разрешил мне отдохнуть.

Тут принес ключи бакалавр черной магии Магнус Федорович Редькин, толстый, как всегда озабоченный и разобиженный. Бакалавра он получил триста лет назад за изобретение портков-невидимок. С тех пор он эти портки все совершенствовал и совершенствовал. Портки-невидимки превратились у него сначала в кюлоты-невидимки, потом в штаны-невидимки, и наконец совсем недавно о них стали говорить как о брюках-невидимках. И никак он не мог их отладить. На последнем заседании семинара по черной магии, когда он делал очередной доклад «О некоторых новых свойствах брюк-невидимок Редькина», его опять постигла неудача. Во время демонстрации модернизированной модели что-то там заело в пуговично-подтяжечном механизме, и брюки, вместо того чтобы сделать невидимым изобретателя, вдруг со звонким щелчком сделались невидимы сами. Очень неловко получилось. Однако главным образом Магнус Федорович работал над диссертацией, тема которой звучала так: «Материализация и линейная натурализация Белого Тезиса как аргумента достаточно произвольной функции сигма не вполне представимого человеческого счастья».

Тут он достиг значительных и важных результатов, из коих следовало, что человечество буквально купалось бы в не вполне представимом счастье, если бы только удалось найти сам Белый Тезис, а главное — понять, что это такое и где его искать.

Упоминание о Белом Тезисе встречалось только в дневниках Бен Бецалеля. Бен Бецалель якобы выделил Белый Тезис как побочный продукт какой-то алхимической реакции и, не имея времени заниматься такой мелочью, вмонтировал его в качестве подсобного элемента в какой-то свой прибор. В одном из последних мемуаров, написанных уже в темнице, Бен Бецалель сообщал: «И можете вы себе представить? Тот Белый Тезис не оправдал-таки моих надежд, не оправдал. И когда я сообразил, какая от него могла быть польза — я говорю о счастье для всех людей, сколько их есть, — я уже забыл, куда же я его вмонтировал». За институтом числилось семь приборов, принадлежавших некогда Бен Бецалелю. Шесть из них Редькин разобрал до винтика и ничего особенного не нашел. Седьмым прибором был диван-транслятор. Но на диван наложил руку Витька Корнеев, и в простую душу Редькина закрались самые черные подозрения. Он стал следить за Витькой. Витька немедленно озверел. Они поссорились и стали заклятыми врагами, и оставались ими по сей день. Ко мне как к представителю точных наук Магнус Федорович относился благожелательно, хотя и осуждал мою дружбу с «этим плагиатором». В общем-то Редькин был неплохим человеком, очень трудолюбивым, очень упорным, начисто лишенным корыстолюбия. Он проделал громадную работу, собравши гигантскую коллекцию разнообразнейших определений счастья. Там были простейшие негативные определения («Не в деньгах счастье»), простейшие позитивные определения («Высшее удовлетворение, полное довольство, успех, удача»), определения казуистические («Счастье есть отсутствие несчастья») и парадоксальные («Счастливей всех шуты, дураки, сущеглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»).

Магнус Федорович положил на стол коробочку с ключом и, недоверчиво глядя на нас исподлобья, сказал:

- Я еще одно определение нашел.
- Какое? — спросил я.
- Что-то вроде стихов. Только там нет рифмы. Хотите?
- Конечно, хотим, — сказал Роман.

Магнус Федорович вынул записную книжку и, запинаясь, прочел:

Вы спрашиваете:
 Что считаю
 Я наивысшим счастьем на земле?
 Две вещи:
 Менять вот так же состоянье духа,
 Как пенни выменял бы я на шиллинг,
 И
 Юной девушки
 Услышать пенье
 Вне моего пути, но вслед за тем,
 Как у меня дорогу разузнала.

— Ничего не понял, — сказал Роман. — Дайте я прочту глазами.

Редькин отдал ему записную книжку и пояснил:

— Это Кристофер Лог. С английского.

— Отличные стихи, — сказал Роман.

Магнус Федорович вздохнул.

— Одни одно говорят, другие — другое.

— Тяжело, — сказал я сочувственно.

— Правда ведь? Ну как тут все увяжешь? Девушки услышать пенье... И ведь не всякое пенье какое-нибудь, а чтобы девушка была юная, находилась вне его пути, да еще только после того, как у него про дорогу спросит... Разве же так можно? Разве такие вещи алгоритмизируются?

— Вряд ли, — сказал я. — Я бы не взялся.

— Вот видите! — подхватил Магнус Федорович. — А вы у нас заведующий вычислительным центром! Кому же тогда?

— А может, его вообще нет? — сказал Роман голосом кинопродюсера.

— Чего?

— Счастья.

Магнус Федорович сразу обиделся.

— Как же его нет, — с достоинством сказал он, — когда я сам его неоднократно испытывал?

— Выменяв пенни на шиллинг? — спросил Роман.

Магнус Федорович обиделся еще больше и вырвал у него записную книжку.

— Вы еще молодой... — начал он.

Но тут раздался грохот, треск, сверкнуло пламя и запахло серой. Посередине приемной возник Мерлин. Магнус Федорович, шарахнувшийся от неожиданности к окну, сказал: «Тьфу на вас!» — и выбежал вон.

— Good God! — сказал Ойра-Ойра, протирая запорошенные глаза. — Canst thou not come in by usual way as decent people do?.. Sir¹, — добавил он.

— Beg thy pardon², — сказал Мерлин самодовольно и с удовлетворением посмотрел на меня. Наверное, я был бледен, потому что очень испугался самовозгорания.

Мерлин оправил на себе побитую молью мантию, швырнул на стол связку ключей и произнес:

— Вы заметили, сэры, какие стоят погоды?

— Предсказанные, — сказал Роман.

— Именно, сэр Ойра-Ойра! Именно предсказанные!

— Полезная вещь — радио, — сказал Роман.

¹ Господи! Ужель обычный путь тебе заказан, путь достойного человека?.. Сэр (англ.).

² Прошу прощения (англ.).

— Я радио не слушаю, — сказал Мерлин. — У меня свои методы.

Он потряс подолом мантии и поднялся на метр над полом.

— Люстра, — сказал я, — осторожнее.

Мерлин посмотрел на люстру и ни с того ни с сего начал:

— О вы, пропитанные духом западного материализма, низкого меркантилизма и утилитаризма, чье спиритуальное убожество не способно подняться над мраком и хаосом мелких угрюмых забот... Не могу не вспомнить, дорогие сэры, как в прошлом году мы с сэром председателем райсовета товарищем Переяславльским...

Ойра-Ойра душераздирающе зевнул, мне тоже стало тоскливо. Мерлин был бы, вероятно, еще хуже, чем Выбегалло, если бы не был столь архаичен и самонадеян. По чьей-то рассеянности ему удалось продвинуться в заведующие отделом Предсказаний и Пророчеств, потому что во всех анкетах он писал о своей непримиримой борьбе против империализма янки еще в раннем средневековье, прилагая к анкетам нотариально заверенные машинописные копии соответствующих страниц из Марка Твена. Впоследствии же, в связи с изменением внутренней обстановки и потеплением международного климата, он был вновь переведен на свое место заведующего бюро погоды и теперь, как и тысячу лет назад, занимался предсказаниями атмосферных явлений — и с помощью магических средств, и на основании поведения тарантулов, усиления ревматических болей и стремления соловецких свиней залечь в грязь или выйти из оной. Впрочем, основным поставщиком его прогнозов был самый вульгарный радиоперехват, осуществлявшийся детекторным приемником, по слухам, похищенным еще в двадцатые годы с соловецкой выставки юных техников. В институте его держали из уважения к старости. Он был в большой дружбе с Наиной Киевной Горыныч и вместе с ней занимался коллекционированием и распространением слухов о появлении в лесах гигантской волосатой женщины и о пленении одной студентки снежным человеком с Эльбруса. Говорили также, что время от времени он принимает участие в ночных бдениях на республиканской Лысой Горе с Ха Эм Виём, Хомой Брутом и другими хулиганами.

Мы с Романом молчали и ждали, когда он исчезнет. Но он, упаковавшись в мантию, удобно расположился под люстрой и затянул длинный, всем давно уже осточертевший рассказ о том, как он, Мерлин, и председатель соловецкого райсовета товарищ Переяславльский совершали инспекторский вояж по району. Вся эта история была чистейшим враньем, бездарным и конъюнктурным переложением Марка Твена. О себе он говорил в третьем лице, а председателя иногда, сбиваясь, называл королем Артуром.

— Итак, председатель райсовета и Мерлин отправились в путь и приехали к пасечнику, Герою Труда сэру Отшельниченко, который был добрым рыцарем и знатным медосборцем. И сэр Отшельниченко доложил о своих трудовых успехах и полечил сэра Артура от радикулита пчелиным ядом. И сэр председатель прожил там три дня, и радикулит его успокоился, и они двинулись в путь, и в пути сэр Ар... председатель сказал: «У меня нет меча». — «Не беда, — сказал ему Мерлин, — я добуду тебе меч». И они доехали до большого озера, и видит Артур: из озера поднялась рука, мозолистая и своя, и в той руке серп и молот. И сказал Мерлин: «Вот тот меч, о котором я говорил тебе...»

Тут раздался телефонный звонок, и я с радостью схватил трубку.

— Алло, — сказал я. — Алло, вас слушают.

В трубке что-то бормотали, и гнусаво тянул Мерлин: «...И возле Лежнева они встретили сэра Пеллинора, однако Мерлин сделал так, что Пеллинор не заметил председателя...»

— Сэр гражданин Мерлин, — сказал я. — Нельзя ли чуть потише? Я ничего не слышу.

Мерлин замолчал с видом человека, готового продолжать в любой момент.

— Алло, — снова сказал я в трубку.

— Кто у аппарата?

— А вам кого нужно? — сказал я по старой привычке.

— Вы мне это прекратите. Вы не в балагане, Привалов.

— Виноват, Модест Матвеевич. Дежурный Привалов слушает.

— Вот так. Докладывайте.

— Что докладывать?

— Слушайте, Привалов. Вы опять ведете себя, как я не знаю кто. С кем вы там разговаривали? Почему на посту посторонние? Почему, в нарушение трудового законодательства, в институте после окончания рабочего дня находятся люди?

— Это Мерлин, — сказал я.

— Гоните его в шею!

— С удовольствием, — сказал я. (Мерлин, несомненно подслушивавший, покрылся пятнами, сказал: «Гр-рубиян!» — и растаял в воздухе.)

— С удовольствием или без удовольствия — это меня не касается. А вот тут поступил сигнал, что вверенные вам ключи вы сваливаете кучей на столе, вместо того чтобы запирасть их в ящик.

Выбегалло донес, подумал я.

— Вы почему молчите?

— Будет исполнено.

— В таком вот аксепте, — сказал Модест Матвеевич. — Бдительность должна быть на высоте. Доступно?

— Доступно.

Модест Матвеевич сказал: «У меня все», — и дал отбой.

— Ну ладно, — сказал Ойра-Ойра, застегивая зеленое пальто. — Пойду вскрывать консервы и откупоривать бутылки. Будь здоров, Саша, я еще забегу попозже.

Глава вторая

Я шел, спускаясь в темные коридоры и потом опять поднимаясь наверх. Я был один; я кричал, мне не отвечали; я был один в этом обширном, в запутанном, как лабиринт, доме.

Ги де Мопассан

Свалив ключи в карман пиджака, я отправился в первый обход. По парадной лестнице, которой на моей памяти пользовались всего один раз, когда институт посетило августейшее лицо из Африки, я спустился в необозримый вестибюль, украшенный многовековыми наслоениями архитектурных излишеств, и заглянул в окошечко швейцарской. Там в фосфоресцирующем тумане маячили два макродемона Максвелла. Демоны играли в самую стохастическую из игр — в орлянку. Они занимались этим все свободное время, огромные, вялые, неопишимо нелепые, более всего похожие на колонии вируса полиомиелита под электронным микроскопом, одетые в поношенные ливреи. Как и полагается демонам Максвелла, всю свою жизнь они занимались открыванием и закрыванием дверей. Это были опытные, хорошо выдрессированные экземпляры, но один из них, тот, что ведал выходом, достиг уже пенсионного возраста, сравнимого с возрастом Галактики, и время от времени впадал в детство и начинал барахлить. Тогда кто-нибудь из отдела Технического Обслуживания надевал скафандр, забирался в швейцарскую, наполненную сжатым аргоном, и приводил старика в чувство.

Следуя инструкции, я заговорил обоих, то есть перекрыл каналы информации и замкнул на себя вводно-выводные устройства. Демоны не отреагировали, им было не до того. Один выигрывал, а другой, соответственно, проигрывал, и это их беспокоило, потому что нарушало статистическое равновесие. Я закрыл окошечко щитом и обошел вестибюль. В вестибюле было сыро, сумрачно и гулко. Здание института было вообще довольно древнее, но строиться оно начало, по-видимому, с вестибюля. В заплесневелых

углах белесо мерцали кости прикованных скелетов, где-то мерно капала вода, в нишах между колоннами в неестественных позах торчали статуи в ржавых латах, справа от входа у стены громоздились обломки древних идолов, наверху этой кучи торчали гипсовые ноги в сапогах. С почерневших портретов под потолком строго взирали маститые старцы, в их лицах усматривались знакомые черты Федора Симеоновича, товарища Жиана Жиакомо и других мастеров. Весь этот архаический хлам надлежало давным-давно выбросить, прорубить в стенах окна и установить трубки дневного света, но все было заприходовано, заинвентаризировано и лично Модестом Матвеевичем к разбазариванию запрещено.

На капителях колонн и в лабиринтах исполинской люстры, свисающей с почерневшего потолка, шуршали нетопыри и летучие собаки. С ними Модест Матвеевич боролся. Он поливал их скипидаром и креозотом, опылял дустом, опрыскивал гексахлораном, они гибли тысячами, но возрождались десятками тысяч. Они мутировали, среди них появлялись поющие и разговаривающие штаммы, потомки наиболее древних родов питались теперь исключительно пиретрумом, смешанным с хлорофосом, а институтский киномеханик Саня Дрозд клялся, что своими глазами видел здесь однажды нетопыря, как две капли воды похожего на товарища завкадрами.

В глубокой нише, из которой тянуло ледяным смрадом, кто-то застонал и загремел цепями. «Вы это прекратите, — строго сказал я. — Что еще за мистика! Как не стыдно!..» В нише затихли. Я хозяйственно поправил сбившийся ковер и поднялся по лестнице.

Как известно, снаружи институт выглядел двухэтажным. На самом деле в нем было не менее двенадцати этажей. Выше двенадцатого я просто никогда не поднимался, потому что лифт постоянно чинили, а летать я еще не умел. Фасад с десятью окнами, как и большинство фасадов, тоже был обманом зрения. Вправо и влево от вестибюля институт простирался по крайней мере на километр, и тем не менее решительно все окна выходили на ту же кривоватую улицу и на тот же самый лабаз. Это поражало меня необычайно. Первое время я приставал к Ойре-Ойре, чтобы он мне объяснил, как это совмещается с классическими или хотя бы с релятивистскими представлениями о свойствах пространства. Из объяснений я ничего не понял, но постепенно привык и перестал удивляться. Я совершенно убежден, что через десять-пятнадцать лет любой школьник будет лучше разбираться в общей теории относительности, чем современный специалист. Для этого вовсе не нужно понимать, как происходит искривление пространства-времени, нужно только, чтобы такое представление с детства вошло в быт и стало привычным.

Весь первый этаж был занят отделом Линейного Счастья. Здесь было царство Федора Симеоновича, здесь пахло яблоками и хвойными лесами, здесь работали самые хорошенькие девушки и самые славные ребята. Здесь не было мрачных изуверов, знатоков и адептов черной магии, здесь никто не рвал, шипя и кривясь от боли, из себя волос, никто не бормотал заклинаний, похожих на неприличные скороговорки, не варил заживо жаб и ворон в полночь, в полнолуние, на Ивана Купала, по несчастливым числам. Здесь работали на оптимизм. Здесь делали все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранеуронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов. Здесь конденсировали и распространяли по всему свету веселый, беззлобный смех; разрабатывали, испытывали и внедряли модели поведения и отношений, укрепляющих дружбу и разрушающих рознь; возгоняли и сублимировали экстракты гореутолителей, не содержащих ни единой молекулы алкоголя и иных наркотиков. Сейчас здесь готовили к полевым испытаниям портативный универсальный злободробитель и разрабатывали новые марки редчайших сплавов ума и доброты.

Я отомкнул дверь центрального зала и, стоя на пороге, полюбовался, как работает гигантский дистиллятор Детского Смеха, похожий чем-то на генератор Ван де Граафа. Только в отличие от генератора он работал совершенно бесшумно и около него хорошо пахло. По инструкции я должен был повернуть два больших белых рубильника на пульте, чтобы погасло золотое сияние в зале, чтобы стало темно, холодно и неподвижно, —

короче говоря, инструкция требовала, чтобы я обесточил данное производственное помещение. Но я даже колебаться не стал, попятился в коридор и запер за собой дверь. Обесточивать что бы то ни было в лабораториях Федора Симеоновича представлялось мне просто кощунством.

Я медленно пошел по коридору, разглядывая забавные картинки на дверях лабораторий, и на углу встретил домового Тихона, который рисовал и еженощно менял эти картинки. Мы обменялись рукопожатием. Тихон был славный серенький домовик из Рязанской области, сосланный Виём в Соловец за какую-то провинность: с кем-то он там не так поздоровался или отказался есть гадюку вареную... Федор Симеонович приветил его, умыл, вылечил от застарелого алкоголизма, и он так и прижился здесь, на первом этаже. Рисовал он превосходно, в стиле Бидструпа, и славился среди местных домовых рассудительностью и трезвым поведением.

Я хотел уже подняться на второй этаж, но вспомнил о виварии и направился в подвал. Надзиратель вивария, пожилой реабилитированный вурдалак Альфред, пил чай. При виде меня он попытался спрятать чайник под стол, разбил стакан, покраснел и потупился. Мне стало его жалко.

— С наступающим, — сказал я, сделав вид, что ничего не заметил.

Он прокашлялся, прикрыл рот ладонью и сипло ответил:

— Благодарствуйте. И вас тоже.

— Все в порядке? — спросил я, оглядывая ряды клеток и стойл.

— Бриарей палец сломал, — сказал Альфред.

— Как так?

— Да так уж. На восемнадцатой правой руке. В носе ковырял, повернулся неловко — они ж неуклюжие, гекатонхейры, — и сломал.

— Так ветеринара надо, — сказал я.

— Обойдется! Что ему, впервые, что ли...

— Нет, так нельзя, — сказал я. — Пойдем посмотрим.

Мы прошли в глубь вивария мимо Конька-Горбунка, дремавшего мордой в торбе с овсом, мимо вольера с гарпиями, проводившими нас мутными со сна глазами, мимо клетки с Лернейской гидрой, угрюмой и неразговорчивой в это время года... Гекатонхейры, сторукие и пятидесятиголовые братцы-близнецы, первенцы Неба и Земли, помещались в обширной бетонированной пещере, забранной толстыми железными прутьями. Гиес и Котт спали, свернувшись в огромные уродливые узлы, из которых торчали синие бритые головы с закрытыми глазами и волосатые расслабленные руки. Бриарей маялся. Он сидел на корточках, прижавшись к решетке, и, выставив в проход руку с больным пальцем, придерживал ее семью другими руками. Остальными девяноста двумя руками он держался за прутья и подпирал головы. Некоторые из голов спали.

— Что? — сказал я жалостливо. — Болит?

Бодрствующие головы залопотали по-эллиински и разбудили одну голову, которая знала русский язык.

— Страсть как болит, — сказала она. Остальные притихли и, раскрыв рты, уставились на меня.

Я осмотрел палец. Палец был грязный и распухший, и он совсем не был сломан. Он был просто вывихнут. У нас в спортзале такие травмы вылечивались без всякого врача. Я вцепился в палец и рванул его на себя что было силы. Бриарей взревел всеми пятьюдесятью глотками и повалился на спину.

— Ну-ну-ну, — сказал я, вытирая руки носовым платком. — Все уже, все...

Бриарей, хлюпая носами, принялся рассматривать палец. Задние головы жадно тянули шеи и нетерпеливо покусывали за уши передние, чтобы те не застили. Альфред ухмылялся.

— Кровь бы ему пустить полезно, — сказал он с давно забытым выражением, потом вздохнул и добавил: — Да только какая в нем кровь — видимость одна. Одно слово — нежить.

Бриарей поднялся. Все пятьдесят голов блаженно улыбались. Я помахал ему рукой и пошел обратно. Около Кощея Бессмертного я задержался. Великий негодяй обитал в комфортабельной отдельной клетке с коврами, кондиционированием и стеллажами для книг. По стенам клетки были развешаны портреты Чингисхана, Гиммлера, Екатерины Медичи, одного из Борджиа и то ли Голдуотера, то ли Маккарти. Сам Кощей в отливающем халате стоял, скрестив ноги, перед огромным пюпитром и читал офсетную копию «Молота ведьм». При этом он делал длинными пальцами неприятные движения: не то что-то завинчивал, не то что-то вонзал, не то что-то сдирал. Содержался он в бесконечном предварительном заключении, пока велось бесконечное следствие по делу о бесконечных его преступлениях. В институте им очень дорожили, так как попутно он использовался для некоторых уникальных экспериментов и как переводчик при общении со Змеем Горынычем. (Сам З. Горыныч был заперт в старой котельной, откуда доносилось его металлическое храпение и взреывания спросонок.) Я стоял и размышлял о том, что если где-нибудь в бесконечно удаленной от нас точке времени Кощея и приговорят, то судьи, кто бы они ни были, окажутся в очень странном положении: смертную казнь к бессмертному преступнику применить невозможно, а вечное заключение, если учесть предварительное, он уже отбыл...

Тут меня схватили за штанину, и пропитой голос произнес:

— А ну, урки, с кем на троих?

Мне удалось вырваться. Трое вурдалаков в соседнем вольере жадно смотрели на меня, прижав сизые морды к металлической сетке, через которую был пропущен ток в двести вольт.

— Руку отдал, дылда очкастая! — сказал один.

— А ты не хватай, — сказал я. — Осины захотел?

Подбежал Альфред, щелкая плетью, и вурдалаки убрались в темный угол, где сейчас же принялись скверно ругаться и шлепать самодельными картами.

Я сказал Альфреду:

— Ну хорошо. По-моему, все в порядке. Пойду дальше.

— Путь добрый, — отвечал Альфред с готовностью.

Поднимаясь по ступенькам, я слышал, как он гремит чайником и булькает.

Я заглянул в машинный зал и посмотрел, как работает энергогенератор. Институт не зависел от городских источников энергии. Вместо этого, после уточнения принципа детерминизма, решено было использовать хорошо известное Колесо Фортуны как источник даровой механической энергии. Над цементным полом зала возвышался только небольшой участок блестящего отполированного обода гигантского колеса, ось вращения которого лежала где-то в бесконечности, отчего обод выглядел просто лентой конвейера, выходящей из одной стены и уходящей в другую. Одно время было модно защищать диссертации на уточнении радиуса кривизны Колеса Фортуны, но поскольку все эти диссертации давали результат с крайне невысокой точностью, до десяти мегапарсеков, Ученый совет института принял решение прекратить рассмотрение диссертационных работ на эту тему вплоть до того времени, когда создание трансгалактических средств сообщения позволит рассчитывать на существенное повышение точности.

Несколько бесов из обслуживающего персонала играли у Колеса — вскакивали на обод, проезжали до стены, соскакивали и мчались обратно. Я решительно призвал их к порядку. «Вы это прекратите, — сказал я, — это вам не балаган». Они попрыгали за кожухи трансформаторов и принялись обстреливать меня оттуда жеваной бумагой. Я решил не связываться с молокососами, прошелся вдоль пультов и, убедившись, что все в порядке, поднялся на второй этаж.

Здесь было тихо, темно и пыльно. У низенькой полуоткрытой двери дремал, опираясь на длинное кремневое ружье, старый дряхлый солдат в мундире Преображенского полка и в треуголке. Здесь размещался отдел Оборонной Магии, среди сотрудников которого давно уже не было ни одной живой души. Все наши старики, за исключением, может быть, Федора Симеоновича, в свое время отдали дань увлечению этим разделом магии. Бен Бецалель успешно использовал Голема при дворцовых переворотах: глиняное чудовище, равнодушное к подкупу и неуязвимое для ядов, охраняло лаборатории, а заодно и императорскую сокровищницу. Джузеппе Бальзамо создал первый в истории самолетный эскадрон на помелах, хорошо показавший себя на полях сражений Столетней войны. Но эскадрон довольно быстро распался: часть ведьм повыходила замуж, а остальные увязались за рейтарскими полками в качестве маркитанток. Царь Соломон отловил и зачаровал дюжину дюжин ифритов и сколотил из них отдельный истребительно-противослоновый огнеметный батальон. Молодой Кристобаль Хунта привел в дружину Карлу Великому китайского, натасканного на мавров дракона, но, узнав, что император собирается воевать не с маврами, а с соплеменными басками, рассвирепел и дезертировал. На протяжении многовековой истории войн разные маги предлагали применять в бою вампиров (для ночной разведки боем), василисков (для поражения противника ужасом до полной окаменелости), ковры-самолеты (для сбрасывания нечистот на неприятельские города), мечи-кладенцы различных достоинств (для компенсации малочисленности) и многое другое. Однако уже после первой мировой войны, после Длинной Берты, танков, иприта и хлора оборонная магия начала хиреть. Из отдела началось повальное бегство сотрудников. Дольше всех задержался там некий Питирим Шварц, бывший монах и изобретатель подпорки для мушкета, беззаветно трудившийся над проектом джинн-бомбардировок. Суть проекта состояла в сбрасывании на города противника бутылок с джиннами, выдержанными в заточении не менее трех тысяч лет. Хорошо известно, что джинны в свободном состоянии способны только либо разрушать города, либо строить дворцы. Основательно выдержанный джинн (рассуждал Питирим Шварц), освободившись из бутылки, не станет строить дворцов, и противнику придется туго. Некоторым препятствием к осуществлению этого замысла являлось недостаточное количество бутылок с джиннами, но Шварц рассчитывал пополнить запасы глубоким тралением Красного и Средиземного морей. Рассказывают, что, узнав о водородной бомбе и бактериологической войне, старик Питирим потерял душевное равновесие, роздал имевшихся у него джиннов по отделам и ушел исследовать смысл жизни к Кристобалью Хунте. Больше его никто никогда не видел.

Когда я остановился на пороге, солдат посмотрел на меня одним глазом, прохрипел: «Не велено, проходи дальше...» — и снова задремал. Я оглядел пустую захлавленную комнату с обломками диковинных моделей и обрывками безграмотных чертежей, пошевелил носком ботинка валявшуюся у входа папку со смазанным грифом «Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь» и пошел прочь. Обесточивать здесь было нечего, а что касается самовозгорания, то все, что могло самовозгореться, самовозгорелось здесь много лет назад.

На этом же этаже располагалось книгохранилище. Это было мрачноватое пыльное помещение под стать вестибюлю, но значительно более обширное. По поводу его размеров рассказывали, что в глубине, в полукилометре от входа, идет вдоль стеллажей неплохое шоссе, оснащенное верстовыми столбами. Ойра-Ойра доходил до отметки «19», а настырный Витька Корнеев в поисках технической документации на диван-транслятор раздобыл семимильные сапоги и добежал до отметки «124». Он продвинулся бы и дальше, но дорогу ему преградила бригада данаид в ватниках и с отбойными молотками. Под присмотром толстомордого Каина они взламывали асфальт и прокладывали какие-то трубы. Ученый совет неоднократно поднимал вопрос о постройке вдоль шоссе высоковольтной линии для передачи абонентов хранилища по проводам, однако все позитивные предложения наталкивались на недостаток фондов.

Хранилище было битком набито интереснейшими книгами на всех языках мира и истории, от языка атлантов до пиджин-инглиш включительно. Но меня там больше всего заинтересовало многотомное издание Книги Судеб. Книга Судеб печаталась петитом на тончайшей рисовой бумаге и содержала в хронологическом порядке более или менее полные данные о 73619024511 человеках разумных. Первый том начинался питекантропом Аыуыхх. («Род. 2 авг. 965543 г. до н. э., ум. 13 янв. 965522 г. до н. э. Родители рамапитеки. Жена рамапитек. Дети: самец Ад-Амм, самка Э-Уа. Кочевал с трибой рамапитеков по Араратск. долин. Ел, пил, спал в свое удовольств. Провертел первую дыру в камне. Сожран пещерн. медвед. во время охоты».) Последним в последнем томе регулярного издания, вышедшем в прошлом году, числился Франсиско-Каэтано-Августин-Лусия-и-Мануэль-и-Хосефа-и-Мигель-Лука-Карлос-Педро Тринидад. («Род. 16 июля 1491 г. н. э., ум. 17 июля 1491 г. н. э. Родители: Педро-Карлос-Лука-Мигель-и-Хосефа-и-Мануэль-и-Лусия-Августин-Каэтано-Франсиско Тринидад и Мария Тринидад (см.). Португалец. Анацефал. Кавалер Ордена Святого Духа, полковник гвардии».)

Из выходных данных явствовало, что Книга Судеб выходит тиражом в 1 (один) экземпляр и этот последний том подписан в печать еще во время полетов братьев Монгольфье. Видимо, для того чтобы как-то удовлетворить потребности современников, издательство предприняло публикацию срочных нерегулярных выпусков, в которых значились только годы рождения и годы смерти. В одном из таких выпусков я нашел и свое имя. Однако из-за спешки в эти выпуски вкралась масса опечаток, и я с изумлением узнал, что умру в 1611 году. В восьмитомнике же замеченных опечаток до моей фамилии еще не добрались.

Консультировала издание Книги Судеб специальная группа в отделе Предсказаний и Пророчеств. Отдел был захудалый, запущенный, он никак не мог оправиться после кратковременного владычества сэра гражданина Мерлина, и институт неоднократно объявлял конкурс на замещение вакантной должности заведующего отделом, и каждый раз на конкурс подавал заявление один-единственный человек — сам Мерлин.

Ученый совет добросовестно рассматривал заявление и благополучно проваливал его — сорока тремя голосами «против» при одном «за». (Мерлин по традиции тоже был членом Ученого совета.)

Отдел Предсказаний и Пророчеств занимал весь третий этаж. Я прошелся вдоль дверей с табличками «Группа кофейной гущи», «Группа авгуров», «Группа пифий», «Синоптическая группа», «Группа пасьянсов», «Соловецкий Оракул». Обесточивать мне ничего не пришлось, поскольку отдел работал при свечах. На дверях синоптической группы уже появилась свежая надпись мелом: «Темна вода во облацех». Каждое утро Мерлин, проклиная интриги завистников, стирал эту надпись мокрой тряпкой, и каждую ночь она возобновлялась. Вообще, на чем держался авторитет отдела, мне было совершенно непонятно. Время от времени сотрудники делали доклады на странные темы, вроде: «Относительно выражения глаз авгура» или «Предикторские свойства гущи из-под кофе мокко урожая 1926 года». Иногда группе пифий удавалось что-нибудь правильно предсказать, но каждый раз пифии казались такими удивленными и напуганными своим успехом, что весь эффект пропадал даром. У-Янус, человек деликатнейший, не мог, как было неоднократно отмечено, сдерживать неопределенной улыбки каждый раз, когда присутствовал на заседаниях семинара пифий и авгуров.

На четвертом этаже мне, наконец, нашлась работа: я погасил свет в кельях отдела Вечной Молодости. Молодежи в отделе не было, и эти старики, страдающие тысячелетним склерозом, постоянно забывали гасить за собой свет. Впрочем, я подозреваю, что дело здесь было не только в склерозе. Многие из них до сих пор боялись, что их ударит током. Они все еще называли электричку чугункой.

В лаборатории сублимации между длинных столов бродила, зевая, — руки в карманы, — унылая модель вечномолодого юнца. Ее седая двухметровая борода

волочилась по полу и цеплялась за ножки стульев. На всякий случай я убрал в шкаф стоявшую на табуретке бутылку с царской водкой и отправился к себе в электронный зал.

Здесь стоял мой «Алдан». Я немножко полюбовался на него, какой он компактный, красивый, таинственно поблескивающий. В институте к нам относились по-разному. Бухгалтерия, например, встретила меня с распростертыми объятиями, и главный бухгалтер, скупко улыбаясь, сейчас же завалил меня томительными расчетами заработной платы и рентабельности. Жиан Жиакомо, заведующий отделом Универсальных Превращений, вначале тоже обрадовался, но, убедившись, что «Алдан» не способен рассчитать даже элементарную трансформацию кубика свинца в кубик золота, охладел к моей электронике и удостаивал нас только редкими случайными заданиями. Зато от его подчиненного и любимого ученика Витьки Корнеева спасу не было. И Ойра-Ойра постоянно сидел у меня на шее со своими зубодробительными задачами из области иррациональной метаматематики. Кристоаль Хунта, любивший во всем быть первым, взял за правило подключать по ночам машину к своей центральной нервной системе, так что на другой день у него в голове все время что-то явственно жужжало и щелкало, а сбитый с толку «Алдан», вместо того чтобы считать в двоичной системе, непонятным мне образом переходил на древнюю шестидесятеричную, да еще менял логику, начисто отрицая принцип исключенного третьего. Федор же Симеонович Киврин забавлялся с машиной, как ребенок с игрушкой. Он мог часами играть с ней в чет-нечет, обучил ее японским шахматам, а чтобы было интереснее, вселил в машину чью-то бессмертную душу — впрочем, довольно жизнерадостную и работающую. Янус Полуэктович (не помню уже, А или У) воспользовался машиной только один раз. Он принес с собой небольшую полупрозрачную коробочку, которую подсоединил к «Алдану». Примерно через десять секунд работы с этой приставкой в машине полетели все предохранители, после чего Янус Полуэктович извинился, забрал свою коробочку и ушел.

Но, несмотря на все маленькие помехи и неприятности, несмотря на то, что одушевленный теперь «Алдан» иногда печатал на выходе: «Думаю. Прошу не мешать», несмотря на недостаток запасных блоков и на чувство беспомощности, которое охватывало меня, когда требовалось произвести логический анализ «неконгруэнтной трансгрессии в пси-поле инкуб-преобразования», — несмотря на все это, работать здесь было необычайно интересно, и я гордился своей очевидной нужностью. Я провел все расчеты в работе Ойры-Ойры о механизме наследственности биполярных гомункулусов. Я составил для Витьки Корнеева таблицы напряженности М-поля дивана-транслятора в девятимерном магопространстве. Я вел рабочую калькуляцию для подшефного рыбозавода. Я рассчитал схему для наиболее экономного транспортирования эликсира Детского Смеха. Я даже сосчитал вероятности решения пасьянсов «Большой слон», «Государственная дума» и «Могила Наполеона» для забавников из группы пасьянсов и проделал все квадратуры численного метода Кристоаля Хозевича, за что тот научил меня впадать в нирвану. Я был доволен, дней мне не хватало, и жизнь моя была полна смысла.

Было еще рано — всего седьмой час. Я включил «Алдан» и немножко поработал. В девять часов вечера я опомнился, с сожалением обесточил электронный зал и отправился на пятый этаж. Пурга все не унималась. Это была настоящая новогодняя пурга. Она выла и визжала в старых заброшенных дымоходах, она наметала сугробы под окнами, бешено дергала и раскачивала редкие уличные фонари.

Я миновал территорию административно-хозяйственного отдела. Вход в приемную Модеста Матвеевича был заложен крест-накрест двутавровыми железными балками, а по сторонам, сабли наголо, стояли два здоровенных ифрита в тюрбанах и в полном боевом снаряжении. Нос каждого, красный и распухший от насморка, был прободен массивным золотым кольцом с жестяным инвентарным номерком. Вокруг пахло серой, паленой шерстью и стрептоцидовой мазью. Я задержался на некоторое время, рассматривая их, потому что ифриты в наших широтах существа редкие. Но тот, что стоял справа, небритый и с черной повязкой на глазу, стал есть меня глазом. О нем ходила дурная слава,

будто он бывший людоед, и я поспешно пошел дальше. Мне было слышно, как он с хлюпаньем тянет носом и причмокивает за моей спиной.

В помещениях отдела Абсолютного Знания были открыты все форточки, потому что сюда просачивался запах селедочных голов профессора Выбегаллы. На подоконниках намело, под батареями парового отопления темнели лужи. Я закрыл форточки и прошелся между девственно чистыми столами работников отдела. На столах красовались новенькие чернильные приборы, не знавшие чернил, из чернильниц торчали окурки. Странный это был отдел. Лозунг у них был такой: «Познание бесконечности требует бесконечного времени». С этим я не спорил, но они делали из этого неожиданный вывод: «А потому работай не работай — все едино». И в интересах неувеличения энтропии Вселенной они не работали. По крайней мере, большинство из них. «Ан масс», как сказал бы Выбегалло. По сути, задача их сводилась к анализу кривой относительного познания в области ее асимптотического приближения к абсолютной истине. Поэтому одни сотрудники все время занимались делением нуля на ноль на настольных «мерседесах», а другие отпрашивались в командировки на бесконечность. Из командировок они возвращались бодрые, отъевшиеся и сразу брали отпуск по состоянию здоровья. В промежутках между командировками они ходили из отдела в отдел, присаживались с дымящимися сигаретками на рабочие столы и рассказывали анекдоты о раскрытии неопределенностей методом Лопиталья. Их легко узнавали по пустому взору и по исцарапанным от непрерывного бритья ушам. За полгода моего пребывания в институте они дали «Алдану» всего одну задачу, которая сводилась все к тому же делению нуля на ноль и не содержала никакой абсолютной истины. Может быть, кто-нибудь из них и занимался настоящим делом, но я об этом ничего не знал.

В половине одиннадцатого я вступил на этаж Амвросия Амбруазовича Выбегаллы. Прикрывая лицо носовым платком и стараясь дышать через рот, я направился прямо в лабораторию, известную среди сотрудников как «Родильный Дом». Здесь, по утверждению профессора Выбегаллы, рождались в колбах модели идеального человека. Вылуплялись, значить. Компрене ву?¹

В лаборатории было душно и темно. Я включил свет. Озарилась серые гладкие стены, украшенные портретами Эскулапа, Парацельса и самого Амвросия Амбруазовича. Амвросий Амбруазович был изображен в черной шапочке на благородных кудрях, и на его груди неразборчиво сияла какая-то медаль. На четвертой стене некогда тоже висел какой-то портрет, но теперь от него остался только темный квадрат и три ржавых погнутых гвоздя.

В центре лаборатории стоял автоклав, в углу — другой, побольше. Около центрального автоклава прямо на полу лежали буханки хлеба, стояли оцинкованные ведра с синеватым обратом и огромный чан с пареными отрубями. Судя по запаху, где-то поблизости находились и селедочные головы, но я так и не смог понять где. В лаборатории царила тишина, из недр автоклава доносились ритмичные щелкающие звуки.

Почему-то на цыпочках, я приблизился к центральному автоклаву и заглянул в смотровой иллюминатор. Меня и так мутило от запаха, а тут стало совсем плохо, хотя ничего особенного я не увидел: нечто белое и бесформенное медленно колыхалось в зеленоватой полутьме. Я выключил свет, вышел и старательно запер дверь. «По сусалам его», вспомнил я. Меня беспокоили смутные предчувствия. Только теперь я заметил, что вокруг порога проведена толстая магическая черта, расписанная корявыми каббалистическими знаками. Присмотревшись, я понял, что это было заклинание против гаки — голодного демона ада.

С некоторым облегчением я покинул владения Выбегаллы и стал подниматься на шестой этаж, где Жиан Жиакомо и его сотрудники занимались теорией и практикой Универсальных Превращений. На лестничной площадке висел красочный стихотворный

¹ Понимаете? (фр.)

плакат, призывающий к созданию общественной библиотеки. Идея принадлежала местному, стихи были мои:

Раскопай своих подвалов
И шкафов перетряси,
Разных книжек и журналов
По возможности неси.

Я покраснел и пошел дальше. Вступив на шестой этаж, я сразу увидел, что дверь Витькиной лаборатории приоткрыта, и услышал сиплое пение. Я крадучись подобрался к двери.

Глава третья

Хочу тебя прославить,
Тебя, пробивающегося сквозь метель зимним
вечером.
Твое сильное дыхание и мерное биение твоего
сердца...

У. Уитмен

Давеча Витька сказал, что идет в одну компанию, а в лаборатории оставляет работать дубля. Дубль — это очень интересная штука. Как правило, это довольно точная копия своего творца. Не хватает, скажем, человеку рук — он создает себе дубля, безмозглого, безответного, только и умеющего, что паять контакты, или таскать тяжести, или писать под диктовку, но зато уж умеющего это делать хорошо. Или нужна человеку модель-антропoid для какого-нибудь эксперимента — он создает себе дубля, безмозглого, безответного, только и умеющего, что ходить по потолку или принимать телепатемы, но зато уж умеющего хорошо. Или самый простой случай. Собирается, скажем, человек получить зарплату, а времени терять ему не хочется, и он посылает вместо себя своего дубля, только и умеющего, что никого без очереди не пропускать, расписываться в ведомости и сосчитать деньги, не отходя от кассы. Конечно, творить дублей умеют не все. Я, например, еще не умел. То, что у меня пока получалось, ничего не умело — даже ходить. И вот стоишь, бывало, в очереди, вроде бы тут и Витька, и Роман, и Володя Почкин, а поговорить не с кем. Стоят как каменные, не мигают, не дышат, с ноги на ногу не переминаются, и сигарету спросить не у кого.

Настоящие мастера могут создавать очень сложных, многопрограммных, самообучающихся дублей. Такого вот супера Роман отправил летом вместо меня на машине. И никто из моих ребят не догадался, что это был не я. Дубль великолепно вел мой «Москвич», ругался, когда его кусали комары, и с удовольствием пел хором. Вернувшись в Ленинград, он развез всех по домам, самостоятельно сдал прокатный автомобиль, расплатился и тут же исчез прямо на глазах ошеломленного директора проката.

Одно время я думал, что А-Янус и У-Янус — это дубль и оригинал. Однако это было совсем не так. Прежде всего, оба директора имели паспорта, дипломы, пропуска и другие необходимые документы. Самые же сложные дубли не могли иметь никаких удостоверений личности. При виде казенной печати на своей фотографии они приходили в ярость и немедленно рвали документы в клочки. Этим загадочным свойством дублей долго занимался Магнус Редькин, но задача оказалась ему явно не по силам.

Далее, Янусы были белковыми существами. По поводу же дублей до сих пор еще не прекратился спор между философами и кибернетиками: считать их живыми или нет.

Большинство дублей представляли собою кремнийорганические структуры, были дубли и на германиевой основе, а последнее время вошли в моду дубли на алюмополимерах.

И наконец, самое главное — ни А-Януса, ни У-Януса никто никогда не создавал искусственно. Они не были копией и оригиналом, не были они и братьями-близнецами, они были одним человеком — Янусом Полуэктовичем Невструевым. Никто в институте этого не понимал, но все знали это настолько твердо, что понимать и не пытались.

Витькин дубль стоял, упершись ладонями в лабораторный стол, и остановившимся взглядом следил за работой небольшого гомеостата Эшби. При этом он мурлыкал песенку на популярный некогда мотив:

Мы не Декарты, не Ньютоны мы,
Для нас наука — темный лес
Чудес.
А мы нормальные астрономы — да!
Хватаем звездочки с небес...

Я никогда раньше не слышал, чтобы дубли пели. Но от Витькиного дубля можно было ожидать всего. Я помню одного Витькиного дубля, который осмеливался препираться по поводу неумеренного расхода психоэнергии с самим Модестом Матвеевичем. А ведь Модеста Матвеевича даже сотворенные мною чучела без рук, без ног боялись до судорог, по-видимому инстинктивно.

Справа от дубля, в углу, стоял под брезентовым чехлом двухходовой транслятор ТДХ-80Е, убыточное изделие Китежградского завода маготехники. Рядом с лабораторным столом, в свете трех рефлекторов, блестел штопаной кожей мой старый знакомец — диван. На диван была водружена детская ванна с водой, в ванне брюхом вверх плавалдохлый окунь. Еще в лаборатории были стеллажи, заставленные приборами, а у самой двери стояла большая, зеленого стекла четвертная бутылка, покрытая пылью. В бутылке находился опечатанный джинн, можно было видеть, как он там шевелится, посверкивая глазками.

Витькин дубль перестал рассматривать гомеостат, сел на диван рядом с ванной и, уставясь тем же окаменелым взглядом надохлую рыбу, пропел следующий куплет:

В целях природы обуздания,
В целях рассеять неученья
Тьму
Берем картину мироздания — да!
И тупо смотрим, что к чему...

Окунь пребывал без изменений. Тогда дубль засунул руку глубоко в диван и принялся, сопя, что-то там с трудом проворачивать.

Диван был транслятором. Он создавал вокруг себя М-поле, преобразующее, говоря просто, реальную действительность в действительность сказочную. Я испытал это на себе в памятную ночь на хлебах у Найны Киевны, и спасло меня тогда только то, что диван работал в четверть силы, на темновых токах, а иначе я проснулся бы каким-нибудь мальчиком-с-пальчик в сапогах. Для Магнуса Редькина диван был возможнымместищем искомого Белого Тезиса. Для Модеста Матвеевича — музейным экспонатом инвентарный номер 1123, к разбазариванию запрещенным. Для Витьки это был инструмент номер один. Поэтому Витька крал диван каждую ночь, Магнус Федорович из ревности доносил об этом завкадрами товарищу Демину, а деятельность Модеста Матвеевича сводилась к тому, чтобы все это прекратить. Витька крал диван до тех пор, пока не вмешался Янус Полуэктович, которому в тесном взаимодействии с Федором Симеоновичем и при активной поддержке Жиана Жиакомо, опираясь на официальное

письмо Президиума Академии наук за личными подписями четырех академиков, удалось-таки полностью нейтрализовать Редькина и слегка потеснить с занимаемых позиций Модеста Матвеевича.

Модест Матвеевич объявил, что он, как лицо материально ответственное, не желает ни о чем слышать и что желает он, чтобы диван инвентарный номер 1123 находился в специально отведенном для него, дивана, помещении. А ежели этого не будет, сказал Модест Матвеевич грозно, то пусть все, до академиков включительно, пеняют на себя. Янус Полуэктович согласился пенять на себя, Федор Симеонович тоже, и Витька быстренько перетащил диван в свою лабораторию. Витька был серьезный работник, не то что шалопаи из отдела Абсолютного Знания, и намеревался превратить всю морскую и океанскую воду нашей планеты в живую воду. Пока он, правда, находился в стадии эксперимента.

Окунь в ванне зашевелился и перевернулся брюхом вниз. Дубль убрал руку из дивана. Окунь апатично пошевелил плавниками, зевнул, завалился на бок и снова перевернулся на спину.

— С-скотина, — сказал дубль с выражением.

Я сразу насторожился. Это было сказано эмоционально. Никакой лабораторный дубль не мог бы так сказать. Дубль засунул руки в карманы, медленно поднялся и увидел меня. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я ехидно осведомился:

— Работаем?

Дубль тупо смотрел на меня.

— Ну брось, брось, — сказал я. — Все ясно.

Дубль молчал. Он стоял как каменный и не мигал.

— Ну, вот что, — сказал я. — Сейчас пол-одиннадцатого. Даю тебе десять минут. Все прибери, выброси эту дохлятину и беги танцевать. А уж обесточу я сам.

Дубль вытянул губы дудкой и начал пятиться. Он пятился очень осторожно, обогнул диван и встал так, чтобы между нами был лабораторный стол. Я демонстративно посмотрел на часы. Дубль пробормотал заклинание, на столе появился «мерседес», авторучка и стопка чистой бумаги. Дубль, согнув колени, повис в воздухе и стал что-то писать, время от времени опасливо на меня поглядывая. Это было очень похоже, и я даже засомневался. Впрочем, у меня было верное средство выяснить правду. Дубли, как правило, совершенно нечувствительны к боли. Пошарив в кармане, я извлек маленькие острые клещи и, выразительно пощелкивая ими, стал приближаться к дублю. Дубль перестал писать. Пристально поглядев ему в глаза, я скусил клещами шляпку гвоздя, торчащую из стола, и сказал:

— Н-н-ну?

— Чего ты ко мне пристал? — осведомился Витька. — Видишь ведь, что человек работает.

— Ты же дубль, — сказал я. — Не смей со мной разговаривать.

— Убери клещи, — сказал он.

— А ты не валяй дурака, — сказал я. — Тоже мне дубль.

Витька сел на край стола и устало потер уши.

— Ничего у меня сегодня не получается, — сообщил он. — Дурак я сегодня. Дубля сотворил — получился какой-то уж совершенно безмозглый. Все ронял, на умклайдет сел, животное... Треснул я его по шее, руку отбил... И окунь дохнет систематически.

Я подошел к дивану и заглянул в ванну.

— А что с ним?

— А я откуда знаю?

— Где ты его взял?

— На рынке.

Я поднял окуня за хвост.

— А чего ты хочешь? Обыкновенная снулая рыбка.

— Дубина, — сказал Витька. — Вода-то живая...

— А-а, — сказал я и стал соображать, что бы ему посоветовать. Механизм действия живой воды я представлял себе крайне смутно. В основном по сказке об Иване-царевиче и Сером Волке.

Джинн в бутылки двигался и время от времени принимался протирать ладошкой стекло, запыленное снаружи.

— Протер бы бутылку, — сказал я, ничего не придумав.

— Что?

— Пыль с бутылки сотри. Скучно же ему там.

— Черт с ним, пусть скучает, — рассеянно сказал Витька. Он снова засунул руку в диван и снова повернул там что-то. Окунь ожил.

— Видал? — сказал Витька. — Когда даю максимальное напряжение — все в порядке.

— Экземпляр неудачный, — сказал я наугад.

Витька вынул руку из дивана и уставился на меня.

— Экземпляр... — сказал он. — Неудачный... — Глаза у него стали как у дубля. — Экземпляр экземпляру люпус эст...¹

— Потом он, наверное, мороженный, — сказал я, осмелев.

Витька меня не слушал.

— Где бы рыбу взять? — сказал он, озираясь и хлопая себя по карманам. — Рыбочку бы...

— Зачем? — спросил я.

— Верно, — сказал Витька. — Зачем? Раз нет другой рыбы, — рассудительно произнес он, — почему бы не взять другую воду? Верно?

— Э, нет, — возразил я. — Так не пойдет.

— А как? — жадно спросил Витька.

— Выметайся отсюда, — сказал я. — Покинь помещение.

— Куда?

— Куда хочешь.

Он перелез через диван и сгреб меня за грудки.

— Ты меня слушай, понял? — сказал он угрожающе. — На свете нет ничего одинакового. Все распределяется по гауссиане. Вода воде рознь... Этот старый дурак не сообразил, что существует дисперсия свойств...

— Эй, милый, — позвал я его. — Новый год скоро! Не увлекайся так.

Он отпустил меня и засуетился:

— Куда же я его дел?.. Вот лапоть!.. Куда я его сунул?.. А, вот он...

Он бросился к стулу, на котором торчком стоял умклайдет. Тот самый. Я отскочил к двери и сказал умоляюще:

— Опомнись! Двенадцатый же час! Тебя же ждут! Верочка ждет!

— Не, — отвечал он. — Я им туда дубля послал. Хороший дубль, развесистый... Дурак дураком. Анекдоты, стойку делает, танцует, как вол...

Он крутил в руках умклайдет, что-то прикидывая, примериваясь, прищуря один глаз.

— Выметайся, говорят тебе! — заорал я в отчаянии.

Витька коротко глянул на меня, и я присел. Шутки кончились. Витька находился в том состоянии, когда увлеченные работой маги превращают окружающих в пауков, мокриц, ящериц и других тихих животных. Я сел на корточки рядом с джинном и стал смотреть.

Витька замер в классической позе для материального заклинания (позиция «мартихор»), над столом поднялся розовый пар, вверх-вниз запрыгали тени, похожие на летучих мышей, исчез «мерседес», исчезла бумага, и вдруг вся поверхность стола

¹ Перефраз латинской поговорки «человек человеку волк».

покрылась сосудами с прозрачными растворами. Витька, не глядя, сунул умклайдет на стул, схватил один из сосудов и стал его внимательно рассматривать. Было ясно, что теперь он отсюда никуда и никогда не уйдет. Он живо убрал с дивана ванну, одним прыжком подскочил к стеллажам и поволок к столу громоздкий медный аквавитометр. Я устроился было поудобнее и протер джинну окошечко для обозрения, но тут из коридора донеслись голоса, топот ног и хлопанье дверей. Я вскочил и кинулся вон из лаборатории.

Ощущение ночной пустоты и темного покоя огромного здания исчезло бесследно. В коридоре горели яркие лампы. Кто-то сломя голову мчался по лестнице, кто-то кричал: «Валька! Напряжение упало! Сбегай в аккумуляторную!», кто-то вытряхивал на лестничной площадке шубу, и мокрый снег летел во все стороны. Навстречу мне с задумчивым лицом быстро шел изящно изогнутый Жиан Жиакомо, за ним с его огромным портфелем под мышкой и с его тростью в зубах семенил гном. Мы раскланялись. От великого престижитатора пахло хорошим вином и французскими благовониями. Остановить его я не посмел, и он прошел сквозь запертую дверь в свой кабинет. Гном просунул ему вслед портфель и трость, а сам нырнул в батарею парового отопления.

— Какого дьявола? — вскричал я и побежал на лестницу.

Институт был битком набит сотрудиками. Казалось, их было даже больше, чем в будний день. В кабинетах и лабораториях всюду горели огни, двери были распахнуты настежь. В институте стоял обычный деловой гул: треск разрядов, монотонные голоса, диктующие цифры и произносящие заклинания, дробный стук «мерседесов» и «рейнметаллов». И над всем этим раскатистый и победительный рык Федора Симеоновича: «Эт' хорошо, эт' здо-о-рово! Вы молодец, голубчик! Но к-какой дурак выключил г-генератор?» Меня саданули в спину твердым углом, и я ухватился за перила. Я рассвирепел. Это были Володя Почкин и Эдик Амперян, они тащили на свой этаж координатно-измерительную машину весом в полтонны.

— А, Саша, — приветливо сказал Эдик. — Здравствуй, Саша.

— Сашка, посторонись с дороги! — крикнул Володя Почкин, пятась задом. — Заноси, заноси!..

Я схватил его за ворот:

— Ты почему в институте? Ты как сюда попал?

— Через дверь, через дверь, пусти... — сказал Володя. — Эдька, еще правее! Ты видишь, что не проходит?

Я отпустил его и бросился в вестибюль. Я был охвачен административным негодованием. «Я вам покажу, — бормотал я, прыгая через четыре ступеньки. — Я вам покажу бездельничать. Я вам покажу всех пускать без разбору!» Макродемоны Вход и Выход, вместо того чтобы заниматься делом, дрожа от азарта и лихорадочно фосфоресцируя, резались в рулетку. На моих глазах забывший свои обязанности Вход сорвал банк примерно в семьдесят миллиардов молекул у забывшего свои обязанности Выхода. Рулетку я узнал сразу. Это была моя рулетка. Я сам смастерил ее для одной вечеринки и держал за шкафом в электронном зале, и знал об этом один только Витька Корнеев. Заговор, решил я. Всех разнесу. А через вестибюль все шли и шли покрытые снегом, краснолицые веселые сотрудики.

— Ну и метет! Все уши забило...

— А ты тоже ушел?

— Да ну, скукота... Напились все. Дай, думаю, пойду лучше поработаю. Оставил им дубля и ушел...

— Ты знаешь, танцую я с ней и чувствую, что обрастаю шерстью. Хватил водки — не помогает...

— А если пучок электронов? Масса большая? Ну тогда фотонов...

— Алексей, у тебя лазер свободный есть? Ну давай хоть газовый...

— Галка, как же это ты мужа оставила?

— Я еще час назад вышел, если хочешь знать. В сугроб, понимаешь, провалился, чуть не занесло меня...

Я понял, что не оправдал. Не было уже смысла отбирать рулетку у демонов, оставалось только пойти и вдребезги разругаться с провокатором Витькой, а там будь что будет. Я погрозил демонам кулаком и побрел вверх по лестнице, пытаюсь представить себе, что было бы, если бы в институт сейчас заглянул Модест Матвеевич.

По дороге в приемную директора я остановился в стендовом зале. Здесь умиряли выпущенного из бутылки джинна. Джинн, огромный, синий от злости, метался в вольере, огороженном щитами Джян бен Джяна и закрытом сверху мощным магнитным полем. Джинна стегали высоковольтными разрядами, он выл, ругался на нескольких мертвых языках, скакал, отрывал языки огня, в запальчивости начинал строить и тут же разрушал дворцы, потом, наконец, сдался, сел на пол и, вздрагивая от разрядов, жалобно завыл:

— Ну хватит, ну отстаньте, ну я больше не буду... Ой-йой-йой... Ну я уже совсем тихий...

У пульта разрядника стояли спокойные немигающие молодые люди, сплошь дубли. Оригиналы же, столпившись около вибростенда, поглядывали на часы и откупоривали бутылки.

Я подошел к ним.

— А, Сашка!

— Сашенция, ты, говорят, дежурный сегодня... Я к тебе потом забегу в зал.

— Эй, кто-нибудь, сотворите ему стакан, у меня руки заняты...

Я был ошеломлен и не заметил, как в руке у меня очутился стакан. Пробки грянули в щиты Джян бен Джяна, шипя полилось ледяное шампанское. Разряды смолкли, джинн перестал скулить и начал принохиваться. В ту же секунду кремлевские часы принялись бить двенадцать.

— Ребята! Да здравствует понедельник!

Стаканы сдвинулись. Потом кто-то сказал, осматривая бутылку:

— Кто творил вино?

— Я.

— Не забудь завтра заплатить.

— Ну что, еще бутылочку?

— Хватит, простудимся.

— Хороший джинн попался... Нервный немножко.

— Дареному коню...

— Ничего, полетит как миленький. Сорок витков продержится, а там пусть катится со своими нервами.

— Ребята, — робко сказал я, — ночь на дворе... и праздник. Шли бы вы по домам...

На меня посмотрели, меня похлопали по плечу, мне сказали: «Ничего, это пройдет», — и гурьбой двинулись к вольеру... Дубли откатили один из щитов, а оригиналы деловито окружили джинна, крепко взяли его за руки и за ноги и поволокли к вибростенду. Джинн трусливо причитал и неуверенно сулил всем сокровища царей земных. Я одиноко стоял в сторонке и смотрел, как они пристегивают его ремнями и прикрепляют к разным частям его тела микродатчики. Потом я потрогал щит. Он был огромный, тяжелый, изрытый вмятинами от ударов шаровых молний, местами обуглившись. Щиты Джян бен Джяна были сделаны из семи драконьих шкур, склеенных желчью отцеубийцы, и рассчитаны на прямое попадание молнии. Все имеющиеся в институте щиты были изъяты в свое время из сокровищницы царицы Савской. Сделал это не то Кристоаль Хунта, не то Мерлин. Хунта об этом никогда не говорил, а Мерлин хвастался при каждом удобном случае, ссылаясь при этом на сомнительный авторитет короля Артура. К каждому щиту были обойными гвоздиками прибиты жестяные инвентарные номера. Теоретически на лицевой стороне щитов должны были быть изображения всех знаменитых битв прошлого, а на

внутренней — всех великих битв грядущего. Практически же на лицевой стороне щита, перед которым я стоял, виднелось что-то вроде реактивного самолета, штурмующего автоколонну, а внутренняя сторона была покрыта странными разводами и напоминала абстрактную картину.

Джинна стали трясти на вибростенде. Он хихикал и взвизгивал: «Ой, щекотно!.. Ой, не могу!..» Я вернулся в коридор. В коридоре пахло бенгальскими огнями. Под потолком крутились шутихи, стуча о стены и оставляя за собой струи цветного дыма, пронеслись ракеты. Я повстречал дубля Володи Почкина, волочившего гигантскую инкунабулу с медными застежками, двух дублей Романа Ойры-Ойры, изнемогавших под тяжеленным швеллером, потом самого Романа с кучей ярко-синих папок из архива отдела Недоступных Проблем, а затем свирепого лаборанта из отдела Смысла Жизни, конвоирующего на допрос к Хунте стадо ругающихся привидений в плащах крестоносцев... Все были заняты и деловиты.

Трудовое законодательство нарушалось злостно и повсеместно, и я почувствовал, что у меня исчезло всякое желание бороться с этими нарушениями, потому что сюда в двенадцать часов новогодней ночи, прорвавшись через пургу, пришли люди, которым было интереснее доводить до конца или начинать сызнова какое-нибудь полезное дело, чем глушить себя водкой, бессмысленно дрыгать ногами, играть в фанты и заниматься флиртом разных степеней легкости. Сюда пришли люди, которым было приятнее быть друг с другом, чем порознь, которые терпеть не могли всякого рода воскресений, потому что в воскресенье им было скучно. Маги, Люди с большой буквы, и девизом их было — «Понедельник начинается в субботу». Да, они знали кое-какие заклинания, умели превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек. Но магами они были не поэтому. Это была шелуха, внешнее. Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них, наконец, в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди. Они работали в институте, который занимался прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же. Каждый человек — маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова. И наверное, их рабочая гипотеза была недалеко от истины, потому что, так же как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращает человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну.

В жизни мы не всегда замечаем это. Бездельник и тунеядец, развратник и карьерист продолжают ходить на задних конечностях, разговаривать вполне членораздельно (хотя круг тем у них сужается до предела), а что касается узких брюк и увлечения джазом, по которым одно время пытались определять степень обезьяноподобия, то довольно быстро выяснилось, что они свойственны даже лучшим из магов.

В институте же регресс скрыть было невозможно. Институт предоставлял неограниченные возможности для превращения человека в мага. Но он был беспощаден к отступникам и метил их без промаха. Стоило сотруднику предаться хотя бы на час эгоистическим и инстинктивным действиям (а иногда даже просто мыслям), как он со страхом замечал, что пушок на его ушах становится гуще. Это было предупреждение. Так милицейский свисток предупреждает о возможном штрафе, так боль предупреждает о возможной травме. Теперь все зависело от себя. Человек сплошь и рядом не может бороться со своими кислыми мыслями, на то он и человек — переходная ступень от неандертальца к магу. Но он может поступать вопреки этим мыслям, и тогда у него сохраняются шансы. А может и уступить, махнуть на все рукой («Живем один раз», «Надо брать от жизни все», «Ничто человеческое мне не чуждо»), и тогда ему остается одно: как

можно скорее уходить из института. Там, снаружи, он еще может остаться по крайней мере добропорядочным мещанином, честно, но вяло отрабатывающим свою зарплату. Но трудно решиться на уход. В институте тепло, уютно, работа чистая, уважаемая, платят неплохо, люди прекрасные, а стыд глаза не выест. Вот и слоняются, провожаемые сочувственными и неодобрительными взглядами, по коридорам и лабораториям, с ушами, покрытыми жесткой серой шерстью, бестолковые, теряющие связность речи, глупеющие на глазах. Но этих еще можно пожалеть, можно пытаться помочь им, можно еще надеяться вернуть им человеческий облик...

Есть другие. С пустыми глазами. Достоверно знающие, с какой стороны у бутерброда масло. По-своему очень даже неглупые. По-своему немалые знатоки человеческой природы. Расчетливые и беспринципные, познавшие всю силу человеческих слабостей, умеющие любое зло обратить себе в добро и в этом неутомимые. Они тщательно выбривают свои уши и зачастую изобретают удивительные средства для уничтожения волосяного покрова. Они носят корсеты из драконьего уса, скрывающие искривление позвоночника, они закутываются в гигантские средневековые мантии и боярские шубы, провозглашая верность национальной старине. Они во всеуслышание жалуются на застарелые ревматизмы и зимой и летом носят высокие валенки, подбитые кожей. Они неразборчивы в средствах и терпеливы, как пауки. И как часто они достигают значительных высот и крупных успехов в своем основном деле — в строительстве светлого будущего в одной отдельно взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке, отгороженном от остального человечества колючей проволокой под напряжением...

Я вернулся на свой пост в приемную директора, свалил бесполезные ключи в ящик и прочел несколько страниц из классического труда Я. П. Невструева «Уравнения математической магии». Эта книга читалась как приключенческий роман, потому что была битком набита поставленными и нерешенными проблемами. Мне жгуче захотелось работать, и я совсем было уже решил начхать на дежурство и уйти к своему «Алдану», как позвонил Модест Матвеевич.

С хрустом жуя, он сердито осведомился:

— Где вы ходите, Привалов? Третий раз звоню, безобразия!

— С Новым годом, Модест Матвеевич, — сказал я.

Некоторое время он молча жевал, потом ответил тоном ниже:

— Соответственно. Как дежурство?

— Только что обошел помещения, — сказал я. — Все нормально.

— Самовозгораний не было?

— Никак нет.

— Везде обесточено?

— Бриарей палец сломал, — сказал я.

Он встревожился.

— Бриарей? Постойте... Ага, инвентарный номер 1489... Почему?

Я объяснил.

— Что вы предприняли?

Я рассказал.

— Правильное решение, — сказал Модест Матвеевич. — Продолжайте дежурить. У меня все.

Сразу после Модеста Матвеевича позвонил Эдик Амперян из отдела Линейного Счастья и вежливо попросил посчитать оптимальные коэффициенты беззаботности для ответственных работников. Я согласился, и мы договорились встретиться в электронном зале через два часа. Потом зашел дубль Ойры-Ойры и бесцветным голосом попросил ключи от сейфа Януса Полуэктовича. Я отказал. Он стал настаивать. Я выгнал его вон.

Через минуту примчался сам Роман.

— Давай ключи.

Я помотал головой.

— Не дам.

— Давай ключи!

— Иди ты в баню. Я лицо материально ответственное.

— Сашка, я сейф унесу!

Я ухмыльнулся и сказал:

— Прошу.

Роман уставился на сейф и весь напрягся, но сейф был либо заговорен, либо привинчен к полу.

— А что тебе там нужно? — спросил я.

— Документация на РУ-16, — сказал Роман. — Ну дай ключи!

Я засмеялся и протянул руку к ящику с ключами. И в то же мгновение пронзительный вопль донесся откуда-то сверху. Я вскочил.

Глава четвертая

Горе! Малый я не сильный;

Съест упырь меня совсем...

А. С. Пушкин

— Вылупился, — спокойно сказал Роман, глядя в потолок.

— Кто? — Мне было не по себе: крик был женский.

— Выбегаллов упырь, — сказал Роман. — Точнее, кадавр.

— А почему женщина кричала?

— А вот увидишь, — сказал Роман.

Он взял меня за руку, подпрыгнул, и мы понеслись через этажи. Пронизывая потолки, мы врезались в перекрытия, как нож в замерзшее масло, затем с чмокающим звуком выскакивали в воздух и снова врезались в перекрытия. Между перекрытиями было темно, и маленькие гномы, вперемежку с мышами, с испуганными писками шарахались от нас, а в лабораториях и кабинетах, через которые мы пролетали, сотрудники с озадаченными лицами смотрели вверх.

В «Родильном Доме» мы протолкались через толпу любознательных и увидели за лабораторным столом совершенно голого профессора Выбегалло. Синевато-белая его кожа мокро поблескивала, мокрая борода свисала клином, мокрые волосы залепили низкий лоб, на котором пламенел действующий вулканический прыщ. Пустые прозрачные глаза, редко помаргивая, бессмысленно шарили по комнате.

Профессор Выбегалло кушал. На столе перед ним дымилась большая фотографическая кювета, доверху наполненная пареными отрубями. Не обращая ни на кого специального внимания, он зачерпывал отруби широкой ладонью, уминал их пальцами, как плов, и образовавшийся комок отправлял в ротовое отверстие, обильно посыпая крошками бороду. При этом он хрустел, чмокал, хрюкал, всхрапывал, склонял голову набок и жмурился, словно от огромного наслаждения. Время от времени, не переставая глотать и давиться, он приходил в волнение, хватал за края чан с отрубями и ведра с обратом, стоявшие рядом с ним на полу, и каждый раз придвигал их к себе все ближе и ближе. На другом конце стола молоденькая ведьма-практикантка Стелла с чистыми розовыми ушками, бледная и заплаканная, с дрожащими губками, нарезала хлебные буханки огромными скибками и, отворачиваясь, подносила их Выбегалле на вытянутых руках. Центральный автоклав был раскрыт, опрокинут, и вокруг него растеклась обширная зеленоватая лужа.

Выбегалло вдруг произнес неразборчиво:

— Эй, девка... эта... молока давай! Лей, значить, прямо сюда, в отрубья... Силь ву пле, значить...

Стелла торопливо подхватила ведро и плеснула в кювету обрат.

— Эх! — воскликнул профессор Выбегалло. — Посуда мала, значить! Ты, девка, как тебя, эта, прямо в чан лей. Будем, значить, из чана кушать...

Стелла стала опрокидывать ведра в чан с отрубями, а профессор, ухвативши кювету, как ложку, принялся черпать отруби и отправлять в пасть, раскрывшуюся вдруг невероятно широко.

— Да позвоните же ему! — жалобно закричала Стелла. — Он же сейчас все доест!

— Звонили уже, — сказали в толпе. — Ты лучше от него отойди все-таки. Ступай сюда.

— Ну, он придет? Придет?

— Сказал, что выходит. Галоши, значить, надевает и выходит. Отойди от него, тебе говорят.

Я наконец понял, в чем дело. Это не был профессор Выбегалло. Это был новорожденный кадавр, модель Человека, неудовлетворенного желудочно. И слава богу, а то я уж было подумал, что профессора хватил мозговой паралич. Как следствие напряженных занятий.

Стелла осторожненько отошла. Ее схватили за плечи и втянули в толпу. Она спряталась за моей спиной, вцепившись мне в локоть, и я немедленно расправил плечи, хотя не понимал еще, в чем дело и чего она так боится. Кадавр жрал. В лаборатории, полной народа, стояла потрясенная тишина, и было слышно только, как он сопит и хрустит, словно лошадь, и скребет кюветой по стенкам чана. Мы смотрели. Он слез со стула и погрузил голову в чан. Женщины отвернулись. Лилечке Новосмеховой стало плохо, и ее вывели в коридор. Потом ясный голос Эдика Амперяна произнес:

— Хорошо. Будем логичны. Сейчас он прикончит отруби, потом доест хлеб. А потом?

В передних рядах возникло движение. Толпа потеснилась к дверям. Я начал понимать. Стелла сказала тоненьким голоском:

— Еще селедочные головы есть...

— Много?

— Две тонны.

— М-да, — сказал Эдик. — И где же они?

— Они должны подаваться по конвейеру, — сказала Стелла. — Но я пробовала, а конвейер сломан...

— Между прочим, — сказал Роман громко, — уже в течение двух минут я пытаюсь его пассивизировать, и совершенно безрезультатно...

— Я тоже, — сказал Эдик.

— Поэтому, — сказал Роман, — было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь из особо брезгливых занялся починкой конвейера. Как паллиатив. Есть тут кто-нибудь еще из магистров? Эдика я вижу. Еще кто-нибудь есть? Корнеев! Виктор Павлович, ты здесь?

— Нет его. Может быть, за Федором Симеоновичем сбегать?

— Я думаю, пока не стоит беспокоить. Справимся как-нибудь. Эдик, давай-ка вместе, сосредоточенно.

— В каком режиме?

— В режиме торможения. Вплоть до тетануса. Ребята, помогайте все, кто умеет.

— Одну минутку, — сказал Эдик. — А если мы его повредим?

— Да-да-да, — сказал я. — Вы уж лучше не надо. Пусть уж он лучше меня сожрет.

— Не беспокойся, не беспокойся. Мы будем осторожны. Эдик, давай на прикосновениях. В одно касание.

— Начали, — сказал Эдик.

Стало еще тише. Кадавр ворочался в чане, а за стеной переговаривались и постукивали добровольцы, возившиеся с конвейером. Прошла минута. Кадавр вылез из чана, утер бороду, сонно посмотрел на нас и вдруг ловким движением, невероятно далеко

вытянув руку, сцапал последнюю буханку хлеба. Затем он рокочуще отрыгнул и откинулся на спинку стула, сложив руки на огромном вздувшемся животе. По лицу его разлилось блаженство. Он посапывал и бессмысленно улыбался. Он был несомненно счастлив, как бывает счастлив предельно уставший человек, добравшийся наконец до желанной постели.

— Подействовало, кажется, — с облегченным вздохом сказал кто-то в толпе.

Роман с сомнением поджал губы.

— У меня нет такого впечатления, — вежливо сказал Эдик.

— Может быть, у него завод кончился? — сказал я с надеждой.

Стелла жалобно сообщила:

— Это просто релаксация... Пароксизм довольства. Он скоро опять проснется.

— Слабаки вы, магистры, — сказал мужественный голос. — Пустите-ка меня, пойду Федора Симеоновича позову.

Все переглядывались, неуверенно улыбаясь. Роман задумчиво играл умклайдетом, катая его на ладони. Стелла дрожала, шепча: «Что ж это будет? Саша, я боюсь!» Что касается меня, то я выпячивал грудь, хмурил брови и боролся со страстным желанием позвонить Модесту Матвеевичу. Мне ужасно хотелось снять с себя ответственность. Это была слабость, и я был бессилен перед ней. Модест Матвеевич представлялся мне сейчас совсем в особом свете, и я с надеждой вспоминал защищенную в прошлом месяце магистерскую диссертацию «О соотношении законов природы и законов администрации», где в частности доказывалось, что сплошь и рядом административные законы в силу своей специфической непреклонности оказываются действеннее природных и магических закономерностей. Я был убежден, что стоило бы Модесту Матвеевичу появиться здесь и заорать на упыря: «Вы это прекратите, товарищ Выбегалло!» — как упырь немедленно бы прекратил.

— Роман, — сказал я небрежно, — я думаю, что в крайнем случае ты способен его дематериализовать?

Роман засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Не трусь, — сказал он. — Это все игрушки. С Выбегаллой только связываться неохота... Этого ты не бойся, ты вон того бойся! — Он указал на второй автоклав, мирно пощелкивающий в углу.

Между тем кадавр вдруг беспокойно зашевелился. Стелла тихонько взвизгнула и прижалась ко мне. Глаза кадавра раскрылись. Сначала он нагнулся и заглянул в чан. Потом погромел пустыми ведрами. Потом замер и некоторое время сидел неподвижно. Выражение довольства на его лице сменилось выражением горькой обиды. Он приподнялся, быстро обнюхал, шевеля ноздрями, стол и, вытянув длинный красный язык, слизнул крошки.

— Ну, держись, ребята... — прошептали в толпе.

Кадавр сунул руку в чан, вытащил кювету, осмотрел ее со всех сторон и осторожно откусил край. Брови его страдальчески поднялись. Он откусил еще кусок и захрустел. Лицо его посинело, словно бы от сильного раздражения, глаза увлажнились, но он кусал раз за разом, пока не сжевал всю кювету. С минуту он сидел в задумчивости, пробуя пальцами зубы, затем медленно прошелся взглядом по замершей толпе. Нехороший у него был взгляд — оценивающий, выбирающий какой-то. Володя Почкин непроизвольно произнес: «Но-но, тихо, ты...» И тут пустые прозрачные глаза уперлись в Стеллу, и она испустила вопль, тот самый душераздирающий вопль, переходящий в ультразвук, который мы с Романом уже слышали в приемной директора четырьмя этажами ниже. Я содрогнулся. Кадавra это тоже смутило: он опустил глаза и нервно забарабанил пальцами по столу.

В дверях раздался шум, все задвигались, и сквозь толпу, расталкивая зазевавшихся, выдирая сосульки из бороды, полез Амвросий Амбруазович Выбегалло. Настоящий. От него пахло водкой, зипуном и морозом.

— Милай! — закричал он. — Что же это, а? Кель сетуасьен!¹ Стелла, что же ты, эта, смотришь!.. Где селедка? У него же потребности!.. У него же они растут!.. Мои труды читать надо!

Он приблизился к кадавру, и кадавр сейчас же принялся жадно его обнюхивать. Выбегалло отдал ему зипун.

— Потребности надо удовлетворять! — говорил он, торопливо щелкая переключателями на пульте конвейера. — Почему сразу не дала? Ох уж эти ле фам, ле фам!..² Кто сказал, что сломан? И не сломан вовсе, а заговорен. Чтоб, значить, не всякому пользоваться, потому что, эта, потребности у всех, а селедка — для модели...

В стене открылось окошечко, затарахтел конвейер, и прямо на пол полился поток благоухающих селедочных голов. Глаза кадавра сверкнули. Он пал на четвереньки, дробной рысью подскочил к окошечку и взялся за дело. Выбегалло, стоя рядом, хлопал в ладоши, радостно вскрикивал и время от времени, переполняясь чувствами, принимался чесать кадавра за ухом.

Толпа облегченно вздыхала и шевелилась. Выяснилось, что Выбегалло привел с собой двух корреспондентов областной газеты. Корреспонденты были знакомые — Г. Проницательный и Б. Питомник. От них тоже пахло водкой. Сверкая блицами, они принялись фотографировать и записывать в книжечки. Г. Проницательный и Б. Питомник специализировались по науке. Г. Проницательный был прославлен фразой: «Оорт первый взглянул на звездное небо и заметил, что Галактика вращается». Ему же принадлежали: литературная запись повествования Мерлина о путешествии с председателем райсовета и интервью, взятое (по неграмотности) у дубля Ойры-Ойры. Интервью имело название «Человек с большой буквы» и начиналось словами: «Как всякий истинный ученый, он был немногословен...» Б. Питомник паразитировал на Выбегалле. Его боевые очерки о самонадевающейся обуви, о самовывергивающе-самоукладывающейся в грузовики моркови и о других проектах Выбегаллы были широко известны в области, а статья «Волшебник из Соловца» появилась даже в одном из центральных журналов.

Когда у кадавра наступил очередной пароксизм довольства и он задремал, подоспевшие лаборанты Выбегаллы, с корнем выдранные из-за новогодних столов и потому очень неприветливые, торопливо нарядили его в черную пару и подсунули под него стул. Корреспонденты поставили Выбегаллу рядом, положили его руки на плечи кадавра и, нацелясь объективами, попросили продолжать.

— Главное — что? — с готовностью провозгласил Выбегалло. — Главное, чтобы человек был счастлив. Замечаю это в скобках: счастье есть понятие человеческое. А что есть человек, философски говоря? Человек, товарищи, есть хомо сапиенс, который может и хочет. Может, эта, все, что хочет, а хочет все, что может. Нес па, товарищи? Ежели он, то есть человек, может все, что хочет, а хочет все, что может, то он и есть счастлив. Так мы его и определим. Что мы здесь, товарищи, перед собою имеем? Мы имеем модель. Но эта модель, товарищи, хочет, и это уже хорошо. Так сказать, экселент, эксви, шармант³. И еще, товарищи, вы сами видите, что она может. И это еще лучше, потому что раз так, то она... он, значить, счастливый. Имеется метафизический переход от несчастья к счастью, и это нас не может удивлять, потому что счастливыми не рождаются, а счастливыми, эта, становятся. Благодаря заботам и правильному к тебе отношению. Вот оно сейчас просыпается... Оно хочет. И потому оно пока несчастливо. Но оно может, и через это «может» совершается диалектический скачок. Во, во!.. Смотрите! Видали, как оно может? Ух ты, мой милый, ух ты, мой радостный!.. Во, во! Вот как оно может! Минут десять-пятнадцать оно может... Вы, там, товарищ Питомник, свой фотоаппаратик отложите, а возьмите вы киноаппаратик, потому как здесь мы имеем процесс... здесь у нас все в

¹ Ну и дела! (*фр.*)

² Женщины, женщины!.. (*фр.*)

³ Чудесно, превосходно, прелестно (*фр.*).

движении! Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно. Вот так. Теперь оно смогло и диалектически переходит к счастью. К довольству, то есть. Видите, оно глаза закрыло. Наслаждается. Ему хорошо. Я вам научно утверждаю, что готов был бы с ним поменяться. В данный, конечно, момент... Вы, товарищ Проницательный, все, что я говорю, записывайте, а потом дайте мне. Я приглашу и ссылки вставлю... Вот теперь оно дремлет, но это еще не все. Потребности должны идти у нас как вглубь, так и вширь. Это, значить, будет единственно верный процесс. Он ди ке¹, Выбегалло, мол, против духовного мира. Это, товарищи, ярлык. Нам, товарищи, давно пора забыть такие манеры в научной дискуссии. Все мы знаем, что материальное идет впереди, а духовное идет позади. Сатур вентур, как известно, нон студит либентур². Что мы, применительно к данному случаю, переведем так: голодной куме все хлеб на уме...

— Наоборот, — сказал Ойра-Ойра.

Некоторое время Выбегалло пусто смотрел на него, затем сказал:

— Эту реплику из зала мы, товарищи, сейчас отметем с негодованием. Как неорганизованную. Не будем отвлекаться от главного — от практики. Оставим теорию лицам, в ней недостаточно подкованным. Я продолжаю и перехожу к следующей ступени эксперимента. Поясняю для прессы. Исходя из материалистической идеи о том, что временное удовлетворение матпотребностей произошло, можно переходить к удовлетворению духпотребностей. То есть посмотреть кино, телевизор, послушать народную музыку или попеть самому и даже почитать какую-нибудь книгу, скажем, «Крокодил» или там газету... Мы, товарищи, не забываем, что ко всему этому надо иметь способности, в то время как удовлетворение матпотребностей особых способностей не требует, они всегда есть, ибо природа следует материализму. Пока насчет духовных способностей данной модели мы сказать ничего не можем, поскольку ее рациональное зерно есть желудочная неудовлетворенность. Но эти духспособности мы сейчас у нее вычленим.

Угрюмые лаборанты развернули на столах магнитофон, радиоприемник, кинопроектор и небольшую переносную библиотеку. Кадавр окинул инструменты культуры равнодушным взглядом и попробовал на вкус магнитофонную ленту. Стало ясно, что духспособности модели спонтанно не проявятся. Тогда Выбегалло приказал начать, как он выразился, насильственное внедрение культурных навыков. Магнитофон сладко запел: «Мы с милым расставались, клялись в любви своей...» Радиоприемник засвистел и заулюлюкал. Проектор начал показывать на стене мультфильм «Волк и семеро козлят». Два лаборанта встали с журналами в руках по сторонам кадавра и принялись наперебой читать вслух...

Как и следовало ожидать, желудочная модель отнеслась ко всему этому шуму с полным безразличием. Пока ей хотелось лопать, она чихала на свой духовный мир, потому что хотела лопать и лопала. Насытившись же, она игнорировала свой духовный мир, потому что соловела и временно уже ничего больше не желала. Зоркий Выбегалло ухитрился все-таки заметить несомненную связь между стуком барабана (из радиоприемника) и рефлекторным подрагиванием нижних конечностей модели. Это подрагивание привело его в восторг.

— Ногу! — закричал он, хватая за рукав Б. Питомника. — Снимайте ногу! Крупным планом! Ля вибрасьён са моле гош этюн гранд синь!³ Эта нога отметет все происки и сорвет все ярлыки, которые на меня навешивают! Уи сан дот⁴, человек, который не специалист, может быть, даже удивится, как я отношусь к этой ноге. Но ведь, товарищи, все великое обнаруживается в малом, а я должен напомнить, что данная модель есть модель ограниченных потребностей, говоря конкретно — только одной потребности и,

¹ Говорят, что... (*фр.*)

² Сытое брюхо к учению глухо (*лат.*).

³ Дрожание его левой икры есть великий признак! (*фр.*)

⁴ Разумеется (*фр.*).

называя вещи своими именами, прямо, по-нашему, без всех этих вуалей — модель потребности желудочной. Потому у нее такое ограничение и в духпотребностях. А мы утверждаем, что только разнообразие матпотребностей может обеспечить разнообразие духпотребностей. Поясняю для прессы на доступном ей примере. Ежели бы, скажем, была у него ярко выраженная потребность в данном магнитофоне «Астра-7» за сто сорок рублей, каковая потребность должна пониматься нами как материальная, и оно бы этот магнитофон заимело, то оно бы данный магнитофон и крутило бы, потому что, сами понимаете, что еще с магнитофоном делать? А раз крутило бы, то с музыкой, а раз музыка — надо ее слушать или там танцевать... А что, товарищи, есть слушанье музыки с танцами или без них? Это есть удовлетворение духпотребностей. Компрене ву?

Я уже давно заметил, что поведение кадавра существенно переменялось. То ли в нем что-то разладилось, то ли так и должно было быть, но время релаксаций у него все сокращалось и сокращалось, так что к концу речи Выбегаллы он уже не отходил от конвейера. Впрочем, возможно, ему просто стало трудно передвигаться.

— Разрешите вопрос, — вежливо сказал Эдик. — Чем вы объясняете прекращение пароксизмов довольства?

Выбегалло замолк и посмотрел на кадавра. Кадавр жрал. Выбегалло посмотрел на Эдика.

— Отвечаю, — самодовольно сказал он. — Вопрос, товарищи, верный. И, я бы даже сказал, умный вопрос, товарищи. Мы имеем перед собою конкретную модель непрерывно возрастающих материальных потребностей. И только поверхностному наблюдателю может казаться, что пароксизмы довольства якобы прекратились. На самом деле они диалектически перешли в новое качество. Они, товарищи, распространились на сам процесс удовлетворения потребностей. Теперь ему мало быть сытым. Теперь потребности возросли, теперь ему надо все время кушать, теперь он самообучился и знает, что жевать — это тоже прекрасно. Понятно, товарищ Амперян?

Я посмотрел на Эдика. Эдик вежливо улыбался. Рядом с ним стояли рука об руку дубли Федора Симеоновича и Кристобая Хозевича. Головы их, с широко расставленными ушами, медленно поворачивались вокруг оси, как аэродромные радиолокаторы.

— Еще вопрос можно? — сказал Роман.

— Прошу, — сказал Выбегалло с устало-снисходительным видом.

— Амвросий Амбрузович, — сказал Роман, — а что будет, когда оно все потребит? Взгляд Выбегаллы стал гневным.

— Я прошу всех присутствующих отметить этот провокационный вопрос, от которого за версту разит мальтузианством, неомальтузианством, прагматизмом, экзистенциализмом... оа... налилизмом и неверием, товарищи, в неисчерпаемую мощь человечества. Вы что же хотите сказать этим вопросом, товарищ Ойра-Ойра? Что в деятельности нашего научного учреждения может наступить момент, кризис, регресс, когда нашим потребителям не хватит продуктов потребления? Нехорошо, товарищ Ойра-Ойра! Не подумали вы! А мы не можем допустить, чтобы на нашу работу навешивали ярлыки и бросали тень. И мы этого, товарищи, не допустим.

Он достал носовой платок и вытер бороду. Г. Проницательный, скривившись от умственного напряжения, задал следующий вопрос:

— Я, конечно, не специалист. Но какое будущее у данной модели? Я понимаю, что эксперимент проходит успешно. Но очень уж активно она потребляет.

Выбегалло горько усмехнулся.

— Вот видите, товарищ Ойра-Ойра, — сказал он. — Так вот и возникают нездоровые сенсации. Вы, не подумав, задали вопрос. И вот уже рядовой товарищ неверно сориентирован. Не на тот идеал смотрит... Не на тот идеал смотрите, товарищ Проницательный! — обратился он прямо к корреспонденту. — Данная модель есть уже пройденный этап! Вот идеал, на который нужно смотреть! — Он подошел ко второму

автоклаву и положил рыжеволосую руку на его полированный бок. Борода его задралась. — Вот наш идеал! — провозгласил он. — Или, выражаясь точнее, вот модель нашего с вами идеала. Мы имеем здесь универсального потребителя, который всего хочет и все, соответственно, может. Все потребности в нем заложены, какие только бывают на свете. И все эти потребности он может удовлетворить. С помощью нашей науки, разумеется. Поясняю для прессы. Модель универсального потребителя, заключенная в этом автоклаве, или, говоря по-нашему, в самозапиральнике, хочет неограниченно. Все мы, товарищи, при всем нашем уважении к нам, просто нули рядом с нею. Потому что она хочет таких вещей, о которых мы и понятия не имеем. И она не будет ждать милости от природы. Она возьмет от природы все, что ей нужно для полного счастья, то есть для удовлетворенности. Материально-магические силы сами извлекут из окружающей природы все ей необходимое. Счастье данной модели будет неопишваемым. Она не будет знать ни голода, ни жажды, ни зубной боли, ни личных неприятностей. Все ее потребности будут мгновенно удовлетворяться по мере их возникновения.

— Простите, — вежливо сказал Эдик, — и все ее потребности будут материальными?

— Ну разумеется! — вскричал Выбегалло. — Духовные потребности разовьются в соответствии! Я уже отмечал, что чем больше материальных потребностей, тем разнообразнее будут духовные потребности. Это будет исполин духа и корифей!

Я оглядел присутствующих. Многие были ошарашены. Корреспонденты отчаянно писали. Некоторые, как я заметил, со странным выражением переводили взгляд с автоклава на непрерывно глотающего трупа и обратно. Стелла, припав лбом к моему плечу, всхлипывала и шептала: «Уйду я отсюда, не могу, уйду...» Я, кажется, тоже начинал понимать, чего опасался Ойра-Ойра. Мне представилась громадная отверстая пасть, в которую, брошенные магической силой, сыплются животные, люди, города, континенты, планеты и солнца...

— Амвросий Амбруазович, — сказал Ойра-Ойра. — А может универсальный потребитель создать камень, который даже при самом сильном желании не сумеет поднять?

Выбегалло задумался, но только на секунду.

— Это не есть матпотребность, — ответил он. — Это есть каприз. Не для того я создавал своих дублей, чтобы они, значить, капризничали.

— Каприз тоже может быть потребностью, — возразил Ойра-Ойра.

— Не будем заниматься схоластикой и казуистикой, — предложил Выбегалло. — И не будем проводить церковномистических аналогий.

— Не будем, — сказал Ойра-Ойра.

Б. Питомник сердито оглянулся на него и снова обратился к Выбегалло:

— А когда и где будет происходить демонстрация универсальной модели, Амвросий Амбруазович?

— Ответ, — сказал Выбегалло. — Демонстрация будет происходить здесь, в этой моей лаборатории. О моменте пресса будет оповещена дополнительно.

— Но это будет в ближайшие дни?

— Есть мнение, что это будет в ближайшие часы. Так что товарищам прессе лучше всего остаться и подождать.

Тут дубли Федора Симеоновича и Кристобая Хозевича, словно по команде, повернулись и вышли. Ойра-Ойра сказал:

— Вам не кажется, Амвросий Амбруазович, что такую демонстрацию проводить в помещении, да еще в центре города, опасно?

— Нам опасаться нечего, — веско сказал Выбегалло. — Пусть наши враги, эта, опасаются.

— Помните, я говорил вам, что возможна...

— Вы, товарищ Ойра-Ойра, недостаточно, значить, подкованы. Отличать надо, товарищ Ойра-Ойра, возможность от действительности, случайность от необходимости, теорию от практики и вообще...

— Все-таки, может быть, на полигоне...

— Я испытываю не бомбу, — высокомерно сказал Выбегалло. — Я испытываю модель идеального человека. Какие будут еще вопросы?

Какой-то умник из отдела Абсолютного Знания принялся расспрашивать о режиме работы автоклава. Выбегалло с охотой пустился в объяснения. Угрюмые лаборанты собирали свою технику удовлетворения духпотребностей. Кадавр жрал. Черная пара на нем потрескивала, расплзаясь по швам. Ойра-Ойра изучающе глядел на него. Потом он вдруг громко сказал:

— Есть предложение. Всем, лично не заинтересованным, немедленно покинуть помещение.

Все обернулись к нему.

— Сейчас здесь будет очень грязно, — пояснил он. — До невозможности грязно.

— Это провокация, — с достоинством сказал Выбегалло.

Роман, схватив меня за рукав, потащил к двери. Я потащил за собой Стеллу. Вслед за нами устремились остальные зрители. Роману в институте верили, Выбегалле — нет. В лаборатории из посторонних остались одни корреспонденты, а мы столпились в коридоре.

— В чем дело? — спрашивали Романа. — Что будет? Почему грязно?

— Сейчас он рванет, — отвечал Роман, не сводя глаз с двери.

— Кто рванет? Выбегалло?

— Корреспондентов жалко, — сказал Эдик. — Слушай, Саша, душ у нас сегодня работает?

Дверь лаборатории отворилась, и оттуда вышли два лаборанта, волоча чан с пустыми ведрами. Третий лаборант, опасливо оглядываясь, суетился вокруг и бормотал: «Давайте, ребята, давайте я помогу, тяжело ведь...»

— Двери закройте, — посоветовал Роман.

Суеющийся лаборант поспешно захлопнул дверь и подошел к нам, вытаскивая сигареты. Глаза у него были круглые и бегали.

— Ну, сейчас будет... — сказал он. — Проницательный дурак, я ему подмигивал... Как он жрет!.. С ума сойти, как он жрет...

— Сейчас двадцать пять минут третьего... — начал Роман.

И тут раздался грохот. Зазвенели разбитые стекла. Дверь лаборатории крикнула и сорвалась с петли. В образовавшуюся щель вынесло фотоаппарат и чей-то галстук. Мы шарахнулись. Стелла опять взвизгнула.

— Спокойно, — сказал Роман. — Уже все. Одним потребителем на земле стало меньше.

Лаборант, белый, как халат, непрерывно затягиваясь, курил сигарету. Из лаборатории доносилось хлюпанье, кашель, неразборчивые проклятия. Потянуло дурным запахом. Я нерешительно промямлил:

— Надо посмотреть, что ли...

Никто не отозвался. Все сочувственно смотрели на меня. Стелла тихо плакала и держала меня за куртку. Кто-то кому-то объяснял шепотом: «Он дежурный сегодня, понял?.. Надо же кому-то идти выгребать...»

Я сделал несколько неуверенных шагов к дверям, но тут из лаборатории, цепляясь друг за друга, выбрались корреспонденты и Выбегалло.

Господи, в каком они были виде!..

Опомнившись, я вытащил из кармана платиновый свисток и свистнул. Расталкивая сотрудников, ко мне заспешила авральная команда домовых-ассенизаторов.

Глава пятая

Верьте мне, это было самое ужасное зрелище на свете.

Ф. Рабле

Больше всего меня поразило то, что Выбегалло нисколько не был обескуражен происшедшим. Пока домовые обрабатывали его, поливая абсорбентами и умащивая благовониями, он вещал фальцетом:

— Вот вы, товарищи Ойра-Ойра и Амперян, вы тоже все опасались. Что, мол, будет, да как, мол, его остановить... Есть, есть в вас, товарищи, эдакий нездоровый, значить, скептицизм. Я бы сказал, эдакое недоверие к силам природы, к человеческим возможностям. И где же оно теперь, ваше недоверие? Лопнуло! Лопнуло, товарищи, на глазах широкой общественности и забрызгало меня и вот товарищей из прессы...

Пресса потерянно молчала, покорно подставляя бока под шипящие струи абсорбентов. Г. Проницательного била крупная дрожь. Б. Питомник мотал головой и непроизвольно облизывался.

Когда домовые прибрали лабораторию в первом приближении, я заглянул внутрь. Авральная команда деловито вставляла стекла и жгла в муфельной печи останки желудочной модели. Останков было мало: кучка пуговиц с надписью «фор джентльмен»¹, рукав пиджака, неимоверно растянутые подтяжки и вставная челюсть, напоминающая ископаемую челюсть гигантопитека. Остальное, по-видимому, разлетелось в пыль. Выбегалло осмотрел второй автоклав, он же самозапиральник, и объявил, что все в порядке. «Прессу прошу ко мне, — сказал он. — Прочим предлагаю вернуться к своим непосредственным обязанностям». Пресса вытащила книжечки, все трое уселись за стол и принялись уточнять детали очерка «Рождение открытия» и информационной заметки «Профессор Выбегалло рассказывает».

Зрители разошлись. Ушел Ойра-Ойра, забрав у меня ключи от сейфа Януса Полуэктовича. Ушла в отчаянии Стелла, которую Выбегалло отказался отпустить в другой отдел. Ушли заметно повеселевшие лаборанты. Ушел Эдик, окруженный толпой теоретиков, прикидывая на ходу минимальное возможное давление в желудке взорвавшегося кадавра. Я тоже отправился на свой пост, предварительно удостоверившись, что испытание второго кадавра состоится не раньше восьми утра.

Эксперимент произвел на меня тягостное впечатление, и, устроившись в огромном кресле в приемной, я некоторое время пытался понять, дурак Выбегалло или хитрый демагог-халтурщик. Научная ценность всех его кадавров была, очевидно, равна нулю. Модели на базе собственных дублей умел создавать любой сотрудник, защитивший магистерскую диссертацию и закончивший двухгодичный спецкурс нелинейной трансгрессии. Наделять эти модели магическими свойствами тоже ничего не стоило, потому что существовали справочники, таблицы и учебники для магов-аспирантов. Эти модели сами по себе никогда ничего не доказывали и с точки зрения науки представляли не большой интерес, чем карточные фокусы или шпагоглотание. Можно было, конечно, понять всех этих горе-корреспондентов, которые липли к Выбегалле, как мухи к помойке. Потому что с точки зрения неспециалиста все это было необычайно эффектно, вызывало почтительную дрожь и смутные ощущения каких-то громадных возможностей. Труднее было понять Выбегаллу с его болезненной страстью устраивать цирковые представления и публичные взрывы на потребу любопытным, лишенным возможности (да и желания) разобраться в сути вопроса. Если не считать двух-трех изнуренных командировками абсолютников, обожающих давать интервью о положении дел в бесконечности, никто в

¹ «Мужские» (англ.).

институте, мягко выражаясь, не злоупотреблял контактами с прессой: это считалось дурным тоном и имело глубокое внутреннее обоснование.

Дело в том, что самые интересные и изящные научные результаты сплошь и рядом обладают свойством казаться непосвященным заумными и тоскливо-непонятными. Люди, далекие от науки, в наше время ждут от нее чуда и только чуда и практически не способны отличить настоящее научное чудо от фокуса или какого-нибудь интеллектуального сальто-мортале. Наука чародейства и волшебства не составляет исключения. Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящим свойством взгляда и филологическими характеристиками слова «бетон», попробуйте решить эту маленькую частную проблемку, известную под названием Великой проблемы Ауэрса! Ее решил Ойра-Ойра, создав теорию фантастической общности и положив начало совершенно новому разделу математической магии. Но почти никто не слышал об Ойре-Ойре, зато все превосходно знают профессора Выбегаллу. («Как, вы работаете в НИИЧАВО? Ну как там Выбегалло? Что он еще новенького открыл?..») Это происходит потому, что идеи Ойры-Ойры способны воспринять всего двести-триста человек на всем земном шаре, и среди этих двух-трех сотен довольно много членов-корреспондентов и — увы! — нет ни одного корреспондента. А классический труд Выбегаллы «Основы технологии производства самонадевающейся обуви», набитый демагогической болтовней, произвел в свое время заботами Б. Питомника изрядный шум. (Позже выяснилось, что самонадевающиеся ботинки стоят дороже мотоцикла и боятся пыли и сырости.)

Время было позднее. Я порядком устал и незаметно для себя заснул. Мне снилась какая-то нечисть: многоногие гигантские комары, бородатые, как Выбегалло, говорящие ведра с обратом, чан на коротких ножках, бегающий по лестнице. Иногда в мой сон заглядывал какой-нибудь нескромный домовый, но, увидев такие страсти, испуганно удирал. Проснулся я от боли и увидел рядом с собою мрачного бородатого комара, который старался запустить свой толстый, как авторучка, хобот мне в икру.

«Брысь!» — заорал я и стукнул его кулаком по выпученному глазу.

Комар обиженно заурчал и отбежал в сторону. Он был большой, как собака, рыжий с подпалинами. Вероятно, во сне я бессознательно произнес формулу материализации и нечаянно вызвал из небытия это угрюмое животное. Загнать его обратно в небытие мне не удалось. Тогда я вооружился томом «Уравнений математической магии», открыл форточку и выгнал комара на мороз. Пурга сейчас же закрутила его, и он исчез в темноте. Вот так возникают нездоровые сенсации, подумал я.

Было шесть часов утра. Я прислушался. В институте стояла тишина. То ли все старательно работали, то ли уже разошлись по домам. Мне следовало совершить еще один обход, но идти никуда не хотелось и хотелось чего-нибудь поесть, потому что ел я в последний раз восемнадцать часов назад. И я решил пустить вместо себя дубля.

Вообще, я пока еще очень слабый маг. Неопытный. Будь здесь кто-нибудь рядом, я бы никогда не рискнул продемонстрировать свое невежество. Но я был один, и я решил рискнуть, а заодно немного попрактиковаться. В «Уравнениях матмагии» я отыскал общую формулу, подставил в нее свои параметры, проделал все необходимые манипуляции и произнес все необходимые выражения на древнехалдейском. Все-таки учение и труд все перетрут. Первый раз в жизни у меня получился порядочный дубль. Все у него было на месте, и он был даже немножко похож на меня, только левый глаз у него почему-то не открывался, а на руках было по шести пальцев. Я разъяснил ему задание, он кивнул, шаркнул ножкой и удалился, пошатываясь. Больше мы с ним не встречались. Может быть, его ненароком занесло в бункер к З. Горынычу, а может быть, он уехал в

бесконечное путешествие на ободу Колеса Фортуны — не знаю, не знаю. Дело в том, что я очень скоро забыл о нем, потому что решил приготовить себе завтрак.

Я человек непряхотливый. Мне всего-то и надо было, что бутерброд с докторской колбасой и чашку черного кофе. Не понимаю, как это у меня получилось, но сначала на столе образовался докторский халат, густо намазанный маслом. Когда первый приступ естественного изумления прошел, я внимательно осмотрел халат. Масло было не сливочное и даже не растительное. Вот тут мне надо было халат уничтожить и начать все сначала. Но с отвратительной самонадеянностью я вообразил себя богом-творцом и пошел по пути последовательных трансформаций. Рядом с халатом появилась бутылка с черной жидкостью, а сам халат, несколько помедлив, стал обугливаться по краям. Я торопливо уточнил свои представления, сделав особый упор на образы кружки и говядины. Бутылка превратилась в кружку, жидкость не изменилась, один рукав халата сжался, вытянулся, порыжел и стал подергиваться. Вспотев от страха, я убедился, что это коровий хвост. Я вылез из кресла и отошел в угол. Дальше хвоста дело не пошло, но зрелище и без того было жутковатое. Я попробовал еще раз, и хвост заколосился. Я взял себя в руки, зажмурился и стал со всевозможной отчетливостью представлять в уме ломоть обыкновенного ржаного хлеба, как его отрезают от буханки, намазывают маслом — сливочным, из хрустальной масленки — и кладут на него кружок колбасы. Бог с ней, с докторской, пусть будет обыкновенная полтавская полукопченая. С кофе я решил пока подождать. Когда я осторожно разжмурился, на докторском халате лежал большой кусок горного хрусталя, внутри которого что-то темнело. Я поднял этот кристалл, за кристаллом потянулся халат, необъяснимо к нему приросший, а внутри кристалла я различил вожделенный бутерброд, очень похожий на настоящий. Я застонал и попробовал мысленно расколоть кристалл. Он покрылся густой сетью трещин, так что бутерброд почти исчез из виду. «Тупица, — сказал я себе, — ты съел тысячи бутербродов, и ты неспособен сколько-нибудь отчетливо вообразить их. Не волнуйся, никого нет, никто тебя не видит. Это не зачет, не контрольная и не экзамен. Попробуй еще раз». И я попробовал. Лучше бы я не пробовал. Воображение мое почему-то разыгралось, в мозгу вспыхивали и гасли самые неожиданные ассоциации, и, по мере того как я пробовал, приемная наполнялась странными предметами. Многие из них вышли, по-видимому, из подсознания, из дремучих джунглей наследственной памяти, из давно подавленных высшим образованием первобытных страхов. Они имели конечности и непрерывно двигались, они издавали отвратительные звуки, они были неприличны, они были агрессивны и все время дрались. Я затравленно озирался. Все это живо напоминало мне старинные гравюры, изображающие сцены искушения святого Антония. Особенно неприятным было овальное блюдо на паучьих лапах, покрытое по краям жесткой редкой шерстью. Не знаю, что ему от меня было нужно, но оно отходило в дальний угол комнаты, разгонялось и со всего маху поддавало мне под коленки, пока я не прижал его креслом к стене. Часть предметов в конце концов мне удалось уничтожить, остальные разбрелись по углам и попрятались. Остались: блюдо, халат с кристаллом и кружка с черной жидкостью, разросшаяся до размеров кувшина. Я поднял ее обеими руками и понюхал. По-моему, это были черные чернила для авторучки. Блюдо за креслом шевелилось, царапая лапами цветной линолеум, и мерзко шипело. Мне было очень неудобно.

В коридоре послышались шаги и голоса, дверь распахнулась, на пороге появился Янус Полуэктович и, как всегда, произнес: «Так». Я заметался. Янус Полуэктович прошел к себе в кабинет, на ходу небрежно, одним универсальным движением брови ликвидировав всю сотворенную мною кунсткамеру. За ним последовали Федор Симеонович, Кристоаль Хунта с толстой черной сигарой в углу рта, насупленный Выбегалло и решительный Роман Ойра-Ойра. Все они были озабочены, очень спешили и не обратили на меня никакого внимания. Дверь в кабинет осталась открытой. Я с облегченным вздохом уселся на прежнее место и тут обнаружил, что меня поджидает большая фарфоровая кружка с дымящимся кофе и тарелка с бутербродами. Кто-то из

титанов обо мне все-таки позаботился, уж не знаю кто. Я принялся завтракать, прислушиваясь к голосам, доносящимся из кабинета.

— Начнем с того, — с холодным презрением говорил Кристобаль Хозевич, — что ваш, простите, «Родильный Дом» находится в точности под моими лабораториями. Вы уже устроили один взрыв, и в результате я в течение десяти минут был вынужден ждать, пока в моем кабинете вставят вылетевшие стекла. Я сильно подозреваю, что аргументы более общего характера вы во внимание не примете, и потому исхожу из чисто эгоистических соображений...

— Это, дорогой, мое дело, чем я у себя занимаюсь, — отвечал Выбегалло фальцетом. — Я до вашего этажа не касаюсь, хотя вот у вас в последнее время бесперечь текёт живая вода. Она у меня весь потолок замочила, и клопы от нее заводятся. Но я вашего этажа не касаюсь, а вы не касайтесь моего.

— Г-голубчик, — пророкотал Федор Симеонович, — Амвросий Амбруазович! Н-надо же принять во в-внимание в-возможные осложнения... В-ведь никто же не занимается, скажем, д-драконом в здании, х-хотя есть и огнеупоры, и...

— У меня не дракон, у меня счастливый человек! Исполин духа! Как-то странно вы рассуждаете, товарищ Киврин, странные у вас аналогии, чужие! Модель идеального человека — и какой-то внеклассовый огнедышащий дракон!..

— Г-голубчик, да дело же не в том, ч-что он внеклассовый, а в том, что он п-пожар может устроить...

— Вот, опять! Идеальный человек может устроить пожар! Не подумали вы, товарищ Федор Симеонович!

— Я г-говорю о д-драконе...

— А я говорю о вашей неправильной установке! Вы стираете, Федор Симеонович! Вы всячески замазываете! Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим... между городом и деревней... между мужчиной и женщиной, наконец... Но замазывать пропасть мы вам не позволим, Федор Симеонович!

— К-какую пропасть? Что за ч-чертовщина, Р-роман, в конце концов?.. Вы же ему при мне об-объясняли! Я г-говорю, Амвросий Амб-бруазович, что ваш эксперимент оп-пасен, понимаете?.. Г-город можно повредить, п-понимаете?

— Я-то все понимаю. Я-то не позволю идеальному человеку вылупляться среди чистого поля на ветру!

— Амвросий Амбруазович, — сказал Роман, — я могу еще раз повторить свою аргументацию. Эксперимент опасен потому...

— Вот я, Роман Петрович, давно на вас смотрю и никак не могу понять, как вы можете применять такие выражения к человеку-идеалу. Идеальный человек ему, видите ли, опасен!

Тут Роман, видимо по молодости лет, потерял терпение.

— Да не идеальный человек! — заорал он. — А ваш гений-потребитель!

Воцарилось зловещее молчание.

— Как вы сказали? — страшным голосом осведомился Выбегалло. — Повторите. Как вы назвали идеального человека?

— Ян-нус Полуэктович, — сказал Федор Симеонович, — так, друг мой, нельзя все-таки...

— Нельзя! — воскликнул Выбегалло. — Правильно, товарищ Киврин, нельзя! Мы имеем эксперимент международно-научного звучания! Исполин духа должен появиться здесь, в стенах нашего института! Это символично! Товарищ Ойра-Ойра с его прагматическим уклоном делячески, товарищи, относится к проблеме! И товарищ Хунта тоже смотрит узколобо! Не смотрите на меня, товарищ Хунта, царские жандармы меня не запугали, и вы меня тоже не запугаете! Разве в нашем, товарищи, духе бояться эксперимента? Конечно, товарищу Хунте, как бывшему иностранцу и работнику церкви,

позволительно временами заблуждаться, но вы-то, товарищ Ойра-Ойра, и вы, Федор Симеонович, вы же простые русские люди!

— П-прекратите д-демагогию! — взорвался наконец и Федор Симеонович. — К-как вам не с-совестно нести такую чушь? К-какой я вам п-простой человек? И что это за словечко такое — п-простой? Это д-дубли у нас простые!..

— Я могу сказать только одно, — равнодушно сообщил Кристобаль Хозевич. — Я простой бывший Великий Инквизитор, и я закрою доступ к вашему автоклаву до тех пор, пока не получу гарантии, что эксперимент будет производиться на полигоне.

— И н-не ближе пяти к-километров от г-города, — добавил Федор Симеонович. — Или д-даже десяти.

По-видимому, Выбегалле ужасно не хотелось тащить свою аппаратуру и тащиться самому на полигон, где была вьюга и не было достаточного освещения для кинохроники.

— Так, — сказал он, — понятно. Отгораживаете нашу науку от народа. Тогда уж, может быть, не на десять километров, а прямо на десять тысяч километров, Федор Симеонович? Где-нибудь по ту сторону? Где-нибудь на Аляске, Кристобаль Хозевич, или откуда вы там? Так прямо и скажите. А мы запишем!

Снова воцарилось молчание, и было слышно, как грозно сопит Федор Симеонович, потерявший дар слова.

— Лет триста назад, — холодно произнес Хунта, — за такие слова я пригласил бы вас на прогулку за город, где отрянул бы вам пыль с ушей и проткнул насквозь.

— Нечего, нечего, — сказал Выбегалло. — Это вам не Португалия. Критики не любите. Лет триста назад я бы с тобой тоже не особенно церемонился, кафолик недорезанный.

Меня скрутило от ненависти. Почему молчит Янус? Сколько же можно? В тишине раздались шаги, в приемную вышел бледный, оскаленный Роман и, щелкнув пальцами, создал дубль Выбегаллы. Затем он с наслаждением взял дубля за грудь, мелко потряс, взялся за бороду, сладострастно рванул несколько раз, успокоился, уничтожил дубля и вернулся в кабинет.

— А ведь в-вас гнать надо, В-выбегалло, — неожиданно спокойным голосом произнес Федор Симеонович. — Вы, оказывается, н-неприятная фигура.

— Критики, критики не любите, — отвечал, отдуваясь, Выбегалло.

И вот тут наконец заговорил Янус Полуэктович. Голос у него был мощный, ровный, как у джек-лондоновских капитанов.

— Эксперимент, согласно просьбе Амвросия Амбруазовича, будет произведен сегодня в десять ноль-ноль. Ввиду того, что эксперимент будет сопровождаться значительными разрушениями, которые едва не повлекут за собой человеческие жертвы, местом эксперимента назначаю дальний сектор полигона в пятнадцати километрах от городской черты. Пользуюсь случаем заранее поблагодарить Романа Петровича за его находчивость и мужество.

Некоторое время, по-видимому, все переваривали это решение. Во всяком случае, я переваривал. У Януса Полуэктовича была все-таки несомненно странная манера выражать свои мысли. Впрочем, все охотно верили, что ему виднее. Были уже прецеденты.

— Я пойду вызову машину, — сказал вдруг Роман и, вероятно, прошел сквозь стену, потому что в приемной не появился.

Федор Симеонович и Хунта, наверное, согласно кивнули головами, а оправившийся Выбегалло вскричал:

— Правильное решение, Янус Полуэктович! Вовремя вы нам напомнили о потерянной бдительности. Подальше, подальше от посторонних глаз. Только вот грузчики мне понадобятся. Автоклав у меня тяжелый, значить, пять тонн все-таки...

— Конечно, — сказал Янус. — Распорядитесь.

В кабинете задвигали креслами, и я торопливо допил кофе.

В течение последующего часа я вместе с теми, кто еще оставался в институте, торчал у подъезда и наблюдал, как грузят автоклав, стереотрубы, бронешиты и зипуны на всякий случай. Буран утих, утро стояло морозное и ясное.

Роман пригнал грузовик на гусеничном ходу. Вурдалак Альфред привел грузчиков — гекатонхейров. Котт и Гиес шли охотно, оживленно галдя сотней глоток и на ходу засучивая многочисленные рукава, а Бриарей тащился следом, выставив вперед корявый палец, и ныл, что ему больно, что у него несколько голов кружатся, что он ночь не спал. Котт взял автоклав, Гиес — все остальное. Тогда Бриарей, увидев, что ему ничего не досталось, принялся распоряжаться, давать указания и помогать советами. Он забегал вперед, открывал и держал двери, то и дело присаживался на корточки и, заглядывая снизу, кричал: «Пошло! Пошло!» или «Правее бери! Зацепляешься!». В конце концов ему наступили на руку, а самого защемили между автоклавом и стеной. Он разрыдался, и Альфред отвел его обратно в виварий.

В грузовик набилось порядочно народу. Выбегалло залез в кабину водителя. Он был очень недоволен и у всех спрашивал который час. Грузовик уехал было, но через пять минут вернулся, потому что выяснилось, что забыли корреспондентов. Пока их искали, Котт и Гиес затеяли играть в снежки, чтобы согреться, и выбили два стекла. Потом Гиес сцепился с каким-то ранним пьяным, который кричал: «Все на одного, да?» Гиеса оттащили и затолкали обратно в кузов. Он вращал глазами и грозно ругался по-эллиински. Появились дрожащие со сна Г. Проницательный и Б. Питомник, и грузовик наконец уехал.

Институт опустел. Была половина девятого. Весь город спал. Мне очень хотелось отправиться вместе со всеми на полигон, но, делать нечего — я вздохнул и пустился во второй обход.

Я, зевая, шел по коридорам и гасил везде свет, пока не добрался до лаборатории Витьки Корнеева. Витька Выбегалловыми экспериментами не интересовался. Он говорил, что таких, как Выбегалло, нужно беспощадно передавать Хунте в качестве подопытных животных на предмет выяснения, не являются ли они летальными мутантами. Поэтому Витька никуда не поехал, а сидел на диване-трансляторе, курил сигарету и лениво беседовал с Эдиком Амперяном. Эдик лежал рядом и, задумчиво глядя в потолок, сосал леденец. На столе в ванне с водой бодро плавал окунь.

— С Новым годом, — сказал я.

— С Новым годом, — приветливо отозвался Эдик.

— Вот пусть Сашка скажет, — предложил Корнеев. — Саша, бывает небелковая жизнь?

— Не знаю, — сказал я. — Не видел. А что?

— Что значит — не видел? М-поле ты тоже никогда не видел, а напряженность его рассчитываешь.

— Ну и что? — сказал я. Я смотрел на окуня в ванне. Окунь плавал кругами, лихо поворачиваясь на виражах, и тогда было видно, что он выпотрошен. — Витька, — сказал я, — получилось все-таки?

— Саша не хочет говорить про небелковую жизнь, — сказал Эдик. — И он прав.

— Без белка жить можно, — сказал я, — а вот как он живет без потрохов?

— А вот товарищ Амперян говорит, что без белка жить нельзя, — сказал Витька, заставляя струю табачного дыма сворачиваться в смерч и ходить по комнате, огибая предметы.

— Я говорю, что жизнь — это белок, — возразил Эдик.

— Не ощущаю разницы, — сказал Витька. — Ты говоришь, что если нет белка, то нет и жизни.

— Да.

— Ну, а это что? — спросил Витька. Он слабо помахал рукой.

На столе рядом с ванной появилось отвратительное существо, похожее на ежа и на паука одновременно. Эдик приподнялся и заглянул на стол.

— Ах, — сказал он и снова лег. — Это не жизнь. Это нежить. Разве Кощей Бессмертный — это небелковое существо?

— А что тебе надо? — спросил Корнеев. — Двигается? Двигается. Питается? Питается. И размножаться может. Хочешь, он сейчас размножится?

Эдик вторично приподнялся и заглянул на стол. Еж-паук неуклюже топтался на месте. Похоже было, что ему хочется идти на все четыре стороны одновременно.

— Нежить не есть жизнь, — сказал Эдик. — Нежить существует лишь постольку, поскольку существует разумная жизнь. Можно даже сказать точнее: поскольку существуют маги. Нежить есть отход деятельности магов.

— Хорошо, — сказал Витька.

Еж-паук исчез. Вместо него на столе появился маленький Витька Корнеев, точная копия настоящего, но величиной с руку. Он щелкнул маленькими пальчиками и создал микродубля еще меньшего размера. Тот тоже щелкнул пальцами. Появился дубль величиной с авторучку. Потом величиной со спичечный коробок. Потом — с наперсток.

— Хватит? — спросил Витька. — Каждый из них маг. Ни в одном нет и молекулы белка.

— Неудачный пример, — сказал Эдик с сожалением. — Во-первых, они ничем принципиально не отличаются от станка с программным управлением. Во-вторых, они являются не продуктом развития, а продуктом твоего белкового мастерства. Вряд ли стоит спорить, способна ли дать эволюция саморазмножающиеся станки с программным управлением.

— Много ты знаешь об эволюции, — сказал грубый Корнеев. — Тоже мне Дарвин! Какая разница, химический процесс или сознательная деятельность. У тебя тоже не все предки белковые. Пра-пра-праматерь твоя была, готов признать, достаточно сложной, но вовсе не белковой молекулой. И может быть, наша так называемая сознательная деятельность есть тоже некоторая разновидность эволюции. Откуда мы знаем, что цель природы — создать товарища Амперяна? Может быть, цель природы — это создание нежити руками товарища Амперяна. Может быть...

— Понятно, понятно. Сначала протовирус, потом белок, потом товарищ Амперян, а потом вся планета заселяется нежитью.

— Именно, — сказал Витька.

— А мы все за ненужностью вымерли.

— А почему бы и нет? — сказал Витька.

— У меня есть один знакомый, — сказал Эдик. — Он утверждает, будто человек — это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона.

— А почему бы, в конце концов, и нет?

— А потому, что мне не хочется, — сказал Эдик. — У природы свои цели, а у меня свои.

— Антропоцентрист, — сказал Витька с отвращением.

— Да, — гордо сказал Эдик.

— С антропоцентристами дискутировать не желаю, — сказал грубый Корнеев.

— Тогда давай рассказывать анекдоты, — спокойно предложил Эдик и сунул в рот еще один леденец.

Витькины дубли на столе продолжали работать. Самый маленький был уже ростом с муравья. Пока я слушал спор антропоцентриста с космоцентристом, мне пришла в голову одна мысль.

— Ребятишечки, — сказал я с искусственным оживлением. — Что же это вы не пошли на полигон?

— А зачем? — спросил Эдик.

— Ну, все-таки интересно...

— Я никогда не хожу в цирк, — сказал Эдик. — Кроме того: уби нил валес, иби нил велис¹.

— Это ты о себе? — спросил Витька.

— Нет. Это я о Выбегалле.

— Ребятишечки, — сказал я, — я ужасно люблю цирк. Не все ли вам равно, где рассказывать анекдоты?

— То есть? — сказал Витька.

— Подежурьте за меня, а я сбегаю на полигон.

— А что надо делать?

— Обесточивать, гасить пожары и всем напоминать про трудовое законодательство.

— Холодно, — напомнил Витька. — Мороз. Выбегалло.

— Очень хочется, — сказал я. — Очень все это таинственно.

— Отпустим ребенка? — спросил Витька у Эдика.

Эдик покивал.

— Идите, Привалов, — сказал Витька. — Это будет вам стоить четыре часа машинного времени.

— Два, — сказал я быстро. Я ждал чего-нибудь подобного.

— Пять, — нахально сказал Витька.

— Ну три, — сказал я. — Я и так все время на тебя работаю.

— Шесть, — хладнокровно сказал Витька.

— Витя, — сказал Эдик, — у тебя на ушах отрастет шерсть.

— Рыжая, — сказал я злорадно. — Может быть, даже с прозеленью.

— Ладно уж, — сказал Витька, — иди даром. Два часа меня устроят.

Мы вместе прошли в приемную. По дороге магистры затеяли невнятный спор о какой-то циклотации, и мне пришлось их прервать, чтобы они трансгрессировали меня на полигон. Я им уже надоел, и, спеша от меня отделаться, они провели трансгрессию с такой энергией, что я не успел одеться и влетел в толпу зрителей спиной вперед.

На полигоне уже все было готово. Публика пряталась за бронешиты. Выбегалло торчал из свежеврытой траншеи и молодецки смотрел в большую стереотрубу. Федор Симеонович и Крестобаль Хунта с сорокакратными биноклами в руках тихо переговаривались по-латыни. Янус Полуэктович в большой шубе равнодушно стоял в стороне и ковырял тростью снег. Б. Питомник сидел на корточках возле траншеи с раскрытой книжечкой и авторучкой наготове. А Г. Проницательный, увешанный фото- и киноаппаратами, тер замерзшие щеки, кричал и стучал ногой об ногу за его спиной.

Небо было ясное, полная луна склонялась к западу. Мутные стрелы полярного сияния появлялись, дрожа, среди звезд и исчезали вновь. Блестел снег на равнине, и большой округлый цилиндр автоклава был отчетливо виден в сотне метров от нас.

Выбегалло оторвался от стереотрубы, прокашлялся и сказал:

— Товарищи! То-ва-ри-щи! Что мы наблюдаем в эту стереотрубу? В эту стереотрубу, товарищи, мы, обуреваемые сложными чувствами, замирая от ожидания, наблюдаем, как защитный колпак начинает автоматически отвинчиваться... Пишите, пишите, — сказал он Б. Питомнику. — И поточнее пишите... Автоматически, значить, отвинчиваться. Через несколько минут мы будем иметь появление среди нас идеального человека — шевалье, значить, сан пёр э сан репрош...² Мы будем иметь здесь наш образец, наш символ, нашу крылатую мечту! И мы, товарищи, должны встретить этого гиганта потребностей и способностей соответствующим образом, без дискуссий, мелких дрызг и других выпадов. Чтобы наш дорогой гигант увидел нас какие мы есть на самом деле в

¹ Где ты ни на что не способен, там ты не должен ничего хотеть (*лат.*).

² Рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

едином строем и сплоченными рядами. Спрячем же, товарищи, наши родимые пятна, у кого они еще пока есть, и протянем руку своей мечте!

Я и простым глазом видел, как отвинтилась крышка автоклава и беззвучно упала в снег. Из автоклава ударила длинная, до самых звезд, струя пара.

— Даю пояснение для прессы... — начал было Выбегалло, но тут раздался страшный рев.

Земля поплыла и зашевелилась. Взвилась огромная снежная туча. Все повалились друг на друга, и меня тоже опрокинуло и покатило. Рев все усиливался, и, когда я с трудом, цепляясь за гусеницы грузовика, поднялся на ноги, я увидел, как жутко, гигантской чашей в мертвом свете луны ползет, заворачиваясь вовнутрь, край горизонта, как угрожающе раскачиваются бронешиты, как бегут врассыпную, падают и снова вскакивают вываленные в снегу зрители. Я увидел, как Федор Симеонович и Кристоаль Хунта, накрытые радужными колпаками защитного поля, пятятся под натиском урагана, как они, подняв руки, селятся растянуть защиту на всех остальных, но вихрь рвет защиту в клочья, и эти клочья несутся над равниной, подобно огромным мыльным пузырям, и лопаются в звездном небе. Я увидел поднявшего воротник Януса Полуэктовича, который стоял, повернувшись спиной к ветру, прочно упершись тростью в обнажившуюся землю, и смотрел на часы. А там, где был автоклав, крутилось освещенное изнутри красным, тугое облако пара, и горизонт стремительно загибался все круче и круче, и казалось, что все мы находимся на дне колоссального кувшина. А потом совсем рядом с эпицентром этого космического безобразия появился вдруг Роман в своем зеленом пальто, рвущемся с плеч. Он широко размахнулся, швырнул в ревущий пар что-то большое, блеснувшее бутылочным стеклом, и сейчас же упал ничком, закрыв голову руками. Из облака вынырнула безобразная, искаженная бешенством физиономия джинна, глаза его крутились от ярости. Разевая пасть в беззвучном хохоте, он взмахнул просторными волосатыми ушами, пахнуло гарью, над метелью взметнулись призрачные стены великолепного дворца, затряслись и опали, а джинн, превратившись в длинный язык оранжевого пламени, исчез в небе. Несколько секунд было тихо. Затем горизонт с тяжелым грохотом осел. Меня подбросило высоко вверх, и, придя в себя, я обнаружил, что сижу, упиравшись руками в землю, неподалеку от грузовика.

Снег пропал. Все поле вокруг было черным. Там, где минуту назад стоял автоклав, зияла большая воронка. Из нее поднимался белый дымок и пахло паленым.

Зрители начали подниматься на ноги. Лица у всех были испачканы и перекошены. Многие потеряли голос, кашляли, отплевывались и тихо постанывали. Начали чиститься, и тут обнаружилось, что некоторые раздеты до белья. Послышался ропот, затем крики: «Где брюки? Почему я без брюк? Я же был в брюках!», «Товарищи! Никто не видел моих часов?», «И моих!», «И у меня тоже пропали!», «Зуба нет, платинового! Летом только вставил...», «Ой, а у меня колечко пропало... И браслет!», «Где Выбегалло? Что за безобразие? Что все это значит?», «Да черт с ними, с часами и зубами! Люди-то все целы? Сколько нас было?», «А что, собственно, произошло? Какой-то взрыв... Джинн... А где же исполин духа?», «Где потребитель?», «Где Выбегалло, наконец?», «А горизонт видел? Знаешь, на что это похоже?», «На свертку пространства, я эти шутки знаю...», «Холодно в майке, дайте что-нибудь...», «Г-где же этот Выб-бегалло? Где этот д-дурак?».

Земля зашевелилась, и из траншеи вылез Выбегалло. Он был без валенок.

— Поясняю для прессы, — сипло сказал он.

Но ему не дали пояснить. Магнус Федорович Редькин, пришедший специально, чтобы узнать наконец, что же такое настоящее счастье, подскочил к нему, трясая сжатыми кулаками, и завопил:

— Это шарлатанство! Вы за это ответите! Балаган! Где моя шапка? Где моя шуба? Я буду на вас жаловаться! Где моя шапка, я спрашиваю?

— В полном соответствии с программой... — бормотал Выбегалло, озираясь. — Наш дорогой исполин...

На него надвинулся Федор Симеонович.

— Вы, м-милейший, з-зарываете свой т-талант в землю. В-вами надо отдел Об-боронной Магии усилить. В-ваших идеальных людей н-на неприятельские б-базы сбрасывать надо. Н-на страх аг-грессору.

Выбегалло попятился, заслоняясь рукавом зипуна. К нему подошел Кристобаль Хозевич, молча меряя его взглядом, швырнул ему под ноги испачканные перчатки и удалился. Жиан Жиакомо, наспех создавая себе видимость элегантного костюма, прокричал издали:

— Это же феноменально, сеньоры! Я всегда питал к нему некоторую антипатию, но ничего подобного я и представить себе не мог...

Тут, наконец, разобрались в ситуации Г. Проницательный и Б. Питомник. До сих пор, неуверенно улыбаясь, они глядели каждому в рот, надеясь что-нибудь понять. Затем они сообразили, что все идет далеко не в полном соответствии. Г. Проницательный твердыми шагами приблизился к Выбегалло и, тронув его за плечо, сказал железным голосом:

— Товарищ профессор, где я могу получить назад мои аппараты? Три фотоаппарата и один киноаппарат.

— И мое обручальное кольцо, — добавил Б. Питомник.

— Пардон, — сказал Выбегалло с достоинством. — Он ву демандера канд он ура безуан де ву¹. Подождите объяснений.

Корреспонденты оробели. Выбегалло повернулся и пошел к воронке. Над воронкой уже стоял Роман.

— Чего здесь только нет... — сказал он еще издали.

Исполина-потребителя в воронке не оказалось. Зато там было все остальное и еще многое сверх того. Там были фото- и киноаппараты, бумажники, шубы, кольца, ожерелья, брюки и платиновый зуб. Там были валенки Выбегалло и шапка Магнуса Федоровича. Там оказался мой платиновый свисток для вызова авральской команды. Кроме того, мы обнаружили там два автомобиля «Москвич», три автомобиля «Волга», железный сейф с печатями местной сберкассы, большой кусок жареного мяса, два ящика водки, ящик жигулевского пива и железную кровать с никелированными шарами.

Натянув валенки, Выбегалло, снисходительно улыбаясь, заявил, что теперь можно начать дискуссию. «Задавайте вопросы», — сказал он. Но дискуссии не получилось. Взбешенный Магнус Федорович вызвал милицию. Примчался на «газике» юный сержант Ковалев. Всем нам пришлось записаться в свидетели. Сержант Ковалев ходил вокруг воронки, пытаясь обнаружить следы преступника. Он нашел огромную вставную челюсть и глубоко задумался над нею. Корреспонденты, получившие свою аппаратуру и увидевшие все в новом свете, внимательно слушали Выбегалло, который опять понес демагогическую ахиною насчет неограниченных и разнообразных потребностей. Становилось скучно, я мерз.

— Пошли домой, — сказал Роман.

— Пошли, — сказал я. — Откуда ты взял джинна?

— Выписал вчера со склада. Совсем для других целей.

— А что все-таки произошло? Он опять обожрался?

— Нет, просто Выбегалло дурак, — сказал Роман.

— Это понятно, — сказал я. — Но откуда катаклизм?

— Все отсюда же, — сказал Роман. — Я говорил ему тысячу раз: «Вы программируете стандартного суперэгоцентриста. Он загребет все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернет пространство, закуклится и остановит время». А Выбегалло никак не может взять в толк, что истинный исполин духа не столько потребляет, сколько думает и чувствует.

¹ Когда будет нужно, вас позовут (*фр.*).

— Это все зола, — продолжал он, когда мы подлетели к институту. — Это всем ясно. Ты лучше скажи мне, откуда У-Янус узнал, что все получится именно так, а не иначе? Он же все это предвидел. И огромные разрушения, и то, что я соображу, как прикончить исполина в зародыше...

— Действительно, — сказал я. — Он даже благодарность тебе вынес. Авансом.

— Странно, верно? — сказал Роман. — Надо бы все это тщательно продумать.

И мы стали тщательно продумывать. Это заняло у нас много времени. Только весной и только случайно нам удалось во всем разобраться.

Но это уже совсем другая история.

История третья. Всяческая суета

Глава первая

Когда бог создавал время, — говорят ирландцы, — он создал его достаточно.

Г. Бель

Восемьдесят три процента всех дней в году начинаются одинаково: звенит будильник. Этот звон вливается в последние сны то судорожным стрекотанием итогового перфоратора, то гневными раскатами баса Федора Симеоновича, то скрежетом когтей василиска, играющего в термостате.

В то утро мне снился Модест Матвеевич Камноедов. Будто он стал заведующим вычислительным центром и учит меня работать на «Алдане». «Модест Матвеевич, — говорил я ему, — ведь все, что вы мне советуете, это какой-то болезненный бред». А он орал: «Вы мне это пр-р-рекратите! У вас тут все др-р-ребедень! Бели-бер-р-рда!» Тогда я сообразил, что это не Модест Матвеевич, а мой будильник «Дружба» на одиннадцати камнях, с изображением слоника с поднятым хоботом, забормотал: «Слышу, слышу», — и забил ладонью по столу вокруг будильника.

Окно было раскрыто настежь, и я увидел ярко-синее весеннее небо и почувствовал острый весенний холодок. По карнизу, постукивая, бродили голуби. Вокруг стеклянного плафона под потолком обессиленно мотались три мухи — должно быть, первые мухи в этом году. Время от времени они вдруг принимались остервенело кидаться из стороны в сторону, и спросонок мне пришла в голову гениальная идея, что мухи, наверное, стараются выскочить из плоскости, через них проходящей, и я посочувствовал этому безнадежному занятию. Две мухи сели на плафон, а третья исчезла, и тогда я окончательно проснулся.

Прежде всего я отбросил одеяло и попытался воспарить над кроватью. Как всегда, без зарядки, без душа и завтрака это привело лишь к тому, что реактивный момент с силой вдавил меня в диван-кровать и где-то подо мной соскочили и жалобно задрезжали пружины. Потом я вспомнил вчерашний вечер, и мне стало очень обидно, потому что сегодня я весь день буду без работы. Вчера в одиннадцать часов вечера в электронный зал пришел Кристобаль Хозевич и, как всегда, подсоединился к «Алдану», чтобы вместе с ним разрешить очередную проблему смысла жизни, и через пять минут «Алдан» загорелся. Не знаю, что там могло гореть, но «Алдан» вышел из строя надолго, и поэтому я, вместо того чтобы работать, должен буду, подобно всем волосатухим тунеядцам, бесцельно бродить из отдела в отдел, жаловаться на судьбу и рассказывать анекдоты.

Я сморщился, сел на постели и для начала набрал полную грудь праны, смешанной с холодным утренним воздухом. Некоторое время я ждал, пока прана усвоится, и в соответствии с рекомендацией думал о светлом и радостном. Затем я выдохнул холодный утренний воздух и принялся выполнять комплекс упражнений утренней гимнастики. Мне

рассказывали, что старая школа предписывала гимнастику йогов, но йога-комплекс, так же как и почти ныне забытый майя-комплекс, отнимал пятнадцать-двадцать часов в сутки, и с назначением на пост нового президента АН СССР старой школе пришлось уступить. Молодежь НИИЧАВО с удовольствием ломала старые традиции.

На сто пятнадцатом прыжке в комнату впорхнул мой сожитель Витька Корнеев. Как всегда с утра, он был бодр, энергичен и даже благодушен. Он хлестнул меня по голой спине мокрым полотенцем и принялся летать по комнате, делая руками и ногами движения, как будто плывет брассом. При этом он рассказывал свои сны и тут же толковал их по Фрейду, Мерлину и по девице Ленорман. Я сходил умылся, мы прибрались и отправились в столовую.

В столовой мы заняли свой любимый столик под большим, уже выцветшим плакатом: «Смелее, товарищи! Щелкайте челюстями! Г. Флобер», откупорили бутылки с кефиром и стали есть, слушая местные новости и сплетни.

Вчерашней ночью на Лысой Горе состоялся традиционный весенний слет. Участники вели себя крайне безобразно. Вий с Хомой Брутом в обнимку пошли шляться по улицам ночного города, пьяные, приставали к прохожим, сквернословили, потом Вий наступил себе на левое веко и совсем озверел. Они с Хомой подрались, повалили газетный ларек и попали в милицию, где каждому дали за хулиганство по пятнадцати суток. Чтобы остричь наголо Хому Брута, пришлось держать его вшестером, а лысый Вий при этом сидел в углу и обидно хихикал. Из-за того, что Хома Брут наговорил во время стрижки, дело передается в народный суд.

Кот Василий взял весенний отпуск — жениться. Скоро в Соловце опять объявятся говорящие котята с наследственно-склеротической памятью.

Луи Седловой из отдела Абсолютного Знания изобрел какую-то машину времени и сегодня будет докладывать об этом на семинаре.

В институте снова появился Выбегалло. Везде ходит и хвастается, что осенен титанической идеей. Речь многих обезьян, видите ли, напоминает человеческую, записанную, значить, на магнитофонную пленку и пущенную задом наперед с большой скоростью. Так он, эта, записал в сухумском заповеднике разговоры павианов и прослушал их, пустив задом наперед на малой скорости. Получилось, как он заявляет, нечто феноменальное, но что именно — не говорит.

В вычислительном центре опять сгорел «Алдан», но Сашка Привалов не виноват, виноват Хунта, который последнее время из принципа интересуется только такими задачами, для которых доказано отсутствие решения.

Престарелый колдун Перун Маркович Неунывай-Дубино из отдела Воинствующего Атеизма взял отпуск для очередного перевоплощения.

В отделе Вечной Молодости после долгой и продолжительной болезни скончалась модель бессмертного человека.

Академия наук выделила институту энную сумму на благоустройство территории. На эту сумму Модест Матвеевич собирает обнести институт узорной чугунной решеткой с аллегорическими изображениями и с цветочными горшками на столбах, а на заднем дворе, между трансформаторной будкой и бензохранилищем, организовать фонтан с девятиметровой струей. Спортбюро просило у него денег на теннисный корт — отказал, объявив, что фонтан необходим для научных размышлений, а теннис есть дрыгоножество и рукомашество...

После завтрака все разошлись по лабораториям. Я тоже заглянул к себе и горестно побродил около «Алдана» с распахнутыми внутренностями, в которых копались неприветливые инженеры из отдела Технического Обслуживания. Разговаривать со мной они не захотели и только угрюмо порекомендовали пойти куда-нибудь и заняться своим делом. Я побрел по знакомым.

Витька Корнеев меня выгнал, потому что я мешал ему сосредоточиться. Роман читал лекцию практикантам. Володя Почкин беседовал с корреспондентом. Увидев меня, он

нехорошо обрадовался и закричал: «А-а, вот он! Познакомьтесь, это наш заведующий вычислительным центром, он вам расскажет, как...» Но я очень ловко притворился собственным дублем и, сильно напугав корреспондента, сбежал. У Эдика Амперяна меня угостили свежими огурцами, и совсем было завязалась оживленная беседа о преимуществах гастрономического взгляда на жизнь, но тут у них лопнул перегонный куб и про меня сразу забыли.

В совершенном отчаянии я вышел в коридор и столкнулся с У-Янусом, который сказал: «Так» — и, помедлив, осведомился, не беседовали ли мы вчера. «Нет, — сказал я, — к сожалению, не беседовали». Он пошел дальше, и я услышал, как в конце коридора он задает все тот же стандартный вопрос Жиану Жиакомо.

В конце концов меня занесло к абсолютникам. Я попал перед самым началом семинара. Сотрудники, позевывая и осторожно поглаживая уши, рассаживались в малом конференц-зале. На председательском месте, покойно сплетя пальцы, восседал заведомо магистр-академик, всяя Белья, Черная и Серая магии многознатец Морис-Иоганн-Лаврентий Пупков-Задний и благосклонно взирал на суетящегося докладчика, который с двумя неумело выполненными волосатухими дублями устанавливал на экспозиционном стенде некую машину с седлом и педалями, похожую на тренажер для страдающих ожирением. Я присел в уголке подальше от остальных, вытащил блокнот и авторучку и принял заинтересованный вид.

— Ну те-с, — произнес магистр-академик, — у вас готово?

— Да, Морис Иоганнович, — отозвался Л. Седловой. — Готово, Морис Иоганнович.

— Тогда, может быть, приступим? Что-то я не вижу Смогулия...

— Он в командировке, Иоганн Лаврентьевич, — сказали из зала.

— Ах, да, припоминаю. Экспоненциальные исследования? Ага, ага... Ну хорошо. Сегодня у нас Луи Иванович сделает небольшое сообщение относительно некоторых возможных типов машин времени... Я правильно говорю, Луи Иванович?

— Э... Собственно... Собственно, я бы назвал свой доклад таким образом, что...

— А, ну вот и хорошо. Вот вы и назовите.

— Благодарю вас. Э... Назвал бы так: «Осуществимость машины времени для передвижения во временных пространствах, сконструированных искусственно».

— Очень интересно, — подал голос магистр-академик. — Однако мне помнится, что уже был случай, когда наш сотрудник...

— Простите, я как раз с этого хотел начать.

— Ах, вот как... Тогда прошу, прошу.

Сначала я слушал довольно внимательно. Я даже увлекся. Оказывается, некоторые из этих ребят занимались прелюбопытными вещами. Оказывается, некоторые из них и по сей день бились над проблемой передвижения по физическому времени, правда, безрезультатно. Но зато кто-то, я не разобрал фамилию, кто-то из старых, знаменитых, доказал, что можно производить переброску материальных тел в идеальные миры, то есть в миры, созданные человеческим воображением. Оказывается, кроме нашего привычного мира с метрикой Римана, принципом неопределенности, физическим вакуумом и пьяницей Брутом, существуют и другие миры, обладающие ярко выраженной реальностью. Это миры, созданные творческим воображением за всю историю человечества. Например, существуют: мир космологических представлений человечества; мир, созданный живописцами; и даже полуабстрактный мир, нечувствительно сконструированный поколениями композиторов.

Несколько лет назад, оказывается, ученик того самого, знаменитого, собрал машину, на которой отправился путешествовать в мир космологических представлений. В течение некоторого времени с ним поддерживалась односторонняя телепатическая связь, и он успел передать, что находится на краю плоской Земли, видит внизу извивающийся хобот одного из трех слонов-атлантов и собирается спуститься вниз, к черепахе. Больше сведений от него не поступало.

Докладчик, Луи Иванович Седловой, неплохой, по-видимому, ученый, магистр, сильно страдающий, однако, от пережитков палеолита в сознании и потому вынужденный регулярно брить уши, сконструировал машину для путешествий по описываемому времени. По его словам, реально существует мир, в котором живут и действуют Анна Каренина, Дон-Кихот, Шерлок Холмс, Григорий Мелехов и даже капитан Немо. Этот мир обладает своими весьма любопытными свойствами и закономерностями, и люди, населяющие его, тем более ярки, реальны и индивидуальны, чем более талантливо, страстно и правдиво описали их авторы соответствующих произведений.

Все это меня очень заинтересовало, потому что Седловой, увлекшись, говорил живо и образно. Но потом он спохватился, что получается как-то ненаучно, повешал на сцене схемы и графики и принялся нудно, чрезвычайно специализированным языком излагать про конические декрементные шестерни, полиходовые темпоральные передачи и про какой-то проникающий руль. Я очень скоро потерял нить рассуждений и принялся рассматривать присутствующих.

Магистр-академик величественно спал, изредка, чисто рефлекторно, поднимая правую бровь, как бы в знак некоторого сомнения в словах докладчика. В задних рядах резались в функциональный морской бой в банаховом пространстве. Двое лаборантов-заочников старательно записывали все подряд — на лицах их застыло безнадежное отчаяние и совершенная покорность судьбе. Кто-то украдкой закурил, пуская дым между колен под стол. В переднем ряду магистры и бакалавры с привычной внимательностью слушали, готовя вопросы и замечания. Одни саркастически улыбались, у других на лицах выражалось недоумение. Научный руководитель Седлового после каждой фразы докладчика одобрительно кивал. Я стал смотреть в окно, но там был все тот же осточертевший лабаз да изредка пробежали мальчишки с удочками.

Я очнулся, когда докладчик заявил, что вводную часть он закончил и теперь хотел бы продемонстрировать машину в действии.

— Интересно, интересно, — сказал проснувшийся магистр-академик. — Ну те-ка... Сами отправитесь?

— Видите ли, — сказал Седловой, — я хотел бы остаться здесь, чтобы давать пояснения по ходу путешествия. Может быть, кто-нибудь из присутствующих?..

Присутствующие начали жаться. Очевидно, все вспомнили загадочную судьбу путешественника на край плоской Земли. Кто-то из магистров предложил отправить дубля. Седловой ответил, что это будет неинтересно, потому что дубли маловосприимчивы к внешним раздражениям и потому будут плохими передатчиками информации. Из задних рядов спросили, какого рода могут быть внешние раздражения. Седловой ответил, что обычные: зрительные, обонятельные, осязательные, акустические. Тогда из задних рядов опять спросили, какого рода осязательные раздражения будут превалировать. Седловой развел руками и сказал, что это зависит от поведения путешественника в тех местах, куда он попадет. В задних рядах произнесли: «Ага...» — и больше вопросов не задавали. Докладчик беспомощно озирался. В зале смотрели кто куда и всё в сторону. Магистр-академик добродушно приговаривал: «Ну? Ну что же? Молодежь! Ну? Кто?» Тогда я встал и молча пошел к машине. Терпеть не могу, когда докладчик агонизирует: стыдное, жалкое и мучительное зрелище.

Из задних рядов крикнули: «Сашка, ты куда? Опомнись!» Глаза Седлового засверкали.

— Разрешите мне, — сказал я.

— Пожалуйста, пожалуйста, конечно! — забормотал Седловой, хватая меня за палец и подтаскивая к машине.

— Одну минуточку, — сказал я, деликатно вырываясь. — Это надолго?

— Да как вам будет угодно! — вскричал Седловой. — Как вы мне скажете, так я и сделаю... Да вы же сами будете управлять! Тут все очень просто. — Он снова схватил меня и снова потащил к машине. — Вот это руль. Вот это педаль сцепления с

реальностью. Это тормоз. А это газ. Вы автомобиль водите? Ну и прекрасно! Вот клавиша... Вы куда хотите — в будущее или в прошлое?

— В будущее, — сказал я.

— А, — произнес он, как мне показалось, разочарованно. — В описываемое будущее... Это, значит, всякие там фантастические романы и утопии. Конечно, тоже интересно. Только учтите, это будущее, наверное, дискретно, там должны быть огромные провалы времени, никакими авторами не заполненные. Впрочем, все равно... Так вот, эту клавишу вы нажмете два раза. Один раз сейчас, при старте, а второй раз — когда захотите вернуться. Понимаете?

— Понимаю, — сказал я. — А если в ней что-нибудь сломается?

— Абсолютно безопасно! — Он замахал руками. — Как только в ней что-нибудь испортится, хоть одна пылинка попадет между контактами, вы мгновенно вернетесь сюда.

— Дерзайте, молодой человек, — сказал магистр-академик. — Расскажите нам, что же там, в будущем, ха-ха-ха...

Я взгромоздился в седло, стараясь ни на кого не глядеть и чувствуя себя очень глупо.

— Нажимайте, нажимайте... — страстно шептал докладчик.

Я надавил на клавишу. Это было, очевидно, что-то вроде стартера. Машина дернулась, захрюкала и стала равномерно дрожать.

— Вал погнут, — шептал с досадой Седловой. — Ну ничего, ничего... Включайте скорость. Вот так. А теперь газу, газу...

Я дал газу, одновременно плавно выжимая сцепление. Мир стал меркнуть. Последнее, что я услышал в зале, был благодушный вопрос магистра-академика: «И каким же образом мы будем за ним наблюдать?..» И зал исчез.

Глава вторая

Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется вдоль него.

Г. Дж. Уэллс

Сначала машина двигалась скачками, и я был озабочен тем, чтобы удержаться в седле, обвившись ногами вокруг рамы и изо всех сил цепляясь за рулевую дугу. Краем глаза я смутно видел вокруг какие-то роскошные призрачные строения, мутно-зеленые равнины и холодное, негреющее светило в сером тумане неподалеку от зенита. Потом я сообразил, что тряска и скачки происходят оттого, что я убрал ногу с акселератора, мощности двигателя (совсем как это бывает на автомобиле) не хватает, и машина поэтому двигается рывками, вдобавок то и дело натываясь на развалины античных и средневековых утопий. Я подбавил газу, движение сразу стало плавным, и я смог наконец устроиться поудобнее и оглядеться.

Меня окружал призрачный мир. Огромные постройки из разноцветного мрамора, украшенные колоннами, возвышались среди маленьких домиков сельского вида. Вокруг в полном безветрии колыхались хлеба. Тучные прозрачные стада паслись на травке, на пригорках сидели благообразные седые пастухи. Все, как один, они читали книги и старинные рукописи. Потом рядом со мной возникли два прозрачных человека, встали в позы и начали говорить. Оба они были босы, увенчаны венками и закутаны в складчатые хитоны. Один держал в правой руке лопату, а в левой сжимал свиток пергамента. Другой опирался на киркомотыгу и рассеянно играл огромной медной чернильницей, подвешенной к поясу. Говорили они строго по очереди и, как мне сначала показалось, друг с другом. Но очень скоро я понял, что обращаются они ко мне, хотя ни один из них даже не взглянул в мою сторону. Я прислушался. Тот, что был с лопатой, длинно и

монотонно излагал основы политического устройства прекрасной страны, гражданином коей являлся. Устройство было необычайно демократичным, ни о каком принуждении граждан не могло быть и речи (он несколько раз с особым ударением это подчеркнул), все было богато и свободно от забот, и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов. Когда он останавливался, чтобы передохнуть и облизать губы, вступал тот, что с чернильницей. Он хвастался, будто только что отработал свои три часа перевозчиком на реке, не взял ни с кого ни копейки, потому что не знает, что такое деньги, а сейчас направляется под сень струй предаться стихосложению.

Говорили они долго — судя по спидометру, в течение нескольких лет, — а потом вдруг сразу исчезли, и стало пусто. Сквозь призрачные здания просвечивало неподвижное солнце. Неожиданно невысоко над землей медленно проплыли тяжелые летательные аппараты с перепончатыми, как у птеродактилей, крыльями. В первый момент мне показалось, что все они горят, но затем я заметил, что дым у них идет из больших конических труб. Грузно размахивая крыльями, они летели надо мной, посыпалась зола, и кто-то уронил на меня сверху суковатое полено.

В роскошных зданиях вокруг меня начали происходить какие-то изменения. Колонн у них не убавилось, и архитектура осталась по-прежнему роскошной и нелепой, но появились новые расцветки, и мрамор, по-моему, сменился каким-то более современным материалом, а вместо слепых статуй и бюстов на крышах возникли поблескивающие устройства, похожие на антенны радиотелескопов. Людей на улицах стало больше, появилось огромное количество машин. Исчезли стада с читающими пастухами, однако хлеба все колыхались, хотя ветра по-прежнему не было. Я нажал на тормоз и остановился.

Оглядевшись, я понял, что стою с машиной на ленте движущегося тротуара. Народ вокруг так и кишел — самый разнообразный народ. В большинстве своем, правда, эти люди были какие-то нереальные, гораздо менее реальные, чем могучие, сложные, почти бесшумные механизмы. Так что, когда такой механизм случайно наезжал на человека, столкновения не происходило. Машины мало меня заинтересовали, наверное, потому, что на лобовой броне у каждой сидел вдохновенный до полупрозрачности изобретатель, пространно объяснявший устройство и назначение своего детища. Изобретателей никто не слушал, да они, кажется, ни к кому в особенности и не обращались.

На людей смотреть было интереснее. Я увидел здоровенных ребят в комбинезонах, ходивших в обнимку, чертыхавшихся и оравших немелодичные песни на плохие стихи. То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде «дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках». Попадались и люди нормально одетые, правда, в костюмах странного покроя, и то тут, то там проталкивался сквозь толпу загорелый бородатый мужчина в незапятнанно-белой хламиде с кетменем или каким-нибудь хомутом в одной руке и с мольбертом или пеналом в другой. У носителей хламид вид был растерянный, они шарахались от многоногих механизмов и затравленно озирались.

Если не считать бормотания изобретателей, было довольно тихо. Большинство людей помалкивало. На углу двое юношей возились с каким-то механическим устройством. Один убежденно говорил: «Конструкторская мысль не может стоять на месте. Это закон развития общества. Мы изобретем его. Обязательно изобретем. Вопреки бюрократам вроде Чинушина и консерваторам вроде Твердолобова». Другой юноша нес свое: «Я нашел, как применить здесь нестирающиеся шины из полиструктурного волокна с вырожденными аминными связями и неполными кислородными группами. Но я не знаю пока, как использовать регенерирующий реактор на субтепловых нейтронах. Миша,

Мишок! Как быть с реактором?» Присмотревшись к устройству, я без труда узнал велосипед.

Тротуар вынес меня на огромную площадь, забитую людьми и уставленную космическими кораблями самых разнообразных конструкций. Я сошел с тротуара и стащил машину. Сначала я не понимал, что происходит. Играла музыка, произносились речи, тут и там, возвышаясь над толпой, кудрявые румяные юноши, с трудом управляясь с непокорными прядями волос, непрерывно падающими на лоб, проникновенно читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо скверные, но из глаз многочисленных слушателей обильно капали скупые мужские, горькие женские и светлые детские слезы. Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам. Поскольку многие были не одеты, хлопанье это напоминало аплодисменты. Два подтянутых лейтенанта с усталыми, но добрыми глазами протащили мимо меня лощеного мужчину, завернув ему руки за спину. Мужчина извивался и кричал что-то на ломаном английском. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в двигатель звездолета. Несколько мальчишек с томиками Шекспира, воровато озираясь, подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана. Толпа их не замечала.

Скоро я понял, что одна половина толпы расставалась с другой половиной. Это было что-то вроде тотальной мобилизации. Из речей и разговоров мне стало ясно, что мужчины отправлялись в космос — кто на Венеру, кто на Марс, а некоторые, с совсем уже отрешенными лицами, собирались к другим звездам и даже в центр Галактики. Женщины оставались их ждать. Многие занимали очередь в огромное уродливое здание, которое одни называли Пантеоном, а другие — Рефрижератором. Я подумал, что поспел вовремя. Опоздай я на час, и в городе остались бы только замороженные на тысячи лет женщины. Потом мое внимание привлекла высокая серая стена, отгораживающая площадь с запада. Из-за стены поднимались клубы черного дыма.

— Что это там? — спросил я красивую женщину в косынке, понуро бредущую к Пантеону-Рефрижератору.

— Железная Стена, — ответила она, не останавливаясь.

С каждой минутой мне становилось все скучнее и скучнее. Все вокруг плакали, ораторы уже охрипли. Рядом со мной юноша в голубом комбинезоне прощался с девушкой в розовом платье. Девушка монотонно говорила: «Я хотела бы стать астральной пылью, я бы космическим облаком обняла твой корабль...» Юноша внимал. Потом над толпой грянули сводные оркестры, нервы мои не выдержали, я прыгнул в седло и дал газ. Я еще успел заметить, как над городом с ревом взлетели звездолеты, планетолеты, астропланы, ионолеты, фотонолеты и астроматы, а затем все, кроме серой стены, заволочилось фосфоресцирующим туманом.

После двухтысячного года начались провалы во времени. Я летел через время, лишенное материи. В таких местах было темно, и только изредка за серой стеной вспыхивали взрывы и разгорались зарева. Время от времени город вновь обступал меня, и с каждым разом здания его становились выше, сферические купола становились все прозрачнее, а звездолетов на площади становилось все меньше. Из-за стены непрерывно поднимался дым.

Я остановился вторично, когда с площади исчез последний астромат. Тротуары двигались. Шумных парней в комбинезонах не было. Никто не чертыхался. По улицам по двое и по трое скромно прогуливались какие-то бесцветные личности, одетые либо странно, либо скудно. Насколько я понял, все говорили о науке. Кого-то намеревались оживлять, и профессор медицины, атлетически сложенный интеллигент, очень непривычно выглядевший в своей одинокой жилетке, растолковывал процедуру оживления верзиле биофизику, которого представлял всем встречным как автора, инициатора и главного исполнителя этой затеи. Где-то собирались провертеть дыру сквозь Землю. Проект обсуждался прямо на улице при большом скоплении народа, чертежи

рисовали мелком на стенах и на тротуаре. Я стал было слушать, но это оказалась такая скучища, да еще пересыпанная выпадами в адрес незнакомого мне консерватора, что я взвалил машину на плечи и пошел прочь. Меня не удивило, что обсуждение проекта сейчас же прекратилось и все занялись делом. Но зато, едва я остановился, начал разглагольствовать какой-то гражданин неопределенной профессии. Ни к селу ни к городу он повел речь о музыке. Сразу понабежали слушатели. Они смотрели ему в рот и задавали вопросы, свидетельствующие о дремучем невежестве. Вдруг по улице с криком побежал человек. За ним гнался паукообразный механизм. Судя по крикам преследуемого, это был «самопрограммирующийся кибернетический робот на триггерных куаторах с обратной связью, которые разладились и... Ой-ой, он меня сейчас расчленит!..» Странно, никто даже бровью не повел. Видимо, никто не верил в бунт машин.

Из переулка выскочили еще две паукообразные металлические машины, ростом поменьше и не такие свирепые на вид. Не успел я ахнуть, как одна из них быстро почистила мне ботинки, а другая выстирала и выгладила носовой платок. Подъехала большая белая цистерна на гусеницах и, мигая многочисленными лампочками, опрыскала меня духами. Я совсем было собрался уезжать, но тут раздался громовой треск и с неба на площадь свалилась громадная ржавая ракета. В толпе сразу заговорили:

— Это «Звезда Мечты»!

— Да, это она!

— Ну конечно, это она! Это она стартовала двести восемнадцать лет тому назад, о ней уже все забыли, но благодаря эйнштейновскому сокращению времени, происходящему от движения на субсветовых скоростях, экипаж постарел всего на два года!

— Благодаря чему? Ах, Эйнштейн... Да-да, помню. Я проходил это в школе во втором классе.

Из ржавой ракеты с трудом выбрался одноглазый человек без левой руки и правой ноги.

— Это Земля? — раздраженно спросил он.

— Земля! Земля! — откликнулись в толпе. На лицах начали расцветать улыбки.

— Слава богу, — сказал человек, и все переглянулись. То ли не поняли его, то ли сделали вид, что не понимают.

Увечный астролетчик стал в позу и разразился речью, в которой призывал все человечество поголовно лететь на планету Хош-ни-Хош системы звезды Эоэллы в Малом Магеллановом Облаке освободить братьев по разуму, стенающих (он так и сказал: стенающих) под властью свирепого кибернетического диктатора. Рев дюз заглушил его слова. На площадь спускались еще две ракеты, тоже ржавые. Из Пантеона-Рефрижератора побежали заиндевевшие женщины. Началась давка. Я понял, что попал в эпоху возвращений, и торопливо нажал на педаль.

Город исчез и долго не появлялся. Осталась стена, за которой с удручающим однообразием полыхали пожары и вспыхивали зарницы. Странное это было зрелище: совершенная пустота и только стена на западе. Но вот, наконец, разгорелся яркий свет, и я сейчас же остановился.

Вокруг расстилалась безлюдная цветущая страна. Колыхались хлеба. Бродили тучные стада, но культурных пастухов видно не было. На горизонте серебрились знакомые прозрачные купола, виадуки и спиральные спуски. Совсем рядом с запада по-прежнему возвышалась стена.

Кто-то тронул меня за колено, и я вздрогнул. Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами.

— Тебе что, малыш? — спросил я.

— Твой аппарат поврежден? — осведомился он мелодичным голосом.

— Взрослым надо говорить «вы», — сказал я наставительно.

Он очень удивился, потом лицо его просветлело.

— Ах да, припоминаю. Если мне не изменяет память, так было принято в Эпоху Принудительной Вежливости. Коль скоро обращение на «ты» дисгармонирует с твоим эмоциональным ритмом, я готов удовольствоваться любым ритмичным тебе обращением.

Я не нашелся, что ответить, и тогда он присел на корточки перед машиной, потрогал ее в разных местах и произнес несколько слов, которых я совершенно не понял. Славный это был мальчуган, очень чистенький, очень здоровый и ухоженный, но он показался мне слишком уж серьезным для своих лет.

За стеной оглушительно затрещало, и мы оба обернулись. Я увидел, как жуткая чешуйчатая лапа о восьми пальцах ухватила за гребень стены, напряглась, разжалась и исчезла.

— Слушай, малыш, — сказал я, — что это за стена?

Он обратил на меня серьезный застенчивый взгляд.

— Это так называемая Железная Стена, — ответил он. — К сожалению, мне неизвестна этимология обоих этих слов, но я знаю, что она разделяет два мира — Мир Гуманного Воображения и Мир Страх перед Будущим. — Он помолчал и добавил: — Этимология слова «страх» мне тоже неизвестна.

— Любопытно, — сказал я. — А нельзя ли посмотреть? Что это за Мир Страх?

— Конечно, можно. Вот коммуникационная амбразура. Удовлеть свое любопытство.

Коммуникационная амбразура имела вид низенькой арки, закрытой броневой дверцей. Я подошел и нерешительно взялся за щеколду. Мальчик сказал мне вслед:

— Не могу тебя не предупредить. Если там с тобой что-нибудь случится, тебе придется предстать перед Объединенным Советом Ста Сорока Миров.

Я приоткрыл дверцу. Тррах! Бах! Уау! Аи-и-и-и! Ду-ду-ду-ду-ду! Все пять моих чувств были травмированы одновременно. Я увидел красивую блондинку с неприличной татуировкой меж лопаток, голую и длинноногую, палившую из двух автоматических пистолетов в некрасивого bruneta, из которого при каждом попадании летели красные брызги. Я услышал грохот разрывов и душераздирающий рев чудовищ. Я обонял неопишувемый смрад гнилого горелого небелкового мяса. Раскаленный ветер недалекого ядерного взрыва опалил мое лицо, а на языке я ощутил отвратительный вкус рассеянной в воздухе протоплазмы. Я шарахнулся и судорожно захлопнул дверцу, едва не прищемив себе голову. Воздух показался мне сладким, а мир — прекрасным. Мальчик исчез. Некоторое время я приходил в себя, а потом вдруг испугался, что этот паршивец, чего доброго, побежал жаловаться в свой Объединенный Совет, и бросился к машине.

Снова сумерки беспространственного времени сомкнулись вокруг меня. Но я не отрывал глаз от Железной Стены, меня разбирало любопытство. Чтобы не терять времени даром, я прыгнул вперед сразу на миллион лет. Над стеной выросли заросли атомных грибов, и я обрадовался, когда по мою сторону стены снова забрезжил свет. Я затормозил и застонал от разочарования. Невдалеке высился громадный Пантеон-Рефрижератор. С неба спускался ржавый звездолет в виде шара. Вокруг было безлюдно, колыхались хлеба. Шар приземлился, из него вышел давешний пилот в голубом, а на пороге Пантеона появилась, вся в красных пятнах пролежней, девица в розовом. Они устремились друг к другу и взялись за руки. Я отвел глаза — мне стало неловко. Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то старикан и ловил из аквариума золотых рыбок. Голубой пилот и розовая девушка затаили речь.

Чтобы размять ноги, я сошел с машины и только тут заметил, что небо над стеной непривычно чистое. Ни грохота взрывов, ни треска выстрелов слышно не было. Я осмелел и направился к коммуникационной амбразуре.

По ту сторону стены простиралось совершенно ровное поле, рассеченное до самого горизонта глубоким рвом. Слева от рва не было видно ни одной живой души, поле там было покрыто низкими металлическими куполами, похожими на крышки канализационных люков. Справа от рва у самого горизонта гарцевали какие-то всадники.

Потом я заметил, что на краю рва сидит, свесив ноги, коренастый темнолицый человек в металлических доспехах. На груди у него на длинном ремне висело что-то вроде автомата с очень толстым стволом. Человек медленно жевал, поминутно сплевывая, и глядел на меня без особого интереса. Я, придерживая дверцу, тоже смотрел на него, не решаясь заговорить. Слишком уж у него был странный вид. Непривычный какой-то. Дикий. Кто его знает, что за человек.

Насмотревшись на меня, он достал из-под доспехов плоскую бутылку, вытащил зубами пробку, сосал из горлышка, снова сплюнул в ров и сказал хриплым голосом:

— Хэлло! Ю фром зэт сайд?¹

— Да, — ответил я. — То есть йес?²

— Энд хау из ит гоуинг он аут зэа?³

— Со-со, — сказал я, прикрывая дверь. — Энд хау из ит гоуинг он хиа?⁴

— Итс о'кэй⁵, — сказал он флегматично и замолчал.

Подождав некоторое время, я спросил, что он здесь делает. Сначала он отвечал неохотно, но потом разговорился. Оказалось, что слева от рва человечество доживает последние дни под пятой свирепых роботов. Роботы там сделались умнее людей, захватили власть, пользуются всеми благами жизни, а людей загнали под землю и поставили к конвейерам. Справа от рва, на территории, которую он охраняет, людей поработили пришельцы из соседствующей вселенной. Они тоже захватили власть, установили феодальные порядки и вовсю пользуются правом первой ночи. Живут эти пришельцы — дай бог всякому, но тем, кто у них в милости, тоже кое-что перепадает. А милях в двадцати отсюда, если идти вдоль рва, находится область, где людей поработили пришельцы с Альтаира, разумные вирусы, которые поселяются в теле человека и заставляют его делать, что им угодно. Еще дальше к западу находится большая колония Галактической Федерации. Люди там тоже поработаны, но живут не так уж плохо, потому что его превосходительство наместник кормит их на убой и вербует из них личную гвардию Его Величества Галактического Императора А-у 3562-го. Есть еще области, поработанные разумными паразитами, разумными растениями и разумными минералами, а также коммунистами. И наконец, за горами есть области, поработанные еще кем-то, но о них рассказывают разные сказки, которым серьезный человек верить не станет...

Тут наша беседа была прервана. Над равниной низко прошло несколько тарелкообразных летательных аппаратов. Из них, крутясь и кувыркаясь, посыпались бомбы. «Опять началось», — проворчал человек, лег ногами к взрывам, поднял автомат и открыл огонь по всадникам, гарцующим на горизонте. Я выскочил вон, захлопнул дверцу и, прислонившись к ней спиной, некоторое время слушал, как визжат, режут и грохочут бомбы. Пилот в голубом и девица в розовом на ступеньках Пантеона все никак не могли покончить со своим диалогом, а индифферентный старикан, выловивши всех рыбок, глядел на них и вытирал глаза платочком. Я еще раз осторожно заглянул в дверцу: над равниной медленно вспухали огненные шары разрывов. Металлические колпаки откидывались один за другим, из-под них лезли бледные, оборванные люди с бородами свирепыми лицами и с железными ломом наперевес. Моего недавнего собеседника наскочившие всадники в латах рубили в капусту длинными мечами, он орал и отмахивался автоматом. Вдоль рва прямо на меня полз, стреляя из пушек и пулеметов, огромный танк на трех гусеницах. Из радиоактивных туч снова вынырнули тарелкообразные аппараты...

Я закрыл дверцу и тщательно задвинул засов.

¹ Привет! Вы с той стороны? (англ.)

² Да (англ.).

³ Ну и как у вас там? (англ.)

⁴ Ничего. А здесь? (англ.)

⁵ Порядок (англ.).

Потом вернулся к машине и сел в седло. Мне хотелось слетать еще на миллионы лет вперед и посмотреть умирающую Землю, описанную Уэллсом. Но тут в машине впервые что-то застопорило: не выжималось сцепление. Я нажал раз, нажал другой, потом пнул педаль изо всех сил, что-то треснуло, зазвенело, колыхающиеся хлеба встали дыбом, и я словно проснулся. Я сидел на демонстрационном стенде в малом конференц-зале нашего института, и все с благоговением смотрели на меня.

— Что со сцеплением? — спросил я, озираясь в поисках машины. Машины не было. Я вернулся один.

— Это неважно! — закричал Луи Седловой. — Огромное вам спасибо! Вы меня просто выручили... А как было интересно, верно, товарищи?

Аудитория загудела в том смысле, что да, интересно.

— Но я все это где-то читал, — сказал с сомнением один из магистров в первом ряду.

— Ну а как же! А как же! — вскричал Л. Седловой. — Ведь он же был в описываемом будущем!

— Приключений маловато, — сказали в задних рядах игроки в функциональный морской бой. — Все разговоры, разговоры...

— Ну уж тут я ни при чем, — сказал Седловой решительно.

— Ничего себе — разговоры, — сказал я, слезая со стенда. Я вспомнил, как рубили моего темнолицего собеседника, и мне стало нехорошо.

— Нет, отчего же, — сказал какой-то бакалавр. — Попадаютя любопытные места. Вот эта вот машина... Помните? На тригенных куаторах... Это, знаете ли, да...

— Нуте-с? — сказал Пупков-Задний. — У нас уже, кажется, началось обсуждение. А может быть, у кого-нибудь есть вопросы к докладчику?

Дотошный бакалавр немедленно задал вопрос о полиходовой темпоральной передаче (его, видите ли, заинтересовал коэффициент объемного расширения), и я потихонечку удалился.

У меня было странное ощущение. Все вокруг казалось таким материальным, прочным, вещественным. Проходили люди, и я слышал, как скрипят у них башмаки, и чувствовал ветерок от их движений. Все были очень немногословны, все работали, все думали, никто не болтал, не читал стихов, не произносил пафосных речей. Все знали, что лаборатория — это одно, трибуна профсоюзного собрания — это совсем другое, а праздничный митинг — это совсем третье. И когда мне навстречу, шаркая подбитыми кожей валенками, прошел Выбегалло, я испытал к нему даже нечто вроде симпатии, потому что у него была своеобразная пшенная каша в бороде, потому что он ковырял в зубах длинным тонким гвоздем и, проходя мимо, не поздоровался. Он был живой, весомый и зримый хам, он не помавал руками и не принимал академических поз.

Я заглянул к Роману, потому что мне очень хотелось рассказать кому-нибудь о своем приключении. Роман, ухватившись за подбородок, стоял над лабораторным столом и смотрел на маленького зеленого попугая, лежащего в чашке Петри. Маленький зеленый попугай был дохлый, с глазами, затянутыми мертвой белесой пленкой.

— Что это с ним? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Роман. — Издох, как видишь.

— Откуда у тебя попугай?

— Сам поражаюсь, — сказал Роман.

— Может быть, он искусственный? — предположил я.

— Да нет, попугай как попугай.

— Опять, наверное, Витька на умклайдет сел.

Мы наклонились над попугаем и стали его внимательно рассматривать. На черной поджатой лапке у него было колечко.

— «Фотон», — прочитал Роман. — И еще какие-то цифры... «Девятнадцать ноль пять семьдесят три».

— Так, — сказал сзади знакомый голос.

Мы обернулись и подтянулись.

— Здравствуйте, — сказал У-Янус, подходя к столу. Он вышел из дверей своей лаборатории в глубине комнаты, и вид у него был какой-то усталый и очень печальный.

— Здравствуйте, Янус Полуэктович, — сказали мы хором со всей возможной почтительностью.

Янус увидел попугая и еще раз сказал: «Так». Он взял птичку в руки, очень бережно и нежно, погладил ее ярко-красный хохолок и тихо проговорил:

— Что же это ты, Фотончик?..

Он хотел сказать еще что-то, но взглянул на нас и промолчал. Мы стояли рядом и смотрели, как он по-стариковски медленно прошел в дальний угол лаборатории, откинул дверцу электрической печи и опустил туда зеленый трупик.

— Роман Петрович, — сказал он. — Будьте любезны, включите, пожалуйста, рубильник.

Роман повиновался. У него был такой вид, словно его осенила необычная идея. У-Янус, понутив голову, постоял немного над печью, старательно выскреб горячий пепел и, открыв форточку, высыпал его на ветер. Он некоторое время глядел в окно, потом сказал Роману, что ждет его у себя через полчаса, и ушел.

— Странно, — сказал Роман, глядя ему вслед.

— Что — странно? — спросил я.

— Все странно, — сказал Роман.

Мне тоже казалось странным и появление этого мертвого зеленого попугая, по-видимому, так хорошо известного Янусу Полуэктовичу, и какая-то слишком уж необычная церемония огненного погребения с развеиванием пепла по ветру, но мне не терпелось рассказать про путешествие в описываемое будущее, и я стал рассказывать. Роман слушал крайне рассеянно, смотрел на меня отрешенным взглядом, невпопад кивал, а потом вдруг, сказавши: «Продолжай, продолжай, я слушаю», полез под стол, вытащил оттуда корзинку для мусора и принялся копать в мятой бумаге и обрывках магнитофонной ленты. Когда я кончил рассказывать, он спросил:

— А этот Седловой не пытался путешествовать в описываемое настоящее? По-моему, это было бы гораздо забавнее...

Пока я обдумывал это предложение и радовался Романову остроумию, он перевернул корзинку и высыпал содержимое на пол.

— В чем дело? — спросил я. — Диссертацию потерял?

— Ты понимаешь, Сашка, — сказал он, глядя на меня невидящими глазами, — удивительная история. Вчера я чистил печку и нашел в ней обгорелое зеленое перо. Я выбросил его в корзинку, а сегодня его здесь нет.

— Чье перо? — спросил я.

— Ты понимаешь, зеленые птичьи перья в наших широтах попадают крайне редко. А попугай, которого только что сожгли, был зеленым.

— Что за ерунда, — сказал я. — Ты же нашел перо вчера.

— В том-то и дело, — сказал Роман, собирая мусор обратно в корзинку.

Глава третья

Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит за святочным подарком, или объявления о ваксе, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик.

Ч. Диккенс

«Алдан» чинили всю ночь. Когда я следующим утром явился в электронный зал, невыспавшиеся злые инженеры сидели на полу и неостроумно поносили Кристобая Хозевича. Они называли его скифом, варваром и гунном, дорвавшимся до кибернетики. Отчаяние их было так велико, что некоторое время они даже прислушивались к моим советам и пытались им следовать. Но потом пришел их главный — Саваоф Баалович Один, — и меня сразу отодвинули от машины. Я отошел в сторонку, сел за свой стол и стал наблюдать, как Саваоф Баалович вникает в суть разрушений.

Был он очень стар, но крепок и жилист, загорелый, с блестящей лысиной, с гладко выбритыми щеками, в ослепительно белом чесучовом костюме. К этому человеку все относились с большим пиететом. Я сам однажды видел, как он вполголоса выговаривал за что-то Модесту Матвеевичу, а грозный Модест стоял, льстиво склонившись перед ним, и приговаривал: «Слушаюсь... Виноват. Больше не повторится...» От Саваофа Бааловича исходила чудовищная энергия. Было замечено, что в его присутствии часы начинают спешить и распрямляются треки элементарных частиц, искривленные магнитным полем. И в то же время он не был магом. Во всяком случае, практикующим магом. Он не ходил сквозь стены, никогда никого не трансгрессировал и никогда не создавал своих дублей, хотя работал необычайно много. Он был главой отдела Технического Обслуживания, знал до тонкостей всю технику института и числился консультантом Китежградского завода маготехники. Кроме того, он занимался самыми неожиданными и далекими от его профессии делами.

Историю Саваофа Бааловича я узнал сравнительно недавно. В незапамятные времена С. Б. Один был ведущим магом земного шара. Кристобаль Хунта и Жиан Жиакомо были учениками его учеников. Его именем заклинали нечисть. Его именем опечатывали сосуды с джиннами. Царь Соломон писал ему восторженные письма и возводил в его честь храмы. Он казался всемогущим. И вот где-то в середине шестнадцатого века он воистину стал всемогущим. Проведя численное решение интегро-дифференциального уравнения Высшего Совершенства, выведенного каким-то титаном еще до ледникового периода, он обрел возможность творить любое чудо. Каждый из магов имеет свой предел. Некоторые неспособны вывести растительность на ушах. Другие владеют обобщенным законом Ломоносова — Лавуазье, но бессильны перед вторым принципом термодинамики. Третьи — их совсем немного — могут, скажем, останавливать время, но только в римановом пространстве и ненадолго. Саваоф Баалович стал всемогущ. Он мог все. И он ничего не мог. Потому что граничным условием уравнения Совершенства оказалось требование, чтобы чудо не причиняло никому вреда. Никакому разумному существу. Ни на Земле, ни в иной части Вселенной. А такого чуда никто, даже сам Саваоф Баалович, представить себе не мог. И С. Б. Один навсегда оставил магию и стал заведующим отделом Технического Обслуживания НИИЧАВО...

С его приходом дела инженеров живо пошли на лад. Движения их стали осмысленными, злобные остроты прекратились. Я достал папку с очередными делами и принялся было за работу, но тут пришла Стеллочка, очень милая курносая и сероглазая ведьмочка, практикантка Выбегаллы, и позвала меня делать очередную стенгазету. Мы со

Стеллой состояли в редколлегии, где писали сатирические стихи, басни и подписи под рисунками. Кроме того, я искусно рисовал почтовый ящик для заметок, к которому со всех сторон слетаются письма с крылышками. Вообще-то художником газеты был мой тезка Александр Иванович Дрозд, киномеханик, каким-то образом пробравшийся в институт. Но он был специалистом по заголовкам. Главным редактором газеты был Роман Ойра-Ойра, а его помощником — Володя Почкин.

— Саша, — сказала Стеллочка, глядя на меня честными серыми глазами. — Пойдем.

— Куда? — сказал я. Я знал куда.

— Газету делать.

— Зачем?

— Роман очень просит, потому что Кербер лает. Говорит, осталось два дня, а ничего не готово.

Кербер Псоевич Демин, товарищ завкадрами, был куратором нашей газеты, главным подгонялой и цензором.

— Слушай, — сказал я, — давай завтра, а?

— Завтра я не смогу, — сказала Стеллочка. — Завтра я улетаю в Сухуми. Павианов записывать. Выбегалло говорит, что надо жожака записать как самого ответственного... Сам он к жожаку подходить боится, потому что жожек ревнует. Пойдем, Саша, а?

Я вздохнул, сложил дела и пошел за Стеллочкой, потому что один я стихи сочинять не могу. Мне нужна Стеллочка. Она всегда дает первую строчку и основную идею, а в поэзии это, по-моему, самое главное.

— Где будем делать? — спросил я по дороге. — В месткоме?

— В месткоме занято, там прорабатывают Альфреда. За чай. А нас пустил к себе Роман.

— А о чем писать надо? Опять про баню?

— Про баню тоже есть. Про баню, про Лысую Гору. Хому Брута надо заклеить.

— Хома наш Брут — ужасный плут, — сказал я.

— И ты, Брут, — сказала Стеллочка.

— Это идея, — сказал я. — Это надо развить.

В лаборатории Романа на столе была разложена газета — огромный девственно чистый лист ватмана. Рядом с нею среди баночек с гуашью, пульверизаторов и заметок лежал живописец и киномеханик Александр Дрозд с сигаретой на губе. Рубашечка у него, как всегда, была расстегнута, и виднелся выпуклый волосатый животик.

— Здорово, — сказал я.

— Привет, — сказал Саня.

Гремела музыка — Саня крутил портативный приемник.

— Ну, что тут у вас? — сказал я, сгребая заметки.

Заметок было немного. Была передовая «Навстречу празднику». Была заметка Кербера Псоевича «Результаты обследования состояния выполнения распоряжения дирекции о трудовой дисциплине за период конец первого — начало второго квартала». Была статья профессора Выбегаллы «Наш долг — это долг перед подшефными городскими и районными хозяйствами». Была статья Володи Почкина «О всесоюзном совещании по электронной магии». Была заметка какого-то домового «Когда же продуют паровое отопление на четвертом этаже». Была статья председателя столового комитета «Ни рыбы, ни мяса» — шесть машинописных страниц через один интервал. Начиналась она словами: «Фосфор нужен человеку, как воздух». Была заметка Романа о работах отдела Недоступных Проблем. Для рубрики «Наши ветераны» была статья Кристобая Хунты «От Севильи до Гренады. 1547 г.». Было еще несколько маленьких заметок, в которых критиковалось: отсутствие надлежащего порядка в кассе взаимопомощи; наличие безалаберности в организации работы добровольной пожарной дружины; допущение азартных игр в виварии (писал Конек-Горбунок, проигравший в железку недельный овсяной паек Кошею Бессмертному). Было несколько карикатур. На одной изображался

Хома Брут, расхлюстанный и с лиловым носом. На другой высмеивалась баня — был нарисован голый синий человек, застывающий под ледяным душем.

— Ну и скучища! — сказал я. — А может, не надо стихов?

— Надо, — сказала Стеллочка со вздохом. — Я уже заметки и так и сяк раскладывала, все равно остается свободное место.

— А пусть Саня там чего-нибудь нарисует. Колосья какие-нибудь, расцветающие анютины глазки... А, Санька?

— Работайте, работайте, — сказал Дрозд. — Мне заголовок надо писать.

— Подумаешь, — сказал я. — Три слова написать.

— На фоне звездной ночи, — сказал Дрозд внушительно. — И ракету. И еще заголовки к статьям. А я не обедал еще. И не завтракал.

— Так сходи поешь, — сказал я.

— А мне не на что, — сказал он раздраженно. — Я магнитофон купил. В комиссионном. Вот вы тут ерундой занимаетесь, а лучше бы сделали мне пару бутербродов. С маслом и с вареньем. Или, лучше, десятку сотворите.

Я вынул рубль и показал ему издали.

— Вот заголовок напишешь — получишь.

— Насовсем? — живо сказал Саня.

— Нет. В долг.

— Ну, это все равно, — сказал он. — Только учти, что я сейчас умру. У меня уже начались спазмы. И холодеют конечности.

— Врет он все, — сказала Стеллочка. — Саша, давай вон за тот столик сядем и все стихи сейчас напишем.

Мы сели за отдельный столик и разложили перед собой карикатуры. Некоторое время мы смотрели на них в надежде, что нас осенит. Потом Стеллочка произнесла:

— Таких людей, как этот Брут, поберегись — они сопрут!

— Что сопрут? — спросил я. — Он разве что-нибудь спер?

— Нет, — сказала Стелла. — Он хулиганил и дрался. Это я для рифмы.

Мы снова подождали. Ничего, кроме «поберегись — они сопрут», в голову мне не лезло.

— Давай рассуждать логически, — сказал я. — Имеется Хома Брут. Он напился пьяный. Дрался. Что он еще делал?

— К девушкам приставал, — сказала Стелла. — Стекло разбил.

— Хорошо, — сказал я. — Еще?

— Выражался...

— Вот странно, — подал голос Саня Дрозд. — Я с этим Брутом работал в киновудке. Парень как парень. Нормальный...

— Ну? — сказал я.

— Ну и все.

— Ты рифму можешь дать на «Брут»? — спросил я.

— Прут.

— Уже было, — сказал я. — Сопрут.

— Да нет. Прут. Палка такая, которой секут.

Стелла сказала с выражением:

— Товарищ, пред тобою Брут. Возьмите прут, каким секут, секите Брута там и тут.

— Не годится, — сказал Дрозд. — Пропаганда телесных наказаний. Брут, прут, мнут, кнут... Все это телесные наказания.

— Помрут, — сказал я. — Или просто — мрут.

— Товарищ, пред тобою Брут, — сказала Стелла. — От слов его все мухи мрут.

— Это от ваших стихов все мухи мрут, — сказал Дрозд.

— Ты заголовок написал? — спросил я.

— Нет, — сказал Дрозд кокетливо.

— Вот и займись.

— Позорят славный институт, — сказала Стеллочка, — такие пьяницы, как Брут.

— Это хорошо, — сказал я. — Это мы дадим в конце. Запиши. Это будет мораль, свежая и оригинальная.

— Чего же в ней оригинального? — спросил простодушный Дрозд.

Я не стал с ним разговаривать.

— Теперь надо описать, — сказал я, — как он хулиганил. Скажем, так. Напился пьян, как павиан, за словом не полез в карман, был человек, стал хулиган.

— Ужасно, — сказала Стеллочка с отвращением.

Я подпер голову руками и стал смотреть на карикатуру. Дрозд, оттопырив зад, водил кисточкой по ватману. Ноги его в предельно узких джинсах были выгнуты дугой. Меня осенило.

— Коленками назад! — сказал я. — Песенка!

— «Сидел кузнечик маленький коленками назад», — сказала Стелла.

— Точно, — сказал Дрозд, не оборачиваясь. — И я ее знаю. «Все гости расползаются коленками назад», — пропел он.

— Подожди, подожди, — сказал я. Я чувствовал вдохновение. — Дерется и бранится он, и вот вам результат: влекут его в милицию коленками назад.

— Это ничего, — сказала Стелла.

— Понимаешь? — сказал я. — Еще пару строк, и чтобы везде был рефрен «коленками назад». Упился сверх кондиции... Погнался за девицею... Что-нибудь вроде этого.

— Отчаянно напился он, — сказала Стелла. — Сам черт ему не брат. В чужую дверь вломился он коленками назад.

— Блеск! — сказал я. — Записывай. А он вламывался?

— Вламывался, вламывался.

— Отлично! — сказал я. — Ну, еще одну строфу.

— Погнался за девицею коленками назад, — сказала Стелла задумчиво. — Первую строчку нужно...

— Амуниция, — сказал я. — Полиция. Амбиция. Юстиция.

— Ютится он, — сказала Стелла. — Стремится он. Не бриться и не мыться...

— Он, — добавил Дрозд. — Это верно. Это у вас получилась художественная правда. Сроду он не брился и не мылся.

— Может, вторую строчку придумаем? — предложила Стелла. — Назад — аппарат — автомат...

— Гад, — сказал я. — Рад.

— Мат, — сказал Дрозд. — Шах, мол, и мат.

Мы опять долго молчали, бессмысленно глядя друг на друга и шевеля губами. Дрозд постукивал кисточкой о края чашки с водой.

— Играет и резвится он, — сказал я наконец, — ругаясь, как пират. Погнался за девицею коленками назад.

— «Пират» — как-то... — сказала Стеллочка.

— Тогда: сам черт ему не брат.

— Это уже было.

— Где?.. Ах да, действительно было.

— Как тигра полосат, — предложил Дрозд.

Тут послышалось легкое царапанье, и мы обернулись. Дверь в лабораторию Януса Полуэктовича медленно отворялась.

— Смотри-ка! — изумленно воскликнул Дрозд, застывая с кисточкой в руке.

В щель вполз маленький зеленый попугай с ярким красным хохолком на макушке.

— Попугайчик! — воскликнул Дрозд. — Попугай! Цып-цып-цып-цып...

Он стал делать пальцами движения, как будто крошил хлеб на пол. Попугай глядел на нас одним глазом. Затем он разинул горбатый, как нос у Романа, черный клюв и хрипло выкрикнул:

— Р-реактор! Р-реактор! Дер-ритринитация! Надо выдер-ржать!

— Какой сла-авный! — воскликнула Стелла. — Саня, поймай его...

Дрозд двинулся было к попугаю, но остановился.

— Он же, наверное, кусается, — опасливо произнес он. — Вон клюв какой.

Попугай оттолкнулся от пола, взмахнул крыльями и как-то неловко запорхал по комнате. Я следил за ним с удивлением. Он был очень похож на того, вчерашнего. Родной единокровный брат-близнец. Полным-полно попугаев, подумал я.

Дрозд отмахнулся кисточкой.

— Еще долбанет, пожалуй, — сказал он.

Попугай сел на коромысло лабораторных весов, подергался, уравниваясь, и разборчиво крикнул:

— Пр-роксима Центавр-р-ра! Р-рубидий! Р-рубидий!

Потом он нахохлился, втянул голову и закрыл глаза пленкой. По-моему, он дрожал. Стелла быстро сотворила кусок хлеба с повидлом, отщипнула корочку и поднесла ему под клюв. Попугай не реагировал. Его явно лихорадило, и чашки весов, мелко трясясь, позвякивали о подставку.

— По-моему, он больной, — сказал Дрозд. Он рассеянно взял из рук Стеллы бутерброд и стал есть.

— Ребята, — сказал я, — кто-нибудь раньше видел в институте попугаев?

Стелла помотала головой. Дрозд пожал плечами.

— Что-то слишком много попугаев за последнее время, — сказал я. — И вчера вот тоже...

— Наверное, Янус экспериментирует с попугаями, — сказала Стелла. — Антигравитация или еще что-нибудь в этом роде...

Дверь в коридор отворилась, и толпой вошли Роман Ойра-Ойра, Витька Корнеев, Эдик Амперян и Володя Почкин. В комнате стало шумно. Корнеев, хорошо выпавшийся и очень бодрый, принялся листать заметки и громко издеваться над стилем. Могучий Володя Почкин, как замредактора исполняющий в основном полицейские обязанности, схватил Дрозда за толстый загривок, согнул его пополам и принялся тыкать носом в газету, приговаривая: «Заголовок где? Где заголовок, Дроздилло?» Роман потребовал от нас готовых стихов. А Эдик, не имевший к газете никакого отношения, прошел к шкафу и принялся с грохотом передвигать в нем разные приборы. Вдруг попугай заорал: «Овер-рсан! Овер-рсан!» — и все замерли.

Роман уставился на попугая. На лице его появилось давешнее выражение, словно его только что осенила необычная идея. Володя Почкин отпустил Дрозда и сказал: «Вот так штука, попугай!» Грубый Корнеев немедленно протянул руку, чтобы схватить попугая поперек туловища, но попугай вырвался, и Корнеев схватил его за хвост.

— Оставь, Витька! — закричала Стеллочка сердито. — Что за манера — мучить животных?

Попугай заорал. Все столпились вокруг него. Корнеев держал его как голубя, Стеллочка гладила по хохолку, а Дрозд нежно перебирал попугаю перья в хвосте. Роман посмотрел на меня.

— Любопытно, — сказал он. — Правда?

— Откуда он здесь взялся, Саша? — вежливо спросил Эдик.

Я мотнул головой в сторону лаборатории Януса.

— Зачем Янусу попугай? — осведомился Эдик.

— Ты это меня спрашиваешь? — сказал я.

— Нет, это вопрос риторический, — серьезно сказал Эдик.

— Зачем Янусу два попугая? — сказал я.

— Или три, — тихонько добавил Роман.

Корнеев обернулся к нам.

— А где еще? — спросил он, с интересом озираясь.

Попугай в его руке слабо трепыхался, пытаясь ущипнуть за палец.

— Отпусти ты его, — сказал я. — Видишь, ему нездоровится.

Корнеев отпихнул Дрозда и снова посадил попугая на весы. Попугай взъерошился и растопырил крылья.

— Бог с ним, — сказал Роман. — Потом разберемся. Где стихи?

Стелла быстро протараторила все, что мы успели сочинить. Роман почесал подбородок, Володя Почкин неестественно заржал, а Корнеев скомандовал:

— Расстрелять. Из крупнокалиберного пулемета. Вы когда-нибудь научитесь писать стихи?

— Пиши сам, — сказал я сердито.

— Я писать стихи не могу, — сказал Корнеев. — По натуре я не Пушкин. Я по натуре Белинский.

— Ты по натуре кадавр, — сказала Стелла.

— Пардон! — потребовал Витька. — Я желаю, чтобы в газете был отдел литературной критики. Я хочу писать критические статьи. Я вас всех раздолбаю! Я вам еще припомню ваше творение про дачи.

— Какое? — спросил Эдик.

Корнеев немедленно процитировал:

— «Я хочу построить дачу. Где? Вот главная задача! Только местный комитет не дает пока ответ». Было? Признавайтесь!

— Мало ли что, — сказал я. — У Пушкина тоже были неудачные стихи. Их даже в школьных хрестоматиях не полностью публикуют.

— А я знаю, — сказал Дрозд.

Роман повернулся к нему.

— У нас будет сегодня заголовок или нет?

— Будет, — сказал Дрозд. — Я уже букву «К» нарисовал.

— Какую «К»? При чем здесь «К»?

— А что, не надо было?

— Я сейчас умру, — сказал Роман. — Газета называется «За передовую магию». Покажи мне там хоть одну букву «К»!

Дрозд, уставясь в стену, пошевелил губами.

— Как же так? — сказал он наконец. — Откуда же я взял букву «К»? Была же буква «К»!

Роман рассвирепел и приказал Почкину разогнать всех по местам. Меня со Стеллой отдали под команду Корнеева. Дрозд лихорадочно принялся переделывать букву «К» в стилизованную букву «З». Эдик Амперян пытался улизнуть с психоэлектрометром, но был схвачен, скручен и брошен на починку пульверизатора, необходимого для создания звездного неба. Потом пришла очередь самого Почкина. Роман приказал ему перепечатывать заметки на машинке с одновременной правкой стиля и орфографии. Сам Роман принялся расхаживать по лаборатории, заглядывая всем через плечи.

Некоторое время работа кипела. Мы успели сочинить и забраковать ряд вариантов на банную тему: «В нашей бане завсегда льет холодная вода», «Кто до чистоты голодный, не удовлетворится водой холодной», «В институте двести душ, все хотят горячий душ» и так далее. Корнеев безобразно ругался, как настоящий литературный критик. «Учитесь у Пушкина! — втолковывал он нам. — Или хотя бы у Почкина. Рядом с вами сидит гений, а вы не способны даже подражать ему... «Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим...» Какая физическая сила заключена в этих строках! Какая ясность чувства!» Мы неумело отругивались. Саня Дрозд дошел до буквы «И» в слове «передовую». Эдик починил

пультверизатор и опробовал его на Романовых конспектах. Володя Почкин, изрыгая проклятья, искал на машинке букву «Ц». Все шло нормально. Потом Роман вдруг сказал:

— Саша, глянь-ка сюда.

Я посмотрел. Попугай с поджатыми лапками лежал под весами, и глаза его были затянuty белесоватой пленкой, а хохолок обвис.

— Помер, — сказал Дрозд жалостливо.

Мы снова столпились около попугая. У меня не было никаких особенных мыслей в голове, а если и были, то где-то в подсознании, но я протянул руку, взял попугая и осмотрел его лапы. И сейчас же Роман спросил меня:

— Есть?

— Есть, — сказал я.

На черной поджатой лапке было колечко из белого металла, и на колечке было выгравировано: «Фотон», и стояли цифры: «190573». Я растерянно поглядел на Романа. Наверное, у нас с ним был необычный вид, потому что Витька Корнеев сказал:

— А ну, рассказывайте, что вам известно.

— Расскажем? — спросил Роман.

— Бред какой-то, — сказал я. — Фокусы, наверное. Это какие-нибудь дубли.

Роман снова внимательно осмотрел трупик.

— Да нет, — сказал он. — В том-то все и дело. Это не дубль. Это самый что ни на есть оригинальный оригинал.

— Дай посмотреть, — сказал Корнеев.

Втроем с Володей Почкиным и с Эдиком они тщательнейшим образом исследовали попугая и единогласно объявили, что это не дубль и что они не понимают, почему это нас так трогает. «Возьмем, скажем, меня, — предложил Корнеев. — Я вот тоже не дубль. Почему это вас не поражает?»

Тогда Роман оглядел сгорающую от любопытства Стеллу, открывшего рот Володю Почкина, издевательски улыбающегося Витьку и рассказал им про все — про то, как позавчера он нашел в электрической печи зеленое перо и бросил его в корзину для мусора; и про то, как вчера этого пера в корзине не оказалось, но зато на столе (на этом самом столе) объявился мертвый попугай, точная копия вот этого, и тоже не дубль; и про то, что Янус попугая узнал, пожалел и сжег в упомянутой выше электрической печи, а пепел зачем-то выбросил в форточку.

Некоторое время никто ничего не говорил. Дрозд, рассказом Романа заинтересовавшийся слабо, пожимал плечами. На лице его было явственно видно, что он не понимает, из-за чего горит сыр-бор, и что, по его мнению, в этом учреждении случаются штучки и похлеще. Стеллочка тоже казалась разочарованной. Но тройка магистров поняла все очень хорошо, и на лицах их читался протест. Корнеев решительно сказал:

— Врете. Причем неумело.

— Это все-таки не тот попугай, — сказал вежливый Эдик. — Вы, наверное, ошиблись.

— Да тот, — сказал я. — Зеленый, с колечком.

— Фотон? — спросил Володя Почкин прокурорским голосом.

— Фотон. Янус его Фотончиком называл.

— А цифры? — спросил Володя.

— И цифры.

— Цифры те же? — спросил Корнеев грозно.

— По-моему, те же, — ответил я нерешительно, оглядываясь на Романа.

— А точнее? — потребовал Корнеев. Он прикрыл красной лапой попугая. —

Повтори, какие тут цифры?

— Девятнадцать... — сказал я. — Э-э... ноль два, что ли? Шестьдесят три.

Корнеев заглянул под ладонь.

— Врешь, — сказал он. — Ты? — обратился он к Роману.

— Не помню, — сказал Роман спокойно. — Кажется, не ноль три, а ноль пять.

— Нет, — сказал я. — Все-таки ноль шесть. Я помню, там такая закорючка была.

— Закорючка, — сказал Почкин презрительно. — Ше Холмсы! Нэ Пинкертоны!

Закон причинности им надоел...

Корнеев засунул руки в карманы.

— Это другое дело, — сказал он. — Я даже не настаиваю на том, что вы врете. Просто вы перепутали. Попугаи все зеленые, многие из них окольцованы, эта пара была из серии «Фотон». А память у вас дырявая. Как у всех стихоплетов и редакторов стенгазет.

— Дырявая? — осведомился Роман.

— Как терка.

— Как терка? — повторил Роман, странно усмехаясь.

— Как старая терка, — пояснил Корнеев. — Ржавая. Как сеть. Крупноячеистая.

Тогда Роман, продолжая странно улыбаться, вытащил из нагрудного кармана записную книжку и перелистал страницы.

— Итак, — сказал он, — крупноячеистая и ржавая. Посмотрим... Девятнадцать ноль пять семьдесят три, — прочитал он.

Магистры рванулись к попугаю и с сухим треском столкнулись лбами.

— Девятнадцать ноль пять семьдесят три, — упавшим голосом прочитал на кольце Корнеев. Это было очень эффектно. Стеллочка немедленно завизжала от удовольствия.

— Подумаешь, — сказал Дрозд, не отрываясь от заголовка. — У меня однажды совпал номер на лотерейном билете, и я побежал в сберкассеу получать автомобиль. А потом оказалось...

— Почему это ты записал номер? — сказал Корнеев, прищуриваясь на Романа. — Это у тебя привычка? Ты все номера записываешь? Может быть, у тебя и номер твоих часиков записан?

— Блестяще! — сказал Почкин. — Витька, ты молодец. Ты попал в самую точку. Роман, какой позор! Зачем ты отравил попугая? Как жестоко!

— Идиоты! — сказал Роман. — Что я вам — Выбегалло?

Корнеев подскочил к нему и осмотрел его уши.

— Иди к дьяволу! — сказал Роман. — Саша, ты только полюбуйся на них!

— Ребята, — сказал я укоризненно, — да кто же так шутит? За кого вы нас принимаете?

— А что остается делать? — сказал Корнеев. — Кто-то врет. Либо вы, либо все законы природы. Я верю в законы природы. Все остальное меняется.

Впрочем, он быстро скис, сел в сторонке и стал думать. Саня Дрозд спокойно рисовал заголовок. Стелла глядела на всех по очереди испуганными глазами. Володя Почкин быстро писал и зачеркивал какие-то формулы. Первым заговорил Эдик.

— Если даже никакие законы не нарушаются, — рассудительно сказал он, — все равно остается странным неожиданное появление большого количества попугаев в одной и той же комнате и подозрительная смертность среди них. Но я не очень удивлен, потому что не забываю, что имею дело с Янусом Полуэктовичем. Вам не кажется, что Янус Полуэктович сам по себе прелюбопытнейшая личность?

— Кажется, — сказал я.

— И мне тоже кажется, — сказал Эдик. — Чем он, собственно, занимается, Роман?

— Смотря какой Янус. У-Янус занимается связью с параллельными пространствами.

— Гм, — сказал Эдик. — Это нам вряд ли поможет.

— К сожалению, — сказал Роман. — Я вот тоже все время думаю, как связать попугаев с Янусом, и ничего не могу придумать.

— Но ведь он странный человек? — спросил Эдик.

— Да, несомненно. Начать с того, что их двое и он один. Мы к этому так привыкли, что не думаем об этом...

— Вот об этом я и хотел сказать. Мы редко говорим о Янусе, мы слишком уважаем его. А ведь наверняка каждый из нас замечал за ним хоть одну какую-нибудь странность.

— Странность номер один, — сказал я. — Любовь к умирающим попугаям.

— Пусть так, — сказал Эдик. — Еще?

— Сплетники, — сказал Дрозд с достоинством. — Вот я однажды просил у него в долг.

— Да? — сказал Эдик.

— И он мне дал, — сказал Дрозд. — А я забыл, сколько он мне дал. И теперь не знаю, что делать.

Он замолчал. Эдик некоторое время ждал продолжения, потом сказал:

— Известно ли вам, например, что каждый раз, когда мне приходилось работать с ним по ночам, ровно в полночь он куда-то уходил и через пять минут возвращался, и каждый раз у меня создавалось впечатление, что он так или иначе старается узнать у меня, чем мы тут с ним занимались до его ухода?

— Истинно так, — сказал Роман. — Я это знаю отлично. Я уже давно заметил, что именно в полночь у него начисто отшибает память. И он об этом своем дефекте прекрасно осведомлен. Он несколько раз извинялся и говорил, что это у него рефлекторное, связанное с последствиями сильной контузии.

— Память у него никуда не годится, — сказал Володя Почкин. Он смял листок с вычислениями и швырнул его под стол. — Он все время пристаёт, виделся ты с ним вчера или не виделся.

— И о чем беседовали, если виделся, — добавил я.

— Память, память, — пробормотал Корнеев нетерпеливо. — При чем здесь память? Не в этом дело. Что там у него с параллельными пространствами?..

— Сначала надо собрать факты, — сказал Эдик.

— Попугаи, попугаи, попугаи, — продолжал Витька. — Неужели это все-таки дубли?

— Нет, — сказал Володя Почкин. — Я просчитал. Это по всем категориям не дубль.

— Каждую полночь, — сказал Роман, — он идет вот в эту свою лабораторию и буквально на несколько минут запирается там. Один раз он вбежал туда так поспешно, что не успел закрыть дверь...

— И что? — спросила Стеллочка замирающим голосом.

— Ничего. Сел в кресло, посидел немножко и вернулся обратно. И сразу спросил, не беседовал ли я с ним о чем-нибудь важном.

— Я пошел, — сказал Корнеев, поднимаясь.

— И я, — сказал Эдик. — У нас сейчас семинар.

— И я, — сказал Володя Почкин.

— Нет, — сказал Роман. — Ты сиди и печатай. Назначаю тебя главным. Ты, Стеллочка, возьми Сашу и пиши стихи. А вот я пойду. Вернусь вечером, и чтобы газета была готова.

Они ушли, а мы остались делать газету. Сначала мы пытались что-нибудь придумать, но быстро утомились и поняли, что не можем. Тогда мы написали небольшую поэму об умирающем попугае.

Когда Роман вернулся, газета была готова, Дрозд лежал на столе и поглощал бутерброды, а Почкин объяснял нам со Стеллой, почему происшествие с попугаем совершенно невозможно.

— Молодцы, — сказал Роман. — Отличная газета. А какой заголовок! Какое бездонное звездное небо! И как мало опечаток!.. А где попугай?

Попугай лежал в чашке Петри, в той самой чашке и на том самом месте, где мы с Романом видели его вчера. У меня даже дух захватило.

- Кто его сюда положил? — осведомился Роман.
 — Я, — сказал Дрозд. — А что?
 — Нет, ничего, — сказал Роман. — Пусть лежит. Правда, Саша?
 Я кивнул.
 — Посмотрим, что с ним будет завтра, — сказал Роман.

Глава четвертая

Эта бедная старая невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит.

Р. Стивенсон

Однако завтра с самого утра мне пришлось заняться своими прямыми обязанностями. «Алдан» был починен и готов к бою, и, когда я пришел после завтрака в электронный зал, у дверей уже собралась небольшая очередь дублей с листками предлагаемых задач. Я начал с того, что мстительно прогнал дубля Кристобаля Хунты, написав на его листке, что не могу разобрать почерк. (Почерк у Кристобаля Хозевича был действительно неудобочитаем: Хунта писал по-русски готическими буквами.) Дубль Федора Симеоновича принес программу, составленную лично Федором Симеоновичем. Это была первая программа, которую составил сам Федор Симеонович без всяких советов, подсказок и указаний с моей стороны. Я внимательно просмотрел программу и с удовольствием убедился, что составлена она грамотно, экономно и не без остроумия. Я исправил некоторые незначительные ошибки и передал программу своим девочкам. Потом я заметил, что в очереди томится бледный и напуганный бухгалтер рыбозавода. Ему было страшно и неудобно, и я сразу принял его.

— Да неудобно как-то, — бормотал он, опасливо косясь на дублей. — Вот ведь товарищи ждут, раньше меня пришли...

— Ничего, это не товарищи, — успокоил я его.

— Ну граждане...

— И не граждане.

Бухгалтер совсем побелел и, склонившись ко мне, проговорил прерывающимся шепотом:

— То-то же я смотрю — не мигают оне... А вот этот в синем — он, по-моему, и не дышит...

Я уже отпустил половину очереди, когда позвонил Роман.

— Саша?

— Да.

— А попугая-то нет.

— Как так нет?

— А вот так.

— Уборщица выбросила?

— Спрашивал. Не только не выбрасывала, но и не видела.

— Может быть, домовые хамят?

— Это в лаборатории-то директора? Вряд ли.

— Н-да, — сказал я. — А может быть, сам Янус?

— Янус еще не приходил. И вообще, кажется, не вернулся из Москвы.

— Так как же это все понимать? — спросил я.

— Не знаю. Посмотрим.

Мы помолчали.

— Ты меня позовешь? — спросил я. — Если что-нибудь интересное...

— Ну конечно. Обязательно. Пока, дружище.

Я заставил себя не думать об этом попугае, до которого мне, в конце концов, не было никакого дела. Я отпустил всех дублей, проверил все программы и занялся гнусной задачкой, которая уже давно висела на мне. Эту гнусную задачу дали мне абсолютники. Сначала я им сказал, что она не имеет ни смысла, ни решения, как и большинство их задач. Но потом посоветовался с Хунтой, который в таких вещах разбирался очень тонко, и он мне дал несколько обнадеживающих советов. Я много раз обращался к этой задаче и снова ее откладывал, а вот сегодня добил-таки. Получилось очень изящно. Как раз когда я кончил и, блаженствуя, откинулся на спинку стула, оглядывая решение издали, пришел темный от злости Хунта. Глядя мне в ноги, голосом сухим и неприятным он осведомился, с каких это пор я перестал разбирать его почерк. Это чрезвычайно напоминает ему саботаж, сообщил он, в Мадриде в 1936 году за такие действия он приказывал ставить к стенке.

Я с умилением смотрел на него.

— Крестобаль Хозевич, — сказал я. — Я ее все-таки решил. Вы были совершенно правы. Пространство заклинаний действительно можно свернуть по любым четырем переменным.

Он поднял, наконец, глаза и посмотрел на меня. Наверное, у меня был очень счастливый вид, потому что он смягчился и проворчал:

— Позвольте посмотреть.

Я отдал ему листки, он сел рядом со мною, и мы вместе разобрали задачу с начала и до конца и с наслаждением просмаковали два изящнейших преобразования, одно из которых подсказал мне он, а другое нашел я сам.

— У нас с вами неплохие головы, Алехандро, — сказал наконец Хунта. — В нас есть артистичность мышления. Как вы находите?

— По-моему, мы молодцы, — сказал я искренне.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Это мы опубликуем. Это никому не стыдно опубликовать. Это не галоши-автостопы и не брюки-невидимки.

Мы пришли в отличное настроение и начали разбирать новую задачу Хунты, и очень скоро он сказал, что и раньше иногда считал себя побрекито, а в том, что я математически невежествен, убедился при первой же встрече. Я с ним горячо согласился и высказал предположение, что ему, пожалуй, пора уже на пенсию, а меня надо в три шеи гнать из института валить лес, потому что ни на что другое я не годен. Он возразил мне. Он сказал, что ни о какой пенсии не может быть и речи, что его надлежит пустить на удобрения, а меня на километр не подпускать к лесоразработкам, где определенный интеллектуальный уровень все-таки необходим, а назначить меня надо учеником младшего черпальщика в ассенизационном обозе при холерных бараках. Мы сидели, подперев головы, и предавались самоуничижению, когда в зал заглянул Федор Симеонович. Насколько я понял, ему не терпелось узнать мое мнение о составленной им программе.

— Программа! — желчно усмехнувшись, произнес Хунта. — Я не видел твоей программы, Теодор, но я уверен, что она гениальна по сравнению с этим... — Он с отвращением подал двумя пальцами Федору Симеоновичу листок со своей задачей. — Полюбуйся, вот образец убожества и ничтожества.

— Г-голубчики, — сказал Федор Симеонович озадаченно, разобравшись в почерках. — Это же п-проблема Бен Б-бецалея. К-калиостро же доказал, что она н-не имеет р-решения.

— Мы сами знаем, что она не имеет решения, — сказал Хунта, немедленно ошестиниваясь. — Мы хотим знать, как ее решать.

— К-как-то ты странно рассуждаешь, К-кресто... К-как же искать решение, к-когда его нет? Б-бессмыслица какая-то...

— Извини, Теодор, но это ты очень странно рассуждаешь. Бессмыслица — искать решение, если оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения

не имеет. Это глубоко принципиальный вопрос, который, как я вижу, тебе, прикладнику, к сожалению, не доступен. По-моему, я напрасно начал с тобой беседовать на эту тему.

Тон Кристобая Хозевича был необычайно оскорбителен, и Федор Симеонович рассердился.

— В-вот что, г-голубчик, — сказал он. — Я н-не могу дискутировать с т-тобой в этом тоне п-при молодом человеке. Т-ты меня удивляешь. Это н-неп-педагогично. Если тебе угодно п-продолжать, изволь выйти со мной в к-коридор.

— Изволь, — отвечал Хунта, распрямляясь как пружина и судорожно хватая у бедра несуществующий эфес.

Они церемонно вышли, гордо задрав головы и не глядя друг на друга. Девочки захихикали. Я тоже не особенно испугался. Я сел, обхватив руками голову, над оставленным листком и некоторое время краем уха слушал, как в коридоре могуче рокошет бас Федора Симеоновича, прорезаемый сухими гневными вскриками Кристобая Хозевича. Потом Федор Симеонович взревел: «Извольте пройти в мой кабинет!» — «Извольте!» — проскрежетал Хунта. Они были уже на «вы». И голоса удалились. «Дуэль! Дуэль!» — зашебетали девочки. О Хунте ходила лихая слава бретёра и забияки. Говорили, что он приводит противника в свою лабораторию, предлагает на выбор рапиры, шпаги или алебарды, а затем принимается а-ля Жан Маре скакать по столам и опрокидывать шкафы. Но за Федора Симеоновича можно было не беспокоиться. Было ясно, что в кабинете они в течение получаса будут мрачно молчать через стол, потом Федор Симеонович тяжело вздохнет, откроет погребец и наполнит две рюмки эликсиром Блаженства. Хунта пошевелит ноздрями, закрутит ус и выпьет. Федор Симеонович незамедлительно наполнит рюмки вновь и крикнет в лабораторию свежих огурчиков.

В это время позвонил Роман и странным голосом сказал, чтобы я немедленно поднялся к нему. Я побежал наверх.

В лаборатории были Роман, Витька и Эдик. Кроме того, в лаборатории был зеленый попугай. Живой. Он сидел, как и вчера, на коромысле весов, рассматривал всех по очереди то одним, то другим глазом, копался клювом в перьях и чувствовал себя, по-видимому, превосходно. Ученые, в отличие от него, выглядели неважно. Роман, понурившись, стоял над попугаем и время от времени судорожно вздыхал. Бледный Эдик осторожно массировал себе виски с мучительным выражением на лице, словно его глодала мигрень. А Витька, верхом на стуле, раскачивался как мальчик, играющий в лошадки, и неразборчиво бормотал, лихорадочно тараща глаза.

— Тот самый? — спросил я вполголоса.

— Тот самый, — сказал Роман.

— Фотон? — Я тоже почувствовал себя неважно.

— Фотон.

— И номер совпадает?

Роман не ответил. Эдик сказал болезненным голосом:

— Если бы мы знали, сколько у попугаев перьев в хвосте, мы могли бы их пересчитать и учесть то перо, которое было потеряно позавчера.

— Хотите, я за Бремом сбегаю? — предложил я.

— Где покойник? — спросил Роман. — Вот с чего нужно начинать! Слушайте, детективы, где труп?

— Тр-руп! — рявкнул попугай. — Цер-ремония! Тр-руп за бор-рт! Р-рубидий!

— Черт знает что он говорит, — сказал Роман с сердцем.

— Труп за борт — это типично пиратское выражение, — пояснил Эдик.

— А рубидий?

— Р-рубидий! Резер-рв! Огр-ромен! — сказал попугай.

— Резервы рубидия огромны, — перевел Эдик. — Интересно, где?

Я наклонился и стал разглядывать колечко.

— А может быть, это все-таки не тот?

- А где тот? — спросил Роман.
- Ну, это другой вопрос, — сказал я. — Все-таки это проще объяснить.
- Объясни, — предложил Роман.
- Подожди, — сказал я. — Давай сначала решим вопрос: тот или не тот?
- По-моему, тот, — сказал Эдик.
- А по-моему, не тот, — сказал я. — Вот здесь на колечке царапина, где тройка...
- Тр-ройка! — произнес попугай. — Тр-ройка! Кр-руче впр-раво! Смер-рч!

Смер-рч!

Витька вдруг встрепенулся.

— Есть идея, — сказал он.

— Какая?

— Ассоциативный допрос.

— Как это?

— Погодите. Сядьте все, молчите и не мешайте. Роман, у тебя есть магнитофон?

— Есть диктофон.

— Давай сюда. Только все молчите. Я его сейчас расколю, прохвоста. Он у меня все скажет.

Витька подтащил стул, сел с диктофоном в руке напротив попугая, нахохлился, посмотрел на попугая одним глазом и гаркнул:

— Р-рубидий!

Попугай вздрогнул и чуть не свалился с весов. Помахав крыльями, чтобы восстановить равновесие, он отозвался:

— Р-резерв! Кр-ратер Р-ричи!

Мы переглянулись.

— Р-резерв! — гаркнул Витька.

— Огр-ромен! Гр-руды! Гр-руды! Р-ричи пр-рав! Р-ричи пр-рав! Р-роботы!

Р-роботы!

— Роботы!

— Кр-рах! Гор-рят! Атмосфер-ра гор-рит! Пр-рочь! Др-рамба, пр-рочь!

— Драмба!

— Р-рубидий! Р-резерв!

— Рубидий!

— Р-резерв! Кр-ратер Р-ричи!

— Замыкание, — сказал Роман. — Круг.

— Погоди, погоди, — бормотал Витька. — Сейчас...

— Попробуй что-нибудь из другой области, — посоветовал Эдик.

— Янус! — сказал Витька.

Попугай открыл клюв и чихнул.

— Я-нус, — повторил Витька строго.

Попугай задумчиво смотрел в окно.

— Буквы «р» нет, — сказал я.

— Пожалуй, — сказал Витька. — А ну-ка... Невстр-руев!

— Пер-рехожу на пр-рием! — сказал попугай. — Чар-родей! Чар-родей! Говор-рит

Кр-рыло, говор-рит Кр-рыло!

— Это не пиратский попугай, — сказал Эдик.

— Спроси его про труп, — попросил я.

— Труп, — неохотно сказал Витька.

— Цер-ремония погр-ребения! Вр-ремя огр-раничено! Р-речь! Р-речь! Тр-репотня!

Р-работать! Р-работать!

— Любопытные у него были хозяева, — сказал Роман. — Что же нам делать?

— Витя, — сказал Эдик. — У него, по-моему, космическая терминология. Попробуй что-нибудь простое, обыденное.

— Водородная бомба, — сказал Витька.

Попугай наклонил голову и почистил лапкой клюв.

— Паровоз! — сказал Витька.

Попугай промолчал.

— Да, не получается, — сказал Роман.

— Вот дьявол, — сказал Витька, — ничего не могу придумать обыденного с буквой «р». Стул, стол, потолок... Диван... О! Тр-ранслятор!

Попугай поглядел на Витьку одним глазом.

— Кор-рнеев, пр-рошу!

— Что? — спросил Витька. Впервые в жизни я видел, как Витька растерялся.

— Кор-рнеев гр-руб! Гр-руб! Пр-рекрасный р-работник! Дур-рак р-редкий!

Пр-релесь!

Мы захихикали. Витька посмотрел на нас и мстительно сказал:

— Ойр-ра-Ойр-ра!

— Стар-р, стар-р! — с готовностью откликнулся попугай. — Р-рад! Дор-рвался!

— Это что-то не то, — сказал Роман.

— Почему же не то? — сказал Витька. — Очень даже то... Пр-ривалов!

— Пр-ростодушный пр-роект! Пр-римитив! Тр-рудяга!

— Ребята, он нас всех знает, — сказал Эдик.

— Р-ребята, — отозвался попугай. — Зер-рнышко пер-рцу! Зер-ро! Зер-ро!

Гр-равитация!

— Амперян, — торопливо сказал Витька.

— Кр-рематорий! Безвр-ременно обор-рвалась! — сказал попугай, подумал и добавил: — Ампер-метр!

— Бессвязица какая-то, — сказал Эдик.

— Бессвязиц не бывает, — задумчиво сказал Роман.

Витька, щелкнув замочком, открыл диктофон.

— Лента кончилась, — сказал он. — Жаль.

— Знаете что, — сказал я, — по-моему, проще всего спросить у Януса. Что это за попугай, откуда он, и вообще...

— А кто будет спрашивать? — осведомился Роман.

Никто не вызвался. Витька предложил прослушать запись, и мы согласились. Все это звучало очень странно. При первых же словах из диктофона попугай перелетел на плечо Витьки и стал с видимым интересом слушать, вставляя иногда реплики вроде: «Др-рамба игнор-рирует ур-ран», «Пр-равильно» и «Кор-рнеев гр-руб, гр-руб, гр-руб!». Когда запись кончилась, Эдик сказал:

— В принципе, можно было бы составить лексический словарь и проанализировать его на машине. Но кое-что ясно и так. Во-первых, он всех нас знает. Это уже удивительно. Это значит, что он много раз слышал наши имена. Во-вторых, он знает про роботов. И про рубидий. Кстати, где употребляется рубидий?

— У нас в институте, — сказал Роман, — он, во всяком случае, нигде не употребляется.

— Это что-то вроде натрия, — сказал Корнеев.

— Рубидий — ладно, — сказал я. — Откуда он знает про лунные кратеры?

— Почему именно лунные?

— А разве на Земле горы называют кратерами?

— Ну, во-первых, есть кратер Аризона, а во-вторых, кратер — это не гора, а скорее дыра.

— Дыр-ра вр-ремени, — сообщил попугай.

— У него прелюбопытнейшая терминология, — сказал Эдик. — Я никак не могу назвать ее общеупотребительной.

— Да, — согласился Витька. — Если попугай все время находится при Янусе, то Янус занимается странными делами.

— Стр-ранный ор-рбитальный пер-реход, — сказал попугай.

— Янус не занимается космосом, — сказал Роман. — Я бы знал.

— Может быть, раньше занимался?

— И раньше не занимался.

— Роботы какие-то, — с тоской сказал Витька. — Кратеры... При чем здесь кратеры?

— Может быть, Янус читает фантастику? — предположил я.

— Вслух? Попугаю?

— Н-да...

— Венера, — сказал Витька, обращаясь к попугаю.

— Р-роковая стр-расть, — сказал попугай. Он задумался и пояснил: — Р-разбился.

Зр-ря.

Роман поднялся и стал ходить по лаборатории. Эдик лег щекой на стол и закрыл глаза.

— А как он здесь появился? — спросил я.

— Как вчера, — сказал Роман. — Из лаборатории Януса.

— Вы это сами видели?

— Угу.

— Я одного не понимаю, — сказал я. — Он умирал или не умирал?

— А мы откуда знаем? — сказал Роман. — Я не ветеринар. А Витька не орнитолог.

И вообще это, может быть, не попугай.

— А что?

— А я откуда знаю?

— Это может быть сложная наведенная галлюцинация, — сказал Эдик, не открывая глаз.

— Кем наведенная?

— Вот об этом я сейчас и думаю, — сказал Эдик.

Я надавил пальцем на глаз и посмотрел на попугая. Попугай раздвоился.

— Он раздваивается, — сказал я. — Это не галлюцинация.

— Я сказал: сложная галлюцинация, — напомнил Эдик.

Я надавил на оба глаза. Я временно ослеп.

— Вот что, — сказал Корнеев. — Я заявляю, что мы имеем дело с нарушением причинно-следственного закона. Поэтому выход один — все это галлюцинация, а нам нужно встать, построиться и с песнями идти к психиатру. Становись!

— Не пойду, — сказал Эдик. — У меня есть еще одна идея.

— Какая?

— Не скажу.

— Почему?

— Побьете.

— Мы тебя и так побьем.

— Бейте.

— Нет у тебя никакой идеи, — сказал Витька. — Это все тебе кажется. Айда к психиатру.

Дверь скрипнула, и в лабораторию из коридора вошел Янус Полуэктович.

— Так, — сказал он. — Здравствуйте.

Мы встали. Он обошел нас и по очереди пожал каждому руку.

— Фотончик опять здесь? — сказал он, увидя попугая. — Он вам не мешает, Роман Петрович?

— Мешает? — сказал Роман. — Мне? Почему он мешает? Он не мешает. Наоборот...

— Ну, все-таки каждый день... — начал Янус Полуэктович и вдруг осекся. — О чем это мы с вами вчера беседовали? — спросил он, потирая лоб.

— Вчера вы были в Москве, — сказал Роман с покорностью в голосе.

— Ах... да-да. Ну хорошо. Фотончик! Иди сюда!

Попугай, вспорхнув, сел Янусу на плечо и сказал ему на ухо:

— Пр-росо, пр-росо! Сахар-рок!

Янус Полуэктович нежно заулыбался и ушел в свою лабораторию. Мы обалдело посмотрели друг на друга.

— Пошли отсюда, — сказал Роман.

— К психиатру! К психиатру! — зловеще бормотал Корнеев, пока мы шли по коридору к нему на диван. — В кратер Ричи. Др-рамба! Сахар-рок!

Глава пятая

Фактов всегда достаточно — не хватает фантазии.

Д. Блохинцев

Витька составил на пол контейнеры с живой водой, мы повалились на диван-транслятор и закурили. Через некоторое время Роман спросил:

— Витька, а ты диван выключил?

— Да.

— Что-то мне в голову ерунда какая-то лезет.

— Выключил и заблокировал, — сказал Витька.

— Нет, ребята, — сказал Эдик, — а почему все-таки не галлюцинация?

— Кто говорит, что не галлюцинация? — спросил Витька. — Я же предлагаю — к психиатру.

— Когда я ухаживал за Майкой, — сказал Эдик, — я наводил такие галлюцинации, что самому страшно становилось.

— Зачем? — спросил Витька.

Эдик подумал.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, от восторга.

— Я спрашиваю: зачем кому-то наводить на нас галлюцинации? — сказал Витька.

— И потом, мы же не Майка. Мы, слава богу, магистры. Кто нас может одолеть? Ну, Янус. Ну, Киврин, Хунта. Может быть, Жиакомо еще.

— Вот Саша у нас слабоват, — извиняющимся тоном сказал Эдик.

— Ну и что? — спросил я. — Мне, что ли, одному мерещится?

— Вообще-то это можно было бы проверить, — задумчиво сказал Витька. — Если Сашку... того... этого...

— Но-но, — сказал я. — Вы мне это прекратите. Других способов нет, что ли? Надавите на глаз. Или дайте диктофон постороннему человеку. Пусть прослушает и скажет, есть там запись или нет.

Магистры жалостливо улыбнулись.

— Хороший ты программист, Саша, — сказал Эдик.

— Салака, — сказал Корнеев. — Личинка.

— Да, Сашенька, — вздохнул Роман. — Ты даже представить себе не можешь, я вижу, что такое настоящая, подробная, тщательно наведенная галлюцинация.

На лицах магистров появилось мечтательное выражение — видимо, их осенили сладкие воспоминания. Я смотрел на них с завистью. Они улыбались. Они жмурились. Они подмигивали кому-то. Потом Эдик вдруг сказал:

— Всю зиму у нее цвели орхидеи. Они пахли самым лучшим запахом, какой я только мог выдумать...

Витька очнулся.

— Берклеанцы, — сказал он. — Солипсисты немые. «Как ужасно мое представление!»

— Да, — сказал Роман. — Галлюцинации — это не предмет для обсуждения. Слишком простодушно. Мы не дети и не бабки. Не хочу быть агностиком. Какая там у тебя была идея, Эдик?

— У меня?.. Ах да, была. Тоже, в общем-то, примитив. Матрикаты.

— Гм, — сказал Роман с сомнением.

— А как это? — спросил я.

Эдик неохотно объяснил, что кроме известных мне дублей существуют еще матрикаты — точные, абсолютные копии предметов или существ. В отличие от дублей матрикат совпадает с оригиналом с точностью до атомной структуры. Различить их обычными методами невозможно. Нужны специальные установки, и вообще это очень сложная и трудоемкая работа. В свое время Бальзамо получил магистра-академика за доказательство матрикатной природы Филиппа Бурбона, известного в народе под прозвищем «Железная Маска». Этот матрикат Людовика Четырнадцатого был создан в тайных лабораториях иезуитов с целью захватить французский престол. В наше время матрикаты изготавливаются методом биостереографии а-ля Ришар Сэгюр.

Я не знал тогда, кто такой Ришар Сэгюр, но я сразу сказал, что идея о матрикатах может объяснить только необычайное сходство попугаев. И все. Например, остается по-прежнему непонятным, куда исчез вчерашний дохлый попугай.

— Да, это так, — сказал Эдик. — Я и не настаиваю. Тем более, что Янус не имеет никакого отношения к биостереографии.

— Вот именно, — сказал я смелее. — Тогда уж лучше предположить путешествие в описываемое будущее. Знаете? Как Луи Седловой.

— Ну? — сказал Корнеев без особого интереса.

— Просто Янус летает в какой-нибудь фантастический роман, забирает оттуда попугая и привозит сюда. Попугай сдохнет, он снова летит на ту же самую страницу и опять... Тогда понятно, почему попугаи похожи. Это один и тот же попугай, и понятно, почему у него такой научно-фантастический лексикон. И вообще, — продолжал я, чувствуя, что все получается не так уж глупо, — можно даже попытаться объяснить, почему Янус все время задает вопросы: он каждый раз боится, что вернулся не в тот день, в который следует... По-моему, я все здорово объяснил, а?

— А что, есть такой фантастический роман? — с любопытством спросил Эдик. — С попугаем?..

— Не знаю, — сказал я честно. — Но у них там в звездолетах всякие животные бывают. И кошки, и обезьяны, и дети... Опять же, на Западе существует обширнейшая фантастика, все не перечитаешь...

— Ну... во-первых, попугай из западной фантастики вряд ли станет говорить по-русски, — сказал Роман. — А главное, совершенно непонятно, каким образом эти космические попугаи — пусть даже из советской фантастики — могут знать Корнеева, Привалова и Ойру-Ойру...

— Я уже не говорю о том, — лениво сказал Витька, — что перебрасывать материальное тело в идеальный мир — это одно, а идеальное тело в материальный мир — это уже другое. Сомневаюсь я, чтобы нашелся писатель, создавший образ попугая, пригодный для самостоятельного существования в реальном мире.

Я вспомнил полупрозрачных изобретателей и не нашелся, что возразить.

— Впрочем, — благосклонно продолжал Витька, — наш Сашенция подает определенные надежды. В его идее ощущается некое благородное безумие.

— Не стал бы Янус сжигать идеального попугая, — убежденно сказал Эдик. — Ведь идеальный попугай даже протухнуть не может.

— А почему? — сказал вдруг Роман. — Почему мы так непоследовательны? Почему Седловой? С какой стати Янус будет повторять Л. Седлового? У Януса есть тема. У Януса есть своя проблематика. Янус занимается параллельными пространствами. Давайте исходить из этого!

— Давайте, — сказал я.

— Ты думаешь, что Янусу удалось связаться с каким-нибудь параллельным пространством? — спросил Эдик.

— Связь он наладил уже давно. Почему не предположить, что он пошел дальше? Почему не предположить, что он налаживает переброску материальных тел? Эдик прав, это матрикаты, это и должны быть матрикаты, потому что необходима гарантия полной идентичности перебрасываемого предмета. Режим переброски они подбирают, исходя из эксперимента. Первые две переброски были неудачны: попугаи дохли. Сегодня эксперимент, кажется, удался...

— Почему они говорят по-русски? — спросил Эдик. — И почему все-таки у попугаев такой лексикон?

— Значит, и там есть Россия, — сказал Роман. — Но там уже добывают рубидий в кратере Ричи.

— Сплошные натяжки, — сказал Витька. — Почему именно попугаи? Почему не собаки и не морские свинки? Почему не просто магнитофоны, наконец? И опять же, откуда эти попугаи знают, что Ойра-Ойра стар, а Корнеев — прекрасный работник?

— Грубый, — подсказал я.

— Грубый, но прекрасный. И куда все-таки девался дохлый попугай?

— Вот что, — сказал Эдик. — Так нельзя. Мы работаем как дилетанты. Как авторы любительских писем: «Дорогие ученые! У меня который год в подполе происходит подземный стук. Объясните, пожалуйста, как он происходит». Система нужна. Где у тебя бумага, Витя? Сейчас мы все распишем...

И мы расписали все красивым Эдиковым почерком.

Во-первых, мы приняли постулат, что происходящее не является галлюцинацией, иначе было бы просто неинтересно. Потом мы сформулировали вопросы, на которые искомая гипотеза должна была дать ответ. Эти вопросы мы разделили на две группы: группа «Попугай» и группа «Янус». Группа «Янус» была введена по настоянию Романа и Эдика, которые заявили, что всем нутром чуют связь между странностями Януса и странностями попугаев. Они не смогли ответить на вопрос Корнеева, каков физический смысл понятий «нутро» и «чувать», но подчеркнули, что Янус сам по себе представляет любопытнейший объект для исследования и что яблочко от яблони далеко не падает. Поскольку я своего мнения не имел, они оказались в большинстве, и окончательный список вопросов выглядел так.

Почему попугаи за номером один, два и три, наблюдавшиеся соответственно десятого, одиннадцатого и двенадцатого, похожи друг на друга до такой степени, что были приняты нами сначала за одного и того же?

Почему Янус сжег первого попугая, а также, вероятно, и того, который был перед первым (нулевого) и от которого осталось только перо?

Куда девалось перо?

Куда девался второй (издохший) попугай?

Как объяснить странный лексикон второго и третьего попугаев?

Как объяснить, что третий знает всех нас, в то время как мы видим его впервые?

(«Почему и от чего издохли попугаи?» — добавил было я, но Корнеев проворчал: «Почему и от чего первым признаком отравления является посинение трупа?» — и мой вопрос не записали.)

Что объединяет Януса и попугаев?

Почему Янус никогда не помнит, с кем и о чем он беседовал вчера?

Что происходит с Янусом в полночь?

Почему У-Янус имеет странную манеру говорить в будущем времени, в то время как А-Янусом ничего подобного не замечалось?

Почему их вообще двое, и откуда, собственно, пошла легенда, что Янус Полуэктович един в двух лицах?

После этого мы некоторое время старательно думали, поминутно заглядывая в листок. Я все надеялся, что меня вновь осенит благородное безумие, но мысли мои рассеивались, и я чем дальше, тем больше начинал склоняться к точке зрения Сани Дрозда: что в этом институте и не такие штучки вытворяются. Я понимал, что этот дешевый скептицизм есть попросту следствие моего невежества и непривычки мыслить категориями измененного мира, но это уже от меня не зависело. Все происходящее, рассуждал я, по-настоящему удивительно, только если считать, что эти три или четыре попугая — один и тот же попугай. Они действительно так похожи друг на друга, что вначале я был введен в заблуждение. Это естественно. Я математик, я уважаю числа, и совпадение номеров — в особенности шестизначных — для меня автоматически ассоциируется с совпадением пронумерованных предметов. Однако ясно, что это не может быть один и тот же попугай — тогда нарушался бы закон причинно-следственной связи, закон, от которого я совершенно не собирался отказываться из-за каких-то паршивых попугаев, да еще дохлых вдобавок. А если это не один и тот же попугай, то вся проблема мельчает. Ну, совпадают номера. Ну, кто-то незаметно от нас выбросил попугая. Ну, что там еще? Лексикон? Подумаешь, лексикон... Наверняка этому есть какое-нибудь очень простое объяснение. Я собрался было уже произнести по этому поводу речь, как вдруг Витька сказал:

— Ребята, кажется, я догадываюсь.

Мы не сказали ни слова. Мы только повернулись к нему — одновременно и с шумом. Витька встал.

— Это просто, как блин, — сказал он. — Это тривиально. Это плоско и банально. Это даже неинтересно рассказывать...

Мы медленно поднимались. У меня было такое ощущение, будто я читаю последние страницы захватывающего детектива. Весь мой скептицизм как-то сразу испарился.

— Контрамоция! — изрек Витька.

Эдик лег.

— Хорошо! — сказал он. — Молодец!

— Контрамоция? — сказал Роман. — Что ж... Ага... — Он завертел пальцами. — Так... Угу... А если так?.. Да, тогда понятно, почему он нас всех знает... — Роман сделал широкий приглашающий жест. — Идут, значит, оттуда...

— И поэтому он спрашивает, о чем беседовал вчера, — подхватил Витька. — И фантастическая терминология...

— Да подождите вы! — завопил я. Последняя страница детектива оказалась написана по-арабски. — Подождите! Какая контрамоция?

— Нет, — сказал Роман с сожалением, и сейчас же по лицу Витьки стало ясно, что он тоже понял, что контрамоция не пойдет. — Не получается, — сказал Роман. — Это как кино... Представь себе кино...

— Какое кино?! — закричал я. — Помогите!!!

— Кино наоборот, — пояснил Роман. — Понимаешь? Контрамоция.

— Дрянь собачья, — расстроено сказал Витька и лег на диван носом в сложенные руки.

— Да, не получается, — сказал Эдик тоже с сожалением. — Саша, ты не волнуйся: все равно не получается. Контрамоция — это, по определению, движение по времени в обратную сторону. Как нейтрино. Но вся беда в том, что если бы попугай был контрамотом, он летал бы задом наперед и не умирал бы на наших глазах, а оживал бы... А вообще-то идея хорошая. Попугай-контрамот действительно мог бы знать кое-что о космосе. Он же живет из будущего в прошлое. А контрамот-Янус действительно не мог бы знать, что происходило в нашем «вчера». Потому что наше «вчера» было бы для него «завтра».

— В том-то и дело, — сказал Витька. — Я так и подумал: почему попугай говорил про Ойру-Ойру «стар»? И почему Янус иногда так ловко и в деталях предсказывает, что

будет завтра? Помнишь случай на полигоне, Роман? Напрашивалось, что они из будущего...

— Послушайте, а разве это возможно — контрамоция? — сказал я.

— Теоретически возможно, — сказал Эдик. — Ведь половина вещества во Вселенной движется в обратную сторону по времени. Практически же этим никто не занимался.

— Кому это нужно и кто это выдержит? — сказал Витька мрачно.

— Положим, это был бы замечательный эксперимент, — заметил Роман.

— Не эксперимент, а самопожертвование... — проворчал Витька. — Как хотите, а есть в этом что-то от контрамоции... Нутром чую.

— Ах, нутром!.. — сказал Роман, и все замолчали.

Пока они молчали, я лихорадочно суммировал, что же мы имеем на практике. Если контрамоция теоретически возможна, значит, теоретически возможно нарушение причинно-следственного закона. Собственно, даже не нарушение, потому что закон этот остается справедливым в отдельности и для нормального мира, и для мира контрамота... А значит, можно все-таки предположить, что попугаев не три и не четыре, а всего один, один и тот же. Что получается? Десятого с утра он лежитдохлый в чашке Петри. Затем его сжигают, превращают в пепел и развеивают по ветру. Тем не менее утром одиннадцатого он жив опять. Не только не испепелен, но цел и невредим. Правда, к середине дня он издыхает и снова оказывается в чашке Петри. Это чертовски важно! Я чувствовал, что это чертовски важно — чашка Петри... Единство места!.. Двенадцатого попугай опять жив и просит сахарок... Это не контрамоция, это не фильм, пущенный наоборот, но что-то от контрамоции здесь все-таки есть... Витька прав... Для контрамота ход событий таков: попугай жив, попугай умирает, попугая сжигают. С нашей точки зрения, если отвлечься от деталей, получается как раз наоборот: попугая сжигают, попугай умирает, попугай жив... Словофильм разрезали на три куска и показывают сначала третий кусок, потом второй, а потом уже первый... Какие-то разрывы непрерывности... Разрывы непрерывности... Точки разрыва...

— Ребята, — сказал я замирающим голосом, — а контрамоция обязательно должна быть непрерывной?

Некоторое время они не реагировали. Эдик курил, пуская дым в потолок, Витька неподвижно лежал на животе, а Роман бессмысленно смотрел на меня. Потом глаза его расширились.

— Полночь! — сказал он страшным шепотом.

Все вскочили.

Было так, точно я на кубковом матче забил решающий гол. Они бросались на меня, они слюнявили мои щеки, они били меня по спине и по шее, они повалили меня на диван и повалились сами. «Умница!» — вопил Эдик. «Голова!» — ревел Роман. «А я-то думал, что ты у нас дурак!» — приговаривал грубый Корнеев. Затем они успокоились, и дальше все пошло как по маслу.

Сначала Роман ни с того ни с сего заявил, что теперь он знает тайну Тунгусского метеорита. Он пожелал сообщить ее нам немедленно, и мы с радостью согласились, как ни парадоксально это звучит. Мы не торопились приступить к тому, что интересовало нас больше всего. Нет, мы совсем не торопились! Мы чувствовали себя гурманами. Мы не накидывались на яства. Мы вдыхали ароматы, мы закатывали глаза и чмокали, мы потирали руки, ходя вокруг, мы предвкушали...

— Давайте, наконец, внесем ясность, — вкрадчивым голосом начал Роман, — в запутанную проблему Тунгусского дива. До нас этой проблемой занимались люди, абсолютно лишенные фантазии. Все эти кометы, метеориты из антивещества, самовзрывающиеся атомные корабли, всякие там космические облака и квантовые генераторы — все это слишком банально, а значит далеко от истины. Для меня Тунгусский метеорит всегда был кораблем пришельцев, и я всегда полагал, что корабль не

могут найти на месте взрыва просто потому, что его там давно уже нет. До сегодняшнего дня я думал, что падение Тунгусского метеорита есть не посадка корабля, а его взлет. И уже эта черновая гипотеза многое объясняла. Идеи дискретной контрамоции позволяют покончить с этой проблемой раз и навсегда... Что же произошло тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года в районе Подкаменной Тунгуски? Примерно в середине июля того же года в околосолнечное пространство вторгся корабль пришельцев. Но это не были простые, безыскусные пришельцы фантастических романов. Это были контрамоты, товарищи! Люди, прибывшие в наш мир из другой вселенной, где время течет навстречу нашему. В результате взаимодействия противоположных потоков времени они из обыкновенных контрамотов, воспринимающих нашу Вселенную как фильм, пущенный наоборот, превратились в контрамотов дискретного типа. Природа этой дискретности нас пока не интересует. Важно другое. Важно то, что жизнь их в нашей Вселенной стала подчинена определенному ритмическому циклу. Если предположить для простоты, что единичный цикл был у них равен земным суткам, то существование их, с нашей точки зрения, выглядело бы так. В течение, скажем, первого июля они живут, работают и питаются совершенно как мы. Однако ровно, скажем, в полночь они вместе со своим оборудованием переходят не во второе июля, как это делаем мы, простые смертные, а в самое начало тридцатого июня, то есть не на мгновение вперед, а на двое суток назад, если рассуждать с нашей точки зрения. Точно так же в конце тридцатого июня они переходят не в первое июля, а в самое начало двадцать девятого июня. И так далее. Оказавшись в непосредственной близости от Земли, наши контрамоты с изумлением обнаружили, если не обнаружили этого еще раньше, что Земля совершает на своей орбите весьма странные скачки — скачки, чрезвычайно затрудняющие астронавигацию. Кроме того, находясь над Землей первого июля в нашем счете времени, они обнаружили в самом центре гигантского Евразийского материка мощный пожар, дым которого они наблюдали в могучие телескопы и раньше — второго, третьего и так далее июля в нашем счете времени. Катаклизм и сам по себе заинтересовал их, однако научное их любопытство было окончательно распалено, когда утром тридцатого июня — в нашем счете времени — они заметили, что никакого пожара нет и в помине, а под кораблем расстилается спокойное зеленое море тайги. Заинтригованный капитан приказал посадку в том самом месте, где он вчера — в его счете времени — своими глазами наблюдал эпицентр огненной катастрофы. Дальше пошло как полагается. Защелкали тумблеры, замерцали экраны, загрели планетарные двигатели, в которых взрывался ка-гамма-плазмоин...

— Как-как? — спросил Витька.

— Ка-гамма-плазмоин. Или, скажем, мю-дельта-ионопласт. Корабль, окутанный пламенем, рухнул в тайгу и, естественно, зажег ее. Именно эту картину и наблюдали крестьяне села Карелинского и другие люди, вошедшие впоследствии в историю как очевидцы. Пожар был ужасен. Контрамоты выглянули было наружу, затрепетали и решили переждать за тугоплавкими и жаростойкими стенами корабля. До полуночи они с трепетом прислушивались к свирепому реву и треску пламени, а ровно в полночь все вдруг стихло. И не удивительно. Контрамоты вступили в свой новый день — двадцать девятое июня по нашему времяисчислению. И когда отважный капитан с огромными предосторожностями решился около двух часов ночи высунуться наружу, он увидел в свете мощных прожекторов спокойно качающиеся сосны и тут же подвергся нападению тучи мелких кровососущих насекомых, известных под названием гнуса или мошки в нашей терминологии.

Роман перевел дух и оглядел нас. Нам очень нравилось. Мы предвкушали, как точно так же разделаем под орех тайну попугая.

— Дальнейшая судьба пришельцев-контрамотов, — продолжал Роман, — не должна нас интересовать. Может быть, числа пятнадцатого июня они тихо и бесшумно, используя на этот раз ничего не воспламеняющую альфа-бета-гамма-антигравитацию, снялись со странной планеты и вернулись домой. Может быть, они все до одного погибли,

отравленные комариной слюной, а их космический корабль еще долго торчал на нашей планете, погружаясь в пучину времени, и на дне силурийского моря по нему ползали трилобиты. Не исключено также, что где-нибудь в девятьсот шестом или, скажем, в девятьсот первом году набрел на него таежный охотник и долго потом рассказывал об этом приятелям, которые, как и следует быть, ни на грош ему не верили. Заканчивая свое небольшое выступление, я позволю себе выразить сочувствие славным исследователям, которые тщетно пытались обнаружить что-нибудь в районе Подкаменной Тунгуски. Завороженные очевидностью, они интересовались только тем, что происходило в тайге после взрыва, и никто из них не попытался узнать, что там было до. Дикси¹.

Роман откашлялся и выпил кружку живой воды.

— У кого есть вопросы к докладчику? — осведомился Эдик. — Нет вопросов? Превосходно. Вернемся к нашим попугаям. Кто просит слово?

Слово просили все. И все заговорили. Даже Роман, который слегка охрип. Мы рвали друг у друга листочек со списком вопросов и вычеркивали вопросы один за другим, и через какие-нибудь полчаса была составлена исчерпывающе ясная и детально разработанная картина наблюдаемого явления.

В тысяча восемьсот сорок первом году в семье небогатого помещика и отставного армейского прапорщика Полуэкта Хрисанфовича Невструева родился сын. Назвали его Янусом в честь дальнего родственника Януса Полуэктовича Невструева, точно предсказавшего пол, а также день и даже час рождения младенца. Родственник этот, тихий скромный старичок, переехал в поместье отставного прапорщика вскоре после наполеоновского нашествия, жил во флигеле и предавался ученым занятиям. Был он чудаковат, как и полагается ученым людям, со многими странностями, однако привязался к своему крестнику всей душой и не отходил от него ни на шаг, настойчиво внедряя в него познания из математики, химии и других наук. Можно сказать, что в жизни младшего Януса не было ни одного дня без Януса-старшего, и, верно, потому он не замечал того, чему дивились другие: старик не только не дряхлел с годами, но, напротив, становился как будто бы даже сильнее и бодрее. К концу столетия старый Янус посвятил младшего в окончательные тайны аналитической, релятивистской и обобщенной магии. Они продолжали жить и трудиться бок о бок, участвуя во всех войнах и революциях, претерпевая более или менее мужественно все превратности истории, пока не попали, наконец, в Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства...

Откровенно говоря, вся эта вводная часть являлась сплошной литературой. О прошлом Янусов мы достоверно знали только тот факт, что родился Я. П. Невструев седьмого марта тысяча восемьсот сорок первого года. Каким образом и когда Я. П. Невструев стал директором института, нам было совершенно неизвестно. Мы не знали даже, кто первый догадался и проговорился о том, что У-Янус и А-Янус — один человек в двух лицах. Я узнал об этом у Ойры-Ойры и поверил, потому что понять не мог. Ойра-Ойра узнал от Жиакомо и тоже поверил, потому что был молод и восхищен. Корнееву рассказала об этом уборщица, и Корнеев тогда решил, что сам факт настолько тривиален, что о нем не стоит и размышлять. А Эдик слышал, как об этом разговаривали Саваоф Баалович и Федор Симеонович. Эдик был тогда младшим препаратором и верил вообще во все, кроме бога.

Итак, прошлое Янусов представлялось нам весьма приблизительно. Зато будущее мы знали совершенно точно. А-Янус, который сейчас занят больше институтом, чем наукой, в недалеком будущем чрезвычайно увлечется идеей практической контрамощии. Он посвятит ей всю жизнь. Он заведет себе друга — маленького зеленого попугая по имени Фотон, которого подарят ему знаменитые русские космолетчики. Это случится девятнадцатого мая не то тысяча девятьсот семьдесят третьего, не то две тысячи семьдесят третьего года — именно так хитроумный Эдик расшифровал таинственный

¹ Дикси (dixi) — Я сказал (*лат.*).

номер 190573 на кольце. Вероятно, вскорости после этого А-Янус добьется, наконец, решительного успеха и превратит в контрамота и самого себя, и попугая Фотона, который в момент эксперимента будет, конечно, сидеть у него на плече и просить сахарок. Именно в этот момент, если мы хоть что-нибудь понимаем в контрамоции, человеческое будущее лишится Януса Полуэктовича Невструева, но зато человеческое прошлое обретет сразу двух Янусов, ибо А-Янус превратится в У-Януса и заскользит назад по оси времени. Они будут встречаться каждый день, но ни разу в жизни А-Янусу не придет в голову что-либо заподозрить, потому что ласковое морщинистое лицо У-Януса, своего дальнего родственника и учителя, он привык видеть с колыбели. И каждую полночь, ровно в ноль часов ноль-ноль минут ноль-ноль секунд ноль-ноль терций по местному времени А-Янус будет, как и все мы, переходить из сегодняшней ночи в завтрашнее утро, тогда как У-Янус и его попугай в тот же самый момент, за мгновение, равное одному микрокванту времени, будет переходить из нашей сегодняшней ночи в наше вчерашнее утро.

Вот почему попугаи за номером один, два и три, наблюдавшиеся соответственно десятого, одиннадцатого и двенадцатого, были так похожи друг на друга: они были просто одним и тем же попугаем. Бедный старый Фотон! Может быть, его одолела старость, а может быть, его прохватил сквозняк, но он заболел и прилетел умирать на любимые весы в лаборатории Романа. Он умер, и его огорченный хозяин устроил ему огненное погребение и развеял его пепел, и сделал это потому, что не знал, как ведут себя мертвые контрамоты. А может быть, именно потому, что знал. Мы, естественно, наблюдали весь этот процесс как кино с переставленными частями. Девятого Роман находит в печке уцелевшее перо Фотона. Труп Фотона уже нет, он сожжен завтра. Завтра, десятого, Роман находит его в чашке Петри. У-Янус находит покойника тогда же и там же и сжигает его в печи. Сохранившееся перо остается в печи до конца суток и в полночь перескакивает в девятое. Одиннадцатого с утра Фотон жив, хотя уже болен. Он издыхает на наших глазах под весами (на которых он будет так любить сидеть теперь), и простодушный Саня Дрозд кладет его в чашку Петри, где покойник пролежит до полуночи, перескочит в утро десятого, будет найден там У-Янусом, сожжен, развеян по ветру, но перо его останется, пролежит до полуночи, перескочит в утро девятого, и там его найдет Роман. Двенадцатого с утра Фотон жив и бодр, он дает Корнееву интервью и просит сахарок, а в полночь перескочит в утро одиннадцатого, заболеет, умрет, будет положен в чашку Петри, в полночь перескочит в утро десятого, будет сожжен и развеян, но останется перо, которое в полночь перескочит в утро девятого, будет найдено Романом и брошено в мусорную корзину. Тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого и так далее Фотон, на радость всем нам, будет весел, разговорчив, и мы будем баловать его, кормить сахарком и зернышками перца, а У-Янус будет приходить и спрашивать, не мешает ли он нам работать. Применяя ассоциативный допрос, мы сможем узнать от него много любопытного относительно космической экспансии человечества и, несомненно, кое-что о нашем собственном, личном будущем.

Когда мы дошли до этого пункта рассуждений, Эдик вдруг помрачнел и заявил, что ему не нравятся намеки Фотона на его, Амперяна, безвременную смерть. Чуждый душевного такта Корнеев заметил на это, что любая смерть мага всегда безвременна и что тем не менее мы все там будем. И вообще, сказал Роман, может быть, он будет тебя любить сильнее всех нас и только твою смерть запомнит. Эдик понял, что у него еще есть шансы умереть позже нас, и настроение его улучшилось.

Однако разговор о смерти направил наши мысли в меланхолическое русло. Мы все, кроме Корнеева, конечно, вдруг начали жалеть У-Януса. Действительно, если подумать, положение его было ужасно. Во-первых, он являл собою образец гигантского научного бескорыстия, потому что практически был лишен возможности пользоваться плодами своих идей. Далее, у него не было никакого светлого будущего. Мы шли в мир разума и братства, он же с каждым днем уходил навстречу Николаю Кровавому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади и — кто знает? — может быть, навстречу

аракчеевщине, бироновщине, опричнине. И где-то в глубине времен, на вошеном паркете Санкт-Петербургской де Сиянс Академии его встретит в один скверный день коллега в напудренном парике — коллега, который вот уже неделю как-то странно к нему приглядывается — ахнет, всплеснет руками и с ужасом в глазах пробормочет: «Герр Нефструефф!.. Как ше это? Федь фчера ф «Федомостях» определенно писали, што фы скончались от удар...» И ему придется говорить что-то о брате-близнеце или о фальшивых слухах, зная и прекрасно понимая, что означает этот разговор...

— Бросьте, — сказал Корнеев. — Распустили слюни. Зато он знает будущее. Он уже побывал там, куда нам еще идти и идти. И он, может быть, прекрасно знает, когда мы все порем.

— Это совсем другое дело, — сказал грустно Эдик.

— Старику тяжело, — сказал Роман. — Извольте относиться к нему поласковее и потеплее. Особенно ты, Витька. Вечно ты ему хамишь.

— А чего он ко мне пристаёт? — огрызнулся Витька. — О чем беседовали да где виделись...

— Вот теперь ты знаешь, чего он к тебе пристаёт, и веди себя прилично.

Витька насупился и стал демонстративно рассматривать листок со списком вопросов.

— Надо объяснять ему все поподробнее, — сказал я. — Все, что сами знаем. Надо постоянно предсказывать ему его ближайшее будущее.

— Да, черт возьми! — сказал Роман. — Он этой зимой ногу сломал. На гололеде.

— Надо предотвратить, — решительно сказал я.

— Что? — спросил Роман. — Ты понимаешь, что ты говоришь? Она у него уже давно срослась...

— Но она у него еще не сломана, — возразил Эдик.

Несколько минут мы пытались все сообразить. Витька вдруг сказал:

— Постойте-ка! А это что такое? Один вопрос у нас, ребята, не вычеркнут...

— Какой?

— Куда девалось перо?

— Ну как — куда? — сказал Роман. — Перенеслось в восьмое. А восьмого я как раз печку включал, расплав делал...

— Ну и что из этого?

— Да, ведь я же его бросил в корзинку... Восьмого, седьмого, шестого я его не видел... Гм... Куда же оно делось?

— Уборщица выбросила, — предположил я.

— Вообще об этом интересно подумать, — сказал Эдик. — Предположим, что его никто не сжег. Как оно должно выглядеть в веках?

— Есть вещи поинтереснее, — сказал Витька. — Например, что происходит с ботинками Януса, когда он доносит их до дня их изготовления на фабрике «Скорород»? И что бывает с пищей, которую он съедает за ужином? И вообще...

Но мы были уже слишком утомлены. Мы еще немного поспорили, потом пришел Саня Дрозд, вытеснил нас, спорящих, с дивана, включил свою «Спидолу» и стал просить два рубля. «Ну дайте», — ныл он. «Да нет у нас», — отвечали мы ему. «Ну, может, последние есть... Дали бы!..» Спорить стало невозможно, и мы решили идти обедать.

— В конце концов, — сказал Эдик, — наша гипотеза не так уж и фантастична. Может быть, судьба У-Януса гораздо удивительнее.

Очень может быть, подумали мы и пошли в столовую.

Я забежал на минутку в электронный зал сообщить, что ухожу обедать. В коридоре я налетел на У-Януса, который внимательно на меня посмотрел, улыбнулся почему-то и спросил, не виделись ли мы с ним вчера.

— Нет, Янус Полуэктович, — сказал я. — Вчера мы с вами не виделись. Вчера вас в институте не было. Вы вчера, Янус Полуэктович, прямо с утра улетели в Москву.

— Ах да, — сказал он. — Я запомнил.

Он так ласково улыбнулся мне, что я решил. Это было немножко нагло, конечно, но я твердо знал, что последнее время Янус Полуэктович относился ко мне хорошо, а значит, никакого особенного инцидента у нас с ним сейчас произойти не могло. И я спросил вполголоса, осторожно оглядевшись:

— Янус Полуэктович, разрешите, я вам задам один вопрос?

Подняв брови, он некоторое время внимательно смотрел на меня, а потом, видимо вспомнив что-то, сказал:

— Пожалуйста, прошу вас. Только один?

Я понял, что он прав. Все это никак не влезало в один вопрос. Случится ли война? Выйдет ли из меня толк? Найдут ли рецепт всеобщего счастья? Умрет ли когда-нибудь последний дурак?.. Я сказал:

— Можно, я зайду к вам завтра с утра?

Он покачал головой и, как мне показалось, с некоторым злорадством ответил:

— Нет. Это никак невозможно. Завтра с утра вас, Александр Иванович, вызовет Китежградский завод, и мне придется дать вам командировку.

Я почувствовал себя глупо. Было что-то унижительное в этом детерминизме, обрекавшем меня, самостоятельного человека со свободой воли, на совершенно определенные, не зависящие теперь от меня дела и поступки. И речь шла совсем не о том, хотелось мне ехать в Китежград или не хотелось. Теперь я не мог ни умереть, ни заболеть, ни закапризничать («вплоть до увольнения!»), я был обречен, и впервые я понял ужасный смысл этого слова. Я всегда знал, что плохо быть обреченным, например, на казнь или слепоту. Но быть обреченным даже на любовь самой славной девушки в мире, на интереснейшее кругосветное путешествие и на поездку в Китежград (куда я, кстати, рвался уже три месяца) тоже, оказывается, может быть крайне неприятно. Знание будущего представилось мне совсем в новом свете...

— Плохо читать хорошую книгу с конца, не правда ли? — сказал Янус Полуэктович, откровенно за мной наблюдавший. — А что касается ваших вопросов, Александр Иванович, то... Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них... Вы это поймете, — сказал он убедительно. — Вы это обязательно поймете.

Позже я действительно это понял.

Но это уже совсем-совсем другая история.

Послесловие и комментарий

Краткое послесловие и комментарий и. о. заведующего вычислительной лабораторией НИИЧАВО младшего научного сотрудника А. И. Привалова

Предлагаемые очерки из жизни Научно-исследовательского института Чародейства и Волшебства не являются, на мой взгляд, реалистическими в строгом смысле этого слова. Однако они обладают достоинствами, которые выгодно отличают их от аналогичных по теме опусов Г. Проницательного и Б. Питомника и позволяют рекомендовать их широкому кругу читателей.

Прежде всего следует отметить, что авторы сумели разобраться в ситуации и отделить прогрессивное в работе института от консервативного. Очерки не вызывают того раздражения, которое испытываешь, читая восхищенные статьи о конъюнктурных фокусах Выбегаллы или восторженные переложения безответственных прогнозов сотрудников из отдела Абсолютного Знания. Далее, приятно отметить верное отношение авторов к магу, как к человеку. Маг для них — не объект опасливого восхищения и

преклонения, но и не раздражающий кинодурак, личность не от мира сего, которая постоянно теряет очки, не способна дать по морде хулигану и читает влюбленной девушке избранные места из «Курса дифференциального и интегрального исчисления». Все это означает, что авторы взяли верный тон. К достоинствам очерков можно отнести и то, что авторы дали институтские пейзажи с точки зрения новичка, а также не просмотрели весьма глубокого соотношения между законами административными и законами магическими. Что же касается недостатков очерков, то подавляющее большинство из них определяется изначальной гуманитарной направленностью авторов. Будучи профессиональными литераторами, авторы сплошь и рядом предпочитают так называемую художественную правду так называемой правде факта. И, будучи профессиональными литераторами, авторы, как и большинство литераторов, назойливо эмоциональны и прискорбно невежественны в вопросах современной магии. Никак не возражая против опубликования данных очерков, я тем не менее считаю необходимым указать на некоторые конкретные погрешности и ошибки.

1. Название очерков, как мне кажется, не вполне соответствует содержанию. Используя эту действительно распространенную у нас поговорку, авторы, видимо, хотели сказать, что маги работают непрерывно, даже когда отдыхают. Это в самом деле почти так и есть. Но в очерках этого не видно. Авторы излишне увлеклись нашей экзотикой и не сумели избежать соблазна дать побольше завлекательных приключений и эффектных эпизодов. Приключения духа, которые составляют суть жизни любого мага, почти не нашли отражения в очерках. Я, конечно, не считаю последней главы третьей части, где авторы хотя и попытались показать работу мысли, но сделали это на неблагоприятном материале довольно элементарной дилетантской логической задачи (при изложении которой ухитрились допустить вдобавок достаточно примитивный логический ляп, причем не постеснялись приписать этот ляп своим героям. Что характерно). Кстати, я излагал авторам свою точку зрения по этому поводу, но они только пожалы плечами и несколько обиженно объявили, что я отношусь к очеркам слишком серьезно.

2. Упомянутое уже невежество в вопросах магии как науки играет с авторами злые шутки на протяжении всей книги. Так, например, формулируя диссертационную тему М. Ф. Редькина, они допустили четырнадцать (!) фактических ошибок. Солидный термин «гиперполе», который им, очевидно, очень понравился, они вставляют в текст сплошь и рядом неуместно. Им, по-видимому, невдомек, что диван-транслятор является излучателем не М-поля, а мю-поля; что термин «живая вода» вышел из употребления еще в позапрошлом веке; что таинственного прибора, под названием аквавитометр, и электронной машины, под названием «Алдан», в природе не существует; что заведующий вычислительной лабораторией крайне редко занимается проверкой программ — для этого существуют математики-программисты, которых в нашей лаборатории двое и которых авторы упорно называют девочками. Описание упражнений по материализации в первой главе второй части сделано безобразно: на совести авторов остаются дикие термины «вектор-магистатум» и «закливание Ауэrsa»; уравнение Стокса не имеет к материализации никакого отношения, а Сатурн в описываемый момент никак не мог находиться в созвездии Весов. (Этот последний ляпсус тем более непростителен, что, насколько я понял, один из авторов является астрономом-профессионалом.) Список такого рода погрешностей и нелепостей можно было бы без труда продолжить, однако я не делаю этого, потому что авторы наотрез отказались что-либо исправлять. Выбросить непонятную им терминологию они тоже отказались: один заявил, что терминология необходима для антуража, а другой — что она создает колорит. Впрочем, я был вынужден согласиться с их соображением о том, что подавляющее большинство читателей вряд ли окажется способным отличить правильную терминологию от ошибочной и что какая бы терминология ни наличествовала, все равно ни один разумный читатель ей не поверит.

3. Стремление к упомянутой выше художественной правде (по выражению одного из авторов) и к типизации (по выражению другого) привело к значительному искажению образов реальных людей, участвующих в повествовании. Авторы вообще склонны к нивелировке героев, и потому более или менее правдоподобен у них разве что Выбегалло и в какой-то степени Кристобаль Хозевич Хунта (я не считаю эпизодического образа вурдалака Альфреда, который получился лучше, чем кто-нибудь другой). Например, авторы твердят, что Корнеев груб, и воображают, будто читатель сможет составить себе правильное представление об этой грубости. Да, Корнеев действительно груб. Но именно поэтому описанный Корнеев выглядит «полупрозрачным изобретателем» (в терминологии самих авторов) по сравнению с Корнеевым реальным. То же относится и к пресловутой вежливости Э. Амперяна. Р. П. Ойра-Ойра в очерках совершенно бесплотен, хотя именно в описываемый период он разводился со второй женой и собирался жениться в третий раз. Приведенных примеров, вероятно, достаточно для того, чтобы читатель не придавал слишком много веры моему собственному образу в очерках.

4. Несколько слов об иллюстрациях.

Иллюстрации обладают высокой достоверностью и смотрятся весьма убедительно. (Я даже подумал было, что художник непосредственно связан со смежным НИИ Каббалистики и Ворожбы.) Это — лишнее свидетельство того, что истинный талант, даже будучи дезинформирован, не способен все-таки полностью оторваться от реальной действительности. И в то же время нельзя не видеть, что художник имел несчастье смотреть на мир глазами авторов, о компетентности которых я уже говорил выше. Однако я надеюсь, что чувство юмора, присущее сотрудникам НИИКАВО, остановит их в стремлении возбудить литературно-критическое преследование за диффамацию, дискредитацию, дезинформацию и отрыв от.

Авторы попросили меня объяснить некоторые непонятные термины и малознакомые имена, встречающиеся в книге. Выполняя эту просьбу, я встретился с определенными затруднениями. Естественно, объяснять терминологию, выдуманную авторами («аквавитометр», «темпоральная передача» и т. п.), я не собираюсь. Но я не думаю, что большую пользу принесло бы и объяснение даже грамотно употребляемых терминов, требующее основательных специальных знаний. Невозможно, например, объяснить термин «гиперполе» человеку, плохо разбирающемуся в теории физического вакуума. Термин «трангрессия» еще более емок, и вдобавок разные школы употребляют его в разных смыслах. Короче говоря, я ограничился комментарием к некоторым именам, терминам и понятиям, достаточно широко распространенным, с одной стороны, и достаточно специфичным в нашей работе — с другой. Кроме того, я откомментировал несколько слов, не имеющих прямого отношения к магии, но могущих вызвать, на мой взгляд, недоумение читателя.

Авгуры — в Древнем Риме — жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц и по их поведению. Подавляющее большинство из них было сознательными жуликами. В значительной степени это относится и к институтским авгурам, хотя теперь у них разработаны новые методы.

Анацефал — урод, лишенный головного мозга и черепной коробки. Обыкновенно анацефалы умирают при рождении или несколько часов спустя.

Бецалель, Лев Бен — известный средневековый маг, придворный алхимик императора Рудольфа II.

Вампир — см. вурдалак.

Василиск — в сказках — чудовище с телом петуха и хвостом змеи, убивающее взглядом. На самом деле — ныне почти вымерший древний ящер, покрытый перьями,

предшественник первоптицы археоптерикса. Способен гипнотизировать. В виварии института содержатся два экземпляра.

Вервольф — см. оборотень.

Вурдалак — см. упырь.

Гарпии — в греческой мифологии — богини вихря, а в действительности — разновидность нежити, побочный продукт экспериментов ранних магов в области селекции. Имеют вид больших рыжих птиц со старушечьими головами, очень неопрятны, прожорливы и сварливы.

Гидра — у древних греков — фантастическая многоголовая водяная змея. У нас в институте — реально существующая многоголовая рептилия, дочь З. Горыныча и плезиозаврихи из озера Лох-Несс.

Гном — в западноевропейских сказаниях — безобразный карлик, охраняющий подземные сокровища. Я разговаривал с некоторыми из гномов. Они действительно безобразны и действительно карлики, но ни о каких сокровищах они понятия не имеют. Большинство гномов — это забытые и сильно усохшие дубли.

Голем — один из первых кибернетических роботов, сделан из глины Львом Бен Бецалелем. (См., например, чехословацкую кинокомедию «Пекарь императора», тамошний Голем очень похож на настоящего.)

Гомункулус — в представлении неграмотных средневековых алхимиков — человекоподобное существо, созданное искусственно в колбе. На самом деле в колбе искусственное существо создать нельзя. Гомункулусов синтезируют в специальных автоклавах и используют для биомеханического моделирования.

Данаиды — в греческой мифологии — преступные дочери царя Даная, убившие по его приказанию своих мужей. Сначала были осуждены наполнять водой бездонную бочку. Впоследствии, при пересмотре дела, суд принял во внимание тот факт, что замуж они были отданы насильно. Это смягчающее обстоятельство позволило перевести их на несколько менее бессмысленную работу: у нас в институте они занимаются тем, что взламывают асфальт везде, где сами его недавно положили.

Демон Максвелла — важный элемент мысленного эксперимента крупного английского физика Максвелла. Предназначался для нападения на второй принцип термодинамики. В мысленном эксперименте Максвелла демон располагается рядом с отверстием в переборке, разделяющей сосуд, наполненный движущимися молекулами. Работа демона состоит в том, чтобы выпускать из одной половины сосуда в другую быстрые молекулы и закрывать отверстие перед носом медленных. Идеальный демон способен таким образом без затраты труда создать очень высокую температуру в одной половине сосуда и очень низкую — в другой, осуществляя вечный двигатель второго рода. Однако только сравнительно недавно и только в нашем институте удалось найти и приспособить к работе таких демонов.

Джинн — злой дух арабских и персидских мифов. Почти все джинны являются дублями царя Соломона и современных ему магов. Использовались в военных и политико-хулиганских целях. Отличаются отвратительным характером, наглостью и полным отсутствием чувства благодарности. Невежественность и агрессивность их таковы, что почти все они находятся в заключении. В современной магии широко используются в качестве подопытных существ. В частности, Э. Амперян на материале тринадцати джиннов определял количество зла, которое может причинить обществу злобный невежественный дурак.

Джян бен Джян — либо древний изобретатель, либо древний воитель. Имя его всегда связано с понятием щита и отдельно не встречается. (Упоминается, например, в «Искушении святого Антония» Г. Флобера.)

Домовой — в представлении суеверных людей — некое сверхъестественное существо, обитающее в каждом обжитом доме. Ничего сверхъестественного в домовых нет. Это либо вконец опустившиеся маги, не поддающиеся перевоспитанию, либо помеси

гномов с некоторыми домашними животными. В институте находятся под началом М. М. Камноедова и используются для подсобных работ, не требующих квалификации.

Дракула, граф — знаменитый венгерский вурдалак XVII — XIX вв. Графом никогда не был. Совершил массу преступлений против человечности. Был изловлен гусарами и торжественно проткнут осиновым колом при большом скоплении народа. Отличался необычайной жизнеспособностью: вскрытие обнаружило в нем полтора килограмма серебряных пуль.

Звезда Соломонова — в мировой литературе — магический знак в виде шестиконечной звезды, обладающий волшебными свойствами. В настоящее время, как и подавляющее большинство других геометрических заклинаний, потерял всякую силу и годен исключительно для запугивания невежественных людей.

Инкуб — разновидность оживших мертвецов, имеет обыкновение вступать в браки с живыми. Не бывает. В теоретической магии термин «инкуб» употребляется в совершенно другом смысле: мера отрицательной энергии живого организма.

Инкунабула — так называют первые печатные книги. Некоторые из инкунабул отличаются поистине гигантскими размерами.

Ифрит — разновидность джинна. Как правило, ифриты — это хорошо сохранившиеся дубли крупнейших арабских военачальников. В институте используются М. М. Камноедовым в качестве вооруженной охраны, так как отличаются от прочих джиннов высокой дисциплинированностью. Механизм огнеметания ифритов изучен слабо и вряд ли будет когда-либо изучен досконально, потому что никому не нужен.

Кадавр — вообще говоря, оживленный неодушевленный предмет: портрет, статуя, идол, чучело. (См., например, А. Н. Толстой, «Граф Калиостро».) Одним из первых в истории кадавров была небезызвестная Галатея работы скульптора Пигмалиона. В современной магии кадавры не используются. Как правило, они феноменально глупы, капризны, истеричны и почти не поддаются дрессировке. В институте кадаврами иногда иронически называют неудавшихся дублей и дублеподобных сотрудников.

Кицунэ — см. оборотень.

Левитация — способность летать без каких бы то ни было технических приспособлений. Широко известна левитация птиц, летучих мышей и насекомых.

«Молот ведьм» — старинное руководство по допросу третьей степени. Составлено и применялось церковниками специально в целях выявления ведьм. В новейшие времена отменено как устаревшее.

Оборотень — человек, способный превращаться в некоторых животных: в волка (вервольф), в лисицу (кицунэ) и т. д. У суеверных людей вызывает ужас, непонятно почему. В. П. Корнеев, например, когда у него разболелся зуб мудрости, обернулся петухом, и ему сразу полегчало.

Оракул — по представлениям древних, средство общения богов с людьми: полет птицы (у авгугов), шелест деревьев, бред прорицателя и т. д. Оракулом называлось также и место, где давались предсказания. «Соловецкий Оракул» — это небольшая темная комната, где уже много лет проектируется установить мощную электронно-счетную машину для мелких прорицаний.

Пифия — жрица-прорицательница в Древней Греции. Вещала, надышавшись ядовитых испарений. У нас в институте пифии не практикуют. Очень много курят и занимаются общей теорией предсказаний.

Рамапитек — по современным представлениям, непосредственный предшественник питекантропа на эволюционной лестнице.

Сэгюр Ришар — герой фантастической повести «Загадка Ришара Сэгюра», открывший способ объемной фотографии.

Таксидермист — чучельник, набивщик чучел. Я порекомендовал авторам это редкое слово, потому что К. Х. Хунта приходит в ярость, когда его называют просто чучельником.

Терция — одна шестидесятая часть секунды.

Триба — здесь: племя. Решительно не понимаю, зачем издателям Книги Судеб понадобилось называть племя рамапитеков трибой.

«У панишады» — древнеиндийские комментарии к четырем священным книгам.

Упырь — кровососущий мертвец народных сказок. Не бывает. В действительности упыри (вурдалаки, вампиры) — это маги, вставшие по тем или иным причинам на путь абстрактного зла. Исконное средство против них — осиновый кол и пули, отлитые из самородного серебра. В тексте слово «упырь» употребляется везде в переносном смысле.

Фантом — призрак, привидение. По современным представлениям — сгусток некробиотической информации. Фантомы вызывают суеверный ужас, хотя совершенно безобидны. В институте их используют для уточнения исторической правды, хотя юридически считаться очевидцами они не могут.

А. Привалов

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Хищные вещи века

Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...

А. де Сент-Экзюпери

Глава первая

У таможенника было гладкое округлое лицо, выражающее самые добрые чувства. Он был почтительно-приветлив и благожелателен.

— Добро пожаловать, — негромко произнес он. — Как вам нравится наше солнце? — Он взглянул на паспорт в моей руке. — Прекрасное утро, не правда ли?

Я протянул ему паспорт и поставил чемодан на белый барьер. Таможенник бегло пролистал страницы длинными осторожными пальцами. На нем был белый мундир с серебряными пуговицами и серебряными шнурами на плечах. Он отложил паспорт и коснулся кончиком пальца чемодана.

— Забавно, — сказал он. — Чехол еще не высох. Трудно представить себе, что где-то может быть ненастье.

— Да, у нас уже осень, — со вздохом сказал я, открывая чемодан.

Таможенник сочувственно улыбнулся и рассеянно заглянул внутрь.

— Под нашим солнцем невозможно представить себе осень, — сказал он. — Благодарю вас, вполне достаточно... Дождь, мокрые крыши, ветер...

— А если под бельем у меня что-нибудь спрятано? — спросил я. Не люблю разговоров о погоде.

Он от души рассмеялся.

— Пустая формальность, — сказал он. — Традиция. Если угодно, условный рефлекс всех таможенников. — Он протянул мне лист плотной бумаги. — А вот и еще один условный рефлекс. Прочтите, это довольно необычно. И подпишите, если вас не затруднит.

Я прочел. Это был закон об иммиграции, отпечатанный изящным курсивом на четырех языках. Иммиграция категорически запрещалась. Таможенник смотрел на меня.

— Любопытно, не правда ли? — сказал он.

— Во всяком случае, это интригует, — ответил я, доставая авторучку. — Где нужно расписаться?

— Где и как угодно, — сказал таможенник. — Хоть поперек.

Я расписался под русским текстом поперек строчки «С законом об иммиграции ознакомился (лась)».

— Благодарю вас, — сказал таможенник, пряча бумагу в стол. — Теперь вы знаете практически все наши законы. И в течение всего срока... Сколько вы у нас пробудете?

Я пожал плечами.

— Трудно сказать заранее. Как пойдет работа.

— Скажем, месяц?

— Да, пожалуй. Пусть будет месяц.

— И в течение всего этого месяца... — Он наклонился, делая какую-то пометку в паспорте. — В течение всего этого месяца вам не понадобятся больше никакие законы. — Он протянул мне паспорт. — Я уже не говорю о том, что вы можете продлить ваше пребывание у нас на любой разумный срок. А пока пусть будет тридцать дней. Если вам захочется побыть еще, зайдете шестнадцатого мая в полицию, уплатите доллар... У вас ведь есть доллары?

— Да.

— Вот и прекрасно. Причем совсем не обязательно именно доллар. У нас принимают любую валюту. Рубли, фунты, крузейро...

— У меня нет крузейро, — сказал я. — У меня только доллары, рубли и несколько английских фунтов. Это вас устроит?

— Несомненно. Кстати, чтобы не забыть. Внесите, пожалуйста, девяносто долларов семьдесят два цента.

— С удовольствием, — сказал я. — А зачем?

— Так уж принято. В обеспечение минимума потребностей. К нам еще ни разу не приезжал человек, не имеющий каких-нибудь потребностей.

Я отсчитал девяносто один доллар, и он, не садясь, принялся выписывать квитанцию. От неудобной позы шея его налилась малиновой кровью. Я огляделся. Белый барьер тянулся вдоль всего павильона. По ту сторону барьера радушно улыбались, смеялись, что-то доверительно объясняли белые таможенные чиновники. По эту сторону нетерпеливо переминались, щелкали замками чемоданов, возбужденно оглядывались пестрые пассажиры. Всю дорогу они лихорадочно листали рекламные проспекты, шумно строили всевозможные планы, тайно и явно предвкушали сладкие денечки и теперь жаждали поскорее преодолеть белый барьер — томные лондонские клерки и их спортивного вида невесты, бесцеремонные оклахомские фермеры в ярких рубашках навыпуск, широких штанах до колен и сандалиях на босу ногу, туринские рабочие со своими румяными женами и многочисленными детьми, мелкие партийные боссы из Аргентины, финские лесорубы с деликатно притушенными трубочками в зубах, венгерские баскетболистки, китайские студенты, черные профсоюзные деятели из Замбии...

Таможенник вручил мне квитанцию и отсчитал двадцать восемь центов сдачи.

— Вот и все формальности. Надеюсь, я не слишком задержал вас. Желаю вам приятно провести время.

— Спасибо, — сказал я и взял чемодан.

Таможенник смотрел на меня, слегка склонив набок гладкое улыбающееся лицо.

— Через этот турникет, прошу вас, — сказал он. — До свидания. Позвольте еще раз пожелать вам всего хорошего.

Я вышел на площадь вслед за итальянской парой с четырьмя детьми и двумя механическими носильщиками.

Солнце стояло высоко над сизыми горами. На площади все было блестящее, яркое и пестрое. Немного слишком яркое и пестрое, как это обычно бывает в курортных городах. Блестящие красные и оранжевые автобусы, возле которых уже толпились туристы. Блестящая глянцевитая зелень скверов с белыми, синими, желтыми, золотыми павильонами, тентами и киосками. Зеркальные плоскости, вертикальные, горизонтальные

и наклонные, вспыхивающие ослепительными горячими зайчиками. Гладкие матовые шестиугольники под ногами и колесами — красные, черные, серые, едва заметно пружинящие, заглушающие шаги... Я поставил чемодан и надел темные очки.

Из всех солнечных городов, в которых мне довелось побывать, этот был, наверное, самым солнечным. И совершенно напрасно. Было бы гораздо легче, если бы он оказался пасмурным, если было бы грязно и слякотно, если бы этот павильон был серым, с цементными стенами и на сером мокром цементе было бы нацарапано что-нибудь похабное. Унылое и бессмысленное — от скуки. Тогда бы, наверное, сразу захотелось работать. Обязательно захотелось бы, потому что такие вещи раздражают и требуют деятельности... Все-таки трудно привыкнуть к тому, что нищета может быть богатой... И поэтому нет обычного азарта и не хочется немедленно взяться за дело, а хочется сесть в один из этих автобусов, вот в этот красный с синим, и двинуть на пляж, поплавать с аквалангом, обгореть, назначить свидание какой-нибудь киске или отыскать Пека, выпить с ним — он теперь, наверное, тоже пьет — почему бы и нет? — вспомнить все хорошее, и чтобы он спрашивал меня про Быкова, про Трансплутон, про новые корабли, в которых я и сам теперь плохо разбираюсь, но все же лучше, чем он, и чтобы он вспоминал про мятеж и хвастался шрамами и своим высоким общественным положением... Это будет очень удобно, если у Пека окажется высокое общественное положение. Хорошо, если бы он оказался, скажем, мэром...

Ко мне неторопливо приблизился, вытирая губы платочком, смуглый полный человек в белом, в круглой белой шапочке набекрень. Шапочка была с прозрачным зеленым козырьком и с зеленой лентой, на которой было написано: «Добро пожаловать». На мочке правого уха у него блестела серьга-приемник.

— С приездом, — сказал человек.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Добро пожаловать. Меня зовут Амад.

— А меня — Иван, — сказал я. — Рад познакомиться.

Мы кивнули друг другу и стали смотреть, как туристы рассаживаются по автобусам. Они весело галдели, и теплый ветерок катил от них по площади окурки и мятые конфетные бумажки. На лицо Амада падала зеленая тень козырька.

— Курортники, — сказал он. — Беззаботные и шумные. Сейчас их развезут по отелям, и они немедленно кинутся на пляж.

— С удовольствием прокатился бы на водных лыжах, — заметил я.

— В самом деле? Вот никогда бы не подумал. Вы меньше всего похожи на курортника.

— Так и должно быть, — сказал я. — Я приехал поработать.

— Поработать? Ну что ж, к нам приезжают и для этого. Два года назад к нам приезжал Джонатан Крайс, писал здесь картину. — Он засмеялся. — Потом в Риме его поколотил какой-то папский нунций, не помню фамилии.

— Из-за этой картины?

— Нет, вряд ли. Ничего он здесь не написал. Здесь он дневал и ночевал в казино...

Пойдемте выпьем что-нибудь.

— Пойдемте, — сказал я. — Вы мне что-нибудь посоветуете.

— Советовать — моя приятная обязанность, — сказал Амад.

Мы одновременно наклонились и оба взяли за ручку чемодана.

— Не стоит, я сам...

— Нет, — возразил Амад. — Вы гость, а я хозяин... Пойдемте вон в тот бар. Там сейчас пусто.

Мы вошли под голубой тент. Амад усадил меня за столик, поставил чемодан на пустой стул и отправился к стойке. Здесь было прохладно, шелкала холодильная установка. Амад вернулся с подносом. На подносе стояли два высоких стакана и плоские тарелочки с золотистыми от масла ломтиками.

— Не очень крепкое, — сказал Амад, — но зато по-настоящему холодное.

— Я тоже не люблю крепкое с утра.

Я взял стакан и отхлебнул. Было вкусно.

— Глоток — ломтик, — посоветовал Амад. — Глоток — ломтик. Вот так.

Ломтики хрустели и таяли на языке. По-моему, они были лишние. Некоторое время мы молчали, глядя из-под тента на площадь. Автобусы с негромким гулом один за другим уходили в садовые аллеи. Они казались громоздкими, но в их громоздкости было какое-то изящество.

— Все-таки там слишком шумно, — сказал Амад. — Отличные коттеджи, много женщин — на любой вкус, море рядом, но никакой приватности. Думаю, вам это не подойдет.

— Да, — согласился я. — Шум будет мешать. И я не люблю курортников, Амад. Терпеть не могу, когда люди веселятся добросовестно.

Амад кивнул и осторожно положил в рот очередной ломтик. Я смотрел, как он жует. Было что-то профессиональное в сосредоточенном движении его нижней челюсти. Проглотив, он сказал:

— Нет, все-таки синтетика никогда не сравняется с натуральным продуктом. Не та гамма. — Он подвигал губами, тихонько чмокнул и продолжал: — Есть два превосходных отеля в центре города, но, по-моему...

— Да, это тоже не годится, — сказал я. — Отель налагает определенные обязательства. И я не слышал, чтобы кто-нибудь мог написать в отеле что-либо путное.

— Ну, это не совсем так, — возразил Амад, критически разглядывая оставшийся ломтик. — Я читал одну книжку, и там было написано, что ее сочинили именно в отеле. Отель «Флорида».

— А, — сказал я. — Вы правы. Но ведь ваш город не обстреливают из пушек.

— Из пушек? Конечно, нет. Во всяком случае, не как правило.

— Я так и думал. А между тем замечено, что хорошую вещь можно написать только в обстреливаемом отеле.

Амад все-таки взял ломтик.

— Это трудно устроить, — сказал он. — В наше время трудно достать пушку. Кроме того, это очень дорого: отель может потерять клиентуру.

— Отель «Флорида» тоже потерял в свое время клиентуру. Хемингуэй жил там один.

— Кто?

— Хемингуэй.

— А... Но это же было так давно, еще при фашистах. Времена все-таки переменились, Иван.

— Да, — сказал я. — И в наше время писать в отелях не имеет смысла.

— Бог с ними, с отелями, — сказал Амад. — Я знаю, что вам нужно. Вам нужен пансионат. — Он достал записную книжку. — Называйте условия, попробуем подобрать что-нибудь подходящее.

— Пансионат, — сказал я. — Не знаю. Не думаю, Амад. Вы поймите, я не хочу знакомиться с людьми, с которыми я знакомиться не хочу. Это во-первых. Во-вторых. Кто живет в частных пансионатах? Те же самые курортники, у которых не хватило денег на отдельный коттедж. Они тоже веселятся добросовестно. Они устраивают пикники, междусобойчики и спевки. Ночью они играют на банджо. Кроме того, они хватают всех, до кого могут дотянуться, и принуждают участвовать в конкурсе на самый долгий поцелуй. И главное — все они приезжие. А меня интересует ваша страна, Амад. Ваш город. Ваши горожане. Я вам скажу, что мне нужно. Мне нужен уютный домик с садом. Умеренное расстояние до центра. Нешумная семья, почтенная хозяйка. Крайне желательна молодая дочка. Представляете, Амад?

Амад взял пустые стаканы, отправился к стойке и вернулся с полными. Теперь в стаканах была бесцветная жидкость, а на тарелочках — микроскопические многоэтажные бутерброды.

— Я знаю такой уютный домик, — заявил Амад. — Вдове сорок пять, дочери двадцать, сыну одиннадцать. Допьем и поедем. Я думаю, вам понравится. Плата обычная, хотя, конечно, дороже, чем в пансионате. Вы надолго приехали?

— На месяц.

— Господи! Всего-то?

— Не знаю, как пойдут дела. Может быть, задержусь еще.

— Обязательно задержитесь, — сказал Амад. — Я вижу, вы совсем не представляете, куда приехали. Вы просто не знаете, как у нас тут весело и ни о чем не надо думать.

Мы допили, поднялись и пошли через площадь под горячим солнцем к стоянке автомобилей. Амад шагал быстро, немного вразвалку, надвинув зеленый козырек на глаза и небрежно помахивая чемоданом. Из таможенного павильона сыпалась очередная порция туристов.

— Хотите — честно? — сказал вдруг Амад.

— Хочу, — сказал я. Что я еще мог сказать? Сорок лет прожил на свете, но так и не научился вежливо уклоняться от этого неприятного вопроса.

— Ничего вы здесь не напишете, — сказал Амад. — Трудно у нас что-нибудь написать.

— Написать что-нибудь всегда трудно, — сказал я. А хорошо все-таки, что я не писатель.

— Охотно верю. Но в таком случае у нас это просто невозможно. Для приезжего, по крайней мере.

— Вы меня пугаете.

— А вы не бойтесь. Вы просто не захотите здесь работать. Вы не усидите за машинкой. Вам будет обидно сидеть за машинкой. Вы знаете, что такое радость жизни?

— Как вам сказать...

— Ничего вы не знаете, Иван. Пока вы еще ничего об этом не знаете. Вам предстоит пройти двенадцать кругов рая. Смешно, конечно, но я вам завидую...

Мы остановились у длинной открытой машины. Амад бросил на заднее сиденье чемодан и распахнул передо мной дверцу.

— Прошу, — сказал он.

— А вы, значит, уже прошли? — спросил я, усаживаясь.

Он уселся за руль и включил двигатель.

— Что именно?

— Двенадцать кругов рая.

— Я, Иван, уже давно выбрал себе излюбленный круг, — сказал Амад. Машина бесшумно покатила по площади. — Остальные для меня давно уже не существуют. К сожалению. Это как старость. Со всеми ее привилегиями и недостатками.

Машина промчалась через парк и понеслась по прямой тенистой улице. Я с интересом посматривал по сторонам, но я ничего не узнавал. Глупо было надеяться узнать что-нибудь. Нас высаживали ночью, лил дождь, семь тысяч измученных курортников стояли на пирсах, глядя на догорающий лайнер. Города мы не видели, вместо города была черная мокрая пустота, мигающая красными вспышками. Там трещало, бухало, раздирающе скрежетало. «Перебьют нас, как кроликов, в темноте», — сказал Роберт, и я сейчас же погнал его обратно на паром сгружать броневик. Трап подломился, и броневик упал в воду, и, когда Пек вытащил Роберта, синий от холода Роберт подошел ко мне и сказал, лязгая зубами: «Я же вам говорил, что темно...»

Амад вдруг сказал:

— Когда я был мальчишкой, я жил возле порта, и мы ходили сюда бить заводских. У них у многих были кастеты, и мне проломили нос. Полжизни я проходил с кривым носом, пока не починил его в прошлом году... Любил я подраться в молодости. У меня был кусок свинцовой трубы, и один раз я отсидел шесть месяцев, но это не помогло.

Он замолчал ухмыляясь. Я подождал немного и сказал:

— Хорошую свинцовую трубу теперь не достать. Теперь в моде резиновые дубинки — перекупают у полицейских.

— Точно, — сказал Амад. — Или купит гантели, отпилит один шарик и пользуется. Но ребята пошли уже не те. Теперь за это высылают...

— Да, — сказал я. — А чем вы еще занимались в молодости?

— А вы?

— Я собирался стать межпланетником и тренировался на перегрузки. И еще мы играли в «кто глубже нырнет».

— Мы тоже, — сказал Амад. — На десять метров за автоматами и виски. Там, за пирсами, они лежали ящиками. У меня из носа шла кровь... А когда началась заварушка, мы стали там находить покойников с рельсом на шее и бросили это дело.

— Очень неприятное зрелище — покойник под водой, — сказал я. — Особенно когда течение.

Амад усмехнулся.

— Я видывал и не такое. Мне приходилось работать в полиции.

— Это уже после заварушки?

— Гораздо позже. Когда вышел закон о гангстерах.

— У вас их тоже называли гангстерами?

— А как их еще называть? Не разбойниками же... «Шайка разбойников, вооруженных огнеметами и газовыми бомбами, осадила муниципалитет», — произнес он с выражением. — Не звучит, чувствуете? Разбойник — это топор, кистень, усы до ушей, тесак...

— Свинцовая труба, — предложил я.

Амад хохотнул.

— Что вы делаете сегодня вечером? — спросил он.

— Гуляю.

— У вас тут есть знакомые?

— Есть. А что?

— Тогда другое дело.

— Почему?

— Хотел я вам кое-что предложить, но раз у вас есть знакомые...

— Между прочим, — сказал я, — кто у вас мэром?

— Мэр? Черт его знает, не помню. Выбирали кого-то...

— Не Пек Зенай случайно?

— Не знаю, — сказал Амад с сожалением. — Не хочу врать.

— А вы такого вообще не знаете?

— Зенай... Пек Зенай... Нет, не знаю. Не слыхал. Он что, ваш приятель?

— Да. Старый приятель. У меня здесь есть еще друзья, но они все приезжие.

— Одним словом, так, — сказал Амад. — Если вам станет скучно и в голову ползут всякие мысли, приходите ко мне. Каждый божий вечер с семи часов я сижу в «Лакомке»... Любите вкусно поесть?

— Еще бы, — сказал я.

— Желудок в порядке?

— Как у страуса.

— Вот и приходите. Будет весело, и ни о чем не надо будет думать.

Амад притормозил и осторожно свернул к решетчатым воротам, которые бесшумно распахнулись перед нами. Машина вкатилась во двор.

— Приехали, — объявил Амад. — Вот ваш дом.

Дом был двухэтажный, белый с голубым. Окна изнутри были закрыты шторами. Чистенький дворик, выложенный разноцветными плитками, был пуст, вокруг был плодовый сад, ветви яблонь царапали стены.

— А где вдова? — спросил я.

— Пойдемте в дом, — сказал Амад.

Он поднялся на крыльцо, листая записную книжку. Я, озираясь, шел следом. Садик мне нравился. Амад нашел нужную страницу, набрал комбинацию цифр на маленьком диске возле звонка, и дверь отворилась. Из дома пахло прохладным свежим воздухом. Там было темно, но, едва мы ступили в холл, вспыхнул свет. Амад сказал, пряча записную книжку:

— Направо — хозяйская половина, налево — ваша. Прошу... Здесь гостиная. Это бар, сейчас мы выпьем. Прошу дальше... Это ваш кабинет. У вас есть фонор?

— Нет.

— И не надо. Здесь все есть... Пройдемте сюда. Это спальня. Вот пульт акустической защиты. Умеете пользоваться?

— Разберусь.

— Хорошо. Защита трехслойная, можете устраивать себе здесь могилу или бордель, что вам понравится... Тут управление кондиционированием. Сделано, между прочим, неудобно: управлять можно только из спальни...

— Перебьюсь, — сказал я.

— Что? Ну да... Там ванная и туалет.

— Меня интересует вдова, — сказал я. — И дочка.

— Успеете. Поднять шторы?

— Зачем?

— Правильно, незачем... Пойдемте выпьем.

Мы вернулись в гостиную, и Амад по пояс погрузился в бар.

— Вам покрепче? — спросил он.

— Наоборот.

— Яичницу? Сэндвичи?

— Пожалуй, ничего.

— Нет, — сказал Амад. — Яичницу. С томатами. — Он рылся в баре. — Не знаю, в чем тут дело, но этот автомат готовит совершенно изумительные яичницы с томатами... Кстати, и я тоже перекушу.

Он вытянул из бара поднос и поставил на низенький столик перед полукруглой тахтой. Мы уселись.

— А как насчет вдовы? — напомнил я. — Мне бы хотелось представиться.

— Комнаты вам нравятся?

— Ничего.

— Ну и вдова тоже вполне ничего. И дочка, между прочим. — Он достал из бокового кармана плоский кожаный футляр. В футляре, как патроны в обойме, рядом лежали ампулы с разноцветными жидкостями. Амад покопался в них указательным пальцем, сосредоточенно понюхал яичницу, поколебался, потом выбрал ампулу с чем-то зеленым и, осторожно надломив, покапал на томаты. В гостиной запахло. Запах не был неприятным, но, на мой вкус, не имел отношения к еде. — Но сейчас они еще спят, — продолжал Амад. Взгляд его стал рассеянным. — Спят и видят сны...

Я посмотрел на часы.

— Однако!

Амад кушал.

— Половина одиннадцатого, — сказал я.

Амад кушал. Шапочка его была сдвинута на затылок, и зеленый козырек торчал вертикально, как гребень у раздраженного мимикродона. Глаза его были полузакрыты. Я смотрел на него.

Проглотив последний ломтик помидора, он отломил корочку белого хлеба и тщательно подчистил сковородку. Взгляд его прояснился.

— Что вы там такое говорили? — спросил он. — Половина одиннадцатого? Завтра вы тоже встанете в половине одиннадцатого. А может быть, и в двенадцать. Я, например, встану в двенадцать.

Он поднялся и с удовольствием потянулся, хрустя суставами.

— Фу, — сказал он, — можно наконец ехать домой. Вот вам моя карточка, Иван. Поставьте ее на письменный стол и не выбрасывайте до самого отъезда... — Он подошел к плоскому ящичку возле бара и сунул в щель другую карточку. Раздался звонкий щелчок. — А вот это, — сказал он, разглядывая карточку на просвет, — передайте вдове с моими наилучшими пожеланиями.

— И что будет? — спросил я.

— Будут деньги. Надеюсь, вы не любитель торговаться, Иван? Вдова назовет вам цифру, и вам не следует торговаться. Это не принято.

— Постараюсь не торговаться, — сказал я. — Хотя интересно было бы попробовать.

Амад поднял брови.

— Ну, если вам так уж хочется, то отчего же не попробовать? Всегда делайте только то, что вам хочется, и у вас будет отличное пищеварение. Сейчас я принесу ваш чемодан.

— Мне нужны проспекты, — сказал я. — Мне нужны путеводители. Я писатель, Амад. Мне понадобятся брошюры об экономическом положении масс, статистические справочники. Где все это можно достать? И когда?

— Путеводитель я вам дам, — сказал Амад. — В путеводителе есть статистика, адреса, телефоны и все такое. А что касается масс, то у нас такой ерунды, по-моему, не издают. Можно, конечно, послать заказ в ЮНЕСКО, только зачем это вам? Сами все увидите... Подождите, я сейчас принесу чемодан и путеводитель.

Он вышел и быстро вернулся с чемоданом в одной руке и с толстеньким голубым томиком в другой. Я встал.

— Судя по вашему лицу, — произнес он улыбаясь, — вы раздумываете, прилично давать мне чаевые или нет.

— Признаться, да, — сказал я.

— Ну и как? Хочется вам это сделать или нет?

— Признаться, нет, — сказал я.

— У вас здоровая, крепкая натура, — одобрительно сказал Амад. — Не давайте. Никому не давайте чаевых. Можете получить по морде, особенно от девушек. Но зато никогда не торгуйтесь. Тоже можете получить. А вообще все это ерунда. Откуда я знаю, может, вы любите получать по морде, как тот самый Джонатан Крайс... Будьте здоровы, Иван. Развлекайтесь. И приходите в «Лакомку». В любой вечер с семи часов. А самое главное — ни о чем не думайте.

Он помахал рукой и вышел. Я сел, взял запотевший стакан со смесью и раскрыл путеводитель.

Глава вторая

Путеводитель был отпечатан на меловой бумаге с золотым обрезом. Вперемежку с роскошными фотографиями в нем содержались любопытные сведения. В городе проживало пятьдесят тысяч человек, полторы тысячи кошек, двадцать тысяч голубей и две тысячи собак (в том числе семьсот одиннадцать медалистов). В городе было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов, тысяча такси (с шоферами и без), девятьсот автоматических мусорщиков, четыреста постоянных баров, кафе и

закусочных, одиннадцать ресторанов, четыре отеля международного класса и курорт, ежегодно обслуживающий до ста тысяч человек. В городе было шестьдесят тысяч телевизоров, пятьдесят кинотеатров, восемь увеселительных парков, два Салона Хорошего Настроения, шестнадцать салонов красоты, сорок библиотек и сто восемьдесят парикмахерских автоматов. Восемьдесят процентов взрослого населения было занято в сфере обслуживания, а остальные работали на двух частных кондитерских синтезкомбинатах и одном государственном судоремонтном заводе. В городе было шесть школ и один университет, помещавшийся в древнем замке крестоносца Ульриха де Казы. В городе функционировали восемь гражданских обществ, в том числе «Общество Усердных Дегустаторов», «Общество Знатоков и Ценителей» и «За Старую Добрую Родину, Против Вредных Влияний». Кроме того, полторы тысячи человек входили в семьсот один кружок, где они пели, играли скетчи, учились расставлять мебель, кормить детей грудью и лечить кошек. По потреблению спиртных напитков, натурального мяса и жидкого кислорода на душу населения город занимал в Европе соответственно шестое, двенадцатое и тринадцатое места. В городе было семь мужских и пять женских клубов, а также спортивные клубы «Быки» и «Носороги». Мэром города был избран (большинством в сорок шесть голосов) некто Флим Гао. Среди членов муниципалитета Пека тоже не оказалось...

Я отложил путеводитель, снял пиджак и приступил к подробному осмотру своих владений. Гостиная мне понравилась. Она была выполнена в голубых тонах, а я люблю этот цвет. Бар оказался набит бутылками и охлажденной снедью, так что я мог хоть сейчас принять дюжину изголодавшихся гостей.

Я прошел в кабинет. В кабинете перед окном стоял большой стол с удобным креслом. Вдоль стен тянулись полки, плотно уставленные собраниями сочинений. Чистые яркие корешки расположены были с большим искусством, так что составляли приятную цветовую гамму. Верхнюю полку занимал пятидесятитомный энциклопедический словарь в издании ЮНЕСКО, а на нижней пестрели детективы в глянцевах бумажных обложках.

На столе я прежде всего увидел телефон. Я взял трубку и, присев на подлокотник кресла, набрал номер Римайера. В трубке раздались протяжные гудки. Я ждал, вертя в пальцах маленький диктофон, оставленный кем-то на столе. Римайер не отвечал. Я повесил трубку и осмотрел диктофон. Пленка была наполовину использована, и, перемотав ее, я включил прослушивание.

— Привет, привет и еще раз привет! — произнес веселый мужской голос. — Крепко жму руку или целую в щечку в зависимости от твоего пола и возраста. Я прожил здесь два месяца и свидетельствую, что мне было хорошо. Позволь дать несколько советов. Лучшее заведение в городе — это «Хойти-Тойти» в Парке Грез. Лучшая девочка в городе — Бася из Дома Моделей. Лучший мальчик в городе — это я, но он уже уехал. По телевидению смотри девятую программу, остальное все моча. Не связывайся с интеллами и держись подальше от «Носорогов». Ничего не бери в кредит — хлопот не оберешься. Вдова — добрая женщина, но любит поговорить и вообще... А Вузи я не застал, она уезжала к бабушке за границу. По-моему, она милашка, у вдовы в альбоме была фотография, но я ее взял себе. И еще. Я приеду сюда в будущем году в марте, так что будь другом, если решишь вернуться — выбери другое время. Ну, будь...

Забренчала музыка. Я послушал немного и выключил диктофон. Ни один из томов сочинений мне вытащить не удалось, так плотно они были вбиты и, может быть, даже склеены, а больше в кабинете ничего интересного не оказалось, и я отправился в спальню.

В спальне было особенно прохладно и уютно. Мне всегда хотелось иметь именно такую спальню, но никак не хватало времени этим заняться. Кровать была большая и низкая. На ночном столике стоял очень изящный фонор и маленький переносной пульт управления телевизором. Экран телевизора висел на высокой спинке кровати, в ногах. А над изголовьем вдова навесила картину, очень натурально изображающую свежие

полевые цветы в хрустальной вазе. Картина была выполнена светящимися красками, и капли росы на лепестках цветов поблескивали в сумраке спальни.

Я наобум включил телевизор и повалился на кровать. Было мягко и в то же время как-то упруго. Телевизор заорал. Из экрана выскочил нетрезвый мужчина, проломил какие-то перила и упал с высоты в огромный дымящийся чан. Раздался шумный всплеск, из фонора запахло. Мужчина скрылся в бурлящей жидкости, а затем вынырнул, держа в зубах что-то вроде разваренного ботинка. Невидимая аудитория разразилась ржанием... Затемнение. Тихая лирическая музыка. Из зеленого леса на меня пошла белая лошадь, запряженная в бричку. В бричке сидела хорошенькая девушка в купальнике. Я выключил телевизор, поднялся и заглянул в ванную.

В ванной пахло хвоей и мигали бактерицидные лампы. Я разделся, бросил белье в утилизатор и залез под душ. Потом я неторопливо оделся перед зеркалом, причесался и стал бриться. На туалетной полке стояли ряды флаконов, коробки с гигиеническими присосками и стерилизаторами, тюбики с пастами и мазями. А на краю полки лежала горка плоских коробочек с пестрой этикеткой «Девон». Я выключил бритву и взял одну коробочку. В зеркале мигала бактерицидная трубка, и точно так же она мигала тогда, и я точно так же стоял перед зеркалом и старательно разглядывал такую же коробочку, потому что мне не хотелось выходить в спальню, где Рафка Рейзман громко спорил о чем-то с врачом, а в ванне еще колыхалась зеленая маслянистая вода, и над нею поднимался пар, и орал приемник, висевший на фарфоровом крючке для полотенец, завывал, гукал и всхрапывал, пока Рафка не выключил его с раздражением... Это было в Вене, и там, точно так же как и здесь, очень странно было видеть в ванной комнате «Девон» — популярный репеллент, великолепно отгоняющий комаров, москитов, мошку и прочих кровососов, о которых давным-давно забыли и в Вене, и здесь, в приморском курортном городе... Только в Вене было еще и страшно.

Коробочка, которую я держал в руке, была почти пуста: в ней осталась всего одна таблетка. Остальные коробочки не были распечатаны. Я кончил бриться и вернулся в спальню. Мне захотелось снова позвонить Римайеру, но тут дом ожил. С легким свистом взвились гофрированные шторы, оконные стекла скользнули в пазы, и в спальню хлынул из сада теплый воздух, пахнувший яблоками. Кто-то где-то заговорил, над головой прозвучали легкие шаги, и строгий женский голос сказал: «Вузи! Скушай хоть пирожок, слышишь?..» Тогда я быстро сообщил одежде некоторую небрежность (в соответствии с нынешней модой), пригладил виски и вышел в холл, захватив в гостиную карточку Амада.

Вдова оказалась моложавой полной женщиной, несколько томной, со свежим приятным лицом.

— Как мило! — сказала она, увидев меня. — Вы уже встали? Здравствуйте. Меня зовут Вайна Туур, но вы можете звать меня просто Вайна.

— Очень приятно, — произнес я, светски содрогаясь. — Меня зовут Иван.

— Как мило! — сказала тетя Вайна. — Какое оригинальное, мягкое имя! Вы завтракали, Иван?

— С вашего позволения, я намеревался позавтракать в городе, — сказал я и протянул ей карточку.

— Ах, — сказала тетя Вайна, разглядывая ее на просвет. — Этот милый Амад... Если бы вы знали, какой это обязательный и милый человек! Но я вижу, что вы не завтракали... Ленч вы скушаете в городе, а сейчас я угощу вас своими гренками. Генерал-полковник Туур говорил, что нигде в мире нельзя отведать такие гренки.

— С удовольствием, — сказал я, содрогаясь вторично.

Дверь за спиной тети Вайны распахнулась, и в холл, звонко стуча каблучками, влетела очень хорошенькая девушка в короткой синей юбке и открытой белой блузке. В руке у нее был огрызок пирожка, она жевала и напевала через нос модный мотивчик. Увидев меня, она остановилась, лихо перекинула через плечо сумочку на длинном ремешке и, нагнув голову, сделала глоток.

— Вузи, — сказала тетя Вайна, поджимая губы. — Вузи, это Иван.

— Ничего себе! — воскликнула Вузи. — Привет!

— Вузи! — укоризненно сказала тетя Вайна.

— Вы с женой приехали? — спросила Вузи, протягивая руку.

— Нет, — сказал я. Пальцы у нее были прохладные и мягкие. — Я один.

— Тогда я вам все покажу, — сказала она. — До вечера. Сейчас мне надо бежать. А вечером сходим.

— Вузи! — укоризненно сказала тетя Вайна.

— Обязательно, — сказал я.

Вузи засунула в рот остаток пирожка, чмокнула мать в щеку и помчалась к выходу. У нее были гладкие загорелые ноги, длинные, стройные, и стриженный затылок.

— Ах, Иван, — сказала тетя Вайна, тоже глядя ей вслед, — в наше время так трудно с молодыми девушками! Так рано развиваются, так быстро нас покидают... С тех пор как она поступила в этот салон...

— Она у вас портниха? — осведомился я.

— О нет! Она работает в Салоне Хорошего Настроения, в отделе для престарелых женщин. И вы знаете, ее там ценят. Но в прошлом году она однажды опоздала, и теперь ей приходится быть очень осторожной. Вы сами видите, она не смогла даже с вами прилично поговорить, но вполне возможно, что ее уже ждет клиент... Вы можете не поверить, но у нее уже есть постоянная клиентура... Впрочем, что же мы здесь стоим? Гренки остынут...

Мы вошли на хозяйскую половину. Я изо всех сил старался держаться как подобает, хотя как именно подобает, я представлял себе довольно смутно. Тетя Вайна усадила меня за столик, извинилась и вышла. Я огляделся. Это была точная копия моей гостиной, только стены были не голубые, а розовые, и за верандой было не море, а низкая ограда, отделяющая дворик от улицы. Тетя Вайна вернулась с подносом и поставила передо мной чашку с топлеными сливками и тарелочку с гренками.

— Вы знаете, я тоже позавтракаю, — сказала она. — Мой врач не рекомендует мне завтракать вообще и, уж во всяком случае, топлеными сливками, но мы так привыкли... Это любимый завтрак генерал-полковника. И вы знаете, я стараюсь брать только постояльцев-мужчин, этот милый Амад хорошо понимает меня. Он понимает, как это нужно мне — хоть изредка посидеть вот так, как мы сидим сейчас с вами за чашечкой топленых сливок...

— Ваши сливки изумительно хороши, — заметил я довольно искренне.

— Ах, Иван! — Тетя Вайна поставила чашку и слегка всплеснула руками. — Ведь вы сказали это почти так же, как генерал-полковник... И как странно, вы даже похожи на него. Только лицо у него было немного уже, и он завтракал всегда в мундире...

— Да, — сказал я с сожалением. — Мундира у меня нет.

— Но ведь был когда-то! — сказала она, лукаво грозя мне пальчиком. — Я ведь вижу. Ах, как это бессмысленно! Люди теперь вынуждены стесняться своего военного прошлого. Как это глупо, не правда ли? Но их всегда выдает выправка, совершенно особенная мужественная осанка. Этого не скроешь, Иван.

Я сделал сложный неопределенный жест и, сказавши: «М-да», взял гренки.

— Как все это нелепо, не правда ли? — с живостью продолжала тетя Вайна. — Как можно смешивать такие разнородные понятия — война и армия? Мы все ненавидим войну. Война — это ужасно. Моя мать рассказывала мне, она была тогда девочкой, но все помнит: вдруг приходят солдаты, грубые, чужие, говорят на чужом языке, отпрыгиваются, офицеры так бесцеремонны и так некультурны, громко хохочут, обижают горничных, простите, пахнут, и этот бессмысленный комендантский час... Но ведь это война! Она достойна всяческого осуждения! И совсем иное дело — армия. Вы знаете, Иван, вы должны помнить эту картину: войска, выстроенные побатальонно, строгость линий, мужественные лица под касками, оружие блестит, аксельбанты сверкают, а потом

командующий на специальной военной машине объезжает фронт, здоровается, и батальоны отвечают послушно и кратко, как один человек!

— Несомненно, — сказал я. — Несомненно, это многих впечатляло.

— Да! И очень многих! У нас всегда говорили, что надо непременно разоружаться, но разве можно уничтожать армию? Это последнее прибежище мужества в наше время повсеместного падения нравов. Это дико, это смешно — государство без армии...

— Смешно, — согласился я. — Вы не поверите, но с самого подписания Пакта я не перестаю улыбаться.

— Да, я понимаю вас, — сказала тетя Вайна. — Нам больше ничего не оставалось делать. Нам оставалось только саркастически улыбаться. Генерал-полковник Туур, — она достала платочек, — он так и умер с саркастической усмешкой на устах... — Она приложила платочек к глазам. — Он говорил нам: «Друзья, я еще надеюсь дожить до того дня, когда все развалится». Надломленный, потерявший смысл существования... Он не вынес пустоты в сердце... — Она вдруг встрепенулась. — Вот взгляните, Иван.

Она резво выбежала в соседнюю комнату и принесла тяжелый старомодный фотоальбом. Я сейчас же поглядел на часы, но тетя Вайна не обратила на это внимания и, усевшись рядом, раскрыла альбом на самой первой странице.

— Вот генерал-полковник.

Генерал-полковник был орел. У него было узкое костистое лицо и прозрачные глаза. Его длинное тело усеивали ордена. Самый большой орден в виде многоконечной звезды, обрамленной лавровым венком, сверкал в районе аппендикса. В левой руке генерал сжимал перчатки, а правая покоилась на рукоятке кортика. Высокий воротник с золотым шитьем подпирали нижнюю челюсть.

— А это генерал-полковник на маневрах.

Генерал-полковник и здесь был орел. Он давал указания своим офицерам, склонившимся над картой, развернутой на лобовой броне гигантского танка. По форме траков и по зализанным очертаниям смотровой башни я узнал тяжелый штурмовой танк «мамонт», предназначенный для преодоления зоны атомных ударов, а ныне успешно используемый глубоководниками.

— А это генерал-полковник в день своего пятидесятилетия.

Генерал-полковник был орлом и здесь. Он стоял у накрытого стола с бокалом в руке и слушал тост в свою честь. Нижний левый угол фотографии занимала размытая лысина с электрическим бликом, а рядом с генералом, восхищенно глядя на него снизу вверх, сидела очень молодая и очень миловидная тетя Вайна. Я попробовал украдкой определить на ощупь толщину альбома.

— А это генерал-полковник на отдыхе.

Даже на отдыхе генерал-полковник оставался орлом. Широко расставив ноги, он стоял на пляже в тигровых плавках и рассматривал в полевой бинокль туманный горизонт. У его ног копошился в песке голый ребенок трех или четырех лет. Генерал был жилист и мускулист, гренки и сливки не портили его фигуру. Я принялся шумно заводить часы.

— А это... — начала тетя Вайна, переворачивая страницу, но тут в гостиную без стука вошел невысокий полный человек, лицо и особенно одежда которого показались мне необычайно знакомыми.

— Доброе утро, — произнес он, слегка склонив набок гладкое улыбающееся лицо.

Это был давешний таможенник все в том же белом мундире с серебряными пуговицами и серебряными шнурами на плечах.

— Ах, Пети! — сказала тетя Вайна. — Ты уже пришел? Познакомься, пожалуйста, это Иван... Иван, это Пети, друг нашего дома.

Таможенник повернулся ко мне, не узнавая, коротко наклонил голову и щелкнул каблуками. Тетя Вайна переложила альбом ко мне на колени и поднялась.

— Садись, Пети, — сказала она, — я принесу тебе сливок.

Пети еще раз щелкнул каблуками и сел рядом со мной.

— Не желаете ли поинтересоваться? — сейчас же осведомился я, перекладывая альбом со своих колен на колени таможенника. — Вот это генерал-полковник Туур. Это он просто так. (В глазах таможенника появилось странное выражение.) А вот здесь генерал-полковник на маневрах. Видите? А вот здесь...

— Благодарю вас, — отрывисто сказал таможенник. — Не утруждайтесь, потому что...

Вернулась с гренками и сливками тетя Вайна. Еще с порога она сказала:

— Как приятно видеть человека в мундире, не правда ли, Иван? — Она поставила поднос на столик. — Пети, ты сегодня рано. Что-нибудь случилось? Прекрасная сегодня погода, такое солнце...

Сливки для Пети были налиты в особенную чашку, на которой красовался вензель «Т», осененный четырьмя звездочками.

— Ночью шел дождь, я просыпалась, значит, были тучи, — продолжала тетя Вайна. — А сейчас, взгляните, ни одного облачка... Еще чашечку, Иван?

Я встал.

— Благодарю вас, я сыт. Позвольте мне откланяться. У меня назначено деловое свидание.

Осторожно закрывая за собой дверь, я услышал, как вдова сказала: «Ты не находишь, что он удивительно похож на штаб-майора Пола?..»

В спальне я распаковал чемодан и переложил одежду в стенной шкаф, и снова позвонил Римайеру. К телефону опять никто не подошел. Тогда я сел за стол в кабинете и принялся исследовать ящики. В одном из ящиков обнаружилась портативная пишущая машинка, в другом — почтовый набор и пустая бутылка из-под смазки для аритмичных двигателей. Остальные ящики были пусты, если не считать пачки смятых квитанций, испорченной авторучки и небрежно сложенного листка, разрисованного рожицами. Я развернул листок. Видимо, это был черновик телеграммы. «Грин умер у рыбарей получай тело воскресенья соболезнуем Хугер Марта мальчики». Я дважды прочел написанное, перевернул листок, изучил рожицы и прочел в третий раз. Видимо, Хугеру и Марте было невдомек, что нормальные люди, сообщая о смерти, говорят в первую очередь, отчего или как умер человек, а не у кого он там умер. Я бы написал: «Грин утонул во время рыбной ловли». В пьяном виде, вероятно. Кстати, какой у меня теперь адрес?

Я вернулся в холл. У двери в хозяйскую половину сидел на корточках худенький мальчик в коротких штанишках. Зажав под мышкой длинную серебристую трубку, он, сопя и пыхтя, торопливо разматывал клубок бечевки. Я подошел к нему и сказал:

— Привет.

Реакция у меня не та, что прежде, но все-таки я успел увернуться. Длинная черная струя пролетела у меня над ухом и плюхнулась в стену. Я изумленно глядел на мальчишку, а он глядел на меня, лежа на боку и выставив перед собой свою трубку. Лицо его было мокрое, рот открыт и перекошен. Я оглянулся на стену. По стене текло черное. Я снова посмотрел на мальчика. Он медленно поднимался, не опуская трубки.

— Что-то ты, брат, нервный, — произнес я.

— Вы стойте, где стоите, — хрипло сказал мальчик. — Я вашего имени не называл.

— Да уж куда там, — сказал я. — Ты и своего не называл, а палишь в меня, как в чучело.

— Вы стойте, где стоите, — повторил мальчик. — И не двигайтесь. — Он попятился и вдруг забормотал скороговоркой: — Уйди от волос моих, уйди от костей моих, уйди от мяса моего...

— Не могу, — сказал я. Я все старался понять, играет он или действительно меня боится.

— Почему? — растерянно спросил мальчик. — Я все говорю как надо.

— Я не могу уйти, не двигаясь, — объяснил я. — И стоя, где стою.

Рот у него снова приоткрылся.

— Хугер, — сказал он неуверенно. — Говорю тебе, Хугер: сгинь!

— Почему Хугер? — удивился я. — Ты меня с кем-то путаешь. Я не Хугер, я Иван.

Тогда мальчик вдруг закрыл глаза и пошел на меня, наклонив голову и выставив перед собой свою трубку.

— Я сдаюсь, — предупредил я. — Смотри не выпали.

Когда трубка уперлась мне в живот, он выронил ее и, опустив руки, весь как-то обмяк. Я наклонился и заглянул ему в лицо. Теперь он был красный. Я поднял трубку. Это было что-то вроде игрушечного автомата — с удобной рифленой рукояткой и с плоским прямоугольным баллончиком, который вставлялся снизу, как магазин.

— Что это за штука? — спросил я.

— Ляпник, — сказал он угрюмо. — Дайте сюда.

Я отдал ему игрушку.

— Ляпник, — сказал я. — Которым, значит, ляпают. А если бы ты в меня попал? — Я посмотрел на стену. — Надо же, теперь это за год не отмыть, придется стену менять.

Мальчик недоверчиво посмотрел на меня снизу вверх.

— Это же ляпа, — сказал он.

— Да? А я-то думал — лимонад.

Лицо его приобрело наконец нормальную окраску и обнаружило определенное сходство с мужественными чертами генерал-полковника Туура.

— Да нет, — сказал он. — Это ляпа.

— Ну?

— Она высохнет.

— И тогда уже все окончательно пропало?

— Да нет же. Просто ничего не останется.

— Гм, — сказал я с сомнением. — Впрочем, тебе виднее. Будем надеяться на лучшее. Но я все-таки очень рад, что ничего не останется на стене, а не на моей физиономии. Как тебя зовут?

— Зигфрид, — сказал мальчик.

— А подумавши?

Он посмотрел на меня.

— Люцифер.

— Как?

— Люцифер.

— Люцифер, — сказал я. — Велиал. Астарет. Вельзевул и Азраил. А покорооче у тебя ничего нет? Очень неудобно звать на помощь человека по имени Люцифер.

— Двери же закрыты, — сказал он и отступил на шаг. Лицо его снова побледнело.

— Ну и что?

Он не ответил и снова начал пятиться, уперся спиной в стену и пошел боком, прижимаясь к ней и не сводя с меня глаз. Я понял наконец, что он принял меня то ли за вора, то ли за убийцу и хочет удрать, но почему-то он не звал на помощь и почему-то не заскочил в комнату матери, а прокрался мимо ее двери и продолжал красться вдоль стены к выходу из дома.

— Зигфрид, — сказал я. — Зигфрид-Люцифер, ты ужасный трус. За кого ты меня принимаешь? — Я нарочно не двигался с места и только поворачивался вслед за ним. — Я ваш новый жилец, твоя мама напоила меня сливками и накормила меня гренками, а ты чуть не заляпал меня и теперь сам же меня боишься. Это я должен тебя бояться.

Все это очень напоминало одну сцену в Аньюдинском интернате, когда мне привезли почти такого же мальчика, сына хлыста. Елки-палки, неужели я до такой степени похож на гангстера?

— Ты похож на мускусную крысу Чучундру, — сказал я, — которая всю свою жизнь плакала, потому что у нее не хватало духу выйти на середину комнаты. У тебя от страха

стал голубой нос, уши сделались холодными, а штанишки — мокрыми, и ты оставляешь за собой ручеек...

В таких случаях абсолютно все равно, что говорить. Важно говорить спокойно и не делать резких движений. Выражение его лица не менялось, но, когда я сказал о ручейке, он на секунду скосил глаза, чтобы посмотреть. Всего на секунду. Затем он прыгнул к выходной двери, забился возле нее, дергая засов, и вылетел во двор — только мелькнули грязные подошвы сандалий. Я вышел за ним.

Он стоял в кустах сирени, так что мне видно было только его бледное лицо. Словно удирающая кошка остановилась на миг, чтобы поглядеть через плечо.

— Ну ладно, — сказал я. — Объясни мне, пожалуйста, что я должен делать. Мне надо сообщить домой свой новый адрес. Адрес вот этого самого дома. Дома, в котором я теперь живу.

Он молча смотрел на меня.

— К твоей маме мне идти неудобно. Во-первых, у нее гости, а во-вторых...

— Вторая Пригородная, семьдесят восемь, — сказал он.

Я не торопясь уселся на крыльце. Между нами было метров десять.

— Ну и голосок у тебя! — сказал я доверительно. — Как у моего знакомого бармена из Мирза-Чарле.

— Когда вы приехали? — спросил он.

— Да вот... — Я посмотрел на часы. — Часа полтора назад.

— Тут до вас жил один, — сказал он и стал глядеть в сторону. — Дрянь-человек. Подарил мне плавки, полосатые, я полез купаться, а они в воде растаяли.

— Ай-яй-яй! — сказал я. — Это же чудовище какое-то, а не человек. Его надо было утопить в ляпе.

— Я не успел, — сказал мальчик. — Я хотел, да он уже уехал.

— Это тот самый Хугер? — спросил я. — С Мартой и мальчиками?

— Нет. Откуда вы взяли? Хугер уже потом жил.

— Тоже дрянь-человек?

Он не ответил. Я привалился спиной к стене и стал смотреть на улицу. Из ворот напротив рывками выполз автомобиль, поерзал, разворачиваясь, бессмысленно взревел двигателем и укатил. Сейчас же вслед за ним промчался еще один такой же автомобиль. Запахло ароматическим бензином. Потом автомобили пошли один за другим, у меня даже запестрело в глазах. В небе появилось несколько вертолетов. Это были так называемые бесшумные вертолеты. Но они летели довольно низко, и, пока они летели, разговаривать было трудно. Впрочем, мальчик разговаривать, по-видимому, не собирался. Не собирался он и выходить. Он что-то делал в кустах со своим ляпником и время от времени поглядывал на меня. Не ляпнул бы он в меня оттуда, подумал я. Вертолеты все шли и шли, и машины все мчались и мчались, и казалось, будто все пятнадцать тысяч легковых автомобилей выкатились на Вторую Пригородную и все пятьсот вертолетов повисли над домом семьдесят восемь. Это продолжалось минут десять, мальчишка совсем перестал обращать на меня внимание, а я сидел и думал, какие вопросы придется задать Римайеру. Затем все стало как прежде: улица опустела, запах бензина рассеялся, в небе стало чисто.

— Куда это они все сразу? — спросил я.

Мальчик пошуршал в кустах.

— А вы что, не знаете? — сказал он.

— Откуда же мне знать?

— А я не знаю — откуда. Хугера-то вы откуда-то знаете...

— Хугера... — сказал я. — Хугера я знаю совершенно случайно. А про вас ничего не знаю. Как вы тут живете, чем занимаетесь... Вот что ты там сейчас делаешь?

— Предохранитель испортился.

— Так давай его сюда, я починю. Чего ты меня так боишься? Я похож на какого-нибудь дрянь-человека?

— Они все на работу поехали, — сказал мальчик.

— Поздно у вас работа начинается. Уже обедать пора, а вы еще только на работу идете... Ты знаешь, где отель «Олимпик»?

— Знаю, конечно.

— Проводишь меня?

Мальчик помедлил.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Сейчас школа кончается. Мне надо домой идти.

— Ах, вот оно что! — сказал я. — Ты, значит, филонишь? Или, как у нас говорили, мотаешь?.. И в каком же ты классе?

— В третьем.

— Я тоже когда-то учился в третьем.

Он высунулся из кустов.

— А потом?

— А потом в четвертом. — Я поднялся. — Ну ладно. Разговаривать со мной ты не хочешь, проводить меня ты не хочешь, штанишки у тебя мокрые, пойду я к себе. Ну, что смотришь? Даже не хочешь мне сказать, как тебя зовут.

Он молча глядел на меня и дышал через рот. Я пошел к себе. Кремовый холл был обезображен, как мне показалось, необратимо. Огромная угольно-черная клякса на стене не собиралась высыхать. Кому-то сегодня влетит, подумал я. Под ноги мне попался клубок бечевки. Я поднял его. Конец бечевки был привязан к ручке двери в хозяйскую половину. Так, подумал я, это мы тоже понимаем. Я отвязал бечевку и сунул клубок в карман.

В кабинете я достал из стола чистый лист бумаги и составил телеграмму Марии: «Прибыл благополучно Вторая Пригородная семьдесят восемь целую Иван». В путеводителе я нашел телефон Бюро Обслуживания, передал телеграмму и снова позвонил Римайеру. И снова Римайер не отозвался. Тогда я надел пиджак, посмотрелся в зеркало, пересчитал деньги и собрался уже выходить, когда заметил, что дверь в гостиную приоткрыта и в щель смотрит глаз. Я, конечно, ничего не заметил. Я внимательно оглядел свой костюм спереди, вернулся в ванную и некоторое время, посвистывая, чистил себя пылесосом. Когда я вернулся в кабинет, лопоухая голова, просунутая в полуоткрытую дверь, моментально скрылась — осталась торчать только серебристая трубка ляпника. Усевшись в кресло, я по очереди открыл и закрыл все двенадцать ящиков стола, включая потайные, и только тогда снова поглядел на дверь. Мальчик стоял на пороге.

— Меня зовут Лэн, — сообщил он.

— Приветствую тебя, Лэн, — сказал я рассеянно. — Меня зовут Иван. Заходи. Правда, я уже собрался обедать. Ты еще не обедал сегодня?

— Нет.

— Вот и хорошо. Сбегай, отпросись у мамы, и пойдем.

Лэн помолчал, глядя в пол.

— Еще рано, — сказал он.

— Что рано? Обедать?

— Нет, идти... туда. Школа только через двадцать минут кончается. — Он снова помолчал. — И потом, там этот толстый хмырь со шнурами.

— Дрянь-человек? — спросил я.

— Да, — сказал Лэн. — Вы правда уходите сейчас?

— Да, ухожу, — сказал я и достал из кармана клубок бечевки. — На вот, возьми. А если бы мать первой вышла?

Он пожал плечом.

— Если вы вправду уходите, — сказал он, — то можно, я у вас посижу?

— Ну что ж, посиди.

— А здесь больше никого нет?

— Никого.

Он так и не подошел ко мне, чтобы взять бечевку, но позволил подойти к себе и даже взять себя за ухо. Ухо действительно было холодное. Я легонько потрепал его и, подтолкнув мальчишку к столу, сказал:

— Сиди сколько хочешь. Я вернусь не скоро.

— Я тут посплю, — сказал Лэн.

Глава третья

Отель «Олимпик» был пятнадцатизэтажный, красный с черным. Половина площади перед ним была заставлена автомобилями, в центре площади в маленьком цветнике возвышался монумент, изображающий человека с гордо поднятой головой. Огибая монумент, я вдруг обнаружил, что человек этот мне знаком. Я в замешательстве остановился и пригляделся. Несомненно, в смешном старомодном костюме, опираясь рукой на непонятный аппарат, который я принял было за продолжение абстрактного постамента, устремив презрительно сощуренные глаза в бесконечность, на площади перед отелем «Олимпик» стоял Владимир Сергеевич Юрковский. На постаменте золочеными буквами была вырезана надпись: «Владимир Юрковский, 5 декабря, год Весов».

Я не поверил, потому что это было совершенно невозможно. Юрковским не ставят памятников. Пока они живы, их назначают на более или менее ответственные посты, их чествуют на юбилеях, их выбирают членами академий. Их награждают орденами и удостоивают международных премий. А когда они умирают — или погибают, — о них пишут книги, их цитируют, ссылаются на их работы, но чем дальше, тем реже, а потом, наконец, забывают о них. Они уходят из памяти и остаются только в книгах. Владимир Сергеевич был генералом науки и замечательным человеком. Но невозможно поставить памятники всем генералам и всем замечательным людям, тем более в странах, к которым они никогда не имели прямого отношения, и в городах, где они если и бывали, то разве что проездом... А в этом их году Весов Юрковский не был даже генералом. В марте он вместе с Дауге заканчивал исследования Аморфного Пятна на Уране, и один бомбозонд взорвался у нас в рабочем отсеке, попало всем, и, когда в сентябре мы вернулись на Планету, Юрковский был весь в сиреневых лишаях, злой и говорил, что вот вволю поплавает и позагорает и засядет за проект нового бомбозонда, потому что старый — дерьмо... Я оглянулся на отель. Мне оставалось только сделать вывод, что жизнь города находится в таинственной и весьма мощной зависимости от Аморфного Пятна на Уране. Или находилась когда-то... Юрковский высокомерно улыбался. Вообще скульптура была хорошая, но я не понимал, на что Юрковский опирается. На бомбозонд этот аппарат похож не был...

Что-то зашипело у меня над ухом. Я повернул голову и невольно отстранился. Рядом со мной, тупо уставясь в постамент, стоял длинный худой человек, с ног до шеи затянутый в какую-то серую чешую, с громоздким кубическим шлемом на голове. Лицо человека закрывала стеклянная пластина с дырочками. Из дырочек в такт дыханию вырывались струйки дыма. Изможденное лицо за стеклянной пластиной было залито потом и часто-часто ёкало щеками. Сначала я принял его за пришельца, затем подумал, что это курортник, которому прописаны особые процедуры, и только потом догадался, что это артик.

— Простите, — сказал я. — Вы мне не скажете, что это за памятник?

Мокрое лицо совсем исказилось.

— Что? — глухо донеслось из-под шлема.

Я нагнулся.

— Я спрашиваю: что это за памятник?

Человек снова уставился на постамент. Дым из дырочек пошел гуще. Снова раздалось сильное шипение.

— Владимир Юрковский, — прочитал он. — Пятое декабря, год Весов... Ага... декабря... Ну... Так это какой-нибудь еврей или поляк...

— А кто этот памятник поставил?

— Не знаю, — сказал человек. — Тут же не написано. А зачем вам?

— Это мой знакомый, — объяснил я.

— Тогда чего вы спрашиваете? Спросили бы у него самого.

— Он умер.

— А-а... Так, может, его здесь похоронили?

— Нет, — сказал я. — Он далеко похоронен.

— Где похоронен?

— Далеко!.. А что это за штука, на которую он опирается?

— Какая штука? Это эрула.

— Что?

— Эрула, говорю! Электронная рулетка.

Я вытаращил глаза.

— При чем здесь рулетка?

— Где?

— Здесь, на памятнике.

— Не знаю, — сказал человек, подумав. — Может, ваш приятель ее изобрел?

— Вряд ли, — сказал я. — Он работал в другой области.

— В какой?

— Он был планетолог и планетолецтик.

— А-а... Ну, если он ее изобрел, то молодец. Полезная вещь. Надо бы запомнить: Юрковский Владимир. Головастый был еврей...

— Вряд ли он ее изобрел, — сказал я. — Я же говорю, он был планетолецтик.

Человек воззрился на меня.

— А если не он изобрел, тогда почему он с нею тут стоит, а?

— Так в том-то и дело, — сказал я. — Сам удивляюсь.

— Врешь ты все, — сказал человек неожиданно. — Врешь и сам не знаешь, зачем врешь. С самого утра, а уже наелся... Алкоголик! — Он повернулся и побрел прочь, волоча тощие ноги и звучно шипя.

Я пожал плечами, последний раз глянул на Владимира Сергеевича и через просторную, как аэродром, площадь направился к отелю.

Гигантский швейцар откатил передо мною дверь и звучно произнес: «Милости просим». Я остановился.

— Будьте любезны, — сказал я. — Вы не знаете, что это за памятник?

Швейцар посмотрел поверх моей головы на площадь. На лице его изобразилось замешательство.

— А разве там... не написано?

— Написано, — сказал я. — Но кто поставил этот памятник? И за что?

Швейцар переступил с ноги на ногу.

— Прошу прощения, — виновато сказал он, — никак не могу ответить на этот вопрос. Он здесь давно стоит, а я совсем недавно... Боюсь вас дезинформировать. Может быть, портье...

Я вздохнул.

— Ну хорошо, не беспокойтесь. Где у вас здесь телефон?

— Направо, прошу вас, — сказал швейцар обрадованно.

Ко мне устремился было портье, но я помотал головой, взял трубку и набрал номер Римайера. На этот раз телефон оказался занят. Я направился к лифту и поднялся на девятый этаж.

Римайер, грузный, с непривычно обрюзгшим лицом, встретил меня в халате, из-под которого виднелись ноги в брюках и ботинках. В комнате воняло застоявшимся табачным дымом, пепельница на столе была полна окурков. Вообще в номере царил кавардак. Одно кресло было опрокинуто, на диване валялась скомканная сорочка, явно женская, под подоконником и под столом блестели батареи пустых бутылок.

— Чем могу служить? — неприветливо осведомился Римайер, глядя мне в подбородок. По-видимому, он только что вышел из ванны — редкие светлые волосы на его длинном черепе были мокры.

Я молча протянул ему свою карточку. Римайер внимательно прочитал ее, медленно сунул в карман халата и, по-прежнему глядя мне в подбородок, сказал: «Садитесь». Я сел.

— Очень неудачно получается, — сказал он. — Я чертовски занят, и нет ни минуты времени.

— Я несколько раз звонил вам сегодня, — сказал я.

— Я только что вернулся... Как вас зовут?

— Иван.

— А фамилия?

— Жилин.

— Видите ли, Жилин... Короче говоря, я должен сейчас одеться и уйти опять... — Он помолчал, растирая ладонью вялые щеки. — Да, собственно, и говорить-то... Впрочем, если хотите, посидите здесь и подождите меня. Если не вернусь через час, уходите и возвращайтесь завтра к двенадцати. Да, оставьте мне ваш адрес и телефон, запишите прямо на столе... — Он сбросил халат и, волоча его по полу, ушел в соседнюю комнату. — А пока осмотрите город. Скверный городишко... Но этим все равно надо заняться. Меня уже тошнит от него... — Он вернулся, затягивая галстук. Руки у него дрожали, кожа на лице была дряблой и серой. Я вдруг ощутил, что не доверяю ему, — смотреть на него было неприятно, как на запущенного больного.

— Вы плохо выглядите, — сказал я. — Вы сильно изменились.

Римайер впервые взглянул мне в глаза.

— А откуда вы знаете, какой я был раньше?

— Я видел вас у Марии... Много курите, Римайер, а табак теперь сплошь и рядом пропитывают дрянью.

— Ерунда это — табак, — сказал он с неожиданным раздражением. — Здесь все дрянью пропитывают... А в общем-то вы правы, наверное, надо бросать. — Он медленно натянул пиджак. — Надо бросать... — повторил он. — И вообще не надо было начинать.

— Как идет работа?

— Бывало и хуже. На редкость захватывающая работа. — Он как-то неприятно усмехнулся. — Ну, я пойду. Меня ждут, я опаздываю. Значит, либо через час, либо завтра в двенадцать.

Он кивнул и вышел.

Я записал на телефонном столике свой адрес и телефон и, въехав ногой в кучу бутылок, подумал, что работа была, по-видимому, действительно захватывающая. Я позвонил портье и потребовал в номер уборщицу. Вежливейший голос ответил, что хозяин номера категорически запретил обслуживающему персоналу появляться в номере в его отсутствие и повторил это запрещение только что, выходя из отеля. «Ага», — сказал я и повесил трубку. Мне это не слишком понравилось. Сам я таких приказаний никогда не отдаю и никогда ни от кого ничего не скрываю, даже записную книжку. Глупо создавать ненужные впечатления, лучше поменьше пить. Я поднял опрокинутое кресло, уселся и приготовился ждать, стараясь подавить чувство недовольства и разочарования.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять дверь приоткрылась, и в комнату просунулась хорошенькая женская мордочка.

— Эй! — чуть сипло произнесла мордочка. — Римайер дома?

— Римайера нет, — сказал я. — Но вы все равно заходите.

Она поколебалась, рассматривая меня. По-видимому, она не собиралась заходить, просто заглянула мимоходом.

— Заходите, заходите, — сказал я. — А то мне одному скучно.

Она вошла легкой танцующей походкой и, подбоченясь, остановилась передо мной. У нее был короткий вздернутый нос и растрепанная мальчишеская прическа. Волосы были рыжие, шорты ярко-красные, а голошейка навывпуск — яично-желтая. Яркая женщина. И довольно приятная. Ей было лет двадцать пять.

— Ждете? — сказала она.

Глаза ее блестели, и от нее пахло вином, табаком и духами.

— Жду, — сказал я. — Садитесь, будем ждать вместе.

Она повалилась на тахту напротив меня и задрала ноги на телефонный столик.

— Киньте сигаретку рабочему человеку, — сказала она. — Пять часов не курила.

— Я некурящий... Позвонить, чтобы принесли?

— Господи, и здесь грустец... Оставьте телефон, а то опять припрется эта баба...

Пошарьте в пепельнице и найдите бычок подлиннее!

В пепельнице было полно длинных бычков.

— Они все в помаде, — сказал я.

— Давайте, давайте, это моя помада. Как вас зовут?

— Иван.

Она щелкнула зажигалкой и закурила.

— А меня — Илина. Вы тоже иностранец? Вы все, иностранцы, какие-то широкие.

Что вы здесь делаете?

— Жду Римайера.

— Да нет. Чего вас принесло к нам? От жены спасаетесь?

— Я не женат, — сказал я скромно. — Я приехал написать книгу.

— Книгу? Ну и знакомые же у этого Римайера... Книгу он приехал написать.

Проблема пола у спортсменов-импотентов. Как у вас с проблемой пола?

— Это для меня не проблема, — сказал я скромно. — А для вас?

Она спустила ноги со столика.

— Но-но... Полегче. Здесь вам не Париж. Патлы сначала укороти, а то сидит как перш...

— Как кто? — Я был очень терпелив, ждать еще оставалось сорок пять минут.

— Как перш. Знаешь, ходят такие... — Она стала делать руками неопределенные движения возле ушей.

— Не знаю, — сказал я. — Я здесь недавно. Я еще ничего не знаю. Расскажите, это интересно.

— Ну уж нет, только не я. У нас не болтают. Наше дело маленькое — подай, прибори, скаль зубы и помалкивай. Профессиональная тайна. Слыхал про такого зверя?

— Слыхал, — сказал я. — А где это «у вас»? У врачей?

Почему-то ей это показалось очень смешным.

— У врачей!.. Надо же... — хохотала она. — А ты парень ничего, с язычком... У нас в Бюро тоже есть один такой. Как скажет — все лежат. Когда мы рыбарей обслуживаем, его всегда назначают, рыбари любят повеселиться.

— Да и кто не любит? — сказал я.

— Это ты зря. Интели, например, его прогнали. «Уберите, — говорят, — дурака...»

Или вот нынче, у этих беременных мужиков...

— У кого?

— У грустецов. Слушай, а ты, я вижу, ничего не понимаешь. Откуда ты такой приехал?

— Из Вены, — сказал я.

— Ну и что? У вас в Вене нет грустецов?

— Вы представить себе не можете, чего только нет в Вене.

— Может быть, у вас там и нерегулярных собраний нет?

— У нас — нет, — сказал я. — У нас все собрания регулярные. Как автобусная линия.

Она развлекалась.

— Может, у вас и официанток нет?

— Официантки есть. Причем попадаются превосходные экземпляры. Значит, вы официантка?

Она вдруг вскочила.

— Не-ет, так у нас дело не пойдет! — закричала она. — Хватит с меня грустцов на сегодня. Сейчас ты у меня выпьешь со мной на брудершафт как миленький... — Она принялась валить бутылки под окном. — Вот стервы, все пустые... Может, ты и непьющий? Ага, вот есть немного вермута... Будешь вермут? Или спросить виски?

— Начнем с вермута, — сказал я.

Она грохнула бутылку на столик и взяла с подоконника два стакана.

— Надо вымыть, погоди минутку, накидали мусора... — Она ушла в ванную и продолжала говорить оттуда: — Если бы ты еще оказался непьющим, я бы не знаю что с тобой сделала... Ну и кабак у него здесь, в ванной, люблю! Ты где остановился, тоже здесь?

— Нет, в городе, — ответил я. — На Второй Пригородной.

Она вернулась со стаканами.

— С водой или чистого?

— Пожалуй, чистого.

— Все иностранцы пьют чистое. А у нас почему-то пьют с водой. — Она села ко мне на подлокотник и обняла меня за плечи. От нее здорово пахло спиртным. — Ну, на «ты»...

Мы выпили и поцеловались. Без всякого удовольствия. Губы у нее оказались сильно накрашены, а веки тяжелы от бессонницы и усталости. Она поставила стакан, отыскала в пепельнице еще один окурочек и вернулась на тахту.

— Где же этот Римайер? — сказала она. — Сколько можно ждать? Ты давно его знаешь?

— Нет, не очень.

— По-моему, он сволочь, — сказала она с неожиданной злобой. — Все выпытал, а теперь скрывается. Не открывает, скотина, и не дозвонишься к нему. Слушай, а он не шпик?

— Какой шпик?

— А, много их, сволочей... Из Общества Трезвости, нравственники... Знатоки и Ценители тоже дрянь хорошая...

— Нет. Римайер — порядочный человек, — сказал я с некоторым усилием.

— Порядочный... Все вы порядочные. Поначалу. Римайер тоже был порядочным, таким прикидывался добреньким, веселеньким... А теперь смотрит, как крокодил!

— Бедняга, — сказал я. — Он, наверное, вспомнил о семье, и ему стало стыдно.

— Да нет у него никакой семьи. И вообще, ну его к черту! Налить тебе еще?

Мы выпили еще. Она легла и закинула руки за голову. Затем она сказала:

— Да ты не расстраивайся. Плюнь. Вина у нас полно, спляшем, сбегает на дрожку... Завтра футбол, поставим на «Быков»...

— Да я и не расстраиваюсь. На «Быков» так на «Быков».

— Ах, «Быки»! Какие мальчишки! Век бы смотрела... Руки как железо, прижмешься к нему — как к дереву, честное слово...

В дверь постучали.

— Заходи! — заорала Илина.

В комнату вошел и сразу остановился высокий костлявый человек средних лет со светлыми усами щеточкой и со светлыми выпуклыми глазами.

— Виноват, — сказал он. — Я хотел видеть Римайера.

— Здесь все хотят видеть Римайера, — сказала Илина. — Присаживайтесь, будем ждать вместе.

Незнакомец наклонил голову и присел к столу, положив ногу на ногу.

Вероятно, он был здесь не впервые. Он не озирался по сторонам, а глядел в стену прямо перед собой. Впрочем, может быть, он был не любопытен. Во всяком случае, ни я, ни Илина его явно не интересовали. Мне это показалось неестественным: по-моему, такая пара, как я и Илина, должна была заинтересовать любого нормального человека. Илина приподнялась на локте и стала пристально рассматривать незнакомца.

— Я вас где-то уже видела, — объявила она.

— В самом деле? — холодно сказал незнакомец.

— Как вас зовут?

— Оскар. Я приятель Римайера.

— Вот славно, — сказала Илина. Ее явно раздражало безразличие незнакомца, но пока она сдерживалась. — Он тоже приятель Римайера. — Она показала на меня пальцем. — Вы знакомы?

— Нет, — сказал Оскар, по-прежнему глядя в стену.

— Меня зовут Иван, — сказал я. — А это приятельница Римайера. Ее зовут Илина, и мы с нею только что выпили на брудершафт.

Оскар довольно равнодушно взглянул на Илину и вежливо наклонил голову. Илина, не сводя с него глаз, взяла бутылку.

— Здесь еще немного осталось, — сказала она. — Хотите выпить, Оскар?

— Нет, благодарю вас, — холодно ответил Оскар.

— На брудершафт! — сказала Илина. — Не хотите? Зря.

Она плеснула вина в мой стакан, а остатки вылила в свой и сейчас же выпила.

— В жизни бы не подумала, — сказала она, — что у Римайера могут быть друзья, которые откажутся выпить. А ведь я вас все-таки где-то видела!

Оскар пожал плечами.

— Вряд ли, — сказал он.

Илина накалялась на глазах.

— Сволочь какая-нибудь, — сообщила она мне громко. — Алло, Оскар, может, вы интель?

— Нет.

— Как же нет? — сказала Илина. — Ясно, что интель. Вы еще поцапались в «Ласочке» с плешивым Лейзом, зеркало расколотили, а Моды надавала вам оплеух...

Каменное лицо Оскара слегка порозовело.

— Уверяю вас, — произнес он очень вежливо, — я не интель и никогда в жизни не был в «Ласочке».

— Что же, я вру, по-вашему? — сказала Илина.

Тут я на всякий случай снял со столика бутылку и поставил под кресло.

— Я приезжий, — сказал Оскар. — Турист.

— Давно прибыли? — спросил я, чтобы разрядить атмосферу.

— Нет, недавно, — ответил Оскар. Он по-прежнему глядел в стену. Железной выдержки человек.

— А-а! — сказала вдруг Илина. — Помню... Это я все напутала. — Она расхохоталась. — Никакой вы не интель, конечно... Вы же были позавчера у нас в Бюро. Вы коммивояжер, да? Вы предлагали управляющему партию какой-то дряни... «Дюгонь»... «Дюпон»...

— «Девон», — подсказал я. — Есть такой репеллент, «Девон».

Оскар впервые улыбнулся.

— Совершенно верно, — сказал он. — Но я не коммивояжер, конечно. Я просто выполнил поручение моего родственника.

— Это другое дело, — сказала Илина и вскочила. — Так бы и сказали. Иван, нам всем нужно выпить на брудершафт. Я позвоню... Нет, лучше я сбегаю. А вы пока поболтайте. Я сейчас...

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

— Веселая женщина, — сказал я.

— Да, чрезвычайно. Вы местный?

— Нет, я тоже приезжий... Какая странная идея пришла в голову вашему родственнику!

— Что вы имеете в виду?

— Кому нужен «Девон» в курортном городе?

Оскар пожал плечами.

— Мне трудно судить об этом, я не химик. Но согласитесь, нам часто трудно понять даже поступки наших ближних, не то что их фантазии... Так «Девон», оказывается... как вы его называли? Реце...

— Репеллент, — сказал я.

— Это, кажется, для комаров?

— Не столько для, сколько против.

— Вы, я вижу, хорошо в этом разбираетесь, — сказал Оскар.

— Мне приходилось им пользоваться.

— Ах, даже так...

Что за черт? — подумал я. Что он всем этим хочет сказать? Он больше не смотрел в стену. Он смотрел мне прямо в глаза и улыбался. Но если он хотел что-нибудь сказать, то он уже сказал. Он встал.

— Пожалуй, я не стану больше ждать, — произнес он. — Насколько я понимаю, меня здесь вынудят пить на брудершафт. А я приехал сюда не пить. Я приехал сюда лечиться. Передайте, пожалуйста, Римайеру, что я буду звонить ему сегодня вечером. Не забудете?

— Нет, — сказал я. — Не забуду. Если я скажу, что заходил Оскар, он поймет, о ком идет речь?

— Да, конечно. Это мое настоящее имя.

Он поклонился и вышел размеренным шагом, не оглянувшись, прямой и весь какой-то неестественный. Я запустил пальцы в пепельницу, выбрал окурочек без помады и несколько раз затянулся. Табак мне не понравился. Я потушил окурочек. Оскар мне тоже не понравился. И Илина. И Римайер мне тоже очень не понравился. Я перебрал бутылки, но все они были пустые.

Глава четвертая

Римайера я не дождался. Илина так и не вернулась. Мне надоело сидеть в прокуренной комнате, и я спустился вниз, в вестибюль. Я намеревался пообедать и остановился, озираясь, где здесь ресторан. Около меня мгновенно возник портье.

— К вашим услугам, — нежно прошелестел он. — Автомобиль? Ресторан? Бар? Салон?..

— Какой салон? — любопытствовал я.

— Парикмахерский салон. — Он деликатно взглянул на мою прическу. — Сегодня принимает мастер Гаозй. Усиленно рекомендую.

Я вспомнил, что Илина назвала меня, кажется, патлатым першем, и сказал: «Ну что ж, пожалуй». — «Прошу за мной», — сказал портье. Мы пересекли вестибюль. Портье приоткрыл низкую широкую дверь и негромко сказал в пустоту обширного помещения:

— Простите, мастер, к вам клиент.

— Прошу, — произнес спокойный голос.

Я вошел. В салоне было светло и хорошо пахло, блестел никель, блестели зеркала, блестел старинный паркет. С потолка на блестящих штангах свисали блестящие полушария. В центре зала стояло огромное белое кресло. Мастер двигался мне навстречу. У него были пристальные неподвижные глаза, крючковатый нос и седая эспаньолка. Больше всего он напоминал пожилого, опытного хирурга. Я робко поздоровался. Он коротко кивнул и, озирая меня с головы до ног, стал обходить меня сбоку. Мне стало неуютно.

— Приведите меня в соответствие с модой, — сказал я, стараясь не выпускать его из поля зрения. Но он мягко придержал меня за рукав и несколько секунд дышал за моей спиной, бормоча: «Несомненно... Вне всякого сомнения...» Потом я почувствовал, как он прикоснулся к моему плечу.

— Несколько шагов вперед, прошу вас, — сказал он строго. — Пять-шесть шагов, а потом остановитесь и резко повернитесь кругом.

Я повиновался. Он задумчиво разглядывал меня, пощипывая бородку. Мне показалось, что он колеблется.

— Впрочем, — сказал он неожиданно, — садитесь.

— Куда? — спросил я.

— В кресло, в кресло, — сказал он нетерпеливо.

Я опустил в кресло и смотрел, как он снова медленно приближается ко мне. На его интеллигентнейшем лице вдруг появилось выражение огромной досады.

— Ну как же так можно? — произнес он. — Это же ужасно!..

Я не нашелся что ответить.

— Сырье... Дисгармония... — бормотал он. — Безобразно... Безобразно!

— Неужели до такой степени плохо? — спросил я.

— Я не понимаю, зачем вы пришли ко мне, — сказал он. — Ведь вы не придаете своей внешности никакого значения.

— С сегодняшнего дня начинаю придавать, — сказал я.

Он махнул рукой.

— Оставьте!.. Я буду работать вас, но... — Он затряс головой, стремительно повернулся и отошел к высокому столу, уставленному блестящими приборами. Спинка кресла мягко откинулась, и я оказался в полулежачем положении. Сверху на меня надвинулось большое полушарие, излучающее тепло, и сотни крошечных иголок тотчас закололи мне затылок, вызывая странное ощущение боли и удовольствия одновременно.

— Прошло? — спросил мастер, не оборачиваясь. Ощущение исчезло.

— Прошло, — ответил я.

— Кожа у вас хороша, — с некоторым удовольствием проворчал мастер.

Он вернулся ко мне с набором необыкновенных инструментов и принялся ощупывать мои щеки.

— И все-таки Мироза вышла за него, — сказал он вдруг. — Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого. После того как Левант столько сделал для нее... Вы помните этот момент, когда они плачут над умирающей Пини? Можно было держать любое пари, что они вместе навсегда. И теперь, представьте себе, она выходит за этого литератора!

У меня есть правило: подхватывать и поддерживать любой разговор. Когда не знаешь, о чем идет речь, это даже интересно.

— Ненадолго, — сказал я уверенно. — Литераторы непостоянны, уверяю вас. Я сам литератор.

Его пальцы на секунду замерли на моих веках.

— Это не приходило мне в голову, — признался он. — Все-таки брак, хотя и гражданский... Надо не забыть позвонить жене. Она была очень расстроена.

— Я ее понимаю, — сказал я. — Хотя мне всегда казалось, что Левант сперва был влюблен в эту... в Пини.

— Влюблен? — воскликнул мастер, заходя с другого бока. — Ну разумеется, он любил ее! Безумно любил! Как может любить только одинокий, всеми отвергнутый мужчина!

— И поэтому совершенно естественно, что после смерти Пини он искал утешения у ее лучшей подруги...

— Подруги... Да, — сказал одобрительно мастер, щекоча меня за ухом. — Мироза обожала Пини. Это очень точное слово: именно подруга! В вас сразу чувствуется литератор. И Пини тоже обожала Мирозу...

— Но заметьте, — подхватил я. — Ведь Пини с самого начала подозревала, что Мироза равнодушна к Леванту.

— О, конечно. Они необычайно чутки к таким вещам. Это было ясно каждому, моя жена сразу обратила на это внимание. Я помню, она подталкивала меня локтем каждый раз, когда Пини садилась на кудрявую головку Мирозы и так лукаво, знаете ли, выжидательно поглядывала на Леванта...

На этот раз я промолчал.

— Вообще я глубоко убежден, — продолжал он, — что птицы чувствуют не менее тонко, чем люди.

Ага, подумал я и сказал:

— Не знаю, как птицы вообще, но Пини была гораздо более чуткой, чем может быть, даже мы с вами.

Что-то коротко прожужжало у меня над макушкой, слабо звякнул металл.

— Вы говорите слово в слово как моя жена, — заметил мастер. — Вам, наверное, должен нравиться Дэн. Я был потрясен, когда он сумел сработать бункин этой японской герцогине... не помню ее имени. Ведь никто, ни один человек не верил Дэну. Сам японский король...

— Простите, — сказал я. — Бункин?

— Да, вы же не специалист... Ну, вы помните тот момент, когда японская герцогиня выходит из застенка. Ее волосы, высокий вал белокурых волос, украшенных драгоценными гребнями...

— А-а, — догадался я. — Это прическа!

— Да, она даже вошла на время в моду в прошлом году. Хотя настоящий бункин у нас могли делать единицы... как и настоящий шиньон, между прочим. И конечно, никто не мог поверить, что Дэн с обожженными руками, полуослепший... Вы помните, как он ослеп?

— Это было потрясающе, — проговорил я.

— О-о, Дэн был настоящий мастер. Сделать бункин без электрообработки, без биоразвертки... Вы знаете, — продолжал он, и в голосе его послышалось волнение, — мне сейчас пришло в голову, что Мироза должна, когда расстанется с этим литератором, выйти не за Леванта, а за Дэна. Она будет вывозить его в кресле на веранду, и они будут слушать при луне поющих соловьев... Вместе, вдвоем...

— И тихо плакать от счастья, — сказал я.

— Да... — Голос мастера прервался. — Это будет только справедливо. Иначе я просто не знаю... Иначе я просто не понимаю, к чему вся наша борьба... Нет, мы должны потребовать. Я сегодня же пойду в союз.

Я снова промолчал. Мастер прерывисто дышал у меня над ухом.

— Пусть бреются в автоматах, — сказал он вдруг мстительно. — Пусть ходят, как ошипанные гуси. Мы дали им попробовать однажды, что это такое, посмотрим теперь, как это им понравилось.

— Боюсь, это будет непросто, — сказал я осторожно, потому что ничего не понимал.

— А мы, мастера, привыкли к сложному. Непросто! А когда к вам является жирное чучело, потное и страшное, и вам нужно сделать из него человека... Или по крайней мере нечто такое, что в обыденной жизни не отличается от человека... это что, просто?!

Помните, как сказал Дэн? «Женщина рождает человека раз в девять месяцев, а мы, мастера, делаем это каждый день». Разве это не превосходные слова?

— Дэн говорил о парикмахерах? — спросил я на всякий случай.

— Дэн говорил о мастерах! «На нас держится красота мира», — говорил он. И еще, помните? «Для того чтобы сделать из обезьяны человека, Дарвину нужно было быть отличным мастером».

Я решил сдаться и признался:

— Вот этого я уже не помню.

— А вы давно смотрите «Розу салона»?

— Да я совсем недавно приехал.

— А-а... Тогда вы много потеряли. Мы с женой смотрим эту историю уже седьмой год, каждый вторник. Мы пропустили только один раз: у меня был приступ, и я потерял сознание. Но во всем городе только один человек не пропустил ни разу — мастер Миль из Центрального салона.

Он отошел на несколько шагов, включил и выключил разноцветные софиты и вновь принялся за дело.

— Седьмой год, — повторил он. — И теперь представьте себе: в позапрошлом году они убивают Мирозу и бросают Леванта в японские застенки пожизненно, а Дэна сжигают на костре. Вы можете себе это представить?

— Это невозможно, — сказал я. — Дэна? На костре? Правда, Бруно тоже сожгли на костре...

— Возможно... — нетерпеливо сказал мастер. — Во всяком случае, нам стало ясно, что они хотят быстренько свернуть программу. Но мы этого не потерпели. Мы объявили забастовку и боролись три недели. Миль и я пикетировали парикмахерские автоматы. И должен вам сказать, что значительная часть горожан нам сочувствовала.

— Еще бы, — сказал я. — И что же? Вы победили?

— Как видите. Они прекрасно поняли, что это такое, и теперь телецентр знает, с кем имеет дело. Мы не отступили ни на шаг, и если понадобится — не отступим. Во всяком случае, теперь по вторникам мы отдыхаем, как встарь, — по-настоящему.

— А в остальные дни?

— А в остальные дни ждем вторника и гадаем, что ожидает нас, чем вы, литераторы, нас порадуете, спорим и заключаем пари... Впрочем, у нас, мастеров, не так много досуга.

— Большая клиентура, вероятно?

— Нет, дело не в этом. Я имею в виду домашние занятия. Стать мастером нетрудно, трудно оставаться мастером. Масса литературы, масса новых методов, новых приложений, за всем надо следить, надо непрерывно экспериментировать, исследовать, и надо непрерывно следить за смежными областями — бионика, пластическая медицина, органика... И потом, вы знаете, накапливается опыт, появляется потребность поделиться. Вот мы с Милем пишем уже вторую книгу, и буквально каждый месяц нам приходится вносить в рукопись исправления. Все устаревает на глазах. Сейчас я заканчиваю статью об одном малоизвестном свойстве врожденно-прямого непластичного волоса, и вы знаете, у меня практически нет никаких шансов оказаться первым. Только в нашей стране я знаю трех мастеров, занятых тем же вопросом. Это естественно: врожденно-прямой непластичный волос — это актуальнейшая проблема. Ведь он считается абсолютно неэстетичным... Впрочем, вас это, конечно, не может интересовать. Вы ведь литератор?

— Да, — сказал я.

— Вы знаете, как-то во время забастовки мне случилось пробежать один роман. Это не ваш?

— Не знаю, — сказал я. — А о чем?

— Н-ну, я не могу сказать вам совершенно точно... Сын поссорился с отцом, и у него был друг, этакий неприятный человек со странной фамилией... Он еще резал лягушек.

— Не могу вспомнить, — соврал я. Бедный Иван Сергеевич!

— Я тоже не могу вспомнить. Какой-то вздор. У меня есть сын, но он никогда со мной не ссорится. И животных он никогда не мучает... разве что в детстве...

Он снова отступил от меня и медленно пошел по кругу, оглядывая. Глаза его горели. Кажется, он был очень доволен.

— А ведь, пожалуй, на этом можно закончить, — проговорил он.

Я вылез из кресла. «А ведь неплохо... — бормотал мастер. — Просто очень неплохо». Я подошел к зеркалу, а он включил прожекторы, которые осветили меня со всех сторон, так что на лице совсем не осталось теней. В первый момент я не заметил в себе ничего особенного. Я как я. Потом я почувствовал, что это не совсем я. Что это гораздо лучше, чем я. Много лучше, чем я. Красивее, чем я. Добрее, чем я. Гораздо значительнее, чем я. И я ощутил стыд, словно умышленно выдавал себя за человека, которому в подметки не гожусь...

— Как вы это сделали? — спросил я вполголоса.

— Пустяки, — ответил мастер, как-то особенно улыбаясь. — Вы оказались довольно легким клиентом, хотя и основательно подзапущенным.

Я как Нарцисс стоял перед зеркалом и не мог отойти. Потом мне вдруг стало жутко. Мастер был волшебником, и волшебником недобрым, хотя сам, наверное, и не подозревал об этом. В зеркале, озаренная прожекторами, необычайно привлекательная и радующая глаз, отражалась ложь. Умная, красивая, значительная пустота. Нет, не пустота, конечно, я не был о себе такого уж низкого мнения, но контраст был слишком велик. Весь мой внутренний мир, все, что я так ценил в себе... Теперь его вообще могло бы не быть. Оно было больше не нужно. Я посмотрел на мастера. Он улыбался.

— У вас много клиентов? — спросил я.

Он не понял моего вопроса, да я и не хотел, чтобы он меня понял.

— Не беспокойтесь, — ответил он. — Вас я всегда буду работать с удовольствием. Сырье самое высококачественное.

— Спасибо, — сказал я, опуская глаза, чтобы не видеть его улыбки. — Спасибо. До свидания.

— Только не забудьте расплатиться, — благодушно сказал он. — Мы, мастера, очень ценим свою работу.

— Да, конечно, — спохватился я. — Разумеется. Сколько я должен?

Он сказал, сколько я должен.

— Как? — спросил я, приходя в себя.

Он с удовольствием повторил.

— С ума сойти, — честно сказал я.

— Такова цена красоты, — объяснил он. — Вы пришли сюда заурядным туристом, а уходите царем природы. Разве не так?

— Самозванцем я ухожу, — пробормотал я, доставая деньги.

— Ну-ну, не так горько, — вкрадчиво сказал он. — Даже я не знаю этого наверняка. Да и вы не уверены... Еще два доллара, пожалуйста... Благодарю вас. Вот пятьдесят пфеннигов сдачи... Вы ничего не имеете против пфеннигов?

Я ничего не имел против пфеннигов. Мне хотелось скорее уйти.

В вестибюле я некоторое время постоял, приходя в себя, глядя через стеклянную стену на металлического Владимира Сергеевича. В конце концов, все это очень не ново. В конце концов, миллионы людей совсем не то, за что они себя выдают. Но этот проклятый парикмахер сделал меня эмпириокритиком. Реальность замаскировалась прекрасными иероглифами. Я больше не верил тому, что вижу в этом городе. Залитая стереопластиком площадь в действительности, наверное, вовсе не была красива. Под изящными очертаниями автомобилей мнились зловещие, уродливые формы. А вон та прекрасная, милая женщина на самом деле, конечно, отвратительная, вонючая гиена, похотливая, тупая хрюшка. Я закрыл глаза и помотал головой. Старый дьявол...

Неподалеку остановились два лощеных старца и принялись с жаром спорить о преимуществах фазана тушеного перед фазаном, запеченным с перьями. Они спорили, истекая слюной, чмокая и задыхаясь, щелкая друг у друга под носом костлявыми пальцами. Этим двум никакой мастер помочь не смог бы. Они сами были мастерами и не скрывали этого. Во всяком случае, они вернули меня к материализму. Я подзвал портье и спросил, где ресторан.

— Прямо перед вами, — сказал портье и, улыбнувшись, поглядел на спорящих старцев. — Любая кухня мира.

Вход в ресторан я принял за ворота в ботанический сад. Я вошел в этот сад, раздвигая руками ветви экзотических деревьев, ступая то по мягкой траве, то по неровным плитам ракушечника. В пышной прохладной зелени гомонили невидимые птицы, слышались негромкие разговоры, звяканье ножей, смех. Мимо моего носа пролетела золотистая птичка. Она с натугой тащила в клюве маленький бутерброд с икрой.

— Я к вашим услугам, — сказал глубокий бархатный голос.

Из зарослей выступил мне навстречу величественный мужчина со щеками на плечах.

— Обед, — коротко сказал я. Не люблю метрдотелей.

— Обед... — повторил он значительно. — Обед в обществе? Отдельный столик?

— Отдельный столик. А впрочем...

В руке у него мгновенно появился блокнот.

— Мужчину вашего возраста будут рады видеть у себя за столом миссис и мисс Гамилтон-Рэй...

— Дальше, — сказал я.

— Отец Жофруа...

— Я предпочел бы аборигена, — сказал я.

Он перекинул листок.

— Только что сел за стол доктор философии Опир.

— Пожалуй, — сказал я.

Он спрятал блокнотик и повел меня по дорожке, выложенной плитками песчаника. Где-то вокруг разговаривали, ели, шипели сифонами. В листьях разноцветными пчелами металась колибри. Метрдотель почтительно осведомился:

— Как прикажете вас представить?

— Иван. Турист и литератор.

Доктору Опиру было под пятьдесят. Он сразу понравился мне, потому что немедленно, без всяких церемоний, прогнал метрдотеля за официантом. Он был румяный, толстый и непрерывно и с удовольствием говорил и двигался.

— Не затрудняйтесь, — сказал он, когда я потянулся за меню. — Все уже известно. Водка, анчоусы под яйцом — у нас их называют пасифунчиками, — картофельный суп «лик»...

— Со сметаной, — вставил я.

— Разумеется!.. Паровая осетрина по-астрахански, ломтик телятины...

— Я хочу фазанов. Запеченных с перьями.

— Не надо: не сезон... Ломтик говядины, угорь в сладком маринаде...

— Кофе, — сказал я.

— Коньяк, — возразил он.

— Кофе с коньяком.

— Хорошо. Коньяк и кофе с коньяком. Какое-нибудь бледное вино к рыбе и хорошую натуральную сигару...

Обедать с доктором философии Опиром оказалось очень удобно. Можно было есть, пить и слушать. Или не слушать. Доктор Опир не нуждался в собеседнике. Доктор Опир нуждался в слушателе. Я в разговоре не участвовал, я даже не подавал реплик, а доктор Опир с наслаждением ораторствовал, почти не прерываясь, размахивая вилкой, но тарелки

и блюда перед ним пустели тем не менее с прямо-таки таинственной быстротой. В жизни не встречал человека, который бы так искусно говорил с набитым и жующим ртом.

— Наука! Ее Величество Наука! — восклицал он. — Она зрела долго и мучительно, но плоды ее оказались изобильны и сладки. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Сотни поколений рождались, страдали и умирали, и никогда никому не захотелось произнести этого заклинания. Нам исключительно повезло. Мы родились в величайшую из эпох — в Эпоху Удовлетворения Желаний. Может быть, не все это еще понимают, но девяносто девять процентов моих сограждан уже сейчас живут в мире, где человеку доступно практически все мыслимое. О наука! Ты наконец освободила человечество! Ты дала нам, даешь и будешь отныне давать все... пишу — превосходную пишу! — одежду — превосходную, на любой вкус и в любых количествах! — жилье — превосходное жилье! Любовь, радость, удовлетворенность, а для желающих, для тех, кто утомлен счастьем, — сладкие слезы, маленькие спасительные горести, приятные утешительные заботы, придающие нам значительность в собственных глазах... Да, мы, философы, много и злобно ругали науку. Мы призывали луддитов, ломающих машины, мы проклинали Эйнштейна, изменившего нашу Вселенную, мы клеймили Винера, посягнувшего на нашу божественную сущность. Что ж, мы действительно утратили эту божественную сущность. Наука отняла ее у нас. Но взамен! Взамен она бросила человечество за пиршественные столы Олимпа... Ага, а вот и картофельный суп, божественный «ликер»!.. Нет-нет, делайте, как я... Берите вот эту ложечку... Чуть-чуть уксуса... поперчите... другой ложечкой, вот этой, зачерпните сметану и... нет-нет, постепенно, постепенно разбалтывайте... Это тоже наука, одна из древнейших, более древняя, во всяком случае, чем универсальный синтез... Кстати, обязательно посетите наши синтезаторы «Рог Амальтеи АК»... Вы ведь не химик? Ах да, вы же литератор! Об этом надо писать, это величайшее таинство сегодняшнего дня, бифштексы из воздуха, спаржа из глины, трюфели из опилок... Как жаль, что Мальтус умер! Над ним хохотал бы сейчас весь мир! Конечно, у него были какие-то основания для пессимизма. Я готов согласиться с теми, кто полагает его даже гениальным. Но он был слишком невежествен, он совершенно не видел перспективы естественных наук. Он был из тех несчастливых гениев, которые открывают законы общественного развития как раз в тот момент, когда эти законы перестают действовать... Мне его искренне жаль. Ведь человечество было для него миллиардом жадно разинутых ртов. Он должен был просыпаться по ночам от ужаса. Это воистину чудовищный кошмар: миллиард разинутых пастей и ни одной головы! Я оглядываюсь назад и с горечью вижу, как слепы они были — потрясатели душ и властители умов недалекого прошлого. Сознание их было омрачено беспрерывным ужасом. Социальные дарвинисты! Они не верили в возможность существования, видели только сплошную борьбу за существование: толпы остервенелых от голода людей, рвущих друг друга в клочки из-за места под солнцем, как будто оно только одно, это место, как будто солнца не хватит для всех! И Ницше... Может быть, он годился для голодных рабов фараоновых времен со своей зловещей проповедью расы господ, со своими сверхчеловеками по ту сторону добра и зла... Кому сейчас нужно быть по ту сторону? Неплохо и по эту, как вы полагаете? Были, конечно, Маркс и Фрейд. Маркс, например, первым понял, что все дело в экономике. Он понял, что вырвать экономику из рук жадных дураков и фетишистов, сделать ее государственной, безгранично развить ее — это и означает заложить фундамент Золотого Века. А Фрейд показал, для чего, собственно, нам нужен этот Золотой Век. Помните, что было причиной всех несчастий рода человеческого. Неудовлетворенные инстинкты, неразделенная любовь и неутоленный голод, не так ли? Но вот является Ее Величество Наука и дарит нам удовлетворение. И как быстро все это произошло! Еще не забыты имена мрачных прорицателей, а уже... Как вам кажется осетрина? У меня такое впечатление, что соус синтетический. Видите, розоватый оттенок... Да, синтетический. В ресторане мы могли бы рассчитывать на натуральный... Метр! Впрочем, пусть его, не будем капризны... Идите, идите!.. О чем это я? Да! Любовь и голод. Удовлетворите

любовь и голод, и вы увидите счастливого человека. При условии, конечно, что человек наш уверен в завтрашнем дне. Все утопии всех времен базируются на этом простейшем соображении. Освободите человека от забот о хлебе насущном и о завтрашнем дне, и он станет истинно свободен и счастлив. Я глубоко убежден, что дети, именно дети — это идеал человечества. Я вижу глубочайший смысл в поразительном сходстве между ребенком и беззаботным человеком, объектом утопии. Беззаботен — значит счастлив. И как мы близки к этому идеалу! Еще несколько десятков лет, а может быть, и просто несколько лет, и мы достигнем автоматического изобилия, мы отбросим науку, как исцеленный отбрасывает костыли, и все человечество станет огромной счастливой детской семьей. Взрослые будут отличаться от детей только способностью к любви, а эта способность делается — опять-таки с помощью науки — источником новых, небывалых радостей и наслаждений... А вот и кофе! М-м-м... неплохой кофе! Но где же коньяк? Ага, благодарю вас... О, какой коньяк! Между прочим, я слышал, что Великий Дегустатор удалился от дел. На последнем Брюссельском конкурсе коньяков произошел грандиознейший скандал, который удалось замять с огромным трудом. Гран-при получает девиз «Белый Кентавр». Жюри в восторге. Это нечто небывалое. Это некая феноменальная феерия ощущений! Вскрывают заявочный пакет и — о ужас! — это синтетик! Великий Дегустатор побелел как бумага, его стошнило! Мне, между прочим, довелось попробовать этот коньяк, он действительно превосходен, но его гонят из мазутов, и у него даже нет собственного названия. Эй экс восемнадцать дробь нафтан, и он дешевле гидролизного спирта... Возьмите эту сигару. Вздор, что значит не курите? После такого обеда нельзя не курить... Я люблю этот ресторан. Каждый раз, когда я приезжаю читать лекции в здешний университет, я обедаю в «Олимпике». А перед возвращением я непременно захожу в «Таверну». Да, там нет этой зелени, этих райских птичек, там немного жарко, немного душно и пахнет дымком, но это настоящая, неповторимая кухня. Усердные Дегустаторы собираются именно там. Либо там, либо в «Лакомке». Там только едят. Там нельзя болтать, там нельзя смеяться, туда совершенно бессмысленно являться с женщиной, там только едят! Тихо, вдумчиво, сосредоточенно...

Доктор Опир наконец замолк, откинулся на спинку кресла и глубоко, с наслаждением затыкнулся. Я сосал могучую сигару и смотрел на него. Он был мне ясен, этот доктор философии. Всегда и во все времена существовали такие люди, абсолютно довольные своим положением в обществе и потому абсолютно довольные положением общества. Превосходно подвешенный язык и бойкое перо, великолепные зубы и безукоризненно здоровые внутренности, и отлично функционирующий половой аппарат.

— Итак, мир прекрасен, доктор? — сказал я.

— Да, — с чувством сказал доктор Опир. — Он, наконец, прекрасен.

— Вы великий оптимист, — сказал я.

— Наше время — это время оптимистов. Пессимист идет в Салон Хорошего Настроения, откачивает желчь из подсознания и становится оптимистом. Время пессимистов прошло, как прошло время туберкулезных больных, сексуальных маньяков и военных. Пессимизм, как умонастроение, искореняется все той же наукой. И не только косвенно, через создание изобилия, но и непосредственно, путем прямого вторжения в темный мир подкорки. Скажем, грезогенераторы — наимоднейшее сейчас развлечение народа. Абсолютно безвредно, необычайно массово и конструктивно просто... Или, скажем, нейростимуляторы...

Я попытался направить его в нужное русло.

— А не кажется ли вам, что как раз в этой области наука — например, та же фармацевтическая химия — иногда перехлестывает?

Доктор Опир снисходительно улынулся и понюхал свою сигару.

— Наука всегда действовала методом проб и ошибок, — веско сказал он. — И я склонен полагать, что так называемые ошибки — это всегда результат преступного использования. Мы еще не вступили в Золотой Век, мы еще только вступаем в него, и у

нас под ногами до сих пор болтаются всевозможные аутло, хулиганы и просто грязные люди... Так появляются разрушающие здоровье наркотики, созданные, как вы сами знаете, с самыми благородными целями, всякие там ароматьеры... или этот, не к столу будет сказано... — Он вдруг захихикал довольно скабрёзно. — Вы догадываетесь, мы с вами взрослые люди... О чем это я?... Да, так все это не должно нас смущать. Это пройдет, как прошли атомные бомбы.

— Я хотел только подчеркнуть, — заметил я, — что существует еще проблема алкоголизма и проблема наркотиков...

Интерес доктора Опира к разговору падал на глазах. Видимо, он вообразил, будто я оспариваю его тезис о том, что наука — благо. Вести спор на таком уровне ему было, естественно, скучно, как если бы он утверждал пользу морских купаний, а я бы его оспаривал на том основании, что в прошлом году чуть было не утонул.

— Да, конечно... — промямлил он, разглядывая часы. — Не все же сразу... Согласитесь все-таки, что важна прежде всего основная тенденция... Официант!

Доктор Опир вкусно покушал, хорошо поговорил — от лица прогрессивной философии, — чувствовал себя вполне удовлетворенным, и я решил не настаивать, тем более что на его «прогрессивную философию» мне было наплевать, а о том, что меня интересовало больше всего, доктор Опир, в конце концов, ничего конкретного сказать, вероятно, и не мог.

Мы расплатились и вышли из ресторана. Я спросил:

— Вы не знаете, доктор, кому этот памятник? Вон там, на площади...

Доктор Опир рассеянно поглядел.

— В самом деле, памятник, — сказал он. — Я как-то раньше даже не замечал... Вас подвезти куда-нибудь?

— Спасибо, я предпочитаю пройтись.

— В таком случае до свидания. Рад был с вами познакомиться... Конечно, трудно надеяться переубедить вас, — он поморщился, поковырял зубочисткой во рту, — но интересно было бы попробовать... Может быть, вы посетите мою лекцию? Я начинаю завтра в десять.

— Благодарю вас, — сказал я. — Какая тема?

— Философия неооптимизма. Я там обязательно коснусь ряда вопросов, которые мы сегодня с вами так содержательно обсудили.

— Благодарю вас, — сказал я еще раз. — Обязательно.

Я смотрел, как он подошел к своему длинному автомобилю, рухнул на сиденье, поковырялся в пульте автоводителя, откинулся на спинку и, кажется, сейчас же задремал. Автомобиль осторожно покатился по площади и, набирая скорость, исчез в тени и зелени боковой улицы.

Неооптимизм... Неогедонизм и неокретинизм... Нет худа без добра, сказала лиса, зато ты попал в Страну Дураков. Надо сказать, что процент уроденных дураков не меняется со временем. Интересно, что делается с процентом дураков по убеждению? Любопытно, кто ему присвоил звание доктора? Не один же он такой! Была, наверное, целая куча докторов, которая торжественно присвоила такое звание неооптимисту Опиру. Впрочем, это бывает не только среди философов...

Я увидел, как в холл вошел Римайер, и сразу забыл про доктора Опира. Костюм на Римайере висел мешком, Римайер сутулился, лицо Римайера совсем обвисло. И по-моему, он пошатывался на ходу. Он подошел к лифту, и тут я догнал его и взял за рукав.

Римайер сильно вздрогнул и обернулся.

— Какого черта? — сказал он. Он был явно не рад мне. — Зачем вы еще здесь?

— Я ждал вас.

— Я же вам сказал, приходите завтра в двенадцать.

— Какая разница? — сказал я. — Зачем терять время?

Он, тяжело дыша, смотрел мне в лицо.

— Меня ждут, понимаете? В номере сидит человек и ждет меня. И он не должен видеть вас у меня. Вы можете это понять?

— Не кричите так, — сказал я. — На нас глядят.

Римайер повел по сторонам заплывшими глазами.

— Пойдемте в лифт, — сказал он.

Мы вошли в кабину, и Римайер нажал кнопку пятнадцатого этажа.

— Говорите быстро, что вам надо.

Вопрос был на редкость глуп. Я даже растерялся.

— Вы что, не знаете, зачем я здесь?

Он потер лоб, затем проговорил:

— Черт, все так перепуталось... Слушайте, я забыл, как вас зовут.

— Жилин.

— Слушайте, Жилин, ничего нового у меня для вас нет. Мне некогда было этим заниматься. Это все бред, понимаете? Выдумки Марии. Они там сидят, пишут бумажки и выдумывают. Их всех надо гнать к чертовой матери.

Мы доехали до пятнадцатого этажа, и он нажал кнопку первого.

— Черт, — сказал он. — Еще пять минут, и он уйдет... В общем, я уверен в одном. Ничего этого нет. Во всяком случае, здесь, в городе. — Он вдруг украдкой глянул на меня и отвел глаза. — Вот что я вам скажу. Загляните к рыбарям. Просто для очистки совести.

— К рыбарям? К каким рыбарям?

— Сами узнаете, — нетерпеливо сказал он. — Да не капризничайте там, делайте все, что велят. — Потом он, словно оправдываясь, добавил: — Я не хочу предвзятости, понимаете?

Лифт остановился на первом этаже, и он нажал кнопку девятого.

— Все, — сказал он. — А потом мы увидимся и поговорим подробнее. Скажем, завтра в двенадцать.

— Ладно, — медленно сказал я. Он явно не хотел говорить со мной. Может быть, он не доверял мне. Что ж, это бывает. — Между прочим, — сказал я, — к вам заходил некий Оскар.

Мне показалось, что он вздрогнул.

— Он вас видел?

— Естественно. Он просил передать, что будет звонить сегодня вечером.

— Плохо, черт, плохо... — пробормотал Римайер. — Слушайте... Черт, как ваша фамилия?

— Жилин.

Лифт остановился.

— Слушайте, Жилин, это очень плохо, что он вас видел... Впрочем, плевать... Я пошел. — Он открыл дверцу кабины. — Завтра мы поговорим с вами как следует, ладно? Завтра... А вы загляните к рыбарям, договорились?

Он изо всех сил захлопнул за собой решетчатую дверь.

— Где мне их искать? — спросил я.

Я постоял немного, глядя ему вслед. Он почти бежал неверными шагами, удаляясь по коридору.

Глава пятая

Я шел медленно, держась в тени деревьев. Изредка мимо прокатывали машины. Одна машина остановилась, водитель распахнул дверцу, перегнулся с сиденья, и его стошнило. Он вяло выругался, вытер рот ладонью, хлопнул дверцей и уехал. Он был немолодой, краснолицый, в пестрой рубашке на голое тело. Римайер, наверное, спился. Это случается довольно часто: человек старается, работает, считается ценным работником, к нему прислушиваются и ставят его в пример, но как раз в тот момент, когда

он нужен для конкретного дела, вдруг оказывается, что он опух и обрюзг, что к нему бегают девки, что от него с утра пахнет водкой... Ваше дело его не интересует, и в то же время он страшно занят, он постоянно с кем-то встречается, разговаривает путано и неясно, и он вам не помощник. А потом вы охнуть не успеваете, как он оказывается в алкогольной лечебнице, или в сумасшедшем доме, или под следствием. Или вдруг женится — странно и нелепо, и от этой женитьбы отчетливо воняет шантажом... И остается только сказать: «Врачу, исцелися сам»...

Хорошо бы все-таки отыскать Пека. Пек — жесткий, честный человек, и он всегда все знает. Вы еще не успеете закончить техконтроль и выйти из корабля, а он уже на «ты» с дежурным поваром Базы, уже с полным знанием дела участвует в разборе конфликта между командиром Следопытов и главным инженером, не поделившими какой-то трюзер, техники уже организуют в его честь вечеринку, а замдиректора советуется с ним, отводя его в угол... Бесценный Пек! А в этом городе он родился и прожил здесь треть жизни.

Я нашел телефонную будку, позвонил в Бюро Обслуживания и попросил найти адрес или телефон Пека Зеная. Мне предложили подождать. В будке, как всегда, пахло кошками. Пластиковый столик был исписан телефонами, разрисован рожами и неприличными изображениями. Кто-то, видимо, ножом глубоко вырезал печатными буквами незнакомое слово «СЛЕГ». Я приоткрыл дверь, чтобы не было так душно, и смотрел, как на противоположной, теневой стороне улицы у входа в свое заведение курит бармен в белой куртке с засученными рукавами. Потом мне сообщили, что Пек Зенай, по данным на начало года, обитает по адресу: улица Свободы, 31, телефон 11–331. Я поблагодарил и тут же набрал этот номер. Незнакомый голос сообщил мне, что я не туда попал. Номер телефона правильный и адрес тоже, но Пек Зенай здесь не живет, а если и жил раньше, то неизвестно, когда и куда выехал. Я дал отбой, вышел из будки и перешел на другую сторону улицы, в тень.

Поймав мой взгляд, бармен оживился и сказал еще издали:

— Давайте заходите!

— Не хочется что-то, — сказал я.

— Что, не соглашается, стерва? — сказал бармен сочувственно. — Заходите, чего там, побеседуем... Скучно.

Я остановился.

— Завтра утром, — сказал я, — в десять часов в университете состоится лекция по философии неоптимизма. Читает знаменитый доктор философии Опир из столицы.

Бармен слушал меня с жадным вниманием, он даже перестал затыгиваться.

— Вот паскуды! — сказал он, когда я кончил. — До чего докатились, а! Позавчера девчонок в ночном клубе разогнали, а теперь у них, значит, лекции. Мы им еще покажем лекции!

— Давно пора, — сказал я.

— Я их к себе не пускаю, — продолжал бармен, все более оживляясь. — У меня глаз острый. Он еще только к двери подходит, а я уже вижу: интель. Ребята, говорю, интель идет! А ребята у нас как на подбор, сам Дод каждый вечер после тренировок у меня сидит. Ну, он, значит, встает, встречает этого интеллекта в дверях, и не знаю уж, о чем они там беседуют, а только налаживает он его дальше. Правда, иной раз они компаниями бродят. Ну, тогда, чтобы, значит, скандала не было, дверь на стопор, пусть стучатся. Правильно я говорю?

— Пусть, — сказал я. Он мне уже надоел. Есть такие люди, которые надоедают необычайно быстро.

— Что — пусть?

— Пусть стучатся. Стучись, значит, в любую дверь.

Бармен настороженно посмотрел на меня.

— А ну-ка, проходите, — сказал вдруг он.

— А может, значит, по стопке? — предложил я.

— Проходите, проходите, — повторил он. — Вас здесь не обслужат.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Потом он что-то проворчал, попятился и задвинул за собой стеклянную дверь.

— Я не интель, — сказал я. — Я бедный турист. Богатый!

Он глядел на меня, расплющив нос на стекле. Я сделал движение, будто опрокидываю стаканчик. Он что-то сказал и ушел в глубину заведения. Было видно, как он бесцельно бродит между пустыми столиками. Заведение называлось «Улыбка». Я улыбнулся и пошел дальше.

За углом оказалась широкая магистраль. У обочины стоял огромный, облепленный заманчивыми рекламами грузовик-фургон. Задняя стенка его была опущена, и на ней, как на прилавке, горой лежали разнообразные вещи: консервы, бутылки, игрушки, стопы целлофановых пакетов с бельем и одеждой. Двое молоденьких девчушек щебетали сущую ерунду, выбирая и примеряя блузки. «Фонит», — пищала одна. Другая, прикладывая блузку так и этак, отвечала: «Чушики, чушики, и совсем не фонит». — «Возле шеи фонит». — «Чушики!» — «И кресток не переливается...» Шофер фургона, тощий человек в комбинезоне и в черных очках с мощной оправой, сидел на поребрике, прислонившись спиной к рекламной тумбе. Глаз его видно не было, но, судя по вялому рту и потному носу, он спал. Я подошел к прилавку. Девушки замолчали и уставились на меня, приоткрыв рты. Им было лет по шестнадцати, глаза у них были как у котят — синенькие и пустынькие.

— Чушики, — твердо сказал я. — Не фонит и переливается.

— А около шеи? — спросила та, что примеряла.

— Около шеи просто шедевр.

— Чушики, — нерешительно возразила вторая девочка.

— Ну, давай другую посмотрим, — миролюбиво предложила первая. — Вот эту.

— Вот эту лучше, серебристую, растопырочкой.

Я увидел книги. Здесь были великолепные книги. Был Строгов с такими иллюстрациями, о каких я никогда и не слыхал. Была «Перемена мечты» с предисловием Сарагона. Был трехтомник Вальтера Минца с перепиской. Был почти весь Фолкнер, «Новая политика» Вебера, «Полноса благолепия» Игнатовой, «Неизданный Сянь Шикуй», «История фашизма» в издании «Память человечества»... Были свежие журналы и альманахи, были карманные Лувр, Эрмитаж, Ватикан. Все было. «И тоже фонит...» — «Зато растопырочка!» — «Чушики...» Я схватил Минца, зажал два тома под мышкой и раскрыл третий. Никогда в жизни не видел полного Минца. Там были даже письма из эмиграции...

— Сколько с меня? — воззвал я.

Девушки опять уставились. Шофер подобрал губы и сел прямо.

— Что? — спросил он сипловато.

— Вы здесь хозяин? — осведомился я.

Он встал и подошел ко мне.

— Что вам надо?

— Я хочу этого Минца. Сколько с меня?

Девушки захихикали. Он молча смотрел на меня, затем снял очки.

— Вы иностранец?

— Да, я турист.

— Это самый полный Минц.

— Да я же вижу, — сказал я. — Я совсем ошалел, когда увидел.

— Я тоже, — сказал он. — Когда увидел, что вам нужно.

— Он же турист, — пискнула одна из девочек. — Он не понимает.

— Да это все без денег, — сказал шофер. — Личный фонд. В обеспечение личных потребностей.

Я оглянулся на полку с книгами.

— «Перемену мечты» вы видели? — спросил шофер.

— Да, спасибо, у меня есть.

— О Строгове я не спрашиваю. А «История фашизма»?

— Превосходное издание.

Девушки опять захихикали. Глаза у шофера выкатились.

— Бр-рысь, сопливые! — рявкнул он.

Девушки шарахнулись. Потом одна вороватым движением схватила несколько пакетов с блузками, они перебежали на другую сторону улицы и там остановились, глядя на нас.

— Р-р-растопырочки! — сказал шофер. Тонкие губы его подергивались. — Надо бросать всю эту затею. Где вы живете?

— На Второй Пригородной.

— А, в самом болоте... Пойдемте, я отвезу вам все. У меня в фургоне полный Щедрин, его я даже не выставляю, вся библиотека классики, вся «Золотая библиотека», полные «Сокровища философской мысли»...

— Включая доктора Опир?

— Сучий потрох, — сказал шофер. — Сластолюбивый подонок. Амеба. Ну его в штаны!.. А Слия вы знаете?

— Мало, — сказал я. — Он мне не понравился. Неиндивидуализм, как сказал бы доктор Опир.

— Доктор Опир — вонючка, — сказал шофер. — А Слий — это настоящий человек. Конечно, индивидуализм. Но он, по крайней мере, говорит то, что думает, и делает то, о чем говорит... Я вам достану Слия... Послушайте, а вот это вы видели? А это?

Он зарывался в книги по локоть. Он нежно гладил их, перелистывал, на лице его было умиление.

— А это? — говорил он. — А вот такого Сервантеса, а?

К нам подошла немолодая осанистая женщина, покопалась в консервах и брюзгливо сказала:

— Опять нет датских пикулей?.. Я же вас просила.

— Идите к черту, — сказал шофер рассеянно.

Женщина остолбенела. Лицо ее медленно налилось кровью.

— Как вы посмели? — произнесла она шипящим голосом.

Шофер, сбычившись, посмотрел на нее.

— Вы слышали, что я вам сказал? Убирайтесь отсюда!

— Вы не смеете!.. — сказала женщина. — Ваш номер?

— Мой номер девяносто три, — сказал шофер. — Девяносто три, ясно? И я на вас всех плевал! Вам ясно? У вас есть еще вопросы?

— Какое хулиганство! — сказала женщина с достоинством. Она взяла две банки консервированных лакомств, поискала на прилавке глазами и аккуратно содрала обложку с журнала «Космический человек». — Я вас запомню, девяносто третий номер! Это вам не прежние времена. — Она завернула банки в обложку. — Мы еще с вами увидимся в муниципалитете...

Я крепко взял шофера за локоть. Каменная мышца под моими пальцами обмякла.

— Наглец, — сказала дама величественно и удалилась.

Она шла по тротуару, горделиво неся красивую голову с высокой цилиндрической прической. На углу она остановилась, вскрыла одну из банок и стала аккуратно кушать, доставая розовые ломтики изящными пальцами. Я отпустил руку шофера.

— Надо стрелять, — сказал он вдруг. — Давить их надо, а не книжечки им развозить. — Он обернулся ко мне. Глаза у него были измученные. — Так отвезти вам книги?

— Да нет, — сказал я. — Куда я все это дену?

— Тогда пошел вон, — сказал шофер. — Минца взял? Вот пойд и заверни в него свои грязные подштанники.

Он влез в кабину. Что-то щелкнуло, и задняя стенка стала подниматься. Было слышно, как все трещит и катится внутри фургона. На мостовую упало несколько книг, какие-то блестящие пакеты, коробки и консервные банки. Задняя стенка еще не закрылась, когда шофер грохнул дверцей, и фургон рванулся с места.

Девушки уже исчезли. Я стоял один на пустой улице с томиками Минца в руках и смотрел, как ветерок лениво листает страницы «Истории фашизма» у меня под ногами. Потом из-за угла вынырнули мальчишки в коротких полосатых штанах. Они молча прошли мимо меня, засунув руки в карманы. Один из них соскочил на мостовую и погнал перед собой, как футбольный мяч, банку ананасного компота с глянцевитой красивой этикеткой.

Глава шестая

На пути домой меня застигла смена. Улицы наполнились автомобилями. Над перекрестками повисли вертолеты-регулирующие, и потные полицейские, ревя мегафонами, разгоняли поминутно возникающие пробки. Автомобили двигались медленно. Водители высовывали головы, переговаривались, острили, орали, прикуривали друг у друга и отчаянно сигналили. Лязгали бамперы. Все были веселы, все были добры, все так и сияли дикарской восторженностью. Казалось, с души города только что свалился какой-то тяжелый груз, казалось, все были полны каким-то завидным предвкушением. На меня и на других пешеходов показывали пальцами. Несколько раз мне поддавали бампером на перекрестках — девушки, просто так, в шутку. Одна девушка долго ехала рядом со мной по тротуару, и мы познакомились. Потом по резервной полосе прошла демонстрация людей с постными лицами. Они несли плакаты. Плакаты зывали вливаться в самодеятельный городской ансамбль «Песни отечества», вступать в муниципальные кружки кулинарного искусства, записываться на краткосрочные курсы материнства и младенчества. Людям с плакатами поддавали бамперами с особенным удовольствием. В них кидали окурки, огрызки яблок и комки жеваной бумаги. Им кричали: «Сейчас запишусь, только галоши надену!», «А я стерильный!», «Дяденька, научи материнству!» А они продолжали медленно двигаться между двух сплошных потоков автомобилей, невозмутимо, жертвенно, глядя прямо перед собой с печальной надменностью верблюдов.

Недалеко от дома на меня напала толпа девиц, и, когда я выбрался на Вторую Пригородную, в петлице у меня была пышная белая астра, на щеках сохли поцелуи, и мне казалось, что я познакомился с половиной девушек города. Вот это парикмахер! Вот это мастер!

В моем кабинете в кресле сидела Вузи в пламенно-оранжевой кофточке. Ее длинные ноги в остроносых туфлях покоились на столе, в длинных пальцах она держала тонкую длинную сигарету и, закинув голову, пускала через нос к потолку длинные плотные струи дыма.

— Наконец-то! — вскричала она, увидев меня. — Где вы пропадаете, в самом деле? Ведь я вас жду, вы что, не видите?

— Меня задержали, — сказал я, пытаюсь вспомнить, точно ли я назначил ей свидание.

— Сотрите помаду, — потребовала она. — У вас дурацкий вид. А это еще что? Книжки? Зачем вам?

— Как зачем?

— С вами просто беда. Опаздывает, таскается с какими-то книгами... Или это порники?

— Это Минц, — сказал я.

— Дайте сюда. — Она вскочила и выхватила книги у меня из рук. — Боже мой, какая глупость! Все три одинаковые... А это что такое? «История фашизма»... Вы что, фашист?

— Что вы, Вузи! — сказал я.

— Тогда зачем вам это? Вы что, будете их читать?

— Перечитывать.

— Ничего не понимаю, — сказала она обиженно. — Вы мне так понравились сначала... Мама говорит, что вы литератор, я уже перед всеми расхвасталась, как дура, а вы, оказывается, чуть ли не интель!

— Как можно, Вузи! — сказал я укоризненно. Я уже понял, что нельзя допускать, чтобы тебя принимали за интеля. — Эти книжечки мне понадобились просто как литератору, и все.

— Книжечки! — Она расхохоталась. — Книжечки... Смотрите, как я умею! — Она закинула голову и выпустила из ноздрей две толстые струи дыма. — Со второго раза получилось. Здорово, верно?

— Редкостные способности, — заметил я.

— А вы не смейтесь, попробуйте сами... Меня сегодня научила одна дама в Салоне. Всю меня обслюнявила, старая корова... Будете пробовать?

— А зачем это она вас слюнявила?

— Кто?

— Корова.

— Ненормальная. А может, грустица... Как вас зовут, я забыла.

— Иван.

— Потешное имя. Вы мне потом еще напомните... Вы не тунгус?

— По-моему, нет.

— Ну-у-у... А я всем сказала, что вы тунгус. Жалко... Слушайте, а почему бы нам не выпить?

— Давайте.

— Мне сегодня нужно крепко выпить, чтобы забыть эту слюнявую корову.

Она выскочила в гостиную и вернулась с подносом. Мы выпили немного бренди, посмотрели друг на друга, не нашли что сказать и выпили еще немного бренди. Я чувствовал себя как-то неловко. Не знаю, в чем здесь было дело, но она мне нравилась. Что-то чудилось мне в ней, я сам не понимал, что именно; что-то отличало ее от длинноногих, гладкокожих красоток, годных только для постели. И по-моему, ей во мне тоже что-то чудилось.

— Прекрасная погода сегодня, — сказала она, отведя глаза.

— Жарко немного, — заметил я.

Она отхлебнула бренди, я тоже. Молчание затягивалось.

— Что вы больше всего любите делать? — спросила она.

— Когда как, а вы?

— Я тоже когда как. Вообще я люблю, чтобы было весело и ни о чем не надо думать.

— Я тоже, — сказал я. — По крайней мере, сейчас.

Она как-то подбодрилась. А я вдруг понял, в чем дело: за весь день я сегодня не встретил ни одного по-настоящему приятного человека, и мне это просто надоело. Ничего в ней не было.

— Пойдем куда-нибудь, — сказала она.

— Можно, — сказал я. Мне никуда не хотелось идти, хотелось немного посидеть в прохладе.

— Я вижу, вам не очень-то хочется, — сказала она.

— Откровенно говоря, я предпочел бы немножко посидеть.

— А тогда сделайте, чтобы было весело.

Я подумал и рассказал про коммивояжера на верхней полке. Ей понравилось, хотя соли она, по-моему, не уловила. Я ввел поправку и рассказал про президента и старую деву. Она долго хохотала, дрыгая чудными длинными ногами. Тогда я хватил бренди и рассказал про вдову, у которой на стенке росли грибы. Она сползла на пол и чуть не опрокинула поднос. Я поднял ее под мышки, водворил в кресло и выдал свою коронную историю про пьяного межпланетника и девочку из колледжа. Тут прибежала тетя Вайна и испуганно спросила, что делается с Вузи, не щекочу ли я ее. Я налил тете Вайне бренди и, обращаясь персонально к ней, рассказал про ирландца, который пожелал быть садовником. Вузи совсем зашла, а тетя Вайна, грустно улыбувшись, поведала, что генерал-полковник Туур любил рассказывать эту историю, когда был в хорошем настроении, только там фигурировал, кажется, не ирландец, а негр, и претендовал он на должность не садовника, а настройщика пианино. «И вы знаете, Иван, у нас эта история кончалась как-то не так», — добавила она, подумав. В этот момент я заметил, что в дверях стоит Лэн и смотрит на нас. Я помахал и улыбнулся ему. Он словно не заметил этого, и тогда я подмигнул ему и поманил его пальцем.

— С кем это вы там перемигиваетесь? — спросила Вузи ломаным от смеха голосом.

— Это Лэн, — сказал я. Все-таки смотреть на нее было одно удовольствие, люблю смотреть, когда люди смеются, особенно такие, как Вузи, красивые и почти дети.

— Где Лэн? — удивилась она.

Лэна в дверях не было.

— Лэна нет, — сказала тетя Вайна, которая одобрительно нюхала свою рюмочку с бренди и ничего не заметила. — Мальчик сегодня пошел к Зирокам на день рождения. Если бы вы знали, Иван...

— А почему он говорит — Лэн? — спросила Вузи, снова оглядываясь на дверь.

— Лэн был здесь, — объяснил я. — Я помахал ему рукой, а он убежал. Вы знаете, он мне показался немножко диковатым.

— Ах, он у нас очень нервный ребенок, — сказала тетя Вайна. — Он родился в тяжелое время, а в этих нынешних школах совершенно не умеют подойти к нервным детям. Сегодня я отпустила его в гости.

— Мы сейчас тоже пойдем, — сказала Вузи. — Вы меня провóдите. Я только подмалююсь, а то из-за вас у меня все размазалось. А вы пока наденьте что-нибудь приличное.

Тетя Вайна была не прочь остаться, рассказать мне еще что-нибудь и, может быть, даже показать фотоальбом Лэна, но Вузи утащила ее с собой, и я слышал, как она спрашивает мать за дверью: «Как его зовут? Все не могу запомнить... Веселый дядька, правда?» — «Вузи!..» — укоризненно внушала тетя Вайна.

Я выложил на постель весь свой гардероб и попытался сообразить, как Вузи представляет себе прилично одетого человека. До сих пор мне казалось, что я одет вполне прилично. Вузины каблучки уже выбивали в кабинете нетерпеливую чечетку. Ничего не придумав, я позвал ее.

— Это все, что у вас есть? — спросила она, сморщив нос.

— Неужели не годится?

— Да ладно, сойдет... Снимайте пиджак и надевайте вот эту гавайку... или лучше вот эту. Ну и одеваются у вас в Тунгусии... Давайте побыстрее. Нет-нет, рубашку тоже снимайте.

— Что, на голое тело?

— Знаете, вы все-таки тунгус. Вы куда собираетесь? На полюс? На Марс? Что это у вас под лопаткой?

— Пчелка укусила, — сказал я, торопливо натягивая гавайку. — Пошли.

На улице было уже темно. Люминесцентные лампы мертво светили сквозь черную листву.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— В центр, конечно... Не хватайте меня под руку, жарко... Драться вы хоть умеете?

— Умею.

— Это хорошо, я люблю смотреть.

— Смотреть я тоже люблю...

Народу на улицах было гораздо больше, чем днем. Под деревьями, среди кустов, в воротах группами по несколько человек торчали какие-то неприкаянные люди. Они остервенело курили трещащие синтетические сигары, гоготали, небрежно и часто отплевывались и громко разговаривали грубыми голосами. Над каждой группой висел гомон радиоприемников. Под одним фонарем стучало банджо, и двое подростков, корячась и изгибаясь, отчаянно вскрикивая, плясали модный фляг, танец большой красоты, когда умеешь его танцевать. Подростки умели. Вокруг стояла компания, тоже отчаянно вскрикивала и ритмично била в ладоши.

— Может быть, станцуем? — предложил я Вузи.

— Нет уж... — прошипела она, схватила меня за руку и пошла быстрее.

— А почему нет? Вы не умеете фляг?

— Я лучше с крокодилами буду плясать, чем с этими...

— Напрасно, — сказал я. — Ребята как ребята.

— Да, каждый в отдельности, — сказала Вузи с нервным смешком. — И днем.

Они торчали на перекрестках, толпились под фонарями, угловатые, прокуренные, оставляя на тротуарах россыпи плевков, окурков и бумажек от конфет. Нервные и нарочито меланхоличные. Жажущие, поминутно озирающиеся, сутуловатые. Они ужасно не хотели походить на остальной мир и в то же время старательно подражали друг другу и двум-трем популярным киногероям. Их было не так уж и много, но они бросались в глаза, и мне всегда казалось, что каждый город и весь мир заполнены ими, — может быть, потому, что каждый город и весь мир принадлежали им по праву. И они были полны для меня какой-то темной тайны. Ведь я сам простаивал когда-то вечера с компанией приятелей, пока не нашлись умелые люди, которые увели нас с улицы, и потом много-много раз видел такие же компании во всех городах земного шара, где умелых людей не хватало. Но я так никогда и не смог понять до конца, какая сила отрывает, отвращает, уводит этих ребят от хороших книг, которых так много, от спортивных залов, которых предостаточно в этом городе, от обыкновенных телевизоров, наконец, и гонит на вечерние улицы с сигарой в зубах и транзистором в ухе — стоять, сплевывать (подальше), гоготать (попротивнее) и ничего не делать. Наверное, в пятнадцать лет из всех благ мира истинно привлекательным кажется только одно: ощущение собственной значимости и способность вызывать всеобщее восхищение или, по крайней мере, привлечь внимание. Все же остальное представляется невыносимо скучным и занудным, и в том числе, а может быть, и в особенности, те пути достижения желаемого, которые предлагает усталый и раздраженный мир взрослых...

— А вот здесь живет старый Руэн, — сказала Вузи. — У него каждый вечер новая. Устроился так, старый хрыч, что они к нему сами ходят. Во время заварушки ему оторвало ногу... Видите, у него света нет, радиолу слушают. А ведь страшный как смертный грех!

— Хорошо тому живется, у кого одна нога... — рассеянно сказал я.

Она, конечно, захихикала и продолжала:

— А вот тут живет Сус. Он рыбарь. Вот это парень!

— Рыбарь? — сказал я. — И чем же он занимается, этот Сус-рыбарь?

— Рыбарит. Что делают рыбаки? Рыбарят! Или вы спрашиваете, где он служит?

— Нет, я спрашиваю, где он рыбарит.

— В метро... — Она вдруг запнулась. — Слушайте, а вы сами не рыбарь?

— Я? А что, заметно?

— Что-то в вас есть, я сразу заметила. Знаем мы этих пчелок, которые кусают в спину.

— Неужели? — сказал я.

Она взяла меня под руку.

— Расскажите что-нибудь, — сказала она, подлащиваясь. — У меня никогда не было знакомых рыбаков. Вы ведь мне что-нибудь расскажете?

— А как же... Рассказать про летчика и корову?

Она подергала меня за локоть.

— Нет, правда...

— Какой жаркий вечер! — сказал я. — Хорошо, что вы сняли с меня пиджак.

— Все равно ведь все знают. И Сус рассказывает, и другие...

— Вот как? — спросил я с интересом. — И что же рассказывает Сус?

Она сразу отпустила мою руку.

— Я сама не слыхала... Девчонки рассказывали.

— И что же рассказывали девчонки?

— Ну... мало ли что... Может быть, они врут все. Может, Сус вообще тут ни при чем...

— Гм... — сказал я.

— Ты только не подумай про Суса, он хороший парень и очень молчаливый.

— Чего ради я стану думать про Суса? — сказал я, чтобы ее успокоить. — Я его и в глаза не видел.

Она опять взяла меня под руку и с энтузиазмом сказала, что сейчас мы выпьем.

— Сейчас самое время нам с тобой выпить, — сказала она.

Она уже прочно была со мной на «ты». Мы свернули за угол и вышли на магистраль. Здесь было светлее, чем днем. Сияли лампы, светились стены, разноцветными огнями полыхали витрины. Это был, вероятно, один из кругов Амадова рая. Но я представлял себе все это как-то иначе. Я ожидал ревущие оркестры, кривляющиеся пары, полуголых и голых людей. А здесь было довольно спокойно. Народу было много, и, по-моему, все были пьяны, но все были отлично и разнообразно одеты, и все были веселы. И почти все курили. Ветра не было ни малейшего, и волны сизого табачного дыма качались вокруг ламп и фонарей, как в накуренной комнате. Вузи затащила меня в какое-то заведение, высмотрела знакомых и удрала, пообещав найти меня позже. Народ в заведении стоял стеной. Меня прижали к стойке, и я опомниться не успел, как проглотил рюмку горькой. Пожилой коричневый дядя с желтыми белками гудел мне в лицо:

— ...Куэн повредил ногу, так? Брош пошел в артики и теперь никуда не годен. Это уже трое, так? А справа у них нет никого, Финни у них справа, а это еще хуже, чем никого. Официант он, вот и все. Так?

— Что вы пьете? — спросил я.

— Я вообще не пью, — с достоинством ответил коричневый, дыша сивухой. — У меня желтуха. Слыхали про такое?

Позади меня кто-то сверзился с табурета. Шум то стихал, то усиливался. Коричневый, надсаживаясь, выкрикивал историю про какого-то типа, который на работе повредил шланг и чуть не умер от свежего воздуха. Понять что-нибудь было трудно, потому что разнообразные истории выкрикивались со всех сторон.

— ...Он, дурак, успокоился и ушел, а она вызвала грузотакси, погрузила его барахло и велела свезти за город и там все вывалить...

— ...А я твой телевизор к себе и в сортир не повешу. Лучше «Омеги» все равно ничего не придумать, у меня есть сосед, инженер, он так прямо и говорит. Лучше, говорит, «Омеги» ничего не придумать...

— ...Так у них свадебное путешествие и закончилось. Вернулись они домой, отец его в гараж заманил — а отец у него боксер — и там его исхлестал, ну, до потери сознания, врача потом вызывали...

— ...Ну ладно, взяли мы на троих... А правило у них знаешь какое: бери все, что захочешь, но сглотай все, что берешь. А он уже завелся. Берем, говорит, еще... А они уже ходят рядом и смотрят... Ну, думаю, хватит, пора рвать когти...

— ...Деточка, да я бы с твоим бюстом горя бы не знал, такой бюст раз на тысячу встречается, ты не думай, что я тебе комплименты говорю, я этого не люблю...

На опустевший табурет рядом со мной вскарабкалась поджарая девчонка с челкой до кончика носа и принялась стучать кулачками по стойке, крича: «Бармен! Бармен! Пить!» Гомон опять немного стих, и я услышал, как позади двое переговариваются трагическим полупшепотом: «А где достал?» — «У Бубы. Знаешь Бубу? Инженер...» — «И что, настоящий?» — «Жуть, сдохнуть можно!» — «Там еще какие-то таблетки нужны...» — «Тихо, ты...» — «Да ладно, кто нас слушает... Есть у тебя?» — «Буба дал один пакетик, он говорит, этого в любой аптеке навалом... Во, смотри...» Пауза. «Де... Девон... Что это такое?» — «Лекарство какое-то, почему я знаю...» Я обернулся. Один был краснощекий, в расстегнутой до пупа рубашке, с волосатой грудью. А другой был какой-то изможденный, с пористым носом. Оба смотрели на меня.

— Выпьем? — предложил я.

— Алкоголик, — сказал пористый нос.

— Не надо, не надо, Пэт, — сказал краснощекий. — Не заводись, пожалуйста.

— Если нужен «Девон», могу ссудить, — громко сказал я.

Они отшатнулись. Пористый нос принялся осторожно озираться. Краем глаза я заметил, что несколько лиц повернулись в нашу сторону и выжидательно застыли.

— Пошли, Пэт, — сказал вполголоса краснощекий. — Пошли, ну его совсем.

Кто-то положил руку мне на плечо. Я оглянулся и увидел загорелого красивого мужчину с мощными мышцами.

— Да? — сказал я.

— Приятель, — сказал он доброжелательно, — брось ты это дело. Брось, пока не поздно. Ты «Носорог»?

— Я гиппопотам, — сострил я.

— Не нужно, я серьезно. Тебя, может, пбили?

— До синяков.

— Ладно, не расстраивайся. Сегодня тебя, завтра ты... А «Девон» и все прочее — это дрянь, ты уж мне поверь. Много на свете дряни, а это уж всем дряням дрянь, понимаешь?

Девочка с челкой посоветовала мне:

— Тресни ему по зубам, чего он суется... Шпик паршивый...

— Налакалась, дура, — спокойно сказал загорелый и повернулся к нам спиной. Спина у него была огромная, обтянутая полупрозрачной рубашкой и вся в круглых буграх мускулов.

— Не твое дело, — сказала девочка ему в спину. Затем она сказала мне: — Слушай, друг, позови бармена, я никак не докричусь.

Я отдал ей свой стакан и спросил:

— Чем бы заняться?

— А сейчас все пойдем, — ответила девочка. Проглотив спиртное, она сразу осоловела. — А заняться — это как повезет. Не повезет, так никуда не пробьешься. Или деньги нужны, если к меценатам. Ты приезжай, наверное? У нас эту горькую никто не пьет. Как там у вас, рассказал бы... Не пойду я сегодня никуда, пойду в Салон. Настроение паршивое, ничего не помогает... Мать говорит: заведи ребенка. А ведь тоже скука, на что он мне сдался...

Она закрыла глаза и опустила подбородок на сплетенные пальцы. Вид у нее был какой-то наглый и обиженный одновременно. Я попытался ее расшевелить, но она перестала обращать на меня внимание и вдруг снова принялась орать: «Бармен! Пи-ить! Ба-армен!» Я поискал глазами Вузи. Ее нигде не было видно. Кафе стало пустеть. Все куда-то заспешили. Я тоже слез с табурета и вышел. По улицам потоком шли люди. Все они шли в одном направлении, и минут через пять меня вынесло на площадь. Площадь была большая и плохо освещенная — широкое сумрачное пространство, окаймленное световым кольцом фонарей и витрин. И она была полна людьми.

Люди стояли вплотную друг к другу, мужчины и женщины, подростки, парни и девушки, переминались с ноги на ногу и чего-то ждали. Разговоров почти не было слышно. То там, то здесь разгорались огоньки сигарет, озаряя сжатые губы и втянутые щеки. Потом в наступившей тишине начали бить часы, и над площадью ярко вспыхнули гигантские плафоны. Их было три: красный, синий и зеленый, неправильной формы, в виде закругленных треугольников. Толпа колыхнулась и замерла. Вокруг меня тихонько задвигались, гася сигареты. Плафоны на мгновение погасли, а затем начали вспыхивать и гаснуть поочередно: красный — синий — зеленый, красный — синий — зеленый... Я ощутил на лице волну горячего воздуха, вдруг закружилась голова. Вокруг шевелились. Я поднялся на цыпочки. В центре площади люди стояли неподвижно; было такое впечатление, словно они оцепенели и не падают только потому, что сжаты толпой. Красный — синий — зеленый, красный — синий — зеленый... Одеревеневшие запрокинутые лица, черные разинутые рты, неподвижные вытаращенные глаза. Они там даже не мигали под плафонами... Стало совсем уж тихо, и я вздрогнул, когда пронзительный женский голос неподалеку крикнул: «Дрожка!» И сейчас же десятки голосов откликнулись: «Дрожка! Дрожка!» Люди на тротуарах по периметру площади начали размеренно хлопать в ладоши в такт вспышкам плафонов и скандировать ровными голосами: «Дрож-ка! Дрож-ка! Дрож-ка!» Кто-то уперся мне в спину острым локтем. На меня навалились, толкая вперед, к центру площади, под плафоны. Я сделал шаг, другой, а затем двинулся через толпу, расталкивая оцепеневших людей. Двое подростков, застывших, как сосульки, вдруг бешено забились, судорожно хватая друг друга, царапаясь и колотя изо всех сил, но их неподвижные лица по-прежнему были запрокинуты к вспыхивающему небу... Красный — синий — зеленый, красный — синий — зеленый. И так же неожиданно они вновь замерли. И тут, наконец, я понял, что все это необычайно весело. Мы все хохотали. Стало просторно, загремела музыка. Я подхватил славную девочку, и мы пустились в пляс как раньше, как надо, как давным-давно, как всегда, беззаботно, чтобы кружилась голова, чтобы все нами любовались, а мы отошли в сторонку, и я не отпускал ее руки, и совсем ни о чем не надо было говорить, и она согласилась, что шофер — очень странный человек. Терпеть не могу алкоголиков, сказал Римайер, этот пористый нос — самый настоящий алкоголик, а как же «Девон», сказал я, как же без «Девона», когда у нас замечательный зоопарк, быки любят лежать в трясине, а из трясины все время летит мошकारа, Рим, сказал я, какие-то дураки сказали, что тебе пятьдесят лет, вот еще вздор какой, больше двадцати пяти я тебе не дам, а это Вузи, я ей про тебя рассказывал, так я же вам мешаю, сказал Римайер, нам никто не может помешать, сказала Вузи, а это Сус, самый лучший рыбарь, он схватил ляпник и попал скату прямо в глаз, и Хугер поскользнулся и упал в воду, не хватает, чтобы ты потонул, сказал Хугер, гляди, у тебя уже плавки растворились, какой вы смешной, сказал Лэн, это же есть такая игра в гангстера и мальчика, помните, вы играли с Марией... Ах, как мне хорошо, почему мне еще никогда в жизни не было так хорошо, так обидно, ведь могло быть так хорошо каждый день, Вузи, сказал я, какие мы все молодцы, Вузи, у людей никогда не было такой важной задачи, Вузи, и мы ее решили, была лишь одна проблема, одна-единственная в мире, вернуть людям духовное содержание, духовные заботы, нет, Сус, сказала Вузи, я тебя очень люблю, Оскар, ты такой славный, но прости меня, пожалуйста, я хочу, чтобы это был Иван, я обнял ее и догадался, что ее можно поцеловать, и я сказал, я люблю тебя...

Бах! Бах! Бах! Что-то стало с треском лопаться в ночном небе, и на нас посыпались острые звонкие осколки, и сразу сделалось холодно и неудобно. Это были пулеметные очереди. Загремели пулеметные очереди. «Ложись, Вузи!» — заорал я, хотя еще ничего не сообразил, и бросил ее на землю, и упал на нее, чтобы прикрыть от пуль, и тут меня стали бить по лицу...

Тра-та-та-та-та... Вокруг меня частоколом торчали одеревеневшие люди. Некоторые стали приходиться в себя и обалдело шевелили белками. Я полулежал на груди твердого,

как скамейка, человека, и прямо перед моими глазами была его широко раскрытая пасть с блестящей слюной на подбородке... Синий — зеленый, синий — зеленый, синий — зеленый... Чего-то не хватало. Раздавались пронзительные вопли, ругань, кто-то бился и визжал в истерике. Над площадью нарастал густой механический рев. Я с трудом поднял голову. Плафоны были прямо надо мной, синий и зеленый равномерно вспыхивали, а красный погас, и с него сыпался стеклянный мусор. Тра-та-та-та-та!.. — и сейчас же лопнул и погас зеленый плафон. А в свете синего неторопливо проплыли распахнутые крылья, с которых срывались красноватые молнии выстрелов.

Я опять попытался броситься на землю, но это было невозможно, все они вокруг стояли, как столбы. Что-то гадко треснуло совсем недалеко от меня, взвился султан желто-зеленого дыма, и пахло отвратительной вонью. Пок! Пок! Еще два султана повисли над площадью. Толпа взвыла и заворочалась. Желтый дым был едкий, как горчица, у меня потекли слезы и слюни, я заплакал и закашлял, и вокруг все тоже заплакали, закашляли и хрипло завопили: «Сволочи! Хулиганье! Бей интеллей!..» Снова послышался нарастающий рев мотора. Самолет возвращался. «Да ложитесь же, идиоты!» — закричал я. Все вокруг меня повалились друг на друга. Тра-та-та-та-та-та!.. На этот раз пулеметчик промахнулся, и очередь пришлось по дому напротив, зато газовые бомбы снова легли точно в цель. Огни вокруг площади погасли, погас синий плафон, и в кромешной тьме началась свалка.

Глава седьмая

Не знаю, как я добрался до этого фонтана. Наверное, у меня здоровые инстинкты, а обыкновенная холодная вода — это было как раз то, что нужно. Я полез в воду, не раздеваясь, и лег. Мне сразу стало легче. Я лежал на спине, на лицо мне сыпались брызги, и это было необычайно приятно. Здесь было совсем темно, сквозь ветви и воду просвечивали неяркие звезды, и было совсем тихо. Несколько минут я почему-то следил за звездой поярче, медленно двигавшейся по небу, пока не сообразил, что это ретрансляционный спутник «Европа», и подумал, как это далеко отсюда, и как это обидно и бессмысленно, если вспомнить безобразную кашу на площади, отвратительную ругань и визг, мокротное харканье газовых бомб и тухлую вонь, выворачивающую наизнанку желудок и легкие. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, вспомнил я, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок... Бесценный Пек обожал цитировать старца Зосиму, когда кружил с потиранием рук вокруг накрытого стола. Тогда мы были сопливыми курсантами и совершенно серьезно воображали, будто такого рода изречения годятся в наше время лишь для того, чтобы блеснуть эрудицией и чувством юмора...

Тут кто-то шумно рухнул в воду шагах в десяти от меня.

Сначала он хрипло кашлял, отхаркивался и сморкался, так что я поспешил выбраться из воды, потом принялся плескаться, ненадолго совсем затих и вдруг разразился бранью.

— Гниды бесстыжие, — рычал он, — пр-р-роститутки... Дерьмо свинячье, стервы... По живым людям! Гиены вонючие, пархатые суки... Слегачи образованные, гады... — Он снова яростно отхаркался. — Свербит у них в заднице, что люди развлекаются... На щеку наступили, сволочи... — Он болезненно охнул в нос. — Провались они с этой дрожкой, чтобы я туда еще раз пошел...

Он опять застонал и поднялся. Было слышно, как с него льет. Я смутно различал во мраке его шатающуюся фигуру. Он тоже меня заметил.

— Эй, друг, закурить нету? — окликнул он.

— Было, — сказал я.

— Суки, — сказал он. — Я тоже не догадался вынуть. Так во всем и плюхнулся. — Он прошлепал ко мне и присел рядом. — Болван какой-то на щеку наступил, — сообщил он.

— По мне тоже прошлись, — сочувственно сказал я. — Ошалели все.

— Нет, ты мне скажи, откуда они слезогонку берут? — сказал он. — И пулеметы.

— И самолеты, — добавил я.

— Самолет что! — возразил он. — Самолет у меня у самого есть. Купил по дешевке, всего семьсот крон... Чего им надо, вот что я не понимаю!

— Хулиганье, — сказал я. — Набить им как следует морду, вот и весь разговор...

Он желчно рассмеялся.

— Как же, набил один такой!.. Они тебя так отделают... Ты думаешь, их не били? Еще как били! Да, видно, мало... Их надо было в землю вбить, с пометом ихним вместе, а мы прозевали... А теперь они нас бьют. Народ мягкий стал, вот что я тебе скажу. Всем на все наплевать. Отбарабанил свои четыре часика, выпил — и на дрожку, и бей ты его хоть из пушки. — Он в отчаянии хлопнул себя по мокрым бокам. — Ведь были же, говорят, времена! — завопил он. — Ведь пикнуть же не смели! Чуть из них кто вякнет — ночью к нему в белых балахонах или там в черных рубашках, дадут в зубы с хрустом и в лагерь, чтоб не вякал... В школах, сын рассказывает, все фашистов поносят: ах, негров обижали, ах, ученых совсем затравили, ах, лагеря, ах, диктатура! Да не травить надо было, а в землю вбивать, чтобы на развод не осталось! — Он с длинным хлюпаньем провел ладонью под носом. — Завтра на работу с утра, а мне всю морду свезло... Пойдем выпьем, а то еще простудимся...

Мы пролезли через кусты и выбрались на улицу.

— Тут за углом «Ласочка», — сообщил он.

«Ласочка» была полна мокроволосыми полуголыми людьми. По-моему, все были подавлены, как-то смущены и мрачно хвастались друг перед другом синяками и ссадинами. Несколько девушек в одних трусиках, сгрудившись вокруг электрокамина, сушили юбки — их платонически похлопывали по голому. Мой спутник сразу пролез в толпу и, размахивая руками и поминутно сморкаясь в два пальца, стал призывать «вколотить их, сволочей, в землю по самые уши». Ему вяло поддакивали.

Я спросил русской водки, а когда девушки отошли и оделись, снял гавайку и подсел к камину. Бармен поставил передо мной стакан и снова вернулся за стойку к пухлому журналу — решать кроссворд. Публика разговаривала.

— ...И чего, спрашивается, стрелять? Не настролялись, что ли? Как маленькие, ей-богу... Добро только портят.

— Бандиты, хуже гангстеров, а только как хотите, дрожка эта — тоже гадость...

— Это точно. Давеча моя говорит, я, говорит, тебя, папа, видела, ты, говорит, папа, синий был, как покойник, и очень уж страшный, а ей всего-то десять лет, каково мне было в глаза ей смотреть, а?..

— Эй, кто-нибудь, — сказал бармен, не поднимая головы. — Развлечение из четырех букв, это что?

— Ну, хорошо. А кто все это выдумал? И дрожку, и ароматьеры... А? Вот то-то...

— Если промокнешь, лучше всего бренди.

— ...Ждали мы его на мосту. Смотрим, идет, очкарик, и трубу такую несет со стеклами. Мы его ка-ак взяли — и с моста. С очками вместе и с трубой, только ногами дрыгнул... А потом Ноздря прибегает, в сознание его, значит, привели, посмотрел с моста, как тот булькает. Ребята, говорит, да вы что, пьяные? Это же совсем не тот, я этого, говорит, в первый раз вижу...

— А по-моему, надо издать закон: если ты семейный, нечего на дрожку шляться...

— Эй, кто-нибудь, — сказал бармен. — А как будет литературное произведение из семи букв? «Книжка», что ли?..

— ...Так у меня у самого во взводе было четыре интеля, пулеметчики. Совершенно правильно, дрались, как черти. Я помню, мы с пакгаузов удирали — ну, знаете, там еще теперь фабрику строят, — и вот двое остались прикрывать. Между прочим, никто их не просил, вызвались исключительно сами. А потом вернулись мы, а они висят рядышком на мостовом кране, голые, и все у них калеными щипцами повыдергано. Вот так, понял? А теперь я думаю: где остальные двое сегодня, скажем, были? Может, они меня же слезогонкой угощали, ведь такие могут вполне...

— Мало ли кого вешали... Нас тоже вешали за разные места.

— В землю их вколотить до ноздрей, и все тут!

— Я пойду. Чего тут сидеть... У меня уже изжога началась. А там, наверное, все починили...

— Эй, бармен, девочки! По последней!

Гавайка моя высохла. Я оделся и, когда кафе опустело, перебрался за столик и стал смотреть, как в углу два изысканно одетых пожилых господина тянут через соломинку коктейль. Они сразу бросались в глаза — оба, несмотря на очень теплую ночь, в строгих черных костюмах и при черных галстуках. Они не разговаривали, а один все время поглядывал на часы. Потом я отвлекся. Ну, доктор Опир, как вам показалась эта дрожка? Вы были на площади? Да нет, вы, конечно, не были. А зря. Интересно было бы знать, что вы об этом думаете. Впрочем, черт с вами. Какое мне дело до того, что думает доктор Опир? Что я сам об этом думаю? Что ты об этом думаешь, ты, высококачественное парикмахерское сырье? Скорей бы акклиматизироваться. Не забивайте мне голову индукцией, дедукцией и техническими приемами. Самое главное — побыстрее акклиматизироваться. Почувствовать себя своим среди них... Вот все они опять пошли на площадь. Несмотря на то, что произошло, они все-таки снова пошли на площадь. А у меня нет ну ни малейшего желания идти на эту площадь. Я бы с удовольствием пошел сейчас домой и опробовал бы свою новую кровать. А когда же к рыбалям? Интели, «Девон» и рыбаки. Интели — видимо, это местная золотая молодежь? «Девон»... «Девон» надо иметь в виду. Вместе с Оскаром. Теперь рыбаки...

— ...И все-таки рыбаки — это немного вульгарно, — негромко, но отнюдь не шепотом сказал один из черных костюмов.

Я прислушался.

— Все зависит от темперамента, — возразил другой. — Лично я несколько не осуждаю Карагана.

— Карагана я тоже не осуждаю. Но немного шокирует то, что он забрал свой пай. Джентльмен так не поступил бы.

— Простите, но Караган не джентльмен. Он всего лишь директор-распорядитель. Отсюда и мелочность, и меркантильность, и некоторая, я бы сказал, мужиковатость...

— Не будем так строги. Рыбаки — это интересно. И честно говоря, я не вижу оснований, почему бы нам не заниматься этим. Старое Метро — это вполне rispetабельно. Уайлд элегантнее Нивеля, но мы же не отказываемся на этом основании от Нивеля...

— И вы серьезно готовы?..

— Да хоть сейчас... Кстати, без пяти два. Пойдемте?

Они поднялись, вежливо-дружески попрощались с барменом и пошли к выходу — элегантные, спокойные, снисходительно-высокомерные. Это было удивительной удачей. Я громко зевнул и, проговорив: «На площадь пойти...», последовал за ними, раздвигая табуретки. Улица была еле освещена, но я сразу увидел их. Они не торопились. Тот, что шел справа, был пониже, и, когда они проходили под фонарями, было видно, что волосы у него мягкие и редкие. По-моему, они больше не разговаривали.

Они обогнули сквер, свернули в совсем темный переулок, отшатнулись от пьяного человека, попытавшегося с ними заговорить, и вдруг резко, так ни разу и не оглянувшись,

нырнули в сад перед большим мрачным домом. Я услышал, как гулко хлопнула тяжелая дверь. Было без двух минут два.

Я отпихнул пьяного, вошел в сад и присел на выкрашенную серебряной краской скамейку в кустах сирени. Скамейка была деревянная, дорожка, ведущая через сад, посыпана песком. Подъезд дома освещался синей лампочкой, и я разглядел две кариатиды, держащие балкон над дверью. На вход в метро это не было похоже, но это еще ничего не значило, и я решил подождать.

Ждать пришлось недолго. Зашуршали шаги, и на дорожке появилась темная фигура в накидке. Это была женщина. Я не сразу понял, почему мне показалась знакомой ее гордо поднятая голова с высокой цилиндрической прической, в которой блестели под звездами крупные камни. Я встал ей навстречу и произнес, стараясь придать голосу насмешливо-почтительные интонации:

— Опаздываете, сударыня, уже третий час.

Она нисколько не испугалась.

— Да что вы говорите? — воскликнула она. — Неужели мои часы отстают?

Это была та самая женщина, которая повздорила с шофером фургона, но она, конечно, не узнала меня. Женщины с такой брезгливой нижней губой никогда не помнят случайных встречных. Я взял ее под руку, и мы поднялись по широким каменным ступенькам. Дверь оказалась тяжелой, как крышка реакторного колодца. В вестибюле никого не было. Женщина, не оглядываясь, сбросила мне на руки накидку и пошла вперед, а я задержался на секунду, оглядывая себя в огромном зеркале. Молодец мастер Гаозй, но держаться мне все-таки рекомендуется в тени. Мы вошли в зал.

Нет, это было что угодно, но только не метро. Зал был большой и невероятно старомодный. Стены были обшиты черным деревом, на высоте пяти метров проходила галерея с балюстрадой. С расписного потолка грустно улыбались одними губами розовые белокурые ангелы. Почти всю площадь зала занимали ряды мягких кресел, обитых тисненой кожей и очень массивных на вид. В креслах, небрежно развалиясь, располагались элегантно одетые люди, большей частью пожилые мужчины. Они смотрели в глубину зала, где на фоне черного глубокого бархата сияла ярко подсвеченная картина.

На нас никто не оглянулся. Дама проплыла в передние ряды, а я присел в кресло поближе к двери. Теперь я был почти совершенно уверен, что пришел сюда зря. В зале молчали и покашливали, от толстых сигар мирно тянулись синеватые струйки дыма, многочисленные лысины покойно сияли под электрической люстрой. Я обратился к картине. Я неважный знаток живописи, но, по-моему, это был Рафаэль, и если не подлинный, то весьма совершенная копия.

Грянул густой медный удар, и в ту же секунду рядом с картиной возник высокий худой человек в черной маске, весь от шеи до ногтей облитый черным трико. За ним, прихрамывая, следовал горбатенький карлик в красном балахоне. В коротких вытянутых лапках карлик держал огромный тускло отсвечивающий меч самого зловещего вида. Он замер справа от картины, а замаскированный человек выступил вперед и глухо заговорил:

— В соответствии с законами и установлениями благородного сообщества меценатов и во имя искусства святого и неповторимого, властью, данной мне вами, я рассмотрел историю и достоинства этой картины, и теперь...

— Прошу остановиться! — раздался позади меня резкий голос.

Все обернулись. Я тоже обернулся и увидел, что на меня в упор глядят трое молодых, видимо, очень сильных людей в изысканно старомодных темных костюмах. У одного в правой глазнице блестел монокуляр. Несколько секунд мы разглядывали друг друга, затем человек с монокулом, дернув щекой, уронил монокуляр. Я сейчас же встал. Они разом двинулись на меня, ступая мягко и неслышно, как кошки. Я попробовал кресло — оно было слишком массивное. Они кинулись. Я встретил их как мог, и сначала все шло хорошо, но очень быстро я понял, что у них кастеты, и еле успел увернуться. Я прижался спиной к стене и смотрел на них, а они, тяжело дыша, смотрели на меня. Их еще

оставалось двое. В зале покашливали. С галереи по деревянной лестнице поспешно спускались еще четверо, ступеньки скрипели и визжали на весь зал. Плохо дело, подумал я и бросился на прорыв.

Это была тяжелая работа, совсем как в Маниле, но там нас было двое. Уж лучше бы они стреляли, тогда бы я отобрал у кого-нибудь пистолет. Но они все шестеро встретили меня кастетами и резиновыми дубинками. Счастье еще, что было очень тесно. Левая рука у меня вышла из строя, когда четверо вдруг отскочили, а пятый окатил меня из плоского блестящего баллона какой-то холодной мерзостью. И сейчас же в зале погас свет.

Эти штучки были мне знакомы: теперь они меня видели, а я их — нет. И мне бы, наверное, пришел конец, но тут какой-то дурак распахнул дверь и жирным басом провозгласил: «Прошу прощения, я ужасно опоздал и так сожалею...» Я ринулся на свет по падающим телам, смел с ног опоздавшего, пролетел через вестибюль, вышиб парадную дверь и, придерживая левую руку правой, пустился бежать по песчаной дорожке. Никто меня не преследовал, но я пробежал две улицы, прежде чем догадался остановиться.

Я повалился на газон и долго лежал в жесткой траве, хватая ртом теплый парной воздух. Сразу собрались любопытные. Они стояли полукругом и глазели с жадностью, даже не переговаривались. «Пошли вон...» — сказал я наконец, поднимаясь. Они поспешно разошлись. Я постоял, соображая, где нахожусь, а затем побрел домой. На сегодня с меня было достаточно. Я так ничего и не понял, но с меня было вполне достаточно. Кто бы они ни были, эти члены благородного сообщества меценатов, — тайные поклонники искусства, или недобитые аристократы-заговорщики, или еще кто-нибудь, — дрались они больно и беспощадно, и самым большим дураком у них в зале был все-таки, по-видимому, я.

Я миновал площадь, где опять размеренно вспыхивали цветные плафоны и сотни истерических глоток орала: «Дрож-ка! Дрож-ка!» И этого с меня хватит. Приятные сны, конечно, всегда лучше неприятной действительности, но живем-то мы не во сне... В заведении, куда меня приводила Вузи, я выпил бутылку ледяной минеральной воды, поглазель, отдыхая, наряд полиции, мирно расположившийся у стойки, потом вышел и свернул на свою Пригородную. За левым ухом у меня наливалась гуля величиной с теннисный мяч и такая же на ощупь. Меня пошатывало, и я шел медленно, держась поближе к изгороди. Потом я услышал за спиной стук каблуков и голоса.

— ...Твое место было в музее, а не в кабаке!

— Ничего подобного... Я не пьян. Как в-вы не понимаете, всего одна бутылка м-мозеля...

— Гадость какая! Напился, подцепил девку...

— При чем здесь девка? Это одна н-натурщица...

— Подрался из-за девки, заставил нас драться из-за девки...

— К-какого черта вы верите им и не верите мне?

— Да потому, что ты пьян! Ты подонок, такой же, как они, даже хуже...

— Ничего! Того мер-рзавца с браслетом я оч-чень хорошо запомнил... Не держите меня! Я сам пойду!..

— Ничего ты, братец, не запомнил. Очки с тебя сбили моментально, а без очков ты не человек, а слепая кишка... Не брыкайся, а то в фонтан!

— Я тебя предупреждаю, еще одна такая выходка, и мы тебя выгоним. Пьяный культуртрегер — какая гадость!

— Да не читай ты ему морали, дай человеку проспаться...

— Р-ребята! Вот он, м-мерзавец!..

Улица была пуста, и мерзавцем, очевидно, был я. Я уже мог сгибать и разгибать левую руку, но мне было еще очень больно, и я остановился, чтобы пропустить их. Их было трое. Это были молодые парни в одинаковых каскетках, сдвинутых на глаза. Один, плотный и приземистый, явно веселясь, очень крепко держал под руку другого, рослого, мордастого, с разболтанными движениями и неожиданными порывами. Третий, худой и

длинный, с узким темным лицом, шел поодаль, держа руки за спиной. Поравнявшись со мной, разболтанный верзила решительно затормозил. Приземистый парень попытался сдвинуть его с места, но тщетно. Длинный прошел несколько шагов и тоже остановился, нетерпеливо глядя через плечо.

— Попался, с-скотина! — заорал пьяный, порываясь схватить меня за грудь свободной рукой.

Я отступил к забору и сказал, обращаясь к приземистому:

— Я вас не трогал.

— Перестань безобразничать! — резко сказал длинный издали.

— Я тебя а-атлично запомнил! — орал пьяный. — От меня не уйдешь! Я с тобой посчитаюсь!

Он рывками надвигался на меня, волоча за собой приземистого, который вцепился в него, как полицейский бульдог.

— Да это не тот! — уговаривал приземистый, которому было очень весело. — Тот же на дрожку пошел, а этот трезвый...

— М-меня не обманешь...

— Предупреждаю в последний раз, мы тебя выгоним!

— Испугался, мер-рзавец! Браслет снял!

— Ты же его не видишь! Ты же без очков, балда!..

— Я все а-атлично вижу!.. А если даже и не тот...

— Прекрати, наконец!..

Длинный все-таки подошел и вцепился в пьяного с другой стороны.

— Да проходите вы! — сказал он мне раздраженно. — Что вы, в самом деле, тут остановились? Пьяного не видели?

— Не-ет, от меня не уйдешь!

Я пошел своей дорогой. До дома было уже недалеко. Компания шумно тащилась следом.

— Если угодно, я его насквозь в-вижу! Царь пр-рироды... Напился до р-рвоты, н-набил кому-нибудь мор-рду, сам получил как следует, и н-ничего ему больше не надо... Пу-пустите, я ему навешаю по чавке...

— До чего ты докатился, ведем тебя, как гангстера...

— А ты меня не в-веди!.. Я их ненавижу!.. Дрожки... Водки... Бабы... Студень безмозглый...

— Да, конечно, успокойся... Только не падай.

— Довольно ур-п... упреков!.. Вы мне надоели вашим фарисейством... пу-ри-тант... танством... Нужно рвать! Стрелять! Всех стереть с лица з-земли!

— Ох и налился! А я было решил, что он совсем протрезвел...

— Я тр-резв! Я все помню. Двадцать восьмого... Что, не так?

— Заткнись, балда!

— Ч-ш-ш-ш-ш! Вер-рна! Враг начеку... Ребята, тут был где-то шпик... Я же с ним разговаривал... Браслет, сволочь, с-снял... Но я этого стукача еще до двадцать восьмого...

— Да замолчи ты!

— Ч-ш-ш-ш-ш! Все! И ни слова больше... И не беспокойтесь, минометы за мной...

— Я его сейчас убью, этого подонка...

— Па вр-врагам сци... цивилизации... Полторы тысячи литров слезогонки — лично... Шесть секторов... Э-эк!

Я был уже у ворот своего дома. Когда я оглянулся, пьяный лежал лицом вниз, приземистый сидел над ним на корточках, а длинный стоял поодаль и потирал левой рукой ребро ладони правой.

— Ну зачем ты это сделал? — сказал приземистый. — Ты же его искалечил.

— Хватит болтовни, — сказал длинный яростно. — Никак не отучимся болтать. Никак не отучимся пить водку. Хватит.

Будем как дети, доктор Опир, подумал я, по возможности бесшумно проскальзывая во двор. Я придержал створки ворот, чтобы они не щелкнули, закрываясь.

— А где этот? — спросил длинный, понижая голос.

— Кто?

— Этот тип, который шел впереди...

— Свернул куда-то...

— Куда, ты не заметил?

— Слушай, мне было не до него.

— Жаль... Ну ладно, бери его и пошли.

Отступив в тень яблонь, я смотрел, как они проволокли пьяного мимо ворот. Пьяный страшно хрипел.

В доме было тихо. Я прошел к себе, разделся и принял горячий душ. Гавайка и шорты пахивали слезогонкой и были покрыты жирными пятнами светящейся жидкости. Я бросил их в утилизатор. Затем я осмотрелся перед зеркалом и еще раз подивился, как легко отделался: желвак за ухом, порядочный синяк на левом плече и несколько ссадин на ребрах. Да ободранные кулаки.

На ночном столике я обнаружил извещение, в котором мне почтительно предлагалось внести деньги за квартиру за первые тридцать суток. Сумма оказалась изрядной, но вполне терпимой. Я отсчитал несколько кредиток и сунул их в предусмотрительно оставленный конверт, а затем лег на кровать, закинув здоровую руку за голову. Простыни были прохладные, хрустящие, в открытое окно вливался солоноватый морской воздух. Над ухом уютно сопел фонарь. Я собирался немного подумать перед сном, но был слишком измотан и быстро задремал.

Что-то разбудило меня, и я открыл глаза и насторожился, прислушиваясь. Где-то недалеко не то плакали, не то пели тонким детским голосом. Я осторожно поднялся и высунулся из окна. Тонкий прерывающийся голос бормотал: «...В гробах мало побыв, выходят и живут, как живые среди живых...» Послышалось всхлипывание. Издалека, словно комариный звон, доносилось: «Дрож-ка! Дрож-ка!» Жалобный голос произнес: «...Кровь с землей замешав, не поест...» Я подумал, что это пьяная Вузи плачет и причитает в своей комнате наверху, и позвал вполголоса: «Вузи!» Никто не отозвался. Тонкий голос выкрикнул: «Уйди от волос моих, уйди от мяса моего, уйди от костей моих!» — и я понял, кто это. Я перелез через подоконник, спрыгнул в траву и вошел в сад, прислушиваясь к всхлипываниям. Между деревьями показался свет, и скоро я наткнулся на гараж. Ворота были полуоткрыты, я заглянул внутрь. Там стоял огромный блестящий «опель». На монтажном столике горели две свечи. Пахло ароматическим бензином и горячим воском.

Под свечами на шведской скамейке сидел Лэн в белой до пят рубашке и босиком, с толстой потрепанной книгой на коленях. Широко раскрытыми глазами он смотрел на меня, и лицо его было совсем белое и окаменевшее от ужаса.

— Ты что здесь делаешь? — громко спросил я и вошел.

Он молча смотрел на меня, затем начал дрожать. Я услышал, как стучат его зубы.

— Лэн, дружище, — сказал я. — Да ты, видно, не узнал меня. Это же я, Иван.

Он выронил книгу и спрятал руки под мышками. Как и сегодня утром, лицо его покрылось испариной. Я сел рядом с ним и обнял его за плечи. Он обессиленно привалился ко мне. Его всего трясло. Я посмотрел на книгу. Некий доктор Нэф осчастливил человечество «Введением в учение о некротических явлениях». Я пинком отбросил книгу под столик.

— Чья это машина? — спросил я громко.

— Ма... мамина...

— Отличный «форд».

— Это не «форд». Это «опель».

— А ведь верно, «опель»... Миль двести, наверное?

— Да...

— А где ты свечки достал?

— Купил.

— Да ну? Вот не знал, что в наше время продаются свечи. А у вас тут что, лампочка перегорела? Я, понимаешь, вышел в сад яблочко сорвать, гляжу, свет в гараже...

Он тесно придвинулся ко мне и сказал шепотом:

— Вы... Вы еще немножко не уходите.

— Ладно. А может, погасим свет и пойдём ко мне?

— Нет, туда нельзя.

— Куда нельзя?

— К вам. И в дом нельзя. — Он говорил с огромной убежденностью. — Еще долго нельзя. Пока не заснут.

— Кто?

— Они.

— Кто — они?

— Они. Слышите?

Я прислушался. Слышно было только, как шуршат ветки под ветром, да где-то далеко-далеко орут: «Дрож-ка! Дрож-ка!»

— Ничего особенного не слышу, — сказал я.

— Это потому, что вы не знаете. Вы здесь новичок, а новичков они не трогают.

— А кто же все-таки — они?

— Все они. Видели вы этого хмыря с пуговицами?

— Пети? Видел. А почему он хмырь? По-моему, вполне приличный человек...

Лэн вскочил.

— Пойдемте, — сказал он шепотом. — Я вам покажу. Только тихо.

Мы вышли из гаража, подкрались к дому и обогнули угол. Лэн все время держал меня за руку. Ладонь у него была холодная и мокрая.

— Вот, смотрите, — сказал Лэн.

Действительно, зрелище было страшненькое. На хозяйской веранде, просунув неестественно свернутую голову сквозь перила, лежал мой таможенник. Ртутный свет с улицы падал на его лицо, оно было синее, вспухшее, покрытое темными потеками. Сквозь полуоткрытые веки виднелись мутные, скошенные к переносице глаза. «Ходят между живыми, как живые, при свете дня, — бормотал Лэн, держась за меня обеими руками. — Кивают и улыбаются, но в ночи лица их белые, и кровь выступает на лицах...» Я подошел к веранде. Таможенник был в ночной пижаме. Он сипло дышал, от него пахло коньяком. На лице его была кровь, похоже было, что он упал мордой на битое стекло.

— Да он просто пьян, — сказал я громко. — Пьяный человек. Храпит. Очень противно.

Лэн помотал головой.

— Вы новичок, — прошептал он. — Вы ничего не видите. А я видел... — Его снова затрясло. — Их много пришло... Это она их привела... И принесли ее... Была луна... Они отпилили ей макушку... Она кричала, так кричала... А потом стали есть ложками... И она ела, и все смеялись, что она кричит и бьется...

— Кто? Кого?

— А потом завалили деревом и сожгли... И плясали у костра... А потом все зарыли в саду... Она за лопатой ездила на машине... Я все видел... Хотите, покажу, где зарыли?

— Вот что, приятель, — сказал я. — Пошли ко мне.

— Зачем?

— Спать, вот зачем. Все давно спят, только мы с тобой тут болтаем.

— Никто не спит. Вы совсем новичок. Сейчас никто не спит. Сейчас спать нельзя...

— Пошли, пошли, — сказал я. — Ко мне пошли.

— Не пойду, — сказал он. — Не трогайте меня. Я вашего имени не называл.

— А вот я сейчас ремень возьму, — сказал я грозно, — и напорю тебя по заднице!

Кажется, это его немного успокоило. Он снова вцепился мне в руку и замолчал.

— Пошли, дружище, пошли, — сказал я. — Ты будешь спать, а я буду рядом сидеть. И если что-нибудь случится, сразу тебя разбужу.

Мы влезли через окно в мою спальню (входить в дом через дверь он отказался наотрез), и я уложил его в постель. Я намеревался рассказать ему сказку, но он сразу заснул. Лицо у него было измученное, и он все время вздрагивал во сне. Я придвинул кресло к окну, закутался в плед и выкурил сигарету, чтобы успокоиться. Лучше было бы хлебнуть бренди, но мне не хотелось выходить из спальни. Я попытался думать о Римайере, о рыбаках, до которых я так и не добрался, о том, что должно случиться двадцать восьмого числа, о меценатах, но у меня ничего не получалось, и это меня раздражало. Меня раздражало, что я никак не мог заставить себя думать о своем деле как о чем-то важном. Мысли разбегались, лезли эмоции, я не столько думал, сколько чувствовал. Я чувствовал, что не зря приехал сюда, но в то же время чувствовал, что приехал совсем не за тем, за чем нужно.

А Лэн спал. Он не проснулся даже, когда у ворот зафыркал мотор, застучали автомобильные дверцы, кто-то заорал, зареготал и завыл на разные голоса, и я решил было, что перед домом совершают преступление, но оказалось, что это всего-навсего вернулась Вузи. Весело напевая, она принялась раздеваться еще в саду, небрежно развешивая на яблонях юбку, блузку и прочее. Меня она не заметила, вошла в дом, повозилась немного у себя наверху, уронила что-то тяжелое и наконец затихла. Было около пяти. Над морем разгоралась заря.

Глава восьмая

Когда я проснулся, Лэна уже не было. Плечо у меня ломило так, что боль отдавала в темя, и я дал себе слово весь сегодняшний день «ходить опасно». Кряхтя и чувствуя себя больным и жалким, я проделал некое подобие зарядки, кое-как умылся, взял конверт с деньгами и отправился к тете Вайне, продвигаясь через двери боком. В холле я нерешительно остановился: в доме было совсем тихо, и я не был уверен, что хозяйка встала. Но тут хозяйская дверь отворилась, и в холл вошел таможенник Пети. Ну, знаете, подумал я. Ночью Пети был похож на перепившего утопленника. Сейчас, при свете дня, он напоминал жертву хулиганского нападения. Нижняя часть его лица была залита кровью. Свежая кровь лаково блестела на подбородке, и он держал под челюстью носовой платок, чтобы не запачкать свой белоснежный мундир со шнурами. Лицо у него было напряженное, глаза косили, но в общем он держался удивительно спокойно, словно падать мордой в битое стекло было для него самым обыкновенным делом. Маленькая неприятность, с кем не бывает, не обращайтесь, пожалуйста, внимания, сейчас все будет в порядке...

— Доброе утро, — пробормотал я.

— Доброе утро, — вежливо, несколько в нос отозвался он, осторожно промакивая подбородок.

— Что с вами? Вам помочь?

— Пустяки, — сказал он. — Упал стул...

Он вежливо поклонился и, пройдя мимо меня, неторопливо вышел из дома. Я с очень неприятным чувством проводил его взглядом, а когда снова повернулся к двери, передо мной стояла тетя Вайна. Она стояла в дверях, грациозно опираясь на косяк, чистенькая, розовая, душистая, и смотрела на меня так, словно я был генерал-полковником Тууром или, по крайней мере, штаб-майором Полом.

— Доброе утро, ранняя птичка, — проворковала она. — А я слышу, кто это разговаривает в доме в такой час?

— Я никак не мог решиться побеспокоить вас, — проговорил я, светски содрогаясь и мысленно взыв от боли в плече. — Доброе утро, и позвольте вручить вам...

— Как мило! Сразу видно истинного джентльмена. Генерал-полковник Туур говаривал, что истинный джентльмен никогда никого не заставляет ждать. Никогда. Никого...

Тут я заметил, что она медленно, но весьма упорно оттесняет меня от своих дверей. В гостиной у нее было темно, шторы, видимо, были опущены, и в холл тянуло чем-то сладким.

— Но вам, право же, не нужно было так уж спешить... — Она наконец выдвинулась на удобную позицию и плавным небрежным движением закрыла дверь. — Однако вы должны быть уверены, я сумею оценить вашу предупредительность... Вузи еще спит, а мне уже пора собирать в школу Лэна, так что простите... Кстати, свежие газеты у вас на веранде.

— Благодарю вас, — сказал я, отступая.

— Если у вас достанет терпения, через часок прошу вас на чашку сливок.

— К сожалению, я должен буду уйти, — сказал я и откланялся.

Газет было шесть. Две местные, иллюстрированные, толстые, как альманахи, одна столичная, два роскошных еженедельника и почему-то арабская «Эль Гуния». «Эль Гунию» я отложил, а остальные просмотрел, заедая новости сэндвичами и запивая горячим какао.

В Боливии правительственные войска после упорных боев овладели городом Рейес, мятежники оттеснены за реку Бени. В Чикаго на Международном конгрессе ядерников Хаггертон и Соловьев сообщили о проекте промышленной установки для получения антивещества. Третьяковская галерея прибыла в Леопольдвиль, официальное открытие произойдет завтра. С базы «Старый Восток» (Плутон) в зону абсолютно свободного полета запущена очередная серия беспилотных устройств, с двумя устройствами из четырех связь временно потеряна. Генеральный секретарь ООН направил генералиссимусу Орельяносу официальное послание, в котором предупредил, что в случае повторного применения экстремистами атомных гранат в Эльдorado будут введены полицейские силы ООН. У истоков реки Квандо (Центральная Ангола) археологическая экспедиция Академии наук ОАР обнаружила остатки циклопических сооружений, построенных, как полагают, задолго до ледникового периода. Группа специалистов Объединенного центра исследований субэлектронных (ритринитивных) структур оценивает запасы энергии, имеющиеся в распоряжении человечества, как достаточные на три миллиарда лет. Космический отдел ЮНЕСКО сообщает, что относительный прирост населения внеземных баз и плацдармов приближается к приросту населения на Земле. Глава английской делегации в ООН от имени великих держав выступил с проектом полной демилитаризации, хотя бы и насильственным путем, еще милитаризованных районов земного шара...

Сообщения о том, кто сколько килограммов выжал и кто сколько мячей в чьи ворота закатил, я читать не стал. Из местных же сообщений меня заинтересовали три.

Городская газета «Радость жизни» писала: «Этой ночью группа злоумышленников на частном самолете вновь совершила налет на площадь Звезды, полную отдыхающих граждан. Хулиганы выпустили несколько пулеметных очередей и сбросили одиннадцать газовых бомб. В результате возникшей паники несколько мужчин и женщин получили тяжкие увечья. Нормальный отдых сотен порядочных людей был сорван ничтожной группкой бандитствующих, с позволения сказать, интеллигентов при явном попустительстве органов охраны городского порядка. Председатель общества «За Старую Добрую Родину, Против Вредных Влияний» заявил нашему корреспонденту, что общество намерено взять дело охраны заслуженного отдыха сограждан в свои руки. Председатель недвусмысленно дал понять, кого именно народ считает источником вредной заразы, бандитизма и милитаризованного хулиганства...»

На девятнадцатой странице газета отвела полосу для статьи «выдающегося представителя новейшей философии, лауреата Государственной премии доктора Опира». Статья называлась «Мир без забот». Доктор Опир красивыми словами и очень убедительно обосновывал всемогущество науки, звал к оптимизму, клеймил угрюмых скептиков-очернителей и приглашал «быть как дети». Особенную роль в формировании психологии современного (то есть беззаботного) человека он отводил методам волновой психотехники. «Вспомните, какой великолепный заряд бодрости и хорошего настроения дает вам светлый, счастливый, радостный сон! — восклицал представитель новейшей философии. — И недаром сон, как средство излечения многих психических заболеваний, известен уже более ста лет. Но ведь все мы немножко больны: мы больны нашими заботами, нас одолевают мелочи быта, нас раздражают, правда, редкие, но кое-где еще сохранившиеся и иногда встречающиеся неустройства, неизбежные трения между индивидуальностями, нормальная здоровая сексуальная неудовлетворенность и недовольство собой, столь присущее нашему гражданину... И подобно тому как ароматный бадусан смывает дорожную пыль с усталого тела, так радостное сновидение омывает и очищает истомленную душу. И теперь нам не страшны более никакие заботы и неустройства. Мы знаем: наступит час, и невидимое излучение грезогенератора, который я вместе с народом склонен называть ласковым именем «дрожка», исцелит нас, исполнит оптимизма, вернет нам радостное ощущение бытия». Далее доктор Опир объяснял, что дрожка абсолютно безвредна в физическом и психическом смысле и что нападки недоброжелателей, усматривающих в дрожке сходство с наркотиками, демагогически болтающих о «дремлющем человечестве», не могут не вызвать у нас тягостного недоумения, а возможно, и более высоких и грозных для них, недоброжелателей, гражданских чувств. В заключение доктор Опир объявлял счастливый сон лучшим видом отдыха, смутно намекал на то, что дрожка является лучшим средством против алкоголизма и наркомании, и настоятельно убеждал не смешивать дрожку с иными (не апробированными медициной) средствами волнового воздействия.

Еженедельник «Золотые дни» сообщал о том, что из Государственной картинной галереи похищено ценное полотно, принадлежащее, по мнению специалистов, кисти Рафаэля. Еженедельник обращал внимание компетентных органов на то, что этот преступный акт является третьим за истекшие четыре месяца этого года и что ни одно из ранее похищенных произведений искусства найдено так и не было.

В общем-то, читать в еженедельниках было нечего. Я бегло просмотрел их, и они произвели на меня самое тягостное впечатление. Их заполняли удручающие остроты, бездарные карикатуры, среди которых особенной глупостью сияли серии «без слов», биографии каких-то тусклых личностей, слюнявые очерки из жизни различных слоев населения, кошмарные циклы фотографий «Ваш муж на службе и дома», бесконечные полезные советы, как занять свои руки и при этом, упаси бог, не побеспокоить голову, страстные идиотские выпады против пьянства, хулиганства и распутства, уже знакомые мне призывы вступать в кружки и хоры. Были там воспоминания участников «заварушки» и борьбы против гангстеризма, поданные в литературной обработке каких-то ослов, лишенных совести и литературного вкуса, беллетристические упражнения явных графоманов со слезами и страданиями, с подвигами, с великим прошлым и сладостным будущим, бесконечные кроссворды, чайнворды и ребусы и загадочные картинки...

Я швырнул эту грудку макулатуры в угол. Ну что за тоска! Дурака лелеют, дурака заботливо возвращают, дурака удобряют, и не видно этому конца... Дурак стал нормой, еще немного — и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы. А газеты водят хороводы уже сейчас. Ах, какой ты у нас славный, дурак! Ах, какой ты бодрый и здоровый, дурак! Ах, какой ты оптимистичный, дурак, и какой ты, дурак, умный, какое у тебя тонкое чувство юмора, и как ты ловко решаешь кроссворды!.. Ты, главное, только не волнуйся, дурак, все так хорошо, все так отлично, и наука к твоим услугам, дурак, и литература, чтобы тебе было весело, дурак, и

ни о чем не надо думать... А всяких там вредно влияющих хулиганов и скептиков мы с тобой, дурак, разнесем (с тобой, да не разнести!). Чего они, в самом деле! Больше других им надо, что ли?.. Тоска, тоска... Какое-то проклятие на человечестве, какая-то жуткая прееменованность угроз и опасностей. Империализм, фашизм... Десятки миллионов загубленных жизней, исковерканных судеб... В том числе миллионы погибших дураков, злых и добрых, виноватых и невиновных... Последние схватки, последние путчи, особенно беспощадные, потому что последние. Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, наскучившая однообразием экономического шпионажа, взалкавшая власти... Пришлось вернуться из космоса, выйти из заводов и лабораторий, вернуть в строй солдат. Ладно, справились. Ветерок перебирает листы «Истории фашизма» под ногами... Не успели вдоволь повосхищаться безоблачными горизонтами, как из тех же грязных подворотен истории полезли недобитки с короткоствольными автоматами и самодельными квантовыми пистолетами, гангстеры, гангстерские шайки, гангстерские корпорации, гангстерские империи... «Мелкие, кое-где еще встречающиеся неустройства», — увещевали и успокаивали доктора опиры, а в окна университетов летели бутылки с напалмом, города захватывались бандами хулиганов, музеи горели как свечи... Ладно. Отпихнув локтем докторов опириков, снова вернулись из космоса, снова вышли из заводов и лабораторий, вернули в строй солдат — справились. Снова горизонты безоблачны. Снова вылезли опиры, снова замурыкали еженедельники, и снова все из тех же подворотен потек гной. Тонны героина, цистерны опиума, моря спирта... и еще что-то, чему пока нет названия... И снова все висит на волоске, а дураки решают кроссворды, пляшут фляг, желают одного: чтобы было весело. Но где-то кто-то сходит с ума, кто-то рождает детей-идиотов, кто-то странно умирает в ваннах, кто-то не менее странно умирает у каких-то рыбаков, а меценаты оберегают свою страсть к искусству кастетами... И еженедельники стараются прикрыть это смрадное болото хрупкой, как меренги, приторной корочкой благополучной болтовни, а этот дипломированный дурак прославляет сладкие сны, и тысячи недипломированных дураков с удовольствием (чтобы было весело и ни о чем не надо думать) предаются снам, как пьянству... И снова дураков убеждают, что все хорошо, что космос осваивается небывальными темпами (и это правда), что энергии хватит на миллиарды лет (и это тоже правда), что жизнь становится все интереснее и разнообразнее (и это, несомненно, тоже правда, но не для дураков), а демагоги-очернители (читай: люди, думающие, что в наше время любая капля гноя способна заразить все человечество, как когда-то пивные путчи превратились в мировую угрозу), чуждые интересам народа, подлежат всемерному осуждению... Дураки и преступники... Преступники-дураки...

— Работать надо, — сказал я вслух. — К черту меланхолию... Мы вам покажем скептиков!

Пора было идти к Римайеру. Правда, рыбаки... Ладно, к рыбакам можно будет сходить потом. Надоело тыкаться вслепую. Я вышел во двор. Было слышно, как на веранде тетя Вайна кормит Лэна завтраком.

— Ну, мам, ну я не хочу!

— Кушай, сынок, надо кушать... Ты такой бледненький...

— А я не хочу! Комки противные...

— Да где же комки? Ну, давай я сама съем... М-м-м! Как вкусно! Попробуй только и увидишь, как вкусно...

— А если я не хочу! Я больной, я не пойду в школу.

— Лэн, ну что ты говоришь! Ты и так много пропускаешь...

— И пусть...

— Как же пусть! Меня уже директор два раза вызывал. Нас оштрафуют!

— Ну и пусть штрафуют...

— Кушай, кушай, сынок... Может быть, ты не выпался?

— Не выпался! И у меня живот болит... и голова... и зуб... Вот видишь, вот этот...

Голос у Лэна был капризный, и я сразу представил себе его надутые губы, болтающуюся ногу в носке. Я вышел за ворота. День опять был ясный, солнечный, чирикали птицы. Было еще слишком рано, и на пути до «Олимпиака» я встретил только двоих. Они шли рядом по обочине тротуара, чудовищно дикие в веселом мире свежей зелени и ясного неба. Один был выкрашен ярко-красной краской, другой — ярко-синей. Сквозь краску проступал пот. Они дышали с трудом, рты их были разинуты, глаза налиты кровью. Я непроизвольно расстегнул все пуговицы на рубашке и вздохнул с облегчением, когда эта странная пара миновала меня.

В отеле я сразу поднялся на девятый этаж. Я был настроен очень решительно. Хочет того Римайер или не хочет, но ему придется рассказать мне все, что меня интересует. Впрочем, теперь Римайер нужен мне не только для этого. Мне нужен был слушатель, а в этом солнечном бедламе я мог пока говорить откровенно только с Римайером. Правда, это был не тот Римайер, на которого я изначально рассчитывал, но и об этом, в конце концов, тоже нужно было поговорить...

У дверей номера Римайера стоял давешний рыжий Оскар, и, увидев его, я сразу замедлил шаги. Он задумчиво поправлял галстук, откинув голову и глядя в потолок. Вид у него был озабоченный.

— Привет, — сказал я. Надо же было с чего-то начинать.

Он шевельнул бровями, посмотрел на меня, и я понял, что он меня вспомнил. Он медленно сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте.

— Вы тоже к Римайеру? — спросил я.

— Римайер плохо себя чувствует, — сказал он. Он стоял у самой двери и не собирался, по-видимому, уступать мне дорогу.

— Какая жалость, — сказал я, придвигаясь. — И что же с ним?

— Он очень плохо себя чувствует.

— Ай-яй-яй-яй, — сказал я. — Надо бы посмотреть...

Я подошел к Оскару вплотную. Он явно не собирался пускать меня в номер. У меня сразу заболело плечо.

— Я не уверен, что это так уж надо, — желчно сказал он.

— Что вы говорите! Неужели так плохо?

— Вот именно. Очень плохо. И вам не следует его беспокоить. Ни сегодня, ни в другие дни.

Кажется, я пришел вовремя, подумал я. И надеюсь, не опоздал.

— Вы его родственник? — спросил я. Я был очень миролюбив.

Он осклабился.

— Я его друг. Самый близкий в этом городе. Можно сказать, друг детства.

— Это очень трогательно, — сказал я. — А вот я — его родственник. Все равно что брат. Давайте вместе зайдем и вместе посмотрим, что могут сделать для бедняги Римайера его друг и его брат.

— Может быть, брат уже сделал для Римайера достаточно?

— Ну что вы... Я только вчера приехал.

— А у вас нет здесь случайно других братьев?

— Я думаю, их нет среди ваших друзей, — сказал я. — Римайер — исключение...

Пока мы несли эту чушь, я внимательно его рассматривал. Он не выглядел слишком уж ловким человеком, даже если учесть мое больное плечо. Но он все время держал руку в кармане, и хотя я был почти убежден, что он не станет стрелять в отеле, рисковать мне не хотелось. Тем более что мне приходилось слышать о квантовых разрядниках ограниченного действия.

Мне много раз ставили в упрек, что мои намерения отчетливо видны на моей физиономии. А Оскар, по-видимому, был достаточно проницательным человеком. С

другой стороны, в карманах у него ничего подходящего явно не было, и руки в карманах он держал зря. Он отступил от двери и сказал:

— Заходите...

Мы вошли. Римайер действительно был плох. Он лежал на кушетке, накрытый сорванной портьерой, и неразборчиво бредил. Стол в номере был перевернут, посредине комнаты валялась в луже спиртного разбитая бутылка, и всюду была разбросана смятая мокрая одежда. Я подошел к Римайеру и сел так, чтобы не терять из виду Оскара, который встал у окна, опершись задом на подоконник. Глаза у Римайера были открыты. Я наклонился над ним.

— Римайер, — позвал я. — Это я, Иван. Ты узнаешь меня?

Он тупо глядел мне в лицо. На подбородке у него виднелась под щетиной свежая ссадина.

— Ты уже там... — пробормотал он. — Рыбарей... Чтобы долго... Не бывает... Ты не обижайся... Мешал очень... Не терплю...

Это был бред. Я посмотрел на Оскара. Оскар жадно слушал, вытянув шею.

— Нехорошо, когда просыпаешься... — бормотал Римайер. — Никому... просыпаться... Начинают... Тогда не просыпаться...

Оскар не нравился мне все больше и больше. Мне не нравилось, что он слушает бред Римайера. Мне не нравилось, что он оказался здесь раньше меня. И еще мне не нравилась ссадина на подбородке Римайера, совсем свежая. Рыжая морда, подумал я, глядя на Оскара, как же от тебя избавиться?

— Надо вызвать врача, — сказал я. — Почему вы не вызвали врача, Оскар? По моему, это делириум тременс...

Я сейчас же пожалел о сказанном. От Римайера, к моему немалому изумлению, совсем не пахло спиртным, и Оскар, очевидно, хорошо знал это. Он ухмыльнулся и спросил:

— Делириум тременс? Вы уверены?

— Нужно немедленно вызвать врача, — повторил я. — И сиделок.

Я опустил руку на телефонную трубку. Он моментально подскочил ко мне и положил ладонь на мою руку.

— Зачем же вы? — сказал он. — Давайте лучше я вызову врача. Вы тут человек новый, а я знаю отличного врача.

— Ну какой там у вас врач... — возразил я, глядя на ссадину у него на костяшках пальцев. Эта ссадина тоже была свежая.

— Отличный врач. Как раз специалист по белой горячке.

— Вот видите, — сказал я. — А может быть, у Римайера и нет никакой белой горячки.

Римайер вдруг сказал:

— Так я велел... Альзо шпрахт Римайер... Наедине с миром...

Мы оглянулись на него. Он говорил высокомерно, но глаза его были закрыты, а лицо в складках дряблой серой кожи казалось жалким. Сволочь, подумал я про Оскара, имеет наглость торчать здесь. У меня вдруг мелькнула дикая мысль, показавшаяся мне в тот момент очень удачной: свалить Оскара толчком в солнечное сплетение, связать и заставить немедленно выложить все, что он знает. Знает он, вероятно, много. А может быть, и все. Он смотрел на меня, и в его бледных глазах были страх и ненависть.

— Хорошо, — сказал я. — Пусть врача вызовет портье.

Он убрал руку, и я позвонил портье. В ожидании врача я сидел возле Римайера, а Оскар ходил из угла в угол, перешагивая через лужу спиртного. Я следил за ним краем глаза. Он вдруг нагнулся и поднял что-то с пола. Что-то маленькое и пестрое.

— Что это там? — спросил я равнодушно.

Он поколебался немного, а затем бросил мне на колени плоскую коробочку с пестрой этикеткой.

— А, — сказал я и поглядел на Оскара. — «Девон».

— «Девон», — отозвался он. — Странно, что здесь, а не в ванной, правда?

Черт, подумал я. Пожалуй, я был слишком зелен, чтобы драться с ним в открытую. Я еще слишком мало знал.

— Ничего странного, — сказал я наобум. — Вы ведь, кажется, распространяете этот репеллент. Наверное, это образец, который вывалился у вас из кармана.

— У меня из кармана? — Он страшно удивился. — А, вы имеете в виду, что я... Но я уже давно выполнил все поручения и теперь просто отдыхаю. — Он помолчал. — Но, если вы интересуетесь, я мог бы помочь.

— Это очень интересно, — сказал я. — Я посоветуюсь...

Тут, к сожалению, дверь распахнулась, и появился врач в сопровождении двух сестер.

Врач оказался человеком решительным. Он жестом убрал меня с кушетки и отбросил портьеру, которой был накрыт Римайер. Римайер лежал совершенно голый.

— Ну конечно... — сказал врач. — Опять... — Он поднял Римайеру веки, оттянул ему нижнюю губу, пощупал пульс. — Сестра, кордеин... И вызовите горничных, пусть вылижут эту конюшню до блеска... — Он выпрямился и посмотрел на нас. — Родственники?

— Да, — сказал я. Оскар промолчал.

— Вы нашли его уже без сознания?

— Он лежал и бредил, — сказал Оскар.

— Это вы перенесли его сюда?

Оскар помедлил.

— Я только укрыл его портьерой, — сказал он. — Когда я пришел, он лежал, как сейчас. Я боялся, что он простудится.

Врач некоторое время смотрел на него, потом сказал:

— Впрочем, это безразлично. Вы можете идти. Оба. С ним останется сиделка. Вечером можете позвонить. Всего хорошего.

— А что с ним, доктор? — спросил я.

Врач пожал плечами.

— Ничего особенного. Переутомление, нервное истощение... Кроме того, он, по-видимому, слишком много курит. Завтра он станет транспортабельным, и тогда увезите его домой. У нас ему оставаться вредно. У нас слишком весело. До свидания.

Мы вышли в коридор.

— Пойдемте выпьем, — предложил я.

— Вы забыли, что я не пью, — заметил Оскар.

— Жаль. Вся эта история меня так расстроила, что хочется выпить. Римайер всегда был таким здоровяком...

— Ну, в последнее время он сильно сдал, — сказал Оскар осторожно.

— Да, я с трудом узнал его, когда вчера увидел...

— Я тоже, — сказал Оскар. Он не верил ни одному моему слову. Я ему тоже.

— Где вы остановились? — спросил я.

— Здесь же, — сказал Оскар. — Этажом ниже, восьмьсот семнадцатый номер.

— Жаль, что вы не пьете. Мы бы могли посидеть у вас и хорошо поговорить.

— Да, это было бы неплохо. Но, к сожалению, я очень спешу. — Он помолчал. — Знаете что, дайте мне ваш адрес, завтра утром я вернусь и зайду к вам. Около десяти — вас устроит? Или вы позвоните мне...

— Отчего же... — сказал я и дал ему свой адрес. — Честно говоря, меня очень интересует «Девон».

— Я думаю, мы сумеем договориться, — сказал Оскар. — До завтра.

Он сбежал по лестнице. Он действительно, по-видимому, спешил. А я спустился на лифте в вестибюль и дал телеграмму Марии: «Брату очень плохо чувствую себя одиноким

бодрюсь Иван». Я и в самом деле чувствовал себя одиноким. Римайер снова вышел из игры — по крайней мере на сутки. Единственный намек, который он мне дал, — это совет насчет рыбарей. Ничего определенного у меня не было. Были рыбаки, которые обитают где-то в Старом Метро; был «Девон», который, возможно, каким-то боком касался моего дела, но с тем же успехом мог не иметь к нему никакого отношения; был Оскар, явно связанный с «Девоном» и с Римайером, фигура достаточно неприятная и зловещая, но, несомненно, лишь одна из множества неприятных и зловещих фигур на местных безоблачных горизонтах; был еще какой-то Буба, снабдивший «Девоном» пористый нос... В конце концов, я здесь всего сутки, подумал я. Время есть. И на Римайера, в конце концов, можно еще рассчитывать, и Пека, может быть, удастся найти... Я вдруг вспомнил вчерашнюю ночь и дал телеграмму Зигмунду: «Концерт самодеятельности двадцать восьмого подробности не знаю Иван». Потом я подозвал портье и спросил, как быстрее пройти к Старому Метро.

Глава девятая

— Приходили бы вечером, сейчас слишком рано.

— А мне хочется сейчас.

— Приспичило, значит... А вы, может, адресом ошиблись?

— Да нет, не ошибся.

— И вот именно сейчас вам и надо?

— Именно сейчас. И не позже.

Он поцокал языком и дернул себя за нижнюю губу. Он был коренастый, плотный, с круглой, гладко выбритой головой. Говорил он, едва шевеля языком, и утомленно заводил глаза под верхние веки. По-моему, он не выспался. Его приятель, сидевший за барьером в кресле, по-видимому, тоже не выспался. Но он вообще не говорил ни слова и даже не смотрел в мою сторону. Помещение было мрачное, затхлое, с отставшими от стен покоробленными панелями. С потолка свисала тусклая от пыли лампочка без абажура на грязном шнуре.

— Почему бы вам все-таки не прийти попозже? — промямлил круглоголовый. — Когда все приходят...

— Так уж мне захотелось, — скромно сказал я.

— Захотелось... — Он пошарил в столе. — У меня вот и бланка не осталось... Эль, у тебя есть бланки?

Эль молча нагнулся и вытянул откуда-то из-под барьера мятый лист бумаги. Круглоголовый сказал зевая:

— Приходите ни свет ни заря... Народу никого нет, девчонок тоже... спят еще... Веселья никакого... — Он протянул мне бланк. — Заполните и подпишите, — сказал он. — Мы с Элем подпишемся за свидетелей. Деньги сдайте... Не беспокойтесь, у нас честно. Документы у вас есть какие-нибудь?

— Никаких.

— И то хорошо.

Я просмотрел бланк. «Настоящим я, нижеподписавшийся (пропуск), в присутствии свидетелей (большой пропуск) убедительно прошу подвергнуть меня приемным испытаниям на соискание звания члена общества ДОО. Подпись соискателя. Подписи свидетелей».

— Что такое ДОО? — спросил я.

— Это мы так зарегистрированы, — ответил круглоголовый. Он пересчитывал деньги.

— Но ДОО как-то расшифровывается?

— А кто его знает... Это еще до меня было. ДОО и ДОО... Ты не знаешь, Эль? — Эль лениво помотал головой. — Ну, в самом деле, не все ли вам равно...

— Абсолютно все равно, — сказал я, вставил свое имя и подписался.

Круглоголовый посмотрел, тоже вписал свое имя и подписался, и передал бланк Элю.

— Похоже, вы иностранец, — сказал он.

— Да.

— Тогда припишите ваш домашний адрес. У вас родные есть?

— Нет.

— Тогда и не надо. Готово, Эль? Положи в папку... Ну, пойдете?

Он поднял барьер и подвел меня к массивной квадратной двери, оставшейся, наверное, еще с тех времен, когда метро оборудовали под атомоубежище.

— Выбора-то никакого нет, — сказал он, словно оправдываясь. Он выдвинул засовы и с натугой повернул ржавую рукоять. — Пойдете прямо по коридору, — сказал он, — а там сами увидите.

Мне показалось, что Эль позади хихикнул. Я обернулся. В барьер перед Элем был встроена небольшой экран. На экране что-то двигалось, но я не разглядел что. Круглоголовый, налегая всей тяжестью на рукоять, откатил дверь. За дверью открылся пыльный проход. Несколько секунд круглоголовый прислушивался, затем повторил:

— Прямо по этому коридору.

— А что там будет? — спросил я.

— Чего хотели, то и получите... Или, может, вы раздумали?

Все это было явно не то, что надо, но, как известно, никто ничего не знает, пока сам не попробует. Я перешагнул через высокий порог, и дверь с чмоканьем закрылась за мной. Было слышно, как заскрежетали засовы.

Коридор освещали несколько уцелевших ламп. Было сыро, на бетонных стенах цвела плесень. Я постоял, прислушиваясь, но ничего не услышал, кроме редкого стука капель. Я осторожно двинулся вперед. Под ногами скрипела цементная крошка. Коридор скоро кончился, и я очутился в сводчатом бетонном тоннеле, освещенном совсем уже скверно. Когда глаза привыкли к сумраку, я разглядел рельсовый путь. Рельсы были ржавые, между ними темнели лужи неподвижной воды. Под сводом тянулись провисшие провода. Сырость прохватывала до костей, и отвратно пахло — не то падалью, не то испорченной канализацией. Нет, это было совсем не то, что нужно. Мне не хотелось терять времени даром, и я подумал, что сейчас вернусь и скажу, что приду в другой раз. Но сначала я решил — просто из любопытства — пройти немного по тоннелю. Я пошел направо, на свет далеких ламп. Я перескакивал через лужи, спотыкался о прогнившие шпалы, путался в оборванных кабелях. Дойдя до первой лампы, я снова остановился.

Рельсовый путь был разобран. Шпалы валялись вдоль стен, а на пустом полотне зияли дыры, наполненные водой. Затем я увидел рельсы. Никогда мне не приходилось видеть рельсы в таком состоянии. Некоторые были скручены штопором. Они были начищены до блеска и напоминали огромные сверла. Другие были с огромной силой вбиты в полотно и в стены тоннеля. А третьи были завязаны в узлы. У меня мороз пошел по коже, когда я увидел это. Простые узлы, узлы с бантом, узлы с двумя бантами, как шнурки на ботинках... Они были сизые от окалины.

Я посмотрел вперед, в глубину тоннеля. Оттуда тянуло гниющей падалью, тусклые желтые огни редких ламп мерно мигали, словно что-то раскачивалось на сквозняке, заслоняя и снова открывая их. Нервы мои не выдержали. Я чувствовал, что это не более чем дурацкая шутка, но я ничего не мог с собой поделать. Я присел на корточки и осмотрелся. Скоро я нашел то, что искал: метровый обломок железного прута. Я взял его под мышку и двинулся дальше. Железо было холодное, влажное и шершавое от ржавчины.

Косой мигающий свет далеких ламп озарял скользкие, блестящие от сырости стены. Я уже давно заметил на них странные округлые потеки, но вначале не обратил на это внимания, а потом заинтересовался и подошел посмотреть. По стене, на сколько хватал

глаз, тянулись два ряда круглых следов, разделенных метровыми интервалами. Это выглядело так, как будто по стене здесь пробежал слон, и пробежал не очень давно — на краю одного такого следа слабо шевелилась раздавленная белая сороконожка. Хватит, подумал я, пора возвращаться. Я посмотрел вдоль тоннеля. Теперь под лампами впереди были отчетливо видны черные качающиеся гирлянды. Я взял прут поудобнее и пошел вперед, держась поближе к стене.

Это тоже впечатляло. Под сводами тоннеля тянулись провисшие кабели, а на них, связанные хвостами и собранные в тяжелые щетинистые гроздья, покачивались на сквозняке сотни и сотни мертвых крыс. В полумраке жутко блестели мелкие оскаленные зубы, торчали во все стороны закостеневшие лапки, и эти гроздья длинными гнусными гирляндами уходили в темноту. Густой тошнотворный смрад опускался из-под свода и растекался по тоннелю, шевелящийся, плотный, как кисель...

Раздался пронзительный визг, и под ноги мне вдруг бросилась огромная крыса. Потом еще одна. И еще. Я попятился. Они мчались оттуда, из темноты, где не было ни одной лампы. И оттуда вдруг толчками пошел теплый воздух. Я нащупал локтем пустоту в стене и вдвинулся в нишу. Под каблуками заверещало и задергалось живое — я не глядя отмахнулся своей железной палкой. Мне было не до крыс, потому что я слышал, как кто-то тяжело и мягко бежит по тоннелю, плюхая по лужам. Зря я ввязался в это дело, подумал я. Железный прут показался мне таким легким и ничтожным по сравнению с завязанными в узлы рельсами. Это не летучая пиявка... И не динозавр из Конго... Только б не гигантопитек, все что угодно, только не гигантопитек. У этих ослов хватит ума выловить гигантопитека и запустить в тоннель... Я плохо соображал в эти секунды. И неожиданно ни с того ни с сего подумал о Римайере. Зачем он послал меня сюда? Что он — с ума сошел?.. Только бы не гигантопитек...

Он пронесся мимо меня так быстро, что я не успел разобрать, что это такое. Тоннель гудел от его галопа. Затем где-то совсем рядом раздался отчаянный скрежещущий визг пойманной крысы, и наступила тишина. Я осторожно выглянул. Он стоял шагах в десяти, под самой лампой, и ноги подо мной обмякли от огромного облегчения.

— Умники-затейники, — сказал я вслух, чуть не плача. — Острижки-самоучки... Это надо же додуматься! Таланты доморощенные...

Он услышал мой голос и, задрвав кормовые ноги, произнес:

— Температурка у нас будет два метра тринадцать дюймов, влажности нет, чего нет, того нет...

— Повтори свое задание, — сказал я, подходя.

Он со свистом выпустил из присосков сжатый воздух, бессмысленно подрыгал ногами и взбежал на потолок.

— Слезай вниз, — приказал я строго, — и отвечай на вопрос.

Он висел у меня над головой среди заплесневелых проводов, этот давно устаревший кибер, предназначенный для работ на астероидах, жалкий и нелепый, весь в лохмотьях от карбонной коррозии и в кляксах черной подземной грязи.

— Слезай вниз! — рявкнул я.

Он швырнул в меня дохлой крысой и умчался в темноту.

— Базальты! Граниты!.. — вопил он на разные голоса. — Псевдометаморфические породы!.. Я над Берлином! Как слышите? Пора спать!

Я бросил палку и пошел за ним следом. Он добежал до следующей лампы, спустился вниз и стал быстро, по-собачьи, рыть бетон рабочими манипуляторами. Бедняга, у него и в лучшие-то времена мозг был способен к нормальной работе только при тяжести в одну сотую земной, а сейчас он был совершенно невменяем. Я нагнулся над ним и стал шарить под панцирем, отыскивая узел регулировки. «Вот поганцы», — сказал я вслух. Узел регулировки был расплюснен, словно по нему ударили кувалдой. Он бросил копать и мягко схватил меня за ногу.

— Стоп! — гаркнул я. — Прекратить!

Он прекратил, лег на бок и сообщил басом:

— Надоел он мне до смерти, Эль. Бренди бы сейчас выпить...

Внутри у него щелкнули контакты, и заиграла музыка. Шипя и посвистывая, он исполнял «Марш охотников». Я смотрел на него и думал, как это глупо и отвратительно, как смешно и страшно одновременно. Если бы я не был межпланетником, если бы я испугался и побежал, он бы почти наверняка убил меня... А ведь здесь никто не знал, что я был межпланетником. Никто. Ни один человек. И Римайер тоже не знал, что я был межпланетником...

— Встань, — сказал я.

Он зажуужжал и принялся ковырять стену, и тогда я повернулся и пошел обратно. Все время, пока я шел до поворота в коридор, мне было слышно, как он гремит и лязгает в груди исковерканных рельсов, шипит электросваркой и несет окошечку на два голоса.

Противоатомная дверь была уже открыта. Я шагнул через порог и захлопнул ее за собой.

— Ну как? — спросил круглоголовый.

— Глупо, — ответил я.

— Я же не знал, что вы межпланетник. Вы работали в космосе?

— Работал. Все равно глупо. На дураков. На неграмотных экзальтированных дураков.

— На каких?

— Экзальтированных.

— А-а... Ну, это вы зря. Многим нравится. А вообще я вам говорил, что приходили бы вечером. У нас вообще для одиночек развлечений мало... — Он налил виски и добавил содовой из сифона. — Хотите?

Я взял стакан и облокотился на барьер. Эль с сигареткой, прилипшей к губе, угрюмо смотрел на экран. По экрану металась осклизлая стена тоннеля, скрюченные рельсы, черные лужи, летели искры электросварки.

— Это не для меня, — заявил я. — Пусть этим занимаются бухгалтеры и парикмахеры. Я против них, конечно, ничего не имею, но мне-то надо такое, чего я никогда в жизни не видел.

— Сами, значит, не знаете, чего хотите, — сказал круглоголовый. — Это тяжелый случай. Вы, извиняюсь, не интель?

— А в чем дело?

— Нет, вы только не подумайте чего-нибудь, перед костлявой, сами понимаете, все равны. Я только что хочу сказать? Что интели — самые капризные клиенты, вот и все. Верно, Эль? Если приходит, скажем, тот же бухгалтер или парикмахер, он хорошо знает, чего ему надо. Кровь погонять ему надо, чтобы себя показать, собой погордиться, чтобы девчонки визжали, чтобы показывать всем дырки в шкуре... Это парни простые, каждому хочется считать себя мужчиной. Ведь кто он такой, наш клиент? Способностей особенных у него нет, да они ему и не требуются... Вот раньше, я в книге читал, хоть завидовали друг другу, сосед, мол, как сыр в масле катается, а я на холодильник накопить не могу — разве это можно вытерпеть? Цеплялись, конечно, зубами, за барахло, за деньги, за место выгодное... Жизнь на это клали! У кого кулак крепче или голова хитрее, тот и наверху... А теперь ведь жизнь стала жирная, тихая, всего в достатке. К чему себя применить? Я же не карась, я же человек все-таки, мне же скучно, а придумать сам ничего не умею. Это ведь надо особые способности иметь — придумывать! Это надо же гору книг прочитать, а попробуй-ка их читать, когда тебя от них тошнит... Прославиться там в мировом масштабе или выдумать чего-нибудь вроде машины — это мне и в голову не сразу придет, а если и придет — что толку? Никому ты в общем-то не нужен, даже жене и детям собственным не нужен, если разобраться, верно, Эль? Да и тебе никого не надо... Теперь, значит, придумывают для тебя умные люди что-нибудь новенькое, то ароматьеры эти, то дрожку, то новую пляску... Питье вот новое придумали... «хорек» называется... Хотите, я вам

собью? Он этого «хорька» хватит — глаза на лоб, он и доволен... А пока глаза у него на месте, жизнь для него все равно что дождевая вода. Вот к нам тут один интель ходит и каждый раз жалуется: жизнь, говорит, пресна, ребята... А отсюда я выхожу — герой! После, скажем, пульки или «один на двенадцать» я же совсем по-другому на себя смотрю. Верно, Эль? Мне все снова сладко делается — бабы, жратва, вино...

— Да, — сказал я сочувственно. — Я вас хорошо понимаю. Но для меня-то все это тоже пресно.

— Слег ему нужен, — сказал вдруг Эль басом.

— Что-что? — спросил я.

— Слег, говорю.

Круглоголовый весь сморщился.

— Ну брось, Эль. Ну что ты сегодня какой-то...

— Кашлять я на него хотел, — сказал Эль. — Не люблю я этих... Все ему пресно, все ему не так.

— Вы его не слушайте, — сказал круглоголовый. — Он ночь не спал, утомился...

— Нет, почему же? — возразил я. — Очень интересно. Что это за слег?

Круглоголовый опять сморщился.

— Неприлично это, понимаете? — сказал он. — Вы Эля не слушайте, он хороший парень, простой, но ему обложить человека ничего не стоит. А слово это нехорошее. Повадились сейчас какие-то на стенах его везде писать. Вот ведь хулиганье, а? Сопляки, толком и не знают, что это такое, а пишут... Вон, видите, мы барьер обстругали... Сволочь какая-то вырезала, поймал бы его — наизнанку бы вывернул... Ведь у нас женщины бывают.

— Ты скажи ему, — произнес Эль, обращаясь к круглоголовому, — чтобы раздобыл себе слег и утихомирится. Пусть найдет Бубу...

— Да заткнись ты, Эль! — сказал круглоголовый сердито. — Не слушайте вы его...

Услышав имя Бубы, я снова наполнил стакан и устроился поудобнее.

— Что же это такое, — сказал я, — тайный порок какой-нибудь?

— Тайный! — сказал Эль басом и нехорошо заржал.

Круглоголовый тоже засмеялся.

— У нас тайного ничего быть не может, — сказал он. — Какие могут быть тайны, когда народ с пятнадцати лет закладывает? Дураки эти, интели, все секреты разводят... Хотят двадцать восьмого заварушку устроить, шепчутся, минометы давеча за город повезли, чтобы спрятать, значит, ну, как дети, ей-богу! Верно, Эль?

— Ты ему скажи. — Простой хороший парень Эль гнул свое. — Ты ему скажи: пусть валит ко всем чертям. Ты за него не заступайся. Так ему и скажи: пусть идет к Бубе в «Оазис», и весь разговор.

Он выбросил на барьер мой бумажник и бланк. Я допил виски. Круглоголовый серьезно сказал:

— Конечно, вы как хотите, дело ваше, но я вам советую от этих вещей держаться подальше. Мы, может, все к этому придем, да чем позже, тем лучше. Я вам этого даже объяснить не могу, я только чувствую, что это — как в могилу: никогда не поздно и всегда рано.

— Спасибо, — сказал я.

— Он еще благодарит! — Эль снова заржал. — Ты видал такое? Еще и благодарит!

— Три рубля мы удержали, — сказал круглоголовый. — А бланк порвите. Нет, дайте я сам порву. А то, не дай бог, случится с вами что-нибудь, а полиция к нам пожалует.

— Честно говоря, — сказал я, пряча бумажник, — мне все-таки непонятно, как это вашу контору не прикроют.

— А у нас все честно-благородно, — сказал круглоголовый. — Не хочешь — никто тебя не заставит. А если что-нибудь случилось — сам виноват.

— Наркоманов тоже никто не заставляет, — возразил я.

— Э, сравнили! Наркотики — дело денежное, корыстное...

— Ну ладно, до свиданья, — сказал я. — Спасибо вам, ребята. Где, вы сказали, Бубу искать?

— «Оазис», — пробасил Эль. — Кафе. Проваливай.

— Какой ты вежливый, дружок, — сказал я, — даже сердце щемит.

— Проваливай, проваливай, — повторил Эль. — Интель вонючий.

— Не волнуйся так, милый, — сказал я, — а то ведь язву наживешь. Береги желудок, дороже желудка у тебя ничего нет. Верно я говорю?

Эль начал медленно выдвигаться из-за барьера, и я ушел. У меня снова разболелось плечо.

На улице падал крупный теплый дождь. Листья деревьев блестели мокро и весело, пахло свежестью, озоном, грозой.

Я остановил такси и назвал «Оазис». Улица вся струилась свежими ручейками, и город был таким красивым и уютным, что неприятно было даже думать о заплесневелом, вонючем, заброшенном метро.

Дождь хлестал вовсю, когда я выскочил из машины и, перемахнув через тротуар, ворвался в кафе «Оазис». Народу было довольно много, почти все ели, даже бармен за стойкой хлебал суп, пристроив тарелку между стаканчиками для спиртного. Пообедавшие курили, рассеянно глядя на улицу сквозь залитую водой витрину. Я подошел к стойке и вполголоса осведомился, здесь ли Буба. Бармен положил ложку и оглядел зал.

— Не-а, — сказал он. — Да вы обедайте пока, он скоро будет.

— А как скоро?

— Минут через двадцать, через полчаса.

— Ага, — сказал я. — Тогда я пообедаю, а потом подойду, и вы мне его покажете.

— Умгум, — сказал бармен, возвращаясь к своему супу.

Я взял поднос, набрал себе какой-то обед и сел к окну подальше от других посетителей. Мне хотелось подумать. Я чувствовал, что материала набралось достаточно для того, чтобы подумать о деле. Кажется, цепочка намечалась. Коробочки с «Девонем» в ванной. Пористый нос говорил о Бубе и о «Девоне» (шепотом говорил). Простой хороший парень Эль говорил о Бубе и о слеге... Отчетливая цепочка: ванна — «Девон» — Буба — слег. Более того. Загорелый парень с мышцами предупреждал, что «Девон» и все прочее — всем дряням дрянь, а круглоголовый адепт социального мазохизма не видел разницы между слегом и могилой. Как будто все сходится. Как будто это то, что мы ищем... И если это так, то Римайер правильно посылал меня к рыбакам... Римайер, сказал я про себя. Зачем ты посылал меня к рыбакам, Римайер? Да еще наказывал не капризничать и делать, что велят... И ведь ты не знал, что я межпланетник, Римайер. А если даже и знал, то ведь там есть не только сумасшедший кибер, там есть и пулька, и «один на двенадцать». Чем-то я тебе очень не понравился, Римайер... Чем-то я тебе помешал. Да нет же, сказал я, этого же не может быть. Просто ты мне очень не доверял, Римайер. Просто я чего-нибудь еще не знаю. Например, я не знаю, что такое Оскар, который торгует в курортном городе «Девонем» и который с тобой связан, Римайер. И наверное, до нашего разговора в лифте ты встречался с Оскаром... Я не хочу об этом думать. Он лежит, как покойник, а я думаю о нем такие вещи, и он даже не может оправдаться... Я вдруг почувствовал скверный холодок внутри. Ну хорошо, ну мы выловим эту шайку. И что изменится? Дрожка останется, лопухий Лэн будет по-прежнему не спать по ночам, Вузи будет приходить домой пьяная до безобразия, а таможенник Пети будет зачем-то падать мордой в битое стекло... И все будут заботиться о «блага народа». Одних будут поливать слезогонкой, других вколачивать по уши в землю, третьих превращать из обезьян в то, что вполне сойдет за людей... А потом дрожка выйдет из моды, и народу подарят супердрожку, а вместо изъятых слега подсунут суперслег. Все будет для блага народа. Веселись, Страна Дураков, и ни о чем не думай!..

За соседний столик уселись с подносами двое в накидках. Один из них показался мне чем-то знакомым. У него было породистое высокомерное лицо, и, если бы не толстый белый пластырь на левой скуле, я бы обязательно узнал его — во всяком случае, у меня было такое ощущение. Второй был румяный человек с большой плешью и суетливыми движениями. Разговаривали они негромко, но не потому, что хотели скрыть что-нибудь, и их было отлично слышно с того места, где я сидел.

— Поймите меня правильно, — убедительно повествовал румяный, торопливо поглощая шницель. — Я вовсе не против театров и музеев. Но ассигнования на городской театр в прошлом году недоиспользованы, а в музеи ходят одни туристы...

— И похитители картин, — вставил человек с пластырем.

— Оставьте, пожалуйста. У нас нет картин, которые стоило бы похищать. Слава богу, «Сикстинских мадонн» пока еще не научились синтезировать из опилок. Я хочу обратить ваше внимание на то, что распространение культуры должно в наше время идти совсем другим путем. Культура должна не входить в народ, а исходить из народа. Народные капеллы, кружки самодеятельности, массовые игры — вот что нужно нашей публике...

— Нашей публике нужна хорошая оккупационная армия, — сказал человек с пластырем.

— Ах, оставьте, пожалуйста, вы ведь так не думаете... Охват кружками у нас на безобразном уровне. Бозла мне жаловалась вчера, что на ее чтения ходит только один человек, и тот, кажется, с матримониальными намерениями. А нам надо отвлекать народ от дрожки, от алкоголя, от сексуальных развлечений. Нам надо поднимать дух...

Человек с пластырем прервал его:

— Что вам от меня нужно? Чтобы я сегодня поддерживал ваш проект против этого осла, нашего уважаемого мэра? Ради бога! Мне абсолютно все равно. Но если вы хотите знать мое мнение о духе, то духа нет, дорогой советник! Дух давно умер! Он захлебнулся в брюшном сале. И на вашем месте я бы считался с этим и только с этим!

Румяный человек, казалось, был убит. Некоторое время он молчал, потом вдруг застонал:

— Боже мой, боже мой, чем мы вынуждены заниматься! Но я спрашиваю вас, кто-то все-таки летит ведь к звездам! Где-то строят мезонные реакторы! Где-то создают новую педагогику! Боже мой, совсем недавно я понял, что мы даже не захолустье, мы — заповедник! В глазах всего мира мы — заповедник глупости, невежества и порнокрапии. Представьте себе, в нашем городе второй год сидит профессор Рубинштейн. Социальный психолог, мировое имя. Он изучает нас, как животных... «Инстинктивная социология разлагающихся экономических формаций» — так называется его работа. Его интересует человек как носитель первобытных инстинктов, и он мне жаловался, как трудно ему было набирать материал в странах, где инстинктивная деятельность искажена и подавлена системой педагогики. А у нас он блаженствует! По его словам, у нас вообще нет никакой деятельности, кроме инстинктивной. Я был оскорблен, мне было стыдно, но боже мой, что же я мог ему возразить?.. Вы поймете меня. Вы же умный человек, мой друг, вы холодный человек, я знаю, но не могу же я поверить, чтобы вам до такой степени было все равно...

Человек с пластырем высокомерно глядел на него и вдруг дернул щекой. И я сразу же узнал его: это был тот самый тип с моноклем, который так ловко облил меня светящейся гадостью вчера у меценатов. Ах ты стервец! — подумал я. Ах ты вор! Оккупационная армия ему понадобилась! Дух, видите ли, захлебнулся в сале...

— Простите, советник, — брезгливо произнес человек с пластырем. — Я все это понимаю, и именно поэтому мне совершенно ясно, что все вокруг нас — это маразм. Последние судороги. Эйфория.

Я встал и приблизился к их столику.

— Разрешите? — спросил я.

Они удивленно воззрились на меня. Я сел.

— Простите меня, пожалуйста, — сказал я. — Я, собственно, турист и здесь у вас недавно, а вы, по-моему, местные и даже имеете какое-то отношение к городскому управлению... Вот я и решился побеспокоить вас. Я все слышу вокруг: меценаты, меценаты... А что это такое, никто толком не знает...

Человек с пластырем снова дернул щекой. Глаза его расширились — он тоже узнал меня.

— Меценаты? — сказал румяный советник приветливо. — Есть, есть такая варварская организация у нас. Очень печально, но есть. (Я кивал и рассматривал пластырь. Мой знакомый уже оправился и с прежним высокомерным видом кушал желе.) По сути дела, это современные вандалы. Мне просто трудно подобрать другое слово. Они скупают на паях ворованные картины, скульптуры, рукописи неопубликованных книг, патенты и уничтожают их. Вы представляете, как это отвратительно? Они находят некое патологическое наслаждение в уничтожении элементов мировой культуры. Собираются большой, хорошо одетой толпой и неторопливо, продуманно, со сладострастием уничтожают...

— Ай-яй-яй-яй! — сказал я, не сводя глаз с пластыря. — А ведь таких надо вешать за ноги.

— Мы их преследуем! — воскликнул румяный советник. — Мы их преследуем по закону. Мы, к сожалению, не можем преследовать артиков и першей, они, собственно, не нарушают никаких писанных законов, но коль скоро речь заходит о меценатах...

— Вы уже кончили, советник? — осведомился человек с пластырем. Меня он игнорировал.

Румяный спохватился.

— Да-да, нам пора идти. Вы нас извините, — сказал он, обращаясь ко мне, — у нас заседание в муниципалитете...

— Бармен! — металлическим голосом позвал человек с пластырем. — Вызовите такси, прошу вас.

— Вы давно в городе? — спросил румяный.

— Второй день, — ответил я.

— И вам... нравится?

— Красивый город.

— М-да, — промямлил румяный.

Мы помолчали. Человек с пластырем нахально вставил в глаз монокль и вытащил сигару.

— Болит? — спросил я сочувственно.

— Что именно? — надменно сказал он.

— Скула, — сказал я. — И еще должна болеть печень.

— У меня никогда ничего не болит, — ответил он, блеснув моноклем.

— Разве вы знакомы? — удивился румяный.

— Немножко, — сказал я. — Мы поспорили об искусстве.

Бармен крикнул, что такси прибыло. Человек с пластырем сейчас же встал.

— Пойдемте, советник, — сказал он.

Румяный растерянно улыбнулся мне и тоже встал. Они пошли к выходу. Я проводил их глазами и направился к стойке.

— Бренди? — спросил бармен.

— Именно, — сказал я. Меня трясло от злости. — Кто эти люди, с которыми я сейчас говорил?

— Плешивый — это советник муниципалитета, культурой занимается. А тот, что с моноклем, — это городской казначей.

— Казначей, — сказал я. — Сволочь он, а не казначей.

— Да ну? — сказал бармен с интересом.

— Вот вам и ну. Буба пришел?

— Нет еще. А казначей, он что?

— Сволочь он, — сказал я. — Ворюга.

Бармен подумал.

— Очень даже может быть, — сказал он. — Вообще-то он барон. Бывший, конечно. Повадки у него и верно сволочные. Жалко, я голосовать не ходил, а то бы против него голосовал... А что он вам сделал?

— Он вам сделал, — сказал я. — А я ему сделал. И еще кое-что сделаю. Вот такое положение.

Бармен, ничего не поняв, кивнул и сказал:

— Повторим?

— Давайте, — сказал я.

Он налил мне бренди и сообщил:

— А вот и Буба пришел.

Я оглянулся и чуть не выронил стакан. Я узнал Бубу.

Глава десятая

Он стоял у дверей и озирался с таким видом, будто пытался вспомнить, куда он пришел и для чего пришел. Он был очень не похож на себя, но я его все-таки узнал сразу, потому что мы четыре года просидели рядом в аудиториях Школы, и потом было еще несколько лет, когда мы встречались чуть ли не ежедневно.

— Слушайте, — сказал я бармену. — Его зовут Буба?

— Умгум, — сказал бармен.

— Что же это — кличка?

— Откуда мне знать? Буба и Буба. Его все так зовут.

— Пек! — крикнул я.

Все посмотрели на меня. И он тоже медленно повернул голову и поискал глазами, кто зовет. Но на меня он не обратил внимания. Словно вспомнив что-то, он вдруг судорожными движениями принялся отряхивать воду с плаща, а потом, шаркая каблуками, подковылял к стойке и с трудом взобрался на табурет рядом со мной.

— Как обычно, — сказал он бармену. Голос у него был глухой и сдавленный, словно его держали за горло.

— Вас тут дожидаются, — сказал бармен, ставя перед ним стакан спирта и глубокую тарелку, наполненную сахарным песком.

Он медленно повернул голову, посмотрел на меня и спросил:

— Ну? Чего надо?

Веки у него были воспалены и полуопущены, в уголках глаз скопилась слизь. И дышал он через рот, как будто страдал аденоидами.

— Пек Зенай, — тихо произнес я, — курсант Пек Зенай, вернитесь, пожалуйста, с Земли на небо.

Он все так же слепо смотрел на меня. Потом облизнул губы и сказал:

— Сокурсник, что ли?

Мне стало жутко. Он отвернулся, взял стакан, выцедил спирт и, давясь от отвращения, стал есть сахарный песок большой столовой ложкой. Бармен налил ему второй стакан.

— Пек, — сказал я, — ты что же, дружище, не узнаешь?

Он снова оглядел меня.

— Да нет... Наверное, видел где-то...

— Видел где-то! — сказал я с отчаянием. — Я — Иван Жилин, неужели ты меня совсем забыл?

Его рука со стаканом едва заметно дрогнула, и этим все кончилось.

— Нет, приятель, — сказал он. — Прошу извинить, конечно, но я вас не помню.

— И «Тахмасиб» не помнишь? И Айову Смита не помнишь?

— Изжога меня сегодня изводит, — сообщил он бармену. — Дайте-ка мне содовой,

Кон.

Бармен, с любопытством нас слушавший, налил содовой.

— Дрянной сегодня день, — сказал Буба. — Два автомата отказали, представляете,

Кон?

Бармен покачал головой и вздохнул.

— Директор лаетя, — продолжал Буба. — Вызвал меня на ковер и облаял. Уйду я отсюда. Послал я его к чертовой матери, он меня и уволил.

— А вы заявите в профсоюз, — посоветовал бармен.

— Да ну их, — сказал Буба. Он выпил содовую и вытер рот ладонью. На меня он не смотрел.

Я сидел как оплеванный. Я совершенно забыл, зачем мне нужен был Буба. Мне нужен был Буба, а не Пек... То есть Пек мне тоже был нужен, но не этот... Этот не был Пеком, он был каким-то незнакомым и неприятным мне Бубой, и я с ужасом смотрел, как он выцедил второй стакан спирта и снова принялся заталкивать в себя полные ложки сахара. Лицо его покрылось красными пятнами, он давился и слушал, как бармен азартно рассказывает ему про футбол... Мне захотелось крикнуть: Пек, что с тобой случилось, Пек, ты же ненавидел все это!.. Я положил руку ему на плечо и сказал умоляюще:

— Пек, милый, выслушай меня, пожалуйста...

Он отстранился.

— В чем дело, приятель? — Глаза его совсем уже не смотрели. — Я не Пек, меня зовут Буба, понял? Вы меня с кем-то путаете... Никакого Пека здесь нет... Так что тогда «Носороги», Кон?..

И я вспомнил, где я нахожусь, и понял, что Пека здесь действительно больше нет, а есть Буба, агент преступной организации, и это единственная реальность, а Пек Зенай — мираж, доброе воспоминание, и о нем надо скорее забыть, если я намерен работать... Ладно, подумал я, стискивая зубы, пусть будет по-вашему.

— Алё, Буба, — сказал я. — У меня к тебе дело.

Он уже был пьян.

— А я о делах возле стойки не разговариваю, — заявил он. — И вообще я работу кончил. Все. Больше у меня никаких дел нет. Обратись, приятель, в муниципалитет. Там тебе помогут.

— Я к тебе обращаюсь, а не в муниципалитет, — сказал я. — Ты меня будешь слушать?

— А я тебя и так все время слушаю. Здоровье только порчу.

— Дело у меня небольшое, — сказал я. — Мне нужен слег.

Он сильно вздрогнул.

— Ты что, приятель, обалдел, что ли?

— Вы бы все-таки постыдились, — сказал бармен, — при людях-то... Совесть совсем потеряли.

— Заткнись, — сказал я ему.

— Ты потише, — грозно сказал бармен. — В полицию давно не таскали? А то смотри, раз, два — и высылка...

— Плевал я на высылку, — нагло сказал я. — Не суйся в чужие дела...

— Слегач вонючий, — сказал бармен. Он заметно озверел, но говорил негромко. — Слег ему захотелось. Сейчас позову сержанта, он тебе даст слег...

Буба сполз с табуретки и поспешно заковылял к выходу. Я оставил бармена и поспешил следом. Он выскочил под дождь и, забыв поднять капюшон, стал озираться, ища такси. Я догнал его и взял за рукав.

— Ну, что тебе от меня надо? — с тоской сказал он. — Я полицию позову.

— Пек, — сказал я. — Опомнись, Пек, я — Иван Жилин, ты же меня помнишь...

Он все озирался, то и дело вытирая ладонью воду, струившуюся по лицу. Вид у него был жалкий, загнанный, и я, стараясь подавить раздражение, все уверял себя, что это мой Пек, бесценный Пек, незаменимый Пек, добрый, умный, веселый Пек, все пытался вспомнить, какой он был за пультом «Гладиатора», и не мог, потому что невозможно было теперь представить его где-либо, кроме бара, над стаканом спирта.

— Такси! — завизжал он, но машина промчалась мимо, в ней было полно людей.

— Пек, — сказал я, — поедем ко мне. Я тебе все расскажу.

— Отстаньте от меня, — сказал он, стуча зубами. — Я никуда с вами не поеду. Отстань! Я же тебя не трогал, я же тебе ничего не сделал, отстань, ради бога!

— Ну хорошо, — сказал я. — Я от тебя отстану. Но ты мне должен дать слег и дать свой адрес.

— Не знаю я никаких слегов, — застонал он. — Да что ж это за день такой сегодня, господи!..

Припадая на левую ногу, он побрел прочь и вдруг нырнул в подвальчик с красивой скромной вывеской. Я последовал за ним. Мы сели за столик, и нам тотчас принесли горячее мясо и пиво, хотя мы ничего не заказывали. Буба дрожал, мокрое лицо его стало синим. Он с отвращением оттолкнул тарелку и стал глотать пиво, обхватив кружку обеими ладонями. В подвальчике было тихо и пусто, над сверкающим буфетом висела белая доска с золотыми буквами: «У НАС ПЛАТЯТ».

Буба поднял голову от кружки и тоскливо сказал:

— Можно, я уйду, Иван? Не могу... К чему все эти разговоры? Отпусти меня, пожалуйста...

Я взял его за руку.

— Пек, что с тобой творится? Ведь я тебя искал, адреса твоего нигде нет... Я тебя встретил совершенно случайно и ничего не понимаю. Как ты попал в эту историю?.. Может, я могу помочь тебе чем-нибудь? Может быть, мы...

Он вдруг с бешенством вырвал у меня руку.

— Вот палач, — прошипел он. — Гестаповец... Черт меня понес в этот «Оазис»... Дурацкая болтовня, сопли... Нет у меня слега, понял? Есть один, так я тебе его не отдам! Что я потом — как Архимед?.. Есть у тебя совесть? Тогда отпусти меня, не мучай...

— Я не могу тебя отпустить, — сказал я, — пока не получу слег. И твой адрес. Должны же мы поговорить...

— Я не желаю с тобой говорить, неужели ты этого не понимаешь? Я ни с кем ни о чем не желаю говорить. Я хочу домой... И слег свой я тебе не отдам... Что я вам, фабрика? Тебе отдам, а потом через весь город крюка давать?

Я молчал. Ясно было, что он ненавидит меня сейчас. Что если бы он чувствовал себя в силах, он бы убил меня и ушел. Но он знал, что это не в его силах.

— Сволочь, — сказал он с яростью. — Почему ты сам купить не можешь? Денег у тебя нет? На! На! — Он стал судорожно рыться в карманах, выбрасывая на стол медяки и смятые бумажки. — Бери, здесь хватит!

— Что купить? У кого?

— Вот осел проклятый... Ну этот... Как его... м-м-м... как его... А, дьявол!.. — крикнул он. — Провались ты совсем! — Он запустил пальцы в нагрудный карман и вытащил плоский пластмассовый футлярчик. Внутри была блестящая металлическая трубочка, похожая на инвариант-гетеродин для карманных радиоприемников. — На! Жри! — Он протянул мне эту трубочку. Она была маленькая, длиной не больше дюйма и толщиной в миллиметр.

— Спасибо, — сказал я. — И как ею пользоваться?

У Пека раскрылись глаза. Он даже, кажется, улыбнулся.

— Господи, — сказал он почти с нежностью, — неужели ты ничего не знаешь?

— Ничего не знаю, — сказал я.

— Ну, так бы и сказал с самого начала. А я думаю, что он меня изводит, как палач? У тебя приемник есть? Вставь туда вместо гетеродина, повесь где-нибудь в ванной или поставь, все равно, и валяй.

— В ванной?

— Да.

— Обязательно в ванной?

— Ну да! Обязательно нужно, чтобы тело было в воде. В горячей воде. Эх ты, теленок...

— А «Девон»?

— А «Девон» высыпь в воду. Таблеток пять в воду и одну в рот. На вкус они отвратительные, но зато потом не пожалеешь... И еще обязательно добавь в воду ароматических солей. А перед самым началом выпей пару стаканчиков чего-нибудь покрепче. Это нужно, чтобы... как это... ну... развязаться, что ли...

— Так, — сказал я. — Понятно. Теперь все понятно. — Я завернул слег в бумажную салфетку и положил в карман. — Значит, волновая психотехника?

— Господи, да какое тебе до этого дело? — Он уже стоял, надвигая капюшон на голову.

— Никакого, — сказал я. — Сколько я тебе должен?

— Пустяки, вздор! Пошли скорее... Какого черта мы теряем время?

Мы поднялись на улицу.

— Ты правильно решил, — сказал Пек. — Разве это мир? Разве в этом мире мы люди? Это дерьмо, а не мир. Такси! — завопил он. — Эй, такси! — Его затрясло от возбуждения. — И чего меня понесло в «Оазис»?.. Не-ет, теперь я больше никуда, никуда...

— Дай мне твой адрес, — сказал я.

— Зачем тебе мой адрес?

Подкатило такси, Буба рванул дверцу.

— Адрес! — сказал я, хватая его за плечо.

— Вот дурак, — сказал Буба. — Солнечная, одиннадцать... Вот дурак, — повторил он, усаживаясь.

— Завтра я к тебе зайду, — сказал я.

Он уже не обращал на меня внимания. «Солнечная! — крикнул он шоферу. — Через центр! И побыстрее ради бога!»

Как просто, подумал я, глядя вслед его машине. Как все оказалось просто! И все совпадает. И ванна, и «Девон». И орущие приемники, которые так нас раздражали и на которые мы никогда не обращали внимания. Мы их просто выключали... Я взял такси и отправился домой.

А вдруг он меня обманул, подумал я. Просто хотел от меня поскорее избавиться... Впрочем, это я скоро узнаю. Он совсем не похож на агента-распространителя. Он же Пек... Впрочем, нет, он уже больше не Пек. Бедный Пек. Никакой ты не агент, ты просто жертва. Ты знаешь, где можно купить эту гадость, но ты всего лишь жертва. Слушайте, я не желаю допрашивать Пека, я не желаю его трясти, как какую-нибудь шпану... Правда, он уже не Пек. Чепуха, что значит не Пек? Он — Пек... и все-таки... придется... Волновая психотехника... Но дрожка — это ведь тоже волновая психотехника. Что-то слишком просто все получается, подумал я. Я здесь и двух суток не пробыл... А Римайер живет здесь с самого мятежа. Как забросили его тогда, так он здесь и прижился, и все им были довольны, хотя в последних отчетах он писал, что ничего похожего на то, что мы ищем, здесь нет. Правда, у него нервное истощение... и «Девон» на полу. И Оскар. И он не стал умолять меня, чтобы я его отпустил, а просто направил меня к рыбарям...

Я никого не встретил ни во дворе, ни в холле. Было уже около пяти. Я прошел к себе в кабинет и позвонил Римайеру. Ответил тихий женский голос.

— Как больной? — спросил я.

— Он спит. Не надо его беспокоить.

— Я не буду. Ему лучше?

— Я же вам сказала, что он заснул. И не звоните так часто, пожалуйста. Ваши звонки его тревожат.

— Вы будете у него все время?

— Во всяком случае, до утра. Если вы позвоните еще хоть раз, я выключу телефон.

— Благодарю вас, — сказал я. — Вы только не уходите от него до утра. Я больше не буду вас беспокоить.

Я повесил трубку и некоторое время сидел, размышляя, в удобном мягком кресле перед большим и совершенно пустым столом. Потом я достал из кармана слег и положил перед собой. Маленькая блестящая трубочка, незаметная и совершенно безобидная на вид, обычная радиодеталь. Такие можно делать миллионами. Они должны стоить копейки и очень удобны при транспортировке.

— Что это у вас? — спросил Лэн над самым моим ухом.

Он стоял рядом и смотрел на слег.

— А разве ты не знаешь? — спросил я.

— Это из приемника, — сказал он. — У меня в приемнике есть такая. Все время портится.

Я достал из кармана свой приемник, вынул из него гетеродин и положил рядом со слегом. Гетеродин был похож на слег, но это был не слег.

— Не одинаковые, — признал Лэн. — Но такую штучку я тоже видел.

— Какую?

— Вот такую, как у вас.

Он вдруг насупился, и лицо его сделалось сердитым.

— Вспомнил? — спросил я.

— Вовсе нет, — сказал он мрачно. — Ничего я не вспомнил.

— Ну и ладно, — сказал я. Я взял слег и вставил его в приемник вместо гетеродина.

Лэн схватил меня за руку.

— Не надо, — сказал он.

— Почему?

Он не ответил, глядя на приемник настороженными глазами.

— Ты чего боишься? — спросил я.

— Ничего я не боюсь, откуда вы взяли...

— Посмотришь в зеркало, — сказал я и положил приемник в карман. — У тебя такой вид, будто ты за меня испугался.

— За вас? — удивился он.

— Ну ясно, за меня. Не за себя же... Хотя да, ведь ты еще боишься этих... некротических явлений.

Он стал смотреть в сторону.

— Откуда вы взяли? — сказал он. — Просто мы так играем.

Я презрительно фыркнул.

— Знаю я эти игры! Одного вот только не знаю: откуда в наше время берутся некротические явления?

Он озирался по сторонам, потом стал пятиться.

— Я пойду, — сказал он.

— Нет уж, — сказал я решительно. — Давай договорим, раз начали. Как мужчина с женщиной. Ты не думай, я в этих некротических явлениях кое-что смыслю.

— Что вы смыслите? — Он был уже возле дверей и говорил очень тихо.

— Побольше тебя, — сказал я строго. — Но орать об этом на весь дом не собираюсь. Если хочешь говорить, подойди сюда... Я-то ведь не некротическое явление. Залезай сюда на стол и садись.

Целую минуту он колебался, исподлобья глядя на меня, и все, чего он опасался, и все, на что он надеялся, появлялось и исчезало у него на лице. Наконец он сказал:

— Я только дверь закрою.

Он сбегал в гостиную, закрыл дверь в холл, вернулся, плотно закрыл дверь в гостиную и подошел ко мне. Руки у него были в карманах, лицо бледное, а оттопыренные уши — красные и холодные.

— Во-первых, ты дурак, — объявил я, подтащив его к себе и поставив между коленей. — Жил-был мальчик до того запуганный, что штанишки у него не высохали даже на пляже, а уши у него от страха были такие холодные, словно он клал их на ночь в холодильник. Этот мальчик все время дрожал, и так он дрожал, что, когда вырос, у него оказались извилистые ноги, а кожа сделалась, как у ошипанного гусака.

Я надеялся, что он хоть раз улыбнется, но он слушал очень серьезно и очень серьезно спросил:

— А чего он боялся?

— У него был старший брат, хороший человек, но большой любитель выпить. И как это часто бывает, подвыпивший брат был совсем не похож на брата трезвого. У него делался очень дикий вид. А когда он выпивал особенно много, то делался похожим на покойника. И вот этот мальчик...

На лице Лэна появилась презрительная усмешка.

— Нашел чего бояться... Они, когда пьяные, наоборот, добрые.

— Кто — они? — сейчас же спросил я. — Мать? Вузи?

— Ну да. Мама, наоборот, с утра, как встанет, всегда злится, а потом раз выпьет вермуту, два выпьет вермуту, и все. А к вечеру уже совсем добрая, потому что ночь близко...

— А ночью?

— Ночью этот хмырь приходит, — неохотно сказал Лэн.

— До хмыря нам дела нет, — деловито сказал я. — Не от хмыря же ты в гараж убегаешь.

— Я не убегаю, — сказал он упрямо. — Это такая игра.

— Не знаю, не знаю, — сказал я. — Есть, конечно, на свете вещи, которых даже я боюсь. Например, когда мальчик плачет и дрожит. Я на такие вещи смотреть не могу, у меня все внутри прямо переворачивается. Или когда зубы болят, а по ходу дела надо улыбаться, — вот это страшно, ничего не скажешь. А бывают просто глупости. Когда дураки, например, от безделья и от жира угощаются мозгом живой обезьянки. Это уже не страшно, это просто противно. Тем более что это они не сами придумали. Это еще тысячу лет назад — и тоже с жиру — придумали толстые тираны на Дальнем Востоке. А нынешние дурачки услышали про это и обрадовались. Так их ведь жалеть надо, а не бояться...

— Жалеть, — сказал Лэн. — Они-то ведь никого не жалеют. Они что захотят, то и делают. Им ведь все равно, как вы не понимаете... Им если скучно, то все равно, кому голову пилить... Дурачки... Это они днем, может быть, дурачки, вы вот все это не понимаете, а ночью они не дурачки, они все проклятые...

— Как это так?

— Всем миром они проклятые. Покоя им нет и не будет. Вы-то ничего не знаете... Вам что, как приехали, так и уедете... А они — ночью живые, а днем мертвые... трупные...

Я сходил в гостиную и принес ему воды. Он выпил полный стакан и сказал:

— А вы скоро уедете?

— Да нет, что ты, — сказал я, похлопывая его по спине. — Я же только что приехал.

— Можно, я у вас ночевать буду?

— Конечно.

— Сначала у меня замок был, а сейчас она у меня замок зачем-то сняла. А зачем сняла — не говорит...

— Ладно, — сказал я. — Будешь спать у меня в гостиной. Хочешь?

— Да.

— Вот, запирайся там и спи на здоровье. А я тогда в спальню через окно забираться буду.

Он поднял голову и пристально посмотрел мне в лицо.

— Думаете, у вас двери запираются? Я тут все знаю. У вас ведь тоже не запираются.

— Это у вас они не запираются, — сказал я по возможности небрежно. — А у меня они запираются будут. На полчаса работы.

Он неприятно, как взрослый, засмеялся.

— Вы сами-то боитесь. Ладно, я пошутил. Запираются они у вас, не бойтесь.

— Дурачина ты, — сказал я. — Я же тебе сказал, что ничего такого не боюсь. — Он испытующе смотрел на меня. — А замок я сделаю в гостиной для того, чтобы ты спал спокойно, раз уж ты такой боязливый. А я всегда сплю с открытым окном.

— Я же говорю, — сказал он, — я пошутил.

Мы помолчали.

— Лэн, — сказал я, — а кем ты будешь, когда вырастешь?

— А что? — сказал он. Он очень удивился. — Какая мне разница?

— Как так — какая разница? Тебе все равно, химиком ты будешь или барменом?

— Я же вам сказал: мы все проклятые. От проклятия-то не уйдешь, как вы понять не можете, это же всякий знает.

— Что ж, — сказал я, — бывали и раньше проклятые народы. А потом рождались дети, которые вырастали и снимали проклятие.

— А как?

— Это долго объяснять, дружище. — Я встал. — Я тебе это еще обязательно расскажу. А сейчас беги играй. Днем-то ты хоть играешь? Ну, вот и беги. А когда солнце сядет, приходи, я тебе постелю.

Он сунул руки в карманы и пошел к дверям. Там он остановился и сказал через плечо:

— А эту штучку из приемника вы лучше выньте. Вы думаете, это что такое?

— Гетеродин, — сказал я.

— Никакой это не гетеродин. Вы его выньте, а то вам плохо будет.

— Почему это мне плохо будет? — сказал я.

— Выньте, — сказал он. — Вы всех будете ненавидеть. Вы сейчас не проклятый, а станете проклятым. Кто вам его дал? Вузи?

— Нет.

Он умоляюще посмотрел на меня.

— Иван, выньте!

— Так и быть, — сказал я. — Выну. Беги играй. И никогда меня не бойся, слышишь?

Он ничего не сказал и вышел, а я остался сидеть в кресле, положив руки на стол, и скоро услышал, как он завопил в кустах сирени под окнами. Он шуршал, топал, что-то бормотал и тихонько вскрикивал, разговаривая сам с собой: «...Принесите флаги и ставьте здесь, и здесь, и здесь... вот... вот... вот... И тогда я сел в самолет и улетел в горы...» Интересно, когда он ложится спать? — подумал я. Хорошо, если в восемь или хотя бы в девять, зря я, пожалуй, все это затеял, сейчас бы заперся в ванной и через два часа уже все знал бы, да нет, не мог же я отказать ему, представь-ка себя на его месте, но это не метод, я потакаю его страхам, надо было придумать что-нибудь поумнее, а попробуй придумай, это тебе не Аньюдинский интернат, ох, какой же это не Аньюдинский интернат, какое же это все не такое, и что же мне сейчас предстоит, какой, интересно, круг рая, только если будет щекотно, я не смогу, интересно, рыбаки — это тоже круг рая, наверняка, меценатство для аристократов духа, а Старое Метро для тех, кто попроще, хотя интели тоже аристократы духа, а напиваются как свиньи и ни на что больше не годны, даже они больше ни на что не годны, слишком много ненависти, слишком мало любви, ненависти

легко научить, а вот любви — трудно, и потом, любовь слишком затаскали и обслюнявили, и она пассивна, почему-то так получилось, что любовь всегда пассивна, а ненависть зато всегда активна и потому очень привлекательна, и говорят еще, что ненависть — от природы, а любовь — от ума, от большого ума, а с интелеями все-таки хорошо бы поговорить, не все же они там дураки и истерики, а вдруг удастся найти Человека, что, собственно, хорошо у человека от природы, фунт серого вещества, но и это не всегда хорошо, так что человеку всегда приходится начинать на голом месте, а хорошо было бы, если бы наследовались социальные признаки; правда, тогда Лэн был бы сейчас маленьким генерал-полковником; нет уж, лучше не надо, лучше на голом месте, он бы, конечно, ничего не боялся, но зато он бы пугал других, которые не генерал-полковники...

Я вздрогнул, потому что увидел: на яблоне напротив окна сидит Лэн и пристально смотрит на меня. В следующее мгновение он исчез, только затрещали ветки и посыпались яблоки. Нипочем не верит, подумал я. Никому не верит. А я кому-нибудь верю в этом городе? Я перебрал всех, кого мог вспомнить. Нет, никому я не верю. Я снял трубку, позвонил в «Олимпик» и попросил соединить с номером восемьсот семнадцать.

— Слушаю вас, — сказал голос Оскара.

Я молчал, прикрыв микрофон пальцами.

— Слушаю! — раздраженно повторил Оскар. — Второй раз уже, — сказал он кому-то в сторону. — Алло!.. Да нет, какие у меня здесь могут быть женщины?.. — Он повесил трубку.

Я взял томик Минца, лег в гостиной на тахту и читал до сумерек. Очень люблю Минца, но совершенно не помню, о чем я читал. С шумом проехала вечерняя смена. Тетя Вайна кормила Лэна ужином, пичкала его толокном с горячим молоком. Лэн капризничал, хныкал, а она терпеливо и ласково уговаривала его. Таможенник Пети внушал командирским голосом, но вполне добродушно: «Надо есть, надо есть, раз мать говорит — надо есть, выполняйте...» Заходили двое каких-то, судя по голосам — разболтанных молодых людей, спрашивали Вузи и заигрывали с тетей Вайной. По-моему, они были пьяны. Темнело быстро. В восемь часов в кабинете зазвонил телефон. Я босиком сбегал в кабинет и взял трубку, но никто не заговорил. Как аукнется, так и откликнется. В восемь десять в дверь постучали. Я обрадовался, что это Лэн, но это оказалась Вузи.

— Что же вы даже не заходите? — возмущенно спросила она прямо с порога. На ней были шорты с изображением подмигивающей физиономии, тесная курточка-безрукавка, открывающая пупок, и огромный прозрачный шарф, она была свежая и крепенькая, как незрелое яблоко. До оскомины.

— Я сижу и жду его весь день, а он здесь валяется. У вас болит что-нибудь?

Я поднялся и сунул ноги в туфли.

— Садитесь, Вузи. — Я похлопал по тахте рядом с собой.

— Не сяду я с вами, — сказала она. — Он тут читает, оказывается... Хоть бы выпить предложил.

— В баре, — сказал я. — Как поживает слюнявая корова?

— Слава богу, сегодня ее не было, — сказала Вузи, залезая в бар. — Сегодня мне досталась мэриха... Вот дурища! Почему, значит, ее никто не любит? А за что ее любить?.. Вам с водой?.. Глаза белые, морда красная, задница диваном — ну как у лягушки, ей-богу... Слушайте, давайте сделаем «хорек». Сейчас все делают «хорек»...

— А я не люблю делать как все.

— Это я и сама вижу. Все идут гулять, а он валяется. И читает вдобавок.

— Он устал, — сказал я.

— Ах так? Тогда я могу уйти!

— А я вас не пущу, — сказал я, поймал ее за шарф и посадил рядом с собой. — Вузи, девочка, вы специалист только по дамскому хорошему настроению или вообще? Не можете ли вы привести в хорошее настроение одинокого мужчину, которого никто не любит?

— А за что вас любить? — Она оглядела меня. — Глаза рыжие, нос картошкой...

— Как у крокодила.

— Как у пса... Не обнимайтесь, я вам не позволяю. Почему вы не зашли?

— А почему вы меня вчера бросили?

— Здравствуйте, я его бросила!..

— Одного, в чужом городе...

— Я его бросила! Да я вас потом везде искала! Я всем рассказывала, что вы тунгус, а вы пропали, — очень нехорошо с вашей стороны... Нет, я не разрешаю! Где вы вчера были? Рыбарили, наверное? А сегодня опять ничего не расскажете...

— Почему это не расскажу? — возразил я. И я рассказал ей про Старое Метро. Я сразу сообразил, что правды будет недостаточно, и я рассказал про людей в металлических масках, про жуткую клятву, про стену, мокрую от крови, про рыдающий скелет — про разные вещи я рассказал и дал ей пощупать желвак за ухом. Ей все это очень понравилось.

— Пойдемте сейчас же, — сказала она.

— Ни за что, — сказал я и лег.

— Что за манеры? Сейчас же вставайте, и пойдём! Ведь мне никто не поверит, а вы покажете эту шишку, и все сразу будет в порядке.

— А потом мы пойдём на дрожку? — осведомился я.

— Ну да! Знаете, это, оказывается, даже полезно для здоровья...

— И будем пить бренди?

— И бренди, и вермут, и «хорек», и виски...

— Хватит, хватит... И будем тискаться в машинах на скорости в сто пятьдесят миль?.. Слушайте, Вузи, зачем вам туда идти?

Она наконец поняла и растерянно заулыбалась.

— А что тут плохого? Рыбари ведь тоже ходят...

— Да нет, ничего плохого, — сказал я. — Но что тут хорошего?

— Не знаю. Все так делают. Иногда бывает очень весело... И дрожка. В дрожке все всегда исполняется...

— Что же это — все?

— Ну не все, конечно... Но о чем думаешь, чего хотелось бы, часто исполняется. Как во сне.

— Так, может, лучше лечь спать?

— Ну да! — сердито сказала она. — В настоящем сне такое бывает... Будто вы не знаете! А в дрожке — только то, что хочется!..

— А что вам хочется?

— Н-ну... Много чего...

— А все-таки? Вот пусть я волшебник. И я вам говорю: загадайте три желания. Любые, какие хотите. Самые сказочные. И я вам их исполню. Ну-ка?

Она тяжело задумалась, у нее даже плечи опустились. Потом лицо ее прояснилось.

— Чтобы я никогда не старилась! — заявила она.

— Отлично, — сказал я. — Раз.

— Чтобы я... — вдохновенно начала она и замолчала.

Я очень любил задавать этот вопрос своим знакомым и задавал его при каждом удобном случае. Несколько раз я задавал своим ребятам даже сочинение на тему «Три желания». И мне всегда было очень интересно, что из тысячи мужчин и женщин, стариков и ребятишек всего два-три десятка сообразили, что желать можно не только для себя лично и для ближайших тебе людей, но и для большого мира, для человечества в целом. Нет, это не было свидетельством неистребимости человеческого эгоизма, желания совсем не всегда были сугубо эгоистичными, а большинство опрошенных потом, когда я напоминал им об упущенных возможностях и о великих всечеловеческих проблемах, спохватывались, совершенно искренне сердились и упрекали меня, что я сразу не сказал.

Но так или иначе все они начинали свой ответ чем-нибудь вроде: «Чтобы я...» Здесь проявлялась какая-то вековая подсознательная убежденность, что твои личные желания ничего не могут изменить в большом мире — есть у тебя волшебная палочка или нет, безразлично...

— Чтобы мне... — снова начала Вузи и снова замолчала. Я украдкой следил за нею. Она заметила это, расплылась в улыбке и, махнув рукой, сказала: — Да ну вас, в самом деле... Ну и трепач вы!

— Нет-нет-нет, — сказал я. — К этому вопросу всегда нужно быть готовым. А то вот был у меня один знакомый, он всем задавал этот вопрос, а потом сокрушался: «Ах, а я вот так не сообразил, такой случай потерял». Так что это совершенно серьезно. Первое у вас — чтобы никогда не стариться. А дальше?

— Ну что дальше?.. Ну, конечно, хорошо бы иметь красивого парня, чтобы все за ним бегали, а он бы только со мной был. Всегда.

— Превосходно, — сказал я. — Это два. И наконец?

По ее лицу было видно, что эта игра ей уже надоела и что сейчас она что-нибудь отмочит. И она отмочила. Я даже глазами захлопал.

— Да, — сказал я. — Это, конечно, да... Только это случается и без волшебства...

— Как сказать! — возразила она и принялась развивать идею, ссылаясь на невзгоды своих клиенток. Все это ей было очень весело и забавно, а я, позорно потерявшись, дул бренди с лимонным соком и стесненно хихикал, чувствуя себя девой-неудачницей. Нет, если бы это происходило в кабаке, я бы знал, как себя вести... Ой-ей-ей... Ну и ну... Да-а-а!.. Хорошенькими делами они там занимаются в своих Салонах Хорошего Настроения... Ай да престарелые!..

— Ф-фу-у... — сказал я наконец. — Вузи, вы меня смущаете... И потом, я уже все понял. Я вижу, что без волшебства тут действительно не обойтись. Хорошо, что я не волшебник!

— Здорово я вас уела! — радостно сказала Вузи. — А вы бы чего сейчас пожелали?

Тогда я тоже решил пошутить.

— Мне ничего такого не надо, — сказал я. — Я ничего такого и не умею. Я бы хотел хороший добрый слег...

Она весело улыбалась.

— Мне трех желаний не требуется, — пояснил я. — Мне хватит одного.

Она еще улыбалась, но улыбка ее стала растерянной, потом кривой, потом она перестала улыбаться.

— Что? — сказала она жалким голосом.

— Вузи!.. — сказал я, поднимаясь. — Вузи!..

Она словно не знала, что делать. Она вскочила, потом села, потом опять вскочила. Столик с бутылками опрокинулся. На глазах у нее были слезы, а лицо было жалким, как у ребенка, которого нагло, грубо, жестоко, издевательски обманули. И вдруг она закусила губу и изо всех сил ударила меня по лицу — раз и еще раз. И пока я моргал, она, уже совсем плача, отшвырнула ногой опрокинутый столик и выбежала вон. Я сидел с раскрытым ртом. В темном саду взревел мотор, вспыхнули фары, затем шум двигателя пронесся по двору, по улице и затих в отдалении.

Я ощупал физиономию. Ай да шутка! Никогда в жизни я еще не шутил так эффектно. Болван старый... Вот тебе и слег...

— Можно? — спросил Лэн. Он стоял в дверях, и он был не один. С ним был угрюмый, остриженный наголо конопатый мальчик. — Это Рюг, — сказал Лэн. — Можно, он тоже будет ночевать здесь?

— Рюг, — задумчиво сказал я, разглаживая щеки. — Рюг, значит... Ну да, конечно, хоть два Рюга... Слушай, Лэн, а почему ты не пришел хоть на пять минут раньше?

— Так тут же она была, — сказал Лэн. — Мы в окно смотрели, ждали, когда она уйдет.

— Да? — сказал я. — Очень интересно. Рюг, голубчик, а что скажут твои родители?

Рюг не ответил. Лэн сказал:

— У него не бывает родителей.

— Ну хорошо, — сказал я, испытывая легкое утомление. — А вы не будете драться подушками?

— Нет, — сказал Лэн без улыбки. — Мы будем спать.

— Ладно, — сказал я. — Я вам сейчас постелю, а вы быстренько приберите вот это все...

Я постелил им на тахте и на креслах, они сразу же разделись и легли. Я запер дверь в холл, погасил у них свет и перешел к себе в спальню и некоторое время сидел у окна, слушая, как они шепчутся, ворочаются и двигают мебель. Потом они затихли. Около одиннадцати часов в доме раздался звон битого стекла. Голос тети Вайны запел какую-то маршевую песню, и снова зазвенело разбитое стекло. По-видимому, неутомимый Пети опять падал мордой. Из города доносилось: «Дрож-ка! Дрож-ка!» Кого-то громко тошнило на улице.

Я запер окно и опустил шторы. Дверь из кабинета в спальню я тоже запер. Потом я отправился в ванную и пустил горячую воду. Я все сделал по инструкции: поставил приемник на полочку для мыла, бросил в воду несколько таблеток «Девона» и кристаллики ароматической соли и хотел уже проглотить таблетку, когда вспомнил, что необходимо еще «развязаться». Мне не хотелось беспокоить ребятишек, да это и не понадобилось: початая бутылка с бренди нашлась в туалетном шкафчике. Я сделал несколько глотков прямо из горлышка, закусил таблеткой, потом разделся догола, залез в ванну и включил приемник.

Глава одиннадцатая

Я нарочно не включал терморегулятор, и, когда вода остыла, я очнулся. Вопил приемник, блеск яркого света на белых стенах резал глаза. Я основательно озяб и покрылся пупырышками. Выключив приемник, я пустил горячую воду и остался в ванне, наслаждаясь приливающим теплом и очень странным, очень новым ощущением полной, какой-то космически огромной пустоты. Я ожидал похмелья, но похмелья не было. Было просто хорошо. И было очень много воспоминаний. И очень хорошо думалось, словно после долгого отдыха в горах...

В середине прошлого века Олдс и Милнер занимались экспериментами по мозговой стимуляции. Они вживляли электроды в мозг белых крыс. У них была варварская техника и варварская методология, но, отыскав в мозгу у крыс центры наслаждения, они добились того, что животные часами нажимали на рычажок, замыкающий ток в электродах, производя до восьми тысяч самораздражений в час. Эти крысы не нуждались ни в чем реальном. Они знать ничего не хотели, кроме рычага. Они игнорировали пищу, воду, опасность, самку, их ничто в мире не интересовало, кроме рычага стимулятора. Позже опыты были поставлены на обезьянах и дали те же результаты. Ходили слухи, что кто-то ставил такие эксперименты на преступниках, приговоренных к смерти...

То было тяжелое для человечества время: время угрозы атомного уничтожения, время свирепых малых войн по всему лицу планеты, время, когда большинство населения голодало, но даже тогда английский писатель и критик Кингсли Эмис, узнав об опытах с крысами, написал: «Не могу утверждать, что это пугает меня сильнее, нежели берлинский или тайваньский кризис, но должно, по-моему, пугать сильнее». Он многого опасался в будущем, этот умный и ядовитый автор «Новых карт ада», и, в частности, он предвидел возможности мозговой стимуляции для создания иллюзорного бытия, столь же или более яркого, нежели бытие реальное.

В конце века, когда наметились первые триумфы волновой психотехники и стали пустеть психиатрические лечебницы, в хоре восторженных воплей научных

комментаторов раздражающим диссонансом прозвучала брошюрка Криницкого и Миловановича. В заключительной ее главке педагог Криницкий и инженер Милованович писали примерно следующее. В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетий. Эта давняя система воспитания ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного участника производственного процесса. Эту систему не интересуют все остальные потенции человеческого мозга, и поэтому вне производственного процесса современный человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов. Иначе говоря, эта система воспитания практически не развивает в человеке чистого воображения, фантазии и — как немедленное следствие — чувства юмора. Человек Невоспитанный воспринимает мир как некий по сути своей тривиальный, рутинный, традиционно простой процесс, из которого лишь ценой больших усилий удастся выколлотить удовольствия, тоже, в конце концов, достаточно рутинные и традиционные. Но и неиспользованные потенции остаются, по-видимому, скрытой реальностью человеческого мозга. Задача научной педагогики как раз и состоит в том, чтобы привести в движение эти потенции, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей реального мира. Эта задача, как известно, и должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху. Но пока эта задача не решена, остаются основания предполагать и опасаться, что успехи психотехники приведут к таким способам волновой стимуляции мозга, которые подарят человеку иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное. И если вспомнить, что фантазия позволяет человеку быть и разумным существом, и наслаждающимся животным, если добавить к этому, что психический материал для создания ослепительного иллюзорного бытия поставляется у Человека Невоспитанного самыми темными, самыми первобытными рефлексам, тогда нетрудно представить себе тот жуткий соблазн, который таится в подобных возможностях...

И вот — слег.

Понятно, почему слово «слег» они пишут на заборах...

Теперь все понятно. Скверно, что это мне понятно... Лучше бы я ничего не понял, лучше бы я, очнувшись, пожал плечами и вылез из ванны разочарованный. Неужели и Строгову это было бы понятно, и Эйнштейну, и Петрарке?.. Фантазия — бесценная вещь, но нельзя ей давать дорогу внутрь. Только вовне, только вовне... До чего же вкусного червячка забросила какая-то сволочь на удочке в эту заводь! И как точно выбрано время... Да, если бы я командовал уэллсовскими марсианами, я не стал бы возиться с боевыми треножниками, тепловым лучом и прочей ерундой... Иллюзорное бытие... Нет, это не наркотик, куда там наркотикам... Это именно то, что должно было быть. Здесь. Сейчас. Каждому времени свое. Маковые зерна и конопля, царство сладостных смутных теней и покоя — для нищих, для заморенных, для забытых... А здесь никому не нужен покой, здесь ведь не угнетают и никто не умирает от голода, здесь просто скучно. Сытно, тепло, пьяно и скучно. Мир не то чтобы плох, мир скучен. Мир без перспектив, мир без обещаний... А он же не карась, он же все-таки человек... Да, это вам не царство теней, это именно бытие, настоящее, без скидок, без грезовой путаницы... Слег надвигается на мир, и этот мир будет не прочь покориться слегу.

И вдруг на какую-то долю мгновения я почувствовал, что погиб. И погибать мне было уютно. К счастью, я разозлился. Расплескивая воду, я вылез из ванны, ругаясь,

разжигая в себе злобу, натянул на мокрое тело трусы и рубашку и схватил часы. Было три часа, и это могло быть три часа дня, и три часа следующей ночи, и три часа через сто лет. Дурак, подумал я, натягивая брюки. Разжалобился, отпустил Бубу, ведь он готов был дать мне адрес притона... Оперативники были бы уже здесь, и мы накрыли бы все это проклятое гнездо. Гнусное гнездо. Клопиное гнездо. Отвратительную клоаку... И в этот момент по самому дну сознания световым зайчиком прошла какая-то очень спокойная мысль. Но я не уловил ее.

В аптечке я нашел «потомак» — самое сильное возбуждающее, какое там только было. Сунулся в гостиную, но там посапывали ребяташки, и я вылез в окно. Город, естественно, отдыхал. На Пригородной торчали под фонарями ржущие подростки, по магистралям, залитым светом, бродили галдящие толпы. Где-то орали песни, где-то вопили: «Дрож-ка!», где-то били стекла. Я схватил такси без шофера, нашел индекс Солнечной улицы и набрал его на пульте управления. Машина пошла кружить по городу. В кабине воняло кислотой, под ногами катались бутылки. На одном перекрестке я чуть не врезался в хоровод завывающих людей, на другом ритмично вспыхивали и гасли цветные огни, — видимо, дрожку можно было устраивать не только на площади. Они отдыхали, они отдыхали во все тяжкие, добрые духовники из Салонов Хорошего Настроения, вежливые таможенники, искусные парикмахеры, нежные матери и мужественные отцы, невинные юноши и девушки, — все сменили дневной облик на ночной, все старались, чтобы было весело и ни о чем не надо было думать...

Я затормозил. На том самом месте. Мне даже почудилось, будто потянуло гарью.

...Пек подбил бронетранспортер из «гремучки». Бронетранспортер завертелся на одной гусенице, прыгая на кучах битого кирпича, и наружу сейчас же выскочили двое фашистов в распахнутых камуфляжных рубашках, швырнули в нас по гранате и помчались в тень. Они действовали умело и проворно, и было ясно, что это не сопляки из Королевской гимназии и не уголовники из Золотой бригады, а настоящие матерые офицеры-танкисты. Роберт в упор срезал их пулеметной очередью. Бронетранспортер был набит ящиками с консервированным пивом. Мы вдруг сразу вспомнили, что уже два дня непрерывно хотим пить. Айова Смит забрался в кузов и стал передавать нам банки. Пек вскрывал банки ножом. Роберт, прислонив пулемет к борту, пробивал банки ударом об острый выступ на броне. А Учитель, поправляя пенсне, путался в ремнях «гремучки» и бормотал: «Погодите, Смит, минуточку, вы же видите, у меня заняты руки...» В конце улицы ярко пылал пятиэтажный дом, густо пахло гарью и горячим металлом, мы жадно глотали теплое пиво, мы были мокрые, было очень жарко, а мертвые офицеры лежали на битом и перебитом кирпиче, одинаково раскинув ноги в коротких черных штанах, камуфляжные рубахи сбились к затылку, и кожа на их спинах все еще лоснилась от пота. «Это офицеры, — сказал Учитель, — слава богу. Я больше не могу видеть мертвых мальчиков. Проклятая политика, люди забывают бога из-за нее». — «Какого такого бога?» — спросил Айова Смит из кузова. — В первый раз слышу». — «Не надо шутить с этим, Смит, — сказал Учитель. — Все это скоро кончится, и впредь никогда и никому не будет больше позволено отравлять души людей суетностью». — «А как они будут размножаться?» — спросил Айова Смит. Он снова нагнулся за пивом, и мы увидели горелые дыры у него на ягодицах. «Я говорю о политике, — сказал Учитель кротко. — Фашисты должны быть уничтожены, это звери, но этого мало. Есть еще много политических партий, и всем им со всей их пропагандой не место в нашей стране. — Учитель был из этого города и жил в двух кварталах от нашего поста. — Социал-анархисты, технократы, коммунисты, конечно...» — «Я коммунист, — объявил Айова Смит. — Во всяком случае, по убеждениям. Я за коммуноу». Учитель растерянно смотрел на него. «И я безбожник, — добавил Айова Смит. — Бога нет, Учитель, и с этим ничего не поделаешь». И тут мы все стали говорить, что мы безбожники, а Пек сказал, что он к тому же за технократию, а Роберт объявил, что отец его — социал-анархист, и дед был социал-анархистом, и ему, Роберту, тоже придется стать социал-анархистом, хотя он и не знает,

что это такое. «Вот если бы пиво сделалось ледяным, — задумчиво сказал Пек, — я бы с удовольствием поверил в бога». Учитель сконфуженно улыбался и протирал пенсне. Он был хороший, мы всегда над ним подшучивали, и он никогда не обижался. Я с первой же ночи заметил, что храбрости он был не великой, но и никогда не отступал без команды. Мы все еще шутили и болтали, когда раздался грохот и треск, стена горящего дома обрушилась, и прямо из крутящегося огня, из тучи искр и дыма на нашу улицу выплыл, держась в метре над мостовой, штурмовой танк «мамонт». Такого ужаса мы еще не видели. Выплыв на середину улицы, он повел метателем, словно осматриваясь, затем убрал воздушную подушку и с громом и скрежетом двинулся прямо на нас. Я опомнился только в подворотне. Танк был уже значительно ближе, и сначала я не увидел никого из наших, но затем в кузове бронетранспортера поднялся во весь рост Айова Смит, выставил перед собой «гремучку», уперев казенник в живот, и стал целиться. Я видел, как отдача согнула его пополам, я видел, как по черному лбу танка ширкнула огненная черта, а затем улица наполнилась ревом и пламенем, и когда я с усилием поднял опаленные веки, улица была пуста и дымилась, и на улице был только танк. Не было бронетранспортера, не было куч битого кирпича, не было покосившегося киоска возле соседнего дома — был только танк. Он словно проснулся теперь, он извергал водопады огня, и улица на глазах переставала быть улицей и превращалась в площадь. Пек сильно ударил меня по шее, и прямо перед лицом я увидел его стеклянные глаза, но не было уже времени бежать к траншее и разворачивать лоток. Мы вдвоем подхватили мину и побежали навстречу танку, и я помню только, что неотрывно смотрел Пеку в затылок, задыхался и считал шаги, и вдруг каска слетела с головы Пека, и Пек упал, и я едва не выронил тяжеленную мину и упал на него. Танк взорвали Роберт и Учитель. Я не знаю, как и когда они это сделали, — должно быть, они бежали вслед за нами с другой миной. Я просидел до утра на середине улицы, держа на коленях перебинтованную голову Пека и глядя на чудовищные гусеницы танка, торчащие из асфальтового озера. И в то же утро как-то сразу все кончилось. Зун Падана сдался со всем своим штабом и уже пленный был застрелен на улице какой-то сумасшедшей женщиной...

Это было то самое место. Мне даже чудилось, будто пахнет гарью и раскаленным металлом. И даже киоск стоял на углу, и он даже был немного перекошенный — в стиле новой архитектуры. А часть улицы, которую танк превратил в площадь, так и осталась площадью, а на месте асфальтового озера был сквер, и в сквере кого-то били. Айова Смит был инженером-мелиоратором из Айовы, Соединенные Штаты. Роберт Свентицкий был кинорежиссером из Кракова, Польша. Учитель был учителем Королевской гимназии из этого города. Их никто никогда больше не видел, даже мертвыми. А Пек был Пеком, который стал теперь Бубой. Я включил двигатель.

Буба жил в таком же коттедже, как и я, и входная дверь была раскрыта настежь. Я постучал, но никто не отозвался и никто не вышел мне навстречу. Я вошел в темный холл. Свет не загорелся. Дверь на правую половину оказалась запертой, и я заглянул на левую. В гостиной на растерзанной тахте спал бородатый мужчина в пиджаке и без брюк. Чьи-то ноги торчали из-под перевернутого стола. Пахло коньяком, табачным дымом и еще чем-то сладким, как давеча из гостиной тети Вайны. У двери в кабинет я столкнулся с красивой пышной женщиной, которая нисколько не удивилась, увидев меня.

— Добрый вечер, — сказал я. — Простите, Буба здесь живет?

— Здесь, — ответила она, разглядывая меня блестящими, словно масляными глазами.

— Можно его видеть?

— А почему бы нет? Сколько угодно.

— Где он?

— Вот чудак! — Она засмеялась. — Ну где может быть Буба?

Я предполагал — где, но сказал:

— Не знаю. Может быть, в спальне?

— Тепло, — сказала она.

— Что тепло?

— Вот дурак. И еще трезвый. Хочешь выпить?

— Нет, — сказал я сердито. — Где Буба? Он мне срочно нужен.

— Плохо твое дело, — сказала она весело. — Ну поищи, поищи, а я пойду.

Она потрепала меня по щеке и вышла.

В кабинете было пусто. На столе возвышалась большая хрустальная ваза с какой-то красноватой дрянью. От нее пахло сладко и тошно. В спальне тоже никого не было, простыни и подушки были скомканы и валялись как попало. Я подошел к двери ванной. В дверь явно стреляли из пистолета, изнутри, судя по форме пробоин. Я помедлил, затем взялся за ручку. Дверь была заперта.

Я с трудом открыл ее. Буба лежал в ванне по шею в зеленоватой воде, от воды поднимался пар. На краю ванны хрипел и завывал приемник. Я стоял и глядел на Бубу. На бывшего космонавта-испытателя Пека Зеная. На бывшего стройного мускулистого парня, который в восемнадцать лет покинул свой теплый город у теплого моря и ушел в космос во славу человечества, а в тридцать лет вернулся на родину, чтобы драться с последними фашистами, и остался здесь навсегда. Мне было противно думать, что какой-нибудь час назад я был похож на него. Я потрогал его лицо, подергал за редкие влажные волосы. Он не пошевелился. Тогда я нагнулся над ним, чтобы дать ему понюхать «потомак», и вдруг понял, что он мертв.

Я сбросил на пол приемник и раздавил его каблуком. На полу валялся пистолет. Но Пек не застрелился, просто ему, наверное, мешали, и он стрелял в дверь, чтобы его оставили в покое. Я сунул руки в горячую воду, поднял его и перенес в спальню на кровать. Он лежал весь обмякший, страшный, с глазами, утонувшими подо лбом. Если бы он не был моим другом... Если бы он не был таким замечательным парнем... Если бы он не был таким замечательным работником...

Я вызвал по телефону «скорую помощь» и сел рядом с Пеком. Я старался о нем не думать. Я старался думать о деле. И я старался быть жестким и холодным, потому что по дну моего сознания снова прошел теплый световой зайчик, и на этот раз я понял, что это за мысль. Когда приехал врач, я уже знал, что буду делать дальше. Я найду Эля. Я заплачу ему любую сумму. Может быть, я буду его бить. Если понадобится, я буду его пытаться. Он скажет мне, откуда ползет на мир эта зараза. Он назовет мне адреса и имена. Он скажет мне все. И мы найдем этих людей. Мы разгромим и сожжем их тайные мастерские, а их самих мы увезем так далеко, что они никогда не смогут вернуться. Кто бы они ни были. Мы выловим всех, мы выловим всех, кто когда-либо пробовал слег, и их мы тоже изолируем. Кто бы они ни были. Потом я потребую, чтобы изолировали меня, потому что я знаю, что такое слег. Потому что я понял, что это была за мысль, потому что я социально опасен так же, как и они все. И это будет только начало. Начало всех начал, и впереди останется самое важное: сделать так, чтобы люди никогда, никогда, никогда не захотели узнать, что такое слег. Наверное, это будет дико. Наверное, многие и многие скажут, что это слишком дико, слишком жестоко, слишком глупо, но нам же придется это сделать, если мы только хотим, чтобы человечество не остановилось...

Врач, старый седой человек, положил белый саквояж, нагнулся над Бубой, осмотрел его и сказал равнодушно:

— Безнадежен.

— Вызовите полицию, — сказал я.

Он медленно спрятал в саквояж инструменты.

— В этом нет никакой необходимости, — сказал он. — Здесь нет состава преступления. Это нейростимулятор...

— Да, я знаю.

— Ну вот. Второй случай за ночь. Они совсем не знают меры.

— Давно это началось?

— Нет, не очень... Несколько месяцев.

— Так какого же черта вы молчите?

— Молчим? Не понимаю. Это у меня шестой вызов за ночь, молодой человек. Второй случай нервного истощения и четыре случая белой горячки. Вы его родственник?

— Нет.

— Ну ничего. Я пришлю людей. — Он постоял немного, глядя на Пека. — Вступайте в хоровые кружки, — сказал он. — Записывайтесь в лигу раскаявшихся шлюх...

Он бормотал еще что-то, уходя, — старый, равнодушный, сгорбленный человек. Я накрыл Пека простыней, опустил шторы и вышел в гостиную. Пьяные гнусно храпели, распространяя запах перегара, и я взял их обоих за ноги, выволок во двор и бросил в лужу возле фонтана. Снова наступал рассвет, звезды гасли на бледнеющем небе. Я сел в такси и набрал на пульте индекс Старого Метро.

Здесь было людно. В регистратуре к барьеру было не пробиться, хотя мне показалось, что бланки заполняли всего два или три человека, а остальные только смотрели, жадно вытягивая шеи. Ни круглоголового, ни Эля за барьером не оказалось, и никто не знал, как их найти. Внизу, в переходах и тоннелях, толкались и кричали пьяные полусумасшедшие мужчины и истеричные женщины. То глухо, то резко и отчетливо гремели выстрелы, дрожал от взрывов бетон под ногами, воняло гарью, порохом, потом, бензином, духами и водкой. Рукоплещущие, визжащие девки теснились вокруг капающего кровью детины с бледным торжествующим лицом, где-то жутко рычали дикие звери. В залах публика бесновалась у огромных экранов, а на экранах кто-то с завязанными глазами веером палил из автомата, прижав приклад к животу, кто-то сидел по грудь в черной тяжелой жидкости, весь синий, и курил толстую трещащую сигару, кто-то с перекошенным от напряжения лицом висел, словно окаменев, в паутине туго натянутых нитей...

Потом я узнал, где Эль. Возле грязного помещения, заваленного мешками с песком, я увидел круглоголового. Он неподвижно стоял в дверях, лицо его было закопчено, от него несло пороховой гарью, и зрачки были во весь глаз. Через каждые пять секунд он нагибался и чистил колени, и он не слушал меня, и пришлось сильно встряхнуть его, чтобы он меня заметил.

— Нету Эля! — гаркнул он. — Нету его, понимаешь? Один дым, понял? Двадцать киловольт, сто ампер, понимаешь? Не допрыгнул!

Он сильно оттолкнул меня, повернулся и устремился в грязное помещение, прыгая через мешки с песком. Расталкивая любопытных, он продрался к низенькой железной двери.

— А ну, пусти! — визжал он. — А ну, я опять! Бог троицу любит...

Дверь гулко захлопнулась за ним, и люди шарахнулись прочь, спотыкаясь и падая. Я не стал ждать, пока он выйдет. Или не выйдет. Он мне больше не был нужен. Оставался только Римайер. Оставалась еще и Вузи, но на нее я не надеялся. Значит, только Римайер. Я не буду его будить, я подожду под дверью.

Уже взошло солнце, и загаженные улицы были пусты. Из каких-то подземных стоянок выползали и принимались за работу дворники-автоматы. Они знали только работу, у них не было потенциалов, которые стоило развивать, но зато у них не было и первобытных рефлексов. Возле «Олимпиака» мне пришлось остановиться и пропустить длинную колонну красных и зеленых людей и людей, закованных в дымящуюся чешую, которые, трудно волоча ноги, проплелись из одной улицы в другую, оставив за собой запах пота и краски. Я стоял и ждал, пока они пройдут, а солнце уже озаряло громаду отеля и весело блестело на металлическом лице Владимира Сергеевича Юрковского, смотревшего, как и при жизни, поверх всех голов. Потом они прошли, и я вошел в отель. Портье дремал за своим барьером. Проснувшись, он профессионально улыбнулся и спросил свежим голосом:

— Прикажете номер?

— Нет, — сказал я. — Я иду к господину Римайеру.

— К Римайеру? Но простите... Девятьсот второй номер?

Я остановился.

— Да, кажется. В чем дело?

— Прошу прощения, но господина Римайера нет дома.

— Как нет?

— Он уехал.

— Не может быть, он же болен... Вы не ошибаетесь? Девятьсот второй номер.

— Совершенно верно, девятьсот второй номер. Римайер. Наш постоянный клиент.

Полтора часа назад он уехал. Точнее, улетел. Друзья помогли ему спуститься и сесть в вертолет.

— Какие друзья? — спросил я безнадежно.

— Я сказал — друзья? Прошу прощения, возможно, это знакомые. Их было трое, и двоих я действительно не знаю. Просто молодые люди спортивного типа. Но мистера Пелббриджа я знаю, он наш постоялец, но он уже выписался.

— Пелббридж?

— Совершенно верно. Последнее время он довольно часто встречался с господином Римайером, из чего я и заключил, что они хорошо знакомы. Он снимал у нас восьмьсот семнадцатый номер... Такой представительный мужчина, в годах, рыжеватый...

— Оскар...

— Совершенно верно, мистер Оскар Пелббридж.

— Понятно, — произнес я, стараясь держать себя в руках. — Так вы говорите, они помогли ему?

— Да. Ведь он сильно болел, к нему даже врача вызывали вчера. Он был еще очень слаб, и молодые люди поддерживали его под локти и почти несли.

— А сиделка? У него была сиделка.

— Была. Но она ушла сразу же после них. Они ее отпустили.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Вайл, к вашим услугам.

— Слушайте, Вайл, — сказал я. — А вам не показалось, что господина Римайера увезли насильно?

Я не спускал с него глаз. Он растерянно заморгал.

— Н-нет, — проговорил он. — Впрочем, сейчас, когда вы это сказали...

— Хорошо, — сказал я. — Дайте мне ключ от его номера и пойдете со мной.

Портье, как правило, весьма дошлый народ. Во всяком случае, на определенные вещи нюх у них просто замечательный. Было совершенно ясно, что он догадался, кто я. И может быть, даже — откуда я. Он подозвал швейцара, что-то шепнул ему, и мы поднялись в лифте на девятый этаж.

— Какой валютой он расплачивался? — спросил я.

— Кто? Пелббридж?

— Да.

— Кажется... Ах да, марками. Немецкими марками.

— А когда он к вам приехал?

— Минуточку... сейчас я вспомню... Шестнадцать марок... Совершенно точно, четыре дня назад.

— Он знал, что Римайер живет у вас?

— Простите, не могу сказать. Но позавчера они обедали вместе. А вчера долго беседовали в вестибюле. Рано утром, когда еще никто не спал.

В номере Римайера было непривычно чисто и прибрано. Я прошелся, осматривая комнаты. В стенном шкафу стояли чемоданы. Постель была смята, но никаких следов борьбы я не нашел. В ванной тоже все было чисто и прибрано. На туалетной полочке лежали коробки «Девона».

— Как вы полагаете, я должен вызвать полицию? — спросил портье.

— Не знаю, — ответил я. — Посоветуйтесь с администрацией.

— Вы понимаете, я опять начал сомневаться... Правда, он не попрощался со мной... Но все это выглядело совершенно невинно. Ведь он же мог подать знак, я бы понял его, мы давно знаем друг друга. А он только просил мистера Пейлбриджа: «Приемник, приемник не забудьте...»

Приемник лежал под зеркалом, скрытый небрежно брошенным полотенцем.

— Да? — сказал я. — И что же отвечал мистер Пейлбридж?

— Мистер Пейлбридж успокаивал его, говорил: «Обязательно, обязательно, не беспокойтесь...»

Я взял приемник и, выйдя из ванной, уселся за письменный стол. Портье смотрел то на меня, то на приемник. Так, подумал я, теперь он знает, зачем я сюда пришел. Я включил приемник. В нем захрипело и завывало. Все они знают о слегах. Не нужно Эля, не нужно Римайера, можно брать любого, первого встречного. Вот этого портье, например. Хоть сейчас. Я выключил приемник и сказал:

— Будьте добры, включите комбайн.

Портье мелкими шажками побежал к радиокомбайну, включил и вопросительно оглянулся на меня.

— Оставьте на этой станции, — сказал я. — Немножко потише, пожалуйста. Благодарю вас.

— Так вы мне не советуете вызывать полицию? — спросил портье.

— Как вам угодно.

— Мне показалось, что вы имели в виду что-то вполне определенное, когда расспрашивали меня.

— Это вам только показалось, — холодно сказал я. — Просто я недолюбливаю мистера Пейлбриджа. Но это вас не касается.

Портье поклонился.

— Я пока останусь здесь, Вайл, — сказал я. — У меня есть предположение, что мистер Пейлбридж вернется и зайдет сюда. Не надо предупреждать его, что я здесь. А вы пока свободны.

— Слушаюсь, — сказал портье.

Когда он вышел, я позвонил в Бюро Обслуживания и продиктовал телеграмму Марии: «Нашел смысл жизни но одинок брат неожиданно убыл приезжай немедленно Иван». Потом я снова включил приемник, и он снова захрипел и завывал. Тогда я снял крышку и вытянул гетеродин. Это был не гетеродин. Это был слег. Красивая аккуратная деталька, явно заводского производства, и чем больше я смотрел на нее, тем больше мне казалось, что где-то когда-то — задолго до приезда сюда, и не один раз — я уже видел такие детали в каком-то очень знакомом приборе. Я попытался вспомнить, где же я их видел, но вместо этого вспомнил портье, его лицо, его ухмылку, понимающе-сочувственные глаза. Все они заражены. Нет, они не пробовали слега, упаси бог! Они даже никогда не видели его. Это же так неприлично! Это же всем дряням дрянь... Тише, дорогая, как можно при мальчике?.. Но мне рассказывали, это нечто необыкновенное... Я? Ну что ты, дружище! Ты, однако, обо мне невысокого мнения... Не знаю, говорят, что в «Оазисе», у Бубы, а сам я не знаю... А почему бы и нет? Я человек умеренный, если почувствую неладное — остановлюсь... Дайте пять пачек «Девона», мы собрались (хи, хи!) на рыбную ловлю... Пятьдесят тысяч человек. И их знакомые в других городах. И сто тысяч туристов ежегодно. И дело ведь не в банде. Бог с ней, с бандой, что нам стоит ее разогнать! Дело в том, что все они готовы, все они жаждут, и нет ни малейшего намека на возможность доказать им, что это страшно, что это гибель, что это позор...

Я стиснул слег в кулаке, подпер кулаком голову и уставился на парадный, с колодкой орденских ленточек пиджак Римайера, висящий на спинке стула. Вот так же, как я сейчас, он сидел, должно быть, в этом самом кресле несколько месяцев назад, и тоже

второй раз держал в руках слег и приемник, и тот же теплый световой зайчик бродил по дну его сознания: ни о чем не надо беспокоиться, ведь теперь есть свет в любой тьме, сладость в любой горечи, радость в любой муке...

...Вот-вот, сказал Римайер. Теперь ты понял. Надо быть просто честным перед собой. Это немножко стыдно сначала, а потом начинаешь понимать, как много времени ты потратил зря...

...Римайер, сказал я. Я тратил время не для себя. Этого нельзя делать, просто нельзя, это гибель для всех, нельзя заменять жизнь снами...

...Жилин, сказал Римайер. Когда человек что-нибудь делает, он всегда делает это для себя. Может быть, и существуют на свете совершенные эгоисты, но уж совершенных альтруистов не бывает. Если ты имеешь в виду смерть в ванной, то, во-первых, в реальном мире мы все равно смертны, а во-вторых, раз наука дала нам слег, она позаботится и о том, чтобы слег стал безвреден. А пока нужна просто умеренность. И не говори мне о замене яви сном. Ты же не новичок, ты прекрасно знаешь, что эти сны тоже явь. Это целый мир. Почему же обретение этого мира ты называешь гибелью?..

...Римайер, сказал я. Потому что этот мир все-таки иллюзорен, он весь в тебе, а не вне тебя, и все, что ты в нем делаешь, остается в тебе. Он противоположен реальному миру, он враждебен ему. Люди, ушедшие в иллюзорный мир, погибают для мира реального. Они все равно что умирают. И когда в иллюзорные миры уйдут все — а ты знаешь, этим может кончиться, — история человечества прекратится...

...Жилин, сказал Римайер. История — это история людей. Каждый человек хочет прожить жизнь недаром, и слег дает тебе такую жизнь... Да, знаю, ты считаешь, что и без слега живешь недаром, но сознайся, ты никогда так ярко и горячо не жил, как сегодня в ванне. Тебе немного стыдно вспоминать, ты не рискнул бы рассказать об этой жизни другим? И не надо. У них свои жизни, у тебя своя...

...Римайер, сказал я. Все это верно. Но прошлое! Космос, школы, борьба с фашистами, с гангстерами — что же, все это зря? Сорок лет я прожил зря? А другие? Тоже зря?..

...Жилин, сказал Римайер. В истории ничего не бывает зря. Одни боролись и не дожили до слега. А ты боролся и дожил...

...Римайер, сказал я. Я боюсь за человечество. Это же конец. Это конец взаимодействию человека с природой, это конец взаимодействию личности с обществом, это конец связям между личностями, это конец прогресса, Римайер. Все миллиарды людей в ваннах, погруженные в горячую воду и в себя. Только в себя...

...Жилин, сказал Римайер. Это страшно, потому что непривычно. А что касается конца, то он настанет только для реального общества, только для реального прогресса. А каждый отдельный человек не потеряет ничего, он только приобретет, ибо его мир станет несравненно ярче, его связи с природой — иллюзорной, конечно, — станут многообразнее, а связи с обществом — тоже иллюзорным, но ведь он об этом не будет знать, — станут и мощнее, и плодотворнее. И не надо горевать о конце прогресса. Ты же знаешь, все имеет конец. Вот кончается и прогресс реального мира. Раньше мы не знали, как он кончится. Теперь знаем. Мы не успели познать всей потенциальной яркости реального бытия, может быть, мы и достигли бы этого познания через сотни лет, а теперь оно в наших руках. Слег дарит тебе восприятие отдаленнейших потомков и отдаленнейших предков, какого ты никогда не достигнешь в реальной жизни. Ты просто в плену одного старого идеала, но будь же логичен, идеал, который тебе предлагает слег, столь же прекрасен... Ведь ты же всегда мечтал о человеке с великой фантазией и гигантским воображением...

...Римайер, сказал я. Если бы ты знал, как я устал. Мне надоело спорить. Всю жизнь я спорю и с самим собой, и с другими людьми. Я всегда любил спорить, потому что иначе жизнь — это не жизнь. Но я устал именно сейчас, и именно о слеге я не хочу спорить...

...Тогда иди, Иван, сказал Римайер.

Я вставил слег в приемник. Как и он тогда. Я поднялся. Как и он тогда. Я уже ни о чем не думал, я уже не принадлежал этому миру, но я еще услышал, как он сказал: не забудь только плотно запереть дверь, чтобы тебе не мешали. И тогда я сел.

...Ах вот как, Римайер! — сказал я. Вот как это было! Ты сдался. Ты плотно запер дверь. А потом ты писал лживые отчеты своим друзьям, что никакого слега нет. А еще потом ты, поколебавшись всего минуту, послал меня на смерть, чтобы я тебе не мешал. Твой идеал — дерьмо, Римайер. Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо. Именно так, Римайер. Так. Так... Я мог бы сказать тебе еще много, слегач. Я мог бы еще долго говорить о том, что не так просто вырвать из крови природное стремление каждого человека бороться с остановкой, с любой остановкой, со смертью, с покоем, с регрессом. Твой слег — та же ядерная бомба, только замедленного действия и для сытых. Но я не буду распространяться об этом. Я скажу тебе только одно: если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо...

Я взглянул на часы и сунул приемник в карман. Мне надоело ждать Оскара. Я хотел есть. И еще у меня было чувство, будто я сделал наконец в этом городе что-то полезное. Я оставил портше свой телефон — на случай, если вернется Оскар или Римайер, — и вышел на площадь. Я не верил, что Римайер вернется и даже что я когда-нибудь его увижу, но Оскар еще мог сдержать свое обещание, хотя, скорее всего, его придется все-таки искать. И искать его буду уже не я. И вероятно, не здесь.

Глава двенадцатая

В кафе-автомате был только один посетитель: за столиком в углу, обставившись закусками и бутылками, сидел смуглый, прекрасно, но нелепо одетый человек восточного типа. Я взял себе простоквашу и творожники со сметаной и принялся за еду, время от времени поглядывая на него. Он ел и пил много и жадно, лицо его блестело от пота, ему было жарко в дурацком лоснящемся фраке. Он отдувался, откидываясь на спинку стула, и распускал широкий ремень на брюках. При этом на солнце ярко вспыхивала длинная желтая кобура, висящая у него под фалдами. Я уже доедал последний творожник, когда он вдруг окликнул меня.

— Алло! — сказал он. — Вы местный?

— Нет, — сказал я. — Турист.

— А, значит, вы тоже ничего не понимаете...

Я сходил к стойке, сбил себе коктейль из соков и подошел к нему.

— Почему пусто? — продолжал он. У него было живое худощавое лицо и свирепый взгляд. — Где жители? Почему все закрыто?.. Все спят, никого не добьешься...

— Вы только что приехали?

— Да.

Он отодвинул пустую тарелку и придвинул полную. Потом он отхлебнул светлого пива.

— Откуда вы? — спросил я. Он свирепо взглянул на меня, и я поспешно добавил: — Если это не секрет, конечно...

— Нет, — сказал он, — не секрет... — и принялся есть.

Я допил сок и собрался было уходить, но он сказал:

— Здорово живут, собаки. Такая еда, и сколько хочешь, и все бесплатно.

— Ну, все-таки не совсем бесплатно, — возразил я.

— Девяносто долларов! Гроши! Я за три дня съем на девяносто долларов! — Глаза его вдруг остановились. — С-собаки, — пробормотал он, снова принимаясь за еду.

Я знал таких людей. Они приезжали из крошечных, разграбленных до полной нищеты королевств и республик, они жадно ели и пили, вспоминая прокаленные солнцем пыльные улицы своих городов, где в жалких полосках тени неподвижно лежали

умирающие голые мужчины и женщины, а дети с раздутыми животами копались в помойках на задворках иностранных консульств. Они были переполнены ненавистью, и им нужны были только две вещи: хлеб и оружие. Хлеб для своей шайки, находящейся в оппозиции, и оружие против другой шайки, стоящей у власти. Они были самыми яростными патриотами, горячо и пространно говорили о любви к народу, но всякую помощь извне решительно отвергали, потому что не любили ничего, кроме власти, и никого, кроме себя, и готовы были во славу народа и торжества высоких принципов уморить свой народ — если понадобится, до последнего человека — голодом и пулеметами.

— Оружие? Хлеб? — спросил я.

Он насторожился.

— Да, — сказал он. — Оружие и хлеб. Только без дурацких условий. И по возможности даром. Или в кредит. Истинные патриоты никогда не имеют денег. А правящая клика купается в роскоши...

— Голод? — спросил я.

— Все что угодно. А вы тут купаетесь в роскоши. — Он ненавидяще посмотрел на меня. — Весь мир купается в роскоши, и только мы голодаем. Но вы напрасно надеетесь. Революцию не остановить!

— Да, — сказал я. — А против кого революция?

— Мы боремся против кровопийц Бадшаха! Против коррупции и разврата правящей верхушки, за свободу и истинную демократию... Народ с нами, но народ надо кормить. А вы нам заявляете: хлеб дадим только после разоружения. Да еще грозите вмешательством... Какая гнусная лживая демагогия! Какой обман революционных масс! Разоружиться перед лицом кровопийц — это значит накинуть петлю на шею настоящих борцов! Мы отвечаем: нет! Вы не обманете народ! Пусть разоружаются Бадшах и его убийцы! Тогда мы посмотрим, что надо делать.

— Понятно, — сказал я. — Но Бадшах, вероятно, тоже не хочет, чтобы ему накинули петлю на шею.

Он резко отставил бокал с пивом, и рука его привычно потянулась к кобуре. Впрочем, он быстро опомнился.

— Я так и знал, что вы ни черта не понимаете, — сказал он. — Вы, сытые, вы осоловели от сытости, вы слишком кичливы, чтобы понять нас. В джунглях вы бы не осмелились так разговаривать со мной!

В джунглях я бы говорил с тобой по-другому, бандюга, подумал я и сказал:

— Я действительно многого не понимаю. Я, например, не понимаю, что случится после того, как вы одержите победу. Предположим, вы победили, повесили Бадшаха, если он, в свою очередь, не успел удрать за хлебом и оружием...

— Он не успеет. Он получит то, что заслужил. Революционный народ раздерет его в клочья! И вот тогда мы начнем работать. Мы построим химические заводы и завалим страну едой и одеждой. Мы вернем территории, отторгнутые у нас сытыми соседями, мы выполним всю программу, о которой вопит сейчас лживый Бадшах, чтобы обмануть народ... И вот тогда, только тогда, мы разоружимся. Нам уже не нужна будет ваша помощь. Понимаете? Мы разоружимся не потому, что вы поставили нам такие условия, а потому, что нам уже не нужно будет оружие. И вот тогда... — Он закрыл глаза, сладко застонал и повел головой.

— Тогда вы станете сытыми, будете купаться в роскоши и спать до полудня?

Он усмехнулся.

— Мы это заслужили. Народ это заслужил. Никто не посмеет попрекнуть нас. Мы будем есть и пить, сколько пожелаем, мы будем жить в настоящих домах, мы скажем народу: теперь вы свободны, развлекайтесь!

— И ни о чем не думайте, — добавил я. — А вам не кажется, что это все может выйти вам боком?

— Бросьте! — сказал он благодушно. — Это демагогия. Вы демагог. И догматик. У нас тоже есть такие догматики, вроде вас: бойтесь сытости! Человек, мол, потеряет смысл жизни. Нет, отвечаем мы, человек ничего не потеряет. Человек найдет, а не потеряет. Надо чувствовать народ, надо самому быть из народа, народ не любит умников! Ради чего же мы, черт побери, даем себя жрать древесным пиявкам и сами жрем червей? — Он вдруг вполне добродушно ухмыльнулся. — Вы, наверное, на меня обиделись немного. Я тут обозвал вас сытыми и еще как-то... Не надо, не обижайтесь. Изобилие плохо, когда его у тебя нет, а у соседа оно есть. А завоеванное изобилие — это отличная штука! За него стоит подраться. Все за него дрались. Его нужно добывать с оружием в руках, а не обменивать на свободу и демократию.

— Значит, все-таки ваша конечная цель — изобилие?

— Безусловно!.. Конечная цель всегда изобилие. Учтите только, что мы разборчивы в средствах...

— Это я уже учел... Значит, изобилие. А человек?

— Что — человек?

Впрочем, я понимал, что спорить бесполезно.

— Вы никогда здесь не были раньше? — спросил я.

— А что?

— Поинтересуйтесь, — сказал я. — Этот город дает отличные предметные уроки изобилия.

Он пожал плечами.

— Пока мне здесь нравится. — Он снова отодвинул пустую тарелку и придвинул полную. — Закуски какие-то незнакомые... Все вкусно и дешево... Этому можно позавидовать. — Он проглотил несколько ложек салата и проворчал: — Мы знаем, что все великие революционеры дрались за изобилие. У нас нет времени самим теоретизировать, но в этом и нет необходимости. Теорий достаточно и без нас. И потом изобилие нам никак не грозит. Оно нам еще долго не будет грозить. Есть задачи гораздо более насущные.

— Повесить Бадшаха, — сказал я.

— Да, для начала. А потом нам придется истребить догматиков. Я чувствую это уже сейчас. Потом осуществление наших законных притязаний. Потом еще что-нибудь объявится. А уж потом-потом-потом наступит изобилие. Я оптимист, но я не верю, что доживу до него. И вы не беспокойтесь, справимся как-нибудь. Если с голодом справимся, то с изобилием и подавно... Догматики болтают: изобилие, мол, не цель, а средство. Мы отвечаем на это так: всякое средство было когда-то целью. Сегодня изобилие — цель. И только завтра оно, может быть, станет средством.

Я встал.

— Завтра может оказаться поздно, — сказал я. — И напрасно вы ссылаетесь на великих революционеров. Они бы не приняли ваш лозунг: теперь вы свободны, развлекайтесь. Они говорили иначе: теперь вы свободны, работайте. Они ведь никогда не дрались за изобилие для брюха, их интересовало изобилие для души и головы...

Рука его опять дернулась к кобуре, и опять он спохватился.

— Марксист! — сказал он с удивлением. — Впрочем, вы же приезжий. У нас марксистов почти нет, мы их расстреливаем...

Я сдержался.

Проходя мимо витрины, я еще раз взглянул на него. Он сидел спиной к улице и снова ел, растопырив локти.

Когда я пришел домой, гостиная была уже пуста. Простыни и подушки ребята свалили кучей в углу. На письменном столе лежала прижатая телефоном записка. Детским корявым почерком было написано: «Берегитесь. Она что-то задумала. Возилась в спальне». Я вздохнул и сел в кресло.

До встречи с Оскаром (если она состоится) оставалось еще около часа. Ложиться спать не имело смысла, да было и небезопасно — Оскар мог пожаловать не один, и

пораньше, и не через дверь. Я достал из чемодана пистолет, вставил обойму и сунул в боковой карман. Потом я залез в бар, сварил себе кофе и снова вернулся в кабинет.

Я вынул слег из своего приемника и из приемника Римайера, положил перед собой на стол и снова попытался вспомнить, где же я видел точно такие детали и почему мне кажется, что я видел их даже неоднократно. И я вспомнил. Я сходил в спальню и принес оттуда фонор. Мне даже не понадобилась отвертка. Я снял с фонора футляр, сунул указательный палец под раструб одоратора и, зацепив ногтем, извлек вакуумный тубусоид ФХ–92–У, четырехразрядный, статичного поля, емкость два. Продается в магазинах бытовой электроники по пятьдесят центов за штуку. На местном жаргоне — слег.

Так и должно быть, подумал я. Нас сбили с толку разговоры о новом наркотике. Нас постоянно сбивают с толку разговоры о новых ужасных изобретениях. Мы уже несколько раз садились в аналогичную лужу. Когда Мхагана и Бурис обратились в ООН с жалобой на то, что сепаратисты применяют новый вид оружия — замораживающие бомбы, мы кинулись искать подпольные военные фабрики и даже арестовали двух самых настоящих подпольных изобретателей (шестнадцати и девяноста шести лет). А потом выяснилось, что эти изобретатели совершенно ни при чем, а ужасные замораживающие бомбы были приобретены сепаратистами в Мюнхене на оптовом складе холодильных установок и оказались бракованными суперфризерами. Правда, действие этих суперфризеров действительно было ужасным. В сочетании с молекулярными детонаторами (широко применяются подводными археологами на Амазонке для отпугивания пираний и кайманов) суперфризеры были способны дать мгновенное понижение температуры до ста пятидесяти градусов ниже нуля в радиусе двадцати метров. Потом мы долго убеждали друг друга не забывать и всегда иметь в виду, что в наше время буквально ежемесячно появляется масса технических новинок самого мирного назначения и с самыми неожиданными побочными свойствами, и свойства эти часто бывают таковы, что нарушение закона о запрещении производства оружия и боеприпасов становится просто бессмысленным. Мы сделались очень осторожными с новыми видами вооружения, применяемыми различными экстремистами, и спустя всего год попались на другом, когда принялись искать изобретателей таинственной аппаратуры, с помощью которой браконьеры выманивали птеродактилей далеко за пределы заповедника в Уганде, и нашли остроумную самоделку из детской игрушки «Встань — сядь» и довольно распространенного медицинского прибора. А вот теперь мы поймали слег — сочетание стандартного приемника, стандартного тубусоида и стандартных химикалий с очень стандартной горячей водопроводной водой.

Короче говоря, тайные фабрики искать не придется, подумал я. И на том спасибо. Придется искать ловких и беспринципных спекулянтов, которые очень тонко чувствуют, что живут в Стране Дураков. Как трихины в свиной ляжке... Пять-шесть предприимчивых корыстолюбцев. Невинный коттедж где-нибудь на окраине. Пойти в универсальный магазин, купить за пятьдесят центов вакуумный тубусоид, содрать с него целлофановую упаковку и переложить в изящную коробку со стекловатой. И продать («только по знакомству и только вам!») за пятьдесят марок. Правда, имел место еще изобретатель. И даже не один. Наверняка не один. Но они вряд ли выжили: это вам не манок для птеродактилей... И вообще разве дело в спекулянтах?.. Ну продадут они еще сорок слегов, ну сто. Даже в Городе Дураков должны же сообразить наконец, что к чему. И когда это случится, слег начнет распространяться, как пожар. И позаботятся об этом прежде всего моралисты из «Радости жизни». А потом выступит доктор Опир и заявит, что, по данным науки, слег способствует ясности мышления и незаменим в борьбе против алкоголизма и плохого настроения. И вообще идеал будущего — это огромное корыто с горячей водой... И слово «слег» перестанут писать на заборах... Вот кого надо брать за глотку, если вообще кого-нибудь брать, подумал я. Не в спекулянтах же беда. В конце концов, спекулируют всегда только тем товаром, на который есть спрос. Но Мария-то все равно пошлет нас ловить спекулянтов, подумал я уныло.

В дверь постучали. В кабинет вошел Оскар, и он был действительно не один. С ним был сам Мария, плотный, седой, как всегда в темных очках и с толстой тростью, смахивающий на ветерана, потерявшего зрение. Оскар самодовольно улыбался.

— Здравствуйте, Иван, — сказал Мария. — Познакомьтесь, это ваш дублер Оскар Пелббридж. Из Юго-Западного отделения.

Мы пожали друг другу руки. Что мне всегда не нравилось в нашем Совете Безопасности, так это множество замшелых традиций, а из всех традиций больше всего меня бесила идиотская система перекрестной конспирации, из-за которой мы постоянно перехватываем друг у друга агентуру, бьем друг другу физиономии и сплошь и рядом стреляем друг в друга, и довольно метко. Не работа, а игра в сыщики-разбойники, ну их всех в болото...

— Я вас собирался сегодня брать, — сообщил Оскар. — В жизни не видел более подозрительного субъекта...

Я молча вынул из кармана пистолет, разрядил его и бросил в ящик стола. Оскар следил за мной с одобрением. Я сказал, обращаясь к Марии:

— Я догадываюсь, что следствие бы просто провалилось, не начавшись, если бы я знал об Оскаре. Однако должен сообщить, что вчера я его чуть не искалечил.

— Я вас так и понял, — сказал Оскар самодовольно.

Мария кряхтя уселся в кресло.

— Никак не могу припомнить случая, — сказал он, — чтобы Иван был чем-либо доволен. А между тем конспирация — это основа нашей работы... Возьмите стулья, оба, и садитесь... Вы, Оскар, не имели права дать себя покалечить, а вы, Иван, не имели права дать себя арестовать. Вот как надлежит смотреть на эти вещи... А это что тут у вас? — сказал он, снимая темные очки над слегами. — Между делом занялись радиотехникой? Похвально, похвально...

Я понял, что они ничего не знают. Оскар листал записную книжку, где у него все было зашифровано личным кодом, и, по-видимому, готовился делать сообщение, а Мария водил мясистым носом над слегами, держа очки в поднятой руке. В этом зрелище было нечто символическое.

— Итак, агент Жилин заполняет свой досуг радиотехникой, — проговорил Мария, надевая очки и откидываясь в моем кресле. — У него много досуга, он перешел на четырехчасовой рабочий день... А как обстоит дело со смыслом жизни, агент Жилин? Вы, кажется, его нашли? Надеюсь, вас не придется увозить, как агента Римайера?

— Не придется, — сказал я. — Я не успел втянуться. Римайер вам что-нибудь рассказывал?

— Нет, что вы! — сказал Мария с огромным сарказмом. — Зачем? Ему приказали выследить наркотик, он его выследил, воспользовался и теперь, видимо, полагает, что исполнил свой долг... Он сам стал наркоманом, понимаете? — сказал Мария. — Он молчит! Он накачался этим зельем до ушей, и говорить с ним бесполезно! Он бредит, что убил вас, и все время просит радиоприемник... — Мария запнулся и посмотрел на радиоприемники. — Странно, — сказал он. Он посмотрел на меня. — Впрочем, я люблю порядок. Оскар прибыл сюда первым, у него есть кое-какие соображения — как по поводу снадобья, так и по поводу операции. Начнем с него.

Я взглянул на Оскара.

— По поводу какой операции?

— Черт знает что... — сказал Мария.

— Захват центра, — сказал Оскар. — Вы еще не напали на центр?

Ловля начинается, подумал я и сказал:

— Нет, не напал. На центр я не напал. Но...

— По порядку, по порядку, — строго сказал Мария и похлопал ладонью по столу. — Начинайте, Оскар, а вы, Иван, слушайте внимательно и готовьте свои соображения. Если вы еще способны соображать.

Оскар начал. По-видимому, он был хороший работник. Он действовал быстро, энергично и целеустремленно. Правда, Римайер обвел его вокруг пальца так же, как и меня. Но Оскару тем не менее удалось многое. Он понял, что искомое «снадобье» называют здесь слегом. Он очень быстро понял связь слега с «Девонем». Он понял, что ни рыбаки, ни перши, ни грустецы не имеют к слегу никакого отношения. Он превосходно понял, что в этом городе практически невозможно сохранить какую бы то ни было тайну. Ему удалось даже втереться в доверие к интелям, и он твердо установил, что в городе существуют всего две действительно тайные организации: меценаты и интели. И поскольку меценаты исключались, оставались только интели...

— Это не противоречило создавшемуся у меня убеждению, — говорил Оскар, — что единственные люди в городе, способные вести научные или квазинаучные изыскания и имеющие доступ к лабораториям, это студенты и преподаватели университета. Правда, заводы города тоже имеют лаборатории. Таких лабораторий всего четыре, и я обследовал их все. Эти лаборатории сугубо специализированы и загружены текущей работой до предела. Поскольку заводы работают круглосуточно, не было никаких оснований предполагать, что заводские лаборатории могут стать центрами производства слега. А вот из семи лабораторий университета две явно окружены атмосферой тайны. Что там делается, выяснить мне не удалось, однако я взял на заметку трех студентов, которые, как мне кажется, должны знать это наверняка...

Я слушал его очень внимательно, поражаясь, как много он успел здесь, но мне было уже ясно, в чем его главная ошибка. Я понимал, что он шел по ложному следу, и вместе с тем во мне зрело смутное ощущение еще более значительной ошибки, главной ошибки, ошибки в изначальной схеме Совета.

— ...И я пришел к представлению, — говорил Оскар, — о существовании полугангстерской организации вертикального типа с четкими разделениями функций отдельных групп. Производственная группа занимается изготовлением и совершенствованием слега... Должен вам сказать, что слег, чем бы он ни был, совершенствуется: мне удалось установить, что в самом начале «Девон» не применялся... Далее, коммерческая группа занимается распространением слега, а боевая группа терроризирует население и пресекает возникающие разговоры о слеге. Запуганность обывателей...

И тут я все понял.

— Одну минутку, — сказал я. — Оскар, вы гарантируете, что в городе всего две тайные организации?

— Да, — сказал Оскар. — Только меценаты и интели.

— Продолжайте, Оскар, — сказал Мария недовольно. — Иван, я попросил бы не перебивать.

— Виноват, — сказал я.

Оскар продолжал говорить, но я его больше не слушал. В мозгу у меня словно вспыхнуло что-то. Традиционная изначальная схема всех наших мероприятий с ее непрменной аксиомой о существовании разветвленной организации злоумышленников разлетелась в пыль, и я только удивлялся, как я раньше не усмотрел всей ее глупой сложности для этой простой страны. Не было тайных мастерских, охраняемых угрюмыми личностями с кастетами, не было осторожных, лишенных принципов деловых людей, не было коммивояжеров с двойными воротничками, набитыми контрабандой, и зря Оскар вычерчивал эту красивую схему из кружков и квадратиков, соединенных путаницей линий, с надписями «центр», «штаб» и многочисленными вопросительными знаками. Нечего было разрушать и сжигать, некого здесь было брать и высылать на Баффинову Землю. Была современная промышленность бытовых приборов, государственные магазины, где слеги продавались по пятьдесят центов, и были — вначале — один-два не лишенных изобретательности человека, изнывающих от безделья и жаждущих новых

впечатлений, и была средних размеров страна, где изобилие было когда-то целью, да так и не стало средством. И этого оказалось вполне достаточно.

Кто-то по ошибке вставил в приемник слег вместо гетеродина и залег в ванну понежиться, послушать хорошую музыку или узнать последние новости, — и началось. Поползли слухи, в мусоропроводы посыпались останки фоноров, потом до кого-то дошло, что слег можно добывать не из фоноров, а просто покупать в магазинах, и кто-то догадался применить ароматические соли, и кто-то пустил в ход «Девон», и люди начали умирать в ваннах от нервного истощения, и статистический отдел Совета Безопасности подал в Президиум совершенно секретный доклад, и сразу обнаружилось, что все умирания произошли с туристами, побывавшими в этой стране, и что в этой стране таких умираний больше, чем в любом другом месте Планеты. И как это часто бывает, на хорошо проверенных фактах построили неверную теорию и нас, строго законспирированных, одного за другим послали сюда раскрывать тайную шайку торговцев новым, неизвестным наркотиком, и мы прибыли сюда, и делали тут глупости, и как это всегда бывает, никакой труд не пропал даром, и если искать виноватого, то виноваты все, от мэра до Римайера, а раз все, то значит — никто, и теперь надо...

— Иван, — раздраженно сказал Мария. — Вы заснули?

Они оба смотрели на меня. Оскар протягивал мне блокнот со схемой. Я взял блокнот и бросил его на стол.

— Послушайте, — сказал я. — Оскар, конечно, молодчина, но мы опять сели в лужу.. Оскар, вы так много увидели, и вы ничего не поняли. Если в этой стране и есть люди, ненавидящие слег, то это интели. Интели не гангстеры, это отчаявшиеся люди, патриоты... У них одна задача — расшевелить это болото. Любыми средствами. Дать этому городу хоть какую-нибудь цель, заставить его оторваться от корыта... Они жертвуют собой, понимаете? Они вызывают огонь на себя, пытаются возбудить в городе хоть одну общую для всех эмоцию, пусть хотя бы ненависть... Неужели вы не слышали о слезогонке, о расстрелах дрожек?.. И в лабораториях они изготавливают не слег, они там делают бомбы, варят слезогонку... и вообще нарушают закон о военной технике. Они путч готовят на двадцать восьмое, а слег — вот!

Я сунул им по слегу и тут же выложил все, что я по этому поводу думаю.

Сначала они слушали меня с недоверием. Потом они устали на слег и не сводили с них глаз, пока я не закончил, а когда я закончил, они довольно долго молчали. Мария держал свой слег, как жужелицу. На лице его было неудовольствие. Оскар сказал:

— Вакуумный тубусоид... Гм... Действительно... И приемники... В этом что-то есть...

Мария сунул слег в нагрудный карман и решительно объявил:

— Ничего в этом нет. То есть я вами, конечно, доволен, Иван, вы, видимо, нашли то, что нужно, но работать вам не в Совете, а в Комиссии Мировых Проблем. Они там обожают философствовать и по сей день ничего полезного не сделали. А вы работаете у нас уже десять лет, но так и не осознали простой истины: если есть преступление, значит, есть и преступник...

— Это неверно, — сказал я.

— Это верно! — сказал Мария. — Не затевайте со мной спора, вечно вы спорите!.. Молчите, Оскар, сейчас говорю я. И я спрашиваю вас, Иван: какой толк в вашей версии? Что вы предлагаете делать? Только конкретно, пожалуйста. Конкретно!

— Конкретно... — проговорил я.

Да, моя версия им не подходила. Они, наверное, даже не считали ее версией. Для них это была философия. Они были люди, так сказать, решительного действия, гиганты немедленных решительных мер. Они не давали спуска. Они рубили узлы и срывали дамкловы мечи. Они принимали решения быстро, а приняв, больше уже не сомневались. Они не умели иначе. Это было их мировоззрение... И это только я так считал, что их время прошло... Терпение, подумал я. Мне понадобится очень много терпения... Я понял вдруг, что логика жизни снова отрывает от меня моих лучших товарищей и что теперь мне будет

особенно плохо, потому что решения этого спора придется ждать долго, очень долго... Они смотрели на меня.

— Конкретно... — повторил я. — Конкретно я предлагаю столетний план восстановления и развития человеческого мировоззрения в этой стране.

Оскар неприязненно сморщился, а Мария сказал желчно:

— Ха-ха! Я говорю с вами серьезно.

— Я тоже. Нужны не сыщики и не опергруппы с автоматами.

— Нужно решение! — сказал Мария. — Не столетние разговоры, а решение!

— Я предлагаю именно решение, — сказал я.

Мария побагровел.

— Нужно спасать людей, — сказал он. — Души мы будем спасать потом, когда спасем людей... Не раздражайте меня, Иван!

— Пока вы будете восстанавливать мировоззрение, — сказал Оскар, — люди будут умирать или становиться идиотами.

Я не хотел спорить, но все-таки сказал:

— До тех пор пока человеческое мировоззрение не будет восстановлено, люди будут умирать и становиться идиотами, и никакие опергруппы здесь не помогут... Вспомните Римайера, — сказал я.

— Римайер забыл свой долг! — яростно сказал Мария.

— Вот именно, — сказал я.

Мария захлопнул рот и, сорвав очки, некоторое время молча вращал глазами. Он был, несомненно, железный человек: просто-таки видно было, как он загоняет свое бешенство в желчный пузырь. Через минуту он был уже совершенно спокоен и мирно улыбался.

— Да, — сказал он. — Я, кажется, вынужден признать, что разведка как общественный институт окончательно деградировала. Видимо, последних настоящих разведчиков мы перебили во время путчей. Нож — Данцигер, Бамбук — Савада, Кукла — Гровер, Козлик — Боас... Да, они продавались и покупались, у них не было родины, они были подонками, люмпенами, но они работали! Сириус — Харам... Он работал на четыре разведки, он был мерзавец. Он был грязная скотина. Но если он давал информацию, то это была настоящая информация, ясная, точная и своевременная. Помню, я приказал повесить его, не испытывая никакой жалости, но, когда я смотрю на сегодняшних моих сотрудников, я понимаю, какая это была потеря... Ну хорошо, ну не удержался человек, стал наркоманом, в конце концов, Бамбук-Савада тоже был наркоманом. Но зачем писать лживые донесения? Ну не пиши их вообще, уволься, извинись... Я приезжаю в этот город в глубокой уверенности, что знаю его досконально, потому что у меня здесь уже десять лет сидит опытный, проверенный резидент. И вдруг выясняю, что ровно ничего не знаю. Каждый местный мальчишка знает, кто такие рыбаки. А я не знаю! Я знаю только, что организация «КВС», занимавшаяся примерно тем же, чем занимаются нынешние рыбаки, была расформирована и запрещена три года назад. Я знаю это из донесений моего резидента. А в местной полиции мне сообщают, что общество «ДОЦ» возникло два года назад, и этого из донесений моего резидента я уже не узнал... Я беру элементарный пример, мне, в конце концов, нет никакого дела до рыбаков, но это же превращается в стиль работы! Донесения задерживаются, донесения лгут, донесения дезинформируют... донесения, наконец, просто выдумываются! Один явочным порядком увольняется из Совета и не считает нужным сообщить об этом своему начальнику, ему, видите ли, надоело, он все собирался сообщить, да как-то не нашел времени... Другой, вместо того чтобы бороться с наркотиками, сам становится наркоманом... А третий философствует!

Он горестно мне покивал.

— Поймите меня правильно, Иван, — продолжал он. — Я не против философствований. Но философия — это одно, а наша работа — это совсем другое. Ну посудите сами, Иван, если нет тайного центра, если имеет место стихийная

самодеятельность, то откуда эта скрытность? Эта конспирация? Почему слег окружен такой таинственностью? Я допускаю, что Римайер молчит потому, что его мучают угрызения совести вообще и в частности за вас, Иван. Но остальные? Ведь слег не запрещен законом, о слеге знают все, и все таятся. Вот Оскар не философствует, он полагает, что обывателя просто запугивают. Это я понимаю. А что полагаете вы, Иван?

— У вас в кармане, — сказал я, — лежит слег. Идите в ванную. «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду. Водка в шкафчике. Мы вас подождем с Оскаром. А потом вы нам расскажете — громко, вслух, своим товарищам по работе и подчиненным — о своих ощущениях и переживаниях. А мы... вернее, Оскар пусть послушает, а я, так и быть, выйду.

Мария надел очки и воззрился на меня.

— Вы полагаете, что я не расскажу? Вы полагаете, что я тоже пренебрегу служебным долгом?

— То, что вы узнаете, не будет иметь никакого отношения к служебному долгу. Служебный долг вы, может быть, нарушите потом. Как Римайер. Это слег, товарищи. Это машинка, которая будит фантазию и направляет ее куда придется, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно — я подчеркиваю: бессознательно — не прочь ее направить. Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному, тем больше вам захочется соблюсти конспирацию. Сами животные вообще предпочитают помалкивать. Они знай себе давят на рычаг.

— На какой рычаг?

Я объяснил им про крыс.

— А вы сами-то пробовали? — спросил Мария.

— Да.

— И что?

— Как видите, помалкиваю, — сказал я.

Некоторое время Мария сопел. Потом он сказал:

— Ну, я не ближе к животному, чем вы... Как это вставить?

Я зарядил приемник и подал ему. Оскар следил за нами с интересом.

— С богом, — сказал Мария. — Где тут ванная? Заодно помоюсь с дороги.

Он заперся в ванной, и было слышно, как он там все роняет.

— Странное дело, — сказал Оскар.

— Это вообще не дело, — возразил я. — Это кусок истории, Оскар, а вы хотите засунуть его в папку с тесемками. А это вам не гангстеры. Ясно даже и ежу, как говаривал Юрковский.

— Кто?

— Юрковский Владимир Сергеевич. Был такой известный планетолог, я с ним вместе работал.

— А-а, — сказал Оскар. — Между прочим, на площади напротив «Олимпиака» стоит памятник какому-то Юрковскому.

— Это тот самый и есть.

— Правда? — сказал Оскар. — А впрочем, вполне возможно. Только памятник ему воздвигли не за то, что он был известным планетологом. Он просто впервые в истории города сорвал банк в электронную рулетку. Такой подвиг было решено увековечить.

— Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — пробормотал я. Мне было тоскливо.

В ванной зашумел душ, и вдруг Мария заорал ужасным голосом. Сначала я решил, что он пустил ледяную воду вместо теплой, но он орал не переставая, а потом принялся ругаться страшными словами. Мы с Оскаром переглянулись. Оскар был в общем спокоен, он решил, что так проявляется действие слега, и на лице его возникло сочувственное выражение. Бешено лязгнула задвижка, дверь ванной с треском откатилась, в спальне зашлепали мокрые пятки, и голый Мария ввалился в кабинет.

— Вы что, идиот? — заорал он на меня. — Что за грязные шутки?

Я обмер. Мария был похож на чудовищную зебру. Его упитанное тело покрывали вертикальные ядовито-зеленые потеки. Он орал и топал ногами, от него летели изумрудные брызги. Когда мы пришли в себя и осмотрели место происшествия, выяснилось, что душевой конус забит губкой, пропитанной зеленым лаком, и я вспомнил записку Лэна, и понял, что это Вузи. Инцидент исчерпывался долго. Мария считал, что это издевательство и хамское нарушение субординации. Оскар ржал. Я тер Марию щеткой и объяснялся. Потом Мария заявил, что теперь уж он никому не верит и испытает слег дома. Он оделся и принялся обсуждать с Оскаром план блокады города.

А я мыл ванну и думал, что моя работа в Совете Безопасности на этом заканчивается, что мне будет плохо и мне уже плохо, что я не знаю, с чего нужно начинать, что мне хочется включиться в обсуждение плана блокады, но хочется не потому, что я считаю блокаду необходимой, а потому, что это так просто, гораздо проще, чем вернуть людям души, сожранные вещами, и научить каждого думать о мировых проблемах как о своих личных.

«...Изолировать этот гнойник от мира, изолировать жестко — вот и вся наша философия», — вещал Мария. Это предназначалось мне. А может, и не только мне. Ведь Мария — умница. Он наверняка понимает, что изоляция — это всегда оборона, а здесь надо наступать. Но наступать он умел только опергруппами, и ему, наверное, было неловко в этом признаться.

Спасать. Опять спасать. До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков опиров? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать? Как вы не можете понять, что мир огромен, сложен и увлекателен? Почему вам все просто и скучно? Чем же таким ваш мозг отличается от мозга Рабле, Свифта, Ленина, Эйнштейна, Макаренко, Хемингуэя, Строгова? Когда-нибудь я устану от этого, подумал я. Когда-нибудь у меня не хватит больше сил и уверенности. Ведь я такой же, как вы! Только я хочу помогать вам, а вы не хотите помогать мне...

Наверху визгливо закричала Вузи, тонко и жалобно заплакал Лэн. В кабинете что-то бубнил Оскар. А я вдруг подумал, что теперь не уеду отсюда. Я здесь всего три дня, я не знаю, с чего здесь надо начинать и что должен делать, но я не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу.

Варианты рукописей и изданий

«Понедельник начинается в субботу»

В «Комментариях к пройденному» БНС содержится немало подробностей об истории замысла ПНВС, о происхождении самого названия и об этапах работы. «Повесть о магах, ведьмах, колдунах и волшебниках задумана была нами давно, еще в конце 50-х. Мы совершенно не представляли себе сначала, какие события будут там происходить, знали только, что героями должны быть персонажи сказок, легенд, мифов и страшилок всех времен и народов. И все это — на фоне современного научного института со всеми его онерами». Но дальше накопления разрозненных заметок дело не шло: «Мы никак не могли придумать ни сюжета, ни фабулы».

Первый связанный с ПНВС сюжетный отрывок — это, надо полагать, шуточная история, написанная Б. Стругацким и Л. Каминко в 1960 году в горах Северного Кавказа. В архиве АБС, к сожалению, этот «рассказик без начала и конца» с ключевыми словами «ДИВАНА НЕ БЫЛО!!!» отсутствует. Впрочем, нет там и многих иных материалов к повести, особенно к первой ее части. Тем не менее, сохранились черновые версии второй и третьей частей, а также некоторые наброски и заметки, использованные Авторами как для написания ПНВС, так и для последующего оформления повести (например, для эпиграфов, комментариев Привалова или французских фраз профессора Выбегаллы). Много интересного можно узнать также из дневников и переписки АБС за 1961–1964 годы.

Часть представленных далее материалов взята из архива АБС, другую часть любезно предоставил для эксклюзивной публикации в этом Собрании Михаил Лемхин (США, Сан-Франциско), которому мы выражаем искреннюю признательность.

История происхождения самих слов «Понедельник начинается в субботу» также подробно описана в «Комментариях» БНС. Но для названия повести о магах афоризм Наталии Свенцицкой изначально не планировался. В письмах, дневниках, заметках начала 60-х упоминались «Седьмое небо», «Страна магов», «Республика магов», просто «Маги»...

Описание замысла под названием «Страна магов» сохранилось, оно занимает примерно половину машинописной страницы. Соответствий тексту повести «Понедельник начинается в субботу» здесь, как легко видеть, совсем мало.

СТРАНА МАГОВ

Завмаг. Магия слова — он же зав. универсальным магазином.

Страна, где нет второго закона термодинамики. Первый и третий есть, а второго нет. Консерваторы и радикалы. На знамени радикалов — корень из двух. Символ радикализма и второго закона. Грозит вырождение от безделья. Волшебная палочка, ведающая ядерными превращениями. Злоумышленник бросает бутылку с джином. Джинны могут только разрушать все и строить дворцы. Разменная монета — инертные газы. Превращения требуют материи — законы сохранения остались. Экспедиция на осмотр трех китов и слонов.

Деревянный корабль с таинственным мотором.

Шест на красном холсте.

Пришельцы-туристы.

Пришелец — подопытное животное, Белка и Стрелка.

Посетитель с изумляющей целью (либо — где здесь нужник, либо — без расспросов ищет сероводородные бактерии).

В нижней части страницы отдельно следуют еще несколько строк (вероятно, перечень задумок других сюжетов). Здесь нужно отметить упоминание названия «Седьмое небо» как чего-то отличного от «Страны магов».

СЕДЬМОЕ НЕБО СТАЖЕР

Сверхмальчик — человек, переселившийся в свое детство.

Что касается «Магов», то этот рабочий вариант заглавия оказался устойчивым и встречается в письмах и дневниках часто. Однако единственный дошедший до нас текст под таким названием — не более чем набросок в две с половиной страницы машинописного текста. Он несколько напоминает первую главу третьей части повести, и даже начинается точно так же — словами про звенящий будильник. Однако события описываются от третьего лица, героя зовут не Саша Привалов, а Толя Редькин, и ему в этот день предстоит защита диссертации. Телефонный разговор с Таней прямых соответствий в ПНвС вообще не имеет.

МАГИ I

Восемьдесят три процента всех дней в году начинаются одинаково: звенит будильник. Этот звон органически врывается в последние сны то длинной пулеметной очередью, то визгливым воплем «о-бя-зу-ем-ся!..» с трибуны профсобрания, то скрежетом когтей василиска, беснующегося в термостате.

В отягченный снами мозг Толи Редькина звон будильника «Дружба» на одиннадцати камнях, с изображением слоненка с поднятым хоботом, вошел гневными раскатами Кий Горыныча: «Дребедень!.. Белиберда!.. Дрянь!.. Переде-де-делать бр-р-редятину!» Толя застонал и, не раскрывая глаз, забил ладонью вокруг будильника.

Окно было залеплено серым пятнистым небом. Было холодно. По карнизу постукивая бродили голуби. Вокруг стеклянного абажура под потолком обессиленно мотались три мухи — должно быть, последние три мухи в этом году. Время от времени они вдруг принимались судорожно метаться, и Толя сонно подумал, что бедняги, наверное, пытаются вырваться из плоскости, через них проходящей, и посочувствовал им. Тогда две мухи сели на колпак, а третья — на полоску клейкой бумаги. Толя отбросил одеяло и попытался воспарить над кроватью. Как всегда, без зарядки, душа и завтрака это не удалось. Кроме того, он вспомнил, что сегодня защита, и тяжкий груз этой мысли вдавил его в диван-кровать с такой силой, что под ним задрезжалась, соскочив, какая-то пружина.

Толе не хотелось защищать диссертацию. Ему не нравилось быть актером. Он представил себе актовъ зал с потрескавшимися барельефами Дж. Бальзамо, Пифагора, доктора Фауста, магистр-академика всея Белья, Черныя и Серыя магии многознатца Ф. Пупкова-Заднего, представил себе послеобеденно позевывающих членов чародей-коллегии, ободрительно улыбающихся ребят, их расспросы о том, где будет банкет, корзину с цветами, которую волокут через кулуары, стол с красной скатертью, покрытой золотыми звездами и знаками зодиака, представил себя — в строгой черной ресторанной паре, скрывающей гусиную кожу и дрожащие колени...

Он сморщился, слез с дивана-кровати и вышел на середину комнаты. Для начала он набрал полную грудь прагмы, смешанной с сырым осенним воздухом, и подождал, пока прагма усвоится. При этом рекомендовалось думать о чем-нибудь радостном и светлом, и он размышлял о своей новой крахмальной рубашке, купленной вчера исключительно ради защиты. Затем он выдохнул сырой осенний воздух и принялся выполнять комплекс упражнений утренней гимнастики. Старая школа предписывала гимнастику йогов, но йога-комплекс так же, как и почти ныне забытый майя-комплекс, отнимал пятнадцать-двадцать часов в сутки, и с назначением на пост <президента> АН СССР Келдыша старой школе пришлось уступить. Молодежь НИИЧАВО смело сломала старые традиции. Выполнять прыжки на месте Толя отправился в ванную, чтобы не раскачивать люстру живущего этажом ниже полковника в отставке.

На сто пятнадцатом прыжке зазвонил телефон. Было восемь утра, и звонить могли только по ошибке. Толя продолжал прыгать. Но телефон звонил упорно и настойчиво, как будильник. Толя втянул живот, слегка напрягшись, повис в воздухе и вылетел в комнату. Он повис возле стола, вытянувшись горизонтально, и взял трубку:

— Алё?

— Спишь еще, Толик? — Это была Таня. — Доброе утро!

— Здравствуй, Танча, — грустно сказал Толя. — Нет, я не сплю.

— Всю ночь сидел?

— Нет, спал.

— А сейчас что делаешь?

— Парю, — сказал Толя вздохнув.

— Чего это ты?

— Ты думаешь, не надо?

— Да ну тебя! Слушай, Толик, я тебе вот что звоню. Толик, я сегодня не смогу прийти на твою диссертацию... — Толя молчал. — Ты же ведь не сердись, Толик? — Толя молчал. — Ну чего я там буду делать — скучища, а Женька «Волгу» напрокат взял...

— Может, хоть на банкет придешь?

— На банкет приду! Мы только сгоняем до Физок, ой, у нас такая компания подобралась: я, Женька, Галка, ты ее не знаешь, морячок один, офицер, с Дальнего Востока приехал в отпуск, веселый — ужас, вчера шампанское открывал ножом: стукнет и горлышко так и срежет. Так около нашего столика даже народ собрался... А когда у тебя банкет?

— В девять.

— Я, может, опоздаю, так я тебе позвоню. Ладно?

— Ну, ладно.

— Ты только не обижайся, Толик. Ни пуха тебе, ни пера.

— К черту, — мрачно сказал Толя.

— Ну, целую. Не скучай.

Толя повесил трубку, опустил на ноги и потрогал ухо. «Не хватает на защиту прийти с волосатыми ушами», — подумал он.

Этому наброску соответствует рукописный план, описывающий будущие сюжетные ходы и идеи. Что-то было в дальнейшем так или иначе использовано, что-то развития не получило. Название изменилось, но «Суета вокруг дивана» используется еще как заголовок всей книги, а не первой ее трети, да и следов будущей первой части в плане практически не видно. Название же «Понедельник начинается в субботу» придет позже, когда Авторы откажутся от идеи назвать так «Трудно быть богом» и переосмыслят трактовку названия — с печально-безнадежной на куда более оптимистическую...

Суета вокруг дивана

1. Гл<авный> герой — маг-аспирант, Анатолий Федорович Редькин. 25 лет.

Диссертация: «Материализация и нелинейная натурализация Белого тезиса как аргумента произвольной функции S не вполне представимого человеческого счастья».

Сердитый естественник, коему ясны мощь и возможности физики и математики, с одной стороны, и который остро сознает отставание магии, пользующейся до сих пор методами древними <— с другой>. Сознющий необходимость введения новых методов, но ему мешают старперы [иероглифы «с одной стороны»] и мелочи жизни [иероглифы «с другой стороны»]. Говорит: «Я человек, т. е. животное, и все животное мне, к сожалению, не чуждо».

Его друзья:

2. Магистр черной магии, член месткома, замзавотделом «Счастья и довольства». Понимает, что нужно отмежеваться от «довольства». По традиции, однако, делить нельзя.

Цыган Роман Петрович Ойра-Ойра. Напористый, злой, политик, готов на все для своего дела. Личные интересы для него на заднем плане. Непрерывно выдумывает все новые задачи, которые систематически отвергаются престарелым Ученым Советом.

А старики — дожить бы до следующего перевоплощения. Они не заинтересованы в ответственности и в новом деле.

О законе сохранения в магическом смысле.

3. Киномеханик Александр Дрозд. Самый счастливый человек. Девочки, кино, работает спустя рукава. Необычайное свойство: неизменно приводит Редькина в хорошее настроение. Здравый смысл. «Два дня в неделю работаю, и то не работаю».

Познакомились в Пулкове, где Редькин проходил стажировку для диплома по астрологии. Олицетворение среднего человека: сам не знает, что хочет.

Маг, поглощенный общественной работой. Занимается научной работой урывками. Остальное время — телепатические связи с разными организациями. В магах он держится благодаря исключительному человеколюбию. Магического в нем почти ничего не осталось.

Маги-карьеристы с поцарапанными от бритвы ушами.

Ученые:

1) выжившие из ума: оч<ень> престарелые и маститые; создал большой и эфемерный отдел, обреченный на развал по его перевоплощению;

2) маститый, увлеченно всю жизнь занимается ерундой. Изобрел брюки, всю жизнь занимается брюками во всех вариантах. Оч<ень> узкий специалист. Ученик: специалист по брючным пуговицам. Перламутровые пуговицы. Медные гербовые пуговицы для брюк 42 мм. Отвергли, но славой пользуется.

3) Честный крупный специалист. Но о чем бы ни зашла речь, он встает и говорит: эту идею я разработал еще в 1812 году. Ничего нового нет.

4) Аналог Соболева, Колмогорова — директор Янус, который растривается.

Молодые маги без инициативы. Медленно превращаются в счетные машины. У них уже жужжит в голове.

Маг, которого не могут выгнать. Два выговора. Волосат. На четвереньках. Лакает из блюда.

Отдел предсказаний. Профессор, специалист по гаданию на кофейной гуще. «Жулик он. Половину импорта браз<ильского> кофе себе забирает». Молодые за статистическое человечество.

Антр-нужник. Освобожденный предместкома. Беседует с людьми.

Секретный документ: «Перед прочтением сжечь».

Отдел вечной молодости: работают старцы от 150 до 300 лет. Молодежь к ним не идет. Старцы после 300 лет тоже уходят разочарованные.

Основа сюжета

1. Раннее утро. Подъем. Зарядка. Немного левитации. Завтрак. Выход на улицу.

2. Улица. Идет к Институту. Читает мысли людей и по молодости все время ошибается. Как себя должен чувствовать маг на улице? Входит в институт.

3. Институт. Краткая история. Описание отделов. Директор. Нет дверей.

4. Отдел счастья и довольства. Там идет заседание, посвященное технике безопасности. Ойра-Ойра монотонным голосом читает книжечку, которую ему дали под расписку. История Романа. Редькину тошно, он уходит.

5. Доска объявлений. Стенгазета (к 1 мая прошлого года). Отдел предсказаний. Дела отдела. Просит предсказать — говорят, что через 3 дня. «Машина нужна?» Тащится на свое рабочее место. Листает диссертацию. Рассматривает все схемы и чертежи,

приготовленные для защиты. Все там наврано, схемы закорочены. Но он знает, что всем наплевать. Большинство будет отдыхать. Вспоминает свою биографию.

6. История поисков Белого Тезиса. Суета вокруг дивана.

7. Обеденный перерыв. 1–2.

8. После обед<енного> пер<ерыва> в Институте никто не работает. Все расползлись. Тут заходит физик, друг Романа. Инспекция института. Критика.

9. Защита диссертации.

10. Банкет. Приглашен Саша. Саша привел девицу.

11. Вечером, возвращаются и беседуют.

В углу лаборатории стоит старая пыльная четверть с джином. Джинн сидит скорчившись и время от вр<емени> пытается протереть стекло изнутри.

Книга директора: «Уравнения математической магии».

Человек, притворившийся магом и сделавший карьеру. Все его терпеть не могут, но с ним не сладишь — бьет цитатами.

НИИЧАВО — НИИ чародейства и волшебства.

Симметричная женщина.

Темы работ:

1). Возможности умклайдета в ядерных превращениях.

2). Способ видения себя со стороны.

С т<очки> зр<ения> магов мракобес = догматик (мракобес от черной магии).

[Стрелка от «догматик».] «Антирелигиозная сущность постпифагорейской магии».

Приветствие магов: «Доброе завтра!»

На дверях отдела предсказаний кто-то уже двадцатый год пишет мелом: «Темна вода во облацех». Кто это делает — неизвестно. Подозревают домового, который некогда сбежал из-под стражи и скрывается в трубах парового отопления.

Работает Мерлин. Прочел доклад, где сравнивал дедовские и нынешние методы предсказания погоды и доказывал, что ни те, ни другие не годятся. Был обвинен в агностицизме и нигилизме. Но дела не двинулись.

Административные законы выше законов природы. Маги ничего не могут сделать против милиции.

Маленький набросок диалога, обыгрывающий слова «расстраивается — растраивается раздваивается», вынесен на отдельную страницу:

— Тут я смотрю — наш Янус расстроился...

— Раздвоился?

— Расстро... Не перебивай. Расстроился и раздвоился. У-Янус поплелся в лабораторию, а А-Янус — в кабинет.

А на обороте одной из страниц красным карандашом написано:

Список идей

1. Каждый человек — маг, если он мало заботится о себе и поглощен работой.

2. Что есть человеческое счастье?

3. Современный институт.

Сохранилась также страница, на две трети заполненная математическими выкладками, но содержащая и несколько рукописных строчек, относящихся к будущей повести. Судя по аббревиатуре «М», Авторы здесь по-прежнему используют название «Маги», однако подзаголовок с «научными работниками младшего возраста» уже придуман.

Без труда не выт<ащить> рыбки из пруда.

Не в свои сани не садись.

Семь раз отмерь, потом отрежь.

Насчет «М»: маг на распределении. У него перебивают студента п/я.

Фант<астическая> повесть для научн<ых> раб<отни>ков мл<адшего> возраста.

Авторы перешли от заметок и идей непосредственно к написанию повести в 1963 году, и делалось это в несколько этапов. Как следует из дневников, сначала была полностью написана первая часть, «Суета вокруг дивана», и лишь через несколько месяцев — все остальное.

Более или менее полных черновых материалов по первой части пока найти не удалось. В архиве Авторов обнаружен только рукописный черновик будущей пятой главы (про «суету вокруг дивана» как таковую). Здесь много совпадений с окончательным текстом, но немало и любопытных расхождений в крупных и мелких деталях. Повествование ведется от третьего лица, главного героя уже зовут Александр Иванович, но он пока что не имеет к НИИЧАВО никакого отношения, работает где-то в том же городе и уже достаточно давно живет в квартире на третьем этаже дома с печным отоплением. Видимо, некоторое время назад в эту квартиру случайно попал не совсем обычный диван, что неизбежно привело ко всяким странным событиям...

В комнате было жарко и душно. Александр лежал на диване и думал, что надо бы найти лампу взамен перегоревшей. Тогда можно было бы заняться чем-нибудь. Было скучно. Из приемника тянулась музыка, длинная и липкая, как паутина.

«В кухонном столе есть лампа, — подумал Александр. — Пойти, что ли, и взять. Ну ее к черту, все равно она, кажется, перегорелая. А если даже и не перегорелая, опять вечер к чертовой матери пропал».

В радиоприемнике захрипело и заклекотало.

— Вот я тебя, сволочь... — лениво сказал Александр. Он поднялся и стал шарить ногами тапочки.

Зазвонил телефон.

— Слава богу, — сказал Александр и радостно зашлепал в коридор.

— Алё!

В трубке молчало и потрескивало.

— Алё! — сказал Александр и подул в трубку. — Нажмите кнопку.

Ответа не было. Александр переступил с ноги на ногу и сказал проникновенно:

— Слушайте, девочка. Выберите кого помоложе для своих штучек.

Трубка молчала.

— Ну хорошо, так и быть, — сказал Александр. — Приезжайте. — И назвал адрес.

Трубка наконец грубо осведомилась:

— Это девятый цех?

— Да, — оживился Александр, — а что...

— Позовите Воронцову.

— Воронцова слушает, — со злорадством сказал Александр и повесил трубку.

«А не позвонить ли Валечке?» — подумал он. Он представил себе Валечку, плюнул и пошел обратно на диван.

Дивана не было.

Некоторое время Александр тупо стоял, рассматривая светлый квадрат пола и пачки старых газет.

«Только что был диван, — подумал Александр. — Я на нем лежал. Куда же он делся? И на чем я теперь буду лежать?» Он наклонился, стал ощупывать газеты и въехал руками в нечто.

— Вот паскудная кошка, — сказал он.

Он долго вытирал руки о газеты.

Он еще не совсем вытер руки, когда раздался звонок в прихожей. Александр открыл дверь и увидел перед собой невысокого, очень смуглого человека в белом плаще идеальной чистоты.

Смуглый человек вежливо приподнял шляпу и сказал просительно:

— Александр Иванович, вы не могли бы уделить мне пять минут для разговора?

— Прошу, — сказал Александр несколько растерянно.

Человек был ему абсолютно незнаком.

Незнакомец шагнул в прихожую и направился было в комнату, но Александр мягко удержал его.

— Извините, — сказал он. — Может быть, здесь? Пять минут — не время. А у меня там, знаете ли, ремонт. Сесть негде.

Незнакомец резко повернулся.

— Как? — сказал он. — А диван?

Было в этих простых словах что-то непростое.

— М-м, что диван? — сказал Александр.

Незнакомец смотрел на него блестящими черными глазами.

— Ах, вот как, — медленно сказал он. — Я опять опоздал. Ну что ж, извините.

Он снова вежливо приподнял шляпу и решительно двинулся прямо в дверь клозета.

— Куда вы! — закричал А<лександр>. — Не туда!

Незнакомец, не оборачиваясь, махнул рукой и, сказав: «А, не все ли равно», — скрылся за дверью. А<лександр> зажег свет в клозете и кинулся вслед. В клозете никого не было. Александр в изнеможении опустился на стульчак.

«В этом диване что-то есть», — думал А<лександр>, лежа на старых газетах. Свежеввернутая лампочка ярко озаряла картину ужасающего запустения, образовавшегося вследствие поисков дивана.

«Я давно чуял, что с этим диваном не все в порядке. Во-первых, в нем почему-то не заводятся клопы. Во-вторых, сны на нем какие-то странные. Давеча снилось вот, что ем Валечкину ногу. Или беседую я с шефом, а у него три глаза. Ну до чего изумительная цепь событий. Сначала бесшумно прут диван, а потом приходит какой-то мазурик, тоже явно ради дивана, и бесследно исчезает в уборной. А может, это тоже сон, — неожиданно подумал А<лександр>. — Нет, не сон. Слишком жестко. Интересное будет кино, если и другая мебель исчезнет. Жрать на полу придется. Как собаке. И в милицию-то не заявишь». Ему стало очень жалко себя.

Он перевернулся на спину и принялся подтыкать под бока пухлые реферативные журналы.

И тогда он увидел Маленького Человечка. Маленький Человечек сидел на печке, скрючившись в очень неудобной позе. У него было сморщенное небритое лицо и длинные волосатые уши.

— Вам кого? — с интересом спросил А<лександр>.

Маленький Человечек страдальчески искривил губы.

— Я насчет дивана, — сказал он тихо.

— Насчет дивана вы опоздали, — сказал А<лександр> сочувственно. — Сами видите, валяюсь как собака.

— Вижу, — тихо сказал Маленький Человечек и неуклюже заворочался. Посыпалась известка.

— Вы бы слезли, — сказал А<лександр>, — там же неудобно.

Маленький Человечек неуверенно посмотрел вниз.

— Может быть, вам помочь? — спросил А<лександр>, делая движение.

— Нет, спасибо, — сказал М<аленький> Ч<еловечек> уныло. — Я сам.

Он оттолкнулся от печки и начал медленно опускаться вниз, судорожно растопырив руки и ноги.

А<лександр> с открытым ртом следил за ним. М<аленький> Ч<еловечек> наконец коснулся пола и сел, скрестив ноги. Лицо его блестело от пота.

— Стар стал, — сообщил он хрипло. — Пару веков назад за такой спуск меня бы лишили диплома, можете быть уверены, А<лександр> И<ванович>.

— А что вы кончали? — с интересом осведомился А<лександр>.

М<аленький> Ч<еловечек> вытирал лицо большим клетчатым платком.

— Раньше я левитировал как Зекс, — сказал он. — А теперь, простите, не могу вывести растительность на ушах. У нас многие обрастают к старости. И это очень неопрятно. Но тут нужен истинный талант. Пока мы молоды, мы только ремесленники. А истинный талант прорезывается к восьмому-девятому веку. — Александр ущипнул себя за ногу. — Возьмите корифеев. Жиан Жиакомо, Кристобаль Хунта, Джузеппе Бальзамо или, скажем, Пупков-Задний, Федор Семенович. Никакой растительности. — М<аленький> Ч<еловечек> торжествующе посмотрел на А<лександра>. — Никакой! — повторил он раздельно. — Но это, конечно, гиганты. Гладкая кожа, изящество, стройность.

— Позвольте, позвольте, — сказал А<лександр>. — Вы сказали — Джузеппе Бальзамо. Но это же граф Калиостро. Говорят, он был толст и очень неприятен на вид.

М<аленький> Ч<еловечек> с сожалением посмотрел на А<лександра> и громко высморкался.

— Вы, А<лександр> И<ванович>, просто не в курсе дела, — сказал он. — Граф Калиостро — это не совсем то же самое, что великий Бальзамо. Это его копия. Джузеппе трансидировал самого себя, но очень неудачно. Никогда не говорите, что граф Калиостро и Бальзамо — одно и то же лицо. Попадете в смешное положение.

А<лександр> был убит.

— А при чем здесь мой диван? — спросил он робко.

При слове «диван» М<аленький> Ч<еловечек> вздрогнул.

— Ох, я тут с вами заболтался, — сказал он. И встал. — Я пойду, А<лександр> И<ванович>. Простите, я вам там немножко известку... Старый я, А<лександр> И<ванович>, старый. — Он тяжело вздохнул и пошел к окну.

— Э-э-э, — сказал А<лександр>. — Знаете, там высоко. Третий этаж.

М<аленький> Ч<еловечек> остановился.

— Да, — сказал он, — пожалуй, я спущусь по лестнице.

— А может, вам удобнее будет это... через клозет? — посоветовал А<лександр>. — Тут до вас приходил один товарищ, так он воспользовался.

— Такой смуглый, в белом? — спросил М<аленький> Ч<еловечек>.

— Ага.

— И, батенька, — сказал М<аленький> Ч<еловечек>. — Так то был Кристобаль Хунта. Он так всегда. Ему просочиться через три этажа... — М<аленький> Ч<еловечек> горестно махнул рукой. — Где уж нам. Мы уж по лестнице, по ступенечкам, да чтоб не очень круто было. До свидания, А<лександр> И<ванович>.

М<аленький> Ч<еловечек> с видимым усилием прошел сквозь стену и исчез.

— Прелестно, — сказал А<лександр>. — Молодец диван. — А<лександр> вдруг поднялся и сел, опираясь руками в пол. — Пардон, — сказал он, — а ведь, наверное, и еще придут. Скажем, этот Задний-Проходов, Федор Семенович. Надо, пожалуй, подмести, и вообще.

Он встал и пошел в кухню за шваброй.

Александр, наступив двумя ногами на газету, сгрэбал на нее кучу мусора. Посередине комнаты было относительно чисто, стулья он поставил поближе к печке и вытер с них пыль. Он сложил стопкой книги на столе и поправил картину с видом Эльбруса, которую в прошлом году косо повесил на стену, будучи в пьяном виде. Навалив мусор на газету, он поднял ее за уголки. Газета оказалась ему очень тяжелой. Он пнул ногой дверь, и в тот же момент газета прорвалась, и что-то глухо стукнуло об пол. Александр развел локти и посмотрел вниз. На полу лежал маленький блестящий

цилиндрик. Ал<ександр> тронул его ногой. Цилиндрик тяжело покатился, и А<лександру> показалось, что из него брызнул снап разноцветных искр. А<лександр> аккуратно положил газету на пол и поднял цилиндр. Цилиндрик был очень гладкий и теплый на ощупь. А<лександр> тихонько постучал по нему ногтем, и снова ему показалось, что вспыхнули и мгновенно погасли разноцветные искры.

— Э, — подумал А<лександр>, — а цилиндрик-то не простой. Может, он был в диване?

Он повернул цилиндрик, чтобы посмотреть на него с другой стороны, и почувствовал в ту же секунду, что земля уходит у него из-под ног. Все перевернулось перед глазами. Он больно ударился обо что-то пятками, потом плечом и головой и выпустил из рук цилиндр. Некоторое время он не мог прийти в себя, а когда очнулся, то обнаружил, что лежит в узкой щели между печкой и стеной. Кряхтя, он выполз на четвереньках на середину комнаты и выпрямился.

Сильно болело плечо. Абажур над головой раскачивался, и, подняв глаза, А<лександр> с изумлением обнаружил на потолке рубчатые следы тапочек. Тогда он осмотрел свою подошву. На ней был мел.

— Однако, — сказал он вслух. — Надо быть осторожнее. Не просочиться бы через три этажа.

Он поискал глазами цилиндр. Цилиндрик стоял, касаясь пола только одним краем, в положении, исключающем всякую возможность равновесия. Из верхнего доньшка его ярким каскадом сыпались искры.

А<лександр> осторожно подошел поближе и присел на корточки. Цилиндрик сыпал искрами и тихонько покачивался.

А<лександр> долго смотрел на него, вытянув шею, потом осторожно тронул его пальцем. Цилиндрик качнулся сильнее, чуть наклонился, в ту же секунду раздался хриплый клекот, и А<лександра> обдало ветром. Он оглянулся и сел на пол. На шкафу аккуратно складывал крылья огромный гриф с голой шеей и загнутым клювом.

Орел вел себя мирно. Он распустил крыло и щелкал клювом у себя под мышкой, изредка вопросительно поглядывая на А<лександра>.

«Нельзя оставлять эту штуку на полу, — подумал А<лександр>. — Задену, еще какая-нибудь тварь появится. Хорошо, если кошка или собака, а вдруг что-нибудь вроде анаконды». Он с величайшей осторожностью поднял цилиндрик и понес его к письменному столу, стараясь не дышать. Установив его в том же положении посредине стола, А<лександр> накрыл его банкой с засохшими остатками кабачковой икры и в изнеможении повалился на газеты. Орел щелкнул клювом и повернул голову. В свете лампы его перья отливали медью. Здоровенные когти глубоко впились в дерево шкафа. Он смотрел на А<лександра> не мигая.

«Не пойти ли мне спать в прихожую, — подумал А<лександр>. — Это уже слишком. Ну ее к черту, эту птичку. А завтра позвоню в зоопарк». Он поднялся, стараясь не поворачиваться к орлу задом, и стал собирать газеты.

— Напрасно вы это сделали, А<лександр> И<ванович>, — сказал за его спиной приятный мужской голос.

— Что именно? — спросил А<лександр> не оборачиваясь. Он уже привык.

— Напрасно закрыли банкой умклайдет.

А<лександр> обернулся и посмотрел на цилиндрик.

— Вы про эту штучку? — спросил он.

— Да, про умклайдет. С ним нужна большая осторожность.

— Поэтому я его и закрыл банкой, — сказал А<лександр>.

В комнате никого не было.

— Да вы заходите, заходите, товарищ. Чего уж там.

— Благодарю вас, — сказал голос.

Рядом со столом медленно сконденсировался бледный, очень корректный человек в превосходно сидящем сером костюме. Несколько наклонив голову набок, он осведомился с приятнейшей улыбкой:

— Смею ли я надеяться, что не побеспокоил вас?

— Ни в коем случае, — горячо сказал А<лександр>.

Новый незнакомец очень ему нравился.

— Прошу вас, садитесь, будьте как дома. Я сейчас чайку...

— Благодарю вас, — сказал незнакомец и сел, изящным жестом поддернув брюки.

— Что касается чайку, то, простите, А<лександр> И<ванович>, я только что ужинал.

Некоторое время оба с приятными улыбками созерцали друг друга. Потом А<лександр> спохватился:

— Да, ведь вы, вероятно, насчет дивана. Дивана нет. Мне очень жаль, но...

Изящный незнакомец всплеснул ручкой.

— Ах, пустяки, — сказал он. — Так много шума из-за какой-то, простите, ерунды. Посудите сами, А<лександр> И<ванович>, устраивать беготню, беспокоить людей из-за девятого белого тезиса, который абсолютно алломорфен. Правда, я даже не хочу говорить об этом диване.

— Как вам будет угодно, — сказал А<лександр>, сконцентрировав в этой фразе все свое хорошее воспитание. — Тем более что, как легко видеть, — говорить в общем-то не о чем.

— Да, конечно, — рассеянно сказал незнакомец. Глаза его вновь обратились к цилиндрику в банке. — Однако, А<лександр> И<ванович>, я бы осмелился все-таки просить вашего разрешения убрать эту банку. Дело, видите ли, в том, что стекло абсолютно не пропускает прагму. Умклайдет может испортиться.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал А<лександр>. Он двинулся было к столу, чтобы убрать банку, но тут с изумлением заметил, что банки нет. Цилиндрик стоял в лужице серебристой жидкости, похожей на ртуть. Жидкость быстро испарялась.

— Так будет лучше, уверяю вас, — сказал незнакомец. — Однако вам, А<лександр> И<ванович>, лучше не трогать умклайдет. Я вижу, вы ушиблись, и этот орел... Вы, я думаю, почувствуете... э-э... запах.

— Да, — сказал А<лександр>. — Воняет гадостно.

Он посмотрел на орла. Орел, нахохлившись, дремал.

— Искусство управлять умклайдетом, — сказал незнакомец, — сложное и тонкое искусство, А<лександр> И<ванович>. Вы не должны огорчаться или упрекать себя. Управление умклайдетом осуществляется нежными прикосновениями душевной силы. А это дается только на третьей ступени совершенства. А что касается вас, А<лександр> И<ванович>, то... — Он виновато развел руками.

— Конечно, конечно, — поспешно сказал А<лександр>. — Я ведь и не претендую.

Стараясь держаться очень изящно, он присел на стул рядом с незнакомцем.

— Однако могу ли я узнать, чему я обязан приятностью этой встречи?

Незнакомец опять всплеснул ручкой.

— Любопытство, — сказал он. — Исключительно любопытство, уважаемый А<лександр> И<ванович>. Я рискнул показаться неделикатным для того лишь, чтобы увидеть, чем кончится эта суета вокруг дивана и белого тезиса. Я умоляю, вы должны меня понять. Мне очень хочется узнать, чем все это кончится.

«Мне тоже, — подумал А<лександр>, — однако о чем мне с ним беседовать?»

Незнакомец немедленно поднялся.

— Боюсь, я уже стеснил вас, — сказал он. — Разрешите мне удалиться.

— Что вы, что вы, — закричал А<лександр>. — Оставайтесь.

— Нет, нет, — сказал незнакомец. — С вашего позволения я удаляюсь. Было исключительно приятно познакомиться с вами.

Он начал бледнеть, бледнеть и медленно растворился, оставив после себя легкий запах дорогого одеколона. А<лександр> крякнул с досадой. «Черт невежливый, — подумал он. — Все-таки меня отвратительно воспитали». Он посмотрел на орла. Орел спал. «Завтра я тебя, сукина сына, в зоопарк», — свирепо подумал А<лександр> и принялся устраиваться на журналах.

Его разбудил шум крыльев и неприятный клекот. В комнате стоял странный голубоватый свет. Орел на шкафу махал крыльями и гнусно орал.

А<лександр> сел и огляделся. Около стола, наклонившись над цилиндром, парил в воздухе здоровенный детина в тренировочных брюках и ковбойке. Не прикасаясь к цилиндру, он плавно помавал над ним огромными красными лапами.

— Что вам надо? — сердито спросил А<лександр>.

Детина мельком взглянул на него через плечо и снова отвернулся.

— Это же свинство, — сказал А<лександр> раздраженно. — Мне завтра на работу.

— Всем на работу, — сипло отвечал детина не оборачиваясь. Он кончил свои пассы и взял цилиндр со стола.

— Прошу не лапать, — угрожающе сказал А<лександр> и встал.

Детина посмотрел на него, выпятив челюсть.

— Тебя не спросили, — угрюмо сообщил он.

— А я говорю, не лапай, — сказал А<лександр> и подтянул трусы. «Дать ему в рыло, так побьет все на столе», — подумал он.

Детина нехорошо усмехнулся.

— Чего ты развонялся, — сказал он. — Твой, что ли, умклайдет?

— А может, твой? — спросил А<лександр>.

Детина опустился на пол и, прочно уперев ноги, принял стойку.

— Мой, — сказал он.

«А парень-то не дурак подраться», — подумал А<лександр>. И тут его осенило.

— Если твой, значит ты упер диван?

Детина молча развернулся, но тут в комнате появились еще двое, толстый и тощий.

Толстый сразу же завопил тонким голосом:

— Так, значит, вы утащили диван? Какая неслыханная наглость!

— А кто докажет? — нахально заявил детина.

— Грубиян, — закричал толстый. — Нахал. Будете отвечать перед съездом.

— Не ваша это забота, — заявил детина. — Не вам отвечать.

— Не смейте разговаривать со мной в таком тоне. Вы мальчишка. Вы сопляк. Вы неуч. Вы забыли здесь умклайдет. Молодой человек мог сильно пострадать.

— Я уже пострадал, — вмешался А<лександр>. — Дивана нет, сплю как собака, этот орел вонючий.

— Да, я вам очень сочувствую, — сказал толстяк, поворачиваясь к нему. — Я готов принести от имени съезда любые извинения, которые вас удовлетворят. Это неслыханный случай. Такого наглого вмешательства в дела смертных не было уже шесть веков. Вам должно быть стыдно. — Он снова повернулся к детине.

Детина угрюмо запихивал умклайдет в рот.

Тощий вдруг сказал тихо и угрожающе:

— Вы сняли тезис?

Детина мрачно кивнул.

— Извольте следовать за нами, — сказал тощий.

— А диван ему что, вернуть? — спросил детина.

Толстяк взорвался.

— Негодяй, — взвизгнул он. — Он еще спрашивает! Какая наглость!

— Вы не очень-то разорайтесь, — угрюмо сказал детина. — Лучше бы уши побрили.

Толстяк охнул негодуя и взмахнул руками. С кончиков пальцев у него сорвались две голубые шаровые молнии и с грохотом лопнули у самого лица детины. Детина отмахнулся от них, как от назойливых мух.

— Не надо, Люкс, — тихо сказал тощий. — Съезд решит. Идите вперед, — сказал он детине.

Детина повернулся и шагнул в стену. Толстяк устремился за ним. Тощий повернулся к А<лександр>.

— Мы очень просим извинить нас, — сказал он. — Вы можете быть уверены, это не повторится.

Он кивнул и двинулся к стене. А<лександр> оглядел комнату и увидел, что диван стоит на месте, а орел со шкафа таращит на него свои маленькие глазки.

— Орла, — закричал А<лександр>. — Орла заберите, вместе с запахом.

Тощий, уже наполовину вошедший в стену, повернулся и поманил орла пальцем. Орел шумно сорвался со шкафа и втянулся тощему под ноготь.

Тощий исчез в стене. Голубой свет медленно померк, стало темно.

А<лександр> нащупал в темноте диван и сел. «Ну вот и все, — подумал он грустно. — Жаль. Хороший был вечер». Он посидел немножко, размышляя, что же такое белый тезис, и почему из-за него поднят такой шум, и как он попал в диван, и почему именно в диван, а потом встал и включил свет.

В комнате было непривычно чисто и, если не считать этой чистоты, все осталось по-прежнему. Только немного пожелтела бумага на столе, там, где стоял цилиндр, и на потолке дико и нелепо темнели рубчатые следы спортивных туфель.

Сохранился также подробный план повести, представленный на двух страницах машинописи со следами обильной правки и во многом совпадающий с канонической «Суетой вокруг дивана».

ИЗНАКУРНОЖ. СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНА

Гл<ава> 1.

Объяснение обстоятельств. Объявление по поводу квартиры. Звонок Наины Яги-Баяновой. Внешний вид домика, внутренний вид домика, хозяйка, «Хорома-запасник», зеленый дуб, чешуйки с дерева. Вопрос о цыканье зубом.

Гл<ава> 2.

Скатерть-самобранка. Пришел усталый, забыл купить поесть, спит, проснулся — жрать хочется. Вспоминает и цыкает. Бабка приносит вспомненное, зла страшно. Еще совпадение. Он наивно хвастает, что как раз об этом думал. Она: «Вы же говорили, что не цыкаете». Колода, где выходит дама пик.

Гл<ава> 3.

Утром диван отодвинут от стены. За ним валяется пара резиновых сапог. Неразменный пятак. В сдаче с платы старухе. Медью пять рублей. Обнаруживает, что в кармане всегда есть пятак. Дело в субботу. Жарко. Ходит по городу, потеет и пьет воду. Эксперименты с пятаком. Все воскресенье. Проходит мимо НИИЧАВО — забор, входа нет. Вечером игра в волейбол, обменивает джинсы, пятак утрачен.

Гл<ава> 4.

Понедельник. Ливень, грязь. У него только сандалии. Вспоминает про сапоги. Сандалии заворачивает, надевает. Сапоги действуют, только когда бежит. За троллейбусом. Ужас. Стоит босой с сапогами в руках. Возвращается, бабка ругается. Ничего не говорит, только ворчит, чтобы не трогал, что не положено. На работу опоздал. Все думает. Телефонный разговор — бабку вызывают на шабаш. Ломает голову, вдруг

старуха за стеной запела: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мяса поемши...» И его тогда озаряет. Погода ясная, он едет наблюдать. Всю ночь. Следующий день отгул.

Гл<ава> 5.

Приспнул. Затем эпизод с котом и дубом зеленым. Листва густая. Русалок не видно. Идет на кухню беседовать со старухой. Старуха неохотно разговаривает. Бродит по двору, подходит к колодцу. Освобождает щуку. «Может, съедете?» — «Нет, не съеду». — «Ну живите, а то есть, которые съезжают. Не выдерживают». Рассказ щуки. Бабка уезжает на Лысую гору.

Гл<ава> 6.

Вечер, нашествие волшебников, суета вокруг дивана.

Гл<ава> 7.

На работу, скандал с шапкой-невидимкой. Твердо решает обо всем дознаться. Начинает осмотр дома. У старухи в комнате настоящий магазин старых вещей. Подергал дверь. Зеркальце говорит на староанглийском (старонемецком) языке. Осмотр музея. Возвращается обалдевший. В сенях отчаянное кудахтанье. Курочка-ряба снесла золотое яичко.

Гл<ава> 8.

Появление комиссии по проверке бабкиной деятельности. Нарекания и выговоры за использование служебного помещения в качестве жилого фонда. Предлагают выселиться. Он печально собирает вещи. Член комиссии предлагает переходить в их институт.

В главу 6 добавлен эпиграф:

— Вы верите в привид<ения>? — спросил завклубом лектора из общества «Знание».
— Конечно, нет, — ответил тот и медленно растаял в воздухе.

На полях первой страницы дописано:

Помощник Младшего Куратора Заместителя Председателя.

Расширенный шабаш.

Обсерватория ли? Может, что-нибудь неважное? Невдохновляющее? Из мещан в науку... Может, как у Кафки? «Приехал, получив назначение в Учреждение».

На второй странице после машинописи идет рукописное дополнение:

Приворотное зелье.

— Но почему о вас никто не знает? Нет ни газет, ни статей...

— Все равно никто не поверил бы. Петь «сказку сделать былью» это одно, но не всем сказка, претворенная в быль, нравится. Скажут: мистицизм и прочее.

Ввести бы сцену на кладбище:

— Много людей похоронены здесь. Одни потому, что они хорошие, другие потому, что плохие, но все потому, что мертвые.

Как видим, здесь герой тоже не приезжает в Соловецк извне, а уже здесь работает — возможно, в обсерватории. Но волей неизвестных нам обстоятельств он вынужден встать на постой к хозяйке Изнаурунож. Во всяком случае, на карте-схеме города Соловца (см. с. 5 вклейки) обсерватория имеется. Находится она, что интересно, прямо на Лысой Горе, которая сначала

была названа Круглой. Есть на карте некое Лукоморье и ведущая к нему улица Лукоморская с неперенной Изнакурнож. Есть также Белое море, река Солова, безымянное озеро, центральная улица Мира, вокзал, Парк Культуры, соседние поселки и всякие другие части города и окрестностей.

К первой части относится и исписанный с двух сторон лист, содержащий список всевозможных сказочных реалий, а также некоторые сюжетные наброски.

1. Ковер-самолет — висел в комнате на стене. Ремонт, стали снимать — а он прилепился к потолку.

2. Скатерть-самобранка — молодой астроном-тунеядец. Попала к нему скатерть. Думал — теперь заживу припеваючи. Ан нет! Без работы не жизнь.

3. Неразменный пятак — накопить на телевизор со сдачи в четыре копейки.

3-а. Испорченная шапка-невидимка. Перестает быть видна одежда.

4. Сапоги-скороходы.

5. Щука — слепая, старая, всем должна, потому что непрерывно попадаетея и все ее выпускают за три желания.

6. Помело, ступа.

7. Курочка-ряба с золотыми яичками.

8. Голубиная книга (два разрозненных тома).

9. Домовой.

10. Избушка на курьих ножках — без окон, без дверей, окна нарисованы.

К нумерованному списку добавлены записи: «меч-кладенец», «борода Черномора», «зуб вурдалака», «зуб графа Дракулы».

Святая вода (святость 40°, допускается осадок, хранить в сухом месте).

Зал истории русской магии.

Храните деньги в сберкассе.

Баба-Яга Костяная Нога.

Покатаюся-повалюся, Ивашкиного мяса поевши.

Изба-музей истории русской магии.

Бабка развела чертей.

Сбоку также дописано: «Запасник», «Жар-птица», «Серый волк», «водопровод: вода горячая, хол<одная>, живая, мертвая». На следующей странице заметки продолжаютея:

Скелет Змея-Горыныча.

Предполагаемый вид Змея-Горыныча.

(Схема работы огнедышащей железы средней головы.)

Чучело Конька-Горбунка.

Хорома-запасник.

Стартовая площадка для ступы. Ступу исследовали — собрали и разобрали, не летает.

На такси на шабаш. А до Лысой горы 9 рубликов в один конец.

Гипсовая отливка, на ней два следа: след обыкновенный, след вынутый. Разницы нет.

Дерево: «Дуб зеленый» (осень, дуб желтый).

Из «Комментариев» БНС: «Первая часть будущей повести образовалась — не прошло и трех лет. Однако до полного текста было еще далеко. Сохранилось довольно много заметок, набросков, хохмочек и идей того времени».

Многое из сохранившегося представлено в дневниках Авторов. Рассмотрение остального начнем с подготовительных материалов для будущей второй части. Вот заметки по сюжету и названия нескольких отделов института:

Книга Судеб.

Отдел вечной молодости.

Вычислительный центр.

Отдел предсказаний и пророчеств: «группа гадания».

АХО — ифриты, волосатый гном, людоед.

Отдел абсолют<ного> знания (командировки в бесконечность).

Отдел личного счастья (Выбегалло).

Корнеев.

Отдел превращений — центральный отдел института: вырвать у природы все для человеческого счастья.

О дублях.

Корнеев притворяется дублем.

Гонит Корнеева.

Идет обратно — опять институт полон голосов и гомона — идет работа.

Пытаются гнать — хватают, требуют, чтобы он посчитал.

Вой ублюдка.

Поперек верхней части списка дописано: «В предыдущую главу — рассуждение о глупости Выбегалло. Коммунизм — отдельная дача, забор и пр.»

На другой стороне того же листа — список из десяти персонажей. В основном эти имена перейдут в окончательную редакцию. Нет пока имени у завкадрами (это будущий Кербер Псоевич Демин), а Федор Симеонович еще не Киврин, а Пупков-Задний. От главного героя по имени Анатолий Редькин Авторы отказались, теперь эту фамилию носит совсем другой человек — привычный нам Магнус Федорович.

1. Федор Симеонович Пупков-Задний.
2. Кристобаль Хозевич Хунта.
3. Профессор-герой Выбегалло Амвросий Амбруазович.
4. Ойра-Ойра.
5. Корнеев.
6. Модест Матвеевич Камноедов.
7. Молодая ведьма-практикантка.
8. Мерлин — борец с империализмом янки.
9. Магнус Федорович Редькин (толстый).
10. Завкадрами (тощий) — непрониц<аемый> человек.

Другая страница с заметками относится, видимо, к тому же периоду работы. На одной ее половине — список глав второй части с очень кратким (иногда одним словом) пояснением содержания. Номера глав 5 и 6 связаны кружком вместе — в окончательной редакции ПНВС они действительно составят единую главу.

Гл. I. Маги.

Гл. II. Институт.

Гл. III. Корнеев и Ойра-Ойра.

Гл. IV. Упырь голодный.

Гл. V. Утро, вывоз упыря подалее.

Гл. VI. Эксперимент.

Текст поперек другой половины страницы — это главным образом перечисление отделов НИИЧАВО и некоторых их руководителей. Многие названия хорошо знакомы читателям повести, только пока записаны с маленькой буквы. Отдел линейного счастья первоначально назывался «отделом простого счастья и довольства», но затем название поправлено. (Видимо, это происходило уже на стадии работы над полным черновиком второй части, куда внесена такая же правка.) А вот отделу Выбегаллы Авторы, что интересно, название так и не подобрали.

Фигурировали в разных заметках «полное счастье», «единое счастье», «личное счастье», в конечном же счете отдел остался безымянным.

1. Заговорить демонов.
2. Отдел линейного счастья. Пупков-Задний.
3. Отдел смысла жизни. Крестобаль Хунта.
4. Отдел единого счастья. Выбегалло.
5. Отдел предсказаний и пророчеств.
6. Отдел недоступных проблем (Янус — фактич<ески> Ойра-Ойра).
7. Отдел всевозможных превращений (Жиакомо — Корнеев).
8. Отдел оборонной магии.
9. Виварий.
10. Отдел кадров.
11. Хоз<яйственный> отдел.
12. Библиотека.
13. Отдел вечной молодости.
14. Отдел абсолютного знания.
15. Вычислительный центр.

О процессе работы над повестью позволяют судить и другие рукописные заметки:

1. Саша дежурный в новогоднюю ночь по институту. Обходит ин<ститу>т, никогда раньше не оставался в ин<ститу>те один, собств<енно> не один: если говорить о разумной или околоразумной жизни, то ин<ститу>т ею полон. Обходит и смотрит.

2. Новообразный ублюдок позавчера попал в милицию. Это опытный экземпляр абсолютно неудовлетворенного человека.

«Не проходите мимо». Снимки в инфракрасных лучах шабаша на Лысой горе.

В новог<однюю> ночь Корнеев спер диван и работает. Саша его ругает.

1. Новогодняя ночь, Саша обходит институт.
2. Бунт голодного ублюдка.
3. Полигон, катастрофа с полностью удовлетворенным.
4. Ученый совет и посрамление счастья.

Молодые: Понедельник начинается в субботу.

Старцы: Воскресенье начинается в понедельник.

Хома Брут с Виём в обнимку.

n-2.

n-1. Создание модели ублюдка в рамках голода, лопнувшего от обжорства. Обсуждение результатов эксперимента (человек не может быть счастливым вообще; чем больше жрет, тем более хочется; вывод о недостижимости счастья; другие считают, что это потому, что счастье достигалось только по одной координате; но Александр как объект экспериментов — не изменился. Отсюда вывод: счастливые люди возможны).

n. Эксперимент на полигоне, катастрофа с гомункулусом, подвиг Ойры-Ойры.

А вот еще уточнения сюжета второй части. Упоминание страниц 73 и 83 позволяет предположить, что на этом этапе существовал уже некий черновик всей повести с единой пагинацией.

В отделе Абс<олютного> Знания все были заняты выдумыванием различных способов передвижения во времени, большей частью спекулятивных. Некогда один создал

Истинную Машину Времени, в первом же пробном путешествии отстал от нашего века и болтался теперь где-то в мирах, идущих в нескольких часах от нашего.

Стр. 73. Щит Джян бен Джяна.

Стр. 83. О чуде.

1. Выбегалло разглагольствует — только разнообразие материальных потребностей дает разнообразие духовных. Магнитофон и т. д.

2. Рассказ Выбегалло о том, что будет завтра.

3. Дискуссия по поводу абсолютного потребителя (универсального потребителя).

4. Роман предлагает всем выйти.

5. Взрыв.

— Одним счастливым человеком (потребителем) стало меньше.

Но это что, а вот завтра!..

1. Сон с фокусами.

2. Завтрак, из кот<орого> не выпутаться.

3. Выбегалло, Хунта, Пупков-Задний, Янус, Жиакомо, Ойра-Ойра. Спор о месте опыта. Предсказания Януса.

4. Переноска контейнера гекатонхейрами; проверка демонов.

5. Разговор с Витькой.

6. Полигон.

И еще одна страница заметок по отдельным сюжетным линиям второй части:

Подвал института: вурдалаки на цепи, на искусственных могилах гложут кости. Один меня хватает за ногу, хрипло кричит: «Ребята, с кем на троих?»

Гарпии.

Упрощенная модель удовлетворенного гомункулуса с пищевыми рефлексамии. Только жрет и жрет, потом лопается со страшным грохотом.

РВК-М1 — полностью неудовлетворенный гомункулус — модель Иова. В милиции.

Полностью удовлетворенный — сворачивает пространство, Ойра-Ойра вмешивается и спасает город.

Книга судеб с опечатками. Миллиарды томов, до буквы Ъ, в 4-м измерении.

Колесо фортуны. Используется для питания генератора.

Заметка о Колесе фортуны сопровождалась авторским рисунком (см. с. 8 вклейки).

Отдел оборонной магии. Захирел после 1-й мир<овой> войны. Толстые пыльные папки с надписями: «Перед прочтением сжечь». У входа стоит солдат в петровском мундире с мушкетом. Орет, выкатывая белки: «А ну, пр-р-роходи! Не велено!» Все проходят в помещение. Единственный сотрудник. Занят исслед<ованием> вопроса: бросать бутылки с джиннами, просидевшими более трех тысяч лет, в неприятельские города.

К раннему периоду работы над черновиком третьей части относятся следующие заметки:

1. Утро, встание, зарядка.

2. Семинар в отделе Абс<олютного> Знания.

3. Сцена у дохлого попугая (Я, Роман, Янус).

4. Сожжение.

1. Стенгазета.

2. Живой попугай, умирает.

3. Разговор о попугае в маш<инном> зале.
4. История об авторучке.
5. История о «портсигаре».

1. Живой попугай, разговоры с ним.
2. Гипотеза о Янусе.
3. Гипотеза о тунг<усском> метеорит<е>.

Почти все здесь, за исключением пары пунктов с «историями», достаточно точно совпадает с содержанием третьей части в окончательной версии повести.

Что касается «истории об авторучке», то сохранилась любопытная схема перемещений во времени (см. с. 6 вклейки). Собственно, схем на этом листочке две. Первая из них относится к попугаю, там даны пояснения: «вижу живого», «вижу дохлого», «издох», «вижу живого», «сожгли», «вижу дохлого». Во второй схеме поясняются какие-то совсем другие события: «ручка у меня», «потерял, я нашел», «оставил дома». И если с попугаем все достаточно очевидно, то схему с ручкой ни другие сохранившиеся черновики, ни письма и дневники Авторков не проясняют.

В мае 1964 года были подготовлены черновики второй и третьей частей, которые первоначально назывались «Ночь перед рождеством» и «О времени и о себе». Эти рукописи содержат множество любопытных дополнительных сведений и о самом НИИЧАВО, и о населяющих его персонажах. Немалая часть этого материала была включена в восстановленный текст повести. Ниже будет рассмотрено преимущественно то, что осталось только в рукописи.

Как уже отмечено, Авторы не сразу определились с фамилией Федора Симеоновича и с названием его отдела. И в черновой машинописи фамилия сначала указана прежняя — Пупков-Задний, но затем рукописно исправлена на Киврина. Отдел Простого Счастья и довольства после рукописной правки становится отделом Линейного Счастья. Описание Федора Симеоновича первоначально было менее привлекательным: «...в приемную, отдуваясь, багровея и колыхая чревом, вдвинулся знаменитый...» Впрочем, в черновике приводилось и мнение Привалова: «Он был единственный из старых, кого я любил». И биография Пупкова-Заднего первоначально была несколько другой: «...при Петре Алексеевиче, царе Великом, он было возвысился как знаток химии и довольно долго работал в Пробирной палате, но чем-то не потрафил Александру Даниловичу Меншикову и попал на каторгу на Демидовские заводы...» Там же было высказано мнение самого Киврина об институте: «...все-таки ночь п-под Новый год, т-тут, в этом клоповнике, н-ночью, знаете...»

О Кристобале Хунте говорилось: «Иногда он бросал работать и начинал шутить. Лучше бы уж он не бросал работать...»

Дополнительные подробности о Витьке Корнееве можно узнать из разговора его с Приваловым накануне дежурства.

У входа в приемную директора я встретил мрачного Витю Корнеева. Он вежливо мне поклонился, не вынимая рук из карманов, и третий раз за этот день поздоровался со мной. Я подозрительно посмотрел на него.

— Ну как ты вообще? — осведомился он.

— Да ничего, — сказал я осторожно. — Вот заступаю. А ты как?

Он оттянул пальцем воротник свитера.

— Буду веселиться, — сказал он. — Буду танцевать. Буду делать стойку.

— Не попади ногами в зеркало, — сказал я. Был такой случай в ноябрьские праздники.

Он даже улыбнулся.

— Ты, Саша, вот что... Ты присмотри у меня в лаборатории, там будет кое-что включено и будет работать дубль.

— Чей дубль?

— Ну мой дубль, естественно. Кто мне своего отдаст? Он парень ничего, работающий. Я его там запер, вот возьми ключ.

Корнеев с Амперяном спорили о белковой жизни несколько по-другому:

— Вы переутомились, Корнеев, — сказал Эдик. — Разве это доказательство? Ты создал первого из них и заложил собственной волей в него всех остальных, а кто посмеет утверждать, что ты не принадлежишь к белковой жизни? Конечно, ты и сам можешь превратить себя в нежить, но это тоже не будет доказательством. Начало-то ведь в белке!

— Вы меня изумляете, Амперян, — сказал Витька. — Белок тоже имеет свое начало. И это начало отнюдь не белковое. Я могу сейчас создать два-три миллиона домовых и запустить их, скажем, на Марс. И через миллион лет, когда обо мне, а может быть, и о всех нас, белковых, думать забудут, на Марсе разрастется такая цивилизация, что и предсказать невозможно. Не все ли равно, что служит началом жизни? Химический процесс или сознательная деятельность. А может быть, такова закономерность? Природа создает белок, белок создает нежить, а нежить создает еще что-нибудь.

— Может быть, — соглашался Эдик. — Разница только в том, что природа создает белок в силу присущих, имманентных ее, природы, свойств, белок есть высшая форма организации, самоорганизации материи, это пик ее развития, а нежить есть лишь побочный, несамодовлеющий продукт деятельности белка. Мы создаем нежить для наших нужд и убираем ее, когда она перестает быть нужной нам.

— Ох и самоуверенны же вы, товарищ Амперян! А может быть, цель природы как раз не в создании товарища Амперяна, а в создании нежити руками товарища Амперяна. Цель природы, конечно, — это бессмысленное выражение, но во всяком случае, чтобы создать белок, природе нужны определенные температуры, давления, сочетания химических элементов, и это никого не удивляет. А если я предположу, что для создания нежити природе нужно полмиллиарда лет потрудиться, закономерно провести белок от протовируса до товарища Амперяна, чтобы впоследствии товарищ Амперян...

— Понятно, понятно, — сказал Амперян. — Спор бессмысленный, Витька. Я ведь антропоцентрист, и только в этой плоскости я и могу рассуждать.

Несколько отличался в раннем варианте разговор Корнеева и Привалова об особенностях живой воды:

— Смешно подумать, — бормотал он. — Элементарная же вещь, и никто ее никогда не делал.

— Что? Ты о чем?

— Статистику действия живой воды. Это же ясно из общих соображений — на одни экземпляры вода должна действовать хорошо, на другие хуже или лучше...

— Занимаешься ерундой, — сказал я.

— И живая вода неоднородная должна получаться, — продолжал Витька, не слушая. — Химический состав разный... процент дейтерия...

О Романе Ойре-Ойре было дополнение в главе со стенгазетой: «Мы со Стеллой страшно обиделись и написали на Романа эпиграмму. Но газету мы все-таки сделали».

Роман поначалу заставлял Привалова творить не только груши:

Комната проветрилась естественным способом. Я закрыл форточку, и некоторое время Роман тренировал меня в материализации. Получавшиеся огрызки груш, вишневые косточки и кожурки от колбасы мы выбрасывали в мусорную корзину.

Многого интересного говорится в рукописи и о Выбегалле. Уже упоминалось, что его отдел так и не получил названия, но это не единственная странность. Так, только из рукописи известно, что в отделе вообще существует что-то помимо пресловутой лаборатории (там хотя бы упоминается кабинет завотделом). Не все в порядке и с топологией. При обходе Привалов с четвертого этажа (с отделом Вечной Молодости и вычислительным центром) переходит на пятый, с административно-хозяйственным отделом и отделом Абсолютного Знания, далее инспектирует «этаж Амвросия Амбруазовича Выбегаллы», а затем «ступил на шестой этаж» (в рукописи) или

«стал подниматься на шестой этаж» (в публикациях) с отделом Жиана Жиакомо. Получается, что отдел Выбегаллы не принадлежит ни пятому, ни шестому этажам, находясь где-то между ними вне реального пространства...

О тулупе Выбегаллы говорилось более откровенно: не «пахучий», а «вонючий». Из цитат он вымарывал не просто «все, что ему не подходило», а «все, что касается духовного мира человека»; и не забывал Выбегалло не «о связи с жизнью», а «о связи с производством». Лаборатория Выбегаллы называлась сотрудниками не «Родильный Дом», а «Родильный дом имени Великого Инкубатора».

После появления первой модели (Человека, неудовлетворенного полностью) «Ученый совет ужаснулся». В рукописи была добавка: «Только Федор Семенович явственно вымолвил: «Вот п-подонок!» <...> Ойра-Ойра, однако, сказал зловеще, что самое страшное — это будет модель Человека, Полностью Удовлетворенного. Я не понял и не поверил, хотя заметил, что Федор Семенович одобрительно хмыкнул, а Крестобаль Хунта едва заметно кивнул головой и нехорошо заулыбался».

Вся история со второй моделью (Человека, неудовлетворенного желудочно) описывалась еще более неприглядно. С подшефного рыбзавода Выбегалло вывез не селедочные головы, а рыбы внутренности, поэтому описание, как модель все это жрала, выглядело более натуралистичным. Модель в рукописи называлась чаще упырем, в изданиях — чаще кадавром. Хунта называет вторую модель «желудочным ублюдком». У новорожденного кадавра мокрые волосы свисали липкими прядями, из раскрытого и опрокинутого автоклава растеклась огромная зловонная лужа. А вот что происходило после включения конвейера.

В последующие пять минут лабораторию покинули почти все. Остались только магистры Эдик и Роман, создавшие вокруг себя микроатмосферу, а я попал в микроатмосферу Романа и в ней остался, не решаясь высунуть нос наружу. Конвейер тархтел, вываливая в лабораторию груды скользких рыбьих кишок. Упырь, пристроившись к этой грудке, занялся делом... <...> К тому моменту, как наступил второй пароксизм довольства, в лаборатории снова появились зрители в респираторах и кислородных масках. Стеллу, упавшую от духа в обморок, Выбегалло приказал вынести как... эта... не справившуюся с обязанностями. Появились рука об руку дубли Федора Симеоновича и Крестобалья Хозевича, встали в сторонке, внимательно смотрели и слушали. Заглянул Жиан Жиакомо, вдунул в лабораторию под потолок круглое облако активированного угля и, кашляя, скрылся. Откуда-то взялись трое кинофотокорреспондентов: видимо, их привел Выбегалло. Сверкая блицами и опутывая окружающих черными змеями осветительных кабелей, они, зевая, принялись снимать и что-то записывать в свои книжечки.

Кстати, о корреспондентах. В рукописи они с Выбегаллой еще не знакомы, по фамилиям не называются, всего же их — сначала трое (после кончины второй модели: «...ушел обремененный семьей корреспондент, оставив на посту двух своих холостых товарищей»). На полях черновика есть помета Авторов: «Корреспонденты уже привыкли к Выбегалле». Реакция Выбегаллы, вещающего корреспондентам, на заявление Романа «Еще вопрос можно?» описывается в рукописи более подробно: «У него был устало-снисходительный вид старого учителя, разговаривающего с первоклассниками».

О Саваофе Бааловиче Одине в черновике Привалов рассказывает:

Со мной, например, он вел вполне квалифицированные беседы по теории опознания образов и готовил докладную записку в Академию педагогических наук о реформе преподавания грамматики русского языка. Согласно его идее всю орфографию как свод правил надлежало упразднить. Этот свод правил должен быть известен только специалистам — филологам, корректорам, операторам лингвистических машин, — ученики же на уроках русского языка должны были просто очень много читать, с тем чтобы запомнить правописание каждого слова. При этом он исходил из двух посылок: из хорошо известного факта (который он проверил дополнительными, специально поставленными экспериментами), что наиболее грамотными оказываются люди, читающие много; во-вторых, из опыта работы с электронными машинами, настроенными

на опознавание образов, следовало, что проще всего научить машину различать, скажем, цифры можно было, показывая ей всевозможные варианты написания этих цифр. При этом машина с подавляющей вероятностью верно отличала двойку от семерки, совершенно не зная, чем эти цифры отличаются друг от друга теоретически.

Поначалу не только более подробно была описана демонстрация брюк-невидимок Магнуса Федоровича Редькина (что-то «заело в пуговично-подтяжном механизме»), но и пояснялась ситуация из первой части повести:

Между прочим, Редькин и был тот самый толстяк в пижаме, который сцепился с Корнеевым в памятную ночь в Изнакурноже. Он заподозрил тогда, что Корнеев украл Белый Тезис, и притащил с собой для расправы тощего товарища завкадрами гражданина Демина Кербера Псоевича.

Престарелый колдун Перун Маркович Неунывай-Дубино именовался сначала Неунывай-Полено, а затем — Неунывай-Дубина.

И о самом Привалове. В перечислении вычислительных работ, которые Привалов сделал после поступления на работу в НИИЧАВО, вместо «сосчитал вероятности решения пасьянсов» — «решил несколько небольших задач из теории превращений для Жиана Жиакомо». «Но они хоть не вмешивались в сам счетный процесс», — сообщает в рукописи Привалов о других, кроме Хунты, сотрудниках. О своей работе в НИИЧАВО Привалов говорит сначала: «За свои уши я мог быть спокоен», потом: «...и жизнь моя была полна смысла».

В послесловии Привалов возмущается, что авторы называют математиков-программистов девочками. Но «девочки» были не всегда. В рукописи: «...позвонил к себе в машинный зал. Никто не отозвался, очевидно, все ребята уже разошлись».

О внутренней жизни института из разговора Киврина с Хунтой перед новогодней ночью можно было узнать интересные подробности:

— Да, скучать вам этой ночью не придется, молодой человек. Я слышал, Голем пробуждается. Ты в курсе, Теодор?

— Вз-здор, — сказал Теодор Киврин. — Т-ты еще вокруг него м-магический к-круг обведи... Н-нашел чем пугать н-нынешнее поколение... П-пентаграмму еще слюнями на с-сейфе начерти.

Хунта вежливо улыбался одними губами. Он пристально меня разглядывал.

— Я, конечно, шучу, — сказал он. — Но в крайнюю зону я на вашем месте все-таки поостерегся бы заглядывать.

— Н-ну да, — сказал Федор Симеонович, — т-ты там собираешься работать ночью, а в списке т-тебя нет.

О странных особенностях здания института говорилось не только, что «вправо и влево от вестибюля институт простирался по крайней мере на километр», но и «в глубину эшелонировался так далеко, что сотрудники сплошь и рядом пользовались передачей себя по проводам, чтобы забежать, скажем, в библиотеку или отнести заявление в отдел кадров».

Описывался метод получения энергии от Колеса Фортуны: «источник механической энергии с непрерывным переводом ее в электрическую». В первом варианте рукописи у Колеса играли не несколько бесов, а несколько инкубов. Инкубы тут же, в рукописи, заменены на бесов, которым Привалов грозит: «А вот я вас святой аш два о». В книгохранилище Витьке «в ватниках и с отбойными молотками» встретила не бригада данайд, а бригада суккубов. Питекантроп, описанием жизни которого начиналась Книга Судеб, первоначально был сожран саблезубым тигром, а не пещерным медведем, а последний том Книги Судеб был подписан в печать во время: Первой мировой войны (первый вариант рукописи), англо-бурской войны (окончательный вариант рукописи), полетов братьев Монгольфье (публикационные варианты).

Об умклайдете есть в рукописи и такой фрагмент: «Витька с умклайдетом в руках представляет собой социальную опасность, поэтому я снова попятился».

Кое-что интересное обнаруживается в рукописях при описании отделов НИИЧАВО. В отделе Предсказаний и Пророчеств среди многочисленных исследовательских групп («Группа кофейной гущи», «Группа авгуров», «Группа пифий» и т. д.) первоначально отсутствовала «Группа пасьянсов», но наличествовала «Группа гадания на картах», а вместо группы «Соловецкий Оракул» был просто «Оракул». В отделе Абсолютного Знания занимались не делением нуля на

нуль, а умножением нуля на бесконечность. Об отделе Вечной Молодости было сказано: «Молодежи в отделе не было. В вечную молодость никто не верил в возрасте со ста пятидесяти до тысячи трехсот лет». А о работниках отдела Линейного Счастья говорилось: «...уши у них всегда были чистые и розовые, как у новорожденного младенца...»

О демонах Максвелла, служащих в институте привратниками, Привалов в начале своего обхода института упоминает: «...как всегда, я некоторое время с детским любопытством и ненасытным удивлением следил за ними». Еще одна подробность о них: один из демонов не «впадал в детство и начинал барахлить», как сказано в публикациях, а «капризничал, и тогда в институте в невероятных количествах скапливалась всяческая нежить». Позднее, когда в новогоднюю ночь в НИИЧАВО появляется множество сотрудников, Привалов размышляет:

Я ничего не понимал. Что-то случилось с демонами-привратниками: они всех без разбора выпускали. Я сбежал в вестибюль и увидел, что Вход и Выход, дрожа от азарта и лихорадочно фосфоресцируя, играют в рулетку. Рулетка была самодельная, я сам сделал ее два месяца назад. Я точно помнил, что положил ее за шкаф у себя в вычислительном центре, и знал о ней разве что только Роман. Сначала я хотел отобрать рулетку и снова законопатить входы и выходы, а потом поругаться с Романом, но потом мне пришло в голову, что тут как раз тот случай, когда законы человеческие превозмогли законы административные, потому что законы административные оказались нелепыми. Люди хотели работать, и нечего было им запрещать это, а что касается дюжины домовых и привидений, которые могли выбраться в город, то на то она и Новогодняя Ночь, чтобы доставить людям как можно больше развлечений. Эта мысль принесла мне облегчение, и я вернулся в рабочие помещения.

В предположении Привалова, за какие провинности домовик Тихон был сослан Виём в Соловец, было не «с кем-то он там не так поздоровался или отказался есть гадюку вареную...», а «с кем-то он там не так поздоровался или опоздал на шабаш».

Обитатели вивария тоже описывались несколько иначе. Гекатонхейр говорил не по-эллински, а по-древнегречески, а палец сломал, ковыряя «в сорок пятом носу». Змей Горыныч содержался в опубликованном варианте «в старой котельной, откуда доносилось его металлическое храпение и взрывывания спросонок», а в рукописи — «в глубине вивария; было только слышно его металлическое храпение да дальние своды время от времени озарялись багровыми отблесками». Вурдалаки, ругаясь, обзывают Привалова в публикациях «дылда очкастая», а в рукописи — «падла очкастая».

О дублях говорится, что «они очень пугливы, эти дубли, хотя совершенно непонятно, чего они боятся. Инстинкт самосохранения у них отсутствует, и даже к боли они нечувствительны». Привалов называл сотворенных им дублей в изданиях «чучелами», а в разных вариантах рукописи — «ублюдками» и «уродами». О своем умении создавать дублей Привалов говорит: «Во всяком случае, то, что у меня получалось, годилось только старух пугать, если, конечно, получалось с ногами». А вот супердубль Привалова, которого изготовил Ойра-Ойра, в изданиях «ругался, когда его кусали комары», а в рукописи «был абсолютно нечувствителен к комарам <...> и только когда к нему обращались, как правило отвечал: “Знаете, ребята, у меня сегодня настроение неважное, так что вы меня сегодня не трогайте”».

Фотончик, кроме прочего, еще говорил: «Дер-р-ритринитация!.. Кр-ратер Маккор-рмика!.. Пр-практически неисчер-рпаем!.. Гр-равитационная ор-ртосфер-ра!.. Зер-ротр-ранспор-ртейшн!..»

О гигантских комарах, которые снились Привалову. «Гигантский» — понятие неопределенное, поэтому размер в рукописи обозначался точно: «...комары ростом с козла».

Автоклав с очередной моделью, по словам Выбегалло, весил пять тонн, причем в рукописи добавлено — «вместе с несущим полом».

О науке чародейства и волшебства в публикационных вариантах говорилось: «Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящим свойством взгляда и филологическими характеристиками слова “бетон”». В рукописи вместо этого читаем:

Сыграть на глазах у изумленной публики в футбол на потолке или сотворить восьминогую зайца не составляет труда, а вот попробуйте найти глубокую внутреннюю

общность между физиологическими характеристиками этого самого зайца и филологических характеристиками сто пятнадцатого абзаца «Серой книги»...

Особого рассмотрения заслуживают реальные или мнимые политические аллюзии, нередко встречавшиеся в рукописях ПНВС, но целенаправленно устранявшиеся в печатных изданиях редакторами либо (от греха подальше) самими Авторами и исчезнувшие из публикаций на многие годы.

Некоторые «непроходные» или, по крайней мере, сомнительные для своего времени замечания, отрывки, дополнения, встречавшиеся в рукописи ПНВС, были в конце концов внесены в окончательный канонический вариант. Но кое-что внести было уже невозможно, так как на месте того или иного отрывка давно появился другой — привычный и не менее интересный, чем ранний вариант.

Перечислим самое существенное.

В рукописи биография Киврина описывалась несколько по-другому. Там, например, присутствовал памятный некоторым особо дотошным читателям АБС пассаж про опричников «министра государственной безопасности Малюты сына Скуратова». В печатном виде он появился только в журнале «Искатель» (без «сына», но с добавлением слова «тогдашнего» — видимо, для усиления аналогии с устойчивым именованием печально известного руководителя МГБ Абакумова), а затем «осовремененная» должность Малюты вполне предсказуемо исчезла из публикаций вплоть до новейших изданий.

Подробностей жизни Хунты тоже было больше. Его деятельность в качестве Великого Инквизитора упоминалась во взаимосвязи с работой в Мадриде в 1936 году и борьбой «против пятой колонны в Испании» (в восстановленном тексте эти фрагменты имеются). Но в рукописи было и еще кое-что. Когда они с Приваловым начали разбирать новую задачу, Хунта «сказал, что в бытность свою великим инквизитором он по первому же удобному доносу без всякой жалости сжег начальника своей канцелярии, который взял писцом одного юнца, как две капли воды похожего на меня».

Слухи «о пленении одной студентки снежным человеком с Эльбруса» были немного другими: «...о пленении советской студентки орангутанами в Конго».

Об отделе Линейного Счастья: «Здесь делали все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов в век ядерных взрывов и свирепых экстремистских схваток».

Вурдалак Альфред был в рукописи не вольноотпущенным, а реабилитированным — это определение было восстановлено в публикациях только начиная с 1989 года.

По стенам клетки Кошца Бессмертного «были развешаны портреты Чингисхана, Гимmlера, Екатерины Медичи, одного из Борджиа и то ли Голдуотера, то ли Маккарти». В рукописи вместо Гимmlера был Гитлер, а вместо Маккарти — Берч.

Старик Питирим Шварц ушел из отдела Оборонной Магии после того, как узнал «о водородной бомбе и бактериологической войне» — в публикациях, а в рукописи — «о бомбардировке Хиросимы и об осуждении Исии Сиро».

В рукописи об отделе Предсказаний и Пророчеств вместо «Иногда группе пифий удавалось что-нибудь правильно предсказать» говорилось более определенно: «Время от времени отделу удавалось предсказать очередной переворот в странах Латинской Америки или неудачный запуск ракеты «Атлас» с мыса Кеннеди».

Среди тостов сотрудников НИИЧАВО в новогоднюю ночь были и такие: «Ну, ребята, за превосходство нашей науки!», «Доброй работы!».

Долгое время в публикациях отсутствовал фрагмент, где признаком омещания, кроме обросших шерстью ушей, были также искривленные нижние конечности и позвоночник. В том числе и фраза: «Они во всеуслышание жалуются на застарелые ревматизмы и зимой и летом носят высокие валенки, подбитые кожей». Отсюда становится понятно, почему в рукописи сказано, что «сам Выбегалло всегда носил валенки». В публикациях этого уточнения уже нет, но валенки как неременная часть гардероба профессора остались.

Восклицание Выбегаллы «Мои труды читать надо!» в первоначальном варианте выглядело как «Классиком читать надо!».

Выяснение отношений между Хунтой и Выбегаллой на совещании у директора завершалось в рукописи так:

— Лет триста назад, — холодно сказал Хунта, — за такие слова я отряхнул бы вам пыль с ушей и пригласил на прогулку за город, где проткнул бы вас насквозь.

— Ничего, ничего, — сказал Выбегалло. — Это вам не Эскуриал. Критики не любите. Лет двадцать назад я бы с вами тоже не особенно церемонился.

В публикационной версии Авторы отказались от очевидного намека («лет двадцать назад»), используя взамен куда более емкие ассоциации. Слова Хунты остались почти прежними, а вот ответ Выбегаллы выглядит иначе: «Это вам не Португалия. Критики не любите. Лет триста назад я бы с тобой тоже особо не церемонился, кафолик недорезанный». Здесь в одной реплике — и невежество (Португалия вместо Испании), и хамство (внезапный переход на «ты»), и мракобесие («кафолик недорезанный» в нарочито архаичной форме), и некий намек на то, что Выбегалло мог прожить гораздо больше лет и причинить гораздо больше зла, чем это представляется читателю.

Знаменитые слова Киврина после завершения эксперимента с моделью были немного другими: «Вы, м-милейший, использовали с-свой талант не по назначению. В-вам бы надо было ус-силить отдел Об-боронной М-магии. У вас и х-характер соответствующий, з-знаете ли... В-ваших л-людей будущего н-на неприятельские б-базы сбрасывать только...»

Из рассказа человека за Железной Стеной: «Есть еще области, поработанные разумными паразитами, разумными растениями и разумными минералами, а также коммунистами». Не приходится удивляться, что окончание фразы было восстановлено только в 1992 году.

Об известных строках «Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим...» БНС в «Комментариях» пишет: «Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе. Дело в том, что в те времена Молотов был заклеен, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопрстойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно».

Финал рукописи был первоначально гораздо более сжатым. Диалог Привалова с Янусом о знании будущего в публикационных вариантах длиннее и перемежается размышлениями Саши о единственном для всех будущем. В рукописи же было просто:

— А зачем это вам, Александр Иванович? Разве вы хотите, чтобы стало неинтересно жить? Сами узнаете.

И я действительно узнал.

Но это уже совсем, совсем другая история.

После завершения черновика Авторы существенно доработали и фрагменты, где магистры постепенно приходят к гипотезе контрамоции и пытаются затем реконструировать жизнь Януса. Был составлен список, уточняющий, что и в каком порядке должно обсуждаться:

Гипотезы:

1. Галлюцинации — сводится к Беркли. Простодушная гипотеза.
2. Матрикаты — объясняет только, почему попугаи одинаковы.
3. Путешествие в фантастический роман (объясняет одинаковость попугаев, странный лексикон и, м<ожет> б<ыть>, поведение Я<нуса> П<олуэктовича>).
4. Парал<лельные> простр<анст>ва (Ойра-Ойра).
Одинак<овые> — потому что меняются усл<ови>я переброски.
Лексика — там говорят по-русски.
5. Эдик. Дано: это не галлюц<инация>.

Тр<ебуется> объясн<ить>:

1. Почему они похожи друг на друга?
2. Как их связ<ать> с Янусом и почему их никто не видел до сих пор, хотя он обо всех слышал?
3. Куда делся второй мертвый попугай и для чего Янус сжег первого, а также того, кот<орый> был перед первым?
4. Куда девалось перо?
5. Как объяснить лексику?

6. Отчего умерли три попугая? (1 причина — отравление.)
7. Связаны ли странности попугая со странностями Януса?

Странности Януса:

1. Забывчивость.
 2. Стремление к уединению в полночь.
 3. Манера предсказывать.
 4. Почему А-Янус не отлич<ается> странностью? Почему их двое?
6. Контрамоция непрер<ывна>я!
 7. Контрамоция — дискретная.

Теория Тунг<усского> метеор<ита>.

История Януса (гипотеза).

Как все воспринимает А-Янус.

Ужас положения У-Януса.

Перо не объяснено, и все очень довольны.

Остальные сохранившиеся материалы архива по ПНВС были подготовлены Авторами, вероятно, тоже после написания черновиков второй и третьей частей и служили для оформления повести.

В архиве имеется список цитат для эпиграфов к частям и главам повести. Большинство их было использовано, но некоторые так и остались невостребованными. К примеру:

Ответ вам будет дан сейчас же без всяких обиняков и лишних слов: голодный желудок ушей не имеет, голодное брюхо — глухо.

Ф. Рабле

Головы аллигаторов на ногах косуль, совы с змеиными хвостами, свиньи с мордой тигра, козы с ослиным задом, лягушки, мохнатые, как медведи, хамелеоны ростом с гиппопотамов, телята о двух головах...

Г. Флобер

Путешественник по Времени (так приходится его называть) рассказывал нам самые странные вещи.

Г. Уэллс

Есть и перечень терминов, нуждающихся в пояснениях. Сами пояснения в этом перечне не даны, за исключением только одного термина: «Призрак — явление задержки информации в биосфере». Некоторые позиции помечены птичкой (те, которые присутствуют в комментарии Привалова), некоторые вычеркнуты. К примеру, вычеркнуты слова: пароксизм, релаксация, мутант, антропоцентрист, эгоцентрист, программист, прана, русалка, привидение, трансгрессия, гиперполе, волшебная палочка (умклайдет), транслятор, БЭСМ, а также имена собственные: Иов, Исии Сиро, Ибикус, Гонзаста, Зекс, Рудольф I.

Еще один интересный список был составлен Авторами с использованием «Войны и мира» Л. Толстого — любимой ими и часто перечитываемой книги. Дело в том, что в черновике Выбегалло французских и прочих иностранных выражений не употребляет, они появляются в его речи позже. В рукописи он говорил не по-французски (на полях рукописи написано: «Разбавить французским»), а только в нарочито-просторечной манере (к примеру, вместо «мон шер» было «милай»).

Возможно, идея вставить в речь Выбегаллы французские высказывания из «Войны и мира» возникла при написании Авторами следующего фрагмента:

Впрочем, зоркий Выбегалло отметил несомненную связь между переборами гитары и рефлекторным подрагиванием нижних конечностей модели, что было им объяснено как

факт необычайной важности, свидетельствующий о неуклонном росте духовных потребностей.

— Вы заснимите эту ногу крупным планом, — закричал он, хватая за рукав кинокорреспондента. — Потому что я вам гарантирую, что это историческая нога!

«Историческая нога» кадавра, видимо, вызвала параллель с другой «исторической ногой» (у Л. Толстого), и тогда Авторы взялись выписывать из романа французские и латинские выражения и вставлять их в текст чистовика. Первоначальный список был таким:

Mon très honorable préopinant. Мой многоуважаемый возражатель.

Mon cher. Дорогой.

Je me rends! Сдаюсь!

La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi. Дрожание моей левой икры есть высший признак.

Quos vult perdone — dementat. Кого хочет погубить — лишит разума.

Oh, les femmes, les femmes! О женщины, женщины!

Merci. Благодарю.

Excellent, exquis! Чудесно, превосходно!

Ce n'est pas mon affaire. Это не мое дело.

On vous demandera quand on aura besoin de vous. Когда будет нужно, вас позовут.

Enlevez — moi ga. Уберите это.

Mon cher, entre nous. Между нами, милейший.

Mon cher, je suis bien informé. Мне, любезный, все хорошо известно.

Chevalier sans peur et sans reproche. Рыцарь без страха и упрека.

Oui, sans doute. Да, разумеется.

Vous verrez, что... Вы увидите, что...

Charmant, charmant. Прелестно, прелестно.

On dit que... Говорят, что...

Etes — vous indisposé? Вы нездоровы?

Qu'est-ce que c'est? Что это?

A demain, mon cher! До завтра, милый!

Чистовик повести был закончен в сентябре 1964 года. Дальше, собственно, начинается история ее публикации.

В 1964 году были опубликованы первая часть ПНВС (в сборнике «Фантастика, 1964 год») и фрагмент из первой главы второй части (в журнале «Искатель»). Отдельной книгой повесть впервые вышла в 1965 году в издательстве «Детская литература», в 1966 году была переиздана вместе с ТББ в 7-м томе «Библиотеки современной фантастики».

Для переизданий ПНВС вплоть до 1992 года (включая и собрание сочинений «Текста») использовался с небольшими разночтениями текст из БСФ, пока в 1992 году не вышла книга, включавшая в себя ПНВС и СОТ (издательство «Terra Fantastica», серия «Золотая цепь») и содержащая частично восстановленный текст (в основном — по первому книжному изданию).

Последний, канонический вариант текста ПНВС, куда вошли многие отрывки, взятые из черновика, был подготовлен для собрания сочинений издательства «Сталкер».

Остановимся на некоторых любопытных моментах, связанных именно с печатными изданиями.

Подзаголовок ПНВС «Сказка для научных сотрудников младшего возраста» в многочисленных переизданиях имел несколько вариантов: «сказка» или «повесть-сказка», «сотрудников» или «работников».

В публикации первой части в сборнике «Фантастика, 1964 год» несколько раз упоминался академик Келдыш. С его избранием президентом АН СССР в 1961 году связывали в ту пору надежды на реальные изменения к лучшему в советской науке. Роман Ойра-Ойра вместо «Потому что У-Янус улетел в Москву. И в частности — по поводу этого дивана» говорит: «А главное — У-Януса вызвал Келдыш. Он вчера улетел и еще не вернулся». В последующих изданиях эта «примета дня» из текста надолго исчезла, но в новейших публикациях была восстановлена. (Кстати, и в других местах черновиков Келдыш упоминался нередко. Говорилось, например, что парадной лестницей пользовались не тогда, «когда институт посетило августейшее лицо из

Африки», а «когда приезжал месяц назад Келдыш». И гимнастику йогов в институте отменили с назначением на пост президента АН СССР именно Келдыша.)

Также в сборнике «Фантастика, 1964 год» была сноски к пятой главе (той, что с фразой «Дивана не было»): «Авторы считают своим долгом поблагодарить Л. А. Камионко за активное участие в работе над этой главой». Из «Комментариев к пройденному» достаточно очевидно, что это своего рода шуточный намек на уже упоминавшийся рассказик без начала и конца, написанный в 1960 году и охарактеризованный БНС как «четырёхстраничная, вполне сюрреалистическая абракадабра». В последующих публикациях этой сноски уже нет.

Во всех изданиях до 1992 года Привалов говорит о списке сотрудников, допущенных к работе в ночное время: «Вот тут наличествуют товарищи в количестве... м-м-м... двадцати одного экземпляра, лично мне неизвестные». Камноедов поясняет: «Лица, поименованные с номера четвертого по номер двадцать пятый и последний включительно, занесены в списки лиц, допущенных к ночным работам посмертно». Простой подсчет (с 4-го по 25-й — это не 21, а 22) — и далее все публиковалось верно («двадцати двух экземпляров»). Интересно, что в рукописи первоначально было напечатано «двадцати двух экземпляров», а затем перечеркнуто и сверху написано «двадцати одного экземпляра».

Ойра-Ойра в ответ на появление Мерлина произносит фразу: «Canst thou not come in by usual way as decent people do?..» В сноске после перевода указан язык — староанглийский. В части изданий русский перевод соотносился именно со староанглийским: «Ужель обычный путь тебе заказан, путь достойного человека?..», в других же перевод осовремененный и неточный: «Неужели вы не можете войти обычным образом, как входят достойные люди?»

Особого внимания заслуживает так называемое послесловие Привалова.

Четвертый пункт послесловия (об иллюстрациях) был исключен в издании «Библиотеки современной фантастики» по очевидной причине отсутствия там иллюстраций. Но и в последующих изданиях, для которых использовался текст БСФ, этого пункта тоже нет, хотя некоторые издания были проиллюстрированы.

В новейшие времена здесь возникла обратная проблема: в изданиях с использованием канонического текста ПНВС пункт про иллюстрации присутствует, а сами иллюстрации — далеко не всегда. Читатель, впрочем, может мысленно представить себе наличие неких хорошо известных и доступных Привалову где-то отдельно от данной конкретной книги иллюстраций.

И еще об одном фрагменте послесловия. В 1991 году в «Понедельнике» (нюслеттере группы «Людены») появилось замечание Инны Кублицкой об ошибке в ПНВС: «Речь идет об эпизоде, когда У-Янус встречает знакомого, и тот ему сообщает, что видел накануне в газете его некролог. Но такого произойти не могло». БНС ответил: «Замечание Инны Кублицкой совершенно справедливо. Мы (и некоторые читатели) уже давно — с середины 60-х — чувствовали, что здесь что-то не так, но ясная формулировка главной сути ляпа никак не вытанцовывалась. Только совсем недавно удалось эту формулировку получить: «С точки зрения нормального наблюдателя У-Янус не существует во всех тех моментах времени, что ПРЕДШЕСТВУЮТ его смерти. Поэтому никакая ПУБЛИКАЦИЯ В ГАЗЕТЕ о его смерти НЕВОЗМОЖНА: газеты не публикуют сообщений о смерти людей, которых никто никогда не знал и знать не мог». Я взял этот ляп на заметку. В дальнейших изданиях надобно будет внести коррективы в текст». И с 1992 года соответствующий абзац послесловия Привалова стал печататься в измененном виде:

Я, конечно, не считаю последней главы третьей части, где авторы хотя и попытались показать работу мысли, но сделали это на неблагоприятном материале довольно элементарной дилетантской логической задачи (при изложении которой ухитрились допустить вдобавок достаточно примитивный логический ляп, причем не постеснялись приписать этот ляп своим героям. Что характерно).

С 1979-го года по 1991-й просуществовала опечатка во фразе «Мы шли в мир разума и братства, он же с каждым днем уходил навстречу Николаю Кровавому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади...»: вместо Сенатской площади здесь упоминалась Сенная.

С 1989 года в переизданиях встречался забавный пропуск. В отделе Оборонной Магии Привалов оглядывает «пустую захламленную комнату с обломками диковинных моделей и обрывками безграмотных чертежей». Часть слов просто исчезла, и появились странные «обломки чертежей».

В середине восьмидесятых из характеристики Романа исчезло определение «горбоносый» на первой странице повести («Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь...»). Так как имя этого персонажа узнается только десять с лишним

страниц спустя, а упоминается он на первых страницах постоянно, то внезапное появление в машине какого-то «горбоносого» становится странным.

Стилистические особенности сказочного повествования, особенно ясно выраженные в первой части ПНВС, в некоторых изданиях были заменены на обычный современный стиль, что, конечно же, не пошло повести на пользу. К примеру, в обращении «баушка Наина свет Киевна» сказочную «баушку» заменили на обычную «бабушку». И в высказываниях самой «баушки» во фразе «А зубом оне не цыкают?» было изменено старинное «оне» на обычное «они», а во фразе: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши...» — «мясца» на «мяса». При подготовке канонического текста повести это было учтено. Так, по публикации в «Искателе» была восстановлена своеобразная фраза Киврина, с которой он обращается к Хунте в новогоднюю ночь: «...вспомняем старину...» (ранее было: «...вспомним старину...»).

В изданиях разных лет в изобилии встречаются следы и других элементарных редакторских и корректорских огрехов, вплоть до крайних проявлений с результатами в виде Фонтанчика вместо Фотончика, летательного мутанта вместо летального, бессмысленного «кафолина недорезанного» вместо «кафолика недорезанного» и так далее.

«Хищные вещи века»

Из «Комментариев» БНС: «Черновик повести был закончен в два приема — первая половина в начале февраля, а вторая половина — в марте 1964 года. Добрых полгода черновик «вылеживался», а в ноябре единым махом был превращен в чистовик». В архиве сохранились оба варианта рукописей. Первый из них густо испещрен пометками, исправлениями, некоторые страницы перечеркнуты, здесь же находятся рукописные страницы на замену вычеркнутому. Вторая рукопись гораздо чище и не очень сильно отличается как от первого варианта с учетом рукописной правки, так и от окончательного текста ХВВ. Ниже при упоминании черновика будет в основном подразумеваться первый вариант в исходном виде, до правки.

В «Комментариях» же БНС рассказывал о названии и эпиграфе повести: «Название «Хищные вещи века» придумано было, видимо, еще в конце 1963 года, и эта строчка из Андрея Вознесенского («О, хищные вещи века! На душу наложено вето...») взята была в качестве нового эпиграфа...» Позже Авторы планировали начать повествование с таких эпиграфов:

Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок.

Ф. Достоевский

Темный ум, холодная мысль, мелкие цели. Такие они были — оборотни нашего мира.

К. Саймак

Роман Саймака «Что может быть проще времени?» был опубликован в переводе Г. Темкина значительно позже, и там эта цитата звучит несколько иначе.

Но в конечном счете был выбран другой эпиграф: «Есть лишь одна проблема — единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы... А. де Сент-Экзюпери». В издании 1990 года (ХВВ + ХС) к этому эпиграфу был добавлен второй, первоначально выбранный эпиграф из Андрея Вознесенского, но затем повесть снова стала издаваться без него.

Вернемся, однако, к началу раннего черновика. Амад, встретивший Жилина на выходе из таможни, первоначально был Крайсом. После предложения поселиться в пансионате Жилин перечисляет добросовестные развлечения, какими занимаются проживающие там и от которых не отвертеться, — не «пикники, междусобойчики и спевки», как в поздних вариантах, а «пикники, капустники и винегретники». В разговоре Амада (Крайса) с Жилиным в качестве вооружения гангстеров упоминались ракетные ружья (в более поздних черновиках их заменили огнеметы). Тяжелый штурмовой танк «мамонт», изображение которого Жилин видит позже на фотографии с генерал-полковником Тууром, в черновике названия не имел.

Только при последующей правке появляются указания на то, что Жилин был в этом курортном городе и раньше, во время военных действий. Поэтому в черновике Жилин не вспоминает и не сравнивает, а просто осматривает новый для него город:

Ничего особенного, город как город. Живые изгороди вдоль проезжей части, решетчатые ворота через правильные интервалы, за воротами аккуратные дворики с

клумбами и фонтанами, стандартные коттеджи с разноцветными стенами и плоскими крышами, на перекрестках питейные павильоны из слоистого под мрамор пластика. Вот только людей совсем не было видно — ни на улице, ни во двориках. Я хотел было спросить об этом...

В прочитанном Жилиным путеводителе по городу первоначально присутствовал перечень религиозных учреждений: «...три католических, одна православная и одна протестантская церковь, одна синагога, одна мечеть, буддистский храм, ложа Новых Иеговистов и Убежище Верных Рафаэлитов». Позже вместо этого появились «шестнадцать салонов красоты, сорок библиотек и сто восемьдесят парикмахерских автоматов». В сфере обслуживания, согласно путеводителю, было занято не восемьдесят, а девяносто процентов жителей. Список функционировавших в городе гражданских обществ был приведен полностью: «Почитателей Науки, Покровителей Животных, Красного Креста и Красного Полумесяца, Эйнштейнцев, Содействия Порядку, За Старую Добрую Родину Против Вредных Влияний, Усердных Дегустаторов и Знатоков и Ценителей» (в окончательном варианте остались только три последних названия). Спортивные клубы сначала тоже были обществами, и не «Быками» и «Носорогами», а «Голубыми» и «Зелеными». Поэтому Жилина в баре спрашивают не «Ты “Носорог”?», а «Ты из “Голубых”?», на что он отвечает: «Я из желтых».

Содержимое просматриваемых Жилиным еженедельников излагалось иначе:

Были там и литературные упражнения каких-то графоманов: в них были и слезы, и страдания, и подвиги, и великое прошлое, и сладкое будущее, но не было там одного — того, что я успел увидеть и почувствовать за сутки пребывания в этой стране.

В ресторане в окончательной версии летают попугаи и колибри. В рукописи колибри не было, зато попугаи летали не только с бутербродами, но и говорящие: «На плечо доктору Опиру слетел попугай и картаво сказал: “Еще гр-рафинчик...”»

Более подробно описывается квартира, которую снимает Жилин:

Справа от бара блестели клавиши миниатюрного пульта. Для пробы я нажал несколько клавиш. Пульт действовал: с шорохом раздвинулись створки в стене, открывая радиокомбайн, из подлокотников кресел выдвинулись разноцветные пепельницы, потолок разгорелся слабым розоватым сиянием, а противоположная стена бесшумно откатилась в сторону, и в комнату хлынуло голубое небо. За стеной оказалась широкая веранда, выходящая в сад. Сквозь зелень тусклой ртутной стеной блестело море, белел песок, пестрели тенты и шезлонги. Между креслами на чистом дощатом полу веранды стояла большая тренога с длинным черным биноклем. Я заглянул в окуляры и с минуту не без удовольствия рассматривал трех девиц в ярких бикини, как они играют на песке огромным мячом. Бинокль был двадцатикратный, широкоугольный, с отлично исправленной оптикой. Когда девицы покинули поле зрения, я вернулся в дом и прошел в кабинет.

В диктофонной записи, где уехавший курортник делился впечатлениями об отдыхе, были некоторые разночтения с окончательной версией: Парк Грез назывался Парком Улыбок, лучшей девочкой в городе называлась не Бася, а Лана, из советов перечислялось: «...сторонись “Зеленых”. Рыжий Кап из “Тихой Пристани” верит в кредит, но он не дурак, а потому держи ухо остро. Вдова — добрая женщина, но любит рассказывать про покойника-мужа...» Интересны также варианты идиомы, проскочившей у курортника, когда он советовал смотреть девятую программу по телевидению. В первом черновике было «остальное все комариная плешь», в последующих (и в восстановленном каноническом варианте) — «остальное все моча», а в ранних изданиях — «остальное все зола».

Телевизор в спальне был без стереоскопического эффекта, поэтому мужчина из экрана не выскакивал, изображение было обыкновенным:

Взвыли саксофоны. Я посмотрел на экран. Красивая дородная женщина щелкнула пистолетиком-зажигалкой перед носом нетрезвого мужчины с глазами неспавшегося идиота, он шархнулся...

Возраст детей вдовы, у которой поселился Жилин, был другим: дочери, Вузи, не двадцать, а восемнадцать лет, сыну, Лэну, не одиннадцать, а двенадцать. Сама вдова, тетя Вайна, говорила о войне примерно так же, как и в опубликованном варианте («Моя мать рассказывала мне, она была тогда девочкой, но все помнит: вдруг приходят солдаты, грубые, чужие, говорят на чужом языке, отрыгиваются, офицеры так бесцеремонны и так некультурны, громко хохочут, обижают горничных, простите, пахнут, и этот бессмысленный комендантский час...»), но в черновике было маленькое дополнение к перечисленным неудобствам («...и виселицы...»). Несколько иначе выглядели и сетования по поводу роспуска армии (видимо, вдова просто привычно повторяла многократно слышанные слова покойного супруга): «Правильно, что уничтожили ракеты, эти ужасные атомные бомбы, но нельзя же было распускать цвет нации, армию и генеральный штаб! Это же смешно — государство без армии!»

Знакомство Жилина с Лэном описывалось так:

В холле спиной ко мне стоял худенький мальчик в коротких штанишках. Согнувшись в три погибели и сопя, он что-то делал с длинной серебристой трубкой.

— Привет, — сказал я.

Мальчик резко обернулся, что-то звонко щелкнуло, и из трубки вылетела прямая струя угольно-черной жидкости. Меня спасла только годами выработанная реакция. Я отскочил, и чернильный заряд угодил в кремовую стену. По стене потекло. Мальчик переводил испуганный взгляд с меня на растекающуюся кляксу и обратно.

— Что-то ты, брат, нервный, — сказал я.

— Так вы прямо над ухом, — сказал мальчик.

— Кому-то теперь будет, — сказал я.

В лице мальчика было несомненное сходство с мужественными чертами генерал-полковника Туура.

— А чего? — сказал мальчик.

Я посмотрел на стену.

— Лично мне это нравится, — признал я. — Но это же на любителя...

Мальчик снисходительно улыбнулся.

— Это же ляпа, — пояснил он.

— Ну?

— Высохнет.

— Ну?

— Ну, и ничего не останется.

— Гм, — сказал я с сомнением. — Впрочем, тебе виднее. Как тебя зовут?

— Лэн. А вас?

— А меня Иван. Что это у тебя такое?

— Ляпник. У него предохранитель испортился.

— Дай-ка посмотреть...

У ляпника была удобная рифленая рукоятка и плоский прямоугольный баллончик, вставляющийся снизу, как магазин автомата. Держать его было удобно и очень хотелось нажимать на спусковой крючок.

— А вы давно приехали? — спросил Лэн.

— Часа три назад.

— Тут до вас жил один, противный такой, подарил мне плавки, красивые такие, я полез купаться, а они в воде растаяли. Хотел я его ляпнуть, а он уже уехал. Подлый тип, верно?

— Верно, — сказал я. — Пошли ко мне.

— Пошли, — сказал Лэн.

Я отдал ему ляпник, и мы прошли в кабинет, причем Лэн крался впереди, ступая с носка на пятку и выставив перед собой оружие. Видимо, я тоже не внушал ему доверия.

— Вот что, Лэн, — сказал я. — Скажи-ка мне почтовый адрес вашего дома.

— Вторая Пригородная, семьдесят восемь, — сказал Лэн. Он положил ляпник на стол и, присев перед полками, стал рассматривать детективы.

Я достал из стола чистый лист бумаги и составил телеграмму Марии: «Прибыл благополучно Вторая Пригородная семьдесят восемь целую Иван». Затем я позвонил в бюро обслуживания, передал телеграмму и снова позвонил Римайеру. И снова Римайер не отозвался.

— Можно, я это возьму? — спросил Лэн.

— Что именно?

— Вот эту книжку.

Я взял книжку и перелистал ее. Это был роман Николя Намота «Дело о пауках». Судя по всему, речь в нем шла о контрабандной торговле наркотиками.

— Возьми, конечно, — сказал я. — Только все это вранье.

— Зато интересно.

— Ну раз интересно, тогда читай.

<...>

Проходя через холл, я убедился, что ляпа действительно высохла, стала серой и осыпалась легкими пушистыми хлопьями.

В опубликованном варианте Лэн читает книгу доктора Нэфа «Введение в учение о некротических явлениях», в черновике это была книга доктора Френса «Введение в учение об оборотнях и вурдалаках».

Вечером на вопрос Лэна, можно ли, чтобы у него ночевал Рюг, Жилин отвечает в опубликованном варианте: «Ну да, конечно, хоть два Рюга...» В первоначальном варианте этот ответ отсутствует, вместо него есть только вопрос о драке подушками, но там мальчишки ночуют троим:

Я запер дверь в холл и перешел в кабинет, а когда я дочитал Минца, то услышал, что в гостиной зашептались, потом стукнула дверь в холл, и начали шептаться уже в три голоса. Заснули мальчишки только в двенадцатом часу.

В окончательном варианте нет описания того, как Жилин принимает душ: он залез под душ и в следующем же предложении уже оделся, причесался и стал бриться. Черновой вариант подробнее:

Душ всегда был моей слабостью, и я провел под холодными тугими струйками минут пятнадцать. Обсушившись под потоком горячего воздуха, я достал из вывода утилизатора свежее белье и комнатные туфли. Приятно было чувствовать себя стерильно чистым, совершенно здоровым и готовым к любому бою и к любому развлечению.

Читая черновик телеграммы, найденной в столе, Жилин сразу делает вывод: «Грин утонул во время рыбной ловли». В первоначальном варианте приведены промежуточные действия и суждения:

В этой телеграмме было что-то странное. Сначала я решил, что странность заключается в архаическом слове «рыбари», а потом понял: обычно, когда сообщают о смерти, говорят в первую очередь, отчего или как умер человек, а не у кого он умер. Забавно, подумал я, сунул бумажку обратно в ящик стола и полез на полку за энциклопедическим словарем. Рыбарь. В словаре было сказано только, что «рыбарь» — архаическое слово, соответствующее современному «рыбак». Возможно, Грин утонул во время рыбной ловли?..

Памятник Юрковскому на площади Авторы, видимо, задумали с самого начала, но надпись на нем была вырезана сначала английскими буквами, затем — латинскими буквами (что, по существу, правильнее), в публикациях — просто золочеными буквами. Вместо «5 декабря, год Весов» в черновиках значилось: «5 сентября 1999 года».

В первоначальном варианте ХВВ Жилин порой кажется человеком медлительным и даже нерешительным, не слишком похожим на Ивана десятилетней давности, из «Стажеров». Так что и удивление его памятником в рукописи описывалось по-другому:

Не менее четверти часа я смотрел на монумент и не верил своим глазам. Юрковский, несомненно, был человеком известным, правда, во вполне определенных кругах. Он был крупным ученым, неплохим организатором, членом двух академий, но он ни в коем случае не принадлежал к числу людей, которым ставят памятники даже у них на родине, не то что за границей. Еще более странно было видеть памятник ему в стране, к которой он не имел никакого отношения, в городе, где он, насколько мне было известно, если и бывал, то только проездом.

Позже Авторы придали мыслям Жилина должную четкость и энергичность:

Юрковским не ставят памятников. Пока они живы, их назначают на более или менее ответственные посты, их чествуют на юбилеях, их выбирают членами академий. Их награждают орденами и удостоивают международных премий. А когда они умирают — или погибают, — о них пишут книги, их цитируют, ссылаются на их работы, но чем дальше, тем реже, а потом наконец забывают о них. Они уходят из памяти и остаются только в книгах. Владимир Сергеевич был генералом науки и замечательным человеком. Но невозможно поставить памятники всем генералам и всем замечательным людям, тем более в странах, к которым они никогда не имели прямого отношения, и в городах, где они если и бывали, то разве что проездом...

Эрула, электронная рулетка, изображенная на памятнике Юрковскому, в рукописи описывалась более детально: «Я не понимал только, что это за аппарат из шаров и дисков, на который опирается известный планетолог...»

В первых изданиях ХВВ артик, пытаюсь ответить Жилину, что это за памятник, читает надпись и комментирует: «Так это какой-нибудь немец...». (Национальность Владимира Юрковского определяется здесь, видимо, сугубо по окончанию фамилии.) В рукописи (и в восстановленном тексте) все куда яснее: «Какой-то еврей или поляк». Кстати, о евреях. Когда Жилин рассказывает анекдот про ирландца, который пожелал быть садовником, Вайна Туур замечает, что там фигурировал не ирландец, а негр; в рукописи же — не ирландец, а еврей.

И о других национальностях. В рукописи Вузи предполагает, что Иван не тунгус (как в изданиях), а якут, и добавляет: «Жалко. В жизни не видела якутов...» А заезжий «революционер», которого Жилин встречает в кафе, в раннем черновике не описывался как человек восточного типа и боролся против режима Клемента, а не Бадшаха.

Что касается изменений в описании характера и мыслей Жилина, то единой закономерности нет. Порой более пространственные рассуждения обнаруживаются в рукописи, но бывает и наоборот. К примеру, впечатление Ивана от работы парикмахера в публикациях изложено довольно подробно, с упоминанием отражавшейся в зеркале «умной, красивой, значительной пустоты», а в рукописи есть лишь краткий вывод: «...мастер сделал меня не таким, каким я должен быть, а таким, каким мне никогда не стать...»

Размышления Жилина на второе утро пребывания в Стране Дураков в рукописи тоже фактически заменены выводами:

За завтраком в пустом кафе-автомате я решил, несмотря ни на что, действовать по старому плану. «Девон» «Девон», меценаты меценатами, а рыбаки рыбаками. Слишком много белых пятен на радостном лице этого города. Были рыбаки, были перши, грустецы и артики, были еще какие-то следи... Возможно, Римайер разрешил бы мои сомнения в две минуты. Но Римайер молчит.

Иногда, напротив, Авторы поначалу пытались показать направление мыслей Жилина, а затем отказывались от этого. К примеру, в разговоре с Илиной о рыбаках, Иван думал:

Я ничего не понимал. Пробыл в городе десять часов и совершенно ничего не понимал. Все расплзлось под пальцами, а спрашивать напрямик было пока преждевременно, я это чувствовал.

После напряженного ожидания в метро Жилин видит кибера, предназначенного для работы на астероидах, и в сердцах говорит: «Умники-затейники... <...> Остряки-самоучки... Это же надо

было додуматься! Таланты доморощенные...» В рукописи оценка еще жестче: «Дурни стоеросовые... <...> Безмозглые кретины. Мерзавцы окаянные...»

Разговор Жилина с Илиной в номере Римайера первоначально был другим:

Она повалилась в кресло и задрала ноги на телефонный столик. Я сел в соседнее кресло.

— Меня зовут Иван, — сообщил я.

— А меня Илина. Вы тоже иностранец? Вы все, иностранцы, какие-то широкие. Что вы здесь делаете?

— Жду Римайера.

— Нет, вообще здесь. У нас.

— Я буду писать книгу.

— Бросьте ерундой заниматься. Какой дурак пишет книги в нашем городе? У нас весело!

— Я подумаю, — пообещал я. — Может, и не буду писать. Я только сегодня приехал и еще не осмотрелся.

— Если вы приятель Римайера, я подыщу вам подружку, и мы славно проведем время вчетвером. Будет весело и никаких забот.

— Это было бы здорово, — сказал я. — Только на что мне подружка? Бросьте Римайера и будем веселиться с вами. А подружку вы подыщете Римайеру.

Она опустила ноги со столика и села прямо.

— Вы это серьезно? — спросила она строго.

— Нет, — сказал я. — Это я так, пошутил. Согласен на подружку. А когда?

— Сегодня, конечно. Приходите к одиннадцати в «Звездочку», я сегодня там.

— Идет.

— Я буду вкалывать с семи, а к одиннадцати освобожусь, мы выпьем где-нибудь и пойдем на дрожку. Только подходите с задней стороны. Да смотрите, чтобы вас не засекали артики.

— А если засекут?

Она пожала плечами.

— Ничего особенного не будет, только они не любят, когда вокруг них шныряют аутсайдеры. Начнут доискиваться, могут быть неприятности. Нам и так не очень доверяют.

— А кому это — вам?

— Нам. Мы из союза официанток при бюро «Экстренный случай». Нас вызывают для обслуживания всяких нерегулярных собраний.

— А это интересно?

— Когда как. Если ребята веселые, здоровые, тогда интересно, и они не так пристают. С «Зелеными» интересно. С рыбаками интересно, только страшно. Интели тоже ничего парни. А вот нынче я работала у этих беременных мужиков...

— А что это такое?

— Ну как — что? Грустецы! Это, правда, считается тайной, но ведь ты никому не расскажешь?

— Никому, — пообещал я.

Она вдруг вскочила.

— А почему бы нам не выпить? — вскричала она и принялась шарить среди бутылок под окном. — Все пустые... Хотя нет, вот есть немного вермута. Хочешь?

— Пожалуй, — сказал я.

Она поставила бутылку на столик и взяла с подоконника стаканы.

— Надо вымыть, погоди минутку... — Она ушла в ванную и продолжала говорить оттуда. — А тебе какие девушки больше нравятся? Высокие, маленькие? Черные или беленькие?

— Веселые, — сказал я. — Вроде тебя. Чтобы было весело и никаких забот.

Она вернулась со стаканами.

— С водой или чистое?

— Пожалуй, чистое.

— Все иностранцы пьют чистое. А у нас почему-то пьют с водой. Твое здоровье!

Мы выпили.

— Ты где живешь? Здесь в отеле?

— Нет, в городе. Я живу у вдовы генерал-полковника Туура.

— О, у Вузи? Так зачем тебе девушка? Вузи лакомый кусочек.

— А ты ее знаешь?

— Знаю. Славная девчужка. Немного молода еще, но это пустяки.

— Так ты советуешь держаться Вузи?

Она поставила стакан, села ко мне на подлокотник и обняла меня за плечи.

— Милый мой, — сказала она. — Самое главное — чтобы было весело. Мы берем в городе то, что нам нравится. Вот и ты бери то, что тебе нравится.

— Вузи сказала, чтобы я сегодня проводил ее.

— Ну да... У вас там в пригородных улицах иногда шалют подростки, и Вузи их до смерти боится. А куда она собралась?

— Не знаю.

— В общем, если с Вузи у тебя не выйдет, приходи в «Звездочку». Мы что-нибудь придумаем. Ты парень что надо, с тобой любая пойдет.

— Кроме тебя.

— И я тоже. Только не сразу. Когда мне надоест Римайер.

— А он тебе нравится?

Она почесала в затылке.

— Как тебе сказать... Теперь не очень. Он как-то загрустил. Но нужно же соблюдать приличия.

— А раньше он был веселый?

— Не сразу. Сначала все дулся. Многие иностранцы сначала дуются, боятся, что их околпачат. А потом развеселился. А потом снова надулся.

— Бедняга, — сказал я. — Он вспомнил о семье, и ему стало стыдно.

— Черт с ним. Налить тебе еще?

Из этого разговора Илины с Жилиным и из последующего (с Оскаром) видно, что первоначально не предполагалось показать всеобщую ненависть местных жителей к интелю. А Илина оказывалась способной к несколько более сложным суждениям, чем в позднейших вариантах повести:

— Вы не рыбарь?

— Нет.

— А, вспомнила, — сказала Илина. — Вы из университетских интелю. Вы еще подрались тогда в «Ласочке» с маленьким Питом. И попали бутылкой в зеркало. Вам еще Моды оплеух надавала...

Каменное лицо Оскара слегка порозовело.

— Уверю вас, — произнес он скрипучим голосом. — Я не интель и никогда в жизни не был в «Ласочке».

Илина задумалась.

— Не может же быть, чтобы вы были из грустцов... И на спортсмена вы тоже не похожи.

— Я приезжий, — сказал Оскар. — Турист.

Илина разочарованно вздохнула.

— Надо же так ошибиться...

В опубликованном тексте Илина покидает Жилина во время разговора с Оскаром. В ранней рукописи она остается:

Оскар встал.

— Мне пора, — сказал он. — Не сочтите за труд передать Римайеру, что я заходил.

— Не сочтем, — сказал я. — Если мы скажем, что заходил Оскар, он поймет?

— Да, — холодно сказал Оскар. — Это мое настоящее имя.

Он размеренным шагом подошел к двери и вышел. Илина зевнула.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — заявила она. — Мне еще надо выспаться. Пойдем?

— Я подожду еще немного, — сказал я.

— Так ты придешь в «Звездочку»? Приходи вместе с Вузи.

— Ладно, — сказал я. — Обязательно.

Она сладко потянулась, изо всех сил зажмурившись, затем вскочила на ноги.

— Пойду, — сказала она. — До вечера.

— До вечера, — сказал я.

— И приведи себя в порядок. Ты что, битник? Оброс, как рекрут у грустцев.

Она подергала меня за волосы и убежала.

Позже, в разговоре Жилина с Вузи, снова сообщается о том, что Вузи знакома с Илиной и Римайером: «Илина позвонила и сказала, что вы свой парень... А вы возитесь с этой ерундой! Вы что, интель?» Одну из дам в салоне Вузи называет коровой, в рукописи здесь «старая сука». И далее разговор возвращается снова к Илине:

— Илина сказала, что вы веселый и свойский парень... — По ее лицу было видно, что она в этом еще не уверена. — Вам понравилась Илина?

— Очень, — сказал я. — У нее чудные ноги.

— Слишком полные. Вы ничего не понимаете.

— Это вы ничего не понимаете. Я мужчина, мне лучше знать.

— Мужчина мужчине рознь... Вы видели ее Римайера? Тоже, скажете, мужчина?

— Римайер мой приятель, — предупредил я.

— Он хуже грустца, а Илина дура.

— Давайте на них плюнем, — предложил я.

— Тогда сделайте, чтобы было весело!

<...>

— А вот здесь живет старый Руэн. Каждый вечер у него новая. Устроился так, что они сами к нему ходят. Во время заварушки ему оторвали ногу. Видите, у него света нет? Это они радиолу слушают. А ведь страшный, как смертный грех!

— Страшней Римайера? — спросил я.

— Римайер вообще не мужчина.

— Римайер отличный парень, — сказал я. — Не понимаю только, что с ним случилось. Он же был веселый славный парень.

— Всякое рассказывают, — сказал Вузи. — Только я не сплетница.

В баре после дрожки Жилин думает:

Надо бы отыскать Вузи, думал я. Неудобно. Только где ее искать? Да и не хочется. Я знал, что настоящая Вузи разве только милой своей мордой похожа на ту, что привиделась мне на площади. И настоящий Римайер, конечно, совсем другой. И рыбаки, слуги, меценаты имеют-таки к нам отношение...

Вместо вечернего разговора с Вузи (о развлечениях и трех желаниях, незадолго до испытания Жилиным слуга) в рукописи кратко описано появление Вузи и Илины вместе:

Я взял томик Минца, лег в гостиной на тахту и читал до сумерек. Пришли Вузи и Илина. У меня сердце защемило, какие они были юные, и хорошенькие, и свежие, как

недозрелые яблоки. Мы распили бутылку бренди, и я рассказал им двадцать пять анекдотов. Но веселиться с ними я не пошел. Я сказал им, что нынче ночью у меня деловое свидание в спальне. Они не поверили. Я вышел на веранду и слышал, как они, проходя через двор, говорили, что интель и есть интель, а все-таки жалко, ну и пусть его, ну его к чертям свинячим.

В черновике был подробнее описан модус вивенди местных жителей в зависимости от времени суток. Вот все собираются на работу:

По мере того как я приближался к центру, людей и автомобилей на улицах становилось все больше. Можно было подумать, что все девять тысяч автомобилей, нетерпеливо урча и толкаясь, сбились на перекрестках, и все пять сотен вертолетов, расположившись в четыре горизонта, повисли над крышами. Над улицами медленно крутились вертолеты-регулирующие из прозрачного пластика, лица полицейских были красны и напряжены. Из кафе и закусочных выбегали толпы жующих на ходу мужчин и женщин с измазанными кефиром губами. На больших магистралях народ валил валом, и невозможно было ни остановиться, ни повернуть. Я отдался на волю потока и принялся осматриваться. Было очень жарко и светло, и странно выглядели в веселой мешанине зелени, сверкающих стекол и пестрых ярких одежд брюзгливые лица, мутные глаза, всклокоченные волосы. Все были недовольны и молчаливы, рты открывались только для ругани и ядовитых замечаний. Крепкий неприятный запах винного перегара висел в воздухе. Меня обгоняли, пихали — иной раз довольно чувствительно, несколько раз спрашивали сигарету.

Но вот автомобили помчались стремительнее, люди побежали быстрее, из кафе стали выскакивать, как из пушки. Людской поток начал редеть, и вдруг стало пусто. Автомобили замерли на стоянках, вертолеты застыли на крышах, а по тротуарам двинулись механические дворники, подбирая бесчисленные окурки и конфетные бумажки. Мокрые и обессиленные бармены и официантки вышли подышать на пороги своих заведений. По улицам пошли ярко размалеванные приземистые платформы бюро обслуживания.

А вот что видит Жилин после окончания рабочего дня:

Я был на пути домой, когда улицы снова наполнились людьми и машинами. Снова над перекрестками повисли вертолеты-регулирующие, и потные полицейские разгоняли поминутно возникающие пробки. Но толпа теперь была совсем другой. Не видно было больше хмурых, брюзгливых лиц. У меня было такое впечатление, словно все они хорошенько отоспались на работе и теперь воспряли для очередных радостей жизни. Они были полны почти высокого вдохновения и предвкушения. Они опять валили сплошным потоком, беспощадно толкались и тискали друг друга, но весело, с шутками, с дикарской восторженностью. Казалось, с души города свалился какой-то тяжкий груз, нудная осточертевшая забота, и вот пришло наконец время заняться самым главным, самым интересным делом. «Прости, крошка, чуть не наступил...» — «Какой вы быстрый, а ну уберите пальцы!» — «Приходи на дрожку, я тебя найду... Я тебя везде найду!» — «Эй, малыш, угости сигареткой!»

Какие-то важные люди с постными лицами несли плакаты. Плакаты звали присоединяться к самодеятельному городскому ансамблю «Старая Родина», поголовно вступить в муниципальный кружок кулинарного искусства «Будь полезен в семье», записаться на краткосрочные курсы материнства и младенчества «Для юной матери». Людей с плакатами нарочито и с удовольствием толкали, в них кидали окурки и комки жеваной бумаги, им кричали: «Сейчас запишусь, только галоши одену!», «Мы стерильные!», «Дяденька, научи материнству!». А они продолжали медленно двигаться, невозмутимо и с печальной надменностью верблюдов глядя поверх голов.

Когда я выбрался на Вторую Пригородную, в петлице у меня была пышная белая астра, щеки были заляпаны губной помадой, и мне казалось, что я познакомился с половиной девушек города. Молодец парикмахер!

Шофер автомобиля с товарами «в обеспечение личных потребностей», споря с Жилиным о философах, упоминает Слия, которого Иван называет неоиндивидуалистом, и восклицает: «Конечно, индивидуализм. <...> Но индивидуализм эмоциональный!»

Разговоры аборигенов, услышанные Жилиным в разных общественных местах в разное время, в рукописи были другими. Вот, к примеру, разговор в баре перед «дрожкой»:

Гомон стоял страшный, и я слышал с трудом. За столиком неподалеку орали:

— Нет, как хотите, терпеть их не могу!

— Хуже интеллей!

— Ну, не знаю, как там насчет интеллей, а только когда идет на тебя такая вот зеленая жаба в колпаке, да еще облупливается, зелень на ней лохмотьями висит...

— Они нынче желтые!

— Слушайте, а может, попробовать?

— Ступай лучше уж к першам!

— Плевал я на першей! Я сам себе перш! Я и к рыбалям могу пойти!

— Слабо!

— Какой из тебя рыбарь? Грустец ты, а не рыбарь!

Там же девочке с челкой один из посетителей говорит не «Налакалась, дура», а «Заткнись, шлюха». Сама же девочка на вопрос Ивана «Чем бы заняться?» реагирует так:

— Это как повезет, — ответила девочка. Проглотив спиртное, она сразу осоловела. — Никуда не пробьешься... Только решишь повеселиться, как тебя тащат в кусты... Не думай, мне не жалко, только ночь зря проходит. И потом, без знакомств трудно. К меценатам не подступиться, самое интересное, говорят, у меценатов, а как к ним попадешь? Слег — страшно. Рыбари — тоже страшно, да они и не пускают девчонок... Вот и остается одна дрожка. Не к грустицам же идти...

Разговоры в баре после нападения интеллей на дрожку: «В школах, сын рассказывал, все фашизм поносят: ах, евреев обижали, ах, ученых травили, ах, лагеря, ах, печи! <...> А кто все выдумал? И дрожку, и слег... А? То-то...»

Интеллей, которых Жилин видит после бегства от меценатов, было двое, оба вполне трезвые, и разговаривали они несколько о другом:

Я шатался и шел медленно, держась поближе к изгородям. Потом я услышал за спиной стук каблуков и голоса:

— Вот он, ваш царь природы. Полюбуйтесь в натуре.

— Пьяное животное.

— Поверженное величество.

Я уже мог сгибать и разгибать левую руку, но мне было еще очень больно. Я остановился, чтобы пропустить их. Они тоже остановились в двух шагах от меня. Насколько я мог разглядеть в темноте, это были молодые, совершенно трезвые парни в одинаковых каскетках, надвинутых на глаза.

— Царь природы. Напился до рвоты, набил кому-нибудь морду, получил свое, и ничего ему больше не надо.

— Вот о таких я и говорю. Гангренозные типы. Их нужно ампутировать, а не заниматься разговорами.

— Я вас не трогал, — заметил я.

Они не обратили на мои слова никакого внимания.

— Самое страшное — что ему ничего на свете не надо. У него уже все есть, он сыт всем. Он способен только блевать.

— До чего вы все любите сентенции... Классификаторы! Это я и сам знаю. Вы мне скажите, что делать!

— Убивать.

— Не говори чепухи. Ведь ты так не думаешь.

— Я думаю именно так.

— Тогда тебя самого нужно убить. Ты зверь, еще хуже этих...

Вот и хорошо, подумал я, вот и занялись бы. Я потихоньку боком двинулся к дому. Дом был уже не очень далеко. Они медленно, не прерывая разговора, пошли за мной.

— Я согласен. Убейте таких, как я, но прежде дайте нам убить этих.

— Слушать тебя противно. Фашист навыворот.

— Главное не то, что фашист, а то, что навыворот.

— Фашист всегда фашист. И вообще ты идиот. Да половина вот таких только и ждут, чтобы пришел фашизм. Власть над людьми — от такого лакомства никто из них не откажется. И вот ты сделаешься фюрером или там дуче, наберешь себе из этих бедняг фюреров поменьше...

— Фюреров поменьше я наберу из вас.

— Нет, не обольщайся. Из нас ты наберешь первых заключенных.

— Ребята, ребята, тихо...

— Бей фашистов, — сказал я. — Но пассаран!

Они переглянулись.

— Видал?

— А что ты хочешь от пьяного?

— Может быть, это наш?

— Наш! Понюхай, чем он воняет! «Дрож-ка! Дрож-ка!»

— Кстати, эти бомбежки надо прекратить. Некоторые слепнут.

— А, все они давным-давно ослепли. И если чем-нибудь еще можно открыть им глаза, то только газовыми бомбами... Они же гниют заживо! Чувства атрофированы, все мечты и желания сконцентрированы на одном — поменьше размышлений, побольше сладостных грез...

— Чтобы было весело, — сказал я, — и ни о чем не надо думать.

— Тьфу! Они даже ненавидеть не умеют.

— Даже! Если бы они умели ненавидеть, было бы сопротивление, была бы борьба, можно было бы победить...

— Перестаньте. Если бы они умели ненавидеть, они были бы с нами.

— А они и сейчас не против нас. Им на все наплевать. Эй ты, а ну кричи: «Да здравствуют интели!»

— Да здравствуют интели! — заорал я с готовностью.

Они помолчали.

— Наверное, мы напрасно барахтаемся. Исторический путь человечества определился. Мы пойдем вперед, а эти никуда не пойдут. И бог с ними. Наши пути больше не скрестятся.

— Ненавижу такие рассуждения! Мы люди, а не машины. Нечего играть в логику! Есть же какие-то обязательства у людей перед людьми... И что за манера болтать от имени истории, от имени всего человечества? Я тебе советую: когда тебя очень заносит — вспоминай о своих родителях.

— При чем здесь мои родители?

— А при том, что твой отец не пропускает ни одной дрожки, а мать...

— Замолчи!

Они опять помолчали.

— Я не хотел тебя обидеть, извини. Я просто хотел, чтобы ты спустился с небес на землю...

— Между прочим, уже три часа...

Они резко ускорили шаг, обогнали меня и скрылись в темноте. Я стоял и слушал, как затихают вдали их каблуки. Это была интересная встреча. В другое время я бы с удовольствием потолкался среди таких ребят. Только не в них было дело. И не ими надо было заниматься.

А вот каким первоначально был подслушанный Жилиным разговор советника муниципалитета и городского казначея:

— Утеряна цель жизни, — с убедительной горечью повествовал румяный, расчленив шницель на мелкие кусочки. — Всякая цель. Вот я вспоминаю свое детство. Я не хочу сказать, что цели нашей тогдашней жизни были непременно благородны и прекрасны. В большинстве люди стремились к мелким целям: к обогащению, к карьере, к выгодному браку... Бывали и подлые цели. Но человек жил во имя чего-то! Ему все время приходилось напрягать ум и воображение. Он был активен. Он не брезговал трудом, хотя, повторяю, это был далеко не всегда общественно-полезный труд. А сейчас ничего этого нет. Никто не трудится. Все отбывают рабочие или служебные часы и спешат к развлечениям. К бесцельным, бессмысленным, животным, я бы сказал...

— Согласитесь, однако, — надменно сказал человек с пластырем, — что они и есть животные. Животными они были во времена наших отцов, животными они и остались.

— Нет, не говорите так. Можно подумать, что они виноваты. А они ни в чем не виноваты.

— Разве я говорю, что они виноваты? Я просто утверждаю, что они животные. Медведь в цирке кое-как взбирается на лестницу, и укротитель жалуется ему за это кусочек сахара. Медведь понятия не имеет, для чего надобно лазать по лестницам, но сахаром он доволен. Наш горожанин тоже полон равнодушия и неприязни к своей общественно-полезной деятельности, но он совершенно так же, как медведь, рад своему кусочку сахара. Какая же разница? В том, что кусочек сахара для горожанина дороже обходится? А намного ли?

— Нет, не говорите так. Разница есть. Все-таки нас с вами выбирали не медведи. И нас выбирали — я чувствую это интуитивно — не только ради кусочка сахара... Вся беда в самом стиле жизни. Где-то мы промахнулись. Чего-то не учли. Мы слишком много говорили о благосостоянии. Мы слишком потакали этой буржуазной идее счастья в сытости, счастья в освобождении от забот... Вы понимаете меня? Господи, избавь нас от забот, а с этим кусочком колбасы я уж сам справлюсь...

— Эта идея имеет у нас многовековую традицию. Только избранные убереглись от ее тлетворного воздействия. Они стремились не к сытости, сытостью они пресытились при рождении. Они стремились к власти, к переустройству мира таким образом, чтобы только человеку было человеково, а дрессированному медведю — медвежье.

— Ну а где они сейчас? У нас давно никто не стремится к власти. Это считается дурным тоном, и вы это прекрасно знаете...

— Да. С тех пор, как во время так называемой заварушки эти дрессированные медведи растерзали последнего диктатора, стремиться к власти стало дурным тоном.

— Это не так. Вы же знаете, что это не так. Изобилие! Изобилие сделало стремление к власти дурным тоном! Зачем человеку стремиться к власти, когда в пресловутой дрожке он получает гораздо больше, чем может получить, находясь у власти... — Он понизил голос. — А теперь появились слезы. Вы слышали о слезах? Никто не знает толком, что это такое, но рассказывают фантастические вещи! Ценою пустячка — собственной жизни — вы можете прожить двадцать жизней. И каких жизней! Императора Всея Вселенной. Властелина Острова Женщин. Бога-Творца...

— Я не верю в это, — сказал человек с пластырем. — И потом, это аморально. А если это все-таки правда, то я скажу вам, чего нам недостает: жадной, жестокой, отлично вымуштрованной оккупационной армии.

— Вы рассуждаете как интел.

— Ничего подобного. Я еще давеча хотел сказать вам. Напрасно вы полагаете, что в стране нет элементов, недовольных сытостью и стремящихся к власти. Вы забыли интеллей, дорогой советник. Им не нужны оккупанты. Если они придут к власти, они устроят режим пострашнее оккупационного.

— Мой дорогой друг, это заблуждение. В том-то и беда, что даже интели не стремятся к власти. Что бы они ни вытворяли, что бы о них ни говорили, это весьма благородные люди. По крайней мере, субъективно. Им не нужна власть. Они хотят расшевелить, дать хоть какую-нибудь цель... Пусть самую варварскую. Но активную цель! Это совсем иное, чем ваша оккупационная армия. Вы хотите подавить, а они стремятся расшевелить, разбудить. И когда я сказал, что вы рассуждаете как интель, я имел в виду совсем другое. Я имел в виду ваш экстремизм, склонность к жестокости. Если интели и приветствовали бы оккупационную армию, то лишь как средство возбуждения общенародного духа, пробуждения народа... Вы понимаете?

— Духа нет, дорогой советник. Дух давно умер. Он захлебнулся в брюшном сале. Давайте с этим считаться и оставим глупые надежды.

Некоторое время они молчали, потом румяный советник проговорил:

— Боже мой, боже мой... Дрожка... Меценаты... Рыбари... Перши и артики... Люди, куда мы идем? Что бы мы ни начинали делать, все разбивается вдребезги. Бросьте, говорят нам. Пусть будет просто весело и ни о чем не надо думать... Но где-то кто-то все-таки летит ведь к звездам! Где-то строят мезонные реакторы! Где-то создают новую педагогику! Где-то пишут книги, спорят, не соглашаются, думают, ошибаются, расплачиваются за ошибки, кровью и страданиями расплачиваются, а не глупыми искусственными слезами над трупиком белой кошечки...

Пек Зенай в первом черновике — Петер Зенер. Жилин, пытаюсь всколыхнуть воспоминания в душе Петера, говорит ему: «Курсант Петер Зенер, уберите с колен Петрония Арбитра и вернитесь с Земли на небо. <...> И сто шестой рейс не помнишь? И абордаж на Титане не помнишь?» — и думает: «Настоящая развалина. Совершенно невозможно было поверить, что этот человек испытывал самые рискованные модели космических кораблей».

Разговор Жилина с Петером уже как с Бубой в черновике тоже отличался от опубликованного:

— Почему ты не хочешь дать мне слег, Петер? — сказал я. — Всем даешь, а мне нет.

— Да никому я не даю! — сказал Буба. — Что ты ко мне пристал? Откуда ты взял, что у меня есть слег? Неужели тебе не совестно? Пристал к незнакомому человеку, как гомосексуалист какой-то, ей-богу...

Если бы он не сказал о незнакомом человеке, мне было бы очень совестно. Но тут я озлился.

— Откуда я взял? Пэт мне сказал. Знаешь, с таким губчатым носом. И «Девон» ты ему дал. И Эль-рыбарь сказал мне обратиться к тебе...

На вялом лице Бубы изобразилось отчаяние.

— Не знаю я их, — сказал он. — Эль сволочь, он на меня клепает. За то, что я у него жену увел. Не верь ты им. Говорят сами не знают что. Что я им, фабрика, что ли?

— Слушай, Петер, — сказал я. — Ты меня знаешь, я человек упрямый. Я тебя не выпущу, пока не получу слег и твой адрес.

Буба вдруг решил.

— Ну и черт с тобой, — сказал он. — Подыхай. Какое мне до тебя дело? Все уже было. И никогда ничего больше не будет. Только ты дурак, Иван. Все так начинают. Любопытно, интересно, шепоток, слухи... А вообще-то, это стоит всего прочего. Но только мне кажется, это не для тебя. Или тебя тоже жизнь стукнула?

— Нет, — сказал я. — Мне просто любопытно и интересно. Я ведь из космоса ушел. Вот приехал отдохнуть, развлечься...

Он начал тихо смеяться.

— Ай да слег, — бормотал он. — Ну что за молодец!.. И правильно... Кто докажет, эта жизнь настоящая или та? Верно, Иван?

— Я еще не знаю. Я узнаю и скажу тебе. Дай мне слег, Петер. И дай мне твой адрес, потому что я хочу встретиться с тобой не в кабаке, а дома, испытатель Петер Зенер.

На его вялом лице появилась странная улыбка. Он запустил пальцы в нагрудный карман и вытащил плоский пластмассовый футлярчик.

— Пользуйся, — сказал он. — Нашего полку прибыло. — Он раскрыл футлярчик. Внутри было несколько блестящих металлических трубочек, похожих на кристаллические модуляторы для карманных радиоприемников. Он взял одну трубочку и протянул мне. Она была маленькая — длиной не больше дюйма и толщиной в два миллиметра. — Пользуйся, — повторил Петер. — Пользуйся, бортинженер Иван Жилин. Начинай новую жизнь. Не пожалеешь.

— А что с ней надо делать? — спросил я спокойно.

— Это кому как нравится, — ответил он. — Приемник есть? Вставь туда вместо модулятора, повесь где-нибудь в ванной и валяй.

— В ванной?

— Да.

— Обязательно в ванной?

— Да. Нужно, чтобы тело было в воде.

— Так. А «Девон»?

— А «Девон» высыпают в воду. Брось таблеток пять в воду и одну проглоти. Это самое неприятное. И еще обязательно добавь в воду ароматических солей. С ними очень здорово. А перед началом хорошо выпить пару стаканчиков чего-нибудь покрепче. Это чтобы развязаться.

— Так, — сказал я. — Понятно. Теперь все понятно. — Я спрятал слег в карман. — Сколько я тебе должен?

— Пустяки. — Он опять тихо засмеялся. — Дарю тебе по старой дружбе. Сладкая смерть, лучший подарок старому другу. — Он вдруг перестал смеяться и сказал просительно: — Ну пойдем, может быть? Чего зря время тратить?

— Сейчас, — сказал я. — Только дай мне твой адрес. Я найду к тебе завтра вечером.

— Солнечная, одиннадцать, — сказал он. Ему не терпелось уйти, но он все же добавил: — Только ты не придешь.

— Почему?

— Сам увидишь. Ну пойдем, что ли?

Сразу после отъезда Бубы происходило следующее:

Я проводил взглядом его машину и вдруг увидел Оскара. Мокрый, со слипшимися волосами, он стоял на углу и пристально смотрел на меня. Я и мигнуть не успел, как он исчез. Сначала я решил взять такси и проводить Бубу хотя бы до дома. Оскар становился опасен. Если он связан с «Девон», значит, он связан и со слегами, значит, он не зря следит за мной... или за Бубой, или сразу за мной и за Бубой, и если он догадывается, кто я такой и кто такой Римайер, а он, кажется, догадывается, то Бубе будет плохо, и Римайеру будет плохо, и вообще, если Мария не пришлет сюда завтра кого-нибудь, то все полетит к чертям, потому что мне просто не поспеть за всеми. Потом я сообразил, что на активные действия Оскар или те, кто за ним стоит, сейчас не решатся. Он отлично знает, что я его заметил, и вряд ли знает, сколько нас здесь. Я успокоился, взял такси и поехал домой. Я мог быть доволен: то, что мы искали, найдено. У меня было такое ощущение, что дело движется к концу.

Появление Жилина в квартире Бубы описывалось подробнее:

Почему-то мне было страшно идти прямо в ванную, и я осмотрел спавших. Человек в брюках был мне незнаком. Бородатый без брюк тоже был мне незнаком. Оба они были пьяны до последней степени, и когда я давал им нюхать «потомак», они только рычали и чихали, слабо отмахиваясь.

Планы Ивана после смерти Бубы в черновике были такими:

Только-только я нашел концы, и они сразу оказались обрублены. Впрочем, оставалась еще Вузи. И конечно, оставался Римайер. И еще бродил где-то Оскар, которого, пожалуй, все-таки следовало тогда нокаутировать. На Вузи надежда мала. Значит, Римайер.

В первом варианте черновика еще нет момента, когда Жилин близок к тому, чтобы принять слег и такую жизнь. Нет и мысленного разговора с Римайером, вместо этого Иван снова планирует свои действия:

Торопиться теперь было некуда. Я просидел в номере до девяти часов и решил пойти позавтракать, затем выспаться, а вечером заняться Вузи. Вузи была единственной и очень ненадежной ниточкой, оставшейся в наших руках. Она может просто не помнить, от кого получила слег. Оскара же я больше не надеялся увидеть. Я был уверен, что его придется искать.

Вместо записки Лэна («Берегитесь. Она что-то задумала. Возилась в спальне») в первом варианте рукописи Жилин видит другую записку, из которой узнает о том, кто такой Оскар, и поэтому ждет его уже не с таким напряжением.

Я вошел в кабинет и обнаружил на столе записку: «Не застал вас в десять. Зайду в двенадцать. Привет от Марии. Оскар».

В рукописи можно узнать дополнительные подробности о дрожке, слегах и волновой стимуляции мозга. Психотехника в рукописи называется гипнотерапией. Видения, которые посещают Жилина на дрожке, в рукописи выглядят несколько более связными:

Тут я понял, что все это необычайно весело. Мы все хохотали. Стало просторно, загремела музыка. Я подхватил хорошенькую девчонку, и мы пустились в пляс. Это была такая красавица и умница, каких я до сих пор ни разу не встречал. С нею можно было говорить о чем угодно, она все понимала, Минца она знала наизусть и надеялась на меня как на каменную гору, и этим можно было гордиться. Мы натацевались всласть и отошли в сторонку, чтобы нас не толкали, и немножко поговорили об эмоциональном индивидуализме, и она согласилась, что шофер был не прав. Потом к нам подошел Римайер, он хорошо выспался, был в отличной форме, и лицо у него было, как и раньше, веселое и розовое. Я познакомил его с Вузи, и он сказал, что я молодец. Потом Римайер сказал — прямо при Вузи! — что все эти рыбаки, слеги и меценаты к нам никакого отношения не имеют, и мы все трое очень обрадовались, потому что Вузи и сама так думала. Я ощутил к Вузи огромную нежность, обнял ее, и мы снова пошли танцевать, прижавшись друг к другу. Я подумал, что глупо молчать, и сказал: «Я тебя люблю, Вузи». Она подняла лицо, и я увидел, что ее можно поцеловать...

Слег в первоначальном варианте — не четырехрядный вакуумный тубусоид, а двухрядный микрогенератор, вставлять его надо в приемник не вместо гетеродина, а вместо модулятора. О таблетке «Девона» в черновике Жилин говорит так: «...по вкусу и запаху она напоминала теплый пот...»

Бред Римайера после слега выглядел в рукописи так:

— Не надо... Мария не велит... Бери его, он твой... Нехорошо, когда просыпаешься, никому не надо просыпаться... и пусть не начинают... <...> Пусть все войдут... — бормотал

Римайер. — Пусть встанут на брови... Так я велел... Альзо шпрахт Римайер... А потом он проснется. <...> Пусть все уйдут... Мы хотим остаться одни. Наедине с миром...

И впечатление Жилина от слега после размышлений об экспериментах по мозговой стимуляции Авторы описывали сначала по-другому. После упоминания Кингсли Эмиса и его «Новых карт ада» следует:

Теперь я знал, что он был прав в своих опасениях. Я понял, что имел в виду несчастный Буба, когда бормотал в полубреду: «Еще неизвестно, какая жизнь настоящая — эта или та...» И Буба был тоже прав, потому что ТА жизнь была, несомненно, гораздо ярче, слаще, полнее для человека, предпочитающего готовенькое. Все мы, черт подери, любим готовенькое. К счастью, в большей или меньшей степени. Особенно когда труд не требует затрат духовной энергии, когда человек с детства систематически грабится интеллектуально и эмоционально, когда главным стимулом существования становится жажда развлечений и наслаждение объявляется единственной ценностью жизни, а все остальное — вздор, скука, «чушики». Слег надвинулся на этот мир, и этот мир разнузданной сытости был готов покориться слегу...

Впрочем, все это была философия. Я хлебнул бренди, выключил приемник и сразу почувствовал себя лучше. В общем, эта жизнь тоже, несомненно, имела смысл. Она стоила того, чтобы ради нее действовать. Впереди была большая драка, а за этой дракой виделась еще более грандиозная, и еще, и еще.

В конце первого черновика нет ни соображений Оскара о происходящем в городе, ни комментариев Ивана на этот счет, ни появления полосатого Марии из ванной. Повесть заканчивалась так:

Тут открылась дверь, и вошли Оскар и Мария. Оскар самодовольно улыбался, а Мария — плотный седой мужчина в темных очках и с толстенной тростью — был, как всегда, печально-спокоен и немного смахивал на ветерана, потерявшего зрение. Мы пожали друг другу руки. Мария уселся в мое кресло, а я притащил для Оскара и для себя стулья из гостиной.

— Занимаемся радиотехникой? — благодушно пророкотал Мария, поглядев на стол. Я понял, что они ничего не знают. — А как там насчет смысла жизни? Вы, кажется, его нашли? Надеюсь, вас не придется увозить как беднягу Римайера?

— Не придется, — сказал я. — Я не успел втянуться. Что вам рассказал Римайер?

— Практически ничего, — сказал Мария. — Только намекнул, что он нашел снадобье. И замолчал. Впервые в жизни встречаю сотрудника, который отказывается давать информацию. Правда, он болен... Ну что же, удовольствуемся соображениями нашего Оскара. Нынче же начнем планировать операцию.

Я взглянул на Оскара.

— Какую операцию?

— Обнаружения и захвата центра.

— Ах, центра?

— Но сначала хотелось бы выслушать ваши соображения, — сказал Мария.

— Хорошо, — сказал я. — Слушайте.

И я рассказал.

Сначала они слушали меня с недоверием. Потом они устали и не сводили с них глаз, пока я не закончил. Когда я закончил, они довольно долго молчали. Мария осторожно, как жужелицу, взял один слег и внимательно его осмотрел. Оскар тоже взял слег и тоже осмотрел.

— Гм... — сказал он. — Микрогенератор... Высокочастотное поле. Что же, это возможно. Н-но... Послушайте, Иван, в ваших рассуждениях есть один существенный просчет. Если нет тайного центра, если все это стихийная самодеятельность, то откуда

такая бешеная... конспирация? Об этом шепчутся, об этом никогда не говорят вслух. Мне так и не удалось узнать, что такое слег... от меня шарахались, когда я спрашивал.

Мария с интересом уставился на меня. Я взял у него слег, вставил в приемник и протянул Оскару.

— Вот, — сказал я ему. — Идите в ванную, Оскар. «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду. Водка под умывальником. Мы вас подождем с Марией. А потом вы нам расскажете — громко, вслух, своим товарищам по работе — об ощущениях и переживаниях. А мы... вернее, Мария послушает, а я, так и быть, выйду.

Оскар слегка покраснел и положил приемник на стол. Снова воцарилось молчание.

— Вы думаете, он не расскажет? — спросил Мария.

— Думаю, что нет. Нужно быть животным, чтобы рассказывать об этом. А животные молчат. Они знай себе давят на рычаг.

Они не поняли, и я рассказал про опыты с мозговой стимуляцией.

— Гм, — сказал Оскар. — Я что-то слышал об этом...

Чувствовалось, что ему страсть как не хочется расставаться со своей версией. Мария встал и угрюмо сказал:

— Дайте мне этот приемник. Пойду попробую. А потом поговорим. Где у вас тут ванная?

Я проводил его, и он заперся. Было слышно, как он там все роняет.

— Странное дело, — сказал Оскар.

— Страшное дело, — поправил я. — Это вам не гангстеры. Ясно даже и ежу, как говаривал Владимир Юрковский.

— Кто? — спросил Оскар.

— Юрковский. Был такой известный планетолог.

— А, — сказал Оскар. — Между прочим, на площади против «Олимпиака» стоит памятник Юрковскому.

— Это тот самый, — сказал я. — Хорошая скульптура.

— Вряд ли, — возразил Оскар. — Этот Юрковский прославился тем, что сорвал банк в электронную рулетку. Впервые в истории. Этот подвиг они и решили увековечить.

— Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — пробормотал я.

В ванной журчала вода, весело взрывался приемник. Потом наверху что-то сердито крикнула Вузи и тонко и жалобно заплакал Лэн. Я уже знал, что не уеду отсюда. Я понятия не имел, что здесь можно сделать, в этой отравленной стране, съеденной вещами, но я знал, что не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции, а когда он перестанет позволять, я его нарушу.

Позже окончание повести было подвергнуто существенной переработке. К этому этапу относятся подготовительные заметки:

1. Что такое слег?
2. Марию в ванне заливают чернилами.
3. Памятник Юрковскому.
4. Реакция на объяснение.
5. Аргументации.
6. Что такое решение проблемы.
7. Жилин подает в отставку.

Люди действия. Гордятся, что действуют без предвзятости и без социальных предрассудков. На самом деле — всегда один и тот же предрассудок: предусматривается принятие решения на немедленное кардинальное действие. Хорошо показали себя там, где надо стрелять, брать, рубить, и их по инерции посадили на это место.

Чистовик повести был благополучно завершён, рукопись представлена в издательство «Молодая гвардия». Авторы, по словам БНС, «и предположить не могли, какие неприятности ждут их впереди, и были полны оптимизма».

О дальнейших событиях и о том, что пришлось предпринять для спасения книги, рассказано со всеми подробностями в «Комментариях к пройденному» и в переписке АБС. Мы же ограничимся кратким рассмотрением публикационных вариантов.

Итак, после затребованных цензурой и редакционным начальством исправлений повесть впервые была издана в одноимённом сборнике (вместе с ПКБ) в 1965 году. В этой книге ХВВ сопровождало авторское предисловие, написанное в рамках все той же «спасательной операции» для снижения риска нежелательных толкований. Ни от каких дальнейших нападков это вступление, впрочем, Авторы не спасло, и в последующих изданиях надобность в нём отпала. А переиздавалась повесть в советские времена достаточно редко и только в периферийных издательствах (в Баку в 1980 и 1981 годах и в Кишиневе в 1983 году).

Вынужденные изменения в ХВВ производились, собственно говоря, вполне «точечно» (кроме масштабных вставок в финале). Но Авторам этого вполне хватило: считать полностью своим этот текст, искажённый редакторскими и цензурскими поправками и указаниями, они уже не могли. Вот как передал это БНС: «Не-ет, идеологические инстанции знали свое дело! Они умели ПРЕВРАЩАТЬ текст и превращали его в нечто межеумочное, причем руками самих авторов. Авторский замысел смазывался. Черное становилось серым, светлое — тоже. Острота произведения в значительной степени утрачивалась, и в то же время текст оставался открыт для ударов». Читателям тоже не позавидуешь. Они в абсолютной массе своей долгие годы понятия не имели о подлинном авторском замысле и считали единственно правильным только доступный им вариант.

И вот настало время, когда книги АБС одна за другой стали появляться в авторских вариантах, очищенных от конъюнктурных искажений всех форм и видов. Повесть восстанавливалась по позднему черновику, в собрание сочинений издательства «Текст» внести изменения не успели, поэтому первый раз в восстановленном виде ХВВ вышли в 1996 году: сначала в двухтомнике, изданном в рамках межиздательской «Библиотеки фантастики», а затем в «Мирах братьев Стругацких». Но произошло нечто, с одной стороны, неожиданное, а с другой — вполне предсказуемое. БНС писал: «Дело в том, что все вставки, сделанные в свое время под давлением, я, разумеется, из повести убрал. Текст сделался таким (или почти таким), каким он вышел из пишущей машинки в ноябре 1964 года. Но тут вдруг выяснилось, что многие из НЫНЕШНИХ редакторов, с детства привыкших к старому, подслащенному и исковерканному, тексту, ни в какую не хотят с ним расставаться! Меня всячески упрашивали оставить все как есть, ну, хотя бы частично, ну, хотя бы только то-то и то-то...»

Проблема эта сложна. Может быть, применительно к ХВВ она даже сложнее, чем для любой другой повести. Да, восстановление текстов, в свое время испорченных цензурой, бдительными редакторами или даже (в силу печальной необходимости) самими Авторами, — благородная цель. Да, в новейшие издания правильно включать произведения в том же или почти в том же виде, в котором желали (хотя и не смогли) их опубликовать в свое время сами Авторы. И все же, получив восстановленный текст ХВВ, немалое число любителей творчества Стругацких отнеслось к нему без энтузиазма: не то чтобы полностью отвергли, но перечитывать все же предпочитают старые издания.

Однако даже если старые читатели к чему-то привыкли за много лет, значит ли это, что и следующие поколения читателей фантастики тоже обязаны привыкать именно к этим урезанным или подчищенным текстам? Значит ли это, что критики и литературоведы должны исследовать именно эти тексты, легко узнаваемые для нас, но неприемлемые с точки зрения самих Авторам? Думается, что ответ ясен. А это значит, что даже те отрывки, которые знакомы многим читателям практически дословно, теперь должны считаться только побочными вариантами основного текста и ни в каком ином качестве не рассматриваться.

Если говорить о том, что в первых изданиях было по сравнению с рукописью не убрано, а именно добавлено, то существенные различия обнаруживаются в двух местах.

Это, прежде всего, встреча Жилина с заезжим «борцом за свободу», который в рукописи и в восстановленном варианте говорит о судьбе Бадшаха и дальнейших перспективах так:

— Он не успеет. Он получит то, что заслужил. Революционный народ раздерет его в клочья! И вот тогда мы начнем работать. Мы построим химические заводы и завалим страну едой и одеждой. Мы вернем территории, отторгнутые у нас сытыми соседями, мы выполним всю программу, о которой вопит сейчас лживый Бадшах, чтобы обмануть народ... И вот тогда, только тогда, мы разоружимся. Нам уже не нужна будет ваша

помощь. Понимаете? Мы разоружимся не потому, что вы поставили нам такие условия, а потому, что нам уже не нужно будет оружие. И вот тогда...

В ранних публикациях некоторые фразы были убраны или заменены более «идеологически выдержанными»:

— Он не удерет. Он получит то, что заслужил. Революционный народ раздерет его в клочья! И вот тогда мы начнем работать. Мы вернем территории, отторгнутые у нас сытыми соседями, мы выполним всю программу, о которой вопит лживый Бадшах, чтобы обмануть народ... Я им покажу забастовки! Они у меня побастуют... Никаких забастовок! Всех под ружье и вперед! И победим. И вот тогда...

Долгое время в изданиях с восстановленным авторским вариантом ХВВ этот разговор завершался так:

Я встал.

— Завтра может оказаться поздно, — сказал я.

Он смотрел на меня как на слабоумного. Я ушел.

В ранних же публикациях Жилин одной фразой не ограничивался:

Я встал.

— Завтра может оказаться поздно, — сказал я. — И напрасно вы ссылаетесь на великих революционеров. Они бы не приняли ваш лозунг: теперь вы-де свободны, развлекайтесь. Они говорили иначе: теперь вы свободны, работайте. Они ведь никогда не дрались за изобилие для брюха, их интересовало изобилие для души и головы...

Рука его опять дернулась к кобуре, и опять он спохватился.

— Марксист! — сказал он с удивлением. — Впрочем, вы же приезжий. У нас марксистов почти нет, мы их сажаем...

Я сдержался.

В 2011 году БНС согласился изменить свое первоначальное решение в отношении последнего фрагмента (помогли его собственные записные книжки, где антитеза «развлекаться или работать» датируется началом написания ХВВ, но никак не периодом вынужденной редакции повести). Так что теперь это тоже часть канонического текста.

И, наконец, концовка. В восстановленном тексте размышления Ивана, моющего ванну, сначала почти те же, что в варианте первых публикаций. (Только из фразы «Чем же таким ваш мозг отличается от мозга Рабле, Свифта, Ленина, Эйнштейна, Макаренко, Хемингуэя, Строгова?» после восстановления текста исчезли фамилии Макаренко и Хемингуэя, хотя они есть и в рукописи.) А вот дальнейшие различия куда существеннее. После «Только я хочу помогать вам, а вы не хотите помогать мне...» в новейших изданиях ХВВ следует лишь короткий абзац:

Наверху визгливо закричала Вузи, тонко и жалобно заплакал Лэн. В кабинете что-то бубнил Оскар. А я вдруг подумал, что теперь не уеду отсюда. Я здесь всего три дня, я не знаю, с чего здесь надо начинать и что должен делать, но я не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу.

В первых публикациях финальные размышления Ивана были расширены и предварялись то ли мечтой, то ли провидением — неким связующим мостиком между ХВВ и Миром Полудня.

Рюг и Лэн пришли ко мне после уроков, и Лэн сказал: «Мы уже решили, Иван. Мы поедem в Гоби, на Магистраль». У Лэна был рыжий пух на губе и большие красные руки, и было видно, что про Магистраль придумал именно он, и совсем недавно, минут десять назад. Рюг, как обычно, молчал, и жевал травинку, и внимательно рассматривал меня спокойными серыми глазами. Совсем стал квадратный, подумал я про него и сказал: «Превосходная книга, правда?» — «Ну да, — сказал Лэн. — Мы сразу поняли, куда надо

ехать». Рюг молчал. «Зной и смрад стоят в тени этих чернорабочих драконов, — сказал я на память. — Они жуют все под собою — старую монгольскую кумирню и кости двугорбого животного, павшего когда-то в песчаной буре...» — «Да», — сказал Лэн, а Рюг все жевал травинку. «Каждый раз, — продолжал я (уже из Ичиндаглы), — когда солнце занимает на небе математически точно определенное положение, на востоке расцветает мираж странного города с белыми башнями, которого никто еще не видел наяву...» — «Надлежит увидеть это своими глазами», — сказал Лэн и засмеялся. «Друг мой Лэн, — сказал я, — это слишком увлекательно и, следовательно, слишком просто. Вы сами увидите, что это слишком просто, и это будет неприятное разочарование...» Нет, я не так сказал. «Друг мой Лэн, — сказал я, — ну что это за мираж? Вот я семь лет назад в доме твоей матери увидел действительно прекрасный мираж: вы оба стояли передо мной уже почти взрослые...» Нет, это я говорю для себя, а не для них. Надо сказать не так. «Друг мой Лэн, — сказал я. — Семь лет назад ты объяснил мне, что твой народ проклят. Мы пришли сюда и сняли проклятье с тебя, Рюга и со многих других детей, у которых не бывает родителей. А теперь ваша очередь снимать проклятье, которое...» Будет очень трудно объяснить. Но я объясню. Так или иначе я им объясню. Мы с детства знаем о том, как снимали проклятья на баррикадах, и о том, как снимали проклятья на стройках и в лабораториях, а вы снимете последнее проклятье, вы, будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат.

Наверху визгливо закричала Вузи и жалобно заплакал Лэн. В кабинете что-то бубнил Оскар. Хорошо ему, подумал я. Просто: слег — это плохо, вредно, противоестественно. Значит, надо уничтожить слег, запретить его законом и следить потом, чтобы закон выполнялся строго. И только Мария умнее, потому что старше и опытнее. Марию еще можно будет перетянуть на нашу сторону. Я для него не авторитет, но найдутся люди, которых он выслушает внимательно... До чего же хорошо, что я могу сейчас крикнуть на весь мир и меня услышат миллионы единомышленников! И я подумал, что теперь не уеду отсюда. Я здесь всего три дня. Не может быть, чтобы здесь не оказалось никого, кто с нами. Кто ненавидит все это смертной ненавистью, кто хочет взорвать этот тупой сытый мир. Такие люди всегда были и всегда будут. Ну, хотя бы тот шофер-книголюб... или этот длинный, жесткий, из интелов... Да мало ли кто еще! Они тычутся, как слепые. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь им, чтобы они не растрчивали ненависть по мелочам. Теперь наше место здесь. И мое место здесь.

Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа!.. Я не знал пока, с чего нужно начинать в этой Стране Дураков, захваченной врасплох избытком, но я знал, что не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу.

Расширены были в первых изданиях и размышления Жилина по поводу действий Марии: «В конце концов, спекулируют всегда только тем товаром, на который есть спрос. Но Мария-то все равно пошлет нас ловить спекулянтов, подумал я уныло». Вместо этого было:

Беда, что существует эта Страна Дураков, этот поганый неострой. Он взял под свою опеку дрожку и ждет не дождется момента, когда можно будет узаконить слег...

Еще один отрывок, который был убран БНС при восстановлении текста, относится к монологу Опира: «Позвольте, как вас зовут? Иван? А, так вы, надо думать, из России... Коммунист? Ага... Ну да, у вас там все иначе, я знаю...»

Одним из неперемных условий прохождения повести было изъятие из фразы Жилина «Конкретно я предлагаю столетний план восстановления и развития человеческого мировоззрения в этой стране» слова «столетний». А размышления Ивана «А здесь никому не нужен покой, здесь ведь не угнетают и никто не умирает от голода, здесь просто скучно» в первопубликации появились без слов про угнетение.

Можно упомянуть и еще целый ряд мелких правок, когда слова или фразы, присутствующие в позднем черновике, отсутствовали в первых изданиях и вновь появлялись в последних.

Многочисленным изменениям подвергся перечень туристов, прибывших на отдых в эту страну: мелкие партийные боссы из Аргентины превратились в мелких католических боссов из Испании, венгерские баскетболистки — в итальянских, иранские студенты — в китайских, а черные профсоюзные деятели из Замбии лишились определения «черные».

В размышления Жилина о том же монологе доктора Опира («Неооптимизм... Неогедонизм и неокретинизм...») в первых изданиях был вставлен «неокапитализм», а в его же мысли при встрече с «революционером» в кафе — определение «микрөгитлеры».

В словах Ивана о том, как ему хотелось бы отдохнуть, «назначить свидание какой-нибудь киске» было заменено на «покидать мяч с ребятами». Слова о Пеке «выпить с ним — он теперь, наверное, тоже пьет — почему бы и нет?», заменены на «расположиться с ним в прохладной комнате на полу». Это при том, что последний вариант сам несколько уязвим для превратных толкований.

В сцене с шофером фургона из весьма эмоциональной оценки доктора Опира была убрана итоговая фраза «Ну его в штаны!..»

Исчезли «длинноногие гладкокожие красотки, годные только для постели», их заменили «стандартизированные, развинченные читательницы журналов мод».

Проклятия посетителей бара после нападения интеллей на дрожку также были слегка приглажены. В первых изданиях вместо «дерьмо свинаячь, стервы... пархатые суки... Свербит у них в заднице» было «собаки свинаячи, дряни поганые... Свербит у них».

В первых изданиях исправления были призваны затушевать обличение мещанства как глобального явления и сделать акцент только на конкретной стране. После просмотра Иван восклицает: «Ну что за тоска!» — и далее размышляет: «Какое-то проклятье на человечестве...» По указанию издательских работников Авторам пришлось добавить: «Ну что у них здесь за тоска!» — и изменить: «Какое-то проклятье на этих людях...» Криницкий и Милованович, написавшие брошюру о системе воспитания, в рукописи и в поздних изданиях — педагог и инженер (без упоминания принадлежности к какому-либо государству), а в ранних изданиях — советские педагоги.

В новейших изданиях эти фрагменты, разумеется, приводятся в авторской редакции.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Через настоящее — в будущее

Вопросы литературы (М.). — 1964. — № 8.

Если принять во внимание, что в наше время наука стала фактором первостепенного общественного значения, важнейшим аспектом Ее Величества Действительности, то вопрос «Писатель и наука» без труда сводится к не новому уже и по-прежнему сложному вопросу «Писатель и действительность». Но такая постановка вопроса слишком обща; она приводит к банальностям вроде: «Неудержимо стремительный прогресс науки на глазах меняет повседневную жизнь...», «В своем стремительном развитии наука формирует у человека совершенно новое мироощущение...», «Возник и неудержимо растет массовый человек нового типа — научный работник...» и так далее. Поэтому мы позволим себе несколько сузить вопрос и поговорить на тему «Писатель-фантаст и наука». Сразу оговоримся, это вовсе не значит, что мы признаем за фантастикой какую-то особую жанровую специфику. Просто вопрос о роли науки в литературной фантастике ставится в последнее время как-то излишне остро.

Прежде всего, что такое писатель-фантаст? Пресса распространяет мнение, будто писатель-фантаст есть либо крылатый мечтатель, либо генератор идей, либо популяризатор и бард науки, либо то, и другое, и третье вместе. Он крылато мечтает о грядущих достижениях науки, исходя из достижений науки сегодняшнего дня. Он занят генерированием научных идей, которые впоследствии поразят потомков мощью и глубиной предвидения. Он популяризирует и воспекает науку, вплетая скучноватые специальные сведения в роскошный ковер яркого и острого сюжета. Можно соглашаться с таким мнением, а можно и не соглашаться. Мы, например, соглашаемся, но считаем, что оно далеко не исчерпывает многообразия фантастики. Проваливаются куда-то Уэллс, Лем, Брэдбери и, что самое обидное, последние повести братьев Стругацких.

Функциональные определения задач фантастики только мешают и сбивают с толку. Правда состоит в том, что писатель-фантаст — это прежде всего такой же писатель, как и все остальные, — обремененный мыслями и идеями, удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей» (как говорил Моэм), пишущий потому, что не может не писать. И фантастика является полноправным видом художественной литературы без всяких скидок на жанр, призванным отражать действительность в художественных образах. Только полезно помнить, что действительность — это не только мир вещей и событий, но и духовный мир человека и мир общественного сознания; что отражать — вовсе не обязательно означает отражать в плоском зеркале; что художественный образ есть нечто, существенно зависящее от цели, поставленной автором перед собой. И отличие писателя-фантаста от «обычного» писателя состоит в том, что он пользуется методами, которые не применяли ни писатели-реалисты, ни Рабле, ни Гофман, ни Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Отличие только в методах.

Все это прекрасно, скажете вы. Но при чем здесь наука? Почему вас называют научными фантастами? Мы ответим: не знаем. Не знаем, почему до сих пор держится устаревший термин «научная фантастика». В лучшем случае он пригоден для определения одного из направлений фантастики. И мы понятия не имеем, почему у писателя-фантаста должны быть какие-то особые взаимоотношения с наукой, отличные от отношений с наукой любого другого писателя. Могут возразить: но ведь большинство фантастов

являются научными работниками или инженерами. Это так. Но Гранин, Грекова и многие другие тоже пришли в литературу не из литературного института. Гранин и Грекова показывают психологию научного коллектива и тернистые пути научного поиска не менее убедительно, чем, скажем, Савченко или Войскунский с Лукодяновым. Отношения с наукой у них всех примерно одинаковые. Разные только методы работы. Хотя, заметьте, цели работы тоже одинаковые.

В идеале у всех писателей нашей страны отношения с теперешней «властительницей дум» должны быть такими же, как у Гранина и у Грековой. И не только потому, что новый ученый заявляет свои права на место в литературе наряду с другими, старыми героями нашего времени. Дело еще и главным образом в том, что только «короткая нога» с наукой, с научным мировоззрением, с философией науки позволяет сейчас раздвинуть рамки традиционных сюжетов литературы и заглянуть в новый, невиданный доселе мир гигантских человеческих возможностей, всепланетных тенденций, надежд и ошибок. Если можно так выразиться, «писатель-научник» может в литературе больше, чем «обыкновенный» писатель. Человек, не имеющий представления о самых общих закономерностях движения материи и общества, просто не может быть в наше время настоящим писателем. Ну что он нового скажет своему современнику, всюду побывавшему, острослову и умнице, открывателю миров и строителю морей? Современная литература высшего класса — это философская литература. Толстой, Достоевский, Фейхтвангер, Томас Манн — вот гигантские образцы того, как должен подходить к своей работе сейчас *каждый* писатель.

«Писатель-научник», писатель-философ видит дальше, угадывает вернее. Взрывоподобное развитие науки застало человечество врасплох. Лучшие умы человечества селятся ныне осмыслить этот процесс и научиться управлять им. Рано или поздно это им удастся. Что же касается не лучших умов, то они либо, как и встарь, на все плюют, либо по невежеству устраивают облавы на узкие брюки и участвуют в диспутах псевдофизиков против псевдолириков. Время сейчас сложное. Писатель должен пристально следить за социальной действенностью всех явлений жизни, прогресса науки; он должен первым привлечь внимание к росткам прекрасного нового, первым предупредить о возможной, никем еще не осознанной угрозе. Это может сделать только писатель, вооруженный знанием. Хочется добавить — современным знанием. К сожалению, таких писателей пока прискорбно мало.

Что же касается роли науки в нашем творчестве, в творчестве братьев Стругацких, то добавить к уже сказанному, пожалуй, нечего.

Считается, что мы пишем о будущем, строим модели грядущих существований. Это, однако, не совсем так. Во всяком случае, для наших последних произведений: «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Акинари Уэда сказал как-то: «Настоящее можно узреть в глубокой древности». У него был свой метод, через столетие примененный Фейхтвангером. А мы поступаем немного по-другому — протягиваем элементы настоящего в более или менее отдаленное будущее. Нам представляется, что такой метод позволяет более отчетливо увидеть эти интересующие нас элементы. Но это, разумеется, не единственный возможный метод.

Очень хочется написать о многом.

О далеком будущем с его колоссальными проблемами, которые мы сейчас не в состоянии разрешить, но уже можем поставить, о будущем, которое предстает перед нами не как смутное розовое марево над болотом всеобщей успокоенности, а как великолепный и грозный мир человеческого духа, озаряемый молниями великих задач и дел, мир невиданных взрывов коллективного гения, мир поражающих воображение судеб и характеров.

О близком будущем, о великой эпохе человеческой истории, которая даст нашим потомкам мир и безопасность, об эпохе победоносного сражения с мещанством — сражения, о котором так хорошо сказал Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души,

человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком». Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке.

И о нашем времени хочется написать, о нелегком и суровом, когда миллионы испытываются на прочность, создавая фундамент будущего. О времени проблем, требующих немедленного разрешения, о времени удивительно интересных, хотя и противоречивых людей, решающих эти проблемы.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий [О творческих планах]

Искатель (М.). — 1964. — № 6.

Наша первая книга, «Страна багровых туч», вышла в 1959 году. После нее — «Шесть спичек», «Путь на Амальтею», «Возвращение», «Стажеры». В сборниках «Фантастика, 1962 год» (издательство «Молодая гвардия») и «Новая сигнальная» (издательство «Знание») напечатаны повести «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» и <в отдельном сборнике> «Трудно быть богом».

Сейчас мы работаем над тремя фантастическими повестями сразу: о фантастических ученых, о фантастических мещанах и о фантастических событиях на фантастически незадачливой планете. Может быть, это звучит несколько игриво, но мы надеемся, что повести получатся довольно серьезными независимо от того, веселые или печальные события в них описываются. Первая повесть называется «Понедельник начинается в субботу», вторая — «Хищные вещи века», а третья пока никак не называется.

И наши ближайшие планы — скорее закончить начатые повести. Планы дальние тоже есть, но пока говорить о них рано.

Вот несколько страничек начала одной из повестей.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Нет, фантастика богаче!

Литературная газета (М.). — 1964. — 3 дек.

В «Известиях» 23 ноября сего года была помещена статья доктора философских наук Л. Когана «Обедненный жанр», посвященная некоторым проблемам советской фантастики. Она напечатана под рубрикой «О чем мы думаем, о чем спорим». Мы готовы откликнуться на призыв редакции и включиться в спор с автором статьи. Сразу же скажем, что со многими мыслями Л. Когана мы безусловно согласны. Например, с тем, что, «описывая жизнь коммунистического завтра, искусство даст возможность яснее увидеть коммунистическое в нашей сегодняшней жизни, сделает более непримиримыми ко всему, что мешает нам строить будущее». Или с тем, что «нам нужна советская социальная фантастика. Много книг, хороших и разных, и не только книг, но и фильмов, полотен живописцев». Однако кое-что в статье вызывает у нас недоумение¹.

В отличие от тов. Когана, мы никак не можем принять определение: «Фантастика — литература мечты, мечты о завтрашнем дне!» И только? Мы решительно отказываемся понять, как можно после Жюль Верна и Уэллса, после А. Толстого и Чапека, после Беляева и Ефремова, после Брэдбери и Лема пытаться затиснуть все тематическое многообразие фантастики в рамки «однотемного» определения, как бы пышно оно ни

¹ В черновике добавлено: «переходящее в протест».

звучало. «Литература мечты», «литература о завтрашнем дне», «литература научного предвидения», — честное слово, нам казалось, что даже школьнику нашего времени должно быть ясно: подобные определения способны лишь ограничить и обеднить жанр, каковы бы ни были намерения их авторов. В самом деле, ну какая мечта о завтрашнем дне содержится в таких классических произведениях жанра, как «Человек-амфибия» или «Война с саламандрами»? Какому научному предвидению посвящены «Аэлита» и «Человек, который мог творить чудеса»?¹ История фантастики свидетельствует, что она может быть превосходно применена и для создания зримой картины коммунистического будущего (отражение современных идей и представлений научного коммунизма), и для художественного исследования индивидуальной и социальной психологии, и для рассмотрения общих философских проблем (например, гносеологических), и для антимещанского памфлета, и для антивоенной, антиимпериалистической сатиры. Всякая же попытка гипертрофировать значение какого-нибудь одного тематического направления неизбежно должна вести не только к теоретической путанице, но и к² обнищанию жанра, как это уже случилось однажды³, когда в нашей фантастике временно восторжествовала так называемая «теория ближнего прицела».

Мы ни в какой мере не хотим умалить важность и значимость утопической темы в советской фантастике, мы лишь хотим подчеркнуть, что в ней существуют темы столь же важные, темы, прямо связанные с современностью, со становлением коммунистического человека, с борьбой против⁴ империализма и т. д.

В отличие от тов. Когана, в ответ на вопрос: «В какой книге можно прочесть о полном коммунизме?» — мы не стали бы говорить «увы», пожимая при этом плечами. Мы не будем защищать книги Сафроновых и Г. Мартынова (хотя, к слову, как нам известно, целые коллективы ленинградских, например, школьников зачитываются эпопеей о Каллисто, играют в ее героев, выдумывают и пишут ее продолжение), но даже если оставить их в стороне, мы бы порекомендовали вопрошающему, скажем, следующие книги: «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Странник и время» и «Уэру» Г. Гора, «Девушку у обрыва» В. Шефнера, «Путешествие длиной в век» В. Тендрякова, и это были бы только книги, в которых изображение коммунистического будущего — либо самая главная, либо одна из главных задач авторов. Повестям же и рассказам, где коммунистическое будущее служит необходимым фоном, нет числа.

С другой стороны, мы никак не рискнули бы порекомендовать читателю, интересующемуся зримой картиной коммунизма, ни «Пояса жизни» И. Забелина, ни «Страны багровых туч» и «Пути на Амальтею» Стругацких. Не стали бы рекомендовать просто потому, что авторы в названных повестях вовсе не ставили перед собой задачу изобразить полный коммунизм. Забелин пишет о некоторых идеях астрогеографии, а Стругацкие пытались рассказать всего лишь о будничной работе космонавтов самого недалекого будущего. Как можно требовать изображения ярких картин коммунистического общества от маленькой повести, где описан частный эпизод — авария звездолета на Юпитере! Да извинит нас Л. Коган, но у нас создалось такое впечатление, что он не очень внимательно читал некоторые из названных им книг. Странно также, что почти ни одной книги действительно последних лет он не упоминает, а подробно анализирует одно-единственное произведение шестилетней давности, кстати сказать, уже много раз раскритикованное, — роман Сафроновых «Внуки наших внуков».

¹ В черновике добавлено: «Если так уж необходимо определение (для пользы дела, скажем), то не естественнее ли принять, что фантастика — это один из литературных методов отражения действительности в образах, характеризующийся такими-то и такими-то чертами. Метод этот не связан жестко ни с какой одной-единственной темой».

² В черновике добавлено: «прямому уродованию и».

³ В черновике добавлено: «в недоброй памяти времена».

⁴ В черновике добавлено: «мещанства, с борьбой против».

Правда, Л. Коган отмечает, что в ежегодниках «Фантастика» за 1963 и 1964 годы «нет буквально ни одного произведения, где бы читатель смог найти яркую картину социальных отношений в условиях коммунистического строя!». Нам не кажется верной такая избирательная критика, надо же взглянуть на фантастику в целом, и тогда мы увидим, что дело обстоит совсем не так плохо, как это представляется тов. Когану. В 1963 и 1964 годах издательство «Молодая гвардия» (а это не единственное издательство, занятое выпуском фантастики) не ограничилось упомянутыми сборниками. Оно выпустило немало произведений, в том числе и посвященных проблемам коммунистического общества. Что же касается самих сборников, то надо сказать следующее. Сборники эти делают большое и полезное дело, в частности они вводят в читательский обиход много новых имен. Не все в них ровно и хорошо, они заслуживают обстоятельной критики, но, на наш взгляд, упомянутые сборники, кроме недостатка, указанного тов. Коганом, обладают все-таки и кое-какими достоинствами, тов. Коганом не отмеченными. Об этом свидетельствует хотя бы их громадная популярность. Нам кажется, в предисловии одного из сборников правильно подмечено, что особенностью большинства произведений, входящих в «фантастику», является «горячая заинтересованность писателей-фантастов проблемами современной жизни, их нетерпимость к тому, что мешает советским людям строить самое разумное, самое счастливое общество на земле»¹.

В отличие от тов. Когана, у нас не создается такого категорического впечатления, будто в советской фантастике «роботы выжили людей». Тов. Коган пишет: «А. М. Горький так определял предмет научной фантастики: она “...должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода...”». Мы считаем своим долгом прежде всего исправить досадную оговорку тов. Когана. Начало приведенной им цитаты из статьи А. М. Горького «О темах» (1933 год) выглядит в действительности так: «Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать...» и далее по тексту. Таким образом, А. М. Горький этими словами определял не предмет научной фантастики, а, прямо скажем, предмет научно-популярной и научно-художественной литературы. Нам кажется, что между этими вещами есть известная разница. Однако мы вполне допускаем, что высказывание Горького остается справедливым и для некоторых тематических направлений научной фантастики. И нам кажется — в отличие от тов. Когана, — что многие советские фантасты, старающиеся показать деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки, удовлетворяют этому пожеланию А. М. Горького.

Конечно, в фантастике есть плохие произведения, где «роботы выжили людей»². И, к сожалению, их немало, но не эти произведения определяют советскую научную фантастику; где и когда общая оценка литературы давалась по ее неудачам?

¹ В черновике добавлено: «И в-третьих, нам, конечно, понятно желание тов. Когана иметь ежегодно хотя бы одно произведение о коммунистическом будущем, такое же яркое и сильное, как «Туманность Андромеды». Не мешало бы заодно иметь ежегодно и произведение о гражданской войне, по силе и яркости равное «Тихому Дону». Однако ясно, что существуют книги настолько исчерпывающие данную тему или данную область представлений, что должно пройти немалое время, прежде чем появятся произведения, могущие по праву встать рядом с ними. (Для справки напомним, что сам И. Ефремов писал «Туманность Андромеды» не менее восьми лет.) Короче говоря, мы совершенно уверены, что советская фантастика даст еще яркие и сильные книги о коммунистическом будущем, но вряд ли имеет смысл искать их в каждом ежегоднике, комплектуемом, кстати, как правило, из небольших произведений».

² В черновике добавлено: «как есть не менее плохие не-фантастические произведения, где тракторы выжили людей или станки выжили людей. Но стоит заглянуть хотя бы в упомянутые сборники, чтобы признать: большинство советских фантастов интересуется не наука сама по себе, а актуальнейшая тема — “человек в науке”».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Год 2000-й... Что говорят о нем фантасты

Вечерняя Москва. — 1964. — 31 дек.

1. Как вы встречаете 1965 год и каким вы его хотите видеть?

Мы живем в интересное время, когда наука отвоевывает у природы одну за другой ее тайны. Пусть 1965-й порадует нас новыми важными открытиями, которые так нужны человечеству. И пусть никто не посмеет употребить эти открытия человечеству во вред.

2. Как вы представляете себе человеческое общество в 2000 году?

Прежде всего, мы просто хотели бы встретить двухтысячный год. Что будет характерным для человечества в то время? Во-первых, все международные конфликты будут решены. Во-вторых, во всем мире начнется наступление за человека в человеке. Разные страны и государства будут использовать в этом отношении опыт, накопленный в СССР. А у нас работа по воспитанию людей нового уже завершится. Исчезнут из жизни явления, которым соответствуют ныне понятия мещанства, обывательщины, мракобесия.

Мы не хотим говорить о развитии техники. Здесь обо всем позаботится Госплан. Химия, физика, генетика, биология прочно войдут в быт и сделают его совершенно другим.

Из архива

Аркадий Стругацкий

Рецензия на рассказы Миронова, Лысогорова и Комарова

(90 стр.)

Изложение содержания опускаю.

МИРОНОВ «ВЕЧЕР В ГОСТИНИЦЕ»

Рассказ представляется неудачным, и вот почему. Все происходящее дается через восприятие Катумина, усталого опытного человека, считающего, что ему пора на покой. Он любит свое дело, но оно так надоело ему, что одной глупой фразы («Боже, какая волнующая экзотика!») достаточно, чтобы отвратить его от новой работы. Эпизод с демонстрацией аппарата для записи памяти и реабилитацией фокусника призван, по мысли автора, вернуть Катумина к работе. Получаются по крайней мере две вопиющих неувязки. Во-первых, неувязка психологическая. Весьма вероятно, что такой человек, как Катумин, вернулся бы к работе, узнав, что боец Сопротивления, незаконно осужденный в период культа личности, строил этот самый город, в котором Катумину предлагают работать. Но фантастическая обстановка реабилитации настолько резко бьет читателя по глазам, что все катуминские сомнения отступают далеко на задний план, и литературно никому уже нет дела до колебаний героя, на которые автор затратил первую половину рассказа. Во-вторых, неувязка сюжетная. Запись памяти врезана в сюжет грубо, бесцеремонно и наивно, она ничего общего не имеет с замыслом повествования, каким он представляется читателю. Выбор записи памяти как средства реабилитации фокусника и, далее, фактора, влияющего на настроения Катумина, абсолютно произволен. А при фантастичности этого средства — просто притянут за волосы.

МИРОНОВ «ДОРОГИ НАВСТРЕЧУ»

Этот рассказ значительно лучше, хотя бы по замыслу. Вообще чувствуется у Миронова «детская болезнь» фантаста — схватиться за могучую идею, а сюжет к ней приляпать как-нибудь, лишь бы читалось. На этот раз, однако, сюжет не страдает полной непричастностью к научной идее, как это чувствуется в предыдущем рассказе. Правда, и здесь глобатор можно было бы заменить любым другим изобретением, но ведь даже в «Иду на грозу» Гранина выбор темы работы ученых достаточно произволен. Идея сходимости теоретических и экспериментальных путей в современной науке заслуживает внимания, и разработка ее представляет большой интерес для читателя. Но все же рассказ этот тоже нельзя признать удачным. В нем есть интересные сцены, любопытные мысли, однако в целом он производит впечатление весьма непродуманного и недоработанного. Скорее всего, это идет за счет очень банального конфликта и за счет недоверия, которое всегда испытываешь, когда читаешь про ученых-одиночек в наше время. Разумеется, за спиной Лидского и Андрея институт, лаборатория и все прочее, но в рассказе этого нет, не ощущается. Трудно поверить и в кустарность опытов с неизвестным аппаратом.

ЛЫСОГОРОВ «ГОД 2019»

Рассказ очень любопытен. Несмотря на плачевную неграмотность исполнения, он производит впечатление свежести и большой энергии. Мне представляется, что это самый достойный внимания рассказ из всех. Но его нужно переписать заново. При этом автору следует прежде всего порекомендовать следующие меры:

1) Убрать напрочь традиционную и нелепую фигуру журналиста, субъекта, вставленного для объяснений непонятного, и смело ввести авторские объяснения. Наипростейший прием при этом — сделать рассказ в форме беседы автора с читателем, стараясь, между прочим, по возможности избегать употребления в авторской речи настоящего времени.

2) Убрать ВСЕ — все без исключения остроты персонажей. Сила автора совсем не в этом. Тщательно разработать диалоги, смело вводить в них ссылки на обстоятельства, остающиеся за гранью рассказа.

3) Не злоупотреблять объяснениями и лекциями, помнить, что читатель фантастики, как правило, окончил не менее семи классов и кое-что ему все-таки известно.

4) Чисто вкусовое замечание. Не надо Димок, Вовок и Андрюшек в авторской речи. Только в прямой речи допускать такие фамильярности. Авторская речь должна быть полна достоинства.

Есть много оснований полагать, что Лысогоров сможет обработать свою вещь и довести ее «до кондиции». Взять хотя бы отличные описания микромира. Или умело (не знаю, возможно, это получилось случайно, а может быть, вытекает из повседневной профессиональной практики автора) построенный сюжет.

КОМАРОВ «БУНТ»

Обычный политический памфлет на уровне Розвала. До Лагина, конечно, далеко. Но автор заслуживает внимания хотя бы за отличную мысль: если снабдить неограниченную машину всей фактической и эмоциональной информацией, которой располагает человечество, и запросить ее относительно будущего устройства мира, она ответит: «Коммунизм». Написано грамотно, читается легко. Посоветовать автору слегка сократить рассказ — во-первых, четыре первые страницы, смысл которых все равно повторяется дальше, во-вторых, убрать недоношенный роман с Джен, который в рассказе роли не играет. Тогда рассказ подожмется, станет более логичным и сюжетно мускулистым. Опубликовать, на мой взгляд, можно и нужно. Порядочных памфлетов у нас не так много.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть А. Кларка «В лунной пыли»**

(Англ. яз., ориг., 240 стр.)

Повесть «В лунной пыли» («A Fall of Moondust») является, по-видимому, одним из последних научно-фантастических произведений Артура Кларка: она написана в 1961 году. Кларк большой ученый и честный писатель, и в отличие от многих своих зарубежных коллег он впервые отдает в этой повести должное огромному вкладу советской космонавтики в дело завоевания человечеством межпланетного пространства. Правда, как и в прошлых его книгах, героями являются главным образом англичане, однако теперь это обстоятельство не распространяется на все работы человечества в космосе, а относится только к сравнительно небольшому кругу лиц, втянутых в описываемые события. Более того, Кларк считает, что первыми на Луне высадятся советские люди. Так, он пишет: «Как и у большинства колонистов на Луне, знания Пата из истории Земли были весьма туманны, он был склонен полагать, что в истории вообще ничего важного не происходило до 8 ноября 1967 года, когда так великолепно была отпразднована пятидесятая годовщина Русской Революции». Начальником спутника-обсерватории «Лагранж-2», висящего между Землей и Луной, является профессор Котельников, и Кларку, опять-таки в отличие от своих коллег, удалось не только не спутать фамилию с отчеством, но и правильно эту фамилию протранскрибировать.

Действие повести происходит в основном на Луне в сороковых годах 21-го века, когда человечество окончательно закрепилось в космосе, освоило Венеру и Марс, облетало почти все планеты Солнечной системы, в том числе и далекий Плутон. Луна стала объектом туризма — так лунная администрация увеличивает средства для новых работ по освоению Луны. В один прекрасный день в космопорт Рорис прибывает группа в два десятка туристов, мужчин и женщин, совершенно незнакомых друг с другом. Согласно программе туристического путешествия, сначала они совершают поездку на пылеходе «Селена» из Рориса в одну из главных станций на «этой» стороне Луны.

Пылеход — нечто среднее между катером, автобусом и аэросанями — мчится через Море Жажды, огромное пространство, покрытое глубокими напластованиями лунной пыли. Эта пыль — один из зловещих героев повести. Она представляет собой сухой талькообразный порошок, по физическим свойствам напоминающий одновременно и жидкость, и сыпучие тела. Тяжелые предметы, не снабженные широкой опорой, немедленно тонут в ней. Но «Селена» мчится через Море Жажды беспрепятственно, она поставлена на лыжи. И все же случается несчастье.

В еще не замерших недрах нашего спутника происходит крошечная катастрофа, ничтожное тектоническое смещение. Масса пыли воронкой устремляется в образовавшуюся полость, увлекая за собой «Селену». Пылеход не успевает даже подать сигнал бедствия, как проваливается на глубину в пятнадцать метров и застревает там. История испытаний двух десятков человек, погребенных заживо под сотнями тонн зыбучей пыли, история поисков и спасения их и составляет содержание повести.

Странные и опасные свойства лунной пыли создают совершенно уникальные ситуации. Пыль полна метеоритного железа и является по отношению к радиоволнам идеальным экраном — поэтому «Селена» отрезана от всего мира и не может дать о себе знать. Пыль является абсолютным теплоизолятором — поэтому пассажирам «Селены» угрожает опасность свариться заживо в собственном поту. Пыль не позволяет ни на волос приоткрыть люки, химические поглотители из-за жары отказывают — поэтому пассажирам угрожает смертельное отравление углекислотой. Пыль жадно поглощает воду — поэтому сотни килограммов влаги, возникшей в результате жизнедеятельности двух десятков человеческих организмов за несколько дней, подмывают пласт пыли, на котором лежит пылеход, и «Селена», уже обнаруженная было, вновь проваливается еще глубже, ускользая от рук спасательной команды. В довершение всего при спасательных работах повреждена проводка, в аккумуляторной происходит короткое замыкание и возникает пожар, угрожающий взрывом кислородных баков. Но под конец к пленникам лунной пыли приходит освобождение — они спасены благодаря мужеству командира «Селены», выдержке и моральной стойкости каждого пассажира, всей могучей технике Земли, брошенной на спасение, гению и изобретательности ученых и инженеров.

Повесть написана в спокойных, сдержанных, слегка юмористических тонах, свойственных всему творчеству А. Кларка. Одних только ее литературных и идейных достоинств было бы достаточно, чтобы горячо рекомендовать к переводу и изданию. Но «Лунная пыль» обладает еще одним, совершенно новым качеством. На взгляд рецензента, эта повесть возвещает появление (а может быть, и возрождение — после «Таинственного острова» Ж. Верна) совершенно нового тематического вида литературы, весьма своевременного и нужного в наше время громадного скачкообразного развития научных и технических знаний. Автор ставит перед читателями и своими героями и заставляет их решать множество интереснейших и необычных научных и инженерных задач, ограничивая решение разнообразными, вполне реальными условиями. Это придает повести совершенно особенный интерес, делает ее чем-то вроде беспримерного в истории литературы научно-технического детектива. Как обнаружить «Селену», погребенную под полутора десятками метров пыли? Как построить кессон для спасения пассажиров? Как установить с ними акустическую связь?

Но в конечном счете даже не это определяет основную ценность повести Кларка как литературного произведения. Автору удалось создать превосходные, запоминающиеся образы мужественных, волевых людей, очень разных, с разными характерами и недостатками, живых и деятельных. Это командир «Селены», простой простодушный Пат Харрис; прирожденный воспитатель, космонавт в отставке коммодор Хэнстин; маленький чернокожий австралиец доктор Маккензи; вечно занятой и усталый, но быстрый и находчивый главный инженер Лоуренс; забавный взбалмошный астроном Том Лоусон и другие, славные милые люди, каких мы часто встречаем, и сразу после знакомства начинаем уважать, и прощаем им многое за то хорошее, что в них есть и чем они щедро

делятся с нами. Все они являются порождением нового века, века человечества, вышедшего в космос. Кларк не дает подробной политической картины мира этого века. Но можно легко догадаться, что на земле живет и действует Объединенное Человечество, стоящее на старте к огромному социальному прогрессу. Можно легко сделать вывод, что в мире Кларка никогда больше не будет войн и что в федерациях государств этого мира царит социальный строй, близкий к нынешнему нашему социализму.

Но Кларк и не идеализирует свое человечество недалекого будущего. Встречаются в его мире еще и мошенники, втихомолку торгующие фальшивыми обломками первых автоматических лунников; и проворовавшиеся бухгалтеры — правда, сумасшедшие; и телевизионные корреспонденты, в погоне за сенсациями растерявшие человеческие чувства. Но они не способны омрачить нарисованной Кларком общечеловеческой солидарности, готовности пожертвовать чем угодно для общего блага, юношеской увлеченности огромной всемирной работой.

О повести Кларка можно было бы сказать еще много хорошего. В ней так или иначе затрагиваются очень большие области проблем. Мы находим здесь и гневную филиппику против колониализма, и саркастическую насмешку над этакой Франсуазой Саган будущего, написавшей ходкую книжонку о любовных увлечениях Ньютона, и критику гипотезы о «летающих тарелках», и уверенность в вечности классической музыки... И рецензент не находит в повести недостатков, достойных упоминания. Это отличная, нужная нашим читателям книга.

ВЫВОД.

Это повесть из тех, о которых нельзя говорить: можно печатать, а можно и не печатать. Кларк — один из немногих естественных союзников советской фантастики за рубежом. И если издательство серьезно думает об издании иностранной фантастики, то кларковская «В лунной пыли» по праву стоит первой на очереди.

Аркадий Стругацкий Рецензия на повесть А. Кларка «Пески Марса»

(Англ. яз., ориг., 219 стр.)

В нескольких словах о содержании. Повесть является научно-фантастической в самом традиционном, «жюль-верновском» смысле. Действие происходит в недалеком будущем, в первые десятилетия 21-го века. Создан стартовый искусственный спутник Земли, на Луне построены города и обсерватории, ведутся исследования Венеры, осваивается Марс и совершен полет к Сатурну. Политических проблем не существует, видимо (прямо об этом в повести не говорится), на Земле господствует объединение крупнейших государств со строем, близким к социалистическому.

В первой части повести описывается перелет к Марсу первой в мире пассажирской ракеты «Арес». Перелет преследует рекламные цели, кроме того, этим перелетом руководители «Комитета по Развитию Межпланетных Сообщений» пытаются заинтересовать мировое правительство с тем, чтобы оно увеличило финансовую помощь марсианским колонистам. Единственным пассажиром приглашен популярный писатель-фантаст Мартин Гибсон, главное действующее лицо повести. В течение перелета — он длится всего сто дней, т. к. «Арес» оснащен атомными двигателями — Гибсон внимательно приглядывается к экипажу ракеты. Членов экипажа шестеро, это интеллигентные опытные космонавты, несколько декларативно наделенные обширными интересами, помимо профессиональных. Кларк откровенно полемизирует с теми фантастами, которые изображают космонавтов будущего в виде помеси современных командиров военных кораблей и средневековых пиратов с хриплыми «командирскими» голосами и способностью пить ром цистернами.

«Арес» благополучно прибывает к Марсу, и Гибсон высаживается в порту Лоуэлл, «столичном» поселении колонистов, названном по имени крупнейшего ареолога 19–20 вв. Руководитель марсианских поселений и глава местной администрации Уоррен Хэдфилд знакомит Гибсона с жизнью колонии. Колонию населяют отборные люди в самом лучшем смысле этого слова, патриоты своего дела, приехавшие на Марс не за длинным рублем, а для блага человечества. Это настоящие люди труда, веселые, молодые, смелые парни и девушки. Администрация заботится об отборе людей для колонии в первую очередь. Постепенно Гибсон заражается их энтузиазмом. Он принимает самое горячее участие в работах и исследованиях, он присутствует при первом столкновении (совершенно мирном) людей с марсианами — травоядными, похожими на кенгуру полуживотными, совершенно лишенными инстинкта самосохранения. Он совершает дальние исследовательские перелеты над Марсом, едва не гибнет, хватается сразу за много дел и в конце концов, когда наступает время отправиться в обратный путь на Землю, решает остаться на Марсе навсегда. Этот психологический переход, превращение Гибсона из газетчика-наблюдателя в горячего патриота Марса, показан Кларком чрезвычайно тепло и убедительно.

Присутствует в повести и одна тайна, разгадка которой дается в конце. Чтобы создать на Марсе атмосферу, пригодную для дыхания, а следовательно, сделать Марс независимым от снабжения с Земли, марсианские ученые во главе с Хэдфилдом решают поджечь один из спутников Марса ядерной реакцией, создав таким образом для умирающей планеты собственное солнце. Проект этот приходилось скрывать: на Земле существует мнение свернуть колонию на Марсе, ибо она ничего Земле не дает и является исключительно потребителем. Сторонники этого мнения ни за что не дали бы разрешения на дорогостоящий опыт с Фобосом. Но вот пылающий Фобос горячим диском встает над пустынями Марса. Колонисты победили, отступить нельзя.

Таково в общих чертах содержание повести. Следует упомянуть, правда, о «лирической» ее линии. Самый молодой из членов экипажа «Ареса» при ближайшем рассмотрении оказывается сыном Гибсона, что влечет за собой массу переживаний, затем этот сын влюбляется в прекрасную дочку Хэдфилда, родители благословляют молодых на фоне грандиозной деятельности по перестройке планеты, добродетель и молодость торжествуют.

Как видно даже из краткого пересказа, повесть «Пески Марса» не является традиционной для западной (и нашей, между прочим) фантастики в том смысле, что она лишена элементов сюжетной заостренности, в ней почти нет приключений, поражающих воображение научных открытий, накала человеческих страстей и тем более треска автоматов и грома атомных взрывов. И тем не менее повесть необычайно интересна. В целом она представляет собой чуть ли не репортаж, беллетризованное изложение будней большого, но не головокружительного предприятия, где все весьма обыкновенно, но интересно и поучительно для читателя. Этот дух «само собой разумеется» придает повести необычный колорит и своеобразную прелесть, вообще свойственную произведениям Кларка. Гуманизм, глубокая вера в лучшее в человеке — эти отличительные черты передовой литературы — весьма удачно воплотились в «Песках Марса», а в сочетании с указанной выше особенностью они производят просто радостное впечатление. Прочитав книгу, хочется сказать: «Молодцы люди!»

О чем в конечном счете эта книга? Один английский критик восторженно объявил, что в «Песках Марса» прославлен трудовой подвиг человечества. Другой критик утверждает, будто Кларк старается внушить читателю, что человек способен и должен не только познавать, но и покорять, преобразовать природу. Это и так, и не так. Конечно, мотив трудового подвига звучит в повести достаточно сильно. Конечно, мысль о необходимости покорять природу подразумевается, если и не высказывается прямо. Но главное не в этом. Главное в утверждении, что высшая из доступных человеку радостей — это труд во имя высокой цели, когда работаешь в сплоченном коллективе идейных

единомышленников, когда сама по себе работа является радостью, когда с восхищением открываешь и узнаешь в соседи, с которым работаешь рука об руку, огромный мир, доступный тебе и вместе с тем совершенно новый. Недаром так быстро и убедительно заражается Гибсон энтузиазмом колонистов. Недаром он с сожалением думает о том времени, когда колония разрастется и в нее попадут уже случайные люди, радость энтузиазма потускнеет и исчезнет под давлением административных воздействий, совершенно ненужных сейчас, когда все знают и любят друг друга, но которые будут необходимы в будущем с появлением в среде колонистов лодырей и мещан.

Несколько слов о недостатках повести.

Все герои ее — англичане. Все до одного: Гибсон, командир ракеты Нордон со всем экипажем, Хэдфилд, его помощник Уиттэйкер. Это легко понять, принимая во внимание, с одной стороны, что автор является англичанином, а с другой — что книга написана в 50-м году, когда никто на Западе вообразить не мог, что всего через семь лет в небе Земли появится первый спутник, и спутник этот будет советским. Но понять — не значит простить. Сейчас-то уже не 50-й год, и для русского читателя «засилье» англосаксов в космосе будет представляться до неприличия смешным.

(Рецензент не думает упрекать Кларка в национализме. Сам дух повести показывает, что герои его — просто лучшие люди человечества, безо всяких национальных признаков, кроме имен. Трудно себе представить, чтобы Кларк, виднейший энтузиаст идеи межпланетных сообщений в Англии и большой ученый, не понимал, что выход в космос — это дело всего человечества.)

Далее. Крайне неудачной представляется упоминавшаяся «лирическая» линия повести. Ни для духа, ни для содержания книги она не играет ровно никакой роли. Переживания Гибсона-отца никак не помогают уточнению образа настойчивого энтузиаста-писателя, а художничья романчик Джимми с Айрин ничего не добавляет к описанию жизнерадостного духа, царящего в Лоуэлле. Да и сам автор несколько раз смущенно упоминает о том, что встреча отца с сыном после двадцатилетней разлуки — дело совершенно случайное, а потом пытается убедить читателя в том, что Айрин так быстро «спелась» с заезжим космонавтом потому, что в поселении было мало неженатых мужчин.

Вот и все о недостатках. К достоинствам же повести следует прибавить превосходный ясный язык, которым так славится Кларк, добротный английский юмор в лучших традициях Джекобса и Джерома, а также мягкую неназойливость, с которой автор подает необходимый для повествования научный материал. Кстати, о научном материале. Повесть насыщена им как раз в той золотой степени, когда он не надоедает и, с другой стороны, придает произведению несомненную познавательную ценность.

Вывод:

Опубликование повести «Пески Марса» было бы хорошим подарком советскому читателю. Но если вопрос ставится так: «Пески Марса» или «В пыли Луны», — рецензент решительно высказывается в пользу «В пыли Луны». Причины изложены в рецензии на эту книгу.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Фантасты о фантастике

Современная фантастика, видимо, становится и будет становиться все более разнообразной по тематике и по жанрам. В принципе, можно ожидать, что фантастика как прием станет применяться к разработке и чисто реалистических ситуаций.

Во избежание терминологической путаницы мы предпочитаем говорить о фантастике только как о совокупности художественных приемов, сущностью которых

является введение в произведение элемента необычайного. Эти приемы могут быть частью как метода критического реализма, так и метода социалистического реализма.

Вряд ли фантастика будет когда-либо основным видом литературы. Фантастика как совокупность определенных художественных приемов преследует те же цели, что и остальные приемы реализма, в том числе и социалистического. Для постановки и решения некоторых проблем фантастика как прием имеет неоспоримые преимущества.

Фантастика должна быть хорошей литературой. А техническая она или философская — не имеет никакого значения. Если кому-нибудь удастся хорошо написать книгу, в которой хитроумная техника не заслонит человека, мы с удовольствием отнесемся к этой книге хорошо.

Считается, что мы пишем о будущем, строим модели грядущих существований. Это, однако, не совсем так. Во всяком случае, для наших последних произведений: «Стажеры», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом»... Мы поступаем немного по-другому — протягиваем элементы настоящего в более или менее отдаленное будущее. Нам представляется, что такой метод позволяет более отчетливо увидеть эти интересующие нас элементы.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на повесть А. Громовой «В круге света»**

177 стр.

Человек искалечен войной. Лагерь для военнопленных, страшный Маутхаузен, гестапо, пытки, пытки, пытки и... борьба. Человек боролся, но он не был активным борцом, не был коммунистом. Это был буржуа по воспитанию и мировоззрению, хотя и прекрасный человек с чистой душой и огромной, сверхъестественной чуткостью к добру и злу. Человек боролся не за идею. Он боролся за друзей, во имя ближайших друзей. И в этой борьбе он надломился. Когда война кончилась и он оказался на свободе, он повис в вакууме.

Зажили рубцы на теле, кое-как залечена отбитая печень, вправлены выломанные ребра. Но душа человека не зажила. Она кровоточит и пронизана дикой болью, словно ее продолжают ранить ежедневно и ежечасно. Человек искалечен войной. Сколько их таких осталось после войны — с выломанными душами, изуродованной моралью, свихнувшихся от ужаса на всю жизнь! С активными, идейными борцами этого не происходит. Но ведь таких вот растерянных, пассивных, их же большинство! Их миллиарды, и именно они пока составляют мясо человечества. И именно их предстоит поднять и заставить строить новый светлый гармоничный мир. Но чтобы сделать это, надо их знать.

Их основная психологическая реакция на бури, несущиеся над миром, — укрыться, пригнать голову, подгрести под себя все, что им дорого — жену, детей, — и ждать, закрыв глаза, зарыв голову в песок. «Да минет меня чаша сия...». «Мой дом — моя крепость». «Моя хата с краю». «Я вас не трогаю, и вы меня не трогайте». И по их спинам, стуча коваными сапогами, маршируют к власти фашисты, глумясь и издеваясь, в пляс поднимаются к высшим государственным постам берии, лезут с наручниками и атомными бомбами в президентские кресла голдуотеры.

Разоблачению, глубокому художественному анализу психологии такого напуганного человека и посвящена повесть Громовой. Нет нужды пересказывать эту повесть. Заметим только, что, пожалуй, впервые в истории фантастической литературы метод фантастики был применен к исследованию не социальных проблем, не философских построений, не общих морально-этических концепций, а к индивидуальности, к внутреннему миру человека как такового. Громовой удалось успешно разрешить поставленную задачу. Одно-

единственное фантастическое допущение (да и фантастическое ли?) — герой повести наделен мощными парапсихологическими свойствами — позволило ей в сравнительно небольшом и концентрированном объеме безжалостно и последовательно разрушить идею «Круга Света», эту рафинированную и интеллектуализированную модификацию древней как мир и особенно страшной в наше время мещанской идейки «моя хата с краю». Особую убедительность художественной аргументации громовской атаки на эту идею придает тот факт, что Клод Лефевр — отличный человек, прекрасный товарищ, нежный муж и заботливый отец. Но он мещанин, как бы он ни кричал о своей ненависти к мещанству. Ибо в наше интересное время можно быть либо борцом-коллективистом, то есть коммунистом, либо сусликом-мещанином. Так во второй половине 20 века преобразовывается страшный и высокий лозунг «Кто не с нами, тот против нас»: «Кто не верит в людей, тот против людей». Отчаянная тяга изувеченной души Клода Лефевра к любви, к тесной связи с родными и близкими, к ограждению их от бурь времени закономерно оборачивается деспотизмом, моральным обнищанием... гибелью.

Это — главное в повести. И это делает повесть выдающимся явлением в советской, да и — не боюсь я этого слова — в мировой фантастике. Ибо эта повесть — первая на такую жизненно-важную тему. И вопреки мнению предыдущего рецензента, повесть об обреченности индивидуализма приходится как нельзя кстати во время жестокой схватки двух идеологий.

Кстати, о предыдущей рецензии.

Я не уверен, что аналогия с хемингуэевскими романами имеет здесь какую-либо почву. Я не усмотрел в повести патологических ужасов (опять-таки «кстати»: упрек в патологизме звучит странно со стороны автора «Суэмы», «Глиняного бога» и блестящего «Уравнения Максвелла»). Мне представляется, что рецензент придает излишнее значение «мраку термоядерной войны», который, как это становится понятным очень скоро, является своеобразной декорацией. В крайнем случае, достаточно перенести действие из июля 64-го года в июль 63-го — читатель твердо знает, что в 63-м году термоядерной войны не случилось, и «мрак» немедленно исчезнет, если он и имел какое-либо значение.

Что же касается вопроса о том, как любовь героя спасает от радиации, то это вопрос детский. Ведь вся идея повести в том и состоит, чтобы доказать несостоятельность мысли о всемогуществе «Светлого Круга». А о бесчеловечности и жестокости самого эксперимента мы узнаем в «наивно натянутой» концовке. А узнав, не можем не согласиться с выводами Громовой: гуманные одиночки действительно обречены, никаких надежд и никакого оптимизма с ними связывать не следует, никакие эксперименты им не помогут. Их надо объединять, надо бороться за их души, надо воспитывать их, тогда они станут борцами за мир и счастье. А пропо, повесть Громовой является неплохим учебником для такого воспитания.

И совсем уж странно выглядит ссылка автора на высказывание Кэмпбелла. Любопытно, какие именно произведения имел в виду американец, вынося такое суждение? И если даже таковые имеют место, какое к ним отношение имеет повесть Громовой, где действие происходит в буржуазной Франции наших дней?

А что касается «роковой» проблемы жизнеутверждения в литературе, то я позволю себе напомнить рецензенту: оптимизм нельзя противопоставлять художественной сложности, утверждение коммунистических идеалов требует не только провозглашения прекрасного будущего, но и отрицания всего страшного и низкого в настоящем.

Несколько слов о недостатках повести.

Представляются растянутыми первые пятнадцать-двадцать страниц.

Во многих случаях, когда речь идет о «телепатии в быту», сложное словосочетание «телепатическая связь» разумно заменить одним коротким, привычным для героя словом, что-нибудь вроде «контакт».

Возможна редакторская правка по линии выбрасывания лишних слов в предложениях, так фразы сделаются энергичнее и сильнее.

Впрочем, это только советы, которые Громова вольна принять или отвергнуть. А печатать повесть необходимо, и быстро.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на фантастическую повесть Дж. Кристофера** **«Смерть травы»**

(John Christopher «The Death of Grass», англ., 231 стр.)

Джон Кристофер является одной из ведущих фигур в английской научной фантастике наряду с Артуром Кларком, Джоном Уиндемом и др. Повесть «Смерть травы», как и «Год кометы», весьма характерна для него, последователя и подражателя Г. Дж. Уэллса, исследовавшего методом литературной фантастики возможности и тенденции современной буржуазной цивилизации, а также психологию типичной личности современной Англии. Тема повести «Смерть травы» на первый взгляд совершенно уэллсовская, и разрешение ее тоже как будто соответствует известным образцам английской фантастической классики.

Действие повести происходит в наши дни. Мир поражает новый, неизвестный науке вирус, уничтожающий рис. В Китае, Индии, Бирме, Индонезии, на востоке СССР (?) начинается голод, быстро принимающий характер исполинской социальной катастрофы. Сотни миллионов людей гибнут, возможности помочь остальным ограничены из-за хаоса и анархии, воцарившихся в этих странах. Европейские и американские ученые начинают борьбу против вируса, но борьба эта приводит лишь к тому, что появляется новая его модификация, поражающая травянистые растения без разбора, в том числе и зерновые культуры. Правительства в панике. Сельское хозяйство не успевает перестроиться целиком на корнеплодной основе, продуктов моря безнадежно не хватает. Взаимная помощь между государствами прекращается. Европейские президенты, короли, премьеры толпами бегут на североамериканский материк, где еще сохранились (ну конечно же!) значительные резервы зерна. Но Англия обречена. Новый премьер, «сильный человек», принимает решение подвергнуть все большие города страны атомной и водородной бомбардировке, чтобы разом сократить на две трети число голодных ртов. Заговор раскрыт, в стране революция и, само собой разумеется, анархия. Огромные голодные толпы бросаются в сельские местности, грабя, убивая и уничтожая все на своем пути. Наступает конец европейской культуры. Англия вместе со всей Европой стремительно катится в варварство.

На фоне этих событий автор рассказывает о походе кучки лондонцев с детьми и женами на север Англии, где в долине, спрятанной в ущелье, брат одного из них, умный и образованный фермер, предусмотрительно запасся продовольствием и засеял все поля картофелем. Еще до того, как разразилась катастрофа, он приглашал брата к себе пересидеть смутное время. Брат не внял, и вот ему приходится со своими детьми, с женой, с друзьями и их семьями продираться на север через обезумевшую страну. Герои повести, вначале вполне уважаемые граждане — инженер, правительственный чиновник, хозяин оружейной мастерской, — оказываются в аду разлагающейся цивилизации. Они подвергаются грабежам и насилиям, затем сами начинают грабить и убивать и в конце концов превращаются в бессердечных разумных зверей, у которых одна цель: выжить любой ценой и сохранить своих жен и детей. Не проходит и недели, как это маленькое общество становится бандитским отрядом с железной дисциплиной, его руководитель делается кем-то вроде феодального барона — предводителя разбойничьей дружины. По пути они присоединяют к себе еще одну такую же группу, уничтожив ее вожака.

Но когда они добираются до заветной долины, оказывается, что они опоздали. Брат инженера, фермер, не дождавшись его, уже принял меры для обороны посевов от голодных соотечественников. Он населил долину другими фермерами, перегородил устье

ущелья крепостной стеной и готов обороняться до последнего вздоха. Новоприбывшим нет места в картофельном раю. Их не пускают и встречают пулеметным огнем. Тогда лондонцы в ночном штурме все-таки овладевают долиной, и при этом брат-инженер убивает брата-фермера. На этом повесть заканчивается.

Джон Кристофер — неплохой литератор. К тому же он довольно удачно «работает под Уэллса», и книга читается с интересом. Судьбы героев волнуют, зачастую под пером автора они претерпевают самые неожиданные повороты. Но все-таки Кристофер — далеко не Уэллс. Там, где великий англичанин использует свое художественное мастерство, чтобы заставить читателя глубоко задуматься вместе с собой над природой мира, общества, личности, озаботиться судьбами человечества, там Кристофер только пугает. Он дает только внешнее, им самим заданное. Уэллс разрабатывает философско-социальную проблему — Кристофер навязывает простенькую и пошлую мыслишку. Уэллс мотивирует каждый сдвиг в сознании своих героев тонко и психологично — Кристофер обуславливает такие сдвиги интересами фабулы. Уэллс открывает перед читателем философские просторы, от которых захватывает дух, — Кристофер довольствуется заплесневелыми, затасканными утверждениями, будто культура — это лишь тонкая корка, облегающая человека, немедленно исчезающая при малейшем испытании и обнажающая его истинное лицо, лицо зверя и подлеца. Мало того, Кристофер подчас как бы утверждает, что человек никогда и не был культурен, он носит маску культуры по нужде и с удовольствием сбрасывает ее при первой возможности.

Нам, пережившим самую свирепую войну в истории мира, умиравшим от голода в заблокированных городах, бродившим без крова в эвакуации, видевшим и бомбы, и гнусные предательства времен культа личности, нам известно, что утверждения Кристофера — ложь. В самых ужасных и безысходных ситуациях мы встречали настоящих людей, добрых и культурных, готовых на смерть, чтобы спасти ребенка, предпочитавших издевательства и пытки измене товарищам.

Но даже для тех, кто не знал и не видел всего этого, стремительное падение героев Кристофера (между прочим, сам Кристофер, видимо, считает это не падением, а возвращением к норме) должно представляться недостоверным. Недостоверным художественно. Кристофер не дает ни психологических, ни достаточно убедительных — закономерных — внешних мотивировок. Речь большей частью идет о сдирании масок в удобный момент. Конечно, мерзавцы живут и долго еще будут жить на этом свете. Но даже мерзавцы — не механизмы, которых можно одним движением рычага пустить «задним ходом». Это не говоря уже о том, что автор недвусмысленно восхищается превращением обыкновенных людей в мерзавцев.

Я не придерживаюсь того мнения, что книга обязательно делает читателя лучше или хуже. Повесть Кристофера не способна сделать человека хуже и уж во всяком случае не поможет ему стать лучше. Это просто неплохо написанное литературное чтение. Кроме стиля и бойкости изложения у автора в этой повести нет ничего своего, ничего нового, ничего, что заставило бы подумать. Современная фантастика — это философская фантастика. И вещи, подобные «Смерти травы», вряд ли могут представлять современную фантастику. Так или иначе, в нашей «Библиотеке мировой фантастики» ей делать нечего.

Аркадий Стругацкий **Краткая рецензия на книгу М. Гарднера** **«Увлечения и заблуждения во имя науки»**

(Martin Gardner «Fads and Fallacies in the Name of Science»)

Издательская аннотация на эту книгу гласит: «Любопытные теории современных псевдоученых и странные, забавные и опасные культы, возникающие из них. Исследование человеческого легковерия».

Действительно, книга посвящена описанию и разоблачению ряда наиболее распространенных заблуждений, фальсификаций, лжеучений, выдаваемых их создателями за подлинно научные открытия, гипотезы, теории. Кстати, вторую половину заголовка книги следовало бы перевести не «во имя науки», а «под маской науки», это гораздо более соответствует ее замыслу и содержанию.

Читатель (советский) с веселым изумлением (а подчас и с понятной тревогой) узнает о действительно «странных, забавных и опасных» культах и псевдогипотезах, утверждающих, будто наша планета плоская, будто мы живем на внутренней поверхности шара, будто нашей планете грозят периодические космические катастрофы, будто эйнштейновская теория неверна с начала до конца. Читатель узнает о странном обществе фортеанцев, проповедующем самые дикие и нелепые взгляды и теории, задавшемся целью усиленно мистифицировать общественное мнение. Читателя поражают причудливые и опасные медицинские культы, обещающие человечеству мгновенное и полное исцеление во веки веков.

Нет надобности детально перечислять предметы, обратившие на себя внимание талантливого и скрупулезного автора: их двадцать пять. Здесь и летающие блюда, и самообман, связанный с числовой мистикой пирамиды Хеопса, и эксцентрические сексуальные теории, и многое другое. Нам важно заметить, что автор беспощадно разоблачает и высмеивает их, подвергая объективному научному разбору, и подтверждает свои разоблачения анализом психологии создателей всех этих сумасшедших построений. Большинство из них оказывается параноиками, психопатами, людьми с больной психикой.

Даже если бы идея книги исчерпывалась только описанием и разоблачением псевдонаучных взглядов и гипотез, все равно книга представляла бы огромный интерес для советского читателя и могла бы служить для него хорошим пособием, предостерегающим от излишнего увлечения кратковременными сенсационными сообщениями, время от времени появляющимися даже в наших газетах. Но смысл книги этим не ограничивается, он гораздо глубже.

Вольно или невольно, автор демонстрирует чудовищную духовную нищету общества, в котором возможно распространение и существование (причем длительное существование) подобных идей. Девственно невежественные массы обывателей капиталистического мира оказываются беззащитными перед параноиками от псевдонауки, как они то и дело демонстрируют свою беззащитность перед параноиками от политики. Жалкое самодовольство, ложная уверенность в том, что это его дело — во что верить, а во что не верить, элементарная безграмотность — вот что отличает современного мещанина. Отсюда его готовность к восприятию на веру, жадность ко всему сенсационному, острому, «клубничному». Отсюда возможность мерить духовный уровень общества по его готовности к восприятию и распространению антинаучного безумного бреда. В этом смысле книга «Увлечения и заблуждения» является социологической атакой на сущность буржуазной культуры в наше время.

Рецензент убежден, что книгу М. Гарднера следует перевести и издать, и не медлить с этим. Возможно, из соображений внутренней политики следует при переводе опустить главу «Лысенкоизм».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Отзыв о дипломной работе Михалёва С. Н.

(Художественное оформление сборника фантастических повестей Аркадия Стругацкого и Бориса Стругацкого «Трудно быть богом»)

Вопрос о художественном оформлении и иллюстрировании современной советской научно-фантастической литературы является, на наш взгляд, весьма актуальным. Уровень

художественного оформления, как правило, далеко не соответствует возросшему и все возрастающему значению этого жанра и его огромной популярности в нашей стране. Можно с уверенностью сказать, что после Кочергина и Фитингофа, работавших в двадцатых-тридцатых годах, советская фантастика не знала специалистов-иллюстраторов, по-настоящему любящих и понимающих этот жанр. Отдельные удачи (напр., некоторые работы Гришина или оформление Н. Кузнецовым сборника И. Варшавского «Молекулярное кафе») мало что меняют в общей безрадостной картине, и писатели-фантасты зачастую отказываются от иллюстраторов вообще, предпочитая отсутствие иллюстраций иллюстрациям плохим. А между тем, если учесть, что фантастика издается тиражами до полумиллиона экземпляров, хороший художник-иллюстратор имеет небывалую возможность влиять на эстетические вкусы широчайших масс читателей.

Поэтому мы с особой радостью и удовольствием ознакомились с дипломной работой С. Н. Михалёва.

Художник до конца прочувствовал и понял книгу. Глубокой и благородной символики исполнена, например, заставка к повести «Попытка к бегству» — обреченный, последним и яростным усилием прорывающийся из царства тьмы в царство света: в этом весь замысел повести, весь ее пафос.

Художник создал галерею образов действующих лиц, образов неожиданных, точных, законченных и впечатляющих. Великолепно вылеплено (иначе не скажешь) лицо главного героя повести «Трудно быть богом» на обложке книги. Герои художника живые, безо всяких признаков сусальности, в полном соответствии с замыслом авторов — не какие-то сверхлюди-ангелы или абстрактные негодяи, а конкретные, живые люди нашего времени в действии.

Художник создал свою, совершенно новую для фантастики манеру. Он скуп в деталях и необычайно щедр в передаче сущности. Он не загромождает фона живописными атрибутами, а главное свое внимание сосредотачивает на лице и жесте, добиваясь при этом полного успеха.

Успех С. Н. Михалёва представляется нам безусловным. Мы не являемся специалистами в области оформления, но, основываясь на опыте издания шести наших книг, вышедших в центральных издательствах СССР («Молодая гвардия» и «Детгиз»), мы свидетельствуем, что в лице С. Н. Михалёва советская фантастика наконец-то получает настоящего иллюстратора, способного глубоко проникнуть в замысел автора, передать эмоциональный настрой книги и, более того, изобразительными средствами создать второй мир, зримый мир литературного произведения. И если бы С. Н. Михалёв познакомил нас со своей работой годом раньше, повесть «Трудно быть богом» вышла бы именно с этими его иллюстрациями, именно в этом оформлении.

В заключение нам хочется поблагодарить профессорско-преподавательский состав львовского Украинского полиграфического института, подготовивший такого талантливую, такого нужную советской фантастике художника.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **[Врезка к отрывку из ПНВС для журнала «Вожатый»]**

В свое время братья Стругацкие на правах старого знакомства вынудили меня рассказать о нашем НИИЧАВО (Научно-исследовательском институте чародейства и волшебства) и написали с моих слов несколько очерков о деятельности этого учреждения. Первый очерк, «Суета вокруг дивана», был опубликован в сборнике «Фантастика, 1964 год», в нем описываются события и переживания, сопутствовавшие моим первым встречам с работниками института. Позже, когда я стал полноправным сотрудником НИИЧАВО, мне вновь довелось быть участником и свидетелем разных странных событий. Некоторые из этих событий описаны Стругацкими во втором и третьем очерках,

которые, по слухам, выйдут отдельной книгой под общим названием «Понедельник начинается в субботу».

Ниже публикуется отрывок из этой книги, довольно частный эпизод — мое путешествие по времени. Речь идет, конечно, не о реальном физическом времени, всем известно, что путешествие по физическому времени, как его описал Уэллс, относится к чистой фантастике. И я совершил путешествие не по физическому времени, а по времени, описанному в литературных произведениях. Машина для передвижения по описанному времени создана в стенах НИИЧАВО. Оказывается, существуют идеальные миры, созданные творческим воображением литераторов вообще и больших писателей в частности, в этих мирах живут и переживают Дон Кихот, Анна Каренина, Григорий Мелехов и капитан Немо. Эти миры тем более конкретны и наполнены жизнью, чем лучше знает жизнь и ее закономерности автор, чем лучше он владеет пером и чем глубже проникает в психологию своих героев.

К сожалению, познакомиться лично с любимыми героями литературной классики мне не привелось. Я совершил путешествие не по прошлому Чехова, Бальзака и Толстого и не по современности Шолохова и Хемингуэя, а по будущему, описанному писателями-фантастами. Да и в этом будущем мне не удалось увидеть мир эфремовского Великого Кольца и ад страшных пожарников Брэдбери. Вероятно, виной тому — конструктивные особенности машины. Отправься я на ней в прошлое или настоящее, меня бы наверняка занесло к истеричным гимназисткам Чарской, к склочным героям Шевцова, в толстый производственный роман и страшно подумать, куда еще.

Тем не менее, я вынес из описанного будущего достаточно много сильных впечатлений.

А. Привалов

Аркадий Стругацкий **Рецензия на пробный перевод из повести А. Азимова** **«Конец Вечности»**

(43 с.)

Айзек Азимов не принадлежит к числу тех (немногих, увы) американских писателей, как Хемингуэй, Брэдбери или Сэлинджер, у которых работает каждое слово в самом точном его значении, определяемом контекстом. Сила Азимова не в слове, а в мысли, в идее, во впечатлении, которое передается у него всей фразой целиком. Для переводчика это создает известное удобство, поскольку не приковывает его к слову, но вместе с тем требует от него значительно больших творческих возможностей; не заставляет его мучительно перебирать десятки синонимов и сотни сочетаний синонимов, но предполагает известное умение владеть пером и способность к выражению заданного смысла и впечатления более или менее самостоятельно.

Большинство переводчиков-неспециалистов обыкновенно не различают эти два вида текста, и это губит их работу. Они не могут адекватно переводить Брэдбери из-за нехватки в своем словарном запасе точных смысловых соответствий, а Азимова переводят старательно, передавая вместе со смыслом фразы все недостатки стиля, языковые небрежности и ошибочные словоупотребления оригинала, которые терпимы и зачастую незаметны при чтении оригинала, но выпирают на первое место в русском тексте из-за неизбежной разности в восприятии английского слова американцем и соответствующего русского слова — русским читателем.

Именно такое впечатление производит и рассматриваемый перевод. То, что принято определять как буквализм, встречается в нем на каждом шагу. Вместо свободной и неточной манеры изложения, свойственной Азимову почти во всех его произведениях, мы видим здесь старательное копирование синтаксической структуры, отдельных

грамматических оборотов, всех слов в равной мере, независимо от их важности для предложения.

Таким образом, к сожалению, нам приходится признать этот пробный перевод неудачным.

Для того чтобы яснее было видно, что имеется в виду, мы позволим себе привести возможные (не обязательные, конечно) варианты перевода трех абзацев из разных мест текста. Мы сознаем, разумеется, что эти варианты тоже уязвимы, тем более что в переводе художественном диапазон возможностей для вкусовых оценок особенно широк. Нам только хотелось дать простейшие примеры приведения текста Азимова к нормативной русской стилистике.

Гл. 1, стр. 1

«Капсула не тронулась с места.

Так оно и должно было быть. Капсула не могла двигаться — ни вверх или вниз, ни вправо или влево, ни вперед или назад. Только пространство между стержнями растворилось в серой пустоте, и пустота эта была твердой на ощупь, хотя и не была вещественной. И еще Харлан ощутил едва заметную дрожь в желудке и легкое головокружение (психосоматическое?) — признак того, что капсула со всем своим содержимым и с ним самим в том числе стремительно мчится сквозь Вечность вверх по времени».

Гл. 1, стр. 2

«Он вдруг заметил, что капсула больше не движется, помедлил секунду, чтобы успокоиться и заставить себя вновь мыслить холодно и бесстрастно, как подобает Технику, и вышел наружу».

Гл. 14, стр. 9

«Я сдержу слово и нарушу закон, — сказал Твиссел, — хотя ты понятия не имеешь, почему мне придется так поступить. Я не знаю, сколько часов или месяцев осталось до гибели Вечности. Но я потратил уже слишком много времени, пытаюсь образумить тебя, и я потрачу еще. Ты ведь выслушаешь меня? Пожалуйста, я прошу тебя!»

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **От авторов**

На наш взгляд, самым страшным свойством буржуазной идеологии является ее способность разлагать души людей, ежедневно и ежечасно пополнять ряды корыстолюбцев, потребителей, паразитов, ищущих в мире только сытости и наслаждений. И особенно страшным представляется действие этой идеологии в условиях материального довольства. В этих условиях человек, лишенный истинно человеческого взгляда на мир, считающий труд не величайшим наслаждением в мире, а докучным неизбежным злом, человек эгоистический, антисоциальный, лишенный представления о том счастье, которое дается ощущением единства с остальным человечеством, человек, лишенный знаний и презирающий знания, не способный черпать из духовной сокровищницы мировой культуры, такой человек — порождение буржуазного строя, буржуазной системы воспитания и буржуазной пропаганды — должен неизбежно скатиться до уровня наслаждающегося животного. А общество, составленное из таких людей, должно неизбежно деградировать и потерять способность к прогрессу.

Мы в этой повести попытались промоделировать конечный этап такой деградации. Мы попытались показать, что опасен не только сам капитализм как экономическая и военная система, но и последствия его хозяйничанья в душах людей.

Можно представить себе различные модели такой деградации, но не это является существенным. Главное состоит в том, что капитализм не собирается (да ему и не под

силу) чистить свои авгиевы конюшни и что сделать это выпадет на долю организациям коммунистических государств недалекого будущего.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на научно-фантастическую повесть Г. Гора** **«Уэра»**

(99 стр.)

Новая фантастическая повесть Гора традиционна в самом лучшем смысле для этого удивительно самобытного советского фантаста. Вообще все лучшие советские фантасты очень самобытны по стилистике, тематике, приемам, проблематике и пр. (чего не скажешь о наших западных коллегах), но Гор выделяется даже среди них. Его произведения — это не столько продукт, сколько процесс размышлений писателя над «крайними» философскими и научными проблемами века. Гор никогда не вдается в подробности конкретных научно-технических достижений человечества коммунистического будущего (и, в общем, правильно делает), для него это просто антураж, детали которого должны восприниматься читателем как почти чудо (материализующаяся и дематериализующаяся мебель, например, которая и подается как антураж, или «модель» Эрои, являющаяся чуть ли не одним из главных действующих лиц). Он как бы говорит: дано и баста, для вас, читатель, это чудо, для современников этих чудес — это обыденность. Космические корабли Гора не должны привлекать внимание читателя, для Гора это просто условная деталь, служебное понятие, помогающее создать ситуацию. Кибернетика Гора — это не обусловленное никакими научными доказательствами, чуть ли не волшебное действо, долженствующее иллюстрировать в его произведениях философскую проблематику и одновременно, как бы невзначай, небрежно, указывающее на безграничные возможности коммунистического человека.

Поскольку произведения Гора с нашей точки зрения являются не продуктом, а процессом, подход к ним как к обычной литературе очень затруднителен. В самом деле, рассмотрим рецензируемую повесть. Что в ней происходит? Задана «стартовая» ситуация. На планете Дильнее — копии коммунистической Земли — живет красивая женщина-археолог Эроя. Живет она и ждет не дождется возлюбленного своего Веяда, ушедшего в дальнюю космическую экспедицию. Тем временем Веяд, потерпевший аварию, спасается, как на необитаемом острове, на давным-давно покинутом искусственном космическом островке Уэре. Сидит он там и ждет вместе с не очень симпатичным специалистом по косметике Туафом. Перед отлетом Веяда брат Эрои смастерил для влюбленных их «модели», чудо кибернетики, закодированные «я» Эрои и Веяда. Эроя и Веяд, одна на родной планете, другой в безднах космоса, ждут встречи, проводя время в размышлениях, работе и беседах с «моделями» своей любви. Одновременно на Земле молодой геолог находит книжку, оставленную дильнейцем, посетившим Землю, в которой описана вся эта история. Такова исходная ситуация.

А какова конечная ситуация? Эроя по-прежнему ждет возлюбленного, в это время на Дильнее проводят всепланетный опыт по устранению энтропии, Веяд и Туаф по-прежнему торчат на космическом островке, а на Земле расшифровали таинственную книжку, прочитали и удивляются. Что имело место в промежутке между начальной и конечной ситуациями? Смелый звездолетчик Ларвеф, слетавший двести лет назад в сверхдальний космический рейс, решивший продолжить свой поиск в будущее и ушедший опять на двести лет, терпит крушение и оказывается на Уэре. Он не желает ждать, похищает «модель» Эрои и снова уходит на легкой несовершенной ракете — к нашей Земле. Всё.

Напиши такую повесть Днепров, Стругацкие, Варшавский, Емцев с Парновым — их бы следовало закидать камнями. Потому что Днепров поставил бы перед собой задачу

вскрыть реальные истоки научного могущества человека, а это требует острого сюжета и головоломных, поражающих воображение ситуаций. Стругацкие поставили бы перед собой цель выяснить истоки и формы «спокойного» отношения человека к чудесам будущего, а это требует развернутой, динамичной, изменчивой картины, в которой было бы к чему относиться. Варшавского заинтересовало бы само парадоксальное положение человека в парадоксальной ситуации. Емцев и Парнов искали бы возможности создать трагическое, захватывающее умы и эмоции всего человечества.

Почему же, прочитав последнюю страницу «Уэры», читатель ни на секунду не задумывается и не испытывает неудовлетворенности «куцым» сюжетом (если здесь вообще можно говорить о сюжете)? Все дело, нам думается, в том, что Гору было наплевать на сюжетные занимательности. Он целиком захвачен чудовищной проблемой, вставшей на пути развития людей. Горькое, неразрешимое противоречие — необратимость времени, неразрывная связь между временем и пространством. Невозможно вернуть прошлое, нельзя безнаказанно пробиться в будущее; преодолевая пространство, ты проигрываешь во времени; ты либо обречен навсегда застрять между прошлым и будущим, либо уходишь в будущее и тем самым навсегда закрываешь себе дорогу назад, в любимый и привычный тебе мир. И вот на страницах «Уэры» разворачивается удивительная и странная борьба идей. Вернее, не столько борьба, сколько соревнование. Каждый решает проблему по-своему. Ларвеф примирился с потерей связи с прошлым. Но в настоящем его мятежной душе места нет. И он становится вечным странником по времени. Он будет вновь и вновь уходить на световых скоростях в пространство, и возвращаться на родную планету через сотни лет, и снова улетать. Арид мечтает создать машину-гения, которая позволит людям, не выходя из настоящего, увидеть будущее. Эроя работает над восстановлением памяти давно умерших людей, чтобы соединить настоящее с прошлым. Эрон создает «модели» людей, чтобы не позволить пространству и времени разлучить близких. Эрон-старший научился создавать условия, при которых люди оказываются в иных масштабах пространства и времени. Вот для чего необходима Гору предпосылка о всемогуществе человека — для перевода всех этих идей из абстракции в реальный план, чтобы дать возможность героям дискутировать их не в порядке умозрительной праздности, а в ходе подготовки к эксперименту. Самым приемлемым выходом, по Гору, является предложенное лучшими умами человечества искоренение энтропии в организмах людей, люди, индивидуумы, должны жить вечно. Но некоторых героев этот выход не устраивает.

Чрезвычайно важной особенностью этого романа — философского диалога является то обстоятельство, что мнения героев и их убеждения мотивированы довольно четко. Они определены, во-первых, их биографическими особенностями, а во-вторых, их взаимоотношениями. Арид — гений, но если бы он не встретился в детстве с Ларвефом, он не загорелся бы так идеей связи времен и не бросил бы работу над машиной-гением для участия в работе обессмертивания соплеменников, которая, помимо разрешения всепланетных проблем, разрешала сразу и проблему Ларвефов, и проблему ожидающей десятилетия Эрои, в которую он влюблен. И Ларвеф решил свою проблему так, а не иначе, потому что он был звездным странником. И Эроя встретила идею обессмертивания с таким отвращением потому, что любила Веяда, для которого хотела остаться такой, как была.

Повесть нужно печатать. Но в ней есть вещи, которые следовало бы убрать. Например, бьющий в глаза физиологический антагонизм между Веядом и Туафом. Употребление слова «интеллигент» в ругательном смысле. Нарочитая гипертрофизация значения, которое придают Павлушину в связи с тем, что это он, а не кто-нибудь другой нашел книгу Ларвефа. Проверить, пили ли сбитень в Петербурге в конце 18-го века. Вообще «земная» часть «Уэры» немного смущает. Не совсем ясно, для каких целей она написана. Я могу воспринимать ее только как подсобный материал, дающий

представление о том, каким путем автор узнал о приключениях мысли на другой планете. Впрочем, с другой стороны, она и не мешает.

Аркадий Стругацкий **Рецензия. Е. Парнов, М. Емцев. «Бунт тридцати** **триллионов»**

(121 стр.)

Допотопное чудовище, обнаруженное группой геологов в озере Ворот на малодоступном Сордонгнохском плато, оказалось двойной загадкой. Во-первых, оно допотопное и вполне оправдывает зловещую репутацию, которую наградили его окрестные рыболовы и охотники. Во-вторых, что гораздо более интересно, оно бессмертно и наделено невиданной способностью к регенерации. Убить его практически невозможно. Героям повести удалось «отщипнуть» от него кусочек мяса и путем применения самых современных и совершенных методов науки выяснить причину этой патологии — организм чудовища содержит вещества, исправляющие ошибки, которые неизбежно накапливаются в генах его клеток и ведут к старению. Итак, секрет бессмертия открыт. Но бессмертие это — скверный подарок. Животное, которому впрыскивается препарат «виталонга», деградирует. Оно становится живой машиной пожирания, лишенной способности воспроизведения, поиска, интереса к жизни. Оно как бы уходит в себя, питается какими-то внутренними источниками информации для отправления своих жизненных процессов. Что это за внутренние источники? Это исполинская масса информации, накопленная во всех клетках организма за все время эволюции этого животного. Один из героев, соблазненный возможностью «увидеть» при помощи этой обычно заторможенной памяти картины далекого прошлого, совершает научный подвиг: принимает виталонгу. Но — увы! — этот опыт кончается плачевно: информация из всех тридцати триллионов клеток тела хлынула в мозг одновременно, беспорядочно, и смельчак впадает в состояние, близкое к идиотизму. Только при помощи нового мощного прибора — церебротрона — удается расшифровать и упорядочить этот страшный и могучий поток, льющийся из глубин миллионов лет и прошлого десятилетия одновременно. Героя удается спасти, и все кончается благополучно. Перед советскими учеными открываются удивительные перспективы, связанные с чудесными свойствами виталонги.

Таково в самых общих чертах содержание новой повести Парнова и Емцева. Мы не будем касаться здесь чисто научной стороны вещи — во-первых, потому, что сами авторы являются научными работниками и, следовательно, несут полную ответственность за то, что пишут, а во-вторых — и главных — потому, что смелость и оригинальность фантастических посылок в области науки вообще очень присуща этим авторам, высказывается весьма логично и на здоровой основе, с одной стороны, и достаточно фантастично — с другой. Скажем только, что и по научной оснастке, и по самой научной тематике «Бунт» является совершенно оригинальным и новым произведением как у нас, так и, насколько нам известно, за рубежом. Рассмотрим же повесть Парнова и Емцева с точки зрения постановки и выполнения философских, моральных и литературных задач.

Прежде всего следует отметить тот знаменательный факт, что повесть эта никак не могла бы появиться где-нибудь помимо нашей страны. Речь идет не только о ее философии и социологии, но просто об ее материале. Довольно часто можно видеть фантастические произведения, в которых достаточно было бы заменить имена Иван и Василий на имена Джон и Базиль, и пришлось бы затратить немало усилий на то, чтобы определить не только национальную принадлежность вещи, но и время, когда она была написана. Подобно превосходной «Новой сигнальной» Гансовского, «Бунт» с первых же страниц не оставляет на этот счет никаких сомнений. Это чисто советское, русское

произведение, и написано оно именно в наше время, и несет на себе отчетливую печать именно начала шестидесятых годов. Повторяем, речь идет не о научных аксессуарах и не о философии и социологии, а о типажах и о речи действующих лиц и об обстановке действия. В этом отношении особенно характерна первая часть повести, «бэкграунд» героев и все их поведение. Это весьма отрадное явление в нашей литературе, и уже этого одного было бы достаточно, чтобы настоятельно рекомендовать повесть к немедленному опубликованию.

Это очень важное преимущество повести, но далеко не единственное. Вторым ее достоинством, опять же весьма редко встречающимся в нашей (и зарубежной) фантастической (и не только фантастической) литературе, является превосходная способность авторов делать философские выводы из изложенного материала. Нам не хотелось бы занимать много места перечислением интереснейших вылазок в область философии, сделанных Парновым и Емцевым, но две из них отметить совершенно необходимо.

Первая — относительно проблемы бессмертия. Соглашаясь с общепринятым и, мы бы сказали, обывательским мнением о том, что бессмертие явилось бы величайшим даром человечеству, авторы немедленно парируют это соображение трезвым и жестким логическим выводом: дар бессмертия явился бы троянским конем для человечества. Физиологическое бессмертие в соответствии с нерушимыми законами природы должно обернуться какой-то страшной стороной. Бессмертие индивидуумов, составляющих вид, есть гибель вида. Авторы дают один из вариантов страшных последствий бессмертия — индивидуум теряет пол, теряет способность к размножению, интерес к жизни и так далее, и в этом они, возможно, повторяют доводы Свифта, но выводы их совершенно однозначны: бессмертие человека состоит в бессмертии человеческого коллектива, и тому не страшна физическая смерть, кто оставил после себя для жизни коллектива что-нибудь новое, кто помог коллективу двинуться вперед по дороге прогресса. Элемент, обеспечивающий бессмертие единичного организма, неизбежно убил бы в этом организме его коллективную значимость.

Вторая вылазка в область философии, о которой необходимо упомянуть, это мысль о том, что информация, отложившаяся в триллионах клеток организма за миллиарды лет его развития, накладывалась на эту память не безразлично, не линейно по отношению ко всему времени эволюции, а только в периоды революционных, поворотных моментов истории жизни. И по мере приближения предков человека к виду хомо сапиенс, и по мере движения хомо сапиенс по своему трудному пути к коммунистическому человеку таких моментов становится все больше и больше, они становятся все ярче, и резче ограничены по времени, и все четче запечатлеваются в генной структуре. Мысль превосходная и достойная рассмотрения не только в художественной литературе.

В полном соответствии со смелостью в области философии — добротной и мощной философии диалектического материализма, обнаруживающей способность авторов оперировать наиболее сложными ее категориями, — находится и стремление авторов дать моральную и социальную стороны повести. Мы уже говорили, что повесть эта характерна своей современностью и четкой «государственной» принадлежностью, но тогда речь шла о типажах и литературных характеристиках. То же самое можно сказать и о моральном и социальном облике героев, об их устремлениях и поступках. Это противоречивые люди, хотя все они «наши» до мозга костей. Нет в них сусальной соцреалистической в плохом смысле слова одинаковости. Нет, метод социалистического реализма Парновым и Емцевым применяется очень умело, гораздо более умело, чем многими писателями не-фантастического жанра. Если задачей метода является показать типических героев в типических обстоятельствах, и притом таких героев, которым хочется подражать, которым завидуешь и с которыми хочется работать бок о бок, то вот вам «бульдог» Борис, необычайно целеустремленный человек, готовый на любые жертвы, вот вам Флоровский, подпорченный влиянием московского научного мещанства, но быстро вспоминающий,

кто он такой, когда дело идет о жизни и смерти человека, вот простоватый и упрямый, осторожный Курилин, вот Артур Положенцев, молодой профессор, разрывающийся между любовью и наукой, вот Роман, мальчишка, весь устремленный в поиск, фантазер, верный товарищ... Герои — советские люди и в советской обстановке, их не заменишь Джонами и Пьерами, как не заменишь Оксфордом и Клондайком Университет и Верхоянское плато.

Сюжетно повесть построена как ряд последовательных рассказов ее героев. Это очень трудный и, в случае удачи, плодотворный прием, позволяющий показать героев с разных точек зрения, в свете разных мнений. Мы не можем сказать, что Парнов и Емцев полностью использовали все преимущества этого метода. У них он является скорее просто формальным приемом, позволяющим с наибольшей легкостью переходить от одного сюжетного узла к другому. Имеет место известное однообразие интонаций, за которым чувствуются не столько герои-рассказчики, сколько сами авторы. Но нам кажется, что прием этот применен по совсем другой причине. Авторы не ставили перед собой задачу максимально исчерпать возможности «многопрожекторного» метода. Он нужен был им потому, что в силу особенностей повести — в частности и главным образом из-за необходимости давать много научной информации — повесть при любых условиях должна была сместить центр тяжести с людских характеров на научную загадку, как это принято в подавляющем большинстве «научных детективов», в том числе и в превосходных «Звездных кораблях» И. Ефремова. Но если в «Звездных кораблях» это происходит органично и свободно, так сказать, в силу авторского замысла, то здесь мы имеем этот переход как следствие не зависящей от авторов центробежной тенденции. Сюжет как бы вырывается из авторских рук и упрямо тянет от описания людских судеб к описанию судьбы научного открытия. Нам это не совсем нравится, но это не зависит от умения авторов: здесь мы встречаемся с тем же явлением, которое имеет место в хорошем классическом детективе конан-дойлевского типа. Сначала идет интрига, в которую втянуты людские судьбы, жизни, обстоятельства, и в художественном отношении это самый сильный раздел повествования. А затем по железной необходимости следует разъяснение, заметно лишенное художественных достоинств, но без которого — и именно в таком виде! — обойтись невозможно. На наш взгляд, вины авторов здесь нет, мы, во всяком случае, анализируя подобные произведения, никогда не были в состоянии предложить иной прием. И мы бы категорически протестовали против попыток требовать от авторов новых решений. Повесть задумана так, а не иначе, это воля авторов, ошибки здесь нет.

Повторяем, единственным слабым местом повести является однообразие интонаций и речевых приемов в рассказах различных действующих лиц. Тем не менее реакция героев остается столь разнообразной, что спутать их друг с другом нелегко, даже если они говорят об одном и том же событии одним и тем же языком.

Заканчивая рецензию, нельзя не остановиться на одной очень приятной особенности повести. Авторы отлично знают фактический материал, во всяком случае, умеют очень умело его подать. Описание пейзажей болот вокруг озера Ворота, состояния участников геологической группы в поле, сцен под водой принадлежат в художественном отношении к лучшим образцам художественных описаний в нашей фантастике. Очень любопытно и смело сделано и то, чего авторы, да и никто на Земле, не знают: состояние человека с раздвоенным сознанием. Это впечатляет и тоже является своего рода большим достижением.

Остается настойчиво пожелать, чтобы повесть эту включили в ближайший номер альманаха, если мы хотим, чтобы все выдающиеся произведения фантастики публиковались именно в нем.

Аркадий Стругацкий Общая рецензия на научно-фантастические рассказы А. Кларка

(На рус. яз., всего 60 с.)

Имя Артура Кларка так или иначе давно известно советскому читателю — хотя бы по превосходным научно-фантастическим очеркам, если не по слухам, а за рубежом его «Девять миллиардов имен бога» (вещь, кстати говоря, не очень для автора характерная) давно вошли во все хрестоматии научной фантастики.

Предложенные на рецензию пять рассказов Кларка только подтверждают его славу. Другое дело, что не все они по тем или иным соображениям могут быть предложены советскому читателю.

БРОСОК НА ЛУНУ.

Это совершенно превосходный, блестящий по гуманистической жизнерадостности рассказ. Интернационализм (я чуть было не написал — коммунизм) Кларка давно вошел в поговорку у критиков фантастики за рубежом, и в этом рассказе он проявился во всем блеске. Кларку не важны нации и государства — ему важны общечеловеческие интересы, причем не в абстрактном идеалистическом смысле, а как единственно мыслимая база для осуществления человеческой программы завоевания космоса. Ехидные укусы его в адрес правительств крупнейших государств не должны нас смущать — они окупаются всем духом этого рассказа.

С КОМЕТОЙ.

Это рассказ с меньшим прицелом и представляет меньше интереса. По сути, это произведение, единственная цель которого — игра ума. В нашей литературе на ту же тему есть гораздо более яркая вещь — «Игра» Днепрова.

ЗВЕЗДА.

Рассказ интересный, но несколько тенденциозный. Суть его, по-видимому, в посрамлении веры в премудрость господнюю. Если бы дело касалось только меня, я бы напечатал его без колебаний. Но, зная... гм... щепетильность издательства, его боязнь того, что массовый читатель чего-нибудь недоперепоймет, считаю своим долгом предупредить, что рассказ действительно может вызвать двойное толкование.

СОЗВЕЗДИЕ ПСА.

Милая грустная миниатюра. Печатать можно. А можно и не печатать. Не событие в творчестве Кларка.

ДО ЭДЕМА.

А вот это — событие. Этот рассказ нужно непременно опубликовать. Помимо обычной для Кларка яркости картины чуждого человеку мира, его ценность определяется и идейным замыслом. Это миниатюрный рассказ-предупреждение для космонавтов будущего, остроумно задуманный и выполненный.

Итак, рецензент настоятельно рекомендует издательству три рассказа:

БРОСОК НА ЛУНУ

СОЗВЕЗДИЕ ПСА

ДО ЭДЕМА

Их можно опубликовать либо в одном из номеров альманаха, либо вместе с большой повестью Кларка, если издательство действительно намерено заниматься этим.

Аркадий Стругацкий

Рецензия на фантастический роман Л. Мизандронцева «История необыкновенных перьев»

(309 страниц)

Для фантастической литературы наших дней можно считать твердо установленными два фундаментальных закона:

1. Произведения этого жанра, сколь фантастическими они бы ни были, должны возвращать читателя к действительности либо по линии науки, либо по линии человеческих судеб и характеров, либо по линии социально-философской.

2. Фантастический мир таких произведений, сколь фантастическим он бы ни был, должен обладать структурой, внутренней логикой, элементы этого мира должны быть взаимообусловлены и связаны.

В качестве примера приведем знаменитую «Машину времени» Г. Уэллса. Мир элоев и морлоков необычен, кошмарен, неправдоподобен, но его сущность логически вытекает из вполне определенных социально-политических тенденций, и, возвратясь из путешествия по времени, читатель с удвоенной тревогой и настороженностью всматривается в хорошо известную ему действительность капиталистического общества, разделенного на непримиримые классы. С другой стороны, при всем неправдоподобии мира элоев и морлоков, мир этот подчинен вполне определенной логике, законам своего внутреннего развития. В нем не может происходить «что угодно». Из своих подземелий не выскочат морлоки с лучевыми и атомными пистолетами, в своих хорамах не станут злои читать лекции по истории философии. И не может там ни с того ни с сего появиться чудовище о семи ногах.

Кроме указанных, для советской фантастики характерно еще одно правило, освященное благородной традицией. Советская литература — гуманистична и проникнута духом уважения к людям, веры в совесть и разум.

Попробуем рассмотреть рецензируемый роман с точки зрения требований, обусловленных этими правилами. Сюжет романа примерно таков.

В сравнительно недалеком будущем Англия, уже ставшая на путь социалистического развития, посылает к системе Альфа Центавра звездолет «Гелиос-1» с экипажем в восемь человек. Четыре года спустя звездолет садится на Гелс, одну из планет системы, и после тяжелых испытаний вступает в контакт с населением этой планеты. Гелсияне давно построили коммунистическое общество, их наука и техника намного обогнали нашу, человеческую. Изучив жизнь гелсиян, звездолетчики начинают готовиться в обратный путь, но тут становится известным, что агрессивное космическое племя Родагор, отступая перед более совершенными существами из глубин Вселенной, намеревается разрушить Гелс. Один из членов экипажа геройски жертвует жизнью и ликвидирует эту угрозу. «Гелиос-1», вернее, совершенно новый корабль, которым благодарные гелсияне снабдили землян, возвращается на родную планету.

Л. Мизандронцев поставил перед собой очень интересную и трудную задачу: дать картину длительного космического перелета и влияния такого перелета на характеры очень разных людей, а также показать возможные последствия для мировоззрения и характеров людей, вытекающие из пересмотра взглядов после встречи с носителями высшего разума. У него получилось несколько интересных удачных эпизодов, он высказал несколько остроумных и смелых предположений. Но в целом роман явно не удался. Не удался он прежде всего потому, что в фантастических обстоятельствах, в которые он поместил своих героев, нет внутренней логики. Потому что все события в романе, все отношения между людьми, все отношения между людьми и инопланетянами носят на себе ослепительно яркую печать авторского произвола. Отчетливо видно, как автор издалека намечает себе какую-то конечную цель и тянет, буквально за уши тянет

своих героев и их мысли к этой цели, не считаясь ни со здравым смыслом, ни с им самим же заданными исходными данными.

Одна из центральных фигур романа — Сэмюэль Рэдвуд. Это маленький ученый-неудачник, слабовольный, потерявший интерес к жизни, потерявший даже любовь жены, опустившийся человек, над которым потешаются все кому не лень, и на Земле, и в космосе. Автор на первых страницах романа очень убедительно показывает эту фигуру в драных носках, унылую и плачевную. Вдруг руководитель экспедиции академик Тэодор Блак по настоянию своей любовницы, жены Рэдвуда, включает его в состав экипажа. Оставим на совести автора такой странный метод подбора людей для труднейшей звездной экспедиции. Почтем это за вольную условность. В конце концов, в звездные экспедиции волей некоторых романистов попадали даже пионеры. Но у автора есть отчетливо видная читателю с первых же страниц цель: показать, что не все золото, что блестит, и что в известных условиях даже то, что не блестит, может оказаться золотом. Сэмюэль Рэдвуд обречен стать героем. На протяжении двух третей романа он совершает чудовищные преступления — по халатности, по неведению, просто по глупости. Он сжигает уловители космической пыли. Он постоянно нарушает дисциплину. Он спит на посту. Он чуть не губит своих товарищей, обрекая их на голодную смерть. Нет, экспедиция не исправила его. Он так и остался бы гнусным вахлаком и индивидуалистом, у которого все валится из рук, но... Гелс оказался обитаемым. Высокая культура гелсиян и их высокая философия преображают его. Чудом. Чудом потому, что преображения этого не показано. О нем только сказано. А затем Рэдвуд совершает подвиг. Он погибает в схватке с чудовищами-Родагор. Он спасает гелсиянскую цивилизацию. Он один. Но почему он пошел на подвиг? Это остается загадкой. Ни одна хотя бы малейшая черточка в его характере не дает никаких намеков на героизм. Авторский произвол налицо. Так в плохих детективах закоренелый преступник вдруг ни с того ни с сего становится честным человеком.

С другой фигурой романа, со штурманом Артуром Хаугом, происходит обратная, хотя и не менее загадочная метаморфоза. Был прославленный планетолетчик, межпланетный ас, несколько грубоватый, что можно, впрочем, объяснить стремлением к позе, но испытанный космический волк, пользующийся, по-видимому, большим уважением товарищей и тех, кто его назначил в эту сверхтрудную экспедицию. Он штурман, следовательно, человек очень культурный, на «ты» с высшей математикой, с теорией космических полетов, с множеством вещей, о которых самые культурные люди нашего времени понятия не имеют. И совершенно неожиданно, без какой бы то ни было логики, без видимых причин, он становится грубой скотиной, мародером, пиратом. Он гнусно и довольно глупо интригует против командира, он зверски обращается с несчастным Рэдвудом, он без пяти минут убийца и насильник. Почему? Откуда? Где в его характере есть хоть намек на будущее его свинство? Но автор твердо решил, что быть штурману подлецом, и штурман покорно, ломая все представления читателя о человеческих душах, становится подлецом и бесславно гибнет, пытаясь защитить награбленное барахло.

Но совершенно потрясает читателя руководитель экспедиции академик Тэодор Блак. Это уже настоящая марионетка в руках автора. Он находится по ту сторону всякого разума и всякой логики. Это он подсунил товарищам по экспедиции придурка Рэдвуда. Это он потащил разведывательный отряд на ночь глядя куда глаза глядят. Это он отдает одно глупое распоряжение за другим, грозит, тут же слабовольно отступает, подозревает гелсиян в семи смертных грехах, употребляет слово «интеллигент» в ругательном смысле — академик! А все для чего? Чтобы дать автору возможность сначала затащить экспедицию в почти безвыходные условия, а затем спасти руками гелсиян. В эпизоде с перевыборами командира он ведет себя как обиженный гимназист. Перед нами не опытный дальновидный командир, участник нескольких космических перелетов, а безвольный напыщенный гусак, которым вертит кто хочет — начиная с дуры-любовницы

и кончая негодяем-штурманом. В травле того же бедняги Рэдвуда он принимает самое деятельное участие, оскорбляя его и грозя вычеркнуть из героических списков экспедиции.

Вот по сути дела три главные фигуры романа. Они неприглядны, что и говорить. Разительное противоречие со здравым смыслом и с элементарными человеческими понятиями о совести и порядочности, имеющее место в их поведении, не может быть компенсировано относительно удачными образами «нормальных» людей: Лона Рэя, Чарльза Уэда и доктора. Хотя бы потому, что их автор оставил в покое: для развития сюжета они не играют почти никакой роли. Так же не играют роли и два Питера. На протяжении почти всей повести они играют «в слова».

Честно говоря, замысел автора ясен. Он хотел показать, что космический перелет чреват опасностями не только физического толка. Не только метеоры, облучение и прочие классические беды будут угрожать экипажу звездолета в дальнем рейсе. Утомление, постоянное соседство других людей, нервное напряжение может привести к конфликтам внутри экипажа — вот что хочет сказать автор. И он безусловно прав. Такая опасность может быть признана вполне реальной. Но автор делает грубый просчет, весьма характерный, между прочим, для западных фантастов. Они переносят конфликты и столкновения наших дней и даже прошлого на космическую арену. И Л. Мизандронцев создает в своем космическом путешествии конфликты, которые были характерны для зимовщиков двадцатых годов нашего столетия. Да и характерны ли? Во всяком случае, так иногда бывало. Ошибка Мизандронцева заключается в том, что он не принял во внимание вот что. Столкновение между доктором зимовки, грубым хамом-начальником и неграмотными каюрами — это конфликт на много порядков ниже конфликта между высококультурными, тренированными, сдержанными звездолетчиками. И напрасно автор пытается убедить нас в том, что «времена, когда в космос посылали только некурящих красавчиков, прошли». Всегда и везде в космические экспедиции будут посылаться отборные люди, не разгильдяи, не барахольщики, не мизантропы — настоящие люди, которых с каждым годом становится все больше. И конфликты между ними будут совсем иными, куда более сложными и тонкими, без грубой ругани, без рукоприкладства и, уж разумеется, без покушений на убийство. Истоки полнейшего алогизма, господствующего в романе, и заключаются, по нашему мнению, в том, что фигура звездолетчика не приспособлена к идиотским склокам, а они автору были очень нужны, и ему пришлось ломать образы своих героев, нарочно оглуплять, принижать, озверять их.

Мы видим, что в отношении землян ни одно из правил для фантастики автором не соблюдено. Автор если и возвращает мысль читателя к действительности, то к действительности прошлого, потерявшего сейчас какое бы то ни было актуальное значение. Мир его героев алогичен, в нем происходит что угодно: академик может стать кретином, заведомый трус — героем, отличный человек — подонком. А о гуманизме, о вере в сердце и разум человеческий здесь и говорить не приходится. Сам замысел автора противоречит этому.

Не лучше обстоит дело и с миром космических обитателей. Космос представляется в романе ареной беспрестанных драк и свар между разумными обитателями. Положим, автор задался целью показать нам, что разум в некоторых участках космоса может быть зверским, подлым, разрушительным, как бы высоко он ни развился. Идея сама по себе весьма сомнительна идеологически. Но уж если показывать, то нужно и доказать возможность такого печального обстоятельства. Племя Родагор — обладатель великолепной техники, фантастических возможностей. Оно может сдвигать планеты с орбит. Оно может испепелять планеты. Взрывать солнца. Оно хвастливо и самонадеянно. Почему? Как это случилось? С какой стати? Да ни с какой. Так захотелось автору, чтобы дать возможность Рэдвуду совершить подвиг. Родагорцы имеют вид ленточек с кисточками. Ясно. Автор хочет показать, что они совершенно чужды нам. Чужды ли? Что-то уж очень знакомо в их наивном и бесстыдном стремлении к бессмысленным разрушениям, в их хвастовстве наглom и оголтелой пропаганде своего могущества. Ба! Да

это все те же знакомые! Пусть они имеют вид хоть ленточек с кисточками, хоть кисточек с ленточками, все равно из-за этих кисточек и ленточек проглядывает жирная самодовольная морда неграмотного ненавистника культуры и науки — римского легионера, средневекового ландскнехта, коричневого штурмовика, куклуксклановца в балахоне! Те же приемы (только более мощные средства), те же угрозы завоевать мир и пировать над трупами поверженных... Но ведь автор оговаривается специально, что родагорцы — сверхразумны, мастера науки и техники! Откуда же у сверхразумного народа такие меленькие дешевые мещанские замашки? Не годится, товарищ автор. Вы передергиваете. Вы не смогли доказать, что высший разум может быть зверским. Он у вас получился страшенько-буржуазным, даже мелкобуржуазным, если на то пошло. Очень сомнительно, чтобы интеллигентные существа (а чтобы управлять такими сложнейшими машинами и носиться в космосе по своей воле, надо быть высокоинтеллигентным, это пространство и время, а не спусковой крючок «шмайссера») удовлетворились хвастовством перед более низкими по развитию существами. Нагромождение ужасов при описании деяний родагорцев ни к чему не привело. Оно не несет никакой смысловой и тем более литературной нагрузки.

Не менее поразительно описание группы гелсиян, которая проповедует ничтожество разума перед лицом космоса. Аргументация Оула могла бы в лучшем случае убедить неграмотного крестьянина — да и то вряд ли: крестьянин — человек практический. И очень странно, что она оказала такое воздействие на некоторых звездолетчиков. Замысел автора здесь опять-таки ясен: показать, что и в совершенном коммунистическом обществе возможны группировки, не согласные с мировоззрением большинства. Отлично, против этого спорить не будем, это воля автора. Но уж пусть эти несогласные обосновывают свои мнения на уровне повыше хотя бы, чем уровень пятиклассника.

Можно привести еще несколько примеров просчетов автора, но уже по мелочам. Так, автор при описании первых приключений на Гелсе с видимой настойчивостью и старанием подготавливает землян к катастрофе. Он гонит их в ночную пустыню — куда? зачем? — он снабжает их мешком с инструментами вместо продуктов, он ломает им рацию — да мало ли что еще. Но это просчеты несколько меньших масштабов, и они встречаются у большинства начинающих фантастов. О них мы говорить здесь не будем.

Несколько слов об удачах автора. Их не очень много, но они есть, и это доказывает, что автор не зря берется за перо. Очень удачна литературная находка на стр. 97, где описываются звездолетчики, идущие в затылок друг другу и думающие каждый о своем. Прекрасный прием для иллюстрации внутреннего мира героев. На стр. 140 удачно изображено смятение Чарли Уэда, гордость которого возмущена мыслью о том, что самостоятельное развитие земной науки и культуры со встречей с гелсиянами окончилось. Автору далее с незаурядным мастерством удалось изобразить гелсиян хотя и не похожими на людей, но прекрасными и гордыми — вообще изобразить инопланетника симпатичным, вызывающим дружелюбие и уважение, очень трудно. Очень интересные мысли высказывает Эе в споре с Чарли на стр. 198.

Но в общем и главном роман, конечно, не удался. Неприятно поражает легковесная рецензия Боборыкина. Мне не удалось заметить, чтобы автор в романе решал «всякие философские и этические проблемы». Таковых, а равно и их решения, в романе нет. Есть отдельные удачные мысли и идеи, которые никак нельзя считать «пристроенными к общему движению сюжета». На наш взгляд, рецензия Боборыкина только сбила автора с толку. Роман исправить нельзя. Следует писать другой. В том, что Мизандронцев способен написать интересное произведение, можно не сомневаться.

Аркадий Стругацкий Отзыв на сборник научно-фантастических рассказов В. Михановского

(Всего 370 стр.)

В сборнике 370 машинописных страниц, 36 названий, тридцать шесть больших и маленьких произведений с острым, иногда парадоксальным сюжетом. Почему же очень скоро возникает и уже до последней страницы не проходит томительное ощущение непереносимой нудности и тоски, как будто жуешь вату? Почему после первого же десятка страниц начинаешь испытывать раздражение, затем озлобление и наконец просто отчаяние? Ответ как будто напрашивается сразу же: совершенно невооруженным глазом во всей своей бесстыдной обнаженности видны элементарные литературные просчеты. Здесь и длинноты, и «хэллобобские» штампы, и банальности — в том числе и того рода, на которые трудно указать пальцем, вроде бы и гладко, и можно бы так выразиться, и грамматически все верно, а читать трудно, с души воротит. Плоскопись. То самое, что говорит герой рассказа «Робин»: длинно и плоско, как шпага д'Артаньяна (или коротко, но не менее плоско, как мастерок штукатурщика).

Однако в этом впечатлении «плоскости», если присмотреться, виновата не только скучная стилистика. И даже не столько. Вся беда, пожалуй, в том, что на всех 370 машинописных страницах нет практически ни единой свежей мысли. Михановский усиленно доказывает нам, что а) монополии — это плохо; б) полицейское государство — это ужас как плохо; в) роботов будут делать думающими и чувствующими не хуже людей. Положим, читатель во все это не верит. Поверит он, прочитав десяток древних, с бородой анекдотов? Или р-р-раздирательных самодельных трагедий? Или нравоучительных со смутной моралью рассказов о блеске и нищете кибернетики? Вся беда в том, что Михановский ориентируется на читателя с очень примитивным складом ума и с очень низким художественным вкусом. Возможно, и есть у нас в стране мальцы, никогда не слышавшие анекдот про пьяницу с крокодилом или про студента, швыряющего сапоги в стену. Так лучше, наверное, издать для них сборничек анекдотов, а не эти рассказы, которые не в пример длиннее и потому скучны. А те, кому эти анекдоты знакомы, закроют книгу с негодованием и скажут нелестные слова про автора и редактора. Возможно, найдутся простаки, которые затаив дыхание будут следить за метаниями разорившегося фабриканта кока-колы и которых умилило его чудесное спасение (надо полагать, это будут пожилые люди, в жизни не читавшие научно-популярных журналов), хотя и то вряд ли — если принцип инфра-рекламы им знаком, они спросят, для чего же написан рассказ, а если незнаком — они соли рассказа не поймут. Возможно, кого-нибудь ужалит в самое сердце самоотверженность робота Евсея...

Нет мысли. Образов, естественно, тоже нет. Политический прицел примитивен, недейственен. Все рассказы являют собой малоуспешный дебют новичка, которому еще учиться и учиться.

Исключение составляют разве [что] два произведения: «Робин» и «Тайна вечной молодости». «Робин», как и все у Михановского, незамысловат, прост и, в порядке исключения, ни на что не претендует. Он подошел бы для юмористического журнала. «Тайна вечной молодости» — страшно сырое, нескладное повествование. Но в нем что-то есть — не мысль, нет, мысль по обыкновению примитивна. Есть какое-то чувство. Есть от чего танцевать, если автор (это непереносимое условие) научится думать и писать не по грамматике, а по-писательски.

Аркадий Стругацкий Отзыв на новую подборку фантастических рассказов В. Михановского

(170 стр.)

Новая подборка В. Михановского состоит из девяти произведений — восьми рассказов и одной повести. Приходится сразу признать: об издании сборника все еще — увы! — не может быть и речи. Литературный вкус по-прежнему продолжает изменять автору, большинство его новых произведений по-прежнему полно элементарными художественными огрехами, лишено самостоятельной мысли, банально, подражательно по существу.

Я не помню уже, сколько раз в отечественной и зарубежной литературе встречал одичалого ученого, выращивающего в колбе копию самого себя. В последний раз, кажется, у Лема. Или там ученый выращивал копию кого-то другого? И никакой литературы, никакой мысли, кроме вопроса: как быть с паспортом и не станет ли двойник моим соперником? («Захлопни ящик Пандоры»)

Снова старые анекдоты, облеченные в большое количество печатных знаков и кибернетические одежды. («Градусы, градусы...»)

Изобретатель, павший жертвой в конкурентной борьбе между прессой и телевидением (злодей репортер, равнодушные толпы), изобретатель — ха-ха! — велосипеда (злодей председатель комиссии... — кстати, не из Чапека ли это?), ужасы унификации (конечно же, муж ошибается дверью и ночует у чужой жены), ужасы роботизации (роботы вытесняют людей и люди маскируются [под] них), ужасы тотального шпионажа, бегство в будущее (и в будущем-то — ах! — не лучше! см. повесть Нортон), популярное объяснение замкнутости четырехмерного мира (на банальнейшей модели) — и все многословно, тягуче, и все уже было, и даже если бы не было, то все равно банально и невыносимо скучно. Совершенно ясно, что В. Михановский стоит на неправильной дороге.

В этом отношении интерес представляет повесть «Двойники». Насколько можно судить, Михановский не ворошил здесь в памяти старые анекдоты и не перебирал сюжеты читанного прежде. При некотором желании можно, конечно, усмотреть в «Двойниках» сходство как с уайлдовским «Портретом Дориана Грэя», так и со стивенсоновским «Доктором Джекилем», но сходство такое было бы в большой степени внешнее. В «Двойниках» есть достаточно напряженный сюжет (неприменно отягченный банальной любовной историей), есть столкновение характеров (не бог весть каких сложных, но уже и не примитивных); есть, наконец, настроение и есть — впервые у Михановского — настоящая проблематика. Над повестью надо еще много работать, в частности снять несоответствие образа героя в самой первой и в последующих частях повествования, убрать мелодраматическую историю с Чарли, сократить (и как следует) сцену ночной погони. Мне кажется, тогда повесть «Двойники» получила бы право на существование в печатном виде.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1964

Борис — брату, 3 января 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Долго ждал от тебя письма и наконец дождался — оказалось, что письмо завалилось в гостинице на столе дежурного под большой чернильницей. Ну ладно, могло бы быть и хуже в Новый-то год.

Праздники прошли тихо. Читал ребятам (пулковским) рассказы. В общем им понравилось. Чистяков — профессиональный охотник — сделал ряд замечаний, как-то: 1. Зимние охотники обязательно берут с собой пули, 2. Нынче в деревнях никто не спит на лавках — на кроватях или на полу, 3. Окно локтем в домике лесника не выбить: окна высоки... и еще что-то, у меня записано. Наташка <Свенцицкая> сказала, что в «КВоЦ» не развита нами самая интересная идея: «А если точка останова все-таки сработает? Как и зачем тогда жить?» Наташка полагает, что это есть проблема смысла жизни и что хорошо бы ее как следует развить. Вообще из рассказов более всего понравился «КВоЦ».

Насчет ССП очень интересно. Только я не понимаю, какие рекомендации требуются. По какой форме? Напиши, пожалуйста, подробнее, а то я не знаю, о чем просить Гора. То ли рекомендацию к творчеству Стругацких, то ли рекомендацию Б. Стругацкому как члену актива Комиссии?

Ленке сообщи, что я тоже ее люблю, но сомневаюсь, чтобы она плакала от смеха, слушая СВД.

Из «Знания» получил поздравления на художественном бланке.

Никого не видел. Звонил Володьке <Травинскому>, новостей особых нет. Суд над Б<родским> отложен, потому что подсудимый сошел с ума. Сволочи вонючие!

Занимаюсь в основном математикой и писанием стихов для газеты «Новое Пулково». Словом, отдыхаю и накапливаю заряд. По ночам, когда не спится (а мне всегда не спится), думаю о «ХВВ». Пока ничего особенного не придумал, кроме того, что мне не особенно нравится общее построение повести, как мы ее задумали. Буду думать еще.

Передавай привет Северу <Гансовскому>, пусть пришлет мне «День гнева». Привет Юре Манину и всем нашим.

Крепко целую, жду писем, твой [подпись].

P. S. А что если отказаться от реализма ХВВ и объединить ее как-то со старой идеей о планете мещан? Помнишь, ты раскопал у меня старый план и отозвался о нем с похвалой?

Аркадий — брату, 5 января 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Вчера вечером получил твое письмо, спешу ответить, бо новостей набралось немало. Прежде всего об ССП.

Я уже писал тебе, что по предложению Ариадны <Громовой> написал заявление в СП РСФСР и она его отнесла куда положено. Дальше события развивались таким образом. В пятницу неожиданно позвонил Томан и сообщил, что приемная комиссия Московского отделения собралась наконец нас рассматривать и что дело на мази, все будет благополучно, только надо отнести в комиссию книги, вышедшие позже. Я пообещал, хотя сказал, что книг у меня нет. Прошел час, и позвонил Роман Ким и ликуя и содрогаясь сообщил, что дело наше будет рассматриваться 29 января, что председатель

комиссии Аркадий Адамов за нас — хотя и не читал нас — и что все на мази и будет благополучно, только надо отнести недостающие книги и печатные отзывы. Я кряхтя и стеная поднялся, уложил в портфель два экза «Возвращения», один — «Стажеров», несколько газетных вырезок и поплелся. В ЦДЛ встретил Томана, он меня представил секретарю комиссии — сучка там такая — и весело удалился, сообщив, что все на мази... (См<отри> выше.) Секретарь указала мне дополнить наши списки книг, что я и сделал, вымазавшись в чернилах по локти, а затем спросила, что же так мало книг. Тут же выяснилось, что все экза СБТ, ШС и ПНА, которые мы тогда с таким трудом собрали, пропали. Надо принести новые, властно пожелала секретарша. Нету, скромно сказал я. Тогда не знаю, как быть, скучающе сказала она. Вы отвечаете за то, что вам дают, равнодушно сказал я. Выходите из положения как хотите. Видимо, она не привыкла к такому тону и не привыкла, чтобы книги разворовывали, потому что она снизила тон и сказала, что постарается сделать как можно лучше.

Сейчас позвонил Джереми <Парнов> и сообщил, что вчера вечером Кирилл Андреев перерезал себе вены. Он пока жив, но потерял много крови и лежит в больнице Склифосовского.

Коротко: когда я вернулся, позвонили из комиссии <СП> РСФСР и сообщили, что заявление наше принято, но мы должны начать все заново: от тебя и от меня по отдельности характеристики от соответственно Ленинградской и Московской организаций, рекомендации, фотографии, анкеты, книги. Затем я связался с Ариадной. Она, узнав о шевелении в Московской организации, не была так оптимистична и стала наводить справки. Вчера я ездил к ней и узнал следующее. Никаких особых оснований на то, что все на мази и проч<ее>, нет. Московская приемная комиссия состоит из дряни и мерзавцев в большинстве, органически ненавидящих наш жанр. За нас там будет только Адамов и, возможно, Нилин. Если даже и обернется все благополучно, существует опасность, что согласятся передать в Президиум на утверждение только меня как москвича. Заседают они как тайный совет инквизиции, значит, наши друзья из «Литературки» явиться туда не смогут, и Ариадна тоже. Вызовут только рекомендующих, а их у нас теперь всего двое. С другой стороны, говорит Ариадна, рискованно теперь передавать дело в <СП> РСФСР: там могут понять это таким образом, что мы боимся не пройти в центральной организации, и откажутся вообще иметь с нами дело. С третьей стороны, провал 29-го может означать для нас, что ССП для нас надолго закроется.

Вот какое положение. При таком уровне неопределенности, когда даже Ариадна, знающая все, явно растеряна, принимать решений я никаких не хочу. Пусть все будет как будет. Наступит 29-е, покоримся судьбе. А там начнем бороться сначала.

Первый номер альманаха все еще у Этингофа. Статья Травинского все-таки идет-таки во второй номер. Бела <Клюева> на днях принимается за наш сборник. Пока все.

Целую крепко, твой Арк.

Привет маме и Адке и всем ребятам.

P. S. Новые сообщения:

1) Ариадна, чтобы присутствовать 29-го, договорилась с Адамовым и дает нам официальную рекомендацию.

2) Кирилл, оказывается, не делал попытки suicide, просто несчастный случай, скоро выходит.

Борис — брату, 9 января 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Спешу сообщить, что из твоего письма не понял ни хрена. Что от меня требуется? Что я должен делать? Какие-нибудь заявления? Рекомендации? Справки? Срочно отпиши или даже телеграфируй по необходимости!

У меня новостей нет. Я болею ангиной. Андрюшка <Стругацкий> болеет гриппом. Сидим с ним в номере и изнываем от скуки. Читаю книжки по кибернетике и теории информации. Любопытнейшие вещи обнаруживаются! Прочел Поля де Крюи «Борьба с безумием» — здорово! Теперь мне ясно, почему Мишка Хейфец все время хихикает: он гебефреник. Травинский переехал в свою новую, трехкомнатную. Мы все еще ничего не имеем. Появились шансы, доплатив, купить трехкомнатную в том же доме. Если это не повлияет на судьбу маленькой комнатки, куплю.

В общем, писать нечего. Жду твоего сообщения. Если в ближайшее время поправлюсь и обрету ясность мысли, то напишу тебе письмо поподробнее с идеями.

Крепко целую, привет всем, твой [подпись].

Р. S. Что это там с Кириллом? Опять же я не понял.

Р. Р. S. Формулирую точно свое недоумение: Что от меня требуется в плане ССП?

Р. Р. Р. S. В «Вопр<осах> лит<ерату>ры», по-моему, пародия на нас? Или нет? Ну и пародии пошли — ни черта не понять.

Аркадий — брату, 11 января 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Понимать из моего письма, собственно, и нечего было. Теперь от нас ничего больше не зависит. 29-го состоится разбор нашего дела в Московской комиссии, и повлиять на это ни ты, ни я больше не можем. Что-то делает Ариадна, кого-то настрополял Абызов — у него много здесь друзей — вот и все. Сложим руки и будем ждать. Положимся на судьбу. На наших рекомендателей. На совесть членов комиссии, черт подери наконец.

Что касается Андреева, то его супруга пустила парашу, будто он попытался покончить жизнь самоубийством, разбив окно и осколком стекла перерезав себе вену. Потом выяснилось, что он просто в пьяном виде открывал окно, примерзшее после оттепели, просунул руку сквозь стекло и сильно порезался. Потерял много крови. Однако вчера я встретил его в «Технике — молодежи», оживленного и веселого и полного надежд и планов.

Неожиданно получил от Лагина его «Съеденный архипелаг» с надписью «Аркадию Натановичу Стругацкому — настоящему (не одноклеточному) писателю-фантасту от автора — с уважением, наилучшими пожеланиями и поздравлениями с плодотворным, талантливым вступлением на трудную, но благородную стезю политического памфлета («Попытка к бегству»). 7 января 64 года. Л. Лагин. К сожалению, не знаю адреса вашего брата-соавтора, к которому я, конечно, испытываю равно высокое чувство уважения и симпатии». Что сей сон значит — понятия не имею, ибо при всей любви к лагинским вещам самого его не очень-то жалею как человека не сильно разборчивого, и при встречах мы с ним просто холодно раскланивались. Может быть, он имеет в виду мое несколько необычное с его точки зрения поведение коллеги-писателя, когда я, прочитав впервые «Майора Вэла Эндью», не выдержал и написал ему восторженное поздравление, тогда как старые его приятели — Томан, Тушкан и пр<очие —> только кисло морщились? Или какое-то отношение к этому имеет его 60-летие? Или мое членство в редколлегии альманаха? Бог знает. Я не привык.

Получил письмо из Японии от нашего переводчика господина Ииды (пишется иероглифами «пить» и «поле»). Коротко говоря, предлагает переписку и обмен книгами. Я бы с радостью, но как это сделать?

Пародии эти вонючие мне до лампочки. Всех сволочей, бездарных халтурщиков облить керосином и поджечь. Я стану плясать вокруг костра.

Ты помнишь Сашку Горбовского? Того самого, который в «Науке и жизни» дал серию очерков о доантичных цивилизациях и о разных загадках древности. Того, насчет которого в последнее время дважды проезжалась «Комс<омольская> правда». Так вот, он

кандидат наук и работает в Институте востоковедения, и руководство откликнулось на выступления печати очень оригинально: отдало Сашу на товарищеский суд. «На повестке дня два вопроса: персональное дело Иванова, в пьяном виде наблевавшего в кабинете директора, и персональное дело Горбовского, выступившего в печати с гипотезой о доантичных цивилизациях». Примерно так. Впрочем, они потом опомнились (все-таки) и ограничились допросом с пристрастием.

Наши писания восьмого сошли с машинки, и я разнес их по разным журналам. Пока ничего не известно, сам понимаешь.

Ну, пока все.

Привет всем, целую, твой Арк. Пиши.

Борис — брату, 15 января 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Хотел было задержаться с ответом, но потом решил тебя не сердить. Сегодня в писдоме заседание, после коего состоится встреча с редактором отдела науки центрального кубинского органа «Революсьон». Указанный редактор прилетел в СССР вместе с Кастро, очень интересуется советской фантастикой и в особенности (как сказал мне по телефону Брандис) фантастикой Стругацких, с коими и мечтает познакомиться. Заодно встретимся и с нашими ребятами, узнаем новости, которые, по словам Травинского, распределяются так: примерно пятьдесят один процент плохих и сорок девять процентов — хороших.

Все интересуются судьбою «Новой сигнальной», и я всем излагаю про затерявшийся контейнер. Правда, уже есть люди, видевшие и купившие сей сборник в Москве. Так, вчера в столовой ко мне за столик присел В. А. Крат, профессор, наш почитатель, и, поедая кефир, сообщил, что «прочел вашу «Радугу» — хорошая вещь, страшная, но хорошая, лучшее из того, что вы написали, и написана хорошо, на самом высоком уровне, и идея очень новая и интересная...» Поговорить с ним толком не удалось, потому что понаселело за стол всяких, при них не хотелось.

Получил деньги из МолГв за СиП.

Володька вселился в свою новую трехкомнатную. Мы в свою новую двухкомнатную — еще нет.

Пришло письмо от нашего почитателя Пети Клеймана из г. Хмельницкого — просит помочь выбрать ему профессию (поиски следов Пришельцев или проблемы долголетия?) и сообщает, что все читатели с нетерпением ждут наших новых книг.

Очень сочувствую Саше Горбовскому, но думаю, что все обойдется: дело Бродского спущено на тормозах, а у вас ведь не Ленинград.

Сообщай обо всех слухах насчет ССП, буде появятся. Передай привет Лагину и сообщи ему мой адрес — не имею ничего против книжки с его автографом. «Кто украл Пуннакана» — прелесть! Киму — мои поздравления.

Жду писем. Твой [подпись].

Р. S. Тщательно сообщи все новости из редакций. Меня беспокоят: а) судьба СВД, б) судьба сборника в «Знании».

Р. P. S. Обязательно напиши маме. Она обижается!

Аркадий — брату, 17 января 1964, М. — Л.

Дорогой Борик!

Вчера, как ты уже знаешь, был на встрече фантастов с киношниками. Впечатление удручающее. Совершенно ясно, что все они с детства любят научную... э-э... фантастику и с ранней юности как львы боролись за ее внедрение в кино, старые ослы. Но... э... нет,

знаете ли, Жюль Вернов, нет героев, великолепных таких, понимаете ли, как Немо, скажем, или, опять же, Паганель... Но нужно, нужно... Да. Детская и юношеская студия должна... фантасты как разведчики будущего... ну, сам представляешь, на каком все это уровне, аж тошнило меня. Вышла Громова и кротко поразила их интеллектуальной несостоятельности. Они удивились. Вышел пьяный в дугу Толя Днепров и сказал «фе» по поводу того, что киношники не знают, почему спутники не падают, когда отделяются от ракеты. Они застыдились и задумались. Вышел Полещук и сказал, что все это трепотня и на самом деле никто не хочет ничего делать. Они возмутились. Потом вышел режиссер, ставивший «Человека-амфибию», и всех писателей обругал и рассказал, каких трудов стоит пробивать у всяких фурцевых такие фильмы. Вот, сказал он, ставлю я сейчас «Секретаря обкома» — одно удовольствие, ни о чем не думаешь, лепишь как попало, все сходит. В таком духе. Я очень смеялся. А потом показали «Человек первого века», и это было то, что надо. Во всяком случае, первое приближение. Техника, юмор, сатира, антимещанство.

Ну, что еще... «Новая сигнальная» и «Черный столб» спорадически появляются и мгновенно исчезают в Москве. Вчера наконец появился «Черный столб» в «Знании». Тебе и Илье Варшавскому пришлют по десять экзов. А «Фантастику-63» достал всего пять экзов, остальное уже раскупили и растащили. Один мне, один тебе, а три Варшавскому и Брандису. Это я привезу сам, как и «Черный столб».

СВД пользуется успехом. Составитель «Фантастики-64» Смирнов цитирует наизусть, говорят, и однажды неприлично заржал в троллейбусе. Даже Толя Днепров, вечный мой оппонент по вопросам сказки, сказал, что это здорово. Нина Матвеевна <Беркова> тоже отнеслась благосклонно. Дал читать Манину и Ариадне, еще не знаю.

Бела сказала мне, что ТББ дочитывает, на днях сдает в производство. ДР перепечатывать не пришлось, приняли как есть, и смотрел эскиз обложки и наброски заставок и титула. НичеГё.

Получил письмо от нашего переводчика в Японии господина (а может быть, и товарища, кажется, он коммунист) Иида. Письмо большое, в нем содержится: а) напоминание, что мы с ним встречались в 60-м в Доме Дружбы, б) сообщение, что японский читатель очень интересуется советской фантастикой, в) просьба сообщить, кого у нас считают первыми и лучшими, г) предложение обмениваться литературой, д) перечень переведенных в Японии журналом «Эс-Эф магадзин» советских авторов. Список невероятно беспорядочный.

В ССП пока ничего нового. Андреев клялся, что все устроено, но я ему ни на грош не верю. Он много завирается последнее время.

Вот все. Привет тебе от всех, поцелуй маму и Адку,
твой Арк.
Пиши.

Аркадий — брату, 18 января 1964, М. — Л.

ВЕСЬМА ВАЖНО, СРОЧНО

Дорогой Борик,

Посылаю вдогонку еще письмо, содержание коего необходимо срочно довести до сведения Брускина и, в части, его касающейся, Володи Травинского.

1. Закончил ли Брускин перевод «Непобедимого»? Если да, то попроси его в порядке личного одолжения немедленно выслать его персонально мне. Пусть также напишет, будет ли «Звезда» публиковать «Непобедимого», и если нет, то что Лема она собирается печатать. Правда, предупреди его, что моя просьба прислать экз. — ожидаемая выгода коснется его самого мало, главным образом речь идет о самом Леме. Пока ничего больше сказать не могу. Не только потому, что связан словом, но и не знаю всего.

2. Ариадна прослышала где-то, что статью ее если и будут печатать, то с сокращениями (это о «Звезде»). Она заклинает меня передать тебе, чтобы ты передал Володе, что ни о каких сокращениях речи быть не может. Над этой статьей о Леме она работала слишком много и тщательно. Передай, пожалуйста. Я своего отношения к этой просьбе не высказываю. Кажется, у меня его вообще нет.

Вот все. Целую,
твой всегда Арк.

P. S. Только что звонила Ариадна, я ей давал читать СВД, читала она и муж ее, оба в восторге, говорят, ужасно ржали.

Борис — брату, 21 января 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Только что звонил тебе по поводу Одессы, буду еще звонить нынче же вечером, так что письмо ты получишь уже после. Но все равно.

Во-первых, чего это Ленка такая злая и агрессивная? Не обидел ли я ее чем-нибудь, упаси бог? Вроде бы нет, да и как? Трудно при всем желании. А желания никакого нет. Как-то мне нехорошо сейчас после этого разговора — извинись за меня, ежели что, скажи, что готов на все, если ее чем-нибудь обидел. А может, у нее просто настроение было плохое? Тогда ты виноват. Бить тебя.

Во-вторых, Одесса. О ней мы договорились уже. Но если ты точно не едешь, то не забудь срочно выслать наш доклад, тезисы, кот<орые> ты отправлял в свое время в Одессу, и список ребят, едущих от Москвы.

В-третьих, новости. Новостей нет. Сегодня иду в «Звезду» — заседание клуба. Буду читать какой-нибудь из рассказиков, что мы давеча написали. В общем-то, новости есть, но их лучше рассказывать. «Новая сигнальная» в Л<енинг>р<a>де появилась и почти исчезла, хотя говорят, что кое-где еще лежит. Не знаю, сам нигде не видел. Самое интересное за последнее время — встречи с кубинцем, но он, наверное, сам расскажет вам все.

В-четвертых. Много думаю над ХВВ. Есть в нашем замысле что-то, что отталкивает меня от него, как от «Кракена». Наверное, это — сугубый реализм обстановки. Он имеет массу минусов. Невозможность писать все, что левая нога захочет. Неуверенность в достаточном знании материала. Ограниченность картины в такой постановке сюжета. Можешь меня ругать, но чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к мысли делать что-то вроде «ТББ» — чужой мир, другие люди, широкая картина, множественность линий, более острый сюжет, меньшая рыхлость, большая концентрированность идей и проблем. Я тоже давеча перечитал тот план — где Бенни Дуров попадает на страшную планету мещан. Что-то в этом есть. Подумай и разубеди меня. А пока целую, твой верный [подпись].

P<ost> T<extum>. Ленке привет. Слушай, может быть, она сердится, что я ей приветов не передаю. Я, кажется, действительно в этом отношении хамоват. Так я буду! Ей-богу! Поцелуй ее в щечку, пусть не сердится.

Борис — брату, 27 января 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Итак, ждем в субботу первого. Когда возьмешь билет, дай еще предупредительную телеграмму для общности.

2. Насчет фурора СВД — это все моча. Нравится, и ладно. Нам обольщаться не след, ибо это все шуточки. Да и Детгиз, как я понял, не берет. Может быть, он и ПНвС в целом тоже не возьмет?

3. Вот насчет «Москвы» — это здорово. Не верится, конечно, но хочется надеяться.

4. К похвалам французов я уже как-то привык. И к тому, что хвалят нас вместе с Журавлевой. И к тому, что хвалят, как правило, не за то, за что следует. Но все равно приятно.

5. Альманах при МолГв — это светлая идея. Воистину светлая. Кажется, это единственная редакция, при которой что-то можно делать. Остальные только языком болтают. И подписная библиотечка — тоже вещь. Правда, нечто подобное собирались, по моему, делать уже несколько раз, и каждый раз все увядало и отцветало, как те хризантемы в саду.

6. Экзы «Новой сигнальной» получили все, кому следовало. «Ф-63» и «Ч<ерный> С<толб>» привози, конечно. Ощущается острый в них недостаток.

7. Послесловие Нудельмана — отлично! Я очень рад.

8. Наши гиганты задумали одну штуку, о которой пока, наверное, не стоит особенно шуметь. Дело в том, что сюда приезжал Косолапов, выступал где-то с пропагандой чего-то. Вездесущий Хейфец, как всегда страшно нуждающийся в средствах, отвел его в сторонку и предложил издать в Гослите книжку — сборник статей о современных фантастах. Косолапов сказал, что это было бы очень хорошо. У нас, сказал он, лежит в редакции несколько заявок на такие книги, но это все чудовищные тома по пятнадцать-двадцать листов, издавать которые нельзя из-за недостатка бумаги. Эти старики, продолжал он, не умеют писать коротко; вот взялись бы вы, молодые!.. Молодые, конечно, взялись. Заявка уже написана и сдана. В книжке будут статьи о Леме (Хейфец), о Брэдбери (Брускин), о Стругацких (Травинский), о Ефремове (кажется, Урбан), еще о ком-то, не помню. Брандису и Дмитревскому, чтобы не обижались, собираются дать вступительную статью («Опытные, заслуженные критики представляют вселенной пытливую талантливую критическую молодежь».) Мне эта мысль очень нравится, хотя боюсь, все это останется втуне. Кроме того, возникла еще колоссальная идея: созвать конференцию фантастов при «Звезде» — по-домашнему, с трепом, с руганью, с выездами в места скопления творческой молодежи (в кафе к физикам и к химикам). Все продумано до деталей, но неясно пока, зачем нужна эта конференция и что на ней делать, кроме распития спиртных напитков и бешеных споров о дефинициях.

9. В Л<енинг>р<а>де объявилась еще одна женщина-фантаст — физик по фамилии Ларионова. У Володьки лежит ее повесть, говорят, неплохая. Володька сказал, что это довольно мрачная смесь Лема, Стругацких и Варшавского. Похоже на то: я не читал, но бегло просматривал. Володька выяснил, что ее любимые фантасты Лем и Стругацкие («не все, конечно...»).

10. И, наконец, ХВВ. Дело, Аркашенька, не в других планетах, которые мне самому осто и насто. Дело в ограниченности замысла. Я имею в виду сюжетный замысел, так сказать завязку. Дело в том, что придуманный нами аппарат не позволяет рассматривать проблему мещанства под многими углами зрения. Аппарат этот есть, в общем-то, не что иное, как разновидность наркотика, очень мощного, может быть, но всего лишь наркотика. Как-то проблема мещанства заменяется в этом случае совсем другой проблемой: какую жизнью лучше жить — реальной или галлюцинированной. Проблема интересная, но не та, что меня волнует. Да и тебя тоже. Слабым местом замысла является именно этот аппарат. Галлюцинации и электронный онанизм. По-моему, это не то, что надо. В общем, надо много говорить и думать. Писать, по-видимому, начнем не сразу. Сначала будем долго и нудно ругаться. Как-то все это очень непросто.

Ну, пока. Ждем тебя, крепко целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Привет Ленке. Очень рад, что все в порядке и никто ни на кого не сердится.

Аркадий — брату, 18 февраля 1964, М. — Л.

Дорогой Борик.

Не знаю толком, с чего начать, поэтому просто расскажу по порядку, по мере памяти своей и в последовательности временной, от моего приезда по сию пору.

Приехал в субботу. Позвонила Ариадна и попросила зайти. У нее я обнаружил оттиск статьи Альтова, доказывающей, что специальный орган для фантастики не нужен. Проект ответа на эту статью написал Джереми, но плохо. Ариадна взялась за дело сама. Предполагалось, что статья Альтова и ответ на нее опубликуются в одном номере. Договорились с Ариадной, что она закончит и перепечатает статью и пришлет ко мне с верным человеком на другой день. В воскресенье верный человек пришел. Это студент ВГИКа или какой-то другой системы, без пяти минут режиссер. Он принес статью, мы поговорили о фантастике в кино. У него есть группа знакомых, жаждущих ставить фантастику, они хотят встретиться с нами и поговорить. Вечером я поехал к Ефремову. Поговорили, я подал ему оттиск Альтова и наш ответ. Прочитав Альтова, Ефремов сказал: «Л-либо д-дурак, либо п-п-провокаатор». Затем прочитал статью нашу, сделал кое-какие поправки и подписал, сказавши однако, что если дискуссия в «Литературке» будет заключаться выступлением не в нашу пользу, тогда лучше его подпись снять и дать ему возможность выпустить последний залп — в той же «Литературке» или «Известиях». В понедельник я поехал с утра в Детгиз и встретился с Ниной Матвеевной. Нина дала нам на подпись договоры на «Понедельник начинается в субботу» — сдавать 15 ноября, плюс льготный месяц. Затем отправился в «Знание». Первый номер альманаха сдан, для второго не хватает вещи листа на четыре советского автора. На другой день предполагалась встреча с Айдиновым с целью уточнения вопроса о редколлегии. Оттуда поехал в «Молодую гвардию». Отдал наш опус с планами и волнениями Климовой, дал Днепрову подписать письмо, у Белы выяснил, что «ДР и ТББ» прошли куратора и теперь окончательно вонзились в производство. Договор с нами Мелентьев все еще не подписывает, некогда ему, наш договор едва нашли в груде подготовленных договоров, накопившихся для подписи за два месяца. Пришла Ариадна, и мы поехали в «Литературную газету», явились к Ревичу (заведующий отделом науки) и отдали ему нашу статью. Он прочитал, попросил кое-что подсократить и пообещал дать либо в этот четверг, либо в следующий. Будем ждать. Затем было не очень интересное собрание фантастов в «Молодой гвардии», и все поехали к Соколову есть блины. Блины были вкусные. На следующий день с утра нас с Днепровым и Ариадной вызвали в ЦК по поводу письма о кино. Беседа продолжалась двадцать минут, нам дали понять, что НФ фильмы нужны, но сценариев нет. В результате мы заручились поддержкой ЦК в деле создания группы режиссеров и писателей для разработки сценарной проблемы, а затем мы пошли на совещание к Айдинову. На совещании я поставил три вопроса: будет ли редколлегия, если будет, то обычная или с особыми правами, и если с особыми правами, то каковы сии права суть. Было отвечено, что редколлегия будет обязательно, права у нее будут особые, а вот какие — Айдинов не знает, это в ведении ЦК, а нас он просит набросать два проекта: один — состав редколлегии, второй — статута оной, каковые он повергнет куда надо. На том и порешили, а потом отправились к Малининой в кабинет, и там разразился ужасный скандал по вопросу о составе редколлегии. Громова решительно протестует против Дмитревского и Днепровы, Андреев кричит что-то тоже вроде этого, насилие их утихомирили, причем Андреев объявил, что больше не желает заниматься фантастикой и уходит отовсюду, но сидел до конца и давал ужасные советы. Далее, дома уже позвонила Клюева и сказала, что в подростки их все-таки перевели, что малая (годовая) серия по приказу директора получила девиз ЧМОК (Честь, Молодость, Отвага, Комсомол) — такая это будет серия фантастики и приключений, так что вопрос о «ПКБ» сам собой отпадает. Вот дела на сегодняшний день. Путаница, в которой я не могу никак разобраться.

Очень мутит воду Толя Днепров. Все время таинственные намеки на новый журнал, который ему якобы обещали в ЦК, ссылки на работников идеологической комиссии и хвастовство, трепотня, ложь на каждом шагу.

Теперь такая просьба:

№ 1. Свяжись с Дмитревским, пусть спешенько сделает так, чтобы мне выслали рукопись этих ребят, Коптева и его друга. Есть шанс пристроить повесть к месту. Пока не очень обнадеживай.

№ 2. Еще раз уточни у Дмитревского: давать ли «Путь на Амальтею» на машинку.

Вот пока все. Целую, большие приветы Адке и всем. Маме написал.

Твой Арк.

Борис — брату, 23 февраля 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Едва ты уехал, как разразились беды. Заболела мама — грипп, ангина, прострел. Свалился Андрюшка — ветрянка: весь покрылся болячками и стал активным бациллоносителем. Поэтому жизнь наша на протяжении недели не блистала ни разнообразием, ни радостями. Я очень ждал твоего письма еще в среду, но пришло оно в субботу. Я сразу кинулся искать ответы на твои вопросы, но ты же понимаешь: суббота, погода отличная, никого нет. Дмитревский в Комарово (сидит безвылазно), Брандис там же. Звонил сегодня Коптеву — нет дома. Так что я буду звонить еще сегодня Коптеву — уверен, что он с удовольствием пошлет свой опус в «Знание», тем более что совершенно неясно, кто его будет печатать здесь, в Л<енинг>р<а>де. Что касается «ПНА», то тут тоже в общем ясно: надо перепечатывать, и поскорее. Совсем недавно Брандис торопил.

В пятницу был в «Звезде». Кан читал доклад о Хайнлайне и свой перевод «Зеленых холмов». Перевод ужасен, но, в общем, было ясно, почему Хайнлайна называют космическим Кипплингом.

Вообще новостей у меня нет. Володька болеет воспалением легких, а он и есть основной источник информации. Львов съел-таки Зайцева. Зайцеву были созданы невыносимые условия для работы, он подал заявление об уходе и теперь решил уехать из Л<енинг>р<а>да. Львов проиграл процесс (тот самый), дочь передали матери. Но он не горюет. Поместил давеча в «Ленинградской правде» статью, где доказывает, что телепатические опыты с «Наутилусом» были газетной уткой, а позавчера выступал по радио — о химии.

Кое-кто в Пулково читал «СВД». Особых эмоций не возникало. Правда, всем понравился кот.

Прочел я Лема — хорошо. Практически для любого из наших фантастов это было бы великолепно, но для Лема — это слабовато. Отличные приключения, эффектнейшие ситуации, но — мало, мало этого для Лема. Лем — это идеи, новые и глубокие. Здесь их нет. Во всяком случае — новых. Да и глубоких в общем-то тоже. В общем, для Лема этот «Непобедимый» — безделка, вроде «СВД» для нас.

Сейчас читаю этот сакраментальный роман фантастки Ларионовой. Ты знаешь — это хорошо! Честно говоря, я не ожидал. Просто по-настоящему написано. Не знаю, напечатают ли его, но если да, то Ларионова сразу попадет в первую пятерку — гарантия. Немножко меня огорчило, что она в каком-то смысле опередила нас в идее движения по времени в обратном направлении. Правда, у нее там движется целый «соседствующий» сверхгалактический мир, но все равно. Что-то во мне щелкнуло, когда я это прочел.

Новости твои довольно прискорбны. Мне очень жаль погибшей «ПкБ». Где же теперь мы ее издадим отдельно? А ведь очень хочется именно отдельно.

Жаль, что ты не прислал ответа Альтову. Я тоже хотел бы приложить голову. Но во всяком случае если будешь подписывать, то подписывай и меня.

А Толя Днепров, по-видимому, порядочный фрукт. Будь с ним поосторожнее.

Ну ладно, всем привет. Как там Север? Как там ССП? Жду сообщений.
Твой верный [подпись].
P. S. Привет Ленке. Как Наташка?

Аркадий — брату, 25 февраля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

У меня ситуация не лучше. Дома госпиталь, дом Лазаря. Машка <Стругацкая> заболела ужасной помесью кори и ангины, это сейчас же подхватила Наталья, можешь себе представить все остальное. Живу как в бреду каком-то. Ни мыслей, ни работы. Но — надо пережить. И переживем, м-мать его...

Сообщаю весть, которая тебя несомненно, однако же, порадует. С двадцать первого февраля сего года мы с тобой приняты — наконец-то! — в те самые ряды. Заседание комиссии прошло келейно, не были приглашены ни свидетели, ни рекомендатели. Ариадна сидела в Переделкине. И тут ей позвонили, что братья Стругацкие оба приняты комиссией в ССП. Она кинулась звонить мне. Вечером позвонил Ким и рассказал подробности. Против нас выступали только двое: известный второстепенный драматург и малоизвестный третьестепенный литературовед. Еще трое воздержались. За нас горячо ратовали: Адамов, Евгеньев («Москва»), Сафонов (см<отри> «Пришествие и гибель собственника») и еще остальные двое членов комиссии, еще не знаю — кто. Прошли мы девятью голосами против пяти воздержавшихся. Против никого не было. Если тебя это утешит, добавлю, что следом за нами провалили зам<естителя> ответ<ственного> редактора «Юности» и еще каких-то двоих.

Теперь остаются только утверждения на Президиуме, но все говорят, что сие есть лишь формальность. Ким обещал узнать, когда будет это утверждение. Вчера было «творческое обсуждение» фантастической и приключенческой л<итерату>ры за прошлый год, тоже все поздравляли, даже кислый Тушкан. А обсуждение было безобразное, приглашения разослали неаккуратно, список произведений неполный, самое важное пропущено, какие-то интриги с этими списками, совершенно внелитературная возня. Я выступил — был немного болен, не спал ночь перед этим, раздражен — орал жутким голосом, но, как сказали Север и Нина Беркова, выступил очень правильно.

С Коптевым небольшое недоразумение. Неужели я просил тебя послать рукопись в «Знание»? Это же Нина Беркова просила хорошую рукопись для Детгиза на будущий год. Ну ничего, я попробую выкарабкать ее оттуда. Надо было слать ее прямо мне. И еще надо прислать мне рукопись Ларионовой. Шибко надо. Все это сейчас позарез надо. Возня здесь скрытая и открытая, началась зверская конкуренция между издательствами, а рукописей хороших нетути. Все, что есть хорошего, проси слать мне. Только предварительно знакомься сам, а мне посылай лишь то, что я могу подкрепить твоим авторитетом.

Рад, что Лем тебе нравится. А что касается идей — слушай, а нет ли чего-то неприличного в том, что мы нагло требуем от автора идей? А ему хочется просто написать, отвести душу — безо всяких идей. Вот вчера на обсуждении выступил один начальник какой-то лаборатории и объявил, что лучшая вещь Стругацких — это «Страна багровых туч». Ну что ты будешь делать? Впрочем, чихать.

Что до «ПкБ» (повествования до дрожи интересного, как пишет один японский журнал), то я полагаю, мы должны включить его в сборник «ХВВ» на 65 год, вот так-то. Все там будет аккуратно, в одной кучке — ХВВ, ПкБ и повесть о глупой планете. Листов на двадцать в целом. Кстати, о глупой планете. Юра Манин — он у меня был на днях — дал хорошую идею: мы говорили о возможных негуманоидных формах разумной жизни, он предавал анафеме идею Колмогорова о разумной плесени и выдвинул такую форму: мозг отдельный, а полуразумные эффекторы, управляемые мозгом на расстоянии,

отдельны. И вот эти-то эффекторы, оторвавшиеся от связи с мозгом, тамошние гуманоиды и приспособливаются к домашней работе. По-моему, это может получиться забавно.

Ты меня прости, но я как-то сейчас не думаю о ХВВ, а лезет мне в голову небольшая, листа на четыре, приключенческая повесть «Служба на Пандоре», о работниках С<лужбы> И<ндивидуальной> Б<езопасности> во главе с Полем Гнедых. И туда вставить целиком рассказ о «Первых людях на первом плоту» — планета огромная, совершенно неосвоенная, вот они из-за океана и осваивают новые материки, а о них никто ничего не знает, и приключения всякие. И психологии в меру. И разнообразие моральных обликов того времени — почему люди не-специалисты устремляются охотиться на тахоргов. А ХВВ мы напишем своим чередом, ты не думай, смачно и не торопись.

Вот теперь основная проблема. Когда же мы встретимся? И не пора ли тебе, член Союза писателей, подумать о профессионализации? Это бы во многом облегчило проблему встреч. Мы бы могли работать в Переделкине, в Комарове, в Малеевке хоть всю зиму, наезжая на день-другой в города и не мучая маму. Но это, конечно, только после Президиума, а вот когда мы встретимся в следующий раз? Когда ты переезжаешь? Необходимо ли мое присутствие при твоём переезде? Одним словом — когда? Я полагаю, что смогу быть с тобой в любой день после первого марта. Подумай, посоветуйся с мамой и отпиши. То есть очередное письмо пиши сразу же, а об этом посоветуйся и отпиши. Уже хочется работать.

Толя Днепров ведет себя так, что писать о нем не хочется. Потом расскажу. Север и все остальные шлют приветы. Все.

Привет всем, целую, твой всегда друг и соавтор [подпись].

Р. С. Давеча зашел к Беле. Сидит над нашей рукописью и, ругаясь, вычеркивает упражнения корректоров в пунктуации. Первую верстку получим, видимо, в конце марта.

Борис — брату, 27 февраля 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Ура, ура и ура! У меня от радости недержание... и общее томление. Близок час! Я уже ощущаю на кончиках пальцев шершавое прикосновение заветной книжечки. По-видимому, в глубине души я фетишист и идолопоклонник. Смачно!

В остальном я болею: грипп и ангина. Андрюшка почти выздоровел, мама тоже. Думаю, что приехать тебе надобно пятого. Мама, кажется, написала «третьего», но это, по-моему, в порыве энтузиазма — она еще не совсем здорова, горло побаливает и вид неважный. Так что давай договоримся так: пятого в четверг. Выезд, естественно, упреди телеграммой. Попишем всласть. Я только что прочитал написанное «ХВВ» — ты знаешь, здесь что-то есть! Очень сыро, очень грубо, очень неотшлифованно и невнятно, но! Чувствуется какой-то поддон, что-то скрытое, напряженное, что-то обещающее. Может быть, это происходит оттого, что я знаю, о чем пойдет речь, но так или иначе меня это вдохновляет. В этот твой приезд — кровь из носу — закончим черновой вариант. Тогда многое станет более ясным. А пока мне захотелось двух вещей: 1. Чтобы повествование шло все-таки от первого лица и 2. Чтобы герой был как-то тесно связан с этой страной, с этим городом. Пусть он бывший политэмигрант или, наоборот, уезжал двадцать лет назад куда-нибудь в дебри делать революцию, «строить и несть», а теперь вернулся и ничего не узнаёт. Я понимаю, тогда проваливается вся детективная линия, но, черт возьми, как же сделать героя-сыщика кровно, пупочно связанным с судьбой этой страны. В ТББ у нас были интеллигенты и Кира — они осуществляли эту связь, за них Румата дрался и был готов на все. А здесь? Ужасно не хочется делать Жилина просто сочувствующим. Кровью его связать надо, кровью и сукровицей, чтоб он горло рвал, чтобы не был умным дедушкой среди расшалившихся внучиков. Конечно, мы строители миров, но не мир у нас гвоздь повествования — человеческая трагедия в этом мире.

Идея насчет эффекторов — хороша, только опять же почему она у тебя звучит как новая? Подумаешь, Манин! Ты, ты эту идею выдвигал Н лет тому назад, но мы не знали, куда ее сунуть, и ты сунул ее в «ИсСКИБР»! И идея «Службы ИБ» — тоже хорошая — можно здорово завернуть. И завернем. А может быть, соединить ее с «Глупой планетой»? Жила-была отличная планета. Завязали там люди бактериологическую войну и превратили ее в Пандору. И остановиться не могут, и планета становится все более мерзостной. А земляне ничего не знают: устроили себе охотничью базу и развлекаются, а потом все выясняется. А? В центре — СИБ. Ни черта не могут понять: начали объявляться эти самые эффекторы да еще какие-то люди, умирающие, гниющие заживо — люди как люди, но нигде не зарегистрированные и непонятно откуда взявшиеся. С этого и начинается разматывание клубочка.

Насчет Коптева не беспокойся: и в данном случае, и всегда впредь я давал твой адрес, так что все будет идти именно к тебе, а ты уж там будешь пристраивать, где спрашивают. Коптев давеча звонил, я объяснил ему ситуацию, он сетовал, что их повесть отнюдь не для Детгиза, но я сказал: «Срочно перепечатавайте, а там видно будет». В общем, ты приедешь и все тут на месте и получишь. И Ларионову тоже. А в Москве можешь говорить, что в Ленинграде есть две годные к опубликованию повести: пусть готовятся принять. За Ларионову я ручаюсь, то есть ручаюсь, что написано нечто порядочное, вполне на уровне и заметно выше среднего (насколько это печатабельно-принтабельно, судить боюсь: я человек трусливый). Что же касается Коптева, то уверен, что это не ниже среднего и почти наверняка выше: ребята остроумные, современные, знающие, думающие, языком владеют (я читал их памфлетики в «Неве» — вполне!). Так что — распространяй слухи, а приедешь — все сам прочтешь.

Читал статейку Альтова. Н-да. Нелегко. Очень хочу прочесть наш ответ. С... этот Альтов. Поистине либо д-дурак, либо п-провокактор. Но подцепить его трудно: бьет, гад, навывает. Простые читатели, с которыми я беседовал, считают, что он совершенно прав. И главное, ведь не сбить его, не раскрывая кухни, — вот подлость-то! Ну, вы там ребята мощные и много вас, чего-нибудь да придумаете.

Ну, жду тебя. Работать хочется тоже. Профессионально, так сказать, по-членски! А работу я, если все будет хорошо, конечно, брошу — в этом же году. Дождусь только начальства из Чили.

Целую крепко в лобик, твой [подпись].

R<ost> T<extum>. Привет Ленке, замученной детскими болезнями.

[Добавлено рукописно:]

P. P. S. А что касается квартиры, то пусть это тебя не беспокоит. Ключ мы уже получили, но ремонта они еще и не начинали.

Аркадий — брату, 3 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Дела, значит, такие. Пишу по порядку, чтобы не, упаси бог, забыть.

1. Ленка прочитала ХВВ и сказала, что очень завлекательно и интересно, но что это Лем в чистом виде: и первое лицо ищущего и недоумевающего героя, и словообразования, и, главное, отчаянная безнадежность положения — не для героя, а для общества, для сферы, в которой он крутится. А пропо: Ленка читала «Возвращение со звезд» и «Рукопись, найденную в ванне».

2. Позавчера на вечере обсуждения Кима встретил меня Томан и сообщил, что президиум будет нас утверждать 24 апреля. Томан уверен, что все сойдет благополучно.

3. Сейчас иду в «Мол<одую> гв<ардию>» для беседы с дирекцией по поводу подписной Биб<лиоте>ки мировой фантастики. Утверждена серия в пятнадцать томов на три года, ежегодно пять: один советский автор, один из стран нар<одной> демократии, один из США, один из Англии, Франции или Японии, один том — антология рассказов

без различия строев и сторон света. Первую группу на 65 год намечаем так: Ефремов «Гуманность» и «Звездные корабли», Лем «Солярис» и «Непобедимый», Брэдбери «451» и «Марс<и>анские» хроники, Абэ Кобо «Ледниковый период» и «Песчаная женщина». Ну а антология, она и есть антология.

4. Сегодня же будет встреча с Л. Леоновым — его тронная речь при вступлении в отправление функций председателя совета приключ<енческой> и фант<астической> л<итерату>ры ССП.

5. Пришло несколько писем от поклонников. Ответил. Пришло письмо из Японии от нашего переводчика Ииды, письмо мое, значит, до него дошло, а вот книги, которые я послал, по-видимому, еще нет. Впрочем, письмо его, да и мое, тащилось по месяцу. Срамота, право. Он пишет, что переводит «Лезвие бритвы», оно выйдет в этом году в изд<ательст>ве «Кагава сёбо».

6. Обсуждение «Пуннакана» прошло хорошо, я рад за Кима. Да и то сказать, он да Лагин — лучшие памфлетисты, никуда не денешься.

6 [6-й пункт повторяется]. Не курю. И весь дом у нас не курит. И ничего.

7. Нудельман прислал в «Мол<одую> гв<ардию>» для сборника статью о фантастике, излагает свои взгляды на фантастику вообще, с презрением отменяет зарубежную, где вообще не о чем говорить за неимением оной как таковой, и всюду говорит лишь о Леме, Ефреме и нас. Статья очень сложная, построена так, что он ставит вопросы и доказывает, что ответа на них ждать не приходится, ибо все течет и изменяется. Но мне понравилось.

Пока все. Пиши. Привет всем, крепко целую, твой Арк.

Борис — брату, 6 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. С запозданием, ибо ты так ловко его послал, что пришло оно в субботу вечером, так что прочитал я его только в понедельник днем. Ну, что я могу тебе, так сказать, сообщить?

Говорил с Володькой. У него, как он выразился, «странное настроение» (имеется в виду ПкБ), обещал изъясниться подробнее при встрече. Встретимся на днях. Он был у Малининой, и та заявила, что его статью снимают, а пускают Нуделя <т. е. Нудельмана>. По-моему, это свинство.

Я бесперывно пребываю в квартирных делах, каковые мне уже осто и насто. ХВВ не перечитывал и Адке не давал. Ужо. Отзыв Ленки кажется мне весьма симптоматичным. Надо будет что-то придумать.

Курю. С фильтром. Пришли мне на день рождения пачек пятьдесят «Фильтра», в смысле «Фитиля». Если пришьешь до дня рождения, будет еще лучше. И не забудь поискать двойную мойку или попроси Ленку.

Пришли мне: рассказы Севера и статью Нуделя. Очень хочется.

Напиши подробнее про тронную речь Леонова. Я тут прочитал «Бегство м<исте>ра Мак-Кинли» — г... Не ожидал. Все-таки Леонов. А слабак. А я-то думал.

Сволочи — все откладывают и откладывают. Мне это не нравится, я лучше пойду домой, как говаривал один эпизодический герой Уэллса.

А в этой Биб<лиоте>ке мировой ф<антасти>ки мы будем или как?

Как Толя <Днепров>?

Всем привет, жду писем, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. А «Происхождение человека» — любопытная штука!

Аркадий — брату, 9 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Борис.

Весьма прискорбно, что до сих пор нет ответа на мое письмо. Впрочем, ты, вероятно, в заботах, а я пишу тебе, не дожидаясь ответа, вот почему.

Вчера вечером позвонили мне из «Вопросов литературы» и сказали, что требуется наше выступление на тему «Писатель и наука». Требуется срочно — чтобы от силы к 14-му оно было готово, а 13-го редакция сама придет ко мне и заберет выступление с квартиры прямо в верстку. Требуется много, не менее четырех и до шести машинописных страниц. Требуется изложить наши позиции по указанному вопросу и подтвердить (или не подтвердить) нашим творческим опытом. Требуется не только с нас. Это выступление сразу четырех авторов: кого-то (не расслышал), Олега Писаржевского, И. Ефремова и нас. Подозреваю, что нас включили в последнюю очередь, потому такая и спешка. Ну, на это плевать.

Сказать тебе откровенно, мне эти выступления до лампочки. Я занят, и мне заниматься ими некогда, да я и не умею, и не люблю. Именно поэтому я передоверяю все тебе. Напиши сам. По моим расчетам, это письмо придет к тебе числа одиннадцатого, писать ты будешь день-другой, так что четырнадцатого оно будет обратно у меня. Я пройду по нему пером и отнесу в редакцию. А если ты не захочешь писать, тогда я скажу, что мы не успели, или еще что-нибудь сокру.

А занят я сейчас вот чем: с большим увлечением перевожу японский фантастический рассказ. Кажется, отличный рассказ. Думаю, тебе понравится. Хотя он захватил кое-что из внешней атрибутики «Кракена».

Все. Целую, твой Арк.

Аркадий — брату, 12 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Борик.

Письмо твое получил только вчера — странная штука, судя по штемпелям, опущено оно было седьмого, а пришло в Москву десятого. Так редко бывает. Ну, к делу.

Не понимаю, что это у Володьки странное настроение в связи с «ПкБ»? Что он, раньше ее не читал, что ли? Почему такая замедленная реакция? Я по поводу статьи ходил к Малининой, выяснилось, что Володьку не снимают, а передвинули в третий номер, а будет этот третий номер или нет — я не знаю. Я там сказал, чтобы меня членом редколлегии не считали.

Ариадна по заказу написала о нас небольшую статью в «Сов<етскую> литературу на иностранных языках». Хорошая статья, на мой взгляд. Считает, что мы продвинули метод фантастики от Уэллса дальше. От «фантастики через бытовое» к «фантастике самого быта».

Тронная речь Леонова не состоялась. Он, кажется, болен. И х... с ним. Говорят, он был вне себя от ужаса и удивления, когда узнал, что его назначили председателем этого совета — узнал, между прочим, как раз за день до своей тронной речи. На что нам такой председатель? И, прямо скажем, на что нам этот совет?

Ходят слухи, что Большой ЦК разрешил журнал ФП Союзу писателей. Во главе поставили, якобы, Сытина. Так что фактором в нашей жизни этот журнал вряд ли будет.

Купил тебе 60 пачек «Лайки» с фильтром. Двадцать вышлю не замешкав, если примут бандероль, или же посылкой, а остальные сорок привезу. Так что считай, подарок ко дню рождения есть. Что до двойного унитаза, о котором вы столь молитесь, то Ленка следит и будет до победы следить.

Статью Нуделя и вещи Севера прислать не могу. Статья — в издательстве, рассказы — где-то. Севера давно не видел. Да ты не огорчайся, все будет, и кофе, и какао. Нищие вот одолели. Пока пишу письмо — третий ломится.

Выступление для «ЛиЖи» я все-таки написал, Ленка сказала, что ничеГё. Так что рискнем своими репутациями при любых обстоятельствах.

Толя Днепров учинил очередной скандал с ребятами, поругался со всеми. Но на этот раз высокими именами не размахивал, а ссылаясь на общественность. Я его видел, предложил начать дискуссию, он, кажется, согласился. Вообще все это гроша ломаного не стоит.

О Биб<лиоте>ке мировой фантастики. Мы разработали поименно весь состав первой серии — 15 томов на первые три года. Даю тебе перечень:

1965	1966	1967
Ефремов	Стругацкие	Днепров (?)
Лем	Кларк	Уиндем
Брэдбери	Азимов	Джек Вэнс (?)
Абэ	Веркоро	Ван Вогт
Антология	Антология	Антология

Названия вещей тоже примерно определили, но еще не окончательно. Мне уже дали переводить Абэ Кобо, у Брэдбери пойдет «451» и целиком «Хроники», Лем будет представлен «Солярисом» и либо «Непобедимым», либо «Возвращением со звезд». Сейчас с трепетом ожидаем: утвердит нам Романов саму Библиотеку или нет.

Одновременно мне предложили (неофициально) составить подобную же библиотеку для Детгиза — но там приключения и фантастика советских авторов на 20 томов. Сейчас возьмусь за работу.

Пока все.

Кажется, ничего не забыл. Целую, твой любящий брат.

Привет Адке. Поцелуй мамочку.

[подпись]

Совсем забыл, пришлось даже конверт разорвать. Срочно вышли в бухгалтерию «Мол<одой> гв<ардии>» заявление о переводе на сберкнижку, получай свою долю в 60 % по одобрении «ДР». Сообщи также, получил ли деньги по авансу за ПНвС из Детгиза.

К слову: вчера был в Детгизе, мадам <Калакуцкая> очень настойчиво требовала от меня заверений в том, что к концу сентября вещь будет лежать у нее на столе. И вздыхала, что не раньше.

Борис — брату, 13 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Все эти «Писатели и науки» я, как и ты, мягко выражаясь, э...л. Со всеми моими заботами еще только не хватало «Воплей». Конечно, приятно было бы появиться в этом журнале, который я искренне уважаю, но, ей-богу, некогда было. И потом, что у них за манера обращаться в последний день? Свинство, в общем-то! Словом, за вчерашний день я придумал только сюжет, сейчас отошлю тебе это письмо и попробую что-нибудь написать. Потребуется мне на это минимум два дня, причем, может быть, вообще ничего не получится. Так что если будут звонить, скажи, что мы не успели и что надо предложения такого рода делать все-таки заранее, а не за два-три дня. А там видно будет.

Читал Адке ХВВ. Ей очень понравилось. Она сказала, что это не лучшая наша вещь, но во всяком случае — самая увлекательная и интересная. Так что можно считать, что хороший детектив у нас уже получился.

Видел Володьку. Настроение мрачное и, действительно, странное. Но это не для письма. Илья <Варшавский> читал новые рассказы — ничеГе. Про кошку — просто хорошо. Хулиган он все-таки, молодчина.

Я обживаю квартиру. Все болеют. Мама — ничего.

Купил хорошую книжку: «Вирусы и природа жизни». Вообще веду растительный образ жизни. Большею частью лежу на ковре, курю и читаю «Происхождение человека». Кроме того, приколачиваю всякие нашлепки, гвозди, гардины, хожу по магазинам и выискиваю мебель. Как там насчет двойных моек и пишущей машинки?

Целую в щечку, твой верный [подпись].

Р<ost> Т<extum>. А что были за письма от поклонников? От кого и о чем?

Аркадий — брату, 15 апреля 1964, М. — Л.

Здравствуй, Борик!

Ну, в рассуждении «Воплей» я уже тебе писал: статью написал, приехал за ней какой-то хмырь болотный, говорит, что отлично и что публиковать будут в 5-м номере. Сфотографировал меня, расхвастался знакомствами и способностями, причем, по-моему, все время врал, и уехал. Зовут его А. Лесс, спроси Володьку <Травинского>, может быть, он в курсе.

Если ты уже что-нибудь написал, не горчись, не пропадет, куда-нибудь сунем, а может, и идеи хорошие подвернутся там у тебя, тогда вставим куда-либо.

Очень рад, что Адке нравится ХВВ. Манин здесь приходил, в ногах валялся, даже в порядке подлиза припер два тома лекций Фрейда, но я ему не дал. А Фрейда читаю. Вот так.

Вчера на обществе фантастов предложил отнестись к Альтову прилично. Куда там! Обгадили с головы до ног. Все жаждали веселиться и веселились вовсю. Молодые ребята прочитали свой рассказ — про Ноя, Хама и прочую публику из Книги в связи с Пришельцами, рассказ дерьмовый, но нельзя же так — обгадили и их. Вышел парнишка, уполномоченный из молодежного кафе «Аэлита», звать фантастов на вечерок — его тоже обгадили, простыней утираться не хватило. Черт знает, до чего хлопчики пораспустились. Мы после всего пошли к Ариадне — она, Ленка, Олег <Соколов>, Нина Беркова и режиссер Каневский, да потом Ревич пришел, ну и того... Между прочим, я не курю.

Послать тебе сигареты пока не удалось. Упаковка какая-то там нужна. Табак не принимают.

А письма были от мальчишек, с целины и из Донецка. И еще ни к селу ни к городу прислал Женька Закладный вторую часть седьмого тома «Махабхараты». Впрочем, там я сразу обнаружил Упанишады, Арджуну и прочую муть из разговоров Зеркала.

Пока все, целую, твой Арк.

Борис — брату, 15 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

С этой научно-писательской мочой у меня ничего не вышло — и некогда, и не тянет. Ну их к черту.

Вчера было заседание клуба фантастов в «Звезде». Зайцев читал свой рассказ из личной жизни — ничего, в стиле Солженицына. И еще показывал югославские газеты с сенсацией: там в какой-то церкви XIV в<ека> обнаружили фрески, изображающие ангелов, летящих на спутниках, и Христа, возносящегося в ракете. Приведены фотографии. Действительно похоже. Правда, это может быть современной подделкой монахов для привлечения внимания к храму. Дмитревский сообщил, что директор Лениздата предложил: а) выпустить сборник советской фантастики к 50-летию Советской

власти, и б) организовать ежемесячные (!) выпуски фантастики по пять-шесть листов, дешевые и тиражеватые. Лениздат, кажется, выхлопотал себе положение республиканского (а не областного) изд<ательст>ва и теперь будет экспортировать свою продукцию по всему СССР.

Вышел сигнал ленинградского сборника Ильи И<осифовича>. Очень милая, аккуратная книжечка, битком набитая рассказами и с очень хорошими заставками. Прочитал еще два рассказа Ольги Ларионовой — ничего, оба хохмаческие. Урбану изд<ательст>во «Сов<етский> пис<атель>» поручило составить сборник лучшей за последние два года советской фантастики. Он просил у меня консультацию, я ему дал. Миша Хейфец ездил в Москву выяснять насчет того критического сборника в Гослитиздате (о Леме, Брэдбери, Ефремове и о нас) — сборник перенесли на следующий год (мало бумаги). Хейфец говорит, что если бы у него была возможность посидеть в Москве подольше, он пробил бы этот сборник и в этом году. Обстановка там и отношение к сборнику самые благоприятные.

Кан вернул мне твоего Lewis'a. Очень его хвалил и удивлялся, что тебе не понравилось. Вырвал у меня твой адрес, будет, наверное, писать, благодарить и просить еще. А может быть, и не будет.

Да, я подслушал разговор Дмитревского и Брандиса. Слышно было плохо, но, кажется, Лениздат в сборнике 1964 года не хочет печатать ни «ПнА», ни «Непобедимого» Лема. Хоть компания хорошая.

Напиши, как там у вас дела. Кто что делает и как поступает.

Всем привет, целую [подпись].

P. S. Сегодня мне стукнуло 31 год. С ума сойти можно!

Аркадий — брату, 18 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо с новостями. У меня никаких особых новостей нет. Всю неделю сидел дома и переводил, читал Фрейда и Фредерика Поля — есть такой талантливый американский фантаст, отмечен вниманием Эмиса. Однако нет, выезжал в порядке самопроветривания к Северу. Север хорош, отрастил усы и ходит в милицию за материалами для пьесы. Кроме того, сам себя иллюстрирует для сборника в «Знании». Передавал тебе большие приветы. Читал свои рецензии — он любит и умеет рецензировать, получается очень убедительно. Правильно или нет — это другой вопрос.

Не помню, писал ли тебе, что начал перевод Абэ Кобо «Четвертый ледниковый период». Очень глубокая и странная вещь, что-то весьма близкое к Лему. Интересно, он, конечно, о Леме понятия не имел, когда писал, находился на другом конце земли, а вот поди ты... Он умный человек, коммунист, как и Лем, философ, как и Лем, кажется, не дурак в науке... как и Лем. Нет ли здесь какой-то закономерности? Случаен ли «лемизм» в литературе? И тоже, как и Лем, пиком возвышается над сородичами-фантастами в том отношении, что ему надо не поразить читателя, а высказать то, что обычными средствами не высказывается. В «4-м ледниковом» ясно светит мысль: современники, не смейте судить будущее! Даже если оно вам не по вкусу, не смейте убивать его. Вашему вкусу в будущем места нет.

Вот, кажется, все новости. Да, днями разодрал все журналы, извлек из них квинтэссенцию, сейчас иду в переплетную мастерскую. Места освободилось — страсть.

Имею прибыть к 6-му мая.

Целую, твой Арк.

Привет всем.

Борис — брату, 20 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. Пришли, пожалуйста, то, что ты написал для «Воплей». Должен же и я посмотреть. Может быть, что-либо добавлю. Я не написал ничего: не нашел материалов. А мысль состояла в том, чтобы проблему «Писатель — Наука» свести к проблеме «Писатель — Новый Читатель». О правах и обязанностях писателей в отношении новой аудитории ученых, невиданной раньше (в 1962 г. в вузах СССР училось три миллиона человек, представляешь?). Такая трактовка проблемы «Писатель — наука» представлялась мне весьма заманчивой, но я не нашел никаких справочников, а без цифр все это звучало бы ерундово.

2. Сигаретки получил — большое спасибо. Курю.

3. Заявление в бухгалтерию МолГв отправил. Из Детгиза получил четыреста с лишним уже довольно давно.

4. Намедни ребята здорово приставали, чтобы прочитал им ХВВ. Очень мне хотелось, но, верный своему союзническому долгу... Кстати, если разобраться, то единственная причина, по которой я был против прочтений черновика, сводится к тому, чтобы черновик не ходил по неприятным рукам. Может быть, во изменение предыдущего решения постановить: черновик научно-фантастических статей Стругацких выдается для прочтения ТОЛЬКО лицам, к литературе прямого отношения не имеющим. Пример: Манин — да, Громова — нет. Чистяков — да, Варшавский — нет. И т. д. Чтобы не приставали разные Брандисы-Дмитревские у меня и соответствующие доброхоты у тебя. Как ты относишься к такой идее?

5. Прочитал «Исландский колокол» Лакснесса. Ты знаешь, противу ожиданий это оказалось хорошо — очень горькая и сильная повесть об Исландии времен, примерно, петровских. Очень честная и жестокая. И какая-то безнадежная. Прочти. Преодолей две-три первые страницы, а потом пойдет само.

6. Бегаю за мебелью. Пока безнадежно. По-видимому, будем писать ПНвС за кухонным столом, сидя на немецких табуретках и лежа на советских раскладушках или на немецком же ремонтном ковре. Думаю, это будет не так уж плохо, а?

7. Я все-таки попрошу тебя приподнять почтенную поясницу и зайти в магазин пишмашинок. Если найдешь нечто подходящее — телеграфируй, я вышлю деньги (на сб<ер>к<нижку>), и ты купишь и привезешь. Хочу иметь хорошую машинку, и тебе тоже не след таскать свою из города в город. Займись. Заодно и воздухом подышишь.

8. Травинский уехал в отпуск. Настроение его было странным не по поводу ПкБ, а в смысле ПкБ («желающие странного»). «Непобедимого» берут в «Звезду». Брускин ходит и всех угощает коньяком. На днях в ССП состоится интересное заседание: какой-то товарищ из Дома детской книги проведет анализ детских отзывов о н<аучной> ф<антастике>. Ужо отпишу. Альтов и Журавлева прислали очень нахальное письмо в «Звезду». Всех несут. По-видимому, их гипотеза получила огромный резонанс на Западе. Говорят, что даже Би-би-си что-то излагала по этому поводу. Но хамы они редкостные все-таки.

Ну, на сем кончаю, всем большой привет. Поцелуй Ленку. Жду твоих писем и тебя самого, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Как-то там наше дело в ССП? Бр-р-р...

Аркадий — брату, 22 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Бешка!

1. Ликуй, старый рыжий пес! Вчера звонил Томан и сообщил, что комиссия нас утвердила. Потом звонила Ариадна и сообщила, что ей звонил Томан, что комиссия нас

утвердила. Меня не было дома, и когда я пришел домой, Ленка сообщила, что Катерина Евгеньевна <Ошанина> говорила по телефону с Ариадной, и та сообщила, что Томан звонил ей, что комиссия нас утвердила. Поздравляю, товарищ Советский Писатель.

2. Пришла вторая верстка ДрТбб, уже чистенькая и с рисунками. Напишу тебе письмо и помчусь снимать вопросы, сегодня же Бела сдаст в производство, производство свободно, и, возможно, в мае будет сигнал. Ликуй, рыжий... Впрочем, я уже писал, да?

3. Высылаю тебе статью с сокращениями. Твоя идея отличная. Мы обязательно напишем такую статью и опубликуем в «Литературке». Три миллиона ученых в год! Ничего себе ухо!

4. Чистяков — да. Манин тоже да. Согласен. Только читай из своих рук. И немедленно пришли отзывы.

5. «Исландский колокол» я э... Я Фрейда читаю. Намедни переставлял свою библиотеку и обнаружил интересные фотографии. Ужо привезу. Сколько пыли в книгах заводится!

6. ПНвС готов писать даже на унитазе, не то что на ковре. Приеду, видимо, к маминому дню рождения. А я кое-какие книжечки для этого достаю.

7. Пишмашинку тебе ищут четыре человека, а двойной унитаз — два. Если пишмашинку не найдут, привезу пока свою. Какую-то особую ищут, с приставным стулом и чтобы одновременно была клавиатура. Фирмы «Бедкер».

8. Угости на радостях Брускина коньяком. Очень рад за него. У нас в издательствах его ждут.

На сем кончаю. Крепко целуй маму и Адку, всем ах-приветцы.

Твой верный АНС.

Аркадий — брату, 23 апреля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Оказывается, праздновать еще рано. Утвердить нас утвердили, но утвердили условно, впредь до представления Ленинградским отделением характеристики и рекомендации на тебя.

Что все это значит и для чего это нужно — я не знаю и знать не хочу. Кстати, рассматривало нас Правление не Московской организации, а РСФСР, ибо Московская вообще не имеет тебя права рассматривать, как они вдруг заявили.

Так вот, уведомляю тебя, что я послал их всех — и не шепотом, а вслух, в телефонную трубку — и заявил, что заниматься этой белибердой не намерен, звонить и согласовывать и увязывать и вообще кланяться им не стану. Сказал, что мне на них наср... И пусть не думают, что они меня утвердили, а тебя нет.

Вот такое положение. Если хочешь, хлопочи дальше сам через Гора и прочих. Я всегда с тобой, без тебя я утверждаться не стану. С огромным наслаждением вообще плюнул бы на них, но ты считаешь, что быть членом необходимо. Ну а мне и так хорошо. Я перебыю без них столько времени, сколько тебе потребуется на получение рекомендации, и даже еще года полтора сверх этого.

Только не проси меня, чтобы я шел и что-то еще узнавал и согласовывал. Я туда не пойду. Ноги моей там не будет.

Твой Арк.

Борис — брату, 24 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. Я должен ликовать? Но я не понимаю, почему. Ты написал, что комиссия нас утвердила. Но пардон — комиссия, как я понимал, нас утвердила давно. Либо ты описался

— и тогда я радуюсь, либо... А билеты когда? Билеты давай! Билеты давай, говорю! Черт, неужели ты описался!..

2. Статейку ты написал превосходную в «Вопли». Молодчага! Мне очень понравилась — злая и наша. Только когда пишешь о проваливающихся куда-то Уэллсе и пр<очих>, не надо писать о Стругацких. Мы еще не классики. А в общем отлично.

3. Пишмашинку особенную мне совсем не надо. Мне надо обычную — немецкую, с крупным шрифтом и достаточно приятным общим видом. Без приставного стула. Стул у меня есть и так. И неплохой.

4. Был давеча в ССП. Слушал доклад сотрудника Публ<ичной> биб<лиоте>ки т<оварища> Коноплева на тему: «Советская н<аучно>-ф<антастическая> литература о будущем в чтении учащихся средних и старших классов». Т<оварищ> Коноплев оказался дураком и тупицей. Доклад был дерьмо: набрал разных отзывов вундеркиндов и думает, что от этого есть какая-то польза. А когда я ему предложил заняться серьезной статистикой, он очень обиделся и рассердился, словно я пригласил его на совокупление с коровой. Я все пытался объяснить ему, что это очень приятно, но он отвечал, что больно далеко бегать целоваться. На заседание пришла куча ребятишек в возрасте от 12 до 16. Все развращены донельзя своими библиотекарями, которые старательно вбивают им с детства, что в н<аучной> ф<антастике> главное — наука. Впрочем, чем ребята старше, тем отчетливее они ощущают, что это не так. Коротко говоря, из доклада и высказываний ребятишек я понял, что мы котируемся высоко. Зачитанные отзывы были очень лестными: очень современны, много выдумки, неожиданные идеи, читаются без отрыва, Юрковский и Горбовский очень симпатичные и живые человеки, один из братьев ученый и это дает им возможность вовремя остановиться... (М-м-м-мать!..) И т. д. О других авторах тоже отзывались хорошо, но все с какими-то оговорками. Мартынов хорош, но редко шутит и герои его совсем не улыбаются. Гор хорош, но временами слишком заумен и скучен. Савченко, Колпаков и Полещук — излишне запутанны. О Ефремове и Казанцеве говорили мало. О Леме тоже.

В общем, было довольно интересно, но бесцельно. Ребятишки не показались мне искренними. Слишком много заученных формулировок. Или выпендриваются. После заседания навалились на меня и вытянули всю подноготную. Долго добивались, что такое «Люди Земли» и когда они выйдут. Где ТББ? О чем? Когда выходит ДР отдельно? И пр<очее> и пр<очее>. Потом я натравил их на Брускина и пошел пить кофе.

Ну, пока. Крепко целую. Жду новостей. Твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Слушай, а чем кончилась та история с перепечаткой «Возвращения» французами?

Борис — брату, 25 апреля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое горестное письмо и, естественно, скис. Но, собравшись с духом, позвонил Влад<имиру> Ив<ановичу> <Дмитревскому> и, изложив ситуацию, попросил помочь. Он сказал, что сейчас едет к Брандису и они вдвоем составят характеристику-рекомендацию, а в понедельник постараются сунуть на подпись Прокофьеву или Чепурову (секретари Лен<инградского> отд<елени>я). Так что шансы еще есть. Меня больше всего беспокоит: а) Что это могут быть чьи-то козни, и тогда все усложняется; и б) Что мы не успеем пробить это дело до середины мая, и тогда все уйдут на каникулы и придется ждать еще год. Ты все-таки выясни (еще раз): что именно (точно) от меня требуют (характеристику, или рекомендацию, или и то и другое вместе, или, м<ожет> б<ыть>, можно, как собирается сделать Вл<адимир> Ив<анович> <Дмитревский>, соединенную характеристику-рекомендацию) и куда эти бумаги посылать (на какой адрес). Срочно вышли эти данные. Тут нужно жать и жать, а то как раз опоздаем. Давай, Аркашка! Плюнь на чувства. Надо! Разом это дело свалить — и все!

Крепко жму руку, твой [подпись].

Р. С. Вл<адимир> Ив<анови>ч, услышав мой голос, сказал: «А! Поздравляю, ты принят в Союз писателей». Оказывается, 22-го ему сказал об этом Ефремов.

Аркадий — брату, 11 июня 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Приехал я в Москву, побегал два дня по делам, и вот я заперт на даче. Условия здесь хорошие, вокруг леса, наш с тестем кабинет на веранде, от всех изолирован. Буду сидеть, переводить и думать о ХВВ.

Из всех твоих поручений не выполнил, пожалуй, ни одного. Насчет билетов узнать не у кого, все в разъездах. Конфеты Беле купить не успел, да это ладно, книжка выйдет, тогда воспользуюсь предлогом и преподнесу.

В понедельник сразу же попал на фантастическое сборище. Полещук ходил с горестной усмешкой и с большой фотографией Грядного Крокодила, прикрепленной к лацкану пиджака. Всем рассказывал, что он кавалер ордена. И все в ответ тоже горестно и сочувственно усмехались. Были призывы к кровавой расправе — а ля Брускин, были призывы пожаловаться («на каком основании он позволяет себе?..»), были призывы никак не реагировать. На том последнем и порешили и принялись слушать новое творение Колпакова. А народу было много, и когда Жемайтис предложил по летнему времени встречаться реже, случилась буря протеста.

Потом мы завалились к Соколову и поговорили. Был Римка, Гансовский, Олег, Ленка, жена Олега и я. Все жаловались на усталость. Я совершенно простым голосом поинтересовался, как дела с альманахом в «Знании», Олежка окрысился и потребовал, чтобы я перестал задавать ехидные вопросы. Кто-то рассказал, будто Днепров рассказал, будто Лема исключили из Союза польских писателей. Бодяга какая-то, не знаю, в чем дело, врет, по-моему.

Бела жмет на материал, хочет в этом месяце сдать первый сборник советской фантастики. В нем будет: «В круге света» Громовой, начало новой повести Емцева и Парнова, рассказы, пара статей. Окончательно решен вопрос с Библиотекой мировой фантастики. Леонид Леонов отказался возглавлять Совет по приключенческой и фантастической литературе, и вместо него назначили Сытина. А чтобы он не дал маху, в члены Совета ввели меня. Моча. До сих пор никто не знает, для чего этот Совет нужен.

Все знакомые поздравляют нас с членством в ССП. Причем половина из них вычитала об этом в газете. Не то в «Известиях», не то в «Московской вечерке».

Вот и все новости. Пиши аккуратно, письма мне будут доставлять.

Жму руку, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Борис — брату, 16 июня 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Билет ССП я уже получил, на прошлой неделе. Вручал (по чистой случайности) сам Прокофьев — толстый, красный, пьющий человек с сухими горячими руками. Поздравил, вручил, потряс руку, пробурчал, глядя тоскливыми глазками, что рассчитывает на мою помощь («...потому что без общественности мы ничего не можем сделать»). Я кланялся, улыбался и заверял, что обязательно, хотя так и не понял, о чем речь. Потом с меня содрали пять рублей, и я ушел.

Песенку Тираспольского (так, кажется?) мне проиграла на пианино Адка. НичеГё. Правда, в самой патетической паузе хочется продолжить: «А ну, космонавт, потихонечку

трогай...» В общем, можешь ему отписать, что песенка нам понравилась, и мы очень благодарны, и что он — первый сделал нам такой редкий и оригинальный подарок.

Читал ХВВ Сашке Копылову. Он сказал, что не знает, большая это литература или нет, но написано очень хорошо. Валялся на ковре, благодушно растопырившись, и все приговаривал: «Хорошо... Здорово... Как, интересно, интеллигенция это примет...» Сделал ряд замечаний по каждой главе (они все у меня записаны) и притащил путеводитель по Лондону, чтобы мы могли на него ориентироваться, когда описываем путеводитель в повести. В общем, я даже не ожидал такой от него благоприятной реакции.

Дома в связи со смертью дядьки Фани <Литвинчёва> — траур. Маме было сначала плохо, но сегодня приехали из Москвы дядя и тетя Маня <Теселько>, и ей полегчало. Ужасно это все, и глупо, и отвратительно. Водка проклятая.

Ну, пока. Крепко жму руку. Привет Ленке.

Твой [подпись].

Р. С. Неделью назад получил от Альтова письмо. Посылаю тебе письмо, обращение к ленинградцам и мой проект ответа, который исправь, перепечатай (у меня же машинки нет) и отошли. Тут была еще копия письма москвичам, но ты ее, наверное, и так знаешь.

То, что я написал для Альтова, — ужасно. Ты уж что-нибудь придумай, а то мне сейчас не до этого — все время отвлекают.

Ну, целую.

Аркадий — брату, 19 июня 1964, М. — Л.

Дорогой Борик!

Получил вчера твое письмо и пакет с Альтовскими художествами. Я это все уже от него получил в копиях, так что обо всем знаю. И Брандис мне прислал письмо, в котором жалуется на Альтова и просит, чтобы я повлиял на Полещука — замять это дело, не допустить шума. По-моему, мы как-то вышли в арбитры, и это мне очень не нравится.

Ответ Альтову я напишу, смягчу кое-что и прочее, что ты просил. А вот ответ Тираспольскому придется делать тебе — я же все тебе передал, и письмо, и адрес.

Рад за Сашкину реакцию. М<жду> п<рочим>, передай ему, что в Москве есть из сигарет только «Слънце», «Краснопресненские» и «Восток». Что ему купить?

Билет я не получил. Ну его к черту, успеется.

Буду сидеть ближайшее время — до месяца — в Москве. Ждем вас. Возможно еще, если мама позовет, приеду на несколько дней в Л<енингра>д. Как это ужасно с дядей Фаней! Но больше всего я все-таки тревожусь за маму. Отпиши, как она себя чувствует. Хорошо ли будет, если я приеду к ней.

Неделю высидел на даче. Ежедневно делал походы на 10–12 км. Никакого результата. Стал чувствовать себя хуже. Вероятно, нельзя ходить быстро по солнцу так много. Но что делать с брюхом? А, моча все это. Бог дал, бог возьмет.

Вот все. Да, в № 5 «Тех<ники> — мол<одежи>» страшно изуродованная статья Нудельмана.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 22 июня 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. Я думаю, нам ни в коем случае не следует выступать никакими арбитрами. Пусть каждый получит то, что ему причитается. Полещук — крокодила, Альтов — по зубам. Мне кажется, и тот и другой переживут. Будем всем сочувствовать. Понеже все правы. По-своему.

2. Ответ Тираспольскому я сочиню, хотя что-то не помню — где лежит его письмо и адрес. Песенка-то у меня, а вот где письмо, не помню.

3. Приезжать тебе, по-моему, смысла не имеет. Мама успокоилась, чувствует себя неплохо. Пусть отдохнет малость. А вот насчет нашего к тебе приезда хорошо бы договориться. Мы предлагаем такой вариант: самолетом прибываем ранним вечером третьего июля (пятница); пребываем у вас вечер, день субботы, день воскресенья и вечером в воскресенье уезжаем «Стрелой». Обсуди сей вариант у себя дома и срочно отпиши. Хорошо бы побыть исключительно вчетвером.

4. Статью Нуделя читал. Написано, как выразился Илья Иосифович <Варшавский>, бойко, но чувствуется, что редакторы покопались в ней задними ногами.

5. Никого не вижу. Ничего ни о ком не знаю. Сажу в основном дома и читаю книжечки. Прочел Луи Селина «Путешествие на край ночи». Надо тебе сказать — да! Такой квинтэссенции ненависти к роду человеческому я еще не встречал. Что-то вроде отношения Руматы к королевству Арканарскому, но без светлячков разума.

6. Для Сашки <Копылова> покупай просто все, что попадается, в одном экземпляре. То, что ему не подойдет, выкурим. И заодно купи для меня несколько блоков чего-нибудь фильтрованного.

7. Вопросы. Как дела с «ДР»? Будет ли опубликовано наше интервью в «ТМ»? Что сказали в Детгизе по поводу ПНвС?

Привет Ленке, целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Как там насчет машинки? Прошелся бы по магазинам-то!

Аркадий — брату, 24 июня 1964, М. — Л.

Дорогой Боб!

Ждем вас с радостью. И так, третьего июля. Попробуйте, однако, взять сразу обратный билет, если хотите уехать в воскресенье, чтобы потом не тратить время в московских очередях. Мы славно проведем времячко и побеседуем — именно вчетвером, больше никого не будет. Что до машинки, то в субботу с утра пойдем с тобой на улицу Горького, и ты сам выберешь, что лучше. Вернее, выберем вдвоем, нам на ней работать.

Обрадовал тут нас Ревич. Он написал статью в ответ Лукьянину, очень хлесткую, уловил его в массе ошибок и благоглупостей. Статья, возможно, пойдет в следующий четверг в «Лит<ературной> газете».

Относительно интервью в «ТМ» не знаю, не спрашивал. А стоило бы. Завтра поеду и спрошу обязательно. С ДР дела нормально, без изменений — выйдет в июле. ПНвС в Детгиз решил не давать. Там все вареные от жары, не стоит их сейчас беспокоить. Ужо дадим в готовом виде, ничего им не сделается. Я намерен перечитывать и сам киснул от смеха. Читал детям, они в страшном восторге были, а в конце пригорюнились — очень жалко им стало Януса Полуэктовича.

Да, главная новость. В редакции Жемайтиса ушла в декрет на год Соня Митрохина и на ее место взяли Ленку. Теперь есть свой человек и в Гаване. Она уже там неделю подвизается. Я ей понемножку помогаю, дело пока идет.

Перевожу Абэ. Страшная книжка все-таки. Такое болезненное давящее ощущение, но здорово закручено. Испытываю удовольствие.

Нового, за исключением двух детективов, ничего не читал. Хэм на машинке, возможно, экземпляр увезете с собой. Испанские слова спишем по оригиналу.

Вот и все, кажись. Да, с нас требуют что-нибудь в один из четырех сборников молодоговардейского «Фантастика-65». Как насчет «Паразитов», а?

Привет Адке, твой [подпись].

Борис — брату, 27 июня 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Итак, договорились. Мы прибудем третьего июля самолетом что-нибудь этак часов в 15–17. Когда возьмем билеты, дополнительно известим телеграммой. Встречать нас, я думаю, не нужно — сами доберемся. Неужели так трудно взять билет на Л<енингра>д? Тогда мы и обратно улетим — утром в понедельник. На самолет-то, надо полагать, билет достать всегда можно.

Каков план действий в Москве?

1) Хотелось бы разок сходить в «Пекин». Наверное, это можно будет сделать в какой-нибудь день — в субботу или в воскресенье, а?

2) Хотелось бы (мне) повидать Севера и Севку <Ревича>.

3) Очень хотелось бы увезти с собою Хэма. Дело в том, что мне очень хочется подарить один экз Наташке Свенцицкой. У нее 8 июля день рождения. Нельзя ли там будет выгадать один лишний экземплярчик, хоть плохонький? Ей-богу, Наташка того стоит! А подарок был бы царский!

4) Хотелось бы купить машинку!

5) Само собой — поговорить и помыслить.

Чер-ртовски рад за Ленку! Эт' здорово! Эт' хорошо! Вот если бы она там как следует застряла! Надолго! Эт' смачно!

И очень рад, что Севка написал статью. Почитать бы. Думаю, ее не опубликуют, так что ты бы расстарался добыть экзик.

Прислал открыточку Володька Травинский. Он обитает в Москве. Вот тебе (на всякий случай — мало ли что!) адрес: Москва Г–248 Кутузовский пр. <...> Травинскому. Тел. Г–3–67–01. Тебе, я думаю, он будет всегда рад, а другим, наверное, эти координаты давать не стоит. Во всяком случае, всем тут в Л<енингра>де он оставил для связи совсем другой адрес.

На днях меня выследил один корреспондент — из эстонской «Комс<омольской> правды». Вырвал у меня интервью, а потом мы долго беседовали о положении дел в Эстонии. Приглашал нас. Говорил, что СБТ, кажется, переведена на эстонский. Обещал проверить и прислать экзик.

ПНвС, значит, не давал? Ну что ж. Тебе виднее. Только я очень боюсь, что не возьмут они там. Не по-детски это все. Что тогда делать будем?

Кстати, ты читал последний номер «З–С»? Там полномера отведено Обнинску — городу ученых под Москвой. И там куча хохм. Но хохмы хохмами, а там есть рецензия на книгу Н. Рыбака о физиках. Рецензия с подзаголовком: «Трое физиков на одного лирика». Это блеск! Бедного полуграмотного Рыбака смешали с г... и тщательно размазали на большой площади. Ну ей-богу же обидно, что такие — по-настоящему литературные — вещи, как рецензия Нуделя или эта штука, печатаются не там, где следует! Что делать? Стрелять хочется в идиотов. А тут еще в «Правде» какой-то дипломированный кретин разругал отличный фельетон Лиходеева.

Насчет того, что давать в МолГв сборник 65 г., подожди обещать: поговорим и обсудим. Время терпит?

А мне повезло! Я подписался на Каверина. И уже получил два тома. Хочешь, и на тебя подпишусь? Правда, я пока несколько разочарован: ранний Каверин это отнюдь не ранний Эренбург. Но любопытно. Странно они как-то писали в конце двадцатых — начале тридцатых. Мир их какой-то болезненный, изломанный, весь из острых углов и с одушевленными вещами. Слава богу, что сейчас так не пишут.

Ну, ладно. Целую, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке.

Аркадий — брату, 29 июня 1964, М. — Л.

Дорогой Боб!

Ждем 3-го.

В «Пекин» сходить можно. Только стоит ли? Там теперь гадость.

Севера повидаем, если встречу, обязательно передам. С Севкой труднее, он в воскресенье на даче, но тоже не безнадежно.

С Хэмом так. Боюсь, что будет он готов только через день после вашего отлета. Но возможно, что и удастся. Насчет Свенцицкой уже поговорим. Тут тоже есть претенденты.

Машинку купим.

Поговорим и помыслим.

Севкина статья будет назавтра после получения письма. Так я надеюсь.

Травинский ко мне заходил, распили читушку водки. Потом исчез и больше не появлялся.

Каверина мне не надо, спасибо.

Скорее приезжайте, ждем.

Целую, твой Арк.

Привет Адке.

Приветы от Ленки.

Борис — брату, 11 июля 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

1. Закупленные для меня экзы пересылай, пожалуйста, на мамин адрес. Это будет рациональнее всего. И всего верней.

2. Получил из «Уральского следопыта» наш рассказ и письмо Румянцева. Рассказ им понравился, и они согласны его печатать, но для контроля они отдали его на рецензию некоему доктору философских наук, и тот быстро вымарал там часть наших рассуждений, и в частности все то, что касается нападок на оккультистов и львовых. Выброшено рассуждение о сущности человека на стр. 9. Выброшена вся 15-я страница. На стр. 16 вымарана вторая половина второго абзаца. Выброшена фраза о том, что человек производит впечатление жизнеспособного вида. И, естественно, вымаран самый конец. Кроме того, они изменили название — «Его ошибка», сделали кое-какие мелкие исправления и просят, чтобы герой помечтал о том, что и мы когда-нибудь станем столь же могущественны. И наконец, редколлегия пожелала, чтобы ошибка была продемонстрирована еще чем-то, кроме сгущенного Солнца. Мне очень хочется послать их на и в, но я не знаю, под каким соусом это сделать. Проект ответа прилагаю. Произведи исправления и верни.

3. Написал и отослал ответ Тираспольскому, композитору.

4. Мама чувствует себя хорошо. Приехал с дочерью Валентин <Теселько>. Вперся. Так его, в молоко единокровия.

5. Как разворачиваются события? Отпиши. У нас тут Брандис вдребезги разругался с Альтовым. Разрыв полный. Я играл в волейбол и ободрал всю задницу. Сижу теперь сам не понимаю на чем. Прочитал «Пески Марса» — г... Нашли что печатать. Завтра пойду к Илье.

Привет Ленке, целую, [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Честно говоря, это второй вариант письма. Сначала я не разобрался толком в ситуации и облобил «Следопыт» ужасно. Теперь я вижу, что вымаранные строки не столько одиозны, сколько плохо написаны. И вообще, рассказ мне как-то не тово... Ну да бог с ним.

Аркадий — брату, 13 июля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Никаких новостей нет. С пятницы по вчерашний день провел на даче. Звонил Джереми, сказал, что в журнале «Молодая гвардия» идет какая-то подборка по фантастике, но не знает, чьи <статьи> и о чем. Так что возможен еще один удар в спину, а может быть, и реабилитация.

Дочитал «Большой ком воска», там есть даже бунт интелов против образа жизни, вот как параллельно идет мысль о будущем. Хорошая книга, не слабее и пострашнее Орвелла.

Сейчас собираюсь к Беле Ключевой, буду просить увеличить объем ХВВ, может быть, удастся втиснуть при нужде туда и ПкБ. Во всяком случае, объем не помешает. Не будет лишним.

На даче прочитал «Один год» Ю. Германа, про угрозыск и про преступников, дело происходит перед войной. Читается хорошо, как и все у Германа, но книжечка бросовая, слабая, лживая.

Должен встретиться с Лукодяновым и Войскунским, поговорим за жизнь. Вот и все, что могу сообщить.

Пиши.

Жму все такое, твой Арк.

Привет всем.

Чини машинку, не забудь.

Аркадий — брату, 14 июля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо, едва опустив свое.

Взбеленился, прочитав о бесчинствах философа-рецензента, но потом махнул рукой: «Уральский следопыт», чего с них возьмешь. Я бы даже сказал, что они проявили незаурядную смелость, не отказавшись от вещи вообще.

Письмо твое вполне меня удовлетворяет (к Румянцеву). Насколько я понял, они прислали тебе рукопись со всеми предлагаемыми исправлениями. Вот и ты внеси свои исправления и отошли им. Пусть печатают. В письме не забудь упомянуть о том, чтобы больше не правили ни слова и чтоб прислали нам по экзу, когда номер выйдет.

«ДР» буду пересылать маме. Только ты напиши — на чье имя.

Событий у нас никаких. Собирается помаленьку первый выпуск «Фантастики-65». Для ХВВ нам выделили 15 листов, это уже зафиксировано. Бела очень обрадовалась, что мы напишем для этого сборника «жизнерадостную» вещь.

Вчера встречался с Войскунским и Лукодяновым. Слушай, а не махнуть ли нам в октябре в Баку? Они очень приглашают и обещают все устроить с гостиницей и прочее. А?

Брандис с Альтовым погрызутся и помирятся. Бог с ними. Хуже то, что, как мне говорили, в № 7 «Мол<одой> гвардии» опять враждебная подборка. Что ты скажешь, поход комсомольской печати против фантастики.

Все.

Привет Адке, поцелуй маму,
твой [подпись].

Борис — брату, 17 июля 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Пакет «Следопыту» укомплектую и вышлю завтра. Я тоже думаю, что они проявили незаурядную смелость, но если они не согласятся с нашими резонами, то пусть идут к е. м. Рассказ таки слабоват, и я был бы более доволен, если бы его не напечатали.

2. Звонил сегодня Брандису. Альтов прислал письмо. Ему. Пишет, что в связи с появлением статьи Котляра (где сказано, что борьба с повторами ведется недостаточно энергично) он решил прекратить работу в области н<аучно>-ф<антастической> беллетристики и переключается теперь полностью на критику. Для начала прислал копию статьи об истоках халтуры в н<аучно>-ф<антастическом> кино. В статье вдребезги уничтожает Колпакова. Статья злопахательская, свирепая, недоброжелательная. Я думаю, что он пришлет копию и тебе. И тогда надо будет попытаться отговорить его от такой глупости. И вообще объяснить ему, что такое Котляр.

Пытался я выяснить что-нибудь о походе комсомола против н<аучной> ф<антастики>, но никто ничего не знает. Бог не выдаст, а? Кстати, м<ожет> б<ыть>, в «Мол<одой> гв<ардии>» собираются печатать попросту статью Альтова?

3. Что слышно от Ивана Антоновича? Как с письмом наверх?

4. В Баку, я думаю, мы поедем все-таки попозже. Например, зимой, когда я брошу работу. Ну что там делать сейчас? Море там плохое, и холоднее, чем в Крыму. Поедем-ка мы лучше на Черное море. А?

5. Я подумал, что экзы (если они все-таки появятся) пересылай-ка, брат, лучше... Черт. Мама скоро едет в Москву. Я скоро еду на Белое море. Знаешь, ты их пока вообще не пересылай. Пришлешь после 8.08, когда я вернусь, на Пулковку. Ладно? Да они и не появятся, наверное, до тех пор. Я уезжаю 24-го.

6. Был сегодня в Литфонде. Меня вызвали для заполнения анкет и пр<очего>. Между прочим, я там расспрашивал: льготы не так уж велики. В частности, в дом творчества попасть летом невозможно. Зимой — трудно. Правда, осенью и весной легко. Насчет бесплатных путевок вообще речи не было. То ли тебе все наврали, то ли у нас в Ленинграде все это сложнее, чем в Москве. Если ты пойдешь в Литфонд, поспрашивай тоже.

Засим крепко пожимаю, твой [подпись].

Привет Ленке.

Р. S. А это экслибрис И. Варшавского — подарок от него. Наклей на «Молекул<ярное> кафе». Большой привет от него и от Брандиса.

Р. P. S. Надеюсь до своего отъезда получить еще хоть одно письмо. От тебя.

Аркадий — брату, 21 июля 1964, М. — Л.

Дорогой Боб!

С письмом задержался, потому что был на даче. Надеюсь, дойдет до тебя вовремя.

Коротко:

1. Экзы все получил. В Москве вчера уже продавали. Твои пятнадцать штук у меня полежат, пока ты не вернешься. Потом сразу напишешь, и я вышлю.

2. От Ефремова пока ничего не слышно. Он куда-то выезжал, вернется сегодня-завтра, буду ему звонить.

3. С Баку отложим.

4. Насчет дома творчества ты не беспокойся. Все будем делать через Москву. Все так делают. И все будет в порядке.

4. Передай спасибо за экслибрис.

Все.

Целую, привет Адке.
Твой Арк. Доброго отдыха.

Борис — брату, 7 августа 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот я и на месте. Вернулся несколько раньше срока по причине поломанной машины, не выдержавшей северных дорог. Съездили неплохо, хотя цели путешествия и не достигли — на телегах в этот Беломорск ездить, а не на современных легковых машинах. Подробности расскажу потом — было довольно интересно, и кое-что из впечатлений может пригодиться.

Теперь так.

1. Остатние экзы быстренько вышли по адресу: Ленинград М-140 Пулково до востребования. А то многие уже ноют-просят, а у меня ничего не осталось.

2. ДР продается в Ленинграде. Сам не видел, но некоторые купили. Я все мечтаю съездить в город, посмотреть, как расходится.

3. Новостей пока никаких нет. Звонил Брандису — нет дома. Звонил Варшавскому — говорит, что все о-кей. Приезжал, по слухам, Володька <Травинский> со своей Лилей <Обуховой>. Производил развод и теперь, вероятно, уже сочелся.

4. Ты, кажется, собирался съездить в Туапсе? Или, там, в Армавир? По заданию ЦК ВЛКСМ. Это как понимать в свете недавних опасений? Отпиши. И что с ефремовским письмом, отпиши. И что с грозной подборкой в «Мол<одой> гв<ардии>», тож отпиши.

5. Читал в «З-С» рассказ Анфилова? Почти в точности наша идея об обратном движении во времени. Вообще неплохой рассказ, немножко нудноват, правда. И в том же номере статеечка Гуревича, тоже почти по нашей идее: разговор автора с критиками.

6. Вообще какие новости?

7. В октябре нам, кажется, никуда поехать с тобой не удастся. Теща что-то хворает, придется брать Андрюшку домой, а как раз в октябре Адка собирается ехать в Чехословакию. Но это, я думаю, ничего. Зато в ноябре для написания ХВВ я возьму отпуск, и мы попишем на свободе!

Ну, целую, твой [подпись].

P. S. Машинка починена. Так что все в порядке.

Привет Ленке. Как она там, наша V колонна?

Аркадий — брату, 10 августа 1964, М. — Л.

Дорогой Бек!

Ёку каэримасьта, как говорят японцы, что значит, как правило, слава богу, наконец-то вернулся. Буду отвечать по порядку, но прежде несколько вопросов:

1. Будем ли мы все-таки работать в сентябре? Учти, это совершенно необходимо, в конце сентября я должен положить на стол Калакуцкой готовую рукопись ПНвС в двух экзах.

2. Когда же мы, наконец, будем писать повесть в пару к ХВВ? В ноябре мы сделаем ХВВ. А ту когда будем делать? Это вопрос для ориентировки, чтобы Бела запланировала нашу рукопись в работу.

3. Если Адка едет в октябре, то нельзя ли нам съездить до или после ее возвращения? Ну вот, а теперь ответы.

1. Остатние пятнадцать экзов начну высылать завтра, и не все сразу, а порциями в две или три очереди.

2. В Москве ДР раскупили мгновенно, поступила она в продажу восемнадцатого, а уже двадцать первого исчезла. Иногда выбрасывают остатки по две-три книжки на

магазин, и они сейчас же исчезают. Отзывы самые восторженные. Два раза звонили незнакомые люди и благодарили. Один сказал: «Мы были ошарашены и очарованы». Готовятся рецензии — точно не знаю где. Известно, однако, что в одно из ближайших воскресений будет хорошая подборка в «Литературной России», что Ревич договорился написать рецензию в «Вечерней Москве», что Рим Парнов написал рецензию о ПкБ и ТББ и затрудняется ее пристроить.

3. В № 11 «Коммуниста» есть критический очерк некоего Сеничкина «Журнал молодых коммунистов». Журнал хвалят, желают ему новых успехов, критике подверглась только статья Котляра. Написано вот что: «...нельзя признать удачной статью Котляра «Фантастика и подросток». Хотя в статье правильно поднимается ряд важных вопросов, ее субъективизм в оценке отдельных произведений советских и зарубежных фантастов, недостаточная глубина в анализе современной фантастики — все это не способствует деловому решению тех проблем, за которые справедливо ратует автор».

4. Никуда я не ездил, как-то не пришлось. Видимо, в ЦК ВЛКСМ раздумали посылать. Ефремов, конечно, ничего не написал, но, видимо, сейчас это уже и не нужно. Грозной подборки в «Молодой гвардии» тоже не было, вместо нее была любопытная статья о половой дисциплине современной молодежи.

5. Рассказ Анфилова не читал. Статью Гуревича пробежал. НичеГё.

6. Новостей особенных нет. Было заседание Совета по фантастике и приключениям в ССП. Присутствовали: Сытин (очень деловой товарищ), Томан, Гуревич, Тушкан, Ефремов, Платов и аз. Цена всему этому, как я понял, дерьмо. Совет будет рекомендовать Полещука и Днепрову в Союз. Есть ли у него полномочия — не знаю. Как-то Сытин ловко увертывался от этого вопроса, хотя я дважды его задавал. А в первом этаже в это время был официальный банкет, и пьяные писатели дружно ревели: «Пейдодна, пейдодна».

Вот, кажется, все. Если что запомню, напишу потом. Привет Адке, целую, твой Арк.

А Ленка там хорошо себя чувствует, ее там полюбили, работает она здорово.

Борис — брату, 15 августа 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Как странно: ты отправил письмо десятого, а получил я его только четырнадцатого, на два дня позже, чем мама. Соответственно и отвечаю.

1. В сентябре мы будем писать несомненно, всенепременнейше и архинаверняка. Если у меня не произойдет опущения яичника, а у тебя — воды в колене. И в конце сентября ты положишь все, что надо, на стол Калакуцкой, со всем прибором и в необходимом количестве.

2. Повесть в пару ХВВ мы будем писать, вероятно, уже в 65-м. Когда я брошу работу. Или несколько раньше. Что-нибудь — в январе-феврале. Думаю, что к апрелю-маю есть шансы с ней разделаться. Впрочем, все это ориентировочно. Я готов и к другим вариантам.

3. Съездить нам с тобой, повторяю, вряд ли удастся. Посуди сам: в сентябре мы разделяем ПНвС. В ноябре — ХВВ. Адка уезжает в октябре дней на 20–25. Что нам остается? Можно было бы, конечно, подкинуть Андрюху маме, но уж очень мне не хочется этого делать, тем более что мама будет весьма утомлена после сентября и ей надо будет отдохнуть перед ноябрем. Так что съезди уж один, а мой отпуск мы используем для сладострастного и вдумчивого написания ХВВ. Впрочем, может быть, в октябре нагрянет отдохнувшая теща, и тогда мы действительно могли бы съездить, но это — далеко не наверняка. Так вот обстоят дела.

«Коммунист» уже прочел — наткнулся совершенно случайно и был весьма обрадован. Есть все-таки, есть правда на земле! Кто этот Сеничкин? Хорошо бы знать. В Ленинграде ДР тоже раскупили. Отзывов особенно восторженных пока не слышал, но в

общем нравится. Всем, с кем ни пришлось говорить. Правда, пока все говорят о ДР. О ТББ ни слова. Странно. А я не спрашиваю, как-то неловко.

Новостей и у меня нет. Был в прошлое воскресенье у Варшавского, весь день играл в карты — сначала в преф, потом в девятку. Было скучно.

Вот пока и все, крепко целую, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Между прочим, договорились же, что часть экзов будет снабжена твоей подписью. В чем дело? Неужели так трудно? И еще: дарил ли ты книжку Травинскому? И будешь ли дарить? Отпиши. Пока получил 5 дополнительных экзов. Всего 15. Жду еще.

Привет Ленке.

Аркадий — брату, 17 августа 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Письмо опустил тебе вместе с письмом маме, так что странно, как оно запоздало. Подозрительно, изнт ит?

1. Буду между первым и пятым сентября, выеду, как только получу с машинки и сдам в редакцию «Ч<етверты>й ледниковый» Абэ Кобо. Работать мне осталось неделю, но надо еще написать предисловие.

2. Значит, я доложу Беле, что рукопись ХВВ мы сдаем где-нибудь в районе марта-апреля 65-го.

3. Не поедем, так и черт с ним.

4. Кто такой Сеничкин — понятия не имею. Узнать же не у кого.

5. Было опять два предложения от кино. Одно — режиссер Бунеев из студии Горького, жаждет ставить ТББ. Это я не знаю, возможно, парень он и хороший, потому что его прельщает гамлетовская ситуация Руматы. А может, он и треплется. Второе — серьезнее. В Москве создана студия экспериментальных фильмов под руководством Чухрая и Симонова. Мне звонил оттуда писатель Воробьев, он попал к ним в штат и хочет работать с «Попыткой к бегству». Я и тому и другому ответил неопределенно. Чему они, впрочем, не удивились.

6. Сходи в то, что у вас соответствует Литфонду, и вступи. Оказывается, там нужны формальности. Анкета, фото и прочее. Поторопись, а то я буду, а ты нет.

7. Прислал письмо Илья, просил обеспечить ему четыре экза «Фантастики-64». Отвечать лень, да и конверта нет. Скажи ему, что обеспечу.

8. Звонил Платов, восторгался ТББ.

9. Подписи на экзах — моча. Подписывай сам. Я же подписываю за тебя. Сегодня выслал еще пять экзов. Остальные — в конце недели.

10. Травинскому не дарил. Буду дарить.

Вот все, дружище. Крепко жму и целую.

Твой Арк.

Борис — брату, 21 августа 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости меня, грешного, малость я задержал ответ: сидел дома с Андрюшкой.

1. Итак, ждем тебя в первых числах. Чем скорее, тем лучше — мне уже надоело мое теперешнее времяпрепровождение.

2. В октябре, может быть, и поедем. Врачи, видите ли, запрещают сопляку пребывать в Ленинграде — не та, видите ли, ингаляция. Поэтому Адка хочет его все-таки отправить в Киев, когда теща отдохнет и когда в Ленинграде станет плохо. Так что появился (снова)

шанс съездить нам с тобой на юг и немножко поплавать. Впрочем, все это писано вилами по сене.

3. Насчет кино, наверное, все треп. Но ты отвечай, что ничего против не имеешь. Пусть экранизируют. Там, говорят, есть какое-то авторское право, за которое можно получить деньги. Вот и надо получить, а сценарий пусть пишут дяди.

4. В то, что у вас соответствует Литфонду, а у нас называется Литфонд, я ходил еще аж в июне-июле, о чем незамедлительно и отписал тебе (см. полное собрание писем Б. Стругацкого А. Стругацкому). Книжечки я, правда, еще не получил, но думаю, что дело в шляпе.

5. Травинскому не дари, я уже подарил. Он был здесь давеча — заканчивал развод. Как всегда, рассказал много интересного.

7. [Шестой пункт пропущен.] Читаю любопытную книжку некоего Данэма «Человек против мифов», где разбираются и критикуются современные социальные мифы, вроде расовой теории, солипсизма, точки зрения «все имеет две стороны» и «человек по натуре сука» и пр. Очень любопытно. Он довольно легковесен, этот Данэм, но пишет хорошо.

Писать, сам видишь, нечего, посему и кончаю. Жму и целую, привет Ленке, твой [подпись].

P. S. Войскунского там нет? С... он, не мог прислать экземплярчик.

Аркадий — брату, 25 августа 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Вчера кончил перевод, сдал на машинку. Обещают выполнить в субботу. Привезу тебе один экз., чтобы ты почитал и дал просвещенное мнение по машинной и по философской терминологии. А также мнение вообще. У меня лично такое ощущение, что этот Абэ с ходу попадает в первую десятку мировых фантастов.

Теперь мне остается быстренько набросать небольшую статью-предисловие, и все будет в шляпе. Хотя написать статью для меня — тоска смертная. Да, должен тебе покаяться: я еще написал статью-предисловие к сборнику Севера, хотел бы подписаться вместе с тобой, ты как, не возражаешь? Если не забуду, привезу эту статью с собой. Далее, в предвидении нападков на «Лезвие бритвы» Бела взяла нашу статью об этой книге, которую мы подготовили в свое время для «Что читать», помнишь? Статья пойдет в «Фантастике-65».

В № 8 «Молодой гвардии» есть интересное выступление вице-президента Академии меднаук В. В. Парина, где он хвалит «Далекую Радугу», а также статья Турбина, где он очень странным образом хвалит «Лезвие бритвы» и «Воры в доме». Посмотри обязательно.

Узнал вдруг, что «Суету вокруг дивана» принялись <публиковать> ни с того ни с сего в газетке «Московский комсомолец». Хотел сказать им «фе», но они уже закончили да еще изуродовали конец. Сволочи. Потом оказалось, что они явились в редакцию к Беле и попросили что-нибудь дать. Бела дала им верстку сборника «64» и порекомендовала рассказ Савченко. А они видишь как устроились — никого не предупреждая, рубанули нашу повесть. Пес с ними. Может, лишние деньги получим, и то хлеб.

Что до кино, то знающие люди требуют, чтобы право на экранизацию мы не продавали, а писали сценарий сами. Изуродуют, говорят они. Надо тщательнее прородумать это. Ужо.

Приеду, видимо, утром 2 сентября с. г. Готовься.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 29 августа 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получив твое письмо, отвечаю в надежде, что еще застану тебя в Москве. Во первых строках моего письма еще раз поздравляю тебя с днем рождения твоего. Время, сука, так и рвет. Вот ты уже почти и старый хрен. И жить осталось каких-нибудь двадцать-тридцать лет. А как много еще надо написать! Хорошо бы написать к твоему семидесятилетию метр книг. А? Если бы ты, дьявол, поменьше жрал водки, то это было бы совершенно реально. И если бы я, засранец, поменьше курил и побольше лечил печень. Г... мы с тобой, вот что.

Теперь о делах.

1. Обязательно привези с собой все, что собираешься подписывать моим именем. И своим, впрочем, тоже. А то перечитал я статеечку в «Воплях» и содрогнулся. Несерьезно подойдено, товарищ АНС, не подумали мы. Вези статью про «Лезвие», вези предисловие к Северу. Тщательно надо продумывать, тща-ательно! А мы не продумываем. И колесим.

2. Газетный вариант «Суеты» постарайся достать и привезти. В особенности изуродованный конец. Вообще-то за такие штуки надо морду бить. Главное, ведь не заплатят, сволочи, это же как пить дать.

3. Насчет кино обдумаем.

4. Звонил Дмитревский. Заявил, что статью в «Коммунисте» устроил лично он. Якобы прочитав «Мол<одой> ком<мунист>», он немедленно направил гневное письмо в «Ком<мунист>», и это, якобы, все и объясняет. Я не поверил, но восторгался и кричал капиви.

В остальном жду тебя с нетерпением. Эх и работнем же! Работка приятная, непыльная. Чмок, а не работа. (Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.)

Жму, целую, привет Ленке, твой [подпись].

P. S. Не забудь захватить «ПНВС». Хе-хе-хе.

Аркадий — брату, 30 сентября 1964, М. — Л.

Dear Bob!

Я готов выехать в любой день, the sooner the better¹. Сообщи срок и порядок поездки. Где встречаемся? Если в Москве, то на когда заказывать билеты? На самолет или поезд? Отпиши скорее.

Новостей пока никаких.

«ПНВС» сдал на машинку, будет готово в субботу. Так, во всяком случае, обещают.

Привет Адке.

Целую, Арк.

Борис — брату, 3 октября 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Быстро-быстро отвечаю.

1. Ехать надо числа десятого-одиннадцатого. Вероятно, рациональнее всего лететь самолетом из Москвы. Скажем, ты берешь билеты на самолет и телеграфируешь мне. Я накануне сажусь в «Стрелу», приезжаю, и в тот же день мы вылетаем. Ты должен все рассчитать так, чтобы свести риск опоздания к минимуму. Чтобы между поездом и самолетом осталось хотя бы часа три. Но поздние рейсы тоже не годятся: неохота приезжать в Алупку поздно вечером. Разузнай все и пришли свой план действий.

¹ Чем скорее, тем лучше (англ.).

2. Пришло письмо от Альтова. По-прежнему спорит. В конце письма ругательски ругает СВД. Письмо я привезу, мы его обсудим и ответим. А может быть, из Крыма махнуть в Баку на пару дней?

3. Собирал нас Травинский. Читал введение в свое «Путешествие с цифрами и остановками». Пока это неудачно. Подробности расскажу.

4. Был я в Лавке писателей. Купил несколько интересных книжек. Ни о Вознесенском, ни об Окуджаве не может быть, конечно, даже речи. Это такая же шарашка, как и все остальное. Надо втираться в доверие. Буду втираться.

5. Мои все еще не уехали, но отбывают все-таки четвертого. А дочка — пятого. Несколько дней мне понадобится для улаживания дел на работе, а там: ту-ту-у-у...

6. Что-то не шлют и не шлют денег из МОЛГВ. Ленинград (писательский) обеспокоен этим обстоятельством.

Целую, жду диспозиции, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке и ребятам, коих встретишь.

P. P. S. Между прочим, ты знаешь, что до сих пор еще не разрешена подписка на газеты и журналы? Все почтовые конторы в недоумении. Не связано ли это с реформой прессы, о кот<орой> ты говорил?

Аркадий — брату, 7 октября 1964, М. — Л.

Дорогой Борик.

Итак, беру на десятое-одиннадцатое билеты до Симферополя. Так постараюсь, чтобы сразу с вокзала на аэродром.

Насчет Баку из Крыма — посмотрим. Видно будет. Особенно, если в Крыму будет холодно.

Денег еще никому не давали. Выписали только пять дней назад. Теперь надо ждать.

Газеты, видимо, действительно подвергнутся реформе, но какой — в точности неизвестно.

ПНвС прочитал Ю. Манин. Ему активно не понравилось. Исчезла, говорит, чистая простота СВД, много лишнего, лобового, надо, говорит, сокращать.

Машинистки, суки, столько ошибок понаделали, что до сих пор (третий день уже) не могу справиться. Но сегодня, кажется, я добыю.

Вот все. Жди телеграммы на выезд. Телеграмму пошлю на Пулковое, ведь дома у тебя сейчас никого не будет. А еще лучше было бы, если бы ты позвонил мне, когда получишь это письмо. К тому времени я уже, наверное, билеты возьму.

Жму, целую, Арк.

Аркадий — брату, 22 октября 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Новости такие.

1. В Детгизе рукопись еще никто, по-видимому, не читал. Во всяком случае, рядовые члены редакции. Читала ли Мария Михайловна <Калакуцкая> — не знаю, сегодня иду туда, попробую уточнить.

2. Все эти дни мне звонили из театра МГУ — есть такой, соперник знаменитого «Современника». Вчера наконец дозвонились, хотят ставить «ТББ». Дали мне понять, что «клубничка» (возможные ассоциации с современным положением) их не интересует, привлекает их-де динамика вещи и идея о невозможности изменить естественный ход истории. Им нужно, чтобы кто-нибудь — не мы, так наши знакомые — дал драматургический вариант ТББ. Я сказал, что должен посоветоваться с тобой.

Обязательно напиши, они будут звонить через неделю. Я дал понять, что сами мы этим заниматься не будем.

3. Высказывание Егорова о фантастике ты, наверное, знаешь.

4. Ариадна прочитала ПНвС, в восторге, если не врет. Прочитала она и Ларионову — тоже понравилось. Будет писать рецензию с позитивными предложениями. Мне бы хотелось видеть эту повесть в третьем или четвертом номере «Фантастики-65».

5. Пришла верстка «Фантастики-65» № 1. Там наша рецензия на «Лезвие бритвы» (если ты не забыл). Не очень-то она мне нравится, но она необходима в интересах редакции и самого И<вана> А<нтоновича>. Пусть.

6. Вчера ходил в «Диафильм». Помнишь? Просмотрел пятьдесят кадров-рисунков. НичеГё. Вообще-то чушь, конечно, да ладно.

7. Ходят слухи, что Аджубея и Сатюкова сняли, не знаю, верно ли это.

Вот пока все, что можно написать. А сейчас жду звонка из «Мосфильма», вчера они искали меня, да я дома не был. Не знаю, чего им надобно.

Нина Беркова приехала, сегодня с нею увижусь. И с Ревичем думаю увидеться.

Пока все. Целуй Адку, если приехала, передай ей наши поздравления и пожелания по случаю именин.

Целую, жму, твой Арк.

Борис — брату, 25 октября 1964, Л. — М.

Уважаемый Генрих Саулович!

В Вашем письме, как нам кажется, интересных соображений ровно столько же, сколько и спорных (или несколько меньше). Трудно, трудно будет нам с Вами договориться, однако попытаемся по крайней мере обменяться мнениями по некоторым принципиальным вопросам.

Начнем с некоторых Ваших утверждений, которые произвели на нас впечатление сугубо спорных.

1. Насколько мы поняли, главным в фантастике Вы считаете «яркую значительную научно-фантастическую идею». Вы пишете: «Опыт упрямо свидетельствует, что любое... произведение звучит только в том случае, если в нем есть (помимо прочего) удачная научно-фантастическая идея». Вы с горечью отмечаете, что «фантастика ученых везде обогнала фантастику писателей», что за последнее время не появилось ни одной яркой н<аучно>-ф<антастической> идеи и что, таким образом, главная дорога фантастики пустует.

Вы нигде не определяете достаточно отчетливо, что Вами понимается под научно-фантастической идеей произведения. Это сильно затрудняет спор, потому что всегда остается опасение: не имеется ли в виду нечто столь общее, что не противоречит и нашей точке зрения. Однако приводимые Вами примеры вызывают у нас определенный протест. Вы приводите как пример классики, как образец, как главное свидетельство справедливости своих утверждений «вечные книги»: «80 000 км», «Войну миров», «Машину времени», «Гиперболоид», «Аэлиту», «Амфибию». Они звучат, они не угасают именно потому, что в них наличествует яркая н<аучно>-ф<антастическая> идея. «Помимо прочего» — добавляете вы в скобках.

Превосходно. Посмотрим на перечисленные произведения нашими глазами, отметив сразу же, что и с нашей точки зрения все эти вещи великолепны и несомненно могут служить образцами и литпамятниками.

«80 000 км». Научно-фантастическая идея? Да, она наличествует: идея мощного подводного корабля, движимого электричеством и обладающего неограниченными возможностями. Яркая ли, свежа ли и научно-фантастична ли? Да, несомненно. Для своего времени. Но для того же времени не более ярка, свежа и н<аучно>-ф<антастич>на, нежели воздушный корабль Робура Завоевателя, или сверхпушка из «500 млн бегумы»,

или идея Мастопа повернуть земную ось. Однако «80 000 км» живут и поражают воображение до наших дней, в отличие от «Робура», «500 млн бегумы» и «Вверх дном», воздействие которых и на детей, и на взрослых всегда было значительно меньше. В чем же дело? Может быть, в «80 000 км» есть еще что-то, некое «прочее», помимо которого функционирует идея «Наутилуса»? С нашей точки зрения — да, несомненно. Есть великолепный, сверкающий, точеный сюжет. Есть потрясающий, классический не только в фантастике, но и в литературе вообще образ капитана Немо. Есть огромное правдоподобие изложения. Есть, наверное, и еще что-то, что-то, может быть, самое главное, что мы лично не способны сформулировать, потому что мы не литкритики, или потому что это пока вообще никто не может сформулировать. И нам кажется, что творчество Ж. Верна вообще дает образец того, как беспомощны любые сколь угодно неожиданные, свежие и захватывающие идеи сами по себе, без чего-то непосредственно с ними не связанного, но необычайно важного для превращения книги в литпамятник или классический образец.

«Война миров» и «Машина времени». Они содержат идеи возможной космической экспансии и путешествия по времени соответственно. Да, вероятно, эти идеи были самородны и свежи во времена Уэллса — мы недостаточно хорошо осведомлены и нам трудно судить, действительно ли Уэллс был первым, кто сформулировал эти мысли. Но не в этом дело. Впоследствии были написаны сотни, если не тысячи, произведений, содержащих те же идеи в основе, и на девяносто процентов это была макулатура — боевики, зубодробительные приключения, дешевка. Но не потому, что идеи стали пованивать со временем. Десять процентов составили настоящую литературу, потому что это были вещи, написанные настоящими писателями и по-настоящему. А тот же Уэллс на базе не многим худших идей (мировая воздушная война, атомная война, путешествие в соседствующие пространства, гравизащитное вещество и т. д.) создал значительно более слабые, нежели «Война миров», книги. И тот же Уэллс на основе совсем не самородной идеи вивисекции создал великолепный «Остров д<окто>ра Моро», а на совершенно уж хохмаческой, сказочной, избитой идейке — «Человека, к<ото>рый мог творить чудеса» — рассказ программный, поражающий воображение.

О «Гиперболоиде» вообще странно говорить в предлагаемом плане. Ну какая там свежая н<аучно>-ф<антастическая> идея? Гиперболоид, что ли? Господи, да Толстой мог взять любое, сколь угодно примитивное орудие разрушения и написать вещь точно такой же силы, потому что он — великий стилист, писатель самого потрясающего воображения. (Достаточно сказать, что сам он никогда не скрывал, что пишет «Гиперболоид», чтобы скопить денег для работы над «Петром».) С точки зрения научных идей «Гиперболоид» набит безграмотностью и дилетантством, а если считать идеей повести проблему захвата мировой власти сильной личностью, то на эту тему и до Толстого писали невпроворот и почти все было дерьмо. «Гиперболоид» велик не своими идеями; он велик потому, что написан рукой мастера, и велик несмотря на то, что мастер писал его играючи, не серьезно.

Можно было бы аналогичным образом проанализировать и «Аэлиду», и «Амфибию», и вообще любое произведение, о котором Вы сказали бы, что оно хорошо потому, что содержит яркую н<аучно>-ф<антастическую> идею. И всегда мы получили бы один и тот же результат: если произведение действительно хорошо, то хорошо оно не благодаря яркой идее, а благодаря чему-то «прочему», к этой идее имеющему сплошь и рядом весьма косвенное отношение. А разве мало произведений, не содержащих вообще зубодробительных идей и тем не менее превосходных? «Война с саламандрами», «РУР» (написанный задолго до современных, иногда очень сильных, вещей о роботах, но до сих пор дающий всем им сто очков вперед), «451 градус» и «Детская площадка» Брэдбери, «Дневник, найденный в ванне» Лема и пр<очее> и пр<очее>.

Нет, Генрих Саулович. Мы согласны, что остроумная н<аучно>-ф<антастическая> идея способна при прочих равных условиях украсить любое произведение, но только при

прочих равных. Мы согласны, что такая идея может даже зачастую помочь при построении сюжета, может быть удобной как вспомогательный элемент, может даже иногда составить цель произведения — но только иногда и совершенно необязательно. Мы согласны, наконец, что любой писатель имеет полнейшее право сделать главной своей задачей изобретение и разработку в художественной форме таких идей, но мы решительно возражаем против утверждения, что такой путь — единственно верный, что такая задача — самая главная и что все фантасты — все как один — должны работать именно в этом русле.

2. В связи с вышеизложенным не может не вызвать самого решительного протеста Ваше, Генрих Саулович, очевидно произвольное толкование понятия **ОБОЧИНЫ** в фантастике. Вы полагаете, что главным путем в фантастике является путь разработки новых научно-фантастических идей. Однако, по Вашим словам, «фантастика, уйдя с главной дороги, пошла по обочинам». Что же это за обочины?

а). Иллюстративная фантастика, которая «использует идеи, высказанные учеными, и облекает их в «художественную» форму». Но позвольте! Если исходить из Вашего определения, то подавляющее большинство фантастики иллюстративно. Иллюстративны «Аэлита» и «Гиперболоид», «Амфибия» и «Остров докто́ра Моро». «80000 км» тоже в огромной степени иллюстративно. Да что там! Жюль Верн практически весь иллюстративен, так же как и Беляев, в большей степени Лем, Ефремов, почти весь Азимов, весь Кларк... Елки-палки! Мы не хотим сейчас защищать иллюстративность или нападать на нее. Мы хотим только сказать, что на обочину иллюстративности в Вашем понимании занесло чуть ли не всю фантастику. Ничего себе обочина! А сколько писателей шло и идет сейчас одной ногой по Вашей главной дороге, а другой — по этой самой обочине? На наш взгляд, иллюстративность это не столько направление, сколько технический прием, к которому неизбежно прибегает практически любой фантаст, пишущий о науке. И нет в иллюстративности ничего плохого до тех пор, пока автор пишет хорошо.

б). Приключенческая фантастика. Элемент приключения присутствует опять же практически в любом фантастическом произведении, и о приключенчестве можно сказать все то же, что сказано было и об иллюстративности. Собственно говоря, нам ни к чему разбирать пункты в) и д). Для нас это не обочины уже просто потому, что обочина — это все-таки какая-то дорога, пусть не главная, пусть разбитая и корявенькая, но все-таки дорога, направление. Что же касается иллюстративности, приключенчества, квазиреализма и хохмы, то для нас это никак не направление, для нас, повторяем, это некие технические литературные приемы (свойственные, кстати, не только фантастике, но и большой литературе). Вот «философская фантастика» это действительно не прием, а направление, но такое направление, которое мы никак не осмелились бы назвать обочиной. Скорее уж именно философская фантастика определяет собою главное направление, хотя бы потому, что неизбежно обобщает все частности.

Надо Вам сказать, Генрих Саулович, что в свое время мы пытались заниматься литературной критикой в области фантастики и даже написали три статьи, ни одна из которых не была опубликована. Так вот, в одной из этих статей мы наметили такие основные направления в современной н. ф. (даже не направления, а основные тематические течения, вбирающие в себя почти все разнообразие тематики фантастики):

1. Деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки. (Сюда относятся почти все вещи, героями которых являются научные идеи и сами научники.)

2. Философия (разработка идей — научных, социальных, моральных — наиболее общего характера: проблематика социологии коммунизма, проблематика жизни как космического явления, проблематика познания и т. д.).

3. Антивоенный и антиимпериалистический памфлет.

Конечно, эти течения на границах сливаются и перемешиваются, но ясно, что характерные представители первого течения: Савченко и, скажем, Лукодянов с

Войскунским; второго: Ефремов и (если Вы не хотите Лема и Гора) частично Брэдбери; третьего: Лагин, Днепров, частично Варшавский. Если принять Вашу классификацию, то Ваша Главная Дорога лежит где-то на границе первого и второго потока.

Так вот, и иллюстративность, и авантюра, и квазиреализм, и хохма — как приемы — присущи в большей или меньшей степени всем трем потокам. «Туманность» несомненно философична, но она использует (и с большим успехом), скажем, элемент приключения. «Экипаж “Меконга”» стоит на научно-фантастической идее проницаемости тел и с успехом использует и приключения, и квазиреализм, и хохму.

Хотелось бы поругаться по поводу Ваших оценок конкретных вещей, но письмо здорово затягивается, и поэтому перейдем к следующему пункту спора.

3. Мы убеждены, что все Ваши рассуждения родились не от нечего делать и не от хорошей жизни. Мы убеждены, что Вас действительно сильно заботит второразрядность фантастики и Вы упорно ищете какие-то пути превратить дерьмо в конфетку. Мы рассматриваем Ваш тезис о необходимости выделения главной дороги в фантастике как попытку найти некое главное звено проблемы и, уважая Ваши усилия, тем не менее с огромным сомнением покачиваем головами.

Мы сами решительно не беремся с полной определенностью объявить какое-то из приведенных выше трех течений фундаментальнейшим. Лично мы тяготеем ко второму, именно оно ближе всего нам по складу наших характеров, именно оно заставляет стучать пепел в наших сердцах. Но тем не менее мы прекрасно понимаем, что возможен и иной взгляд, и готовы отнестись к такому взгляду с полным сочувствием и уважением. Если сторонники первого направления станут писать как Гранин или Грекова, и если в русле третьего потока появятся такие же великолепные стилисты, как Лагин, — разве можно будет сетовать на них за то, что они пошли именно своим путем, а не нашим?

Но дело даже не в этом. Мы глубочайшим образом убеждены, что не существует такого направления в фантастике, выбрав которое, писатель сразу станет писать лучше. Вот Вы алчете свежих научно-фантастических идей. Но ведь нет таких идей, которые сами по себе обеспечили бы перворазрядность произведения. И какую бы великолепную, свежую, захватывающую идею Вы ни предложили бы: а) всегда найдется автор, который на базе этой блестящей идеи напишет ужасающе дрянную книгу; б) всегда найдется читатель, которого эта идея совершенно не заинтересует; и в) всегда найдется человек, который скажет, что ничего нового в этой идее нет (у нас есть знакомый — некто Вениамин Липманович Кан — физик-профессионал и величайший любитель и знаток фантастики. На заседаниях ленинградских фантастов он изводит всех своей эрудицией: мы знаем его вот уже два года, и ни разу он не счел какую-нибудь высказанную или выписанную идею оригинальной — все уже когда-то, где-то, у кого-то было).

Мы глубоко убеждены, что дело не в свежести идей, а в художественном мастерстве и новых трактовках пусть даже старых проблем. И главным вопросом теории фантастики остается главный вопрос теории литературы вообще: что такое литературное мастерство и как его достигнуть?

4. Несколько слов о второразрядности фантастики. Генрих Саулович, а существует ли все-таки эта второразрядность? Существует ли она ОБЪЕКТИВНО, мы имеем в виду? Ведь Ваша аргументация так и не убеждает нас. Анкета «Комсомольской правды»? Но она ничего не доказывает, кроме того, что фантастика не пользуется признанием в глазах тех самых людей, которые руководят воспитанием и образованием широких масс (ведь Кафку тоже никто не назвал, и никто не назвал Сэлинджера или Андре Жида). 90 процентов современной фантастики дерьмо? А каков процент дерьма в современной реалистической прозе? Не больше ли? Нам кажется, что в этом вопросе надо не столько спорить, сколько попытаться совместно найти некий объективный критерий, учитывающий и существующую систему взглядов на фантастику со стороны официальной критики, и инерцию этих взглядов, и невысокий средний уровень квалификации современного читателя, склонного не столько судить о литературе, сколько

верить авторитетным суждениям... Ведь, возвращаясь к анкете, этот самый сопляк, который громыхает именами Шекспира, Достоевского и Пушкина, ведь его за Шекспира ни в жисть не засадишь, а Беляева он прочел от корки до корки и еще два раза прочтет с наслаждением! Ведь это же так понятно! А какой-нибудь босс-критик — ведь ему эта фантастика так же чужда по сути своей, как нам чуждо «Слово о полку Игореве», которым он искренне восхищается. А в наших суждениях о второразрядности — как много в них субъективного! Как много восклицаний и гневных выкриков базируются на эмоциях, чертовски далеких от объективного рассмотрения...

5. И наконец, о критиках. Надо Вам сказать, что мы чрезвычайно далеки от мысли ставить рядом с Вами гражданина Котляра (который недавно задумчиво осведомился у одного нашего общего знакомого: «А не кажется ли тебе, что советская фантастика перестала быть русской?», за что и был выгнан вон). Морально уничтожать надлежит не тех, кто ругает за дело, а тех, кто халтурит, и тех, кто не понимает, о чем пишет, потому что ему все равно о чем писать (вроде Лукьянина). Вы пока не относитесь ни к той, ни к другой категории. Вы та самая щука, которая необходима в нашем пруду, чтобы не дремал карась-фантаст. Но есть у Вас один чертовски опасный недостаток — НЕТЕРПИМОСТЬ. И проистекающий от нетерпимости фанатизм в суждениях. Валяйте, громите, рубите, грызите наши кости, но, ради бога, будьте осмотрительнее и не опустошите пруд. Взять, например, Ваш великолепный пересчет литературы на дрова и электроэнергию. Неужели Вы не видите, как много опаснейших возможностей таит он в себе? О да, это очень эффектно и наглядно. Но это в особенности эффектно и наглядно в глазах людей, предпочитающих дрова книгам. С каким удовольствием эти люди подхватили бы Ваш прием и принялись бы ратовать за сохранение стройных березок и дремучих елок, чтобы никогда не появились в печати ни Солженицын, ни Эренбург, ни Хемингуэй. Смотрите, как бы не понабежали союзнички с грязными поцелуями.

6. И в заключение — о «Суете». Нам очень жаль, что эта повестушка вызвала у Вас такую горькую реакцию. Подавляющему большинству наших знакомых она очень понравилась. Знакомые искренне забавлялись, читая, и требовали продолжения. Мы были вполне удовлетворены таким резонансом и уже написали продолжение, правда, по мнению тех же знакомых, значительно менее удачное. Вы, по-видимому, подошли к «Суете» слишком уж серьезно. Не надо. Не надо подходить к ней серьезно, и в особенности не надо, подобно составителю сборника, искать в ней титанических идей, вроде «удивительного рядом».

Какой толстый журнал мог бы теоретически напечатать «Суету»? Да любой. Любой толстый или тонкий журнал, который согласен в принципе печатать сказки. Например, «Москва», публиковавшая недавно сказки Каверина.

Могла бы «Суета» появиться в фантастическом журнале? Отчего же, конечно, могла бы — так же, как «Звездные дневники» или «Сказки роботов» Лема.

Вот пока и все. В ноябре мы снова будем в Ленинграде, так что пишите по ленинградскому адресу. Ждем.

С уважением

Дорогой Аркашенька!

Писал это до 3-х часов ночи, совсем ошалел. Перепиши, и отредактируй, и отошли, и мать семь-восемь.

Я подписался на Фейхтвангера, купил «Семь дней в мае» и перечитал «ПНВС». Суки они все — славная же вещь! Чего им надо?

Жду твоего письма, твой [подпись].

P. S. А космонавты-то! А? Смачно, смачно! Как это в свете претензий Казанцева?

[Дописано позже:]

Дождался твоего письма. Рад, что Ариадне понравился ПНВС. Это несколько ободряет.

Мальчикам из МГУ, я думаю, можно разрешить постановку. Но я тоже не знаю, кто будет заниматься — какие знакомые. Если найдутся охотники — ради бога.

Читал и отзыв Егорова, и отзыв Феокистова, о котором ты почему-то ничего не пишешь ни мне, ни маме, а он — интереснее.

Сейчас торчу на аэродроме, жду Адку. Самолет опаздывает, и мне еще придется ждать не менее часа.

Подробнее напишу, когда получу твое второе письмо. Еще раз всем привет, твой [подпись].

Аркадий — брату, 27 октября 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо. Послание к Альтову перепечатаю и вышлю ему завтра. Сегодня, вероятно, не удастся, потому что, во-первых, везу Машку записывать в поликлинику, во-вторых, сегодня выдают муку, которую я должен приволочь домой, — двенадцать кило на нашу семью.

Новости.

1. ПНВС прочитала Мария Михайловна и очень расхвалила. Рассказала, что прочел ее сын — студент — и визжал от восторга от начала до конца. Сейчас читает Нина Беркова, затем все будет одобрено, выплачены деньги (остальные после аванса 35 %) и сдано на иллюстрацию. Я тут же потребовал хорошего художника, типа Ротова. Обещали.

2. Очень хорошая новость. Бела сама (!) предложила, чтобы наш сборник в «Мол<одой> гв<ардии>» состоял бы из ХВВ и «Попытки к бегству». Каково? Я так и подпрыгнул от радости. Теперь можно будет работать не спеша, спокойненько, да и ПкБ пристроена в отдельную книгу. Так что можешь насчет сборника не беспокоиться: мы сдадим его в редакцию в декабре — ведь машинописная рукопись ПкБ у меня есть, готовая к сдаче, даже в двух экземплярах.

3. В среду должно было состояться заседание Совета по фантастике, где Казанцев намеревался атаковать СВД. Не будет заседания: заболели Тушкан и Казанцев. Царство небесное.

4. Ленка осрамилась в издательстве. Их там собрал главный редактор по случаю отъезда одного из сотрудников на Кубу. В прощальной речи сей главный редактор взволнованно пожелал отъезжающему, чтобы «земля ему была пухом». Ленка громко, во всеуслышание назвала его дураком. Теперь ходит и трясется, как герой «Смерти чиновника».

5. «Московский комсомолец» не желает платить за СВД. Я решил написать в Комитет по охране авторских прав.

6. В редколлегию альманаха ввели Ревича. Он, кстати, написал два неплохих рассказа. Сейчас собирается второй сборник за 65 год. Будет в нем перевод главы из «Суммы технологии». Росоховатского большинством голосов зарубили. Гора, я думаю, удастся отстоять. До чего пошел свирепый редколлегер — страшно смотреть. Все снобы. И Ревич, и Громова, и Бела с Ленкой.

7. Перевод Брускина действительно оказался скверным. Он многого не понял в словотворчестве Иона Тихого, в игре слов и прочем. Это я сам убедился на примерах. Еще обвиняют его в халтуре, но этого я уже не знаю. Лема дали на доработку одной специалистке по польскому. Это довольно досадно, потому что надеялись, что Лем пойдет сразу после Ефремова. Кое-кто действительно опасается, что журнальная публикация «Возвращения со звезд» может испортить нам дело.

8. Два рассказа Ильи — «В атолле» и про старого пилота — пойдут в альманах несомненно. Об остальных еще не знаю. В «Знании» Макаров заперол обложку к его сборнику, но сейчас уже исправил.

9. Половина первой главы второй части ПНвС идет в «Искателе» с нашими фото. Лаборатория писателя, так сказать. Верстка будет на той неделе. Я дал Коротееву только первую главу. Ему очень понравилось.

10. Ходят слухи, что Захарченко выгоняет Толю Днепрова из журнала. Я пошел узнать, но мне сказали, что Толя болен.

11. Есть несколько писем, все похвальные, потом прочтешь. Одно, однако, требует внимания. Пишет выпускник Украинского полиграфического института из Львова, по специальности художник. Готовит диплом — разработка художественного оформления книги. Тема — «Трудно быть богом». У него к нам два вопроса: а) Не целесообразно ли разработать общее оформление для дилогии ПкБ и ТББ сразу? Я полагаю, пусть так и делает. б) Хочет показать нам предварительные эскизы, которые закончит к середине ноября. Не думаю, что имеет смысл приглашать его в Ленинград, пусть приезжает в начале декабря в Москву. А как ты думаешь? Отвечать не буду, пока ты не пришлешь своего мнения.

Вот пока все.

Поцелуй маму, привет Адке.

Все тебя обнимают.

Твой Арк.

Борис — брату, 30 октября 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сначала твое письмо.

1. Черт с ними, пусть идет ПНвС в Детгиз. Но — никаких там уступок. Берут, так пусть берут.

2. По поводу ПкБ я тоже запрыгал от радости. Это было бы здорово. Теперь надо только достойно справиться с ХВВ, а в бб-м дадим сборник из «Глупой Пандоры» и «Записок здравомыслящего».

3. Тушкан и Казанцев заболели вовремя. Иногда мне даже жаль, что они не успели провести свою провокацию ДО интервью космонавтов.

4. Ленка пусть не трясется. Пусть главред трясется, это его дело и его обязанность.

5. На «Моск<овского> комс<омоль>ца» подать жалобу надо, но на этом и кончить. Не увлекаться. Не надо нам скандалов и лишних сплетен.

6. Обязательно запасись для меня сборником фантастики «Знания».

7. С Брускиным поговорю. Адка была в Польше у Лема. Лем очень хвалил Брускина, ласкал его словесно и раздумывал, как бы пригласить его к себе.

8. Толю Днепрова все-таки жалко. Надеюсь, слухи о его увольнении преувеличены.

9. С львовским художником просто не знаю, что делать. Мне ведь тоже очень хочется посмотреть его эскизы. Может быть, написать ему что-нибудь вроде: «Если Вы окажетесь в Ленинграде во второй половине ноября, мы будем очень рады навестить Вас». А домашнего адреса не давать, дать пулковский телефон. А? Оформлять же, конечно, надо и ПкБ и ТББ вместе.

Теперь что у меня.

1. Только что проводил Травинского. Он приезжал выписываться из Л<енингра>да. Выписался. Рассказывал много интересного. Оказывается, Ариадна его довольно активно использует как рецензента. Я попросил его, чтобы они с Лилей оказывали мягкое давление на Ариадну — поменьше пыла, поменьше фанатизма, побольше осторожности.

Правда, я забыл изложить свою точку зрения на «Возвращение со звезд». Но ты эту точку зрения знаешь. Не надо. Пока.

2. Вчера участвовал в вечере писателей-фантастов в Выборгском доме культуры. Было скучно. Присылали записки. В основном нам и Мартынову. Мартынову больше. Массы читателей интересовались в основном: а) как мы пишем вдвоем, б) где сейчас А. Стругацкий, с) что мы пишем и что где будет опубликовано, d) есть ли жизнь на других мирах. Всего 10 записок. После вечера школьники собирали автографы; какой-то серьезный до унылости молодой человек средних лет рассказывал, как его разочаровала ТББ; две тетki из организаторов жали руку и благодарили за ТББ («самая умная книга последнего времени»).

3. Приехал Роман Подольный. Я его ввел в Пулковое, и он тут роздал кучу заказов. Ноет, чтобы я дал ему почитать ПНвС и чтобы мы дали кусок оттуда в «ЗС». Читать я ему ничего не дам — он мне не настолько понравился. Кусок в «ЗС» — по твоему усмотрению. Я ничего против не имею.

4. До меня дошел слух, что Ленка не приедет. В чем дело? Почему не приехать на пару дней полежать на наших диванах? Поцелуй ее в щечку и скажи, чтобы не дурила и приезжала, пока Андрюшки нет. Ждем вас 7-го или когда там.

5. Итак, Адка побывала у Лема. Лем настроен к нам очень хорошо, но совершенно по-альтовски удивляется СВД. Ей-богу, такая разное...ица в оценках у нас, по-моему, впервые. Никогда не было такого раскола во мнениях среди наших лучших знакомых и уважаемых людей.

6. Денег за СВД все нет и нет. А деньги у меня на исходе. Заказать стеллажи я уже не могу. О магнитофоне нет и речи. Подгони их там, черт возьми. Что они — ошалели?

Ну, пока все. Жду от тебя еще одного письма, а потом и вас с Ленкой. Целую, жму [подпись].

Аркадий — брату, 2 ноября 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Буду краток. Новостей никаких особенных нет. Вчера был у Севы Ревича, познакомился с Анчаровым, он пел новые песни. Хороший парень. Сегодня иду к Гуревичу. Не очень хочется, но надо — он меня уже второй год приглашает, а я все отнекивался, а дальше уж нельзя.

Относительно денег. Я тоже еще не получил за СВД. В «Мол<одую> гв<ардию>» послал Ленку в бухгалтерию, ей там сказали, что перевели только двадцать седьмого. След<овательно>, либо деньги уже будут у тебя на книжке, когда письмо получишь, либо придут вот-вот. Я, брат, тоже слегка психанул и хотел уже идти ругаться, но Бела меня отговорила.

Деньги перечислят также и из Детгиза — за ПНвС по одобрении. Это будет к середине месяца. Я найду к ним перед отъездом и возобновлю твое заявление о переводе, если оно там утратилось.

Кстати, о ПНвС. Прочитал Ревич — «убийца Ревич», как мы называем его с тех пор, как он у нас в редколлегии, — и похвалил. Сказал, что вторая часть еще лучше, чем первая, но вот третья подгуляла. Нет, видишь ли, социальной идеи в разоблачении Януса.

Теперь так. Приеду я, видимо, утром шестого. Не знаю, как Ленка. Она колеблется, не хочет мотаться взад-вперед. Вообще же жди телеграмму. Пошлю на мамин адрес. За билетом пойду четвертого и сразу протелеграфирую.

Вот все. Поцелуй маму, обними Адку.

Большущие приветы и поцелуи от Ленки.

Аркадий — брату, 8 декабря 1964, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

На дворе слякоть и вообще погода, но перейдем к делам.

1. ХВВ читали Ленка и теща. Обе считают, что это самое лучшее и значительное из того, что мы когда-либо делали, а также — как обычно — предупреждают о возможных последствиях. Ленка после чтения ходила как убитая.

2. Вчера сдал ХВВ на машинку.

3. ПНвС идет благополучно. С Ниной <Берковой> я, правда, почти не говорил, только по телефону, но узнал, что на иллюстрацию сдали хорошему художнику, последователю Ротова.

4. Когда был в Детгизе, позвала меня на разговор Мария Михайловна <Калакуцкая> и, каюсь, уговорила стать членом редколлегии «Мира приключений». Альманах загибается, не выдерживая конкуренции. Я был в растерянности, не зная, что предложить, но случился рядом редактор Михаил Антонович Зубков и заметил, что нужно просто заказывать с заключением договоров хорошим писателям. Для приключенческой лит<ерату>ры это выход, а вот с фантастикой?

5. Вчера была фантастическая шарашка наша, Ариадна подводила итоги 64-го года, вершинами признаны ТББ и СВД. Также предложена «Душа мира», но выступил Мирер и сказал, что ей далеко до Стругацких. Потом выступил я и призвал фантастов взяться за фантастику ситуаций (помнишь, то, что мы говорили?). Кажется, выступил не совсем удачно, не поняли меня. А может, и поняли.

6. Альтов — неугомонный мужчина — прислал письмо с предложением воздвигнуть памятник Беляеву. Предложение от имени Бакинского объединения. Наши поддержали. Вы, верно, тоже поддержите. Пусть.

7. Журнал «Вожатый» просит для мартовского номера пол-листика из ПНвС. Отпиши согласие или отказ. Для меня это значения не имеет, ответим им так, как ты скажешь.

8. Днепров из «Тех<ники> мол<одежи>» ушел, я его не видел, говорят, что сидит дома и пишет.

9. Были в гостях у Ивана Антоновича. Он посещал Казанцева, Казанцев тяжело болеет и точит на нас чудовищный клык — обвинение в издевательствах над священными фольклорными реликвиями русского народа, хотел писать статью, но Ефремов его отговорил, намекнув, что он станет посмешищем на весь Союз.

10. В «Мол<одой> гв<ардии>» масса писем по поводу подписки. Любопытный материал. Я выклянчил право составить представление для дирекции относительно тиража, а заодно попробую навести кое-какую статистику. Я еще как следует не ознакомился, но сейчас уже видно: мы недооцениваем читателя-фантаста. Научников много, но не меньше и рабочих, и сельской молодежи. Сие отраднo.

Вот и все, кажется. Пиши.

Поцелуй маму, Адку. Привет всем заинтересованным.

А я сейчас буду писать Гору от имени «Мира приключений».

Жму, твой Арк.

Борис — брату, 12 декабря 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

ХВВ я прочел ряду лиц, как-то: Адка, Сашка <Копылов>, Юрка <Чистяков>, Наталья <Свенцицкая> и двое — супружеская пара — из Института высокомолекулярных соединений. Понравилось. Высказывались опасения. Как сказал Юлька <Готлиб>: «Повесть будет иметь несомненный успех среди лиц, которые ее прочтут... разумеется, в

списках». Основные возражения: затянуто начало. Наташка вопила, что Жилин должен был бы превратиться в слегача. Но в общем всем понравилось, и все хвалили. У меня по прочтении создалось впечатление, что в повести слишком много ругаются и слишком много едят. Кроме того, мы, по-моему, все-таки сделали главный упор на слег, а не на благосостояние. Над этим надо основательно подумать. И надо поотчетливее все-таки показать, что слег на разных людей действует по-разному, это у нас все время как-то смазывается.

Сегодня буду читать нашим ПНвС.

Прочел статью Ариадны в «НФ». Откуда ты взял, что там о нас хорошо написано? Написано о нас там правильно (в общем), но совсем не хорошо. Мы там имеем весьма бледный вид рядом с Лемом и даже с Ефремовым. А сам альманашек — дерьмо. Кроме Гансовского, там ничего нет, но «День гнева» это действительно хорошо. Брускин дурак. Передай Северу мои конгратюлейшнз. И Парнову с Емцевым — за «Фосетта»: очень мне понравилось. Не знаю даже, в чем тут дело, но — очень.

Журналу «Вожатый» дай кусочек — отчегё же? Сам выбери что-нибудь попроще и позабавнее — можно про путешествие в будущее, например.

Прислал письмо Володька <Травинский>. Собственно, не письмо, а пародийный рассказик о сверхфантасте-халтурщике, загубившем мир. Забавно.

Был в Литфонде, получил билет.

Из фантастов никого не видел. Шестого должен был идти в Дом ученых, так забыл начисто, не пришел. Рассказывали, что очень меня за это облагали. Опять решат идиоты, что зазнался.

Ну, пока все, жму, твой [подпись].

P. S. Леночке поцелуи в больших количествах, а всем прочим — приветы.

Аркадий — брату, 14 декабря 1964, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Ты все-таки отвечай сразу же, как получаешь письмо, а то я беспокоиться начал.

Получил ХВВ с машинки, считал, сегодня несю. Сегодня же узнаю, что скажет Нина Матвеевна, она как-никак цензор, даст настоящее мнение, а не то что «опасения выскажет». Думаю, большинство опасений высказывается из-за подсознательного смещения понятий «нецензурное» и «нестандартное». Прочно замордовали нашего брата-читателя за сорок лет, вот он все никак привыкнуть не может к тому, что на бумаге можно не токмо лозунги, но и мысли выражать.

Насчет обилия кушающих и ругающихся — верно, пожалуй, у меня тоже такое впечатление, посмотрим, что скажет Бела, а вот насчет главного упора на слег ты, по-моему, не прав. Слег — ведь это и есть крайнее выражение капитуляции перед изобилием, высшее выражение мещанского благосостояния. Так что здесь я бы менять ничего не стал. Насчет разного действия слега на разных людей — пожалуй, только зачем? Это уже вспомогательная мысль. А вообще, прочтет Бела, даст Р<уководящие> У<казания>, будем думать.

Одолевают киношники. Мосфильм хочет ставить ДР и ТББ. ДР — как дипломная работа двух ребят из ВГИКа, хотя и сценарий писать сами, а ТББ просят написать нас. Пожалуй, согласимся. Будем писать или нет — там посмотрим, а право на экранизацию ДР — продадим. Для молодых ребят это вопрос диплома, стараться будут, Ромм им поможет, интересно же, что получится.

Очень рад, что «День гнева» тебе понравился, и «Фосетт» тоже. Люблю радовать людей, а тебя они любят и будут рады. Статья же Громовой ничего особенного действительно не представляет, однако главное в ней — мы попали в число утопистов контра Коган. Вот что там главное.

С Севкой <Ревичем> виделся мельком, у него жена на сносях последние недели, сам понимаешь. Коган прислал в «ЛГ» письмо, очень приличное, пишет, что его не поняли, но ряд критических замечаний он все же учитывает. Письмо Севка хочет опубликовать с врезкой редакции.

Изменилась система составления альманахов «Фантастика». Я назначен собирать следующий, третий. И знаешь, с ходу мне поперло. Получил по крайней мере три очень неплохих вещи. Смелые и интересные, одна пиеса, две повести. Могу сдать альманах хучь сейчас, только надобно кое-что банально-смелое поубрать. И авторы, заметь — не москвичи, все из разных провинций и вполне и неожиданно литературно грамотные. День настанет настоящий!

Все. Ответ немедленно. Поцелуй маму, на днях напишу.

Адку тож поцелуй многожды. Твой Арк.

Борис — брату, 16 декабря 1964, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

1. Мама очень сердится, что не пишешь ей. Я даже не стану говорить ей о втором твоём письме, пока ты не пришлешь ей первое.

2. Читал ПНвС ребятам. Впечатление не бог весть. Улыбались, немножко хихикали, но сказали, что это всего лишь ничегё. Не понравилось им с определенностью: путешествие в будущее, сцена с газетой, а вся третья часть кажется им неорганической — можно было бы и обойтись.

У меня мнение по ПНвС такое: надо нам с тобою еще разок за нее засесть и, ничего не вставляя, кое-что повыбрасывать. По-моему, имеются в некотором количестве плеоназмы.

3. Насчет ХВВ еще подумаем. Кое-что там все-таки не урегулировано. Неужели ты не чувствуешь, что сущность слега и его многообразные возможности чертовски заслоняют основную идею ужаса избытия? Читатель будет думать прежде всего о слеге, слег он будет смаковать и обсуждать, а проблема избытия останется как-то в стороне. Ну, еще побеседуем.

4. Право на экранизацию ДР, естественно, продадим. А ТББ, натурально, попытаемся написать сами. Только все это — моча.

5. Читал в «Известиях», что «Стругацкие все-таки ниже Гоголя, несмотря на их талантливость»?

6. Я сейчас читаю сборник «О сущности жизни» — материалы совещания с участием крупнейших биологов, физиков, математиков и химиков. Очень интересно. И чем больше читаю, тем яснее мне становится, что наша земная жизнь — явление искусственное. Иначе не сходятся концы с концами. Надо предполагать: либо что жизнь явление чрезвычайно маловероятное, либо что оно искусственное.

7. Никого не видел, никому не звонил. Надоели все. В пятницу будет комиссия.

8. Начал читать «Уэру». Ничегё. Я ожидал худшего. А «Бунт 30 триллионов» — довольно любопытно. Мне понравилась смелая идея: реликты дожили до наших дней, ибо бессмертны.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке и Севке.

Аркадий — брату, 18 декабря 1964, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Маме я послал письмо еще вчера утром, наверное, уже получила.

2. А каким ребятам ты читал ПНвС? Пулковчанам или писдомовской кодле? Или Варшавскому с Брускиным? Это, видишь ли, разница. Вот Ревичу вторая часть понравилась больше первой, а третья не понравилась потому, что кончается пшиком — без социальной значимости. Характерно, что эпизод с газетой не нравится и ему — это, говорит, на уровне «Крокодила». А что делать, если он мне нравится? (Эпизод, я имею в виду.) Плезио... плеонизо... в общем, излишки информации, наверное, имеют место. Что ж, в январе можно будет встретиться дня на два-три и выправить.

3. ХВВ прочитала Бела. Сказала, что это здорово и страшно, и спросила, какого мы хотим художника для оформления. Люблю такой подход к делу. Они с Ленкой сдружились — водой не разлить, да и то, женщина она умная и очень левая. А сейчас читает Сергей Жемайтис. Посмотрим. Еще читала Нина Беркова — не помню, писал ли я тебе: она тоже сказала, что здорово, но боится цензуры. Это меня не очень пугает, потому что так же она боялась цензуры для ТББ. Ведь она бывший цензор. И еще читала Ариадна. Сказала, что это ей очень напоминает Лемовское «Возвращение» (вот это хуже всего), хотя написано в совершенно другой манере и гораздо лучше литературно. А что слег заслоняет ужасы избытия — это неправда. Все у нас, кто читал, восприняли слег именно как пик избытия мира, мечту обожравшегося мещанина. Не знаю, я бы не стал исправлять эту сторону.

4. Был пятнадцатого Совет в ССП, обсуждали «Фантастику» 63 и 64 и «Новую сигнальную» и «Черный столб». 80 % времени говорили о ДР и о СВД. Тушкан был рупором отсутствующего Казанцева и выдал про издевательство над священными образами. Его подняли на смех. Котляр был — не знаю, кто его допустил. Выступил с отрывками из своей статьи. Никто не реагировал. Больше всего порадовал меня Сытин. Подводя итог обсуждению, он, этот клеветник вышестоящих организаций, всегда держащий нос по ветру, заявил, что нельзя ограничивать фантастику темой изображения будущего, что она многообразна, как сама жизнь, и пр<очее> в том же духе.

5. Чувствую себя очень усталым. Мысль ленится, ничего не хочется делать. Был у меня Юрка Манин. В обмен на дать почитать ХВВ я усадил его писать статью для альманаха. Просидел он, бедняга, с 11 до 16, статью написал небольшую, но хорошую, лег на мою кровать и стал спать. Говорит, что обалдел.

6. Получили мы письмо от И. Грековой. В восторге от СВД. У нее там в семье все математики и все в восторге. Я поблагодарил и написал, что мы тоже в восторге. Лестно, как ни говори. Тушкан против, а И. Грекова — за. Это, брат, кое-что.

9. У меня готовая рецензия на «Уэру». Подписать бы ее псевдонимом и толкнуть, а? В «Неву», например. Или в «Звезду». Пospрашивай там.

Целую, дружище, твой Арк.

Приветища Адке и друзьям.

Борис — брату, 21 декабря 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вчера поздно вечером вернулся из Таллина. Ездили на машине покупать радиолу «Эстония 3М». Купили. Роскошная машина. Теперь можно будет слушать джазы и последние известия.

1. ПНвС я читал пулковским ребятам.

2. Очень меня огорчает, что Ариадна сразу подумала про Лема. Теперь я только молю, чтобы «Возвращение со звезд» вышло раньше ХВВ. Насчет соотношения слега и избытия ты меня, Аркашенька, никак не хочешь понять. Я просто хочу сказать, что в ХВВ проблема слега как такового захватывает читателя больше, чем проблема избытия. Иначе говоря, у меня впечатление, что если бы мы написали роман просто про слег (без всяких прочих идей), то он увлек бы читателя больше, чем роман про избытие, но без слега. Слег задевает воображение так сильно, мне кажется, что избытие остается

практически незамеченным. Компране ву? Читатель склонен спорить не на тему: «Плохо изобилие или хорошо», а на тему: «Плох слег или хорош?» Компране, значить?

Кстати, а кто-нибудь еще из читавших и ВсЗ и ХВВ обнаруживает связь между ними? Кроме Ариадны.

3. Рад, что Тушкана подняли на смех. Но надо быть готову ко всему. Лично я не перестаю ждать погрома. Что же касается клеветы Сытина, то он выступает с наших позиций по очень простой причине: плохие повести о кровожадности фантастических шпионов писать гораздо легче и безопаснее, чем плохие повести о будущем. Вся эта компания во главе с Казанцевым, по-моему, должна бы быть заинтересована в так называемой тематической широте фантастики, чтобы свободно печатать свою халтуру, к светлomu будущему никакого отношения не имеющую.

4. Я чувствую тоже некую усталость мысли, но думаю о «Паразитах». Чудятся мне страшные картины: один раз ночью не спалось, и до того я зафантазировался, что мне пришлось зажечь свет и разложить пасьянс, чтобы успокоиться. По-моему, можно написать на эту тему вещь, если не умную, то впечатляющую во всяком случае.

5. Грекова — это здорово. Но я предпочел бы восторг по поводу ТББ.

6. У нас новость: приняли в Союз Илью <Варшавского>. Вот как надо уметь: вся процедура заняла всего две недели. Таков вес звонка Гранина в приемную комиссию.

7. В пятницу было сборище в Союзе. Делался доклад о межзвездных перелетах. Было интересно.

В таком вот аксепте. А больше новостей особых нет.

Жму руки, твой [подпись].

P. S. Привет:

- 1). Ленке.
- 2). Манину.
- 3). Севке.
- 4). Северу.
- 5). Всем прочим.

Срочно сообщи мнение о ХВВ Манина и Севки. И напиши достаточно прозрачно, что именно вызывает опасения Нины Матвеевны.

P. P. S. Посылаю тебе экслибрисы. А мои еще не готовы: я неэкслибрисогеничен, оказывается.

Аркадий — брату, 24 декабря 1964, М. — Л.

Дорогой Боб.

Сначала о самом главном. Сдача в производство ХВВ по план-приказу на январь назначена на 23 января — между прочим, по настоянию Жемайтиса, уже после того, как он прочел рукопись. Ленка попыталась передвинуть на февраль, но он не разрешил. В связи с этим совершенно необходимо, чтобы ты приехал в Москву сразу после Нового года и поработал здесь со мной дней десять. Дети будут в зимних лагерях, и все будет очень удобно. Это — необходимость и обсуждению не подлежит.

Мы имеем сегодня (24-е) отзывы: Берковой, Ленки, Ариадны, Екатерины Евгеньевны, Жемайтиса, Белы и Севки Ревича. Это по Москве. Есть ряд ленинградских отзывов. 27-го будет отзыв Манина. Чтобы мы могли ориентироваться, перечислю отзывы и претензии, как это было с ТББ.

1. Ленка. Захватывает, тяжелое впечатление, сходство с «Возвращением» утрачено, Жилин получился, ничего менять не след, лучше, чем ТББ.

2. Ек<атерина> Евг<еньевна>. Очень интересно, захватывает, выше, чем ТББ, растянута вводная часть, нужен ли эпизод с Амадом?

3. Нина. Здорово и своевременно. Очень нужная книга. Боится, что власти примут на свой счет всю концепцию. У истории слега много сходства с сепульками. Очень хорошо,

что такое многообразие, но как расценивать интеллей? Жилин — неудачно, много ассоциаций со «Стажерами», они мешают.

4. Ариадна. Очаровательно. Хорошо, что именно Жилин. Много стилистических небрежностей. Большое сходство с «Возвращением», но это не страшно, таких книг надо больше. К тому же художественно, возможно, лучше «Возвращения».

5. Бела. Здорово. Захватывает. Необходимо укрупнить, улучшить, «окоммунарить» образ Жилина.

6. Жемайтис. Читать было скучно. Сюжета нет. Необходимо прояснить мысль, что это страна, доставшаяся коммунизму от капиталистического мира. Необходимо связать Жилина с этой страной более прочными узами, помимо служебных, — любовь к Вузи, например.

7. Ревич. Этот дал наиболее подробный и квалифицированный разбор. Да, и Бела, и Жемайтис тоже видят перекличку с «Возвращением», но признают, что это выше и художественнее «Возвращения», Сева тоже нашел тематическое сходство, но отметил это только после напоминания и нетерпеливо, сказавши, что таких книг десяток нужен, а не две, хотя, конечно, это в какой-то мере лишает книгу самостоятельности. Вот замечания Ревича. а) Интересно, читается напролет, но ТББ не переплюнуто. б) Никакой цензурности нет, напротив, вещь современная и нужная. в) Плох Жилин. Не целен, мало у него ненависти, он должен все здесь презирать, а есть впечатление, что ему кое-что даже нравится (обстановка в комнатах и пр<очее>), нет у него никаких связей с прошлым, нужно больше реминисценций, сравнений и ассоциаций того, что он видит, с тем, что он видел. Производит впечатление частного шпика, для которого цель оправдывает средства. Разительна и печальна отсталость по сравнению с образом Руматы. г) Почти все разговаривают одинаковым жаргоном. Приятное исключение составляют Опир, парикмахер и латиноамериканец. д) Зря сделали Марию и Оскара идиотами — обоих. Оскар — пусть, а Мария должен понимать, что он и его методы устарели, но ничего поделывать не может, тогда бы очень хорошо сыграл эпизод с окрашенным душем — комизм, врывающийся в трагическую фигуру человека, понявшего, что он устарел. е) Памятник Юрковскому — всем нравится идея, но недовольны исполнением, истолковывают по-разному и часто неправильно. ж) Нереально впечатление от общей ситуации. Почему Совет обратил внимание на слег, когда в городе стреляют из пулеметов и бросают бомбы? Далее, в таком обществе должно быть очень много хулиганства и прочих безобразий. з) Непонятны интели. Если это бандиты и хулиганы, ими Совет должен заинтересоваться в первую очередь. Если это глупые, но честные борцы, то нелитературно было бы не показать хоть одного из них вплотную, как Опира или парикмахера. и) Чувствуется местами небрежность и поспешность, в ТББ этого нет и в помине, там совершенная стилистика. к) Нет ни тени того, что делается за пределами города, не видно дыхания большого мира, что быть не может, город же не изолирован. л) Не стоит осовременивать такими дешевыми словечками, как «еврей», «патлатый» и пр<очее>.

Вот в таком плане. Еще он из любопытства потребовал было, чтобы были переданы ощущения и сны Жилина в ванной, но потом забрал это предложение обратно.

Давай думать, времени мало. Отвечай немедленно.

Поздравь Илью.

Перевод Брускина — независимо от претензий Ариадны — признается худшим, чем у Бобырихи <З. Бобырь>, менее русским.

Приветы Адке и всем, кому понадобится.

Жму и целую, Арк.

Эклибрисы — гм. Не знаю, не знаю. Впрочем, что смотреть в зубы дареной кляче?

Борис — брату, 26 декабря 1964, Л. — М.

Дорогой Арк!

Отвечаю немедленно (в тот же вечер). Сначала некоторые новости:

1. Илья принят окончательно. Завтра устраивается банкет на 20 персон. В программе — цыплята табака.

2. Ленинградский сборник на выходе. Я дал твой адрес в бухгалтерии. Мне деньги (твои) дать отказались: необходима доверенность, заверенная нотариусом. Должны получить что-то около 350 каждый.

3. Постараюсь выехать числа 3–4 января. Адке твое письмо еще не показывал. Готовлюсь к сражению: 2-го приезжает Андрюшка. Будут, вероятно, трудности и на работе: сейчас вся обсерватория в едином порыве, вместо того чтобы заниматься астрономией и смежными делами, борется за высокую производственную дисциплину. Словом, рассчитываю все это преодолеть и, если преодолею, пошлю уточняющую телеграмму. Или позвоню.

4. Поблагодари Ариадну за теплую статью в «Комсомолке». Спасибо ей, не забывает нас, грешных.

5. В следующем году Лениздат намерен выпустить сборник новой фантастики. Дмитревский потребовал от нас повесть. Видимо, придется дать. Во всяком случае, я не нашелся, под каким предлогом отказать. Я думаю, если мы напишем две повести, одну дадим ему. А?

6. О «Предисловии к регистру» Альтова поговорим на месте. Ничего ему не отвечай: надо обдумать.

7. Наша комиссия принялась шевелиться насчет памятника Беляеву. Мне поручили совместно с тобой написать по этому поводу краткую заметку в «Комсомолку», и опять я не сумел отбиться. Старею, видно. Дело, впрочем, терпит: по-моему, все понимают, что все это сивый бред.

8. Смолян предложил устроить ежегодный День фантастики. Оля <Ларионова> предложила 1 апреля. Смолян жаждет выпускать спецсборник по типу сборника «День поэзии». Я резко выступил против: хватит плодить халтуру. Вопрос замяли.

Теперь о ХВВ. Из всего тобою сообщенного, из отзывов моих ребят и из собственных размышлений я сделал пока только следующие практические выводы:

1. Сократить сцену «освоения квартиры». Убрать описание гостиной.

2. Убрать жратву, пусть лучше побольше пьют. Кушать в книге должны только: Амад, Опир и латиноамериканец. В кафе — пьют, играют в настольные игры и смотрят телевизор.

3. Обязательно сделать Марию умным человеком, который просто не может иначе. В связи с этим основательно переработать последнюю сцену. Весь негативизм отдать Оскару. (Севка молодец, а мы дураки: не доперли до такой простой и выигрышной детали.)

4. Необходим интель. Личная встреча и разговор. Но как сделать, не знаю. Предлогом встречи может служить то, что интели заподозрили Жилина в провокаторстве и хотят его стукнуть (тот самый тощий трезвенник). Но о чем им говорить — не знаю.

Подробнее поговорим на месте. В этот мой приезд надо также подчистить и ПНвС. Кое-что там меня смущает.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Привет Ленке.

О Брускине сожалею. Он намерен ехать в Москву после Нового года.

Аркадий — брату, 30 декабря 1964, М. — Л.

Дорогой Борик!

Я совсем забыл, что у тебя могут быть такие трудности. Ведь Адка меня предупреждала. Слушай, если будет очень трудно, прямо-таки невозможно, дай телеграмму, умоляющую приехать, и напиши письмо поубедительней. Вообще-то я говорил с Ленкой, так что морально она, кажется, подготовлена. Так или иначе — мы скоро встречаемся. Только ненадолго. Я во всяком случае больше чем на неделю приехать не смогу. Но ты не бойсь, успеем.

О делах прочих поговорим при встрече. А сейчас подумай о таком ходе в ХВВ.

Пусть Жилин уже был в этой стране и в городе десять лет назад во время заварушки, командовал взводом или что-нибудь еще. Полюбил эту страну, полюбил народ, дрался как дьявол. В воспоминаниях дать боевой эпизод (со взрывом атомной мины, например), с горящим танком, с мертвецом, свесившимся из люка, с консервированным пивом, которое вскрывают пистолетным выстрелом. Понимаешь, тогда будет: а) возможность для Жилина сравнивать, кем они были и кем стали; б) появится у Жилина личная боль за этот город, который он так полюбил и за который пролил кровь; в) дать Жилину объемность не только пространственную, но и временную.

Интеля давать, по-моему, не стоит. Провалиться им, интелям, они меня совсем не интересуют, да и тебя тоже. Остальные твои предложения правильные, есть и еще несколько мелких у меня, так и сделаем. Одним словом, до встречи, дружище.

Всем приветы. От всех приветы. Сижу по колено в новогодних поздравлениях.

Целую и жму, твой Арк.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

1964 год

18 января (суббота)

26 декабря вернулся из Л<енингра>да. Написали «Суету вокруг дивана», «К вопросу о циклотации», «Первые люди на первом плоту», «Бедные злые люди».

Все никак не можем заключить договор с «Мол<одой> гв<ардией>». Подписал третий вариант, на 11 а<вторских> л<истов>. Жду теперь окончательно подписанного администрацией.

Вышел в «Знании» сборник «Новая сигнальная» с усеченной «Далекой Радугой».

Перевел «Тоталоскоп» Абэ Кобо — кажется, пойдет в альманах «НФ», а также в сборник иностранной фантастики в «Мол<одой> гв<ардии>». Там готовится подписная «Библиотека мировой фантастики и приключений. XX век».

Получил письмо от японца — Ииды, нашего переводчика в «SF магадзин». На днях пошлю ему письмо и знаниевские сборники.

Сегодня:

1) Звонила Громова, восхищалась СВД.

2) Звонил Евгенийев, зам<еститель> главн<ого> редактора «Москвы». Восхищался ТББ, хочет печатать, но нужно, чтобы прочитал гл<авный> редактор и к<акой>-л<ибо> член редколлегии.

3) Звонил Гера Смирнов, составитель «Фантастики-64». Заклинал никому не отдавать СВД, войдет в сборник.

4) Звонил Коротеев, читал заметку из «Летр франсез», очень лестно.

Готовлюсь — морально — к разбору нашего дела в ССП. Это будет 29 января. Что-то случится!

В начале февраля еду в Ленинград — писать «Хищные вещи века». Ариадна написала отличную повесть: «В круге света». Пойдет в альманахе.

25 февраля (вторник) 64

Какой-то упадок сил. Болеют дети. Машка <Стругацкая> с комбинацией кори и ангины, Наталья <Воскресенская> с ангиной и сломанной ногой.

15-го вернулся из Л<енингра>да, где начаты «Хищные вещи века». Борис на грани переезда на новую квартиру.

21-го сообщили, что нас приняли в ССП. До того надоело, что даже не радостно. От поздравлений тошнит.

Альманах, кажется, налаживается. Первый номер в производстве, для второго не хватает одной вещи — «светлой», чтобы уравновесить «В круге света» Громовой.

Были в ЦК с Громовой по поводу письма Ильичеву насчет кино. Отнесли к нам благожелательно, предложили организовать самостоятельно сотружество с киношниками. Первая встреча была в воскресенье, было 10 чел<овек>.

Сборник «ДР + ТББ» в производстве. Вчера зашел к Беле <Клюевой>, она получила из корректорской и, ругаясь, убирает idiotские пунктуации престарелой дуры-корректорши. А договора все еще нет — Мелентьев не подписывает, как говорят, большую накопившуюся кучу договоров.

Читаю «Братьев Карамазовых».

Ужасно поведение Днепрова. Держит себя как непререкаемый авторитет, все время размахивает именем ЦК, грозитя разными карами со стороны руководства, небрежно рассказывает, как беседовал с Ильичевым и Фурцевой, как ему предлагают руководство журналом и составление досье на фантастов. Брешет сукин сын! Не станет ЦК такими штучками заниматься! Ариадна хочет идти к одному товарищу из отдела литературы и искусства и попросить его разобраться в этом.

Вчера было «творческое обсуждение» фантастики и приключений за 63 год. Докладывал Ляпунов, председательствовал Тушкан. Очень грустно.

31 марта 1964 г. (вторник)

Нынче приехал из Л<енингра>да. Сделан черновой вариант «Хищных вещей века». Ленка прочитала и говорит, что очень уж похоже на Лема по 1-му лицу, по словотворчеству, по безнадежному кольцу, в котором кружит герой. Возможно, она и права. Но вообще всякая вещь о безнадежности попыток спасти об<щест>во будет тогда лемовидной. М<ожет> б<ыть>, выход для Жилина в том, что он начнет постепенно, по частям бить мир вещей? Не знаю. Ну да впереди полгода. Время подумать есть.

Сегодня бросил курить. Еще в поезде. В половине 1-го ночи будет 24 часа, как я не курю. И, право, уже лучше себя чувствую. Как-то бодрее и моложе, что ли...

История с регистром Альтова. Никто не желает принимать его всерьез. А мне жалко. Парень ведь горячо дерется.

Была верстка «ДР» в «Мол<одой> гвардии». Очень приятно видеть «ТББ» в печатном виде.

Звонила Ариадна, говорит, что в «Мол<одой> гв<ардии>» будет альманах — это славно. И еще: в Биб<лиоте>ке мировой фантастики 5 книг в год.

25 июня 1964 г. (четверг)

Многое произошло за эти три месяца. Май провел в Л<енингра>де, где писали и написали остальные две части СВД — «Ночь перед рождеством» и «О времени и о себе».

За этот месяц Травинский развелся со своей Таней <Калецкой>, женился на Обуховой и переехал в Москву писать книгу об Аттиле.

В «Знании» вот-вот выйдет первый, а может быть, и последний выпуск «НФ», где в моем переводе «Тоталоскоп» Абэ. Иида продолжает посылать мне номера SF, прислал также три книжки японских фантастов. Абэ прислал «Женщину песков».

Нас окончательно приняли в ССП. Борис даже получил уже книжку. Я еще нет. Леня звонить и идти.

«ТББ» должна выйти в июле, вот-вот. «Пионовый фонарь» тоже.

Ленка поступила неделю назад работать в редакцию к Жемайтису на место ушедшей в декрет Сони Митрохиной.

Имела место стремительная перестрелка по поводу фантастики — начата Громовой в начале мая и законченная Ревичем тогда же. Сейчас должна выйти статья Ревича против статьи Лукьянина в «Москве».

Настроение скорее хорошее. Правда, перепугался за маму, когда умер дядя Фаня <Литвинчѐв>. Очень жалко было дядьку, самый молодой из всех, добрый, веселый. Водка.

Вовсю разрабатывается «Библиотека мировой фантастики. XX век». Разрешение получено, в планах отражено, Крыска участвует. Возможно, будет подписное. Хорошо бы. Наш том, говорят, будет в 66-м году. Это еще не так скоро.

А вот что скоро — «ПНвС» и «ХВВ». Черновики обоих имеются. В последние три месяца года доделаем. «ПНвС» надо доделывать даже в сентябре.

Договор есть, аванс получен. Если Детгиз откажется, дадим в «Мол<одую> гв<ардию>». Беле Григорьевне, кажется, нравится.

Для «Библиотеки» делаю перевод «4-го ледникового периода», по 3 стр. в день.

В перспективе, видимо, будем писать «Паразитов», это о ворах разума, «Записки здравомыслящего» и «Кракена». И, конечно, «Службу на Пандоре» — о СИБе с Полем Гнедых во главе.

Над всем этим надо думать.

Ариадна вернулась из Ч<ехо->С<ловацкой> Р<еспублики> совершенно больная, едва может ходить.

Я сейчас с Крыской в Москве, а остальные на даче в Дунино, у Загорска. Хорошие там места, но не люблю село.

24 августа (понедельник)

В июле вышло ТББ и «Пионовый фонарь». Сегодня закончил перевод Абэ «4-й ледниковый период», сейчас понесу на машинку.

У нас:

«Тоталоскоп» — в «Знании».

Предисловие к Гансовскому — в «Знании».

«К вопросу о циклотации» — в «Уральском следопыте».

«Новый роман И. Ефремова» (статья) — в «Фантастике-65».

«Суета вокруг дивана» — в «Фантастике-64» и в «Московском комсомольце».

«Писатели и наука» — в «Воплях».

[Вычеркнуто:] «Выступление писателей» — в «Технике — молодежи».

Рассказ Азимова в сборнике фантастики.

22 октября 1964 г. (четверг)

Позавчера приехал из Алупки.

В сентябре писали ПНвС в Ленинграде.

5 ноября (четверг)

Сегодня уезжаем с Ленкой в Л<енингра>д. Ленка на праздники, а я — для окончания ХВВ.

Только что звонила Вера Николаевна <Маркова>, ей прислал открытку Корней Чуковский, хвалил перевод «Пионового фонаря», написал: «Аркадий Стругацкий — большой мастер». Это лестно.

Аркадий Стругацкий Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

1964

Прибыл 1.02 для писания ХВВ.

2.02. Составление плана

3.02. Составление плана. Был Нудельман.

4.02. Нач<ато> составление подробного плана по главам.

7.02. План готов. В новой квартире залило стены. Наталья сломала ногу.

9.02. Первые 5 стр. ХВВ.

10.02. 1-я глава.

11.02.

12.02.64. 2-я глава.

13.02.64.

14.02.64. Отъезд. Сделано 3 главы черновика ХВВ.

10.03.64. Вчера прибыл для ХВВ. Начало 4-й гл<авы>.

23.03.64. Сделано 8,5 гл<авы>. Переезд на нов<ую> квартиру.

Приехал 6.05.64. Уезжаю 7.06.64. Написаны черновики:

«Ночь перед рождеством»,

«О времени и о себе».

Жарко.

Жажду.

Ж...а.

Приехал 2.09.64. Работа над «ПНВС».

18.09. Пишется «Полным-полно попугаев».

19.09.64. Приступили к 4-й главе «Полным-полно попугаев».

25.09.64. Закончен ПНВС. Сегодня черновик — комментарий.

26.09.64. Отъезд в Москву. Закончен комментарий.

11.11.64. Прибыл 6.11.64. Делать ХВВ.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970

ЯНВАРЬ 64

2, четверг

1) К 17.00 к Ефремову.

3, пятница

2) В 10.00 приходит Юра Манин.

4, суббота

1) В 18.00 у Ариадны.

6, понедельник

1) Собрание в «Мол<одой> гв<ардии>».

8, среда

1) Рукопись у машинисток.

10, пятница

Разнести:

В «Знание» — сборник «СиП», книги Соколову и Малининой, один экз. «СВД» для альманаха, «Тоталоскоп».

В «Мол<одую> гв<ардию>» — «Тоталоскоп».

Коротееву: ПЛнПП, БЗЛ.

Смирнову: СВД дать почитать и КВоЦ.

[Вычеркнуто «В журн<ал> «Мол<одая> гв<ардия>» — КВоЦ].]

1) К 16.00 будет Ю. Манин.

11, суббота

1) К Ефремову: взять «From Here to Eternity», отвезти СВД, поговорить о ССП.

2) В «Знание» — сборник «ОСиП», книги Соколову и Малининой, экз. СВД и «Тоталоскоп». [Пункт вычеркнут.]

13, понедельник

1) К Жемайтису по поводу 4-томника зарубежн<ой> фанта<стики> и приключ<ений> [Пункт вычеркнут.]

2) В «Знание».

3) Статью для 1-го альманаха!

14, вторник

1) К Жемайтису к 12.00.

15, среда

Письма: в Одессу, японцу.

Подготовить список для редколлегии «Библиотеки мировой фантастики и приключений, XX век».

16, четверг

1) В 18.00 в Дом кино на совещание.

17, пятница

1) К 18.00 к Ефремову.

19, воскресенье

1) Встреча у Ариадны с Нудельманом по поводу предисловия.

20, понедельник

- 1) Отправить японцу письмо и книги.
- 2) К 15.00 в «Мол<одую> гв<ардию>».

21, вторник

- 1) Возможна встреча с Бисти.
 - 2) Возможен поход против Этингофа.
- С Бисти встретился. Отличные рисунки. Заказ на кибёси?

22, среда

Манин: Азимов, «1984».
 Нудель: Браун, «Consider Her Ways», «Триффиды».
 Абызов: Сборник фантастики.
 Брускин: два детектива.
 К Беле Григ<орьевне>?

23, четверг

- 1) Позвонить к Ключевой по поводу оформления.
- 2) Прибыть на суд Горбовского.

25, суббота

1) К Гуревичу — «Арагви», 4 каб<инет>, 19.30.

27, понедельник

- 1) 14.00 — руководство «Мол<одой> гв<ардии>» — об альманахе.
- 2) С утра к Малининой с черновиком статьи.

28, вторник

[Вычеркнуто: «1) Прием в ССП?»]
 1) 15.00–16.00 — приедут ребята из ДДК.

29, среда

- 1) Прием в ССП.

30, четверг

[Вычеркнуто «Отъезд в Л<енингра>д».]

- 1) К 11.00 в «Знание». Поруг<аться>.
- 2) В 12.00 встреча с «Уральским следоп<ытом>» (Крапивин).

31, пятница

Отъезд в Л<енингра>д.

ФЕВРАЛЬ 64**16, воскресенье**

1. Поговорить с Ефремовым по прибытии статьи об Альтове.
2. Сообщ<ить> Борису:
 - а) О статье Альтова, об ответе, о реакции Ефремова.
 - б) О положении в «Знании» с альманахом.
 - в)

АПРЕЛЬ 64**4, суббота**

Маршрут: Гослитиздат — Министерство на Орликовом — «Знание» — Главпочтамт (книга в Японию, письмо Ииде) — Детгиз — ЦУМ.

1. К И. Ефремову по вопросу о составе антологии.

5, воскресенье

К 13.00 у Ариадны встреча с киношниками; захватить с собой Исаю Лукодьянова.

6, понедельник

1. В Гослитиздат — отвезти верстку «Фонаря».
2. В «Мол<одую> гв<ардию>» — отвезти состав первой антологии.
3. В Детгиз — для секретных переговоров с М. М. <Калакуцкой>.

7, вторник

1. Выдача гонораров в «Знании». [Позже фломастером «Фига».]

9, четверг

- 14.30–15.00. Явится Харун <Рахим>.
21.00 — Лукодьянов и Гурфинкель.

10, пятница

В «Мол<одую> гвардию» по гонорар.
К 7.30 к Ревичу.

11, суббота

К 13.00 на диафильм. Макарова отставили.
У Соколовых?

12, воскресенье

1) Письма. Борису, Гуревичу и др<угим>.
2) Список подписной б<ibliote>ки для Детгиза.
Завтра будут звонить из «Воп<росов> лит<ерату>ры» на тему «Писатель и наука».
Наши размышления и наш опыт работы.

13, понедельник

1) Сборище в «Мол<одой> гв<ардии>». Не забыть дополнение Альтова, в тот же день написать ему письмо.
2) К 14.00 в Детгиз.

16, четверг

4 стр. Абэ.

[План на предстоящие дни]

3 стр. Абэ + 3 стр. Абэ + 4 стр. Абэ: 10 стр. в 3 дня.

19, воскресенье

1) В 12.00 позвонить А. Соколову.

21, вторник

1) К 13.00 к Жемайтису на совещание.
14.00, вестибюль, 6-й этаж.

22, среда

День рождения И. А. Ефремова.

23, четверг

1) Звонить Беле по поводу Аркадия Марковича Григорьева (французская фантастика) — Г-5-54-35.
2) Звонок Макарова.

25, суббота

[Рисунок девочки с бантиками.]

27, понедельник

- 1) Собрание фантастов.
- 2) Творческое обсуждение Тушкана.

29, среда

Пойти на вернисаж к Бисти.

30, четверг

- 1) К 10.00 в Гослитиздат для разговора с Клодтом по поводу кибёси.

ОКТАБРЬ 1964**23, пятница**

- 1) Завезти Нине Берковой рукопись ПНвС. [Пункт вычеркнут.]
- 2) Позвонить Риму <Парнову>.

24, суббота

- 1) 17.00 — Геннадий Васильевич (разгильдяй из «Дружбы народов»).
- 2) 11.00 — совещание редколлегии в «Мол<одой> гв<ардии>». Позвонить Ариадне, чтобы захватила ПНвС. Передал ПНвС Ревичу.

25, воскресенье

- 1) 17–18 — к Диляре <Оруджевой>. Зайти за Клюевыми.

26, понедельник

- 1) Сборище фантастов. Взять для Нины ПНвС.
- 2) Харун принесет аннотации на японцев к 10.30.

28, среда

- 1) Совет по фантастике. 17.30, ЦДЛ. [Позже: «Не будет».]

29, четверг

- 1) Сберкасса.
- 2) Занести Нине 2-й экз. ПНвС.
- 3) Гослитиздат — «Пион<овый> фонарь» и «Каппа».
- 4) К 15.00 в «Мол<одую> гв<ардию>» — разговор с Лубянским и Блиновым.

30, пятница

«Гамлет».

31, суббота

- 1) К Гурфинкелю.
- 2) 11.00 — сбор редколлегии в «Мол<одой> гв<ардии>». Отнести «Pan Satyrus».

[План на предстоящие дни]

Рецензия. «Pan Satyrus».
Рецензия. Сборник фантастики из «Знания».

НОЯБРЬ 1964**2 ноября (понедельник)**

- 1) Долг у Соколова.
- 2) Поход к Гуревичу.

3, вторник

- 1) Ауд<итория> 21. За долгом Соколова.
- 2) Поговорить с Ариадной.

4, среда

- 1) Сберкасса.
- 2) Билет в Л<енингра>д.
- 3) Детгиз. Заверить сберкнижку.
- 4) К Беле — по поводу «4-го ледникового».

5, четверг

- 1) Отъезд в Л<енингра>д. ХВВ.
- 2) Написать и отнести в «Знание» рецензии на рассказы.
- 3) Зайти в Ц<ентральный> Д<ом> Ж<урналиста> и достать сигарет.

[План на встречу в Ленинграде]

Записки здравомыслящего.
Служба на Пандоре.
Остров паразитов.
Дни Кракена.

ДЕКАБРЬ 1964

10 (четверг)

- 1) 19.00 — встреча в ЦДЛ со Спицыным и Петровым.
- 2) Вернуть ЧОМ-книги.
- 3) Письма Краковскому, Альтову, Войскунскому–Лукодянову.

11 (пятница)

- 1) 19.00. Встреча писателей с издателями <в> «Мол<одой> гв<ардии>».

12 (суббота)

- 1) [Иероглифами «День рождения»] Али <Лобановой> и Наташи <Замошкиной> в «Мол<одой> гв<ардии>». Шампанское. 15.00.

13 (воскресенье)

- 1) Меморандум для дирекции «Мол<одой> гв<ардии>».

[План на предстоящие дни]

- Начинать работу с Уиндемом.
Составление альманаха 3.

14, понедельник

- 1) Редколлегия «Мира приключений». Захватить ХВВ.
- 2) ХВВ в «Мол<одую> гв<ардию>».

15, вторник

- 1) Манин пишет статью. Сидеть и вдохновлять. 10.00–18.00.
- 2) 19.00. ЦДЛ, заседание Совета.

17, четверг

- 1) К 10.00 на Мосфильм.

18, пятница

- 1) К 12.00 придет Феликс Дектор.
- 2) Будет звонить Санович по поводу плана.

22, вторник

- 1) С 10.00 — <по> 14.00 жду Краковского.
- 2) В середине дня позвонить Замошкину на предмет знакомства с главредом.

23, среда

- 1) Ок<оло> 12.00 звонок от Гладилина.
- 2) Корресп<ондент> от «Веч<ерней> Москвы», 10.00.
- 3) Ок<оло> 12.00 звонок от Ревича — о встрече.

24, четверг

- 1). Зайти за деньгами.
- 2) Зайти к Нине.
- 3) К 17.00 встреча с украинскими кинематографистами.

25, пятница

- 1) 10.00 — придут с радио.

28, понедельник

- 1) Звонить к Биленкину. Предложить:
Яров «Основание цивилизации»,
А. Балабуха «Чудо св. Иллюзия»,
письмо Манина.
 - 2) Звонить в «Известия». Узнать, берут ли ПНвС.
 - 3) Звонить и зайти к Ревичу. 1) Абэ для рецензии. 2) Врезку для ПНвС, если отказались «Известия».
 - 4) Звонить к Ариадне: 1) благодарн<ость> за статью; 2) узнать, где «Сумма технологий».
- Открытку маме.

[План на предстоящие дни]

Срочно выяснить, как с «Тартессом»?

[Записи без дат]

- Г. Гор «Мальчик» — 60 стр. (2,5 а. л.) — у меня.
 В. Краковский «Второе пришеств<ие>» — 96 стр. (4) — у автора.
 Ю. Борев «Война и антимир» — 48 стр. (2) — у меня.
 Г. Альтов «Порт Камен<ных> Бурь» — 24 стр. (1) — у автора.
 А. Гладилин «Беспокойник» — 48 стр. (2) — у меня. 28.12 — в «Мол<одой> гв<ардии>».
 М. Ибрагимбеков «Крысы» — 24 стр. (1) — у меня.

- А. Балабуха «Чудо св. Иллюзия».
 Р. Яров «Основание цивилизации».
 О. Ларионова «Пока ты работала...».

[Последние 3 строки обведены справа фигурной скобкой с пометой «1 л. — у меня».]

- Ревич, Суровцев. Статья — 2 — еще не напис<ана>.
 С. Лем «Сумма технологий» — 1,5 — у переводчика.

Хроника. «На “фантастич<еских> понедельниках”» — 17 стр. — у меня.
Ю. Манин «Письмо читателя» — 7 стр.

Рецензии:

Томан «Созвездие Трапеции».

Днепров «Пурпурная мумия».

К. Абэ «Четвертый ледниковый период».

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Очередность работ на 1964 г.

1. ХВВ — март-сентябрь.

2. ПНвС — апрель-май.

3. Служба на Пандоре.

СИБ.

Биологическая война.

Первые люди на первом плоту.

На 31.01.64

Черный столб.

Фантаст<ика> 63.

Песенка о Коктебле.

Статья Нудельмана.

Кингсли Эмис.

Могучие возможности человеческого мозга заглушили и раздавили слабые пiski подсознания, которые управляют жизнью и поведением животного.

А если выделить?

НФ рассказ?

Начать ПНвС с главы, где описывается знакомство с Ойрой-Ойрой или с этим, в клетчатой рубашке.

стр. 324.

Когда цветут луга весны

И трель выводит дрозд,

Мы честной радости полны,

Бродя с утра до звезд.

На склонах

Зеленых

Случайно подберем

Мотив мы.

А рифмы

Придут к нему потом.

Герцен.

«Доктор Крупов».

«С того берега».

«Поврежденный».

Не перенести ли пробу слегка куда-нибудь вперед? Это даст возможность создать впечатление мировой угрозы.

Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок.

Достоевский (I, 385).

Иеросхимонах старец Зосима.

Повесть о существах, паразитирующих на чужом разуме. У самих нет ничего, кроме инстинктов, но разумные решения заставляют принимать тяжелых и неповоротливых «хозяев».

Как в US Army заменили пистолет 38-го калибра кольтом 45-го.

Во время покорения Филиппин Морохураментадос (Moro juramentados) — мусульманские племена *datu* вызывали добровольца-смертника, обвязывали ему половые органы сыромятным ремнем и выпускали на американцев с ножом. От страшной боли тот летел на американцев, и даже когда в него всаживали все 6 пуль из 38-го, он добирался до врага и убивал. Армия заказала пистолет, который сбивает с ног, даже если попадешь в мизинец. Так появился кольт 45.

Религия — лишь одна из разновидностей догм, удушающих мысль и инициативу. Сила религии — в ее 2-тысячелетней традиции, но не только (все подвиги государства связаны с понятием «за веру»). Главное — религия одновременно поставляет утешение нищим духом. Культивация нищих духом. А если взять аналогию? Другую догму. Скажем, ученый якобы открыл новый счастливый мир, но вход туда только тем, кто не сомневается. А на поверку — блеф.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1963–1965

Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения.

М I 1306.

Маркс и Энгельс «Из ранних произвед<ений>».

Маркс: «Экономическо-философские рукописи 1844 г.».

стр. 585 (Частн<ая> собственность и ком<муни>зм. Различные этапы разв<ития> ком<мунистических> воззрений...).

О счастье: ИнЛит № 2, стр. 148, 1961.

Самый упорный солдат — обманутый!

Сюжет: история швейной мастерской — не по Чернышевскому, а как это было на самом деле.

Румата: «За что я люблю ее? За что мы любим людей?»

Позвони, одиночество.

Мы, чай, тоже не мылом чешемся.

Он так любил рассказывать бородатые анекдоты, что временами казался пришельцем из прошлого.

«Человек есть животное двуногое, вечно алчущее, никогда не сытое». Чего алчущее, чем не сытое.

Языком-то зуба не вышибешь.
(Арата.)

Отправляют в будущее, чтобы узнавать. Он узнавал, и все так и делалось (оправдание можно найти любой нелепости). А он сидел в комнате.

А что, если докажут, что каждое наше движение сокрушает миры? Или что дельфины — разумны? Как себя почувствуют рыбаки?

Раскопай своих подвалов
И шкафов перетряси,
Разных книжек и журналов
По возможности неси.

— Нужны ли мы нам?

Речь обезьян была пущена на магнитофоне медленно и наоборот.

Черноземн<ая> н<аучная> ф<антастика>: все ученые — жулики.

К ПНвС: технику для экспериментов сотрудники делают сами. Очень долго и неумело. Кооперация с другими заводами основана на личных знакомствах.

— Много последнее время развелось правд: и художественная правда, и историческая правда, и наша, и правда жизни, и правда факта... Но есть еще одна: просто правда, то, что происходит на самом деле.

Все конфликты прежнего времени проходили под лозунгом: «Если враг не сдается, его уничтожают». Мы привыкли стрелять и бить морду, а сейчас? Кто сейчас враг?

Жизнь впереди пуста. Особых способностей нет. Рассчитывать на удовлетворение самолюбия в мировом масштабе не приходится. Стремиться не к чему. Почти все есть — и необходимое, и даже желанное. Зачем жить? К чему стремиться? Ради чего шевелить ногами, руками и мозгами? Эгоизму научены. А альтруизму научить не сумели. Никто в тебе не нуждается. Общество назначает цели: вести себя прилично, трудиться, быть благонравными, добропорядочными. Но это скучно! А сам придумать ничего не может: не хватает фантазии.

Опир из тех, кто устроился в жизни так удобно, что считает все благополучным. При том же образе жизни он согласился бы на фашизм.

ООН грызет Китай за подземные испытания. Представитель в ООН вяло отмежевывается.

Вопрос о трех желаниях: Опиру, девицам, мальчику и рыбарю. И бармену, и меценату.

Девочка в прическе à la Мадлен Габуа.

Жилин из тех людей, которые болезненно чувствительны ко всякому неустройству. Не может не мыслить крупными категориями.

— Что вы суетесь со своими мировыми проблемами, когда столько частных неустройств?

— Пока все не начнут мыслить мировыми категориями — все останется по-прежнему.

Два лозунга:

«Теперь вы свободны — развлекайтесь!»

«Теперь вы свободны — работайте!»

«Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...» Сент-Экзюпери».

Работают даже не из-за денег, а потому что так принято. Не работать неприлично. Вставить.

В ХВВ:

1. Модернизировать быт.
2. Реклама.
3. Полиция.
4. О Бубе начать разговор с первой главы.
5. Футбол.
6. Размышление: это общество обречено на вымирание.
7. Садизм и мазохизм как социальное явление. Гитлер (Сталин) разделили нацию на секущих и секомых, и все наслаждаются. Здесь нет генеральной идеи, и разделение происходит индивид<уаль>но: меценаты — садисты, рыбаки — мазохисты.
8. Колпак над инстинктами — это чувство юмора. Юмор — самокритика.

Вопрос о желаниях: спец<иальный> персонаж, ходит и с тоской у всех спрашивает.

— А я потерял такой случай.

Таксер:

— Хозяин вызовет меня на ковер.

— Положил стрелку (на спидометре).

«Фантазия позволяет человеку быть и наслаждающимся животным, и разумным существом».

Фрейд.

В ХВВ:

Общество больно. Слег сменится суперслогом. Я попытался придумать изящную аналогию и плюнул.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1964

28.06.1964. Воскресенье. Яркий солнечный день. Занимался любимым делом, лежал дома на диване и читал «В<ойну> и м<ир>». Был на Невском. Купил задачник по статэкономике и эту тетрадь. Смотрел игру СССР–ГДР — олимпийские. Наши позорно продули 4:1. Думал о ХВВ: нужен ли образ Жилина. Нужен. Иначе голый детектив с потугами. Вообще-то Жилин — бедняга. Ему бы быть циником — но воспитание не то.

Чувствует, что безнадежно, но считает, что обязан бороться, хотя и не знает как. Самые неприспособленные люди в истории.

Ехал обратно с толпами «отдохнувших». Какой кошмар! Измотанные, обгоревшие, еле держатся на ногах, многие пьяны. Густые слепые толпы. Толкаются, сцепляются. Ввалились четверо парней лет 15–16, пьяные. Придавили. Какой-то дядька зашипел было, но тут заметил, что их четверо. Один — длинный, тощий, с лицом убудка — принялся привязываться. Другие молчали, даже урезонивали, а один коротенький, вырожденец, совсем пьяный, хватал его за рот толстопалой грязной рукой. Все вокруг устало молчали, и не понять было, кому они сочувствуют. Потом тетка сцепилась с девицей лет 15–16. Станный разговор: «Может, попробуем?». — «Ну, попробуем»... — «Синяки...» — «Где уж тебе...» — «Еще заразишься». А у выхода из метро, как всегда, кучки парней, в черном и цветных рубашках, молчат, курят, сплевывают, озираются, хрипло хохочут. Как говорится в газетах: есть у нас еще отдельные, несущественные... Существенного вот не видно. Существенное спешит домой, спать. Удивительно: почему это именно несущественное так бросается в глаза. Обычно это бывает, когда несущественного больше!

29.06.1964. Сделал схему контроля репродуктора. Написал письмо Таньке. Купил билеты в Москву. Заказал под давлением Саши <Копылова> очки. Кинулись в чебуречную — очередь. Накупили жратвы и питались дома. От жратвы до жратвы. Кошмар. Очень хочется спать.

30.06.1964. Сделал схему подсчетов ΔE_i и $\Sigma \Delta E_i$. Спорил с Толей <Ефимовым> о его теории. По-моему, он создает спец<иальную> т<еорию> отн<осительнос>ти с другого конца. Скучал. Читал «Крокодил». Решал задачу о разделении колоды карт. Играл в волейбол до пупковой грыжи. Читаю эти записи и наслаждаюсь собственным ничтожеством.

1.07.1964. Спорил о том, что такое воспитательная работа: создание мировоззрения. Ездил на Невский, смотрел «Я шагаю по Москве». Н-да. Розовое, как «Возвращение». Фантастический фильм. Время действия — 30 минут.

2.07.64. «Как кажется, вся наша душевная деятельность стремится к тому, чтобы получать наслаждения и избегать неудовольствия, что она совершенно автоматически регулируется принципом наслаждения». На практике «я» следует принципу реальности, «кот<орый>, в сущности, тоже стремится к наслаждению, хотя и уменьшенному и отсроченному...» (стр. 146, 2). Фантазия позволяет человеку быть и наслаждающимся животным, и разумным существом.

— Вы не согласны со мной?

— Почти, — сказал я. Этот доктор был для меня ясен. Он так хорошо устроен, что оправдывает все наличное. Оправд<ает> фашизм. И еще что-нибудь.

— Вы верите в бога?

— Я верю в законы природы.

— Это одно и то же. Вы чувствуете себя подчиненным?

— Нет. Я свободен.

— Зачем же вы пришли ко мне? Вас тяготит свобода?

— Да.

«Классики в космосе».

Кафка.

Достоевский.
 Леонид Леонов.
 Лев Толстой.
 Колдуэлл.
 Сэлинджер.
 Эренбург.
 Шолохов. (Пейзаж. В апреле пески Марса зазеленели.)

Рассказы о парадоксах познания.

«Камилл» — наступил момент, когда НЕЧЕГО познавать. Наступил момент, когда НЕЧЕМ познавать. Мальчик: а зачем это вам нужно? Сыграем в казаки-разбойники.

Страна детей.

Остров, на кот<орый> почему-то забрасывает самых разных людей (фантаста — толку нет, никому не нужен; архитектора; ученого-медика и т. д.). Кое-кто избавился от обезьян. Герой — кораблестроитель и моряк. Опасность вторжения в мир, его хотят убить свои же. Потом приносит военного — генерала, на том и конец.

Пьеса: Вождь, главком, теоретик, претендент, невидимый, Иванов и Рабинович.

Человек, которого не было. На него ссылаются, у него есть враги и друзья. И вдруг кто-то им заинтересовался как личностью, и оказалось, что его нет.

«Как мы искали Пришельцев».

«Пришельцы есть! — сказал мудрец брадатый. —

Они, быть может, ходят между вами».

«Пришельцев нет!» — сказали кандидаты,

И академики кивнули головами.

[Рядом с «академики» написан вариант: «доктора».]

«Служба на Пандоре».

«Кракен».

«Записки здравомысл<ящего>».

«Забастовка ученых».

Поль Шошар — руководитель исслед<ований> при Высшей школе (Франция).

«Процесс выделения чел<ове>ка из животного мира — это... процесс возвышения мозга, создание органа, но сам человек начинает существовать лишь после того, как биолог<ическая> эволюция завершена. И с этого момента эволюция заменяется историей: больше нет никакого настоящего биол<огического> прогресса; прогресс заключается лишь в использовании свойств мозга»...

Люди еще не научились «извлекать все возможное из этого чудесного органа: в своем ненаучном эмпиризме йоги ушли в этом отношении дальше нас».

Не развивают полностью свои умств<енные> способности:

1. Дети, оторванные с рождения от чел<овечес>кого общения.
2. Дети-волки, пропустившие момент освоения речи.
3. Глухонемые.

4. Дети первобытных, кот<орые> после 5 лет уже не могут быть полностью приспособлены к нашей культуре.

Схема:

животное (управляемое инстинктами),
[стрелка вниз]

мутация, образование мозга, обладающего огромными потенц<иальными> возможностями обеспечения свободы.

«Самая совершенная и самая человеческая часть мозга, лобные доли, дает чел<ове>ку возможность суждения и управления, способность к истинной свободе, состоящей в открытии того, что должен делать чел<ове>к, чтобы быть полностью верным своей природе, отказываясь идти на поводу у естественных извращающих соблазнов, которые вернули бы его к уже пройденному этапу развития природы».

«Критерием соц<иального> прогресса... является прогресс человека, все лучше и лучше реализующего духовные возможности своей природы».

Опыт с шимпанзе, воспитанным в изоляции. Не знал, что делать с самкой, но самка его быстро научила.

Возражение. А если человек совсем не хочет использовать свой мозг все лучше и лучше? Если он не хочет свободы? Если ему наплевать, вернется он к пройденному этапу или нет?

[Обведено рамочкой:] Только воспитание.

Бриллюэн. («Развитие совр<еменной> физики», стр. 328.)

Мир как таковой человеку недоступен. Сознание (любое) познает комплекс: мир + воздействие познающего.

Фантастом, детка, быть не просто.
(Сначала — по сто.)

Сюжет должен быть неизвестен...
(Теперь по двести!)

Цензуру поводить за нос-то,
(Обратно по сто.)

Чтобы попервости не сести...
(Пора по двести.)

Скрипишь, выдумываешь мир тут,
(А, может, спирту?)

А где-то атомные лодки...
(Ну ладно — водки.)

Ракетой долбанут и — баста...
(По полтораста?)

Ни мира нету, ни фантаста.
(По полтораста.)

Вокруг сплошное идиотство,
(Продолжим по сто.)

А ты изволь и будь пророком.
(С томатным соком.)

И напорочествуй утопию
(Еще не допили?)

Всем этим юным педерастам.

(По полтора ста.)

Фантастом, детки, быть не просто.

(Согласен, по сто.)

Сюжет, идеи, трали-вали...

(Подзасосали!)

Где наша не распропадала!

(По двести — мало!)

Мы по натуре оптимисты.

(Давай по триста!)

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Глебу Воробьеву, Наталии Громовой, Константину Душенко, Владимиру Дьяконову, Юлии и Вадиму Казаковым, Юрию Флейшману, Стелле Хукер-Хаазе, М. Шехтману, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу

Беловой вариант не сохранился. Черновик второй и третьей части — в папке «Понедельник начинается в субботу». На его основе в 1992–1997 гг. С. Бондаренко с согласия БНС проводилось восстановление канонического текста повести.

Написано в 1963–1964 гг.

Первая полная публикация: М.: Дет. лит., 1965.

С. 3. <Заглавие> — см. записную книжку БНС 1962 г.: «Понедельник начинается в субботу» (нет времени для отдыха). До 1967 г. рабочая неделя в СССР была шестидневной, суббота была рабочей. Шутка Н. Свенцицкой, придумавшей это заглавие будто бы романа Э. Хемингуэя.

С. 3. *Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю.* / Н. В. Гоголь — цитата из гл. 3 повести «Нос».

С. 3. *Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня (...). Солнце садилось...* — Цитата из главы 2 «Капитанской дочки» А. Пушкина. Подробнее история этой цитаты изложена в послесловии А. Щербакова «Тридцать лет сплошного понедельника» к изданию «Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке», СПб: Terra Fantastica, 1992.

С. 3. *Крупные камни я пускал под колесо...* — **БНС**, онлайн-интервью от 27.04.2000: *Вопрос:* (...) я было заключил, что это опечатка в тех изданиях, которые я видел, а должно быть что-то вроде: «Крупные камни я ОБЪЕЗЖАЛ, А МЕЛКИЕ пускал под колесо». Однако и в «каноническом» тексте (...) тоже «Крупные камни я пускал под колесо». А что, все-таки, должно быть? *Ответ:* У нас просто описан единственно правильный способ проезда на автомобиле по сильно-каменистой дороге (каковых в Карелии 1961-го года было более чем много). Конечно, если камень можно ОБЪЕХАТЬ, его надо объехать. А если пространства для объезда нет? Пускать его между колес? Этот метод был испробован тоже и привел к последствиям, без малого катастрофическим. (В дальнейшем он, этот метод, получил даже собственное имя: «междукал».)

С. 3. *Вы нас не подбросите до Соловца?* — **БНС**, онлайн-интервью от 27.11.2010: *Вопрос:* Много бывал в Карелии и навсегда ее полюбил. Городок Соловец имеет какой-то конкретный прототип (может быть, карельский Олонец? или Повенец?) или это собирательный образ? *Ответ:* Я тоже много раз бывал в Карелии и тоже ее люблю. Соловец наш, конечно, образ собирательный и несколько фантастический. Но если отвлечься от деталей вроде НИИЧАВО, то «все так оно и было в начале 60-х».

С. 4. *Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?»* — Ленинградская табачная фабрика имени Клары Цеткин выпускала сигареты «Аврора» — дешевые сигареты без фильтра из крепкого грубого табака.

С. 4. *«Ну, откуда у меня машина! Это прокат».* — Во времена действия повести в СССР владение автомобилем в личной собственности было достаточно редким явлением. Услуги по прокату автомобилей впервые появились в СССР в начале 1960-х гг. **БНС**, онлайн-интервью от 19.07.2001: Каждый человек, имеющий права, мог вступить в договорные отношения с соответствующим «пунктом проката» и взять автомобиль на несколько дней или даже недель в свое исключительное пользование. Платить надо было как за время проката (сколько-то рублей в день), так и за намотанный километраж. Цен я уже совсем не помню, но они были вполне умеренные — заметно дешевле такси — и

вполне доступны для четырех-пяти младших научных сотрудников, которые брали машину в складчину. Просуществовал прокат вплоть до 1965 года, а может быть даже — до 66-го. Потом его закрыли — якобы из-за нерентабельности, но главным образом, я думаю, потому, что сняли Хрущева: прокат был сугубо его затеей. Хорошее было время — Первая (Хрущевская) Оттепель! Мы были тогда молодые, крепкие, здоровые и объездили на прокатных «москвичах» пол-европейского СССР: Прибалтика, Крым, Карелия, Украина, Белоруссия, Калининградская область — все было «наше»!

С. 4. ГАЗ-69 — впоследствии — УАЗ-69 — советский легковой автомобиль повышенной проходимости.

С. 4. «А перевод мы вам в два счета устроим» — имеется в виду перевод из одной организации в другую, избавлявший работника от многих бюрократических сложностей, связанных с увольнением и последующим трудоустройством на новую работу, и позволявший сохранить так называемый «непрерывный трудовой стаж» — важный фактор для начисления пенсии.

С. 4. Программисты — народ дефицитный... — Промышленный выпуск ЭВМ в СССР начался после 1958 года, тогда же появилась и профессия программиста. Программирование велось тогда почти исключительно в машинных кодах, и занятие носило в значительной мере черты искусства. Программисты были редки и ценились высоко.

С. 5–20. Лукоморье, изба на куриных ногах, дуб, кот, Наина, чудеса, сказки, песни, русалка — развернутая реминисценция «Руслана и Людмилы» А. Пушкина.

С. 5. Не полтинник же вам совать... — Не такая уж маленькая сумма: даже в конце 60-х в Ленинграде за 50 копеек можно было проехать на такси от Московского вокзала до Смоленского кладбища на Васильевском острове.

С. 5. Улица была прямая и широкая и называлась проспектом Мира. — Во многих городах проспекты и улицы Мира появились в 1957 г. (после XX съезда) и в 1961 г. (после XXII съезда и выноса тела Сталина из Мавзолея) взамен проспектов и улиц Сталина.

С. 5. Изба на куриных ногах — **БНС**, онлайн-интервью от 10.03.2004: *Вопрос:* (...) на вопрос о Бабе Яге прозвучало следующее — то, что ИЗБА, которая строилась в те времена на четырех столбах, окуривалась ДЫМОМ, так как это был какой-то древний обряд. Поэтому изба называлась на КУРЬИХ ножках. Но в сказках (в том числе и в Вашей ПНвС) мы встречаем избушку на КУРИНЫХ ногах. Объясните, пожалуйста, где здесь истина! *Ответ:* Истина, я полагаю, в КУРЬИХ ногах, а ноги куриные — более поздняя и, следовательно, вторичная выдумка. Мы взяли ноги куриные, во-первых, потому что это привычнее, а во-вторых — потому что смешнее. **Сост.:** См. также в т. 6 записную книжку БНС 1960–1962 гг.: «История архитектурных излишеств», гл. I. Курьи ножки».

С. 6. По здорову ли, баушка Наина свет Киевна! — На вопрос «По здорову ли?» в средневековой Руси полагалось отвечать: «Дай бог тебе здоровья на многие лета: по благодати Божией и твоей милости по здорову». Формула «по здорову ли» использовалась многими беллетристами, изображавшими «старое житье». Ср., например, в относительно близкой хронологически к ПНвС «России молодой» Юрия Германа: «По-здорову ли дошли, детушки? — спросил дед Мокий, радостно оглядывая статных, плечистых рыбаков...» (...) Отчество «Киевна», отсылающее, опять же, к временам «Руслана и Людмилы», встречается и у А. Н. Толстого, в «Хождении по мукам», которое будет цитироваться в ПНвС далее: «Елизавета Киевна». (Процитирован Живой Журнал О. Лекманова, сетевая ссылка: <http://alík-manov.livejournal.com/144955.html>)

С. 6. Атомium, Международная выставка в Брюсселе — сооружение А. Ватеркейна, спроектированное к открытию Всемирной выставки 1958 г. в Брюсселе, представляющее собой модель фрагмента кристаллической решетки железа, увеличенного в 165 миллиардов раз.

С. 6–7. А не надо ~ а позолоти ручку, яхонтовый... — Контаминация стандартной советской анкеты с цыганским гаданием.

С. 7. *Цыкать зубом* — ср. параллель в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам»: «Николай Иванович вытаскивал из портфеля пачку газет и принимался за чтение, поковыривая зубочисткой зуб; когда он доходил до неприятных сообщений, то начинал цыкать зубом, покуда Катя не говорила: «Николай, пожалуйста, не цыкай». (...) — ...Невероятно! — Николай, не цыкай. — Оставь меня в покое!» («Сестры», гл. 23); «Кто-то в тоске стал цыкать зубом» («Восемнадцатый год», гл. 7).

С. 8. *Наши пальчики устали: мы писали, мы писали...* — Школьная рифмовка, сопровождавшая разминку пальцев: «мы писали, мы писали / наши пальчики устали / мы немножко отдохнем / и опять писать начнем».

С. 8. *Наша любовь впереди*. — Слова из песни «Тучи над городом встали» (из к/ф «Человек с ружьем»), слова и музыка П. Арманды.

С. 9. *...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.* / А. Уэда — цитата из новеллы «Ночлег в камышах»; сборник Уэда Акинари «Луна в тумане» (М.: Гослитиздат, 1961). Перевод З. Рахима и А. Стругацкого.

С. 10. *БЭСМ* — Большая (или Быстродействующая) электронно-счетная машина.

С. 10. *Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьким бифштексам.* — **БНС**, 4.05.2008: Это была совершенно реальная поваренная книга издания примерно конца 20-х годов. Мама ею часто пользовалась. Называлась она «1000 рецептов» (или что-то в этом роде). Долгое время она «работала» и в моем новом доме, но лет 30 назад окончательно развалилась на отдельные листочки, и я ее выбросил. Увы. **Сост.**: Возможно, следующее издание: Уварова Е. Спутник домашней хозяйки. 1000 кулинарных рецептов с указаниями как готовить на примусе. — Л.: Госуд. тип. им. Евг. Соколовой, [1927]. Рецепт 381: «Соус пикантный. Влить в кастрюлю 1/4 стакана уксуса, прибавить 1 рубленую луковицу, 5 зерен перца (...). Подается к мясным блюдам — маленьким бифштексам, к почкам, к куриным котлетам, а также к крупной дичи и к жареной рыбе».

С. 10. *«Поддавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (...) и вечный слоеный сладкий пирожок...»* — приблизительная цитата из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души», т. 1, гл. 1.

С. 10. *Алексей Толстой, «Хмурое утро», «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (...), французским паишетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате».* — Цитата из главы 11 романа.

С. 10. *У Диккенса все едят устриц, орудуя складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом...* — Ср.: «Приключения Оливера Твиста»: «...ел ломоть хлеба с маслом, разрезая его складным ножом на куски величиной с собственный рот и проглатывая их с большим проворством» (гл. 5); «... в одной руке у него был раскрытый складной нож, а в другой — огромный кусок хлеба с маслом. Подле него стояла Шарлотт и раскрывала вынутые из бочонка устрицы, которые мистер Клейпол достаивал проглатывать с удивительной жадностью» (гл. 27). Перевод А. Кривцовой.

С. 10. *...я принялся цыкать зубом. (...) старуха (...) вдруг вошла ко мне в комнату.* — **БНС**, офлайн-интервью от 15.11.2001: *Вопрос:* ...какая связь между «цыканьем зубом» А. Приваловым и превращением Наины Киевны в услужливую хозяйку... *Ответ:* Подразумевается, что «цыканье зубом» управляет скатертью-самобранкой, лежащей на столе, и реализуется работа этой скатерти через посредство Наины Киевны. Как потирание известной Лампы реализует появление джинна — Раба Лампы — и того, кому принадлежит Лампа.

С. 11. *«Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши...»* — цитата из русской народной сказки «Ивашко и ведьма» (в обработке А. Афанасьева — «(...) наевшись!»).

С. 11. *Слон есть самое большое животное из всех живущих на земле. У него на рыле есть большой кусок мяса, который называется хоботом потому, что он пуст и протянут, как труба. Он его вытягивает и сгибает всякими образами и употребляет его вместо руки... (...)* Вино, употребляемое умеренно, весьма хорошо для желудка; но когда пить его слишком много, то производит пары, унижающие человека до степени несмысленных скотов. Вы иногда видели пьяниц и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымали... — Цитируется первая часть книги А. Беркена «Простое введение к познанию природы» (М., 1803). Перевод В. Кряжева. Первая цитата: «(...) на земле. Сила его чрезвычайна, но нрав его очень смирен; и он легко дает управлять собою по одному голосу человека. У него (...)», вторая цитата: «(...) для желудка, и укрепляет его; но когда пить его слишком много, то производит пары, помрачающие разум и унижающие человека (...)».

С. 11. *Тинктура экс витро антимонии (...) Магифтериум антимон ангелий салаэ. Бафилии олеум витри антимонии алекситериум антимониалэ!* — *Tinctura ex vitro Antimonii: Magisterium Antimon. Angeli Salae. Basilii oleum vitri antimonii, Alexiterium Antimoniale.* Именование методики № 103 из трактата С. Бланкара «Theatrum Chemicum» (Лейпциг, 1694). «Магифтериум», «бафилии» — неверное чтение слов «magisterium», «basilii», возникшее из-за особенностей начертания готической литеры «s». Angeli Salae, Ангелус Сала — немецкий химик, исследователь соединений сурьмы (антимония), труды которого использовал Бланкар.

С. 11. *Вскоре очи сии, еще отверзаемые, не узрят более солнца, но не попусти закрыться оным без благоутробного извещения о моем прощении и блаженстве... (...)* «Дух или Нравственныя Мысли Славнаго Юнга, извлеченныя из ноцных его размышлений» (...) *Чины, краса, богатства ~ А славы удержат не можно...* — Цитируется следующее издание: «Дух, или Нравственныя мысли славнаго Юнга, извлеченныя из Ноцных его размышлений; с присовокуплением некоторых нравственных стихотворений лучших российских и иностранных стихотворцов: Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, Томсона и других» (СПб, 1806; первоиздание — 1798). Перевод А. Андреева (с дополнениями) французской компиляции Жюли Карон по переведенному П. Летурнером сочинению Э. Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии». Прозаическая цитата — из гл. 8, «Дух Юнга». Стихотворная цитата — отрывок из оды М. Хераскова «Добродетель».

С. 11. *«Все — единое Я, это Я — мировое Я. Единение с неведением, происходящее от затмения света Я, исчезает с развитием духовности» (...)* *Изречения из «Упанишад»...* — цитируется издание «Основы Упанишад (Дух Упанишад). Сборник выдержек, афоризмов, изречений, текстов из «Упанишад», священных индусских книг» (СПб, 1909). Перевод под редакцией В. Синга.

С. 12. *...я указательным пальцем нажал на левый глаз. Это было старинное правило распознавания галлюцинаций, которое я вычитал в увлекательной книге В. В. Битнера «Верить или не верить?». Достаточно надавить пальцем на глазное яблоко, и все реальные предметы — в отличие от галлюцинаций — раздвоятся.* — В. Битнер в книге «Верить или не верить? Экскурсия в области таинственного» (СПб: Тип. П. П. Сойкина, 1899) в гл. 3 «Действительное и мнимое» приводит этот совет как устаревший, а в качестве способов, гарантирующих от ошибок и устраняющих возможность обмана, рекомендует использование технических регистрирующих средств — фотографии, фонографа.

С. 12. *«П. И. Карпов. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники» (...)* «Стих № 2»: *В кругу облаков высоко ~ Глаза светятся как день.* — М.–Л.: Госиздат, 1926.

С. 12. *Дубино-Княжицкий* — реальная дворянская фамилия.

С. 12–13. *Бывали-живали царь да царица. У царя, у царицы был один сын... (...)* «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин...» (...) «Эх ты,

поганое чудище, не уловивши бела лебедя, да кушаешь!» Потом, естественно — каленая стрела, все три головы долой, Иван вынимает три сердца и привозит (...) домой матери... — Русская народная сказка «Притворная болезнь».

С. 13. «Кря-кря, мои деточки! Кря-кря, голубяточки! (...) я слезой вас отпаивала... вернее — выпаивала...» (...) «Сладок кус не доедала!..» — русская народная сказка «Белая уточка».

С. 13. *Дасс им таннвальд финстер ист, / Дас махт дас хольтс, / Дас... мнэ-э... майн шатц... или катиц?..* — Цитируется немецкая народная песня. Текст приведен в монографии А. Веселовского «Историческая поэтика»: «Dass im Tannwald finster ist, / Das macht das Holz, / Dass mein Schatz finster schaut, / Das macht der Stolz». Перевод Веселовского: «Что в еловом лесу темно, / Это от деревьев, / Что мое сокровище хмуро глядит, / Это от гордости».

С. 13. «А в поли, поли, — пел он, — сам плужок ходэ, а... мнэ-э... а... мнэ-а-а-у!.. а за тым плужком сам... мья-а-у-а-у!.. Сам господь ходэ... Или бродэ?...» — Использована украинская колядка, восходящая к апокрифу о Христе: «А в поли, поли, сам плужок оре / А за тым плужком сам Господь ходе / Святыи Петро погоняе...»

С. 14. ...«Раскрытие преступлений» А. Свенсона и О. Венделя. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

С. 14. *Мне пришло в голову, что обычное интервью с дьяволом или волшебником можно с успехом заменить искусным использованием положений науки.* / Г. Дж. Уэллс — цитата из предисловия к сборнику «Семь знаменитых романов» («Вопросы литературы», 1963, № 9). Перевод М. Ландора.

С. 14. ...*сегодня... двадцать седьмого июля... сего года...* — Эта дата вместе с упомянутым ниже днем недели (пятница), а также тем фактом, что действие происходит после денежной реформы 1961 года и до издания ПНВС в 1964 году, позволяет датировать события 1962 годом.

С. 14, 48. *Вий; Хома Брут* — персонажи «Вия» Н. Гоголя.

С. 15. *Ибикус* — см. повесть А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», где термин объясняется как имя карты с черепом из гадательной колоды девицы Ленорман: «Символ смерти, или говорящий череп Ибикус».

С. 15. *Какой-то герой даже заклинал читателей держаться подальше от завесы, отделяющей наш мир от неведомого, пугая духовными и физическими увечьями.* — Отсылка к следующим словам из повести А. К. Толстого «Упырь»: «Любезный друг! Вы молоды и имеете пылкий характер. Послушайте человека, узнавшего на опыте, что значит пренебрегать вещами, коих мы не в состоянии понять и которые, слава Богу, отделены от нас темной, непроницаемой завесой. Горе тому, кто покусится ее поднять! Ужас, отчаянье, сумасшествие будут наградою его любопытства».

С. 15. *Я крутил ворот и смотрел на свой «Москвич».* — У Привалова был, видимо, малолитражный автомобиль М-407.

С. 16. *На последней реформе-та как погорела, а? То-то! А екатериновками? Сундуки оклеивала! А керенками-та, керенками! Ведь печку топил керенками...* — Последняя реформа — деноминация (уменьшение номинала в 10 раз) 1 января 1961 г.; обмен не был ограничен, но рыночные цены резко возросли (по некоторым оценкам примерно в 2,1 раза); екатериновки — купюры царской России достоинством в 100 рублей с портретом императрицы Екатерины II; керенки — народное название денежных купюр, выпускавшихся Временным правительством России в 1917 г. и Госбанком РСФСР в 1917–1919 гг., быстро обесценившихся и ставших никому не нужными.

С. 16. *Золотая Рыбка* — персонаж «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина.

С. 17. *Гэдээрловская курточка* — то есть куртка, сделанная в ГДР — Германской Демократической Республике, социалистическом государстве, созданном в 1949 г. в советской зоне оккупации Германии и просуществовавшем по 1990 г. Товары из соцстран обыкновенно были лучше советских по качеству и ценились выше.

С. 17. ...моих любимых джинсов, исполосованных «молниями»... — Джинсы в СССР были предметом острейшего дефицита, приобрести их можно было только за границей или у спекулянтов за огромные деньги; считались «стильной» одеждой.

С. 17. ...Паскаль: «Будем же учиться хорошо мыслить — вот основной принцип морали». — Положение Б. Паскаля, опубликованное в его посмертном сборнике «Мысли».

С. 18. *Чиж* — подвижная игра, разновидность лапты. «Чижом» называется также принадлежность игры, прямоугольный брусок длиной 20 см и шириной и высотой по 2–2,5 см.

С. 19. *Стиляга, папина «Победа»* — термины официальной пропаганды времен борьбы с молодежной субкультурой 1950–1960 гг. Источник обоих — журнал «Крокодил»: «Стиляга» — фельетон Д. Беляева (1949, № 7), «Папина “Победа”» — рисунок Б. Пророкова (1954, № 6).

С. 19. *Щит с надписью «Доска почета»* — в Советском Союзе стенды с именами и фотографиями передовиков производства располагались у заводских проходных, в вестибюлях организаций и учреждений, а также рядом с районными, городскими (как в Соловце) или областными органами власти.

С. 19. «*Козара*» — югославск. к/ф 1962 г., реж. В. Булаич.

С. 19. ...«искра — зверь, слона убьет, а ни шиша не схватывает...» — Ср. в т. 4 запись от 13.07 в записной книжке БНС 1960 г.: «Искра — зверя убьет, а ни хрена не схватывает».

С. 20. *Кто позволил себе эту дьявольскую шутку? Схватить его и сорвать с него маску, чтобы мы знали, кого нам поутру повесить на крепостной стене!* / Э. А. По — цитата из рассказа «Маска Красной Смерти». Перевод Р. Померанцевой.

С. 21. *Живая планета* — возможно, аллюзия на роман С. Лема «Солярис».

С. 22. *Репазгулярный скачок, феномен Тарантоги* — отсылки к роману И. Ефремова «Туманность Андромеды» и пьесе С. Лема «Путешествие профессора Тарантоги».

С. 24. ...*Ломоносов, скажем, схватил бы паспорт и выскочил в окно.* — **БНС, 10.06.2011:** Нам рассказывали, что когда Ломоносова (по пьяному делу) однажды арестовали, он отбил от стражников и бежал из участка. Впрочем, дело происходило в Европе, куда его, молодого, направили учиться. Откуда это лектор взял, не помню. Ссылки нет. **Сост.:** В основе — фактическое происшествие с М. Ломоносовым. Когда его, напоив, обманом завербовали в прусское войско, он однажды ночью бежал из крепости Вессель через дальнее окно, переполз крепостной вал, переплыл наполненный водой ров и перешел прусско-голландскую границу.

С. 24. *Неразменный пятак образца ГОСТ 718–62* — **БНС**, офлайн-интервью: 1) от 9.04.2010: *Вопрос:* Всегда интересовал вопрос неразменного пятака (...) Кто из братьев его придумал? Или он вообще был позаимствован откуда-то из мифологии? (...) *Ответ:* В русском фольклоре издревле наблюдается Неразменный Рубль. (У Лескова, кажется, есть даже роман с таким названием.) Было время, когда Неразменный Рубль был серьезной валютной единицей: на рубль можно было купить корову. Наш неразменный пятак — дальний родственник этого важного господина. Нам показалось, что это будет забавно: вечная монета, на которую купить можно разве что стакан газировки. 2) от 27.11.2010: *Вопрос:* (...) выбор обозначения стандарта пятака был случайным, или же «прототипом» ГОСТа на пятак являлась надпись на этикетке консервной банки со сгущенкой? *Ответ:* По-моему, мы использовали ГОСТ крышки, прошу прощения, унитаза. Впрочем, гарантировать ничего не берусь, — давно это было. **Сост.:** Неразменный пятак упоминается в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий».

С. 27. ...*граф Калиостро!* (...) по Толстому, *граф был жирен и очень неприятен на вид...* — Отсылка к рассказу А. Н. Толстого «Граф Калиостро».

С. 29. *Умклайдет* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.05.1999: *Вопрос:* Подскажите, пожалуйста, почему «умклайдет» из повести-сказки «Понедельник начинается в субботу»

и сценария «Чародеи» был назван именно так, а не иначе? *Ответ:* Насколько я помню, название это возникло так: я взял немецко-русский словарь, раскрыл его наугад и наткнулся на слово *umkleiden*. Звучание нам понравилось, мы поиграли этим словом так и сяк — образовался «умкляйдет». Никакого смысла в это слово мы не вкладывали. *Сост.:* *Umkleiden* означает «переодевать», а также «обивать, обтягивать» и «окружать».

С. 29–30. *Прямо передо мной неторопливо сконденсировался бледный, весьма корректный человек в превосходно сидящем сером костюме ~ Было исключительно приятно познакомиться с вами, — сказал незнакомец негромко. — БНС, офлайн-интервью от 17.01.2004: Вопрос: (...) в Изнакурнож Привалову является импозантный пожилой человек, который пытается «как-то нейтрализовать вредное влияние» и усыпляет Привалова. Больше в тексте на него прямых ссылок нет. Так кто же это? Кто-то из (без)действующих лиц — вроде Бальзамо или Жиакомо — или кто-то действующий, но не узнанный мной? Ответ: Это, надо думать, был Жиан Жиакомо. Когда мы писали первый вариант «Суеты вокруг дивана», большинства наших героев еще не существовало — даже в нашем воображении.*

С. 31. *«Устремив свои мысли на высшее Я, свободный от вожделения и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!» (...) «Бхагават-Гита»! (...) Песнь третья, стих тридцатый. — Цитируется следующее издание: «Бхагават-Гита, или Песнь Господня», Калуга: Типография Калужской Губернской Земской управы, 1914. Перевод А. Каменской и И. Манциарли.*

С. 31. *Чего ты орешь, как больной слон?* — Метафора принадлежит одному из школьных друзей БНС. См. в разделе публицистики т. 31 интервью «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое». Метафора использована также в ГО и ПП.

С. 31. *Синг-Синг* — тюрьма в г. Оссининг, штат Нью-Йорк, США.

С. 32. *Прозрачное масло, находящееся в корове, (...) не способствует ее питанию, но оно снабжает наилучшим питанием, будучи обработано надлежащим способом. — Цитируются «Основы Упанишад». См. примечание к с. 11.*

С. 32. *Нет, — произнес он в ответ настойчивому вопросу моих глаз, — я не член клуба, я — призрак. / — Хорошо, но это не дает вам права расхаживать по клубу. / Г. Дж. Уэллс* — цитата из рассказа «Неопытное привидение». Перевод А. Туфанова.

С. 32. *Алиса в Стране Чудес* — заглавие сказки Л. Кэрролла.

С. 33. *Китежград* — град Китеж упоминается в древнерусских источниках «Китежский летописец» («Книга глаголимая летописец...») и «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже».

С. 34. *Все они помолодели, пробыв час в воде, и вышли из нея такими же красивыми, розовыми, молодыми и здоровыми, сильными и жизнерадостными, какими были в двадцать лет. — Из письма АНС голландской славистке Стелле Хаазе от 14.01.79: «К сожалению, не могу Вам сообщить, откуда взята цитата «Все они помолодели...» и т. д. Тоже, конечно, не наше, а что-то из древнеримской литературы времен упадка империи». *Сост.:* Источник цитаты не обнаружен.*

С. 34. *Видел я сам, как, подобравши черные платья ~ Обе рыть и черного рвать зубами ягненка...* — Цитата из «Сатир» Горация (кн. 1, сатира 8, строки 23–27). Перевод А. Фета.

С. 35. *Откуда ты знаешь? ~ еще не вернулся.* — Фрагмент в первоизданиях был сокращен и изменен. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 37. *...соплеменных гор...* — Слова из «Спора» М. Лермонтова: «Как-то раз перед толпою / Соплеменных гор...»

С. 39, 83. *Суета сует; Всяческая суета* — Книга Екклесиаста: «...суета сует, — все суета!» (гл. 1, стих 2). Тот же церковнославянский текст: «...суета суетствий, всяческая суета».

С. 39. Среди героев рассказа выделяются один-два главных героя, все остальные рассматриваются как второстепенные. / «Методика преподавания литературы» — В. Голубков, указанное сочинение, раздел 2, 5, Рассказ, 7.

С. 40. *Всякие там другие души — пусть, но живой души чтобы ни одной.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 40. *...сбежал черт и украл луну. (...) в кино отражен.* — Мотив «Ночи перед рождеством» Н. Гоголя. Киноверсия — фильм 1961 г. «Вечера на хуторе близ Диканьки», реж. А. Роу.

С. 40. *Ойра-Ойра* — «Ойра-ойра» — распространенный в Восточной Европе народный танец, зачастую сопровождающийся одноименным возгласом. Реже — песня с таким же рефреном. В литературе упоминается, к примеру, в романах М. Арцыбашева «У последней черты» и Л. Лагина «Остров Разочарования». См. также в т. 9 письмо БНС от 17.01.65.

С. 40. *...директор института Янус Полуэктович Невструев...* — **БНС**, онлайн-интервью от 8.12.2007: *Вопрос:* Ответьте, пожалуйста, правда ли, что прототипом Януса в «Понедельнике...» послужил астрофизик Н. А. Козырев? *Ответ:* Нет. Прототипом Януса был скорее академик Михайлов, директор Пулковской обсерватории. По крайней мере, поскольку речь идет о чисто внешнем сходстве и о манере поведения. На Козырева уж скорее похож Кристоаль Хозевич. Но и здесь сходство, конечно, формальное, внешнее, а не по существу.

С. 41. *...возвращаясь однажды по большому коридору, услышал сзади мерное цок-цок когтей по паркету и, оглянувшись, обнаружил некое фосфоресцирующее животное, бегущее явно по моим следам. Правда, когда меня сняли с карниза, выяснилось, что это была обыкновенная живая собачка одного из сотрудников.* — **Сост.:** Можно ли отметить восхождение образа фосфоресцирующей собачки к страшному чудовищу Баскервилей? **БНС, 26.10.2003:** История собачки есть (слегка измененная и «юморизированная») реальная история одного сотрудника Эрмитажа, задержавшегося ночью в музее. Но там собака была — охранная, и сотрудник всю оставшуюся ночь просидел в знаменитой чаше, стоящей в вестибюле, — в какой чаше оказался необъяснимым образом (высота чаши метра 2,5–3).

С. 41. *Мертвые души* — аллюзия на заглавие поэмы Н. Гоголя.

С. 42. *...тогдашнего министра государственной безопасности...* — В первоизданиях фрагмент отсутствовал. Восстановлен из черновиков.

С. 42. *...при Алексее Михайловиче — царе Тишайшем его били батогами нещадно и спалили у него на голой спине полное рукописное собрание его сочинений...* — Ср. параллель в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Подхватили, поволокли на сруб. Там Емельян сорвал с него все, догола, повалил, на розовую жирную спину положил еретические книги его и тетради и поданной снизу головней поджег их... Так было указано в грамоте: книги и тетради сжечь у него на спине...» (кн. 1, гл. 5, глава 9).

С. 42. *Обезноздрен* — вырывание ноздрей предусмотрено в уголовном уложении 1649 года; применялось исключительно для отметки преступников и не рассматривалось как самостоятельное наказание. Заключалось в иссечении (откусывании щипцами) крыльев носа.

С. 43. *Много крови, много песней за прелестных льется дам* — строки романса П. Чайковского на стихи А. К. Толстого из поэмы «Дон Жуан» (ч. 1, сд. «Ночь. Гулянье у фонтана»).

С. 43. *Только тот достигнет цели, кто не знает слова «страх»...* — Песенка Альдемаро из постановки 1946 г. в Центральном театре Красной армии пьесы Лопе де Вега «Учитель танцев». Слова Т. Щепкиной-Куперник, музыка А. Крейна.

С. 43. *Я не терплю благотворительности* — ср. параллель в к/ф 1940 г. «Музыкальная история»: «Я не люблю благотворительности».

С. 43. *Амонтильядо, Толедо, Великий Инквизитор* — реминисценции рассказов Э. По «Бочонок амонтильядо» и «Колодец и маятник».

С. 43. *Некогда, в ранней молодости ~ пятой колонны в Испании.* — Фрагмент в первоизданиях был существенно сокращен. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 43. *Пятая колонна* — именование франкистской агентуры в тылу республиканцев. Приписывается генералу Э. Мола. В изложении Д. Ибаррури: «Предатель Мола сказал, что он бросит на Мадрид «четыре колонны», но только «пятая» начнет наступление. (...) «Пятая колонна» находится внутри Мадрида, и в первую очередь следует разгромить ее». В переносном смысле — любые тайные агенты врага. Популярности выражения способствовала одноименная пьеса Э. Хемингуэя.

С. 44. *Выбегалло (...) Был он циник, и был он дурак.* — **БНС**, онлайн-интервью от 6.09.2009: *Вопрос:* Уважаемый Борис Натанович. В LiveJournal коммюнити chto_chitat при обсуждении «Часа Быка» И. А. Ефремова один пользователь весьма уверенно заявил: «Кстати, Иван Ефремов изображен в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» как Федор Симеонович Киврин», и несколько далее: «а Выбегалло — Казанцев, а Хунта — Днепров...» Это чушь? *Ответ:* Не совсем. Федора Симеоновича мы безусловно (и с наслаждением!) писали с Ивана Антоновича, которого очень любили и уважали. Выбегалло, да, отчасти Казанцев, но еще в большей мере — товарищ (не будь к ночи помянут!) Трофим Денисович Лысенко. А вот между Хунтой и Толей Днепровым ничего общего нет. Совсем. У Хунты нет прототипа, как нет его, скажем, у Ойры-Ойры или Эдика Амперяна. **Сост.:** См. также в т. 10 в записной книжке АНС 1965–1966 гг. план выступления АНС на совещании в Комитете по печати в январе 1966 г.

С. 44. *Евгеника* — учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств. Ввиду ассоциации с нацистской Германией, в СССР евгеника была под запретом и обвинение в занятиях ею — почти политическим.

С. 44. *...боялись связываться.* — **БНС**, онлайн-интервью от 9.01.2011: *Вопрос:* Можно ли считать, что много раз подчеркнутая в ПНвС неспособность или нежелание главных героев бороться, или хотя бы поставить на свое место Выбегалло, это знаковый элемент в мировоззрении интеллигенции 60-х годов? («С Выбегаллой только связываться неохота...» как-то трусливо звучит...) *Ответ:* «Связываться с Выбегаллой» было не только противно, но и опасно. Почитайте о тех, кто связывался с прототипом Выбегаллы — академиком Лысенко. Это было время, когда научная дискуссия так легко и плавно перерастала в дискуссию идеологическую и политическую. Ахнуть не успеешь, и ты уже агент американского империализма, уволен с занесением в черный список и хорошо еще, если не «пострижен и посажен». Законы социалистических джунглей. **Сост.:** «Пострижен и посажен» — цитата из песни В. Высоцкого «Пародия на плохой детектив».

С. 44. *Режим экономии, увеличение оборачиваемости оборотных средств, связь с жизнью, связь с производством* — типичная фразеология советского официоза; для интеллигенции тех лет — образец лицемерия и демагогии.

С. 44. *Иов* — библейский персонаж, персонаж Книги Иова. Испытывая его веру, Бог посылал ему всяческие испытания, в том числе — многочисленные болезни.

С. 44. *Подшефный совхоз* — то есть совхоз, в котором работники промышленного предприятия или организации, учебного или научного учреждения (в данном случае — НИИЧАВО) обязаны были работать в качестве неквалифицированной рабочей силы по «разнарядкам» партийных органов.

С. 45. *...нес па?* — Большинство французских фраз Выбегалло заимствовано из романа Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 2, ч. 3, гл. 21.

С. 45. *...интенсивность шестнадцать микротопоров..* — Возможно, отсылка к шутке: один «топор» — это прокуренность воздуха, при которой платино-иридиевый топор весом один килограмм падает с высоты один метр в течение одной секунды.

С. 45. *Дивергенция, ротор, уравнение Стокса* — математические термины из теории поля (векторного анализа).

С. 46. *Брюки-невидимки* — см. в т. 5 письмо БНС от 11.04.61 и его записную книжку 1960–1962 гг.

С. 46. *«Счастливей всех шуты, дураки, существоглупые и нерадивые, ибо укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнью грядущих бедствий не терзаются, надеждой будущих благ не обольщаются»* — использован текст главы 35 «Похвального слова Глупости» Эразма Роттердамского: «...не лучше ли всего живет той породе людей, которые слынут шутами, дураками, существоглупыми, юродивыми (...) Укоров совести (...)». М.–Л.: Academia, 1931. Перевод П. Губера.

С. 47. *Вы спрашиваете: ~ Как у меня дорогу разузнала. (...) Кристофер Лог.* — Цитата из стихотворения «Эпитафия» («Иностранная литература», 1961, № 2). Перевод Л. Мартынова. См. также в т. 8 (1964) запись в записной книжке БНС 1963–1965 гг.

С. 48. *Не могу не вспомнить, дорогие сэры ~ однако Мерлин сделал так, что Пеллинор не заметил председателя...* — Реминисценция следующих фрагментов повести Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»: «Опять теми же самыми словами расскажет ту же самую древнюю скучную историю (...) — Кто он? — Мерлин, могущественный чародей и великий лжец. (...) Он так надоел нам своей единственной сказкой! (...) Он всегда рассказывает ее в третьем лице, делая вид, будто он так скромно, что не хочет прославлять самого себя. (...) Старик начал свой рассказ; и мальчик сразу же заснул по-настоящему; заснули псы, заснули придворные, заснули лакеи и воины. Однообразно звучал скучный голос, со всех сторон доносился мерный храп (...) Вот что рассказывал старик: / — ...Итак, король и Мерлин отправились в путь и приехали к отшельнику, который был добрым человеком и великим знахарем. Отшельник осмотрел раны короля и дал ему славные снадобья; и король прожил там три дня, и раны его исцелились; и они двинулись в путь. И в пути Артур сказал: «У меня нет меча». — «Не беда, — сказал Мерлин, — я добуду тебе меч». Они доехали до большого, глубокого озера; и видит Артур: из озера, на самой его середине, поднялась рука в белом парчовом рукаве, и в руке той — меч. «Вот, — сказал Мерлин, — тот меч, о котором я говорил тебе». (...) Возле Карлиона они встретили сэра Пеллинора; однако Мерлин сделал так, что Пеллинор не заметил Артура и проехал мимо, не сказав ни слова» (гл. 3); «Ступайте домой, Джон У. Мерлин, и принимайтесь за предсказания погоды. Здесь вам больше делать нечего. (...) я оставил его в бюро предсказаний погоды, — я хотел подорвать его репутацию» (гл. 23). Перевод Н. Чуковского. Процитированные слова Мерлина из главы 3 повести Марка Твена соотносятся с текстом главы 23 части 1 «Смерти Артура» Т. Мэлори.

С. 48. *...ночных бдениях на республиканской Лысой Горе...* — Слово «республиканской» в первоизданиях выпало. Восстановлено из черновиков в 1997 г.

С. 48. *...рука, мозолистая и своя...* — Контаминация строк песни «Красная Армия всех сильней» (музыка С. Покрасса, слова П. Григорьева) «Так пусть же Красная / Сжимает властно / Свой штык мозолистой рукой...» и «Интернационала» (музыка П. Дегейтера, слова Э. Потье, рус. текст А. Коца) «...Своею собственной рукой». Также возможно влияние перефразировки Б. Окуджавы в песне «Ванька Морозов»: «...и страсть Морозова схватила / своей мозолистой рукой».

С. 48. *...мозолистая и своя, и в той руке серп и молот.* — В первоизданиях фрагмент отсутствовал. Восстановлен из черновиков.

С. 49. *Я шел, спускаясь в темные коридоры и потом опять поднимаясь наверх. Я был один; я кричал, мне не отвечали; я был один в этом обширном, в запутанном, как лабиринт, доме. / Ги де Мопассан* — цитата из рассказа «Кто знает?» (ч. 2). Издание: Мопассан Г., де. Рассказы. — М.–Л.: Госиздат, 1927. Перевод П. Казанского.

С. 50. *Я совершенно убежден, что через десять-пятнадцать лет любой школьник будет лучше разбираться в общей теории относительности, чем современный специалист.* — **БНС**, офлайн-интервью от 13.11.2006: *Вопрос:* (...) «Я совершенно убежден (...) Для этого вовсе не нужно понимать, как происходит искривление

пространства-времени, нужно только, чтобы такое представление с детства вошло в быт и стало привычным». Встречались ли Вам такие школьники? Мне — нет. *Ответ:* Мне тоже. Тут Привалов проявил чрезмерный оптимизм. Но к тому идет! Подождем еще лет двадцать-тридцать, а там уж и посмотрим. Во всяком случае, интегралы и дифференциалы в школах уже, кажется, проходят. Или нет?

С. 50. *Генератор Ван де Граафа* — электростатический генератор, способный создавать высокое напряжение.

С. 51. *...реабилитированный вурдалак Альфред...* — В начале 60-х годов понятие «реабилитированный» было весьма значимым: в стране продолжался процесс реабилитации осужденных по политической 58-й статье, государство признавало факт массового осуждения безвинных. В первоизданиях слово «реабилитированный» было заменено на «вольнотпущенный». Восстановлено из черновиков в 1997 г.

С. 51, 96. *Конек-Горбунок* — персонаж одноименной сказки П. Ершова.

С. 52, 123. *«Молот ведьм»* — «Malleus maleficarum» — руководство по судебному преследованию и уничтожению ведьм инквизиторов Я. Шпренгера и Г. Инститора.

С. 53. *Длинная Берта* — или «Большая Берта» — немецкая 420-мм мортира.

С. 53. *«Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь»* — «Top Secret. Burn Before Reading» — заглавие рецензии в журнале «Панч» британского юмориста А. Герберта на книгу американского журналиста Р. Ингерсолла «Top Secret» (об англо-американских разногласиях в 1944–1945 гг.). Фраза часто цитировалась, в частности Р. Хайнлайном («Гражданин Галактики»).

С. 54. *Пиджин-англиш* — pidgin English — первоначально так называли торговый жаргон, использовавшийся англичанами в Китае, сейчас, как правило, под ним понимается любая искаженная или «локализованная» версия английского; слово pidgin считается китайским произношением английского слова «бизнес».

С. 54. *Ад-Амм, Э-Уа* — ироническая перефразировка библейских имен Адама и Евы; Книга Бытия (гл. 2, стих 25; гл. 3, стих 20).

С. 54. *Анацефал* — правильнее: анэнцефал.

С. 54. *На дверях синоптической группы уже появилась свежая надпись мелом (...). Каждое утро Мерлин (...) стирал эту надпись мокрой тряпкой, и каждую ночь она возобновлялась.* — Ср.: «Когда поднялась луна и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спине можно было ясно разобрать написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года в ночь, наступившую непосредственно после открытия памятника. И как представители полиции, а впоследствии милиции ни старались, хулительная надпись аккуратно возобновлялась каждый день». И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 2.

С. 54. *«Темна вода во облацех»* — церковнославянский текст Псалтири (псалом 17, стих 12).

С. 54. *У-Янус (...) не мог (...) сдержать неопределенной улыбки каждый раз, когда присутствовал на заседаниях семинара тифий и авгуров.* — По свидетельству Цицерона, древнеримские авгуры, зная истинную цену своим предсказаниям, втайне посмеивались над легковерием римлян и не могли удерживаться от смеха, встречаясь друг с другом («О гадании», 2, 24). Фактически Цицерон цитирует Катона Старшего.

С. 55. *...древнюю шестидесятеричную...* — Шестидесятеричную систему счисления употребляли шумеры и вавилоняне (2000–1500 гг. до н. э.), позднее — греческие и средневековые астрономы. Ныне шестидесятеричная система частично сохранилась лишь в измерении углов и времени.

С. 55. *«Большой слон», «Государственная дума», «Могила Наполеона»* — **БНС, 15.06.2011:** «Большой слон» и «Государственная дума» — вполне реальные пасьянсы. Так называла их мамина подруга, Лидия Семеновна <Капралова>, обучавшая меня этому великому искусству. «Большой слон», по моим поздним наблюдениям, иногда проходил в

народе под названием «Большая косынка». А «ГосДума» вообще, видимо, пасьянс из редких, — я не встречал более ни одного специалиста по этому варианту. *Сост.*: Пасьянс «Гробница Наполеона» известен также под названием «Колодец».

С. 56. *«Mercedes»* — здесь: арифмометр.

С. 56. *На четвертой стене некогда тоже висел какой-то портрет, но теперь от него остался только темный квадрат и три ржавых погнутых гвоздя.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г. Возможно, намек на практику, распространенную в СССР, когда портреты отстраненных от власти деятелей не только снимались со стен, но и зачастую вымарывались из ранее изданных учебников.

С. 56. *Гаки — голодный демон ада* — в японской мифологии — вечно голодные демоны, населяющие один из буддийских миров — Гакидо.

С. 57. *Раскопай своих подвалов / И шкафов перетряси, / Разных книжек и журналов / По возможности неси.* — См. примечание к с. 360.

С. 57. *Хочу тебя прославить ~ мерное биение твоего сердца... / У. Уитмен* — цитата из стихотворения «Локомотив зимой». Перевод И. Кашкина.

С. 58. *«Песенка Корнеева»* — использован «Веселый марш монтажников» из к/ф «Высота». Слова В. Котова, музыка Р. Щедрина. См. также в т. 6 «Сочинения времен ГАО».

С. 58. *Четвертная бутылка* — четверть ведра — 3,075 литра.

С. 58. *Мальчик-с-пальчик в сапогах* — контаминация заглавий сказок Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик» и «Кот в сапогах».

С. 60. *Скучно же ему там. / — Черт с ним, пусть скучает...* — Анекдот о дружных петушках, использованный А. Некрасовым в главе 7 «Приключений капитана Врунгеля».

С. 60. *Позиция «мартихор»* — *БНС, 15.06.2011*: Просто звучит красиво.

С. 61. *Престидижитатор* — фокусник, отличающийся быстротой и ловкостью рук.

С. 61. *«Рейнметалл»* — здесь: марка арифмометра.

С. 62. *Все имеющиеся в институте щиты ~ короля Артура.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 62. *Царица Савская* — легендарная правительница древнего царства.

С. 63. *...превращать воду в вино (...) накормить пятью хлебами тысячу человек.* — Отсылка к Евангелиям: от Иоанна (гл. 2, стихи 1–11) и от Матфея (гл. 14, стихи 16–21).

С. 63. *Труд превратил обезьяну в человека* — отсылка к заглавию работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

С. 63. *...что касается узких брюк и увлечения джазом, по которым одно время пытались определять степень обезьяноподобия...* — Гонения на «стиляг», начавшиеся на закате сталинской эпохи и продолжившиеся в период хрущевской «оттепели», включали в себя борьбу с мини-юбками, мужскими брюками-«дудочками», джазом, буги-вуги и другими «западными» танцами, прическами и т. п.

С. 63, 64. *В институте же регресс скрыть было невозможно. (...) со страхом замечал, что пушок на его ушах становится гуще.; ...с ушами, покрытыми жесткой серой шерстью...* — Ср. в т. 6 запись в записной книжке БНС 1960–1962 гг.: «Маг-кобель; каждый вечер кобелирует. К утру у него волосатые уши. Он бреет их. Старается очеловечиваться в работе».

С. 64. *Они носят корсеты ~ как пауки.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 64. *Они носят корсеты из драконьего уса, скрывающие искривление позвоночника...* — Возможная отсылка к роману М. Шагинян «Месс-Менд».

С. 64. *«Уравнения математической магии»* — пародируется название раздела математики «Уравнения математической физики».

С. 65. *Горе! Малый я не сильный; / Съест упырь меня совсем... / А. С. Пушкин* — строки стихотворения «Вурдалак» («Песни западных славян», 13).

С. 65–67. *Профессор Выбегалло кушал. ~ Он откусил еще кусок и захрустел.* — Восходит к эпизоду романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Я не буду говорить о том, как при каждом приеме пищи он высасывал молоко из 4600 коров (...). Кашицу ему подавали в огромном колоколе (...). Зубы у него были и тогда такие крепкие и сильные, что он отломил ими от этой посуды порядочный кусок...» (кн. 2, гл. 4). Перевод В. Пяста. **БНС**, офлайн-интервью от 28.02.2008: *Вопрос*: В пьесе Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу» (акт пятый, время действия — 31920 год) есть фрагмент, удивительно напоминающий историю с выбегалловским кадавром из «Понедельника». Совпадает и поведение, и внушенный этим созданием ужас и отвращение, и внешнее сходство со своим создателем, и даже то, что он лишь первый из «серии» творений. Разве что конец кадавра Выбегаллы чуть более зрелищен и впечатляющ, чем у Шоу. Мой вопрос — это совпадение, подсознательное заимствование или сознательное подражание? Вот этот отрывок [в переводе автора вопроса]: (...) А то, что произошло потом, было так мерзко, что я не могу описать это вам. Он хватал все, что попадет под руку, и тут же заглатывал. Он выпил все, что только было жидкого в лаборатории. Я пытался объяснить ему, что он не должен есть то, что не сможет до конца переварить и усвоить; но, конечно же, он меня не понял. Он усвоил лишь малую часть из проглоченного, а из остального в его теле образовались чудовищные отложения, от которых он не мог избавиться. Кровь его превратилась в яд, и он умер в страшных мучениях, воя. *Ответ*: Любопытная параллель! Вряд ли она возникла у нас осознанно. Я не уверен, что мы читали эту пьесу, а если и читали, то никак нельзя сказать, что она произвела на нас неизгладимое впечатление. Так что скорее всего это случайное совпадение, каких в литературе немало.

С. 66. *Тетанус* — здесь: оцепенение.

С. 67. *...и я с надеждой вспоминал ~ природных и магических закономерностей.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 68. *...ле фам, ле фам!..* — Вновь скрытая отсылка к роману Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 3, ч. 3, гл. 29.

С. 68, 69. *...экселент, эксви, шармант.; Он ди ке...* — Вновь скрытая отсылка к роману Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 2, ч. 3, гл. 15; т. 3, ч. 2, гл. 6.

С. 69. *Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно.* — «Движение абсолютно, покой относителен» — тезис диалектического материализма.

С. 69. *Оставим теорию лицам, в ней недостаточно подкованным.* — Фраза в первоиздания не вошла. Восстановлена из черновиков в 1997 г.

С. 69. *«Мы с милым расставались, клялись в любви своей...»* — «За дальнею околицей», слова Г. Акулова, музыка Н. Будашкина: «Мы с милым, расставаясь, клялись в любви своей».

С. 69. *Ля вибрасьён са моле гош этюн гранд синь! (...) Уи сан дот...* — Вновь скрытая отсылка к роману Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 3, ч. 1, гл. 6; т. 4, ч. 1, гл. 10.

С. 70. *...вопрос, от которого за версту разит мальтузианством, неомальтузианством, прагматизмом, экзистенцио... оа... нализьмом и неверием, товарищи, в неисчерпаемую мощь человечества.* — Перечисляемые Выбегалло научные и философские учения считались в СССР противоречащими государственной идеологии.

С. 71. *...заклученная в этом автоклаве, или, говоря по-нашему, в самозапиральнике...* — Намек на послевоенную кампанию борьбы с «низкопоклонством перед Западом», в процессе которой, в частности, происходили всевозможные переименования: «эклеров» — в «заварные пирожные с кремом», «французских» булок — в «городские» и т. п.

С. 71. *И она не будет ждать милости от природы. Она возьмет от природы все...* — Вариация крылатых слов И. Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» (из предисловия к третьему изданию книги «Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений»).

С. 71. *Амвросий Амбрузович, — сказал Ойра-Ойра. — А может универсальный потребитель ~ Не будем, — сказал Ойра-Ойра.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 73. *Верьте мне, это было самое ужасное зрелище на свете. / Ф. Рабле* — цитата из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. 1, гл. 27). Перевод В. Пяста.

С. 73. *Гигантопитек* — род крупных ископаемых человекоподобных обезьян. Найденные нижние челюсти и зубы гигантопитека значительно превышают по размерам человеческие.

С. 74. *...необходимые выражения на древнехалдейском.* — Халдеи — семитский народ, обитавший в нижнем Междуречье. Говорили на арамейском языке. Зачастую халдеями именовали магов, волхвов и гадателей.

С. 76. *Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим... между городом и деревней... между мужчиной и женщиной, наконец...* — Набор идеологических клише. Ср., например, слова В. Ленина из статьи «Великий почин»: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда».

С. 77. *Простые русские люди, простой человек, простые дубли, простой бывший Великий Инквизитор* — АБС иронизируют над штампом «простой советский человек» (вероятно, первое появление — в песне на слова В. Лебедева-Кумача «Советский простой человек»).

С. 77. *Кафолик* — устаревшая форма слова «католик».

С. 77. *Голос у него был мощный, ровный, как у джек-лондоновских капитанов.* — Возможная отсылка к персонажу «Мятежа на “Эльсиноре”» капитану Уэсту, голос которого автор сравнивает со звучанием трубы архангела Гавриила: «Могучие угрозы бури завывали в вантах, трепали канаты о стальные мачты, а там, где сплетались мириады тонких снастей, раздавался дьявольский хор пронзительного визга и свиста. И над всем этим диким хаосом звуков звенел голос капитана Уэста, как голос бесплотного духа, отчетливый, непередаваемо ясный, мягкий, как музыка, и мощный, как голос архангела, зовущий на страшный суд».

С. 78. *Я говорю, что жизнь — это белок, — возразил Эдик.* — Ср. дефиницию жизни Ф. Энгельса: «Жизнь — это форма существования белковых тел...» («Диалектика природы»).

С. 79. *...человек — это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона.* — **БНС**, офлайн-интервью от 29.12.2001: Фраза эта действительно взята из реальной беседы с Ильей Варшавским по поводу целей Природы и человечества. (Пародию на эту беседу я в свое время написал под заглавием «Мыслит ли человек».)

С. 80. *...уби нил валес, иби нил велис. Где ты ни на что не способен, там ты не должен ничего хотеть (лат.).* — *Ubi nil vales, ibi nil velis* — Где ничего не можешь, там и не желай ничего. Основное положение этики А. Гейлинкса, сформулированное в его трактате «Этика» (1, 2, 2).

С. 80. *А что надо делать? / — Обесточивать, гасить пожары и всем напоминать про трудовое законодательство.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 80. *Это будет вам стоить четыре часа машинного времени.* — Борьба за дефицитное машинное время на больших компьютерах — реалия научных учреждений 1960–1980 гг.

С. 80. *...шевалье (...) сан пёр э сан репрош...* — Вновь скрытая отсылка к роману Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 4, ч. 4, гл. 4. Источник выражения —

книга под этим названием, изданная в 1527 году и прославляющая рыцаря П. дю Террайля Баярда.

С. 81. *...ползет, заворачиваясь вовнутрь, край горизонта (...)* «А горизонт видел? Знаешь, на что это похоже?», «На свертку пространства...» — Ср.: Откровение Иоанна: «И небо скрылось, свившись как свиток» (гл. 6, стих 14), а также Книгу пророка Исаии: «И небеса свернутся, как свиток книжный» (гл. 34, стих 4).

С. 82. *Он ву демандера канд он ура безуан де ву.* — Вновь скрытая отсылка к роману Л. Толстого «Война и мир». В данном случае — т. 3, ч. 3, гл. 28.

С. 83. *Когда бог создавал время, — говорят ирландцы, — он создал его достаточно.* / Г. Бёль — цитируется главка «Когда бог создавал время...» «Ирландского дневника». Перевод С. Фридлянд и В. Нефедьева.

С. 83. *Итоговый перфоратор* — имеется в виду периферийное устройство ЭВМ для вывода на перфоленгу.

С. 83. *Прана* — одно из центральных понятий йоги: жизненная энергия, жизнь.

С. 84. *...с назначением на пост нового Президента АН СССР...* — С избранием в 1961 году М. Келдыша, сменившего А. Несмеянова на посту президента АН СССР в работе академии произошли глубокие преобразования. В частности, были освобождены от политических обвинений и восстановлены как научные направления генетика и кибернетика, созданы условия для развития новых разделов науки — молекулярной биологии, квантовой электроники и др.

С. 84. «*Смелее, товарищи! Щелкайте челюстями! Г. Флобер*» — цитата из повести «Искушение святого Антония» (гл. 7). Перевод М. Петровского (в части редакций перевода).

С. 84. *Чтобы остричь наголо Хому Брута, пришлось держать его вшестером, а лысый Вий при этом сидел в углу и обидно хихикал. Из-за того, что Хома Брут наговорил во время стрижки, дело передается в народный суд.* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 84. *Дрыгоножество* — неологизм В. Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин».

С. 85. *Принцип неопределенности* — Принцип неопределенности Гейзенберга, один из основополагающих принципов квантовой механики.

С. 86. *Анна Каренина, Дон Кихот, Шерлок Холмс, Григорий Мелехов, капитан Немо* — персонажи произведений Л. Толстого, М. де Сервантеса Сааведры, А. Конан Дойла, М. Шолохова, Ж. Верна.

С. 86. *Банахово пространство* — одно из основных понятий функционального анализа, названо в честь польского математика С. Банаха, одного из создателей этой области математики.

С. 87. *Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется вдоль него.* / Г. Дж. Уэллс — цитата из гл. 1 повести «Машина времени». Перевод К. Морозовой.

С. 88. *...отработал (...)* перевозчиком *(...)* а сейчас направляется *(...)* предаться стихосложению. — Восходит к мыслям К. Маркса о чередовании физического и умственного труда при коммунизме. См., например, «Капитал», т. 1, кн. 5, отд. 15, гл. 4. Стихотворное переложение В. Маяковского: «Землю пошатет, / попишет / стихи» («Хорошо!», гл. 19).

С. 88. *...под сень струй...* — Цитата из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Мы удалимся под сень струй...» (действ. 4, явл. 13).

С. 88. *То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде «дверь*

отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках». — *Сост.*: Ср. характерные цитаты из дилогии В. Немцова: «Дверь приоткрылась. (...) На пороге появился человек с миноискателем. (...) Парень стоял передо мной в расстегнутой шинели без погон и в кокетливо сдвинутой набок синей кепке» («Тень под землей»), «Открылась дверь у подъезда, и оттуда вышли Омегин в белом халате, с трубкой во рту и девушка в комбинезоне, шлеме и очках» («Аппарат “СЛ-1”»). *БНС*, 14.01.2007: Нет, это не Немцов, конечно. Это авторы высмеивают сам художественный прием (которым, кстати, и сами нередко пользуются).

С. 89. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в двигатель звездолета. — Возможно, отсылка к роману Г. Мартынова «Каллисто».

С. 89. Несколько мальчишек с томиками Шекспира, воровато озираясь, подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана. — Аллюзия на роман Г. Адамова «Победители недр».

С. 89, 91. ...здание, которое одни называли Пантеоном, а другие — Рефрижератором. (...) «Я хотела бы стать астральной пылью, я бы космическим облаком обняла твой корабль...»; ...я прыгнул вперед сразу на миллион лет. (...) ...звездолет в виде шара. (...) Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то старикан и ловил из аквариума золотых рыбок. — Аллюзии на роман А. Колпакова «Гриада» (М.: Мол. гвардия, 1960). Ч. 1, гл. 7: «Пантеон Бессмертия»; ч. 1, гл. 3: «Я хотела бы раствориться в бесконечности (...)». — Превратиться в астральную субстанцию, вечно следовать за «Уранией»; «Вместо эпилога»: «Неужели мы прожили по миллиону лет?», «...необыкновенный Голубой Шар, висящий над крышей Пантеона...», «Чуть смущаясь и делая вид, что он нас не замечает, поодаль стоит милый старикан Самойлов. Он бросает корм рыбам, плавающим в бассейне...»

С. 89. Железная Стена — *БНС*, офлайн-интервью от 14.11.2009: *Вопрос*: <является ли Берлинская стена первоисточником придуманного АБС образа Железной стены?> *Ответ*: Нет. Если Берлинская стена и маячила тогда в нашем подсознании, то решающего влияния никак не оказала. Мало ли «стен» на свете. Китайская, например. Или — Кремлевская. Кроме того, существовал же тогда на зубах навязший Железный Занавес. Чем не стена?

С. 89. Кого-то намеревались оживлять... — Отсылка к ч. 1 романа Г. Мартынова «Гость из бездны» (Л.: Лениздат, 1962).

С. 90. «Самопрограммирующийся кибернетический робот (...) меня сейчас расчленил!..» — аллюзия на рассказ А. Днепрова «Суэма», где «самосовершенствующаяся электронная машина» «вдруг посягнула на своего создателя» — захотела вскрыть его с помощью скальпеля («Уравнения Максвелла», М.: Мол. гвардия, 1960).

С. 90. <Прилет ржавой ракеты, призыв к освобождению братьев по разуму из-под власти кибернетического диктатора в Малом Магеллановом Облаке, стенающие персонажи> — Аллюзии на роман О. Бердника «Пути титанов»: «Весь корабль был ржаво-грязного цвета — очевидно, он прошел неизмеримые пространства» (глава-зачин «Гость из прошлого»), «Левее штурман увидел свой корабль — весь в ржавых пятнах» (ч. 2, гл. «Железный диктатор»); «Я верю также, что вы поможете братьям в системе Большого Магелланова Облака, сражающимся с чудовищным миром автоматов — результатом вырождения разума» (ч. 3, гл. «Завещание Джон-Эя»); «Проклятие! — простонал Георгий» (ч. 1, гл. «Антимир»), «Он застонал от боли, тихо позвал...» (ч. 2, гл. «Большое Магелланово Облако»), «Кто-то тихо застонал» (ч. 2, гл. «Железный диктатор»), «Штурман открыл глаза, застонал» (ч. 2, гл. «Бой в воздухе»), «Георгий застонал» (ч. 2, гл. «Неудача»), «Сначала шевельнулся Георгий, застонал» (ч. 3, гл. «Под сиянием голубой звезды»). «Мир приключений», кн. 7, М.: Детгиз, 1962. Перевод с украинского В. Доронина и А. Семенова.

С. 90. *Эозлла* — персонаж романа А. Казанцева «Внуки Марса» («Планета бурь») («Мир приключений», кн. 7, М.: Детгиз, 1962).

С. 90, 91. *На горизонте серебрились знакомые прозрачные купола, виадуки и спиральные спуски. (...) Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами. (...) осведомился он мелодичным голосом.; Славный это был мальчуган (...) но он показался мне слишком уж серьезным для своих лет.* — Аллюзии на роман И. Ефремова «Гуманность Андромеды»: термин «Спиральная Дорога», «...вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали...» (гл. 2), а также множество других упоминаний спирали; склонность автора к чрезмерному использованию слов, однокоренных с «серебрились»; «...объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами...» (гл. 9); «Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины...» (гл. 2), «Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса» (гл. 10); «Эрг Ноор вспомнил Рен Боза с его застенчивой мальчишеской внешностью, так не соответствовавшей величию его ума» (гл. 13).

С. 93. *...посмотреть умирающую Землю, описанную Уэллсом.* — См. гл. 14 повести «Машина времени».

С. 93. *...весомый и зримый хам...* — Контаминация слов В. Маяковского «...весомо, / грубо, / зримо...» (вступление к поэме «Во весь голос») и заглавия статьи Д. Мережковского «Грядущий Хам».

С. 95. *Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит за святочным подарком, или объявления о вакцине, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик.* / Ч. Диккенс — цитата из гл. 31 следующего издания романа «Посмертные записки Пиквикского клуба»: Собрание сочинений в 4 т. / Т. 1. — М.–Л.: Детгиздат, 1940. Сокращенный перевод А. Кривцовой («(...) или объявлений о вакцине (...)»).

С. 96. *От Севильи до Гренады* — строка романса П. Чайковского на стихи А. К. Толстого из поэмы «Дон Жуан» (ч. 1, сц. «Ночь. Гулянье у фонтана»).

С. 96. *...(писал Конек-Горбунок, проигравший в железку недельный овсяной паек Кощей Бессмертному).* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновиков в 1997 г. Железка, она же шмен — азартная игра.

С. 98. *«Сидел кузнечик маленький коленками назад» (...)* «Все гости расплзаются коленками назад» — фольклорная песенка, бытовавшая во многих вариантах. См. в т. 1 вариант песни в записной книжке АНС 1957–1958 гг.

С. 99. *Деритринитация* — термин АБС из произведений Полуденного цикла.

С. 99. *Оверсан* — термин из ПНА и «Стажеров».

С. 100. *Стелла быстро протараторила все, что мы успели сочинить. (...) Корнеев скомандовал: / — Расстрелять.* — Ср. цитату из повести А. Н. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус»: после исполнения куплетов Невзоровым «...пьяный офицер проговорил спокойно: — Расстрелять».

С. 100. *«Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим...»* — ЗИМ — Завод имени Молотова в г. Горьком производил с 1950 по 1960 гг. автомобиль представительского класса. Поскольку в 1957 г. В. Молотов был объявлен членом «антипартийной группы» и смещен с постов, завод был переименован в ГАЗ. В первых изданиях ПНВС редактор заменил ЗИМ на ЗИЛ (Завод имени Лихачева). В «Комментариях к пройденному» БНС указывает, что авторство стихика принадлежит его старинному и доброму другу Юрию Чистякову.

С. 102. *Ш. Холмс, Н. Пинкертон* — персонажи произведений А. Конан Дойла и анонимного детективного сериала начала XX века.

С. 104. *Эта бедная старая невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит.* / Р. Стивенсон — цитата из гл. 10 части 2 повести «Остров сокровищ». Перевод Н. Чуковского.

С. 105. ...в Мадриде в 1936 году за такие действия он приказывал ставить к стенке. — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г. Из этого фрагмента (а также из того, что он боролся с пятой колонной — см. выше) следует, что Хунта принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев.

С. 105. *Побрекито* — восходит к выражению «El pobrecito loco» — «Бедненький помешанный» (*исп.*). См. гл. 8 и 9 повести О. Генри «Короли и капуста». Правильное произношение — «побресито».

С. 107. *Кратер Ричи* — реально существующие кратеры на Луне и на Марсе, названы в честь американского астронома Дж. Ричи.

С. 107. *Драмба* — **БНС**, офлайн-интервью от 3.12.2000: *Вопрос:* (...) робот Драмба («Парень из преисподней»); Патрик из «Далекое Радуги» подсчитывает мощность по Драмбе; наконец, попугай Фотон(чик) («Понедельник...») в своем монологе также произносит свое имя собственное (...) что такое ДРАМБА, и откуда он в трех разных книгах? *Ответ:* Вы знаете, это, представьте себе, чистейшее совпадение! Ну нравилось авторам почему-то это звуко сочетание! И каждый раз вылетало у них вне всякой связи с предыдущими употреблениями. Так что никакого разумного-рационального-логического объяснения этому наблюдательному факту я предложить не способен.

С. 110. *Фактов всегда достаточно — не хватает фантазии.* / Д. Блохинцев — более полная цитата из статьи «Некоторые вопросы развития современной физики»: «...можно сказать, что фактов недостаточно, чтобы построить полную теорию, это вполне вероятно. Но с чисто профессиональной точки зрения теоретик и философ должны считать, что фактов всегда достаточно, а не хватает только фантазии» («Вопросы философии», 1959, № 10).

С. 110. *Других способов нет, что ли? Надавите на глаз. Или дайте диктофон постороннему человеку. Пусть прослушает и скажет, есть там запись или нет.* — См. примечание к с. 12.

С. 110. «Как ужасно мое представление!» — строка перевода С. Маршака «английской анонимной эпиграммы» «Про одного философа»: «“Мир, — учил он, — мое представление”. / А когда ему в стул под сидение / Сын булавку воткнул, / Он вскричал “Караул! / Как ужасно мое представление!”». В действительности это не эпиграмма, а анонимный лимерик: «There was a faith-healer of Deal / Who said, “Although pain isn’t real, / If I sit on a pin / And it punctures my skin, / I dislike what I don’t think I feel”». В книге В. Львова «Жизнь Альберта Эйнштейна» (М.: Мол. гвардия, 1958) можно обнаружить связь цитаты с термином «солипсизм», предшествующим ей в тексте ПНВС: «Солипсизмом, как известно, называется «система», утверждающая, что «существую только я» и что мир вокруг меня «только мое представление». Среди стихотворных переводов С. Я. Маршака можно найти такую, например, английскую сатирическую характеристику этой, с позволения сказать, философии: [следует текст перевода]» (ч. 2, гл. 13).

С. 111. *Благородное безумие* — восходит к фразе, приписываемой Н. Бору: «Ваша теория, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной».

С. 112. «Почему и от чего первым признаком отравления является посинение трупа?» — см. в т. 6 записную книжку БНС 1962 г.

С. 114. *Кому это нужно и кто это выдержит?* — Восходит к анекдоту: «Хаим, ты красишь яйца на Пасху? — А! Кому это надо и кто это выдержит!»

С. 115. *...зеленое море тайги.* — Строка песни «Главное, ребята, сердцем не стареть». Слова С. Гребенникова и Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой.

С. 115. *...замерцали экраны, загремели планетарные двигатели...* — Аллюзия на роман И. Ефремова «Туманность Андромеды»: «...мерцающий жемчужным отблеском полусферический экран...» (гл. 2), «Во мраке лишь слабо мерцал экран...» (гл. 7); «Загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз...» (гл. 3).

С. 116. *Вернемся к нашим попугаям.* — Вариация крылатой фразы из анонимного французского фарса «Адвокат Пьер Патлен»: «Вернемся к нашим баранам».

С. 116. *В тысяча восемьсот сорок первом году в семье небогатого помещика и отставного армейского прапорщика Полуэкта Хрисанфовича Невструева родился сын.* — **БНС**, офлайн-интервью от 15.09.2007: *Вопрос:* О возрасте Великих. Сколько лет «прямому» (не «обратному», то есть не контрамоту) Янусу Полуэктовичу? Если он действительно родился в 1841 году, не молод ли он для великого мага и ученого? Ведь остальные Великие намного его старше. Хунта родился как минимум в 8 веке (если общался с Карлом Великим), Киврин — как минимум в 16-м, даже зануда Мерлин полутора тысяч лет от роду. *Ответ:* Не возрастом определяется «величие», но ЗНАНИЕМ! А ведь Янус знает будущее.

С. 119. *Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них...* — **БНС**, офлайн-интервью от 6.04.2008: *Вопрос:* [Процитировано высказывание У-Януса] Можно ли сказать, что уже тогда АБС не были чужды эвереттике и действительно полагали возможным ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ разных Будущих? И как изменилась (если изменилась...) Ваша точка зрения на этот счет теперь? *Ответ:* Об эвереттике, натурально, мы и слыхом тогда не слыхали. Но ко всем этим (и подобным) выдумкам относились абсолютно несерьезно. Всегда. И сейчас я к ним так же отношусь — что к идее множества «ходов времени», что к контрамоции нашей, что к «параллельным пространствам». Игра развеселившегося воображения — и не более того.

С. 120. *...при изложении которой ухитрились допустить вдобавок достаточно примитивный логический ляп, причем не постеснялись приписать этот ляп своим героям.* — **БНС**, офлайн-интервью от 5.11.2004: *Вопрос:* По-моему, в «Понедельнике» есть некоторая ошибка. Янус, живший в обратном направлении, не мог встретить друга, который сказал ему, что он вчера умер. В таком случае он должен был знать этого человека максимум всего один день, ибо завтрашний день для обратного Януса последний. Я сам это с трудом понял, мне это объяснял на первом курсе мой препод по матанализу. Пришлось начертить на доске. (Хороша была физиономия моего математика, когда вошел проректор и увидел, чем это мы занимаемся во время урока!) Так что насчет Януса? *Ответ:* Вы (с преподам) совершенно правы. Логическая ошибка имеет место, что впервые отметил мой коллега по Пулковской обсерватории Дмитрий Евгеньевич Щеголев еще в конце 60-х. При переизданиях мы в основном тексте ничего менять не стали, но о существовании самой ошибки упомянули в «Послесловии» Саши Привалова.

С. 120. *Математики-программисты* — в начале 1960-х гг. практически все программисты были математиками, по крайней мере — по образованию. В дальнейшем, с углублением дифференциации профессий, математика перестала быть главной базисной специальностью для профессии программиста.

С. 121. *4. Несколько слов об иллюстрациях ~ за диффамацию, дискредитацию, дезинформацию и отрыв от.* — Абзац в изданиях 1966–1997 гг. (без иллюстраций) не включался. Восстановлен в 1997 г.

С. 122. *«Пекарь императора»* — чешск. к/ф 1953 г., реж. М. Фрич.

С. 123. *«Загадка Ришара Сэжюра»* — Ренар М., Альбер-Жан. Загадка Ришара Сэжюра (Le singe). — [М.:] Пучина, [1927]. Перевод под редакцией Н. Казмина.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хищные вещи века

Беловой вариант из папки «Хищные вещи века». На его основе в 1997 г. С. Бондаренко с согласия БНС проводилось восстановление канонического текста повести. На основании белового варианта и первых изданий повести редколлегией настоящего издания в 2013 г. был восстановлен авторский текст повести в месте, отмеченном в нижеследующих примечаниях.

Написано в 1964 г.

Первая публикация: одноименный авторский сборник М.: Мол. гвардия, 1965.

С. 124. <Заглавие> — слова из «Монолога битника» А. Вознесенского: «О, хищные вещи века! / На душу наложено вето...» (редакция сборника «Антимиры»). В некоторых изданиях эти строки были эпиграфом к повести.

С. 124. *Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы... / А. де Сент-Экзюпери* — цитата из неотправленного письма к генералу Х. (предположительно — Р. Шамбу), Уджда, июль 1943 г. К моменту написания повести Стругацких были опубликованы два близких перевода этой цитаты. Первый — в статье В. Тасалова «Капитализм и культура» (О современной буржуазной эстетике. Сборник статей. — М.: Искусство, 1963): «Есть только одна проблема, одна-единственная во всем мире. Вернуть людям их духовное значение, их духовные заботы...». Второй — в книге М. Мижо «Сент-Экзюпери» (М.: Мол. гвардия, 1963): «Существует лишь одна проблема, одна-единственная на свете. Вернуть людям духовную сущность, духовные заботы» (перевод Г. Велле).

С. 126. *...назначить свидание какой-нибудь киске...* — Фрагмент в первоиздания не вошел. Восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 126. *...чтобы он спрашивал меня про Быкова, про Трансплутон...* — Отсылка к «Стажерам».

С. 127. *Я читал одну книжку, и там было написано, что ее сочинили именно в отеле. Отель «Флорида». (...) в обстреливаемом отеле. (...) Хемингуэй...* — См. предисловие к книге «Пятая колонна и первые сорок девять рассказов» (в русском переводе: «Пятая колонна и первые тридцать восемь рассказов»).

С. 128. *Обязательно задёржитесь... (...) Вы просто не знаете, как у нас тут весело и ни о чем не надо думать.* — Ср. параллель в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»: «Можно вам позавидовать, что вы здесь остаетесь. Здесь так весело! Думать некогда!» (гл. 2, главка 7).

С. 128. *Круги рая* — инверсия кругов ада «Божественной комедии» Данте.

С. 130. *Спят и видят сны...* — Восходит к словам из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «Уснуть... и видеть сны?» (акт 3, сц. 1). Перевод Б. Пастернака.

С. 131. *Мимикродон* — реалия ПХХПВ.

С. 132. *«Хойти-Тойти»* — заглавие рассказа А. Беляева.

С. 132. *...остальное все моча.* — В первоизданиях выражение было смягчено до «зола». Восстановлено из черновики в 1997 г.

С. 137. *Аньюдинский интернат* — реалия ПХХПВ.

С. 137. *Хлыст* — хлысты, или христововеры — русское внецерковное религиозное течение (секта), самоназвание — «люди Божьи», «Христова вера». Наименование «хлысты» происходит от встречавшегося в их среде обряда самобичевания.

С. 137. *...похож на мускусную крысу Чучундру, (...) которая всю свою жизнь плакала, потому что у нее не хватало духу выйти на середину комнаты.* — Реминисценция сказки «Рикки-Тикки-Тави» из «Книги Джунглей» Р. Киплинга.

С. 138. *Как у моего знакомого бармена из Мирза-Чарле.* — Отсылка к «Стажерам». Населенный пункт Мирза-Чарле (написание топонима неоднократно варьировалось) расположен в северной части Туркмении (ранее — в Марыйской области Туркменской ССР). Упоминается также в вариантах ПНА и в ВГВ.

С. 140. *А в этом их году Весов ~ В марте он вместе с Дауге заканчивал исследования Аморфного Пятна на Уране...* — Ср. чуть измененный термин в «Стажерах»: «В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана».

С. 140. *Сначала я принял его за пришельца, затем подумал, что это курортник, которому прописаны особые процедуры, и только потом догадался, что это артик.* — **БНС**, офлайн-интервью от 7.06.2004: *Вопрос:* (...) Кто же они такие, артики? (...) **И**,

попутно, Иван этого самого артика принял за Пришельца. За кого именно? (...) *Ответ:* «Артики — это люди, объявившие войну всему естественному: воздуху, воде, солнцу, здоровью, — и ведущие себя соответственно. Об этом общественном уродстве Иван информирован заранее — артики встречались и в других странах мира. Фразу же о пришельце Вы восприняли слишком буквально. На самом деле Жилин шутил. Нервно». Также из ответа от 24.09.04: Артики — это люди, исповедующие исключительно «искусственный» образ жизни (дышать дымом, покрывать тело краской, избегать свежего воздуха и солнечного света и пр.).

С. 141. *Так это какой-нибудь еврей или поляк... (...) Головастый был еврей...* — В первоизданиях текст был заменен на «Так это какой-нибудь немец (...) Головастый был немец». Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 143. *Патлы сначала укороти, а то сидит как перш...* — **БНС**, офлайн-интервью от 24.09.2004: Кто такие перши, я, честно говоря, уже забыл. Тоже [То есть как и артики. — *Сост.*] придурки какие-то, неестественные.

С. 148. *Бункин* — бункин-но такасимада — японская свадебная прическа.

С. 149. *Во всяком случае, теперь по вторникам мы отдыхаем, как встарь, — по-настоящему.* — **БНС**, офлайн-интервью от 14.02.2007: *Вопрос:* сцена из ХВВ с обсуждением бесконечной мыльной оперы. Когда началась «Санта-Барбара», я был шокирован похожестью. Это у Вас получилась логическая экстраполяция, или информация с «той» стороны железного занавеса? *Ответ:* Нет, это было наше гениальное прозрение. :) Мы слышали, конечно, о «мыльных операх», но сверхсериалы, которые смотрит и жадно обсуждает вся страна, придумали самостоятельно.

С. 149. *Сын поссорился с отцом, и у него был друг, этакий неприятный человек со странной фамилией... Он еще резал лягушек. (...) Иван Сергеевич!* — Имеется в виду повесть И. Тургенева «Отцы и дети».

С. 150. *Эмпириокритик* — эмпириокритицизм — разновидность субъективного идеализма.

С. 151. *Неподалеку остановились два лощеных старца и принялись с жаром спорить о преимуществах фазана тушеного перед фазаном, запеченным с перьями. ~ Они сами были мастерами и не скрывали этого.* — **БНС**, офлайн-интервью от 21.12.2003: *Вопрос:* (...) два старичка (...) то были сотрудники ресторана на окладе, специально заманивающие клиентов в ресторан? *Ответ:* Без всякого сомнения! Именно они. Зазывали.

С. 151. *Какое-нибудь бледное вино к рыбе...* — Бледное (pale) вино — дегустационная характеристика, «с едва окрашенным, ненасыщенным цветом одежды».

С. 152. *Остановись, мгновенье, ты прекрасно!* — Установившаяся русскоязычная форма цитаты из «Фауста» И. Гете (ч. 1, сц. «Рабочая комната Фауста»). Ближайший перевод — А. Фета: «Когда воскликну я мгновенью: / «Остановись! Прекрасно ты!...»

С. 152. *...синтезаторы «Рог Амальтеи АК»...* — Возможно, шуточная контаминация мифологических Рога изобилия и Амальтеи, козы, вскормившей своим молоком Зевса.

С. 152. *...Ницше... Может быть, он годился для голодных рабов фараоновых времен со своей зловецей проповедью расы господ, со своими сверхчеловеками по ту сторону добра и зла...* — Упомянуты положения Ф. Ницше о «расе господ» и «расе рабов» (см. «К генеалогии морали»), о «сверхчеловеке» (см. «Так говорил Заратустра») и заглавие сочинения «По ту сторону добра и зла».

С. 152–153. *Любовь и голод. Удовлетворите любовь и голод, и вы увидите счастливого человека.* — Ср. с теорией профессора Выбегалло в ПНВС. «Любовь и голод правят миром» — установившаяся русскоязычная форма заключительной строки стихотворения Ф. Шиллера «Мировая мудрость».

С. 154. *Аутло* — от outlaw — закоренелый преступник, рецидивист, человек вне закона (англ.).

С. 154. *Нет худа без добра, сказала лиса, зато ты попал в Страну Дураков.* — Цитата из «Золотого ключика, или Приключений Буратино» А. Н. Толстого (гл. «Буратино попадает в Страну Дураков»).

С. 156. *«Врачу, исцелися сам»* — церковнославянский текст Евангелия от Луки (гл. 4, стих 23).

С. 156. *Кто-то, видимо, ножом глубоко вырезал печатными буквами незнакомое слово «СЛЕГ».* — **БНС**, онлайн-интервью от 26.04.2000: *Вопрос:* Было ли известно вам, в момент их написания, о существовании так называемых SLEDs? Sound-Light Entrainment Devices — технических устройств, воздействующих на ритм человеческого мозга. Их разработки как раз активизировались в середине нашего века. Или же сходство слов «слег» — «SLEDs» чисто случайно? (Тогда как придумалось слово «слег»?) *Ответ:* Очень интересная информация! Нет, ничего подобного нам известно не было. (Да я и сейчас ничего об этом не знаю). Слово «слег» было выбрано из двадцати или тридцати наугад придуманных, как самое противное «на вкус и на ощупь».

С. 156. *Стучись, значит, в любую дверь.* — «Стучись в любую дверь» — к/ф 1958 г., реж. М. Федорова.

С. 157. *Чушки* — **БНС**, онлайн-интервью от 25.12.2003: Это жаргонное словечко (придуманное авторами), означающее примерно то же, что и «ерунда», «глупости», «чушь». Всего-то навсего.

С. 157. *Я увидел книги ~ Никогда в жизни не видел полного Минца. Там были даже письма из эмиграции...* — **БНС**, онлайн-интервью: 1) от 26.09.2005: *Вопрос:* (...) почему в «Хищных Вещах» главный герой так кидается на книги на прилавке, неужели при коммунизме все еще существует книжный дефицит? Или это просто промашка авторов? А если так, как же ЦЕНЗОРЫ не заметили подобного поклепа на советский строй? *Ответ:* Во-первых, цензоры таки-да ЗАМЕТИЛИ поклеп, и у книжки были большие неприятности. А во-вторых, книжный дефицит на некоторые книги существует всегда и везде. Разумеется, это ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ дефицит — достать можно, но не вдруг и не везде (как давеча книгу Лоренса Гарднера «Чаша Грааля...» искали мне полгода по всей России добрые люди, спасибо им от всего сердца — еле нашли). Видимо, с собранием Минца у Жилина была такая же история, — это же было какое-то особенное издание, самой полное, откомментированное и т. д. 2) от 16.09.2006: *Вопрос:* Скажите, пожалуйста, какой именно Минц упоминается в «Хищных вещах века»? *Ответ:* Великий писатель и философ конца XX — начала XXI века. (Фантастич.)

С. 161. *Я подумал и рассказал про коммивояжера на верхней полке ~ только там фигурировал, кажется, не ирландец, а негр, и претендовал он на должность не садовника, а настройщика пианино.* — **БНС**, онлайн-интервью от 14.02.2007: *Вопрос:* ХВВ мне очень напоминает стилем, сюжетными ходами, персонажами и даже отдельными сценами «Прощай, оружие!» (сцена, где Жилин рассказывает анекдоты, ну о-о-очень похожа на такую же у Хемингуэя). Скажите, это у меня галлюцинации, или Вы действительно включили в ХВВ несколько аллюзий на Хэма? *Ответ:* Это вообще было время, когда мы все, молодые, почти поголовно подражали Хэму. Следы этого подражания легко обнаружить во всех наших повестях первой половины 60-х.

С. 162. *Хорошо тому живется, у кого одна нога...* — Один из вариантов частушки на мотив «Светит месяц...», сообщенный составителям **БНС 12.05.1996:** «Хорошо тому живется, у кого одна нога, / Сапогов не много надо и порточина одна».

С. 166. *Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, (...) искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок...* *Старец Зосима* — цитата и персонаж из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. 2, кн. 6, гл. 3). См. в этом томе запись в записной книжке АНС 1962–1965 гг.

С. 168. *Уайлд элегантнее Нивеля...* — **БНС, 23.06.2011:** Нивель — выдумка авторов. «Не сущ.» Подразумевается, конечно, что какой-то современный эстет, певец искусства

для искусства, бесконечно далекий от народа. *Сост.*: БНС цитирует статью В. Ленина «Памяти Герцена»: «Страшно далеки они от народа».

С. 170–172. <Сцена от слов: «Их было трое» до: «...проводами пьяного мимо ворот»> — Ср. параллель в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»: «...из переулка вышли трое в стрелецких колпаках (...). — А что? — злобно крикнул один, пьянее других. — Чего пугаешь? Знаем мы, откуда... (Другие двое ухватили его за плечи, зашептали.) Голова-то у тебя тоже на нитке держится... Погодите, погодите... (Товарищи уже оттаскивали его, не давали, чтобы он засучил рукав.) Не всех еще перевешали... Зубы у нас есть... (...) (Ему ударили по шее, — уронил шапку, — уволокли в переулок.)» (кн. 2, гл. 3, глава 4).

С. 174. «Ходить опасно» — церковнославянский текст Послания к Ефесеям (гл. 5, стих 15). Русский перевод — «поступать осторожно».

С. 175. *ОАР* — Объединенная Арабская Республика — объединенное государство Сирии и Египта, существовавшее с февраля 1958 по сентябрь 1961 гг.; после распада конфедерации Египет еще десять лет продолжал именоваться Объединенной Арабской Республикой.

С. 176. *Бадусан* — Badusan — торговая марка пен для ванн, производившихся в ГДР с 1958 г.

С. 177. *Пивной путч* — попытка государственного переворота, предпринятая А. Гитлером и его сторонниками в Мюнхене 8–9 ноября 1923 г.

С. 179. *Альзо шпрахт Римайер...* — Перефразировка заглавия книги Ф. Ницше «Also sprach Zarathustra» — «Так говорил Заратустра».

С. 196. *...вдруг удастся найти Человека...* — Аллюзия на апокриф о Диогене Синопском, искавшем Человека среди бела дня с фонарем в руках.

С. 198. *И она отмочила. Я даже глазами захлопал ~ На глазах у нее были слезы, а лицо было жалким, как у ребенка, которого нагло, грубо, жестоко, издевательски обманули.* — *БНС*, офлайн-интервью от 15.01.1999: *Вопрос*: Чем же так уела Жилина Вузи, что он «даже глазами захлопал»? Я понял только, что это как-то связано с Салоном Хорошего Настроения. Вероятно, какая-то скабрёзность. Неужели абсолютно непечатно? Или все-таки это «шкатулка», в которой ничего не лежит? *Ответ*: В этой «шкатулке» «лежит» только необходимость подчеркнуть ЧУДОВИЩНУЮ неприличность слова «слег» и всего, что с этим словом связано. Вузи — типичная современная девушка (пусть даже и «из хорошей семьи»), вогнуть в краску мужчину типа Жилина ей ничего не стоит, но вся ее развязность и «многоопытность» улечучиваются, когда речь заходит о слеге, — в этом суть эпизода. Что же именно она сказала Жилину? Да все что угодно — из лексикона женщин, когда они остаются одни — в родильном доме, в бане или в Салоне Хорошего Настроения.

С. 199. *В середине прошлого века Олдс и Милнер занимались экспериментами по мозговой стимуляции.* — См., в частности, следующую публикацию: Olds J. and Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 1954, 47, 419–427.

С. 199. *Ходили слухи, что кто-то ставил такие эксперименты на преступниках, приговоренных к смерти...* — *БНС*, офлайн-интервью от 26.04.2000: *Вопрос*: Известно ли вам что-нибудь об экспериментах по прямому стимулированию центра удовольствия (или его аналогов) в мозге человека? Многие знают, что животные, получив возможность жать кнопку, посылающую сигналы стимуляции в этот центр, не отходили от этой кнопки до своего полного истощения. Мне кажется, что подобные опыты наверняка проводились и на людях. Известно ли вам что-нибудь об их результатах? Грубо говоря — могли ли люди, в отличие от животных, преодолеть тягу к такой стимуляции? Если это вам не известно, то что вы предполагаете? *Ответ*: Мне приходилось слышать об экспериментах такого рода. Насколько я помню, люди, увы, мало отличались в этой ситуации от животных. Впрочем, это были зеки, причем — смертники. Чего ради им было отказываться от дарового

удовольствия? Слухам этим я не очень верю, источник был, что называется, с червоточинкой. Но думаю, что человек, в отличие от крысы, вполне способен преодолеть соблазн стимуляции. Не всякий человек, конечно. Но ведь и соблазн героя не всякий человек способен преодолеть.

С. 199. ...*Кингсли Эмис, узнав об опытах с крысами, написал: «Не могу утверждать, что это пугает меня сильнее, нежели берлинский или тайваньский кризис, но должно, по-моему, пугать сильнее». (...) автор «Новых карт ада»...* — Amis K. *New Maps of Hell: A survey of science fiction.* — NY: Harcourt, Brace and Company, 1960: «I cannot say that I feel more frightened by that than by any crisis in Berlin or around Formosa, but I think perhaps I should» (ch. 5). Перевод цитаты в ХВВ — А. Стругацкого. См. также в разделе публицистики т. 7 материал «Краткий обзор: Kingsley Amis. *New Maps of Hell*».

С. 200. *В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетий. ~ современный человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным.* — **БНС**, офлайн-интервью от 28.01.2011: *Вопрос:* (...) Что дало толчок к написанию «Хищных вещей»? Считали ли Вы проблему разрастания общества потребления актуальной на момент написания? *Ответ:* Проблема надвинувшегося вплотную Общества Потребления волновала нас чрезвычайно. Мы тогда еще верили в возможность Светлого Будущего (коммунизма) и понимали, что Человек Потребляющий (тогда он назывался — мещанин) есть главная препона на пути к этому миру. Нам казалось, что реально функционировавшая тогда у нас идеология совершенно не учитывает этого фактора, и написали ХВВ специально, чтобы доказать: одного только материального изобилия недостаточно, чтобы достичь коммунизма, — совершенно необходима огромная работа по воспитанию Человека-Творца. Если эта работа не будет проделана, вместо Человека-Творца возникнет Человек-Потребитель, и мир его будет миром хищных вещей. Официальная идеология такого принять никак не могла, ибо главным у нас считалось достичь матизобилия, и нам здорово надавали по башке в центральной прессе. Что и было для нас лучшим доказательством нашей правоты: уже тогда мы прекрасно понимали, что правят нами жлобы и невежды, для которых коммунизм есть общество, где народ радостно исполняет все постановления партии и правительства.

С. 200. ...*фантазия позволяет человеку быть и разумным существом, и наслаждающимся животным...* — <Благодаря фантазии человеку> «удаётся попеременно быть наслаждающимся животным и затем опять разумным существом». Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Т. 2. — М.–Пг.: Гос. изд-во [1922]. Лекция 23. Перевод М. Вульфа. См. также в этом томе выписку цитаты в записной книжке БНС 1963–1965 гг.

С. 200. *Уэллсовские марсиане, боевые тренажеры, тепловой луч* — реалии романа Г. Уэллса «Война миров».

С. 201. *Я затормозил. На том самом месте. Мне даже почудилось, будто потянуло гарию.* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.07.2009: *Вопрос:* (...) Та «заварушка». Это как в Испании? Потому что наряду с правительственными, скажем так, войсками, которые были супротив мятежников (а почему они — фашисты? А не просто путчисты? Как-то это «не сопляки из королевской гимназии и не уголовники из золотой бригады, а настоящие матерые офицеры-танкисты» слишком пестро), были своего рода интербригады, где и был Иван Жилин. Или все-таки Иван был там уже как работник спецслужб? *Ответ:* Не помню подробностей. Подразумевалась попытка силовиков всех мастей прекратить процесс разоружения и всеобщей разрядки. Иван там выступал как солдат интербригад. Как в Испании тридцатых годов 20-го века.

С. 201. *Бронетранспортер был набит ящиками с консервированным пивом. (...) Пек вскрывал банки ножом.* — **БНС**, офлайн-интервью от 24.12.2010: *Вопрос:* (...) сегодня всем известно, что у банок с пивом есть сверху кольцо, чтобы их легко было открыть без дополнительных инструментов (...) *Ответ:* ХВВ придумывалось и писалось в 63-м году. Мы тогда слышали, конечно, о «жестянках пива» и читали о них где-нибудь у Хемингуэя,

Стейнбека или Шекли, но в натуре этих «жестянок» не видели никогда. И думали, что они похожи на наши консервные банки с тушенкой или фасолью. Смешно. **Сост.:** Фактически первые банки с ключом-кольцом были запатентованы Э. Фрейзом в 1963 году.

С. 209. *Он не успеет. ~ уже не нужно будет оружие.* — Фрагмент в первоизданиях был существенно изменен. Восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 210. *И напрасно вы ссылаетесь на великих революционеров. Они бы не приняли ваш лозунг: теперь вы свободны, развлекайтесь. Они говорили иначе: теперь вы свободны, работайте. Они ведь никогда не дрались за изобилие для брюха, их интересовало изобилие для души и головы...* — Ср. в этом томе запись в записной книжке БНС 1963–1965 гг.: «Два лозунга: “Теперь вы свободны — развлекайтесь!” “Теперь вы свободны — работайте!”» В изданиях с 1996 г. фрагмент отсутствовал. Восстановлен БНС в 2011 г.

С. 216. *Ясно даже и ежу...* — Цитата из стихотворения В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий», 1: «Ясно даже и ежу — / Этот Петя был буржуй».

С. 217. *Чем же таким ваш мозг отличается от мозга Рабле, Свифта, Ленина, Эйнштейна, Макаренко, Хемингуэя, Строгова?* — В изданиях 1996–2012 гг. фамилии Макаренко и Хемингуэя выпали из авторского перечня. Восстановлено редколлегией настоящего издания в 2013 г.

С. 217. *Только я хочу помогать вам, а вы не хотите помогать мне...* — После этой фразы в первоизданиях следовал большой фрагмент, удаленный БНС в 1997 году. Последний абзац повести в первоизданиях также был значительно обширнее. **БНС**, офлайн-интервью: 1) от 24.10.1998: *Вопрос:* (...) Почему в последнем издании «Хищных вещей века» (Миры братьев Стругацких) в повести отсутствуют последние страницы (эпилог) (...) признание того, что (...) эпилог, где Рюг и Лэн собираются ехать в Гоби, Жилину действительно «приглючился». *Ответ:* «Хищные вещи» чуть не вылетели вон из издательства «Молодая гвардия» (по идеологическим мотивам) в 1965 году. Чтобы спасти вещь, мы вынуждены были сделать там ряд «оптимистических» и «идеологически выверенных» вставок. Эти вставки я выбросил при последнем издании романа. В издательстве «Терра Фантастика» роман выпущен в своем первоначальном виде, в каком он сошел с нашей машинки в ноябре 1964 года. 2) от 12.04.2000: *Вопрос:* Неужели такой прекрасный фрагмент «Хищных вещей века» — про будущих педагогов и воспитателей, которые снимут последнее проклятие в самой бескровной и самой трудной войне, — возник лишь в качестве «прикрытия», как результат давления редакторов? *Ответ:* Представьте себе. Авторы отнюдь не считали этот фрагмент «прекрасным». Они относились к нему как к неизбежному злу и вынужденной залипухе. Авторы полагали, что нарисованная в ХВВ проблема настолько серьезна и опасна, что не терпит простых и наглядных решений. Сто лет, и ни поколением меньше. А скорее всего, еще дольше. И никаких реально существующих педагогов на горизонте...

Варианты рукописей и изданий

«Понедельник начинается в субботу»

С. 218. *...со всеми его онерами...* — То есть «со всеми атрибутами».

С. 218. *Белка и Стрелка* — собаки, первые животные, совершившие орбитальный космический полет и живыми вернувшиеся на Землю.

С. 218. *...где здесь нужник...* — Цитата из статьи А. Пушкина «Воспоминания. Державин». Также приведено Ю. Тыняновым в романе «Кюхля» (глава «Бехелькюкериада», главка 5).

С. 219. *Доктор Фауст* — персонаж средневековых немецких легенд, а также романов К. Марло, И. Гете, Т. Манна и др.

С. 220. «Я человек, т. е. животное, и все животное мне, к сожалению, не чуждо» — контаминация афоризмов Теренция «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» («Самоистязатель») и Акутагавы Рюноскэ «Человеческое, слишком человеческое — большей частью нечто животное» («Слова пигмея»).

С. 221. *Антр-нужник* — шуточная контаминация франц. выражения «антр-ну» (entre nous — между нами) и слова «нужник».

С. 223. ...*мага на распределении. У него перебивают студента п/я.* — То есть представители «почтовых ящиков» (секретных предприятий и институтов) переманивают у мага перспективного студента.

С. 230. *Может, как у Кафки? «Приехал, получив назначение в Учреждение».* — Отсылка к роману Ф. Кафки «Замок».

С. 230. «Сказку сделать былью» — цитата из «Марша авиаторов» («Авиамарш»), музыка Ю. Хайта, слова П. Германа.

С. 231. *Голубиная книга* — или «Глубинная книга» — восточнославянский народный духовный стих конца XV — начала XVI вв., в котором даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, а также географические и естественнонаучные сведения.

С. 231. *Храните деньги в сберкассе.* — «Храните деньги в сберегательной кассе!», «Летайте самолетами “Аэрофлота!”» — широко распространенные в СССР «рекламные» лозунги. Фактически же ни сберегательным кассам, ни «Аэрофлоту» альтернативы не было.

С. 237. *Теория опознания образов* — в 1950–1960-е гг. эта теория (в современной терминологии — «теория распознавания образов»), традиционно считающаяся частью проблемы Искусственного Интеллекта, получила математическое обоснование, но в силу недостаточного развития вычислительной техники того времени практически воплощена была значительно позже.

С. 239. *Фотончик, кроме прочего, еще говорил: «Дер-р-ритринитация!.. (...) Зер-ротр-ранспор-ртейин!..»* — Термины из ПХХПВ, ПКБ и ДР.

С. 239. *Восьминогий заяц* — отсылка к рассказу из «Приключений барона Мюнхгаузена» Р. Распе.

С. 240. ...*запуск ракеты «Атлас» с мыса Кеннеди...* — «Атлас» — тип американской ракеты-носителя; мыс Кеннеди — именование мыса Канаверал во Флориде в 1964–1973 гг., место расположения космодрома.

С. 241. *Эскуриал* — или Эскориал — дворец и резиденция королей Испании.

С. 242. *Ответ вам будет дан сейчас же без всяких обиняков и лишних слов: голодный желудок ушей не имеет, голодное брюхо — глухо.* / Ф. Рабле — цитата из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. 4, гл. 63). Перевод В. Пяста.

С. 242. *Головы аллигаторов на ногах косуль, совы с змеиными хвостами, свиньи с мордой тигра, козы с ослиным задом, лягушки, мохнатые, как медведи, хамелеоны ростом с гиппопотамов, телята о двух головах...* / Г. Флобер — цитата из гл. 7 повести «Искушение святого Антония». Перевод М. Петровского (в части редакций перевода).

С. 242. *Путешественник по Времени (так приходится его называть) рассказывал нам самые странные вещи.* / Г. Уэллс — зачин романа «Машина времени». Перевод К. Морозовой (в части редакций перевода).

«Хищные вещи века»

С. 245. *Темный ум, холодная мысль, мелкие цели. Такие они были — оборотни нашего мира.* / К. Саймак — цитата из главы 34 романа «Time is the simplest thing».

С. 246. *Бинокль был двадцатикратный, широкоугольный, с отлично исправленной оптикой.* — Исправленная оптика — система линз, обеспечивающая уменьшение линейных искажений по всему полю зрения прибора.

С. 246. *Комариная плешь* — **БНС, 18.08.1996**: Довольно распространенное выражение, когда речь идет о чем-то маленьком, несущественном. **Сост.**: В аналогичном значении использовано в ХС, в ином значении — в ПНО.

С. 255. *Но пассаран!* — исп. ¡No pasarán! — «Они не пройдут!» — политический лозунг, выражающий твердое намерение защищать свою позицию. Во время Гражданской войны в Испании его использовала Д. Ибаррури, сделав эти слова одним из символов антифашистского движения.

С. 264. *«Зной и смрад стоят в тени этих чернорабочих драконов (...) Они живут все под собою — старую монгольскую кумирню и кости двугорбого животного, павшего когда-то в песчаной буре...»* — Цитаты из романа Л. Леонова «Дорога на Океан» (гл. «Утро»).

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Через настоящее — в будущее

Рукопись не сохранилась.

Написано АНС в апреле 1964 г. Упоминается в письмах АНС от 9.04 и 15.04.64.

Публикуется по изданию: Вопросы литературы (М.). — 1964. — № 8.

Выступление в дискуссии под рубрикой: «Мастерство писателя. Литература и наука».

С. 266. *Крылатый мечтатель* — выражение восходит к названию статьи: Ефремов И., Студитский А., Жигарев Л. О литературе крылатой мечты // Лит. газета (М.). — 1954. — 11 дек.

С. 266. *...писатель (...), — удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей» (как говорил Моэм)...* — Цитата из гл. 2 романа «Луна и грош». Перевод Н. Ман.

С. 267. *Облавы на узкие брюки* — см. примечание к с. 63.

С. 267. *...участвуют в диспутах псевдофизиков против псевдолириков.* — В прессе и в обществе в 1959-м — начале 1960-х гг. проходила дискуссия между «физиками и лириками», получившая наиболее яркое художественное воплощение в стихотворении Б. Слуцкого «Физики и лирики» («Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне»), написанном в 1959 г.

С. 267. *Акинари Уэда сказал как-то: «Настоящее можно узреть в глубокой древности».* — Цитата из авторского предисловия к сборнику новелл «Луна в тумане» (М.: Гослитиздат, 1961). Перевод З. Рахима и А. Стругацкого.

С. 267–268. *...Паустовский: «Человек с рефлексом вместо души, человек плотоядный, зараженный эгоцентризмом, должен быть уничтожен. Посмотрим, кто кого пересилит. Мы сильнее своим гневом и непримиримостью, они — жадностью и волосатым кулаком».* — Цитата из романа «Блещающие облака» (гл. «Беззаботный попугайчик»).

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [О творческих планах]

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1964 г.

Публикуется по изданию: Искатель (М.). — 1964. — № 6.

С. 268. *Первая повесть называется «Понедельник начинается в субботу», вторая — «Хищные вещи века», а третья пока никак не называется.* — Третья повесть — первый

вариант УНС, позднее озаглавленный «Беспокойство». См. письма АНС от 25.02.64 и БНС от 27.02.64.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Нет, фантастика богаче!

Беловая рукопись не сохранилась. Черновик — из папки «Черновики статей».

Написано после 23 ноября 1964 г.

Публикуется по изданию: Лит. газета (М.). — 1964. — 3 дек. Сокращенные фрагменты черновика приведены в подстраничных сносках.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Год 2000-й... Что говорят о нем фантасты

Рукопись не сохранилась.

Написано в декабре 1964 г.

Публикуется по изданию: Веч. Москва. — 1964. — 31 дек.

Из архива

Аркадий Стругацкий. Рецензия на рассказы Миронова, Лысогорова и Комарова

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 24.01.64.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

С. 272. МИРОНОВ «ВЕЧЕР В ГОСТИНИЦЕ» — позднее рассказ был опубликован под настоящим именем автора (И. Губерман) в пятом выпуске альманаха «НФ» (М.: Знание, 1966).

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Кларка «В лунной пыли»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 1.03.64.

Публикуется впервые.

Перевод повести А. Кларка был опубликован под заглавием «Лунная пыль» в одноименном авторском сборнике (М.: Знание, 1965).

С. 273. <Заглавие> — Clarke A. A Fall of Moondust. — San-Diego: Harcourt, Brace & World, 1961.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Кларка «Пески Марса»

Машинопись из папки «Рецензии АНС». (Это вторая рецензия на повесть А. Кларка; первую см. в разделе публицистики т. 7.)

Датировано 1.03.64.

Публикуется впервые.

Перевод повести А. Кларка был опубликован в т. 4 «Библиотеки фантастики и путешествий в пяти томах» (М.: Мол. гвардия, 1965).

С. 275. <Заглавие> — Clarke A. The Sands of Mars. — London: Sidgwick & Jackson, 1951.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантасты о фантастике

Машинопись из папки «Черновики статей».

Возможно, это набросок к планировавшемуся выступлению или интервью для журнала «Техника — молодежи», написанный БНС 12 апреля 1964 г. Упоминается в письме БНС от 13.04.64.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Громовой «В круге света»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано предположительно в мае-июне 1964 г.

Публикуется впервые.

Повесть А. Громовой была опубликована во втором выпуске альманаха «Фантастика, 1965 год» (М.: Мол. гвардия, 1965).

С. 278. *Маутхаузен* — немецкий концлагерь в Австрии в 1938–1945 гг.

С. 278. *Берии, голдуотеры* — имя Л. Берии во времена «культы личности» было олицетворением репрессий; Б. Голдуотер — сенатор США, олицетворение американской крайне правой антикоммунистической реакции.

С. 279. «*Кто не с нами, тот против нас*» — лозунг, восходящий к Евангелию (от Матфея, гл. 12, стих 30), в годы Советской власти использовался как оправдание классовой борьбы.

С. 279. «*Суэма*», «*Глиняный бог*», «*Уравнение Максвелла*» — рассказы А. Днепрова.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть Дж. Кристофера «Смерть травы»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 21.06.64.

Публикуется впервые.

Перевод повести Дж. Кристофера был опубликован в 1992 г.

С. 280. <*Заглавие*> — London: Michael Joseph, 1956.

Аркадий Стругацкий. Краткая рецензия на книгу М. Гарднера «Увлечения и заблуждения во имя науки»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 25.08.64.

Публикуется впервые.

Книга М. Гарднера не была переведена и издана.

С. 281. <*Заглавие*> — Mineola, NY: Dover Publications, 1957.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Отзыв о дипломной работе Михалёва С. Н.

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 21.11.64. Упоминается в письмах АНС от 27.10.64 и БНС от 30.10.64.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Врезка к отрывку из ПНВС в журнал «Вожатый»]

Машинопись из папки «Черновики статей». Предисловие к несостоявшейся публикации отрывка из ПНВС в журнале «Вожатый».

Написано в декабре 1964 г. Упоминается в письмах АНС от 8.12.64 и БНС от 12.12.64.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на пробный перевод из повести А. Азимова «Конец Вечности»

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Датировано 15.12.64.

Публикуется впервые.

Перевод романа А. Азимова был опубликован в т. 9 «Библиотеки современной фантастики» (М.: Мол. гвардия, 1966).

С. 284. <Заглавие> — Asimov I. The End of Eternity. — NY: Doubleday, 1955.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От авторов

Рукопись из папки «Разные черновики». Ранний вариант предисловия к ХВВ.

Написано в 1964 г.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть Г. Гора «Уэра»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в 1964 г. Упоминается в письме АНС от 18.12.64.

Публикуется впервые.

Повесть Г. Гора была опубликована в первом выпуске альманаха «НФ» (М.: Знание, 1964).

Аркадий Стругацкий. Рецензия. Е. Парнов, М. Емцев. «Бунт тридцати триллионов»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в 1964 г.

Публикуется впервые.

Повесть Е. Парнова и М. Емцева была опубликована в первом выпуске альманаха «НФ» (М.: Знание, 1964).

С. 289. «Бэкграунд» — background — истоки, предыстория (англ.).

С. 289. ...повторяют доводы Свифта... — Имеется в виду описание струльдбругов в главе 10 части 3 «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта.

Аркадий Стругацкий. Общая рецензия на научно-фантастические рассказы А. Кларка

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано в 1964 г.

Публикуется впервые.

Рассказ А. Кларка «До Эдема» был опубликован в первом выпуске альманаха «НФ» (М.: Знание, 1964). Все пять рецензируемых рассказов были опубликованы в авторском сборнике Кларка «Лунная пыль» (М.: Знание, 1965).

С. 291. *«Девять миллиардов имен бога»* — The Nine Billion Names of God. — Star Science Fiction Stories, 1953.

С. 291. *БРОСОК НА ЛУНУ* — Venture to the Moon // The Magazine of Fantasy and Science Fiction, December 1956 — February 1957.

С. 291. *С КОМЕТОЙ* — Into the Comet // The Magazine of Fantasy and Science Fiction, October 1960.

С. 291. *ЗВЕЗДА* — The Star // Infinity Science Fiction, November 1955.

С. 291. *СОЗВЕЗДИЕ ПСА* — Dog Star // Galaxy Magazine, April 1962.

С. 291. *ДО ЭДЕМА* — Before Eden // Amazing Stories, June 1961.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический роман Л. Мизандронцева «История необыкновенных перьев»

Машинопись из папки «Рецензии АНС».

Написано предположительно в 1964 г.

Публикуется впервые.

Роман Л. Мизандронцева не был опубликован.

С. 295. *«Шмайссер»* — расхожее именование немецкого пистолета-пулемета MP-38–40 времен Второй мировой войны.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на сборник научно-фантастических рассказов В. Михановского

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано предположительно в 1964 г.

Публикуется впервые.

Рассказ В. Михановского «Робин» был опубликован под заглавием «Мой Роб» в 1968 г. в киевской газете «Комсомольское знамя».

С. 296. *«Хэллобобские» штампы* — **БНС, 6.06.2012**: «Хэллобобство» — это специальный термин, придуманный и часто применявшийся АБС, когда речь шла о бездарных потугах некоторых (многих!) наших фантастов-приключенцев изображать в своих текстах капиталистических иностранцев. Как правило, это были ненавистные англо-американцы, всевозможные Джоны и Смиты, постоянно изрыгавшие иностранные проклятия и возгласы «Хэлло, Боб!» (откуда и пошел, сами понимаете, термин).

С. 296. *Д'Артаньян* — персонаж трилогии А. Дюма-отца.

С. 296. *Блеск и нищета* — фразеологизм, восходящий к заглавию романа О. де Бальзака «Блеск и нищета куртизанок».

Аркадий Стругацкий. Отзыв на новую подборку фантастических рассказов В. Михановского

Рукопись из папки «Рецензии АНС».

Написано предположительно в 1964 г.

Публикуется впервые.

Рассказ В. Михановского «Захлопни ящик Пандоры» был опубликован в авторском сборнике «Гостиница “Сигма”» (М.: Дет. лит., 1979), повесть «Двойники» — во 2-м номере журнала «Искатель» за 1968 г.

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1964

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Большинство писем публиковалось в издании: *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966.* — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009. В настоящем издании исправлены допущенные опечатки и неверные прочтения предыдущего издания. Письма, обнаруженные позднее в иных папках архива, публикуются впервые.

С. 298. *Чистяков — профессиональный охотник — сделал ряд замечаний ~ у меня записано.* — Речь о замечаниях к рассказу ПЛнПП.

С. 298. *Занимаюсь в основном математикой и писанием стихов для газеты «Новое Пулково».* — **БНС, 1.06.2006:** «За новое Пулково» — стенгазета ГАО.

С. 298. *Аркадий — брату, 5 января 1964...* — Датировка составителей.

С. 298. *...ликуя и содрогаясь...* — Цитата из пародии А. Архангельского на И. Бабеля «Мой первый сценарий». Эти деепричастия встречаются у Бабеля в рассказах «Мой первый гусь», «История одной лошади», «Эскадронный Трунов».

С. 300. *Прочел Поля де Крюи «Борьба с безумием»...* — Крюи (Крайф) П., де. *Борьба с безумием.* — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

С. 300. *В «Вопр<осах> лит<ерату>ры», по-моему, пародия на нас? Или нет? Ну и пародии пошли — ни черта не понять.* — Гай Э., Ганин Б. Не своим голосом: Монография // Вопросы литературы (М.). — 1963. — № 12. Пародия направлена против «штампов в литературном производстве». Начало главки о штампах в фантастике: «Классификация штампов по основным направлениям иногда спорна. Можно спорить, в частности, о фантастах Б. и М. Медведицыных. Возьмем их рассказ «Упрек голубоглазого чудовища». Он начинается так: “Шел ...0-й год. Низа Что распахнула дверь обсерватории, пересекла Площадь Приятных Искусств и зашагала по широкой аллее навстречу солнцу. По бокам величавые лавры строго параллельными рядами уходили вдаль и пересекались где-то в голубой плюс бесконечности, левее Музея Честолюбия”». Вероятно, объектом пародии являлись не АБС.

С. 300. *...получил от Лагина его «Съеденный архипелаг»...* — Лагин Л. *Съеденный архипелаг.* — М.: Сов. Россия, 1963.

С. 300. *...прочитав впервые «Майора Вэла Эндью»...* — Первые публикации: *Знамя (М.).* — 1962. — № 1; *Фантастика: 1962 год.* — М.: Мол. гвардия, 1962.

С. 300. *Ты помнишь Сашку Горбовского? Того самого, который в «Науке и жизни» дал серию очерков о доантичных цивилизациях и о разных загадках древности.* — Горбовский А. *Старые загадки истории и новые гипотезы // Наука и жизнь (М.).* — 1963. — №№ 1–4, 6.

С. 301. *Товарищеский суд — в СССР — выборный общественный орган, создававшийся по территориальному и производственному принципам.*

С. 301. *...встреча с редактором отдела науки центрального кубинского органа «Революсьон».* — Речь о редакторе, писателе, переводчике Оскаре Уртадо.

С. 301. *...дело Бродского спущено на тормозах...* — «Дело Бродского» — кампания, начатая статьей «Окололитературный трутень» («Вечерний Ленинград», 1963, 29 нояб.); БНС в письме от 15 января ошибся в своем оптимистическом прогнозе: уже в марте И. Бродский был осужден на пять лет ссылки по статье за тунеядство.

С. 301. *«Кто украл Пуннакана»* — Ким Р. *Кто украл Пуннакана? // Октябрь (М.).* — 1963. — № 10.

С. 301. *Аркадий — брату, 17 января 1964...* — Датировка составителей.

С. 301–302. *...был на встрече фантастов с киношниками. Впечатление удручающее. Совершенно ясно, что все они с детства любят научную... э-э... фантастику и с ранней юности как львы боролись за ее внедрение в кино, старые ослы. Но... э... нет, знаете ли, Жюль Вернов, нет героев, великолепных таких, понимаете ли, как Немо, скажем, или, опять же, Паганель...* — Ср. со словами АНС из рецензии на рукопись Г. Гуревича «Карта Страны Фантазий»: «достаточно вспомнить публичное высказывание маститого Трауберга — с мечтательно-сонным выражением — о том, что, кроме Ж. Верна, он не видит в мировой и особенно отечественной фантастике ничего, достойного экранизации» (см. публицистику т. 9).

С. 302. *...режиссер, ставивший «Человека-амфибию»...* — В. Чеботарев; к/ф 1961 г. поставлен им совместно с Г. Казанским.

С. 302. «Секретарь обкома» — к/ф 1964 г. по одноименному роману В. Кочетова, реж. В. Чеботарев.

С. 302. «Человек первого века» — чехослов. к/ф 1961 г., реж. О. Липский.

С. 302. *НичеГё — БНС, 17.07.2010*: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?... ОтчегЁ же...»

С. 302. *Закончил ли Брускин перевод «Непобедимого»? (...)* Пусть также напишет, будет ли «Звезда» публиковать «Непобедимого»... — Будущая публикация: Лем С. Непобедимый / Пер. с польск. Дм. Брускина // Звезда (Л.) — 1964. — №№ 9, 10.

С. 303. *...все, что левая нога захочет.* — Идиома, восходящая к словам купца Курицына из драмы А. Островского «Грех да беда на кого не живет»: «Чего моя нога хочет?» (действ. 2, сц. 1, явл. 2).

С. 303. *Я тоже давеча перечитал тот план — где Бенни Дуров попадает на страшную планету мещан.* — См. в т. 7 рабочие записи 1963 г.

С. 303. *P<ost> T<extum>* — АБС использовали это сокращение, поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 304. *...все увядало и отцветало, как те хризантемы в саду.* — Отсылка к романсу Н. Харито на слова В. Шумского. «Отцвели уж давно хризантемы в саду...»

С. 304. *Послесловие Нудельмана — отлично!* — Нудельман Р. «...И вечный бой!» // Стругацкие А. и Б. Далекая Радуга. — М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 305. *Предполагалось, что статья Альтова и ответ на нее опубликуются в одном номере.* — Статьи были опубликованы отдельно: Альтов Г. А будет хуже... // Лит. газета (М.). — 1964. — 27 фев.; Днепров А., Емцев М., Ефремов И., Парнов Е., Стругацкий А., Стругацкий Б. Нет, будет лучше! // Лит. газета (М.). — 1964. — 5 марта.

С. 306. *Кан читал доклад о Хайнлайне и свой перевод «Зеленых холмов».* — Будущая публикация перевода — в сборнике «Эллинский секрет» (Л.: Лениздат, 1966). См. также в т. 6 письмо БНС от 28.10.62.

С. 306. *Львов* — **БНС, 1.06.2006**: Львов (кажется, Владимир) — журналист, злой гений советской науки, злобный и беспощадный гонитель теории относительности, кибернетики, генетики. Был ненавидим и правыми и левыми за подлость и корыстолюбие, но начальство его терпело и привечало до самой его кончины, когда уже признаны были и Эйнштейн, и Винер, и Вавилов.

С. 306. *Сейчас читаю этот sacramентальный роман фантастки Ларионовой.* — Роман О. Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро» был напечатан в третьем выпуске альманаха «НФ» (М.: Знание, 1965).

С. 307. *Дом Лазаря* — помимо исходного значения понятия «лазарет» (дом св. Лазаря, предназначенный для лечения больных странников), это также цитата из перевода АНС «Сталки и компания» Р. Киплинга.

С. 307. *«Пришествие и гибель собственника»* — Сафонов В. Пришествие и гибель собственника // Черный столб. — М.: Знание, 1963.

С. 308. *«Строить и несть»* — приблизительная цитата из поэмы В. Маяковского «Хорошо!»: «строить и несть» (гл. 17).

С. 309. *Дождусь только начальства из Чили.* — Непосредственное начальство БНС — заведующий вычислительной лабораторией ГАО Д. Положенцев — находился в то время в длительной командировке в Чили.

С. 309. ...*Ленка читала «Возвращение со звезд» и «Рукопись, найденную в ванне».* — Вероятно, Е. Воскресенская читала повести С. Лема в неопубликованных в то время переводах с польского Р. Нудельмана и Е. Вайсброта.

С. 309. *Сейчас иду в «Мол<одую> гв<ардию>» для беседы с дирекцией по поводу подписной библиотеки мировой фантастики.* — «Библиотека современной фантастики» выходила с 1965 по 1973 гг., АНС являлся членом редакционной коллегии издания.

С. 309. *Страны народной демократии* — здесь: социалистические страны так называемого «советского блока».

С. 310. *«Лезвие бритвы»* — роман И. Ефремова.

С. 310. *Ну, что я могу тебе, так сказать, сообщить?* — Фраза из миниатюры А. Райкина.

С. 310. *Мне это не нравится, я лучше пойду домой, как говаривал один эпизодический герой Уэллса.* — Цитата из повести «Война миров»: «Пробежал какой-то мальчуган. — Оно движется, — сообщил он мне, — все вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой» (кн. 1, гл. 4). Пер. М. Зенкевича.

С. 310. *«Происхождение человека»* — Нестурх М. Происхождение человека. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

С. 312. *...все будет, и кофе, и какао.* — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Кофе тебе будет, какава!» (ч. 2, гл. 13).

С. 312. *Выступление для «ЛиЖи» я все-таки написал...* — «ЛиЖи» распространенная в писательских кругах ироническая аббревиатура заглавия газеты «Литература и жизнь», издававшейся СП РСФСР с 1958 по 1962 гг. и позднее реорганизованной в еженедельник «Литературная Россия». В контексте же 1964 г. использование этой аббревиатуры ошибочно: речь о журнале «Вопросы литературы». См. письмо от 9.04.64.

С. 312. *Мне уже дали переводить Абэ Кобо...* — Будущая публикация: Абэ Кобо. Четвертый ледниковый период. Тоталоскоп / Пер. с яп. С. Бережкова. — М.: Мол. гвардия, 1965. — (Б-ка современной фантастики: В 15 т. Т. 2).

С. 313. *«Вирусы и природа жизни»* — Стэнли У., Вэлленс Э. Вирусы и природа жизни. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

С. 313. *Большую часть лежу на ковре...* — Реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя: «Большую часть лежал на кровати».

С. 313. *Ну, в рассуждении «Воплей» я уже тебе писал: статью написал ~ публиковать будут в 5-м номере.* — Будущая публикация: Через настоящее — в будущее // Вопросы литературы (М.). — 1964. — № 8.

С. 313. *...причем, по-моему, все время врал...* — Автоцитата из ТББ.

С. 313. *...два тома лекций Фрейда...* — Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. Т. 1–2. — М.: Гос. изд-во. [1922], 1923.

С. 313. *...вторую часть седьмого тома «Махабхараты».* — Махабхарата. [Т.] 7. Ч. 2. — Ашхабад: Изд-во Акад. наук Туркм. ССР, 1963.

С. 314. *Вышел сигнал ленинградского сборника Ильи И<осифовича>.* — Варшавский И. Молекулярное кафе. — Л.: Лениздат, 1964.

С. 314. ...кажется, Лениздат в сборнике 1964 года не хочет печатать ни «ПНА», ни «Непобедимого» Лема. — Оба произведения все же были опубликованы в сборнике «В мире фантастики и приключений» (Л.: Лениздат, 1964).

С. 314. Север (...) сам себя иллюстрирует для сборника в «Знании». — Будущее издание: Гансовский С. Шесть гениев. — М.: Знание, 1965. Фактически сборник был проиллюстрирован Ю. Соостером.

С. 314. ...извлек из них квинтэссенцию... — Реминисценция подзаголовка романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции».

С. 315. ...верный своему союзническому долгу... — Штамп, возникший во времена вступления СССР в войну с Японией в августе 1945 г.

С. 315. ...научно-фантастических статей Стругацких... — Отсылка к именованию рассказа «Извне» одним из сотрудников ГАО. См. в т. 2 письмо БНС от 22.02.58: «...говорят, вы там написали какую-то научно-фантастическую статью?»

С. 315. ...«Исландский колокол» Лакснесса. — Лакснесс Х. Исландский колокол. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

С. 315. Альтов и Журавлева прислали очень нахальное письмо в «Звезду». — Альтов Г., Журавлева В. Путешествие к эпицентру полемики: Анализ проблемы Тунгусского взрыва // Звезда (Л.). — 1964. — № 2.

С. 316. ...и чтобы одновременно была клавиатурами. — Шутливая контаминация клавиатура и клавиатур.

С. 317. «Люди Земли» — анонсированное в планах издательства название будущего сборника «Путь на Амальтею». См. в т. 4 письмо АНС от 25.02.60.

С. 317. Перепечатка «Возвращения» французами — Les revenants des étoiles / Trad. de P. Mazel. — Paris: Hachette / Gallimard, 1963.

С. 318. Гриадный Крокодил — антипремия, присуждавшаяся КЛФ при московском Доме детской книги. Подробнее см. сетевую ссылку <https://fantlab.ru/award71>.

С. 318. Борис — брату, 16 июня 1964... — Датировка составителей.

С. 318–319. «А ну, космонавт, потихонечку трогай...» — строка песни «Перед дальней дорогой», музыка М. Блантера, слова В. Дыховичного и М. Слободского («Давай, космонавт (...))».

С. 319. ...он — первый сделал нам такой редкий и оригинальный подарок. — Свою песню «Дети Тумана» на слова БНС из СБТ прислал АБС школьник 10-го класса Геннадий Тираспольский, впоследствии видный филолог, лингвист. На эти же стихи В. Туриянским была написана песня еще в 1959 году, сразу же после выхода СБТ.

С. 319. ...в № 5 «Тех<ники> — мол<одежи>» страшно изуродованная статья Нудельмана. — Нудельман Р. Возвращение со звезд // Техника — молодежи (М.). — 1964. — № 5.

С. 320. Прочел Луи Селина «Путешествие на край ночи». — Селин Л. Путешествие на край ночи. — [М.:] Гослитиздат, 1934.

С. 320. Будет ли опубликовано наше интервью в «ТМ»? — Публикация не последовала.

С. 320. Обрадовал тут нас Ревич. Он написал статью в ответ Лукьянину... — Лукьянин В. Рожденный прогрессом... // Москва. — 1964. — № 5; Ревич В. Рожденная поспешностью... // Лит. газета (М.). — 1964. — 2 июля.

С. 320. Теперь есть свой человек и в Гаване. — Отсылка к заглавию романа Г. Грина «Наш человек в Гаване».

С. 320. Хэм на машинке... — БНС, 3.06.2006: Речь идет о распечатке перевода «По ком звонит колокол».

С. 321. ...СБТ, кажется, переведена на эстонский. — Purpurpunaste pilvede maa / Tõlk. R. Toming; Värsid tõlk. L. Hiedel. — Tallinn: Eesti riiklik kirjastus, 1961.

С. 321. ...рецензия на книгу Н. Рыбака о физиках. Рецензия с подзаголовком: «Трое физиков на одного лирика». — Рыбак Н. Пора надежд и свершений. — М.: Сов. писатель, 1961; Гослитиздат, 1963; Нозик В., Турчин В., Павлинчук В. Согнувшись у печки: Трое физиков на одного лирика // Знание — сила (М.). — 1964. — № 6.

С. 322. Получил из «Уральского следопыта» наш рассказ... — Речь о несостоявшейся публикации рассказа КВОЦ.

С. 322. ...отдали его на рецензию некоему доктору философских наук... — Льву Когану. См. в декабрьских письмах упоминания последующей полемики АБС и Когана в прессе.

С. 322. «Пески Марса» — Кларк А. Пески Марса // Наука и жизнь (М.). — 1964. — №№ 4–6.

С. 323. «Большой ком воска» — повесть Ш. Мида «The Big Ball of Wax».

С. 323. ...«Один год» Ю. Германа... — Герман Ю. Один год. — Л.: Сов. писатель, 1960.

С. 325. Вот я и на месте ~ кое-что из впечатлений может пригодиться. — В архиве БНС сохранился маршрутный лист этого автопробега, выданный Центральным клубом автотуристов профсоюзов г. Ленинграда и Ленинградской области. Первоначально был запланирован маршрут «Ленинград — Петрозаводск — Медвежьегорск — Беломорск — Соуярви — Сортавала — Ленинград». Реально автопробег сократился до «Ленинград — Петрозаводск — Повенец — Ляскеля — Сортавала — Ленинград». Пробег состоялся с 25 июля по 5 августа. Экипаж «Москвича-403» составляли: Копылов А. Н. (командор), Свенцицкая Н. А., Стругацкая А. А. (обе — группа обеспечения), Стругацкий Б. Н. (штурман), Чистяков Ю. Н. (механик).

С. 325. Читал в «З-С» рассказ Анфилова? — Анфилов Г. Маленькая повесть // Знание — сила (М.). — 1964. — №№ 6, 7. Рассказ именуют также «Двойная петля» либо «Скрепка» по фактическому его графическому заглавию-символу.

С. 325. И в том же номере статейка Гуревича... — Гуревич Г. Десять оппонентов: Фантастическая юмореска // Знание — сила (М.). — 1964. — № 7.

С. 326. ...Ревич договорился написать рецензию в «Вечерней Москве»... — Ревич В. Прекрасно быть человеком! // Вечерняя Москва. — 1964. — 16 сент.

С. 326. В № 11 «Коммуниста» есть критический очерк некоего Сеничкина «Журнал молодых коммунистов». — Сеничкин И. Журнал молодых коммунистов: Обзор публикаций журнала «Молодой коммунист» за 1964 год // Коммунист (М.). — 1964. — № 11 (июль). Иван Сенечкин — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС. Возможно, в публикации фамилия автора была изменена намеренно.

С. 326. Цена всему этому, как я понял, дерьмо. — Приблизительная цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (ч. 1, гл. 1). Перевод П. Богатырева.

С. 326. А в первом этаже в это время был официальный банкет, и пьяные писатели дружно ревели: «Пейдодна, пейдодна». — Вероятна отсылка к «Золотому теленку» И. Ильфа и Е. Петрова: «Сотрудники преданно смотрели на Полыхаева, сидевшего с лафитничком в руке, ритмично били в ладоши и пели: — Пей до дна, пей до дна, пейдодна, пей до дна, пей до дна, пейдодна» (ч. 2, гл. 11).

С. 326. Если у меня не произойдет опущения яичника, а у тебя — воды в колене. — Отсылка к повести Дж. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки» («housemaid's knee» — «колени горничной», гл. 1). Ср. также в ПКБ: «Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колени горничной...».

С. 326. Есть все-таки, есть правда на земле! — Аллюзия на зачин «Моцарта и Сальери» А. Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле».

С. 327. ...изит ит? — Isn't it? — Не правда ли? (англ.).

С. 327. В Москве создана студия экспериментальных фильмов под руководством Чухрая и Симонова. — «Экспериментальная творческая киностудия» (ЭТК) была создана

в 1964 году. Ее директором стал В. Познер, К. Симонов возглавил сценарный отдел, Г. Чухрай был назначен художественным руководителем ЭТК. В августе 1968 г. Госкино преобразовало ЭТК в «Экспериментальное творческое объединение» при «Мосфильме» под руководством Г. Чухрая.

С. 328. ...книжку некоего Данэма «Человек против мифов»... — Данэм Б. Человек против мифов. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961.

С. 328. ...я еще написал статью-предисловие к сборнику Севера, хотел бы подписаться вместе с тобой, ты как, не возражаешь? — Будущая публикация: Наука человечности [Рец. на кн.: Гансовский С. Шесть гениев. — М.: Знание, 1965.] // Лит. Россия (М.). — 1966. — 19 авг.

С. 328. Далее, в предвидении нападков на «Лезвие бритвы» Бела взяла нашу статью об этой книге, которую мы подготовили в свое время для «Что читать», помнишь? — См. в т. 7 письмо АНС от 18.10.63.

С. 328. ...выступление вице-президента Академии меднаук В. В. Парина, где он хвалит «Далекую Радугу»... — Парин В. О невероятном и вероятном, о далеком и близком... / Литературная записка Б. Володина // Молодая гвардия (М.). — 1964. — № 8.

С. 328. ...статья Турбина, где он очень странным образом хвалит «Лезвие бритвы» и «Воры в доме». — Турбин В. Апокрифы нашего времени // Молодая гвардия (М.). — 1964. — № 8. «Воры в доме» — роман В. Киселева.

С. 329. ...перечитал я статеечку в «Воплях»... — См. в разделе публицистики статью «Через настоящее — в будущее».

С. 329. ...восторгался и кричал капиви. — Реминисценция перевода АНС повести Р. Киплинга «Stalky & Co»: «...we must make him cry “Capivi!”» (ch. «Slaves of the Lamp», 1). Киплинг широко использовал роман Р. Сертиса «Handley Cross, or Mr. Jorrocks's Hunt». Здесь неточно процитировано частое у Сертиса восклицание «Carevi!» (видимо, его персонаж путает «сареві» и «рессаві», «я виноват» — лат.).

С. 331. Высказывание Егорова о фантастике... — Все новости космоса: Экипаж «Восхода» отвечает на вопросы журналистов // Комс. правда (М.). — 1964. — 22 окт.

С. 331. Пришла верстка «Фантастики-65» № 1. Там наша рецензия на «Лезвие бритвы»... — Рецензия не была опубликована.

С. 331. Борис — брату, 25 октября 1964... — Датировка составителей.

С. 334. ...стучать пепел в наших сердцах. — Аллюзия на слова Тиля Уленшпигеля из романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле»: «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

С. 335. «Семь дней в мае» — Нибел Ф., Бейли Ч. Семь дней в мае. — М.: Воениздат, 1964.

С. 336. ...отзыв Феоктистова... — Ревич В. Разведчики неведомого: Пресс-конференция героев-космонавтов, 21 октября, МГУ // Лит. газета (М.). — 1964. — 22 окт.

С. 336. ...сегодня выдают муку... — В начале 1960-х гг. в связи с проблемами в сельском хозяйстве муку выдавали по спискам, составляемым по месту прописки.

С. 336. «Смерть чиновника» — рассказ А. Чехова.

С. 337. Два рассказа Ильи — «В атолле» и про старого пилота — пойдут в альманах несомненно. — Варшавский И. В атолле. Решайся, пилот! // Фантастика, 1965 год. Вып. 1. — М.: Мол. гвардия, 1965.

С. 337. В «Знании» Макаров заперол обложку к его сборнику, но сейчас уже исправил. — Варшавский И. Человек, который видел антимир. — М.: Знание, 1965.

С. 337. ...выпускник Украинского полиграфического института из Львова, по специальности художник. — Сергей Михалёв, художник, впоследствии — военный историк, педагог. Его дипломная работа именовалась: «Художественное оформление сборника фантастических повестей Аркадия Стругацкого и Бориса Стругацкого “Трудно быть богом”». Отзыв АБС о дипломной работе Михалёва см. в разделе публицистики.

С. 339. Аркадий — брату, 8 декабря 1964... — Датировка составителей.

С. 339. ...уговорила стать членом редколлегии «Мира приключений». — АНС являлся членом редколлегии «Мира приключений» с 1965 по 1973 гг.

С. 339. «*Душа мира*» — Душа мира // Емцев М., Парнов Е. Уравнение с Бледного Нептуна. — М.: Мол. гвардия, 1964.

С. 340. Прочел статью *Ариадны* в «НФ». — Громова А. Двойной лик грядущего: Заметки о соврем. утопии // НФ: Альманах науч. фантастики. Вып. 1. — М.: Знание, 1964.

С. 340. И Парнову с Емцевым — за «Фосетта»... — Парнов Е., Емцев М. Последнее путешествие полковника Фосетта // Искатель (М.). — 1964. — № 6.

С. 340. Журналу «*Вожатый*» дай кусочек (...) про путешествие в будущее, например. — Предисловие к несостоявшейся публикации см. в разделе публицистики.

С. 340. ...мы попали в число утопистов контра Коган. — Имеется в виду выступление Л. Когана «Обедненный жанр» («Известия», 1964, 24 нояб.). АБС полемизировали с Коганом статьей «Нет, фантастика богаче!» («Литературная газета», 1964, 3 дек.).

С. 341. Коган прислал в «ЛГ» письмо ~ Письмо Севка хочет опубликовать с врезкой редакции. — Ответ Когана на статью АБС — «Фантастика должна быть богаче!» («Литературная газета», 1964, 17 дек.).

С. 341. Изменилась система составления альманахов «Фантастика». Я назначен собирать следующий, третий. — Фактически АНС составил второй выпуск альманаха «Фантастика» за 1965 год.

С. 341. День настанет настоящий! — Зачин фривольной частушки.

С. 341. «Стругацкие все-таки ниже Гоголя, несмотря на их талантливость» — цитата из статьи: Бочаров А. Умный товарищ читателя: О чем мы думаем, о чем спорим // Известия (М.). — 1964. — 13 дек.

С. 341. «О сущности жизни» — О сущности жизни [Сборник статей]. — М.: Наука, 1964.

С. 341. «Уэра», «Бунт 30 триллионов» — Гор Г. Уэра // НФ: Альманах науч. фантастики. Вып. 1. — М.: Знание, 1964; Парнов Е., Емцев М. Бунт тридцати триллионов // Там же.

С. 342. ...женщина она умная и очень левая. — «Левая» — здесь: либеральных воззрений.

С. 342. У меня готовая рецензия на «Уэру». — См. рецензию в разделе публицистики.

С. 342. Вчера поздно вечером вернулся из Таллина. Ездили на машине покупать радиолу «Эстония 3М». — Радиола «Эстония-3М» выпускалась таллинским заводом в 1964–1966 гг. Предназначалась для прослушивания радиовещания на восьми диапазонах и прослушивания грамзаписи на трех скоростях.

С. 342. Теперь можно будет слушать джазы и последние известия. — Под последними известиями подразумеваются передачи «Голоса Америки» и «Би-би-си» на русском языке.

С. 343. Компране, значить? — Автоцитата из ПНВС.

С. 343. В таком вот аксепте. — Автоцитата из ПНВС.

С. 343. Сепулька — реалия из Путешествия четырнадцатого «Звездных дневников Ийона Тихого» С. Лема.

С. 345. Поблагодари Ариадну за теплую статью в «Комсомолке». — Громова А. Герои Далеких Радуг: Заметки о творчестве Стругацких // Комс. правда (М.). — 1964. — 26 дек.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

Фрагмент дневника за 1964 г.

Публикуется впервые.

С. 346. *Перевел «Тоталоскоп» Абэ Кобо — кажется, пойдет в альманах «НФ», а также в сборник иностранной фантастики в «Мол<одой> гв<ардии>». Там готовится подписная «Библиотека мировой фантастики и приключений. XX век». — Абэ Кобо. Тоталоскоп / Пер. с яп. С. Бережкова // НФ: Альманах науч. фантастики. Вып. 1. — М.: Знание, 1964. То же — Б-ка современной фантастики: В 15 т. Т. 2. — М.: Мол. гвардия, 1965.*

С. 346. *Звонил Коротеев, читал заметку из «Летр франсез», очень лестно. — Речь о заметке Ш. Добзинского «Научно-фантастическая литература. Лучшие советские рассказы» в ежемесячном приложении к газете «Юманите» «Les Lettres françaises» (1964, № 1).*

С. 347. *Сотружество* — вероятно, сознательное смешение АНС двух слов — сотрудничество и содружество.

С. 347. *Читаю «Братьев Карамазовых».* — Роман Ф. Достоевского.

С. 347. *«Ночь перед рождеством»* — заглавие повести Н. Гоголя. Первоначальное заглавие второй части ПНВС.

С. 347. *«О времени и о себе»* — цитата из поэмы В. Маяковского «Во весь голос»: «Я сам расскажу / о времени / и о себе» (первое вступление в поэму). Первоначальное заглавие третьей части ПНВС.

Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970

Фрагмент дневника приездов АНС в Ленинград за 1964 г. Дневник представляет собой ряд датированных записей карточных игр АБС и Александры Ивановны с комментариями о работе над произведениями АБС. (Счет игр в настоящем издании опущен.)

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970

Фрагмент тетради с планами на предстоящие дни 1964 года из папки «Дневники АНС 1960–1970 гг.».

Публикуется впервые.

С. 350. *«From here to eternity»* — роман Дж. Джонса «Отныне и вовек».

С. 351. *Кибёси* — японский жанр бытового романа, по форме — рассказы в рисунках, снабженные краткими текстовыми пояснениями.

С. 351. *«Consider her ways»* — повесть Дж. Уиндема «Избери путь ее».

С. 351. *...приедут ребята из ДДК.* — Школьники Игорь Васильев, президент КЛФ при Доме детской книги издательства «Детская литература», и Александр Великович, редактор машинописного журнала этого КЛФ «Под солнцем фантастики». Возможно, взятое ими интервью было помещено в немногих вышедших в 1964 году номерах журнала, «тираж» которого составлял 3–5 экземпляров.

С. 352. *Министерство на Орликовом* — в Орликовом переулке располагалось Министерство сельского хозяйства СССР.

С. 354. *...разговор с Лубянским и Блиновым.* — Инженеры Н. Блинов и Ю. Лубянский — авторы единственного рассказа «Сильнее солнца», присланного на Международный конкурс научно-фантастического рассказа, организованный в 1962 г. журналом «Техника — молодежи», и опубликованного в № 3 журнала за 1963 г.

С. 355. *«Pan Satyrus»* — повесть Р. Уормсера.

С. 356. *ЧОМ* — серия книг издательства «Молодая гвардия» «Честь, отвага, мужество».

С. 357. *«Сумма технологии»* — философско-футурологическая книга С. Лема.

С. 357. «Тартесс» — роман Е. Войскунского и И. Лукодянова «Очень далекий Тартесс».

С. 357–358. Г. Гор «Мальчик» — 60 стр. (2,5 а. л.) — у меня. ~ Ю. Манин «Письмо читателя» — 7 стр. — Записи относятся ко времени составления АНС второго выпуска альманаха «Фантастика, 1965 год» (М.: Мол. гвардия, 1965).

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965

Книжка включает в себя наброски замыслов, выписки и цитаты из книг и статей, заметки по переводам, записи анекдотов, забавные диалоги. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1964 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 358. На 31.01.64 ~ Кингсли Эмис. — Перечень необходимого для поездки к брату.

С. 358. Песенка о Коктебле — песня на стихи В. Бахнова «Коктебля».

С. 358. стр. 324. / Когда цветут луга весны ~ Придут к нему потом. — Р. Бернс, «Послание к собрату-поэту», 4. Перевод С. Маршака. Указана страница следующего издания: Маршак С. Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. — М.: Гослитиздат, 1957. Первый куплет заменял песню «Мне нужна жена...» в изданиях ДР 1964–2000 гг.

С. 359. Понимая свободу ~ нелепейших выдумок. / Достоевский (I, 385). / Иеросхимонах старец Зосима. — Цитата использована в ХВВ.

С. 359. Повесть о существах, паразитирующих ~ тяжелых и неповоротливых «хозяев». — Вероятно, запись относится к замыслу «Паразиты».

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1963–1965

Книжка включает в себя запомнившиеся фразы и диалоги, цитаты из книг, перечень подписных изданий, ключевые фразы анекдотов, наброски для будущих книг, адреса и телефоны знакомых и корреспондентов. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1964 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 359. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения — Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения. Т. 1. Индукция и аналогия в математике. Т. 2. Схемы правдоподобных умозаключений. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

С. 359. Маркс и Энгельс «Из ранних произведений» — Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956.

С. 359. О счастье: ИнЛит № 2, стр. 148, 1961 — опубликованная там «Эпитафия» Кристофера Лога использована в ПНВС.

С. 359. Самый упорный солдат — обманутый! — Использовано в БМС.

С. 359. ...история швейной мастерской — не по Чернышевскому... — То есть не по роману «Что делать?».

С. 360. «Человек есть животное двуногое, вечно алчущее, никогда не сытое». Чего алчущее, чем не сытое. — Неатрибутированная цитата, использованная в БМС.

С. 360. Раскопай своих подвалов / И шкафов перетряси, / Разных книжечек и журналов / По возможности неси. — Использовано в ПНВС. **БНС, 4.02.2009:** Почерк Гали Пановой, астронома. Стишки призывали собирать книги для чего-то. **Сост.:** Надо ли понимать так, что не только почерк Пановой, но и сочинение — ее же? **БНС, 10.02.2009:** Нет, сочинение коллективное — сочиняла вся редакция газеты «За новое Пулковое» (Свенцицкая, Панова, Стругацкий).

С. 360. Нужны ли мы нам? / Речь обезьян была пущена на магнитофоне медленно и наоборот. — Обе записи использованы в ПНВС.

С. 360. «Если враг не сдается, его уничтожают» — заглавие статьи М. Горького.

С. 360. *Девочка в причёске à la Мадлен Габуа*. — **БНС**, 13.10.2011: Мадлен Габуа — выдумка.

С. 361. *Два лозунга: / «Теперь вы свободны — развлекайтесь!» / «Теперь вы свободны — работайте!»* — Использовано в ХВВ.

С. 361. *«Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...» Сент-Экз<юпери>*. — Цитата использована в качестве эпиграфа к ХВВ.

С. 361. *«Фантазия позволяет человеку быть и наслаждающимся животным, и разумным существом»*. / Фрейд. — Использовано в ХВВ.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1964

Тетрадь заполнена датированными и недатированными записями дневникового и художественного характера, цитатами из книг, шуточными стихами.

Публикуется впервые.

С. 361. *Смотрел игру СССР–ГДР — олимпийские*. — Последняя игра отборочного турнира по футболу перед олимпиадой 1964 года в Токио.

С. 362. *«Я шагаю по Москве»* — к/ф 1964 г., реж. Г. Данелия.

С. 363. *Остров, на кот<орый> почему-то забрасывает самых разных людей ~ Потом приносит военного — генерала, на том и конец*. — Ср. в ГЛ: «...про необитаемый остров, где живут странные обезьяны, которые питаются не бананами, а мыслями потерпевших кораблекрушение...» См. также «Комментарии к пройденному» БНС, главу об УНС.

С. 363. *«Пришельцы есть! — сказал мудрец брадатый. — / Они, быть может, ходят между вами». / «Пришельцев нет!» — сказали кандидаты, / И академики кивнули головами*. — Пародия на стихотворение А. Пушкина «Движение». Использовано в ПП.

С. 364. *Бриллюэн, «Развитие совр<ременной> физики»* — Бриллюэн Л. Теория информации и ее приложение к фундаментальным проблемам физики // Развитие современной физики. Сборник статей. — М.: Наука, 1964.

С. 364. *Мир как таковой человеку недоступен. Сознание (любое) познает комплекс: / мир + воздействие познающего*. — Точная цитата со стр. 328 вышеуказанного сборника: «Если мы производим какое-либо наблюдение, то мы непременно вносим возмущение во «внешний мир» благодаря связям между наблюдателем и наблюдаемым». Ср. в ГЛ: «Прибор неизбежно влияет на картину эксперимента. Разве вы забыли физику? Ведь мы наблюдаем не мир как таковой, а мир плюс воздействие наблюдателя».

С. 364–365. *Фантастом, детка, быть не просто. ~ (Давай по триста!)* — **БНС**, 5.02.2009: Пародия на застольную беседу с И. И. Варшавским.

С. 365. *Подзасосали* — **БНС**, 5.02.2009: Маленький внук И. И. имел обыкновение, увидев поддатого деда, говорить: «Ну что, дед? Опять подзасосал?» **Сост.**: Слово использовано в речи Мартышки, персонажа ПНО.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 1. На обороте нижнего фото, подаренного АБС Б. Заикину 7.05.68, имеется надпись: «14 октября 64 года. В день снятия Никиты <Хрущёва>».

Вкл. С. 5. Карта упоминается на с. 230 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 6. Схемы упоминаются на с. 235 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 8. Схема упоминается на с. 234 раздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 15. Жираф — домашнее прозвище АНС, данное ему И. Ошаниным.

В. Курильский, Р. Мурунский, Л. Рудман

Библиография. 1964 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Далекая Радуга: Фантаст. повести / Послесл. «...И вечный бой!» Р. Нудельмана; Худож. И. Огурцов. — М.: Мол. гвардия, 1964. — 336 с.: ил. — (Фантастика. Приключения. Путешествия). — Содерж.: Далекая Радуга; Трудно быть богом.

1.1.2. Путь на Амальтею: Повесть / Худож. Э. Мосев // В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат, 1964. — С. 580—653.

1.1.3. Суета вокруг дивана: Сказка для научных работников младшего возраста: [1-я часть повести «Понедельник начинается в субботу»] // Фантастика, 1964 год. — М.: Мол. гвардия, 1964. — С. 11—79.

1.1.4. Понедельник начинается в субботу: Глава первая [2-й части] / Предисл. авторов // Искатель (М.). — 1964. — № 6. — С. 106—112. — [Сокр.].

1.1.5. Суета вокруг дивана: Сказка для научных работников младшего возраста / Предисл. ред.-ии.; Худож. Ю. Ильичев // Моск. комсомолец. — 1964. — 16 авг. — С. 7; 18 авг. — С. 3; 19 авг. — С. 3; 23 авг. — С. 6. — [Фрагменты 1-й части повести «Понедельник начинается в субботу»].

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. Через настоящее — в будущее // Вопросы литературы (М.) — 1964. — № 8. — С. 73—76.

2.1.2. [О творческих планах] // Искатель (М.). — 1964. — № 6. — С. 106—107.

2.1.3. Нет, фантастика богаче! Ответ на статью [Л. Когана] «Обедненный жанр» // Лит. газета (М.). — 1964. — 3 дек. — С. 2.

2.1.4. Год 2000-й... Что говорят о нем фантасты // Веч. Москва. — 1964. — 31 дек. — С. 2. — [Фрагмент подборки ответов на анкету газеты].

3. Работа над переводами

3.1. Абэ Кобо. Тоталоскоп: Рассказ / Пер. с яп. С. Бережкова // НФ: Альманах научной фантастики: Вып. 1. — М.: Знание, 1964. — С. 239—255.

3.2. Азимов А. Как им было весело: Рассказ / Пер. с англ. С. Бережкова // Современная зарубежная фантастика. — М.: Мол. гвардия, 1964. — С. 392—396.

3.3. Саньютэй Энтё. Пионовый фонарь: Повесть / Пер. с яп. А. Стругацкого. — М.: Худож. лит., 1964. — 240 с.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

Lewis — Льюис Клайв Стэплз, английский писатель, богослов.

Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик.

Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.

Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.

Аджубей Алексей Иванович — главный редактор газеты «Известия».

Азимов Айзек — американский писатель, химик.

- Айдинов Георгий Иванович — директор издательства «Знание», писатель.
 Алексей Михайлович (Тишайший), Романов Алексей Михайлович — царь.
 Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.
 Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.
 Антоний Великий, святой Антоний — монах-отшельник, проповедник.
 Анфилов Глеб Борисович — писатель, журналист, популяризатор науки, ответственный секретарь журнала «Знание — сила».
 Анчаров Михаил Леонидович — писатель, поэт, бард.
 Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.
 Аттила — вождь гуннов.
 Балабуха Андрей Дмитриевич — писатель, критик.
 Бальзак Оноре де — французский писатель.
 Бальзамо Джузеппе (Калиостро Алессандро) — итальянский авантюрист.
 Белинский Виссарион Григорьевич — критик, публицист.
 Бёль Генрих Теодор — немецкий писатель.
 Беляев Александр Романович — писатель.
 Бен Бецалель Иегуда Лива (Лёва, Лёба) — пражский раввин, талмудист, ученый.
 Берия Лаврентий Павлович — политический и государственный деятель.
 Беркли Джордж — английский философ.
 Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.
 Бёрч Джон Моррисон — офицер военной разведки США, баптистский миссионер, убитый в Китае, в честь которого была названа правоконсервативная политическая группа в США.
 Бидstrup Херлуф — датский художник-карикатурист.
 Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
 Бисти Дмитрий Спиридонович — график, книжный иллюстратор.
 Битнер Вильгельм Казимир Вильгельмович — писатель, популяризатор науки.
 Блинов Николай Николаевич — инженер, писатель.
 Блохинцев Дмитрий Иванович — физик, философ.
 Боборыкин Владимир Георгиевич — литературовед.
 Бобырь Зинаида Анатольевна — писательница, переводчик, критик.
 Борджиа — итальянский род испанского происхождения.
 Боров Юрий Борисович — критик, филолог, писатель.
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Браун Фредрик Уильям — американский писатель.
 Брем Альфред Эдмунд — немецкий зоолог, автор труда «Жизнь животных».
 Бриллюэн Леон Николая — французский, американский физик, философ.
 Бродский Иосиф Александрович — поэт.
 Бруно Джордано Филиппо — итальянский философ, поэт.
 Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель.
 Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
 Бунеев Борис Алексеевич — режиссер.
 Ван де Грааф Роберт Джемисон — американский физик.
 Ван Вогт Альфред Элтон — американский писатель.
 Варшавский Илья Иосифович — писатель.
 Вендель Отто Патрик — шведский криминалист.
 Веркор (Брюлье Жан-Марсель) — французский писатель.
 Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
 Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
 Вознесенский Андрей Андреевич — поэт, писатель.

- Войсунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
 Воробьёв Иван Алексеевич — сценарист.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Вэнс Джек (Вэнс Джон Холбрук) — американский писатель.
 Гансовский Север Феликсович — писатель.
 Гарднер Мартин — американский математик, писатель, популяризатор науки.
 Гарднер Эрл Стенли — американский писатель.
 Геннадий Васильевич — сотрудник редакции журнала «Дружба народов».
 Герман Юрий Павлович — писатель.
 Герцен Александр Иванович — писатель, публицист.
 Гиммлер Генрих Луитпольд — немецкий политический и государственный деятель.
 Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
 Гладиллин Анатолий Тихонович — писатель.
 Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
 Голдуотер Барри Моррис — американский политический и государственный деятель.
 Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
 Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
 Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) — писатель, драматург, публицист.
 Готлиб Юлий Яковлевич — физико-химик, знакомый БНС.
 Гофман Эрнст Теодор Амадей — немецкий писатель.
 Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
 Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — писательница, математик.
 Григорьев Аркадий Маркович — переводчик.
 Гришин Николай Ильич — художник-иллюстратор.
 Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
 Губерман (псевдоним — Миронов) Игорь Миронович — писатель, поэт.
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНС.
 Гурфинкель Виктор Семёнович — физиолог, биофизик.
 Данэм Бэрроуз — американский философ.
 Дарвин Чарльз Роберт — английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения.
 Декарт Рене — французский математик, философ.
 Дектор Феликс Адольфович — старший редактор издательства «Детская литература».
 Джекобс Уильям Уаймарк — английский писатель.
 Джером Джером Клапка — английский писатель.
 Диккенс Чарльз Джон Хаффем — английский писатель.
 Дмитриевский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.
 Евгеньев Борис Сергеевич — писатель, заместитель главного редактора журнала «Москва».
 Егоров Борис Борисович — космонавт, медик.
 Екатерина Медичи (Екатерина Мария Ромола ди Лоренцо де Медичи) — королева Франции.
 Емцев Михаил Тихонович — писатель.
 Ефимов Анатолий Алексеевич — астроном, сотрудник ГАО.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.

Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жид Андре Поль Гийом — французский писатель.

Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.

Забелин Игорь Михайлович — писатель.

Зайцев Вячеслав Кондратьевич — историк.

Закладный Евгений Михайлович — писатель.

Замошкин Кирилл Николаевич — редактор киностудии «Мосфильм».

Замошкина Наталия Николаевна — заведующая редакцией зарубежной литературы издательства «Молодая гвардия».

Захарченко Василий Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».

Зубков Михаил Антонович — редактор издательства «Детская литература», писатель.

Ибрагимбеков Максуд Мамед Ибрагим оглы — писатель, сценарист.

Иван IV Васильевич (Грозный) — великий князь, первый русский царь.

Иида Норикадзу — японский переводчик.

Ильичёв Леонид Фёдорович — секретарь ЦК КПСС, председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС.

Исии Сиро — японский микробиолог, военачальник.

Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович — писатель.

Казанцев Александр Петрович — писатель.

Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Калецкая Татьяна Павловна — писательница, сценарист, супруга В. Травинского, позднее — драматурга А. Гельмана.

Камионко Лидия Александровна — астроном, сотрудник ГАО.

Кан Вениамин Липманович — физик, знаток научной фантастики, критик, переводчик.

Каневский Виталий Евгеньевич — режиссер, сценарист, актер.

Карл I Великий — король франков, император Запада.

Карпов Павел Иванович — психиатр, писатель.

Кастро Фидель Алехандро Рус — кубинский политический и государственный деятель.

Кафка Франц — австрийский писатель.

Келдыш Мстислав Всеволодович — математик, механик, президент АН СССР.

Ким Роман Николаевич — писатель.

Киплинг Джозеф Редьярд — английский писатель, поэт.

Кларк Артур Чарльз — английский писатель, популяризатор науки.

Клейман Пётр Семёнович — корреспондент БНС.

Климова Валентина Ивановна — редактор журнала «Техника — молодежи».

Клодт Георгий Александрович — художник, писатель.

Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Коган Лев Наумович — философ, социолог, культуролог, критик.

Колдуэлл Эрскин Престон — американский писатель.

Колмогоров (Катаев) Андрей Николаевич — математик.

Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.

Комаров — автор рецензируемого рассказа.

Коноплёв Владимир Васильевич — сотрудник ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

Коптев Юрий Иванович — писатель, переводчик.

Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.

Коротеев Николай Иванович — писатель, редактор журнала «Искатель».

- Косолапов Валерий Алексеевич — директор Гослитиздата.
 Котляр Юрий Фёдорович — писатель, критик.
 Кочергин Николай Михайлович — художник-иллюстратор, художник театра, живописец.
 Краковский Владимир Лазаревич — писатель.
 Крапивин Владислав Петрович — писатель, сотрудник журнала «Уральский следопыт».
 Крат Владимир Алексеевич — астроном, позднее — директор ГАО.
 Кристофер Джон (Кристофер Сэмюэл Йоуд) — английский писатель.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Крюи (Крайф) Поль де — американский психолог.
 Кублицкая Инна Валерьевна — член группы «Людены», писательница.
 Кузнецов Николай Иванович — художник-иллюстратор.
 Кузьмин Фотий Феропонтович — составитель учебников и пособий.
 Кэмпбелл-мл. Джон — американский писатель, редактор.
 Кювье Жорж Леопольд — французский естествоиспытатель, натуралист.
 Лавуазье Антуан Лоран — французский химик.
 Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.
 Лакснесс Халлдор Кильян — исландский писатель.
 Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна — писательница.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — политический и государственный деятель.
 Ленорман Мария Анна Аделаида — французская гадалка и толковательница снов.
 Леонов Леонид Максимович — писатель.
 Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.
 Литвинчѳв Афанасий Иванович — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой.
 Лиходеев (Лидес) Леонид Израилевич — писатель, очеркист, драматург.
 Лобанова Альбина Захаровна — младший редактор издательства «Молодая гвардия».
 Лог Кристофер — английский поэт, переводчик, драматург.
 Ломоносов Михаил Васильевич — ученый-естествоиспытатель, поэт.
 Лопиталь Гийом Франсуа Антуан — французский математик.
 Лубянский Ю. И. — инженер.
 Лукодянов Исай Борисович — писатель.
 Лукьянин Валентин Петрович — критик.
 Лысогоров (Новомир Васильевич?) — автор рецензируемого рассказа.
 Львов Владимир Евгеньевич — журналист, популяризатор науки.
 Людовик XIV де Бурбон — король Франции.
 Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
 Макаренко Антон Семёнович — педагог, писатель.
 Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.
 Маккарти Джозеф Реймонд — американский политический и государственный деятель.
 Максвелл Джеймс Клерк — английский физик.
 Малинина Галина Николаевна — редактор издательства «Знание».
 Мальтус Томас Роберт — английский священник, демограф, экономист.
 Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
 Манн Пауль Томас — немецкий писатель.
 Маре Жан (Виллен-Маре Жан Альфред) — французский актер, каскадер.
 Маркова Вера Николаевна — переводчик, поэтесса.
 Маркс Карл Генрих — немецкий экономист, философ, политик, создатель марксизма.

Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.

Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.

Махно Нестор Иванович — политический и военный деятель, анархист.

Мелентьев Юрий Серафимович — директор издательства «Молодая гвардия».

Меншиков Александр Данилович — государственный деятель, военачальник.

Мизандронцев Л. (Лев Харитонович?) — автор рецензируемого романа.

Милнер Питер М. — канадский нейрофизиолог.

Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, критик, редактор, друг

АБС.

Миронов И. — см. Губерман.

Митрохина Софья Александровна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Михалёв Сергей Николаевич — военный историк, педагог, художник.

Михановский Владимир Наумович — писатель, поэт, переводчик.

Монгольфье Жозеф-Мишель и Жак-Этьенн — французские изобретатели воздушного шара.

Монтескьё Шарль-Луи де Секонда — французский просветитель, правовед, философ, писатель.

Мопассан Ги (Анри Рене Альбер Ги) де — французский писатель.

Моэм Уильям Сомерсет — английский писатель.

Николай II, Романов Николай Александрович — император.

Нилин Павел Филиппович — писатель.

Ницше Фридрих Вильгельм — немецкий философ.

Нортон Эндру (Нортон Алиса Мэри) — американская писательница.

Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.

Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.

Обухова Лидия Алексеевна — писательница, супруга В. Травинского.

Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.

Олдридж Гарольд Эдвард Джеймс — английский писатель, общественный деятель.

Олдс Джеймс — американский физиолог.

Оорт Ян Хендрик — нидерландский астроном.

Орвелл — см. Оруэлл.

Оруджева Диляра Сабитовна — геолог, дочь руководителя газовой промышленности СССР.

Оруэлл (в тексте — Орвелл) Джордж (Блэр Эрик Артур) — английский писатель.

Ошанина-Фортунатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.

Парацельс (Гогенхайм Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон) — европейский алхимик, врач.

Парин Василий Васильевич — физиолог.

Парнов Еремей (дружески — Джереми, Рим) Иудович — писатель.

Паскаль Блез — французский математик, физик, философ, писатель.

Паустовский Константин Георгиевич — писатель.

Пётр I, Романов Пётр Алексеевич — император.

Петрарка Франческо — итальянский поэт.

Петров Лев Сергеевич — журналист, писатель, соавтор АНС.

Петроний Арбитр, Гай Петроний Арбитр — древнеримский писатель.

Писаржевский Олег Николаевич — писатель, публицист.

Пифагор Самосский — древнегреческий математик, философ.

Платов (Ломакин) Леонид Дмитриевич — писатель.

По Эдгар Аллан — американский поэт, писатель.

Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Пойа Дьердь (Полиа Джордж) — венгерский, швейцарский, американский математик.

Пол (в тексте — Поль) Фредерик Джордж — американский писатель.

Полещук Александр Лазаревич — писатель.

Прокофьев Александр Андреевич — поэт, руководитель ленинградского отделения СП.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Рабле Франсуа — французский писатель.

Рафаэль Санти — итальянский живописец, график, архитектор.

Рахим Зея Абдулкерим-оглы Харун Аль-Каири — переводчик.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг

АНС.

Риман Георг Фридрих Бернхард — немецкий математик.

Ричи Джордж Уиллис — американский астроном, конструктор телескопов.

Розвал Сергей Яковлевич — писатель, журналист.

Романов Павел Константинович — руководитель Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита).

Ромм Михаил Ильич — режиссер, сценарист, педагог.

Ромодановский Фёдор Юрьевич — государственный деятель.

Росоховатский Игорь Маркович — писатель.

Ротов Константин Петрович — художник-иллюстратор, график.

Рудольф I — король Чехии и титулярный король Польши, герцог Австрии и Штирии.

Рудольф II — король Германии, император Священной Римской империи, король Богемии.

Румянцев Лев Григорьевич — поэт, редактор отдела прозы журнала «Уральский следопыт».

Рыбак Натан Самойлович — писатель.

Савченко Владимир Иванович — писатель.

Саган (Куаре) Франсуаза — французская писательница, драматург.

Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.

Санович Виктор Соломонович — переводчик, редактор издательства «Художественная литература».

Сатюков Павел Алексеевич — главный редактор газеты «Правда».

Сафонов Вадим Андреевич — писатель, популяризатор науки.

Сафроновы Юрий Павлович и Светлана Александровна — писатели, супруги.

Свенссон (в тексте — Свенсон) Арне — шведский криминалист.

Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга

Ю. Чистякова.

Свешников — книготорговец начала XIX века.

Свифт Джонатан — ирландский писатель.

Селин (Детуш) Луи-Фердинанд — французский писатель.

Сенечкин (в тексте — Сеничкин) Иван Филиппович — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС, критик.

Сент-Экзюпери Антуан Жан Батист Мари Роже де — французский писатель, летчик.

Сервантес Сааведра Мигель де — испанский писатель.

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Скуратов Малюта (Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович) — государственный, военный и политический деятель.

Смирнов Герман Владимирович — редактор журнала «Техника — молодежи».

Смолян Александр Семёнович — писатель, журналист.

Соболев Виктор Викторович — астроном.

Соколов Андрей Константинович — художник, иллюстратор.

- Соколов Олег Игоревич — редактор издательства «Знание».
- Солженицын Александр Исаевич — писатель, правозащитник.
- Соломон — царь Израильско-Иудейского царства.
- Спицын Андрей Николаевич — геолог, друг АНС.
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
- Стивенсон Роберт Льюис Бэлфур — английский писатель.
- Стокс Джордж Габриэль — английский физик и математик.
- Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС, астроном.
- Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.
- Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
- Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
- Суровцев Юрий Иванович — критик, журналист.
- Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП.
- Сэлинджер Джером Дэвид — американский писатель.
- Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) — американский писатель, журналист.
- Тендряков Владимир Фёдорович — писатель.
- Теселько Валентин Григорьевич — двоюродный брат АБС, авиаинженер.
- Теселько Мария Ивановна — тетьа АБС, сестра А. И. Стругацкой.
- Тираспольский Геннадий Исаакович — корреспондент БНС, позднее — филолог, языковед, педагог.
- Толстой Алексей Николаевич — писатель.
- Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.
- Томан (Анисимов) Николай Владимирович — писатель, критик.
- Травинский Владилен (дружески — Владимир) Михайлович — писатель, ответственный секретарь журнала «Звезда».
- Турбин Владимир Николаевич — литературовед, филолог, критик.
- Тургенев Иван Сергеевич — писатель.
- Тушкан Георгий Павлович — писатель.
- Уайльд Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс — английский поэт, писатель.
- Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон) — английский писатель.
- Уитмен Уолт (Уолтер) — американский поэт.
- Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.
- Уэда Акинари — японский писатель.
- Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
- Фейхтвангер Лион — немецкий писатель.
- Феоктистов Константин Петрович — космонавт, конструктор.
- Фитингоф Георгий Петрович — художник-график, иллюстратор.
- Флобер Гюстав — французский писатель.
- Фолкнер Уильям Катберт — американский писатель.
- Фрейд (в тексте также — Фройд) Зигмунд (Сигизмунд Шломо) — австрийский невропатолог, психиатр и психолог.
- Фрейд — см. Фрейд.
- Фурцева Екатерина Алексеевна — политический и государственный деятель, министр культуры.
- Хайнлайн Роберт Энсон — американский писатель.
- Хейфец Михаил Рувимович — литературовед, историк, друг БНС.
- Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.
- Чапек Карел — чешский писатель.
- Чарская Лидия Алексеевна — писательница, актриса.
- Чепуров Анатолий Николаевич — писатель, руководитель СП.
- Чернышевский Николай Гаврилович — философ, писатель.

- Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.
 Чингисхан, Чингиз-хан (Темучин) — монгольский правитель, полководец, завоеватель.
 Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.
 Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич) — писатель, критик, переводчик.
 Чухрай Григорий Наумович — режиссер.
 Шевцов Иван Михайлович — писатель.
 Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.
 Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.
 Шолохов Михаил Александрович — писатель.
 Шошар Поль — французский физиолог, философ.
 Щедрин — см. Салтыков-Щедрин.
 Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.
 Эмис Кингсли Уильям — английский писатель, поэт, литературовед.
 Энгельс Фридрих — немецкий экономист, философ, политик, один из создателей марксизма.
 Эренбург Илья Григорьевич (Гиршевич) — писатель, поэт, публицист.
 Этингоф Евгений Борисович — заместитель главного редактора издательства «Знание».
 Юнг Эдуард, Янг Эдвард — английский писатель, философ.
 Яров Ромэн Ефремович — писатель, журналист.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

- 4-й ледниковый период — Четвертый ледниковый период.
 Бедные злые люди.
 Белый конус Алаида.
 Бессильные мира сего.
 БЗЛ — Бедные злые люди.
 БМС — Бессильные мира сего.
 В стране водяных — перевод АНС повести Акутагава Рюноскэ. Японское заглавие: Каппа.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 Возвращение.
 Волны гасят ветер.
 Второе нашествие марсиан. Вариант заглавия: Записки здравомыслящего.
 Гадкие лебеди.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 Глупая Пандора — замысел, частично воплощенный в повести «Беспокойство».
 Варианты заглавия: Служба индивидуальной безопасности, Служба на Пандоре.
 Далекая Радуга.
 Дни Кракена.
 ДР — Далекая Радуга.
 Его ошибка — см. К вопросу о циклотации.
 Забастовка ученых — замысел.
 Записки здравомыслящего — см. Второе нашествие марсиан.
 ИсКИБР — Испытание СКИБР.
 К вопросу о циклотации. Вариант заглавия: Его ошибка.
 Каппа — см. В стране водяных.
 КВОЦ — К вопросу о циклотации.

Кракен — см. Дни Кракена.

Ночь перед рождеством — первоначальное заглавие второй части повести «Понедельник начинается в субботу».

О времени и о себе — первоначальное заглавие третьей части повести «Понедельник начинается в субботу».

О странствующих и путешествующих.

ОСИП — О странствующих и путешествующих.

Остров паразитов — замысел.

ПХХПВ — Полдень, XXII век.

Паразиты — замысел. Вариант заглавия: Остров паразитов.

Первые люди на первом плоту.

Пикник на обочине.

Пионовый фонарь — перевод АНС повести Саньютэя Энтё.

ПКБ — Попытка к бегству.

ПЛНПП — Первые люди на первом плоту.

ПНА — Путь на Амальтею.

ПНВС — Понедельник начинается в субботу.

ПНО — Пикник на обочине.

Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.

Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.

Полным-полно попугаев — первоначальное заглавие четвертой главы третьей части повести «Понедельник начинается в субботу».

Понедельник начинается в субботу.

Попытка к бегству.

ПП — Поиск предназначения.

Путь на Амальтею.

СБТ — Страна багровых туч.

СВД — Суета вокруг дивана.

СИБ — Служба индивидуальной безопасности.

СИП — см. ОСИП.

Служба ИБ — Служба индивидуальной безопасности.

Служба индивидуальной безопасности — см. Глупая Пандора.

Служба на Пандоре — см. Глупая Пандора.

Стажеры.

Страна багровых туч.

Суета вокруг дивана. Первая часть повести «Понедельник начинается в субботу».

ТББ — Трудно быть богом.

Тоталоскоп — перевод АНС рассказа Абэ Кобо.

Трудно быть богом.

Улитка на склоне.

УНС — Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Четвертый ледниковый период — перевод АНС повести Абэ Кобо.

Шесть спичек.

ШС — Шесть спичек.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу	3
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Хищные вещи века	124
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Понедельник начинается в субботу»	218
«Хищные вещи века»	245

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Через настоящее — в будущее	266
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [О творческих планах]	268
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Нет, фантастика богаче!	268
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Год 2000-й... Что говорят о нем фантасты	271

ИЗ АРХИВА

Аркадий Стругацкий. Рецензия на рассказы Миронова, Лысогорова и Комарова	272
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Кларка «В лунной пыли»	273
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Кларка «Пески Марса»	275
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Фантасты о фантастике	277
Аркадий Стругацкий. Рецензия на повесть А. Громовой «В круге света»	278
Аркадий Стругацкий. Отзыв на фантастическую повесть Дж. Кристофера «Смерть травы»	280
Аркадий Стругацкий. Краткая рецензия на книгу М. Гарднера «Увлечения и заблуждения во имя науки»	281
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Отзыв о дипломной работе Михалёва С. Н.	282
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Врезка к отрывку из ПНВС для журнала «Вожатый»]	283
Аркадий Стругацкий. Рецензия на пробный перевод из повести А. Азимова «Конец Вечности»	284
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От авторов	285
Аркадий Стругацкий. Рецензия на научно-фантастическую повесть Г. Гора «Уэра»	286
Аркадий Стругацкий. Рецензия. Е. Парнов, М. Емцев «Бунт тридцати триллионов»	288
Аркадий Стругацкий. Общая рецензия на научно-фантастические рассказы А. Кларка	291
Аркадий Стругацкий. Рецензия на фантастический роман Л. Мизандронцева «История необыкновенных перьев»	292
Аркадий Стругацкий. Отзыв на сборник научно-фантастических рассказов В. Михановского	296
Аркадий Стругацкий. Отзыв на новую подборку фантастических рассказов В. Михановского	297

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1964	298
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965	346
Аркадий Стругацкий. Дневник приездов в Ленинград, 1962–1970	349
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1963–1970	349
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1962–1965	358
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1963–1965	359
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1964	361

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	366
Комментарии и примечания	367
Библиография. 1964 г.	407
Указатель имен	408
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	415